

СТИВЕН КИНГ

Лавка дурных снов

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН КИНГ

Лавка дурных снов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

К41

Серия «Темная башня»

Stephen King
THE BAZAAR OF BAD DREAMS

Перевод с английского

Художник В.И. Лебедева

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Лавка дурных снов: [сборник ; перевод с английского] / Стивен Кинг. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 608 с. — (Темная башня).

ISBN 978-5-17-094184-1

Автор многочисленных романов, Стивен Кинг всегда считался еще и блестящим мастером малой прозы, ведь именно эти произведения принесли ему престижную премию О. Генри.

Новый сборник рассказов Кинга «Лавка дурных снов» — книга уникальная. Мастер впервые предваряет каждое произведение удивительно откровенной историей его создания, приоткрывая «дверь» в свою творческую мастерскую. Захватывающие и пугающие, будоражащие воображение и предостерегающие, эти рассказы — маленькие шедевры, которые мог написать только великий Стивен Кинг. «Я создал их специально для тебя, — обращается писатель к своему читателю. — Можешь смотреть, можешь трогать, но будь осторожен. У самых лучших есть зубы».

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094184-1

© Stephen King, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	9
Миля 81. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	13
«Гармония премиум». <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	70
Бэтмен и Робин вступают в перебранку. <i>Перевод</i> <i>Т. Покидаевой</i>	85
Дюна. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	103
Гадкий мальчишка. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	120
Смерть. <i>Перевод В. Антонова</i>	170
Храм из костей. <i>Перевод С. Алукард</i>	188
Моральные принципы. <i>Перевод В. Антонова</i>	199
Загробная жизнь. <i>Перевод В. Антонова</i>	237
Ур. <i>Перевод В. Антонова</i>	254
Герман Вук еще жив. <i>Перевод И. Моничева</i>	329
Нездоровье. <i>Перевод В. Вебера</i>	355
Билли «Блокада». <i>Перевод С. Алукард</i>	376
Мистер Симпатяшка. <i>Перевод С. Алукард</i>	426
Томми. <i>Перевод Н. Сидемон-Эристави</i>	449
Маленький зеленый божок агонии. <i>Перевод</i> <i>И. Моничева</i>	455
В этом автобусе — другой мир. <i>Перевод</i> <i>И. Моничева</i>	489
Некрологи. <i>Перевод В. Вебера</i>	503
Пьяные фейерверки. <i>Перевод В. Вебера</i>	551
Летний гром. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	588

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Некоторые из данных рассказов выходили в свет раньше, но это не значит, что они были закончены тогда, — и даже не значит, что они закончены теперь. Пока писатель не ушел в отставку или не умер, его работы не завершены; всегда можно внести изменения и правку. Тут есть и несколько совсем новых историй. И я хочу, чтобы ты знал, мой постоянный читатель: я страшно рад, что мы оба все еще здесь. Круто, да?

С.К.

Я стреляю от бедра и владею собой.

AC/DC

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я смастерил для тебя несколько вещей, мой постоянный читатель; видишь, я разложил их перед тобой в лунном свете. Но прежде чем ты возьмешься рассматривать эти маленькие сокровища ручной работы, которые есть у меня на продажу, давай поговорим о них, ладно? Это не займет много времени. Вот, садись рядом со мной. Придвигайся поближе. Я не кусаюсь.

Хотя... мы знакомы уже много лет, и ты, я думаю, знаешь, что это не совсем правда.

Да?

I

Вы удивитесь — по крайней мере, я думаю, что удивитесь, — когда узнаете, насколько много людей задают мне вопрос, почему я до сих пор пишу рассказы. Причина очень проста: это приносит мне радость, поскольку я изначально «заточен» под то, чтобы развлекать людей. Я почти не умею играть на гитаре и совсем не умею отбивать чечетку, но писать я умею. Вот и пишу.

По натуре я — романист, тут я с вами согласен, и мне особенно нравятся объемистые романы, захватывающие и писателя, и читателя, романы, где у вымысла есть все шансы стать миром, который будет почти реальным. Это удивительный опыт. Если длинная книга имеет успех, то

писатель с читателем не просто вступают в любовные отношения — они заключают брак. Если читатели пишут мне, что им было ужасно жаль, когда «Противостояние» или «11/22/63» закончились, я чувствую, что книга достигла цели.

Но все-таки стоит сказать и о более сжатом, более насыщенном опыте. Он может быть вдохновляющим и бодрящим, иногда — ошеломляющим, как вальс с незнакомкой, с которой ты больше никогда не увидишься, или как поцелуй в темноте, или красивая безделушка, выложенная на продажу на дешевеньком одеяле на уличном базаре. И да, когда выходит сборник моих рассказов, я чувствую себя лоточником, который торгует только в полночь. Я раскладываю товары и приглашаю читателей — то есть вас — подойти и выбрать изделие себе по вкусу. Но я всегда честно предупреждаю: будь осторожен, мой милый читатель, среди этих вещиц есть опасные. В них скрыты ночные кошмары, они никак не идут из головы, когда вы ворочаетесь в постели, не в силах заснуть, и задаетесь вопросом, почему дверца шкафа открыта, ведь вы же помните, что закрывали ее, прежде чем лечь.

II

Я совру, если скажу, что мне нравится жесткая дисциплина ума, которой требует написание коротких рассказов. Для коротких рассказов необходимо владеть своеобразными навыками акробатики, что достигаются путем утомительных тренировок. *Легкое чтение есть продукт тяжелого труда писателя*, утверждают некоторые учителя, и это чистая правда. Промахи и ошибки, которые можно не заметить в большом романе, в коротком рассказе сразу режут глаз. Нужна жесткая дисциплина. Писателю приходится сдерживать порывы идти чарующими обходными путями, приходится держаться основного маршрута.

Именно при работе с короткой прозой я особенно остро ощущаю пределы своих возможностей. Мне доводилось бороться с ощущением собственной несостоятельности, с внутренним страхом, что я не сумею навести мост над пропастью между отличной идеей и ее воплощением. В общем, готовый продукт почти всегда кажется не в пример хуже блестящей идеи, однажды всплывшей из подсознания вместе с волнующей мыслью: *Ого! Это надо немедленно записать!*

Но иногда результат получается неплохим. Временами он получается даже лучше изначальной задумки. Я радуюсь, когда это происходит. Самое трудное — начать, и, должно быть, поэтому многие люди, мечтающие стать писателями, люди, у которых полно прекрасных идей, так и не могут заставить себя взять в руки перо или сесть за клавиатуру. Зачастую это подобно попыткам завести машину в морозный день. Поначалу мотор даже не реагирует, а только хрипит. Но если ты продолжаешь попытки (и если аккумулятор еще не умер), мотор заработает... сперва с перебоями... а потом уже по-настоящему.

Здесь есть рассказы, рожденные вспышками вдохновения (например, «Летний гром»), их надо было записывать сразу, пусть даже для этого приходилось прерывать работу над большим романом. Есть и другие, как «Миля 81», которые терпеливо ждали своей очереди десятилетиями. Однако жесткая сосредоточенность, необходимая для сочинения хорошего рассказа, всегда остается неизменной. Создание романа немного похоже на игру в бейсбол, где матч длится столько, сколько нужно, пусть даже до двадцати иннингов. Рассказ — это футбольный или баскетбольный матч: ты соревнуешься не только с командой соперников, но и со временем.

Когда речь идет о сочинении — что длинных романов, что коротких рассказов, — ты никогда не перестаешь учиться. Пусть в налоговой декларации я именуюсь профессиональным писателем, но с точки зрения творческого процесса все равно остаюсь любителем, все еще обуча-

юсь своему мастерству. Так происходит со всеми. Каждый день, посвященный писательству, — это учеба и битва за то, чтобы создать что-то новое. Филонить не разрешается. Нельзя приумножить талант — он поставляется в комплекте, — но можно добиться того, чтобы талант не скукожился. По крайней мере, мне бы хотелось так думать.

И да! Мне до сих пор это нравится.

III

Так что вот мой товар, постоянный читатель. Сегодня я продаю всего понемногу: чудовище, которое маскируется под машину (намек на «Крестину»), человека, способного убить тебя, написав твой некролог, электронную читалку с доступом в параллельные миры и к любимому всеми концу света. Я продаю эти вещицы, когда остальные торговцы давно разошлись по домам, когда улицы пустынь и над каньонами города встает холодная долька луны. Вот тогда я расстилаю *свое* одеяло и выкладываю *свой* товар.

Но хватит болтать. Может, теперь ты захочешь что-то купить? Все, что ты видишь, — ручная работа, и хотя мне очень дорого каждое из разложенных здесь изделий, я буду счастлив продать их тебе, потому что сделал их специально для тебя. Можешь смотреть, можешь трогать, но будь осторожен.

У самых лучших есть зубы.

6 августа 2014 г.

Миля 81

Когда мне было девятнадцать и я учился в Мэнском университете, я периодически ездил из Ороно в маленький городок Дарем, который обычно описываю в своих книгах под названием Харлоу. Эти поездки я совершал по выходным, примерно раз в три недели, чтобы повидаться со своей девушкой... и заодно с мамой. У меня был подержанный «форд»-универсал 1961 года: «шесть в ряд вмиг домчат» и «три ступеньки под баранкой» (если не знаете, что это значит, спросите у папы). Машина досталась мне по наследству от брата Дэвида.

В те годы на шоссе I-95 не было такого плотного движения, как сейчас, а после Дня труда, когда отдыхающие возвращались к рабочим будням, машин на некоторых участках не наблюдалось вообще. Сотовых телефонов тогда тоже еще не было. В случае поломки где-то на трассе выбирать приходилось из двух вариантов: чинить тачку самостоятельно или дожидаться, пока какой-нибудь добрый самаритянин не отбуксирует тебя до ближайшей автомастерской.

Во время этих поездок у меня развился панический страх перед восемьдесят пятой милей, обозначенной указателем «Миля 85», стоявшим посреди чистого поля где-то между Гардинером и Льюистоном. Почему-то во мне поселилась уверенность, что если моя колымага откинёт колеса, то это случится именно здесь. Я прямо видел, как мой бедный «фордик» стоит на обочине, брошенный и одинокий. Притормозит ли кто-нибудь, чтобы убедиться, что с водителем все в порядке? Что он не корчится на сиденье, умирая от

сердечного приступа? Разумеется, кто-нибудь остановится. Добрые самаритяне есть повсюду, и особенно — в захолустье. Люди из захолустья всегда помогают своим.

Но, допустим, подумалось мне, мой старенький универсал — вовсе не то, чем кажется. Допустим, что это замаскированное чудовище, смертельная ловушка для неосторожных. Из этого может выйти отличный рассказ, решил я, и рассказ был написан. Я назвал его «Миля 85». Я ни разу не правил этот рассказ, не говоря уже о том, чтобы опубликовать, потому что потерял его. В те годы я регулярно закидывался кислотой и всегда все терял. Включая — на время — собственный рассудок.

Пролетело почти сорок лет. И хотя в двадцать первом веке движение на шоссе I-95 стало оживленнее, после Дня труда машин все равно становится намного меньше, а из-за сокращения бюджета власти штата были вынуждены закрыть многие придорожные зоны отдыха. Автозаправку с «Бургер кингом» (где я истребил немало «вопперов») неподалеку от съезда на Льюистон тоже закрыли. Она стояла заброшенная и унылая за знаками «НЕ ВХОДИТЬ» на барьерах, что перегораживали въезд и выезд. Асфальт на стоянке растрескался от зимних морозов, сквозь трещины проросли сорняки.

Однажды, проезжая мимо, я вспомнил свой давний потерявшийся рассказ и решил написать его заново. Заброшенная заправка располагалась чуть южнее пугающей восьмьдесят пятой мили, и мне пришлось изменить название. Все остальное, кажется, не изменилось. Возможно, этого придорожного оазиса уже нет — как нет старого «форда»-универсала, моей тогдашней подружки и многих прежних привычек, — но остался рассказ. Один из моих любимых.

1. ПИТ СИММОНС («ХАФФИ» 2007-го)

Тебе с нами нельзя, — сказал старший брат. Джордж говорил вполголоса, хотя все его друзья-приятели (компания соседских мальчишек двенадцати-тринадцати лет, именовавших себя «Чумовыми громилами») ждали на углу, в конце квартала. Ждали с явным нетерпением.

— Это опасно.

Пит храбро ответил:

— Я не боюсь.

Хотя он, конечно, *боялся*. Чуть-чуть. Джордж с друзьями собирались к карьеру за кегельбаном. Там они хотели играть в игру, которую придумал Норми Терриоль. Норми был вожаком «Чумовых громил», а игра называлась «Десант из ада». Смысл ее состоял в том, чтобы разогнаться на бугристой тропинке, ведущей к краю гравийного карьера, и слететь оттуда вниз, на кучу песка. В полете требовалось прыгнуть с велика, вопя во все горло: «Громилы круче всех!» Там было невысоко, футов десять, не больше, а песок был мягким и рыхлым, но рано или поздно кто-то наверняка промажет и вместо песка улетит на гравий. Сломает руку или ногу. Даже Пит понимал, как это опасно (но в этом-то и заключалась вся прелесть!). Если бы что-то случилось, родители бы точно узнали об их забавах и «Десанту из ада» конец. Но пока игра продолжалась — и в нее, ясное дело, играли без шлемов.

Однако Джордж прекрасно понимал, что младшего брата нельзя брать в игру; пока родители были на работе, он присматривал за Питом. Если бы Пит повредил велосипед в гравийном карьере, Джорджа ждало бы наказание и запрет выходить из дома на неделю, не меньше. Если Пит сломает руку, Джордж не выйдет гулять целый месяц. А если Пит — не дай бог! — свернет себе шею, Джорджу придется сидеть под домашним арестом до окончания школы.

К тому же он любил маленького сопляка.

— Ты пока тут потусуйся, — сказал Джордж. — Мы через пару часов вернемся.

— С кем мне тусоваться? — угрюмо спросил Пит. В школе весенние каникулы, все его друзья — «подходящие по возрасту», как сказала бы мама, — разъехались кто куда. Двоих повезли в Диснейуорлд в Орlando, и когда Пит думал об этом, его сердце переполнялось завистью, черной злой завистью.

— Ну займись чем-нибудь, — сказал Джордж. — Типа сходи в магазин. — Он сунул руку в карман и достал две смятые долларовые бумажки. — Вот тебе деньги.

Пит быстро взглянул на них.

— Ого, куплю себе «корвет». Может быть, даже два.

— Симмонс, давай быстрее! — крикнул Норми. — А то уедем без тебя!

— Уже иду! — крикнул в ответ Джордж, а потом обратился к Пити, снова вполголоса: — Бери деньги и не будь мерзкой соплей.

Пит взял деньги и сказал:

— Я захватил лупу. Хотел показать им...

— Они уже тысячу раз видели этот малышовый фокус, — перебил Джордж, но, заметив, как сник брат, попытался смягчить удар: — К тому же ты посмотри на небо, дубина. Солнца нет, сплошные тучи. В общем, ладно. Давай. Потом, когда вернусь, поиграем с тобой на компьютере, в «Морской бой», например.

— Все, мы поехали! — крикнул Норми.

— Мне пора, — сказал Джордж. — Пожалуйста, не влипай в неприятности. И не отходи далеко от дома.

— Может, ты себе спину сломаешь на хрен и останешься парализованным до конца жизни, — пробурчал Пит и тут же сплюнул через «козу» из двух пальцев, чтобы быстрее отменить проклятие. — *Удачи!* — крикнул он брату в спину. — *Победи всех!*

Джордж махнул рукой, давая понять, что услышал, но не обернулся. Он крутил педали своего огромного старого «швинна». Пит восхищался велосипедом, но ездить на нем не мог (он однажды попробовал и свалился прямо во дворе). Он смотрел, как брат набирает скорость и летит вдоль квартала частных домов в пригороде Оберна, спеша присоединиться к друзьям.

Потом Пит остался один.

Он достал лупу из подседельной сумки и поднес к предплечью, но пятнышка света не получилось. Ни пятнышка, ни тепла. Пит уныло уставился в хмурое небо, затянутое облаками, и убрал лупу обратно в сумку. Это была очень хорошая лупа, «Ричфорт». Питу подарили ее на прошлое Рождество для школьного проекта с муравьиной фермой.

— Все равно в конце концов она будет собирать пыль в гараже, — сказал папа.

Проект они сдали еще в феврале (Пит и его напарница Тэмми Уитем получили пятерки), но Пит до сих пор не расстался с лупой. Вопреки папиным прогнозам она ему не надоела. Больше всего ему нравилось прожигать дырки в кусочках бумаги на заднем дворе.

Но не сегодня. Сегодняшний день раскинулся перед ним как бескрайняя пустошь. Можно было бы вернуться домой и посмотреть телевизор, однако отец заблокировал все интересные каналы, когда обнаружил, что Джордж записывает на диски «Подпольную империю», где сплошные гангстеры и голые сиськи. На компьютере Пита тоже стоял «родительский контроль», и он еще не разобрался,

как его обойти. Но он обязательно что-то придумает, дайте время.

Ну и?

— Ну и чем мне заняться? — пробурчал он и поехал, медленно крутя педали, к концу Мерфи-стрит. — Чем... на хрен... заняться?

Слишком маленький, чтобы играть в «Десант из ада», потому что это опасно. Усрать можно. Ему хотелось замутить что-нибудь этакое, чтобы показать Джорджу, Норми и всем остальным всадникам, что даже маленькие дети не боятся опаснос...

И тут его осенило. Можно разведать заброшенную зону отдыха. Вряд ли о ней знают большие ребята, потому что проход туда нашел Крейг Ганьон, ровесник Пита. Крейг говорил, что был там с еще двумя ребятами, десятилетними, прошлой осенью. Конечно, Крейг мог и наврать, но Пит так не думал. Слишком много подробностей. А Крейг не из тех, кто умеет выдумывать всякие небылицы. Тупой как пробка.

Определив себе цель, Пит пригнулся к рулю и поднажал. В конце Мерфи-стрит он свернул налево, на Хайасинт. Прохожих там не оказалось, машин тоже. Из дома Россиньолей доносился шум пылесоса, но в остальном было тихо. Как будто все умерли или спят. Хотя, наверное, все на работе, рассудил Пит. Как его папа с мамой.

Он свернул направо, на Роузвуд-террас, проехал мимо желтого знака «ТУПИК». На Роузвуд было не больше десятка домов. В конце улицы стояло сетчатое ограждение. За ним виднелись густые заросли кустарника и чахлые низкорослые деревца. Приблизившись к забору (с совершенно излишней табличкой «ПРОЕЗДА НЕТ»), Пит перестал крутить педали и съехал вниз по инерции.

Он понимал — смутно, — что хотя всегда думал о Джордже и его приятелях-«Громилах» как о больших ребятах (а сами «Громилы» точно считали себя таковыми), они были не *настоящими* большими ребятами. Настоящие большие ребята — это крутые, безбашенные подростки,

у которых уже есть водительские права и подружки. Настоящие большие ребята учатся в старших классах. Они пьют спиртное, курят траву, слушают хэви-метал или хип-хоп и всюю обжимаются со своими девчонками.

Где? На заброшенной зоне отдыха.

Пит слез с велика и огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает. Улица словно вымерла. Не было видно даже противных близняшек Кросскилл, которые вечно прыгали через скакалку (сразу вдвоем) по всей округе. Настоящее чудо, подумал Пит.

Он слышал ровный гул машин, мчавшихся по шоссе I-95 на юг к Портленду или на север к Огасте.

Даже если Крейг не соврал, забор наверняка починили, подумал Пит. *Так всегда и бывает.*

Но, рассмотрев ограждение поближе, увидел, что, хотя сетка *выглядит* целой, на самом деле она не целая. Кто-то (вероятно, какой-нибудь большой мальчик, уже давно влившийся в стройные ряды по-настоящему взрослых молодых людей) разрезал ячейки сетки по прямой линии сверху донизу. Пит еще раз огляделся и попробовал сдвинуть сетку. Она поддалась с неожиданной легкостью, он и не думал, что все будет так просто. Вырезанный кусок отогнулся наподобие калитки. Да, Пит не ошибся. Настоящие большие ребята используют этот проход. Круто.

И, если подумать, логично. Может, у них и есть права, но в зону отдыха на восемьдесят первой миле на машине не заедешь. Въезд и выезд перегорожены тяжеленными оранжевыми бочками, которыми пользуются дорожно-ремонтные бригады. Трава проросла сквозь трещины в крошащемся асфальте на пустой стоянке. Пит это видел тысячу раз, когда проезжал мимо в школьном автобусе, подбиравшем его у Лорелвуд. Автобус выруливал на шоссе I-95 и уже оттуда съезжал на Сабаттус-стрит, где располагалась Обернская начальная школа номер 3, также известная как Алькатрас.

Пит помнил то время, когда зона отдыха на восемьдесят первой миле еще работала. Здесь были автозаправка,

«Бургер кинг», «Ти-си-би-уай» и «Сбарро». Потом все закрылось. Папа Пита говорил, что на шоссе закрывается много придорожных зон отдыха, поскольку у властей штата нет денег на их содержание.

Пит протащил велосипед через дыру в ограждении, потом аккуратно вернул отогнутый кусок на место, чтобы со стороны сетка казалась целой, и зашагал к изгороди из кустарников, внимательно глядя под ноги, чтобы колесо велосипеда не попало на битое стекло (с этой стороны забора все было им усыпано). Пит искал то, на что намекала прорезь в сетке.

И не ошибся. Вот она, обозначенная втоптаннами в землю окурками и разбросанными бутылками из-под пива и лимонада: тропинка, уходящая в глубь кустов. По-прежнему ведя велик рядом, Пит пошел по тропинке. Высокий кустарник поглотил мальчика. Роузвуд-террас за его спиной мирно дремала под хмурым весенним небом.

Как будто Пит Симмонс там и не проезжал.

По прикидкам Питера, длина тропинки между сетчатым ограждением и зоной отдыха составляла около полумили, и вдоль нее — от начала и до конца — виднелись указательные знаки, оставленные большими ребятами: полдюжины маленьких пузырьков из коричневого стекла (два — с прикрепленными к ним маленькими кокаиновыми ложечками, покрытыми коркой соплей); пустые пакеты из-под чипсов; кружевные девчачьи трусики, висевшие на колючем кусте (похоже, они тут висели уже давно, лет пятьдесят), и — вот везение! — наполовину полная бутылка водки «Попов» с плотно закрученной крышкой. После некоторой внутренней борьбы Пит все-таки поднял бутылку и спрятал в подседельную сумку, где лежали лупа, последний номер «Замка и ключа» и несколько печений «Орео».

Он перекатил велосипед через вялый мутный ручеек и — есть контакт! — вышел к зоне отдыха с задней стороны. Там было еще одно сетчатое ограждение, тоже разре-

занное сверху донизу, и Пит без труда проскользнул за него. Тропинка тянулась дальше сквозь высокую траву, к задней стоянке. Пит подумал, что там, наверное, разгружались машины доставки. Ближе к зданию на асфальте виднелись прямоугольные участки более темного цвета — там, где раньше стояли мусорные баки. Пит поставил свой «хаффи» на один из этих прямоугольников и опустил подножку.

Когда он подумал о том, что сейчас будет, сердце бешено заколотилось у него в груди. *Проникновение со взломом, мой помпончик. За такое сажают в тюрьму.* Но проникновение ли это со взломом, когда ты вламываешься куда-то через открытую дверь или через забитое расшатанными досками окно? Пит рассудил, что это все равно будет проникновением, но без взлома. А ведь проникновение само по себе — это не преступление?

В душе Пит был уверен, что преступление, однако рассудил, что без взлома за него в тюрьму не сажают. И потом, он же для этого сюда и пришел! Чтобы предпринять что-то рискованное. Что-то такое, чем потом можно будет похвастаться перед Норми, и Джорджем, и остальными «Чумовыми громилами».

Да, ему было страшно, но зато не скучно.

Он попробовал открыть дверь с выцветшей табличкой «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД», но дверь была заперта. И не просто заперта, а *всерьез* — она никак не поддавалась. Два окна рядом с дверью были крепко забиты досками. Тут Пит вспомнил о сетчатом ограждении, которое казалось целым, но целым не было, и решил подергать доски. Никакого результата. В каком-то смысле это было даже хорошо. Теперь можно было спокойно уйти. Он сделал что мог.

Хотя... настоящие большие ребята туда *заходили*. В этом Пит был уверен. И как они заходили? Через главный вход? Который отлично просматривается с шоссе? Может быть. Если дело было ночью. Но Питу совершенно не хотелось ломиться в здание через главный вход при свете дня. Когда любой проезжающий мимо водитель может схватить

мобильный, набрать 911 и сказать: «Вам, наверное, будет небезынтересно узнать, что тут какой-то малец ошивается на заброшенной зоне отдыха на восемьдесят первой миле. Ну, знаете, где раньше был «Бургер кинг».

Лучше уж сломать руку, играя в «Десант из ада», чем встретиться с родителями, когда им позвонят из полицейского участка. На самом деле лучше сломать обе руки и чтобы мне член защемило молнией.

Ну, последнего, может быть, и не надо.

Он подошел к люку для погрузки-разгрузки, и тут ему вновь повезло. На бетонной площадке под люком валялись раздавленные окурки и еще несколько пузырьков коричневого стекла, окружавших своего короля: темно-зеленый флакон от «Найкуила». Сам разгрузочный люк, к которому задом подъезжали фуры, располагался достаточно высоко, но бетонная стена раскрошилась, и там было за что зацепиться ловкому мальчишке в удобных мягких кроссовках. Пит поднял руки над головой, нащупал опору... а остальное, как говорится, уже история.

Наверху виднелась надпись большими красными буквами, уже успевшими поблекнуть: «ЭДВАРД ЛИТЛ РУЛИТ, КРАСНЫЕ ВИХРИ КРУЧЕ ВСЕХ». *Неправда*, подумал Пит. «*Чумовые громы*» круче всех. Он оглядел с высоты задний двор, улыбнулся и произнес:

— На самом деле я круче всех.

Стоя там, наверху, над пустой автостоянкой заброшенной зоны отдыха, он и вправду чувствовал себя крутым. Сейчас — да.

Он спустился вниз — просто чтобы убедиться, что никаких проблем не возникнет, — и только тогда вспомнил про свою подседельную сумку. Запасы на случай, если ему вдруг захочется провести здесь целый день, исследуя обстановку и все такое. Он задумался, что взять с собой, а потом решил отстегнуть сумку и взять все. Мало ли что пригодится. Даже лупа может понадобиться. В голове Пита начала формироваться смутная фантазия: мальчик-детек-

тив находит труп жертвы убийства на территории брошенной зоны отдыха и раскрывает преступление еще прежде, чем полиция узнает, что оно вообще совершено. Пит представлял, как рассказывает обо всем «Чумовым громами», говорит им, что это было несложно на самом деле, а они слушают, раскрыв рты. Элементарно, мои дорогие задроты.

Бред собачий, конечно, но притвориться-то можно.

Он забросил сумку на край люка (очень осторожно, чтобы не грохнуть бутылку с водкой) и сам забрался наверх. Ведущая внутрь металлическая дверь высотой не менее двенадцати футов была заперта на два здоровенных висячих замка, но в большой двери имелась дверь в человеческий рост. Пит попытался повернуть ручку. Ручка не двигалась. Пит навалился на дверь плечом, и она чуть приоткрылась. На самом деле неплохо так приоткрылась. Он посмотрел вниз и увидел, что дверь держит деревянный клин. Совершенно дебильная предосторожность. С другой стороны, а чего ожидать от ребят, окосевших от кокса и сиропа от кашля?

Пит убрал клин, и дверь распахнулась.

В бывшем помещении «Бургер кинга» окна были не заколочены досками, а просто затянуты мелкой сеткой. Достаточно света, чтобы оглядеться. Из обеденного зала убрали все столы и перегородки, в кухонном отсеке было пусто и сумрачно, из стен торчали провода, с потолка свисали отвалившиеся плитки, но какая-то мебель все же имелась.

В самом центре, в окружении складных стульев, стояли два старых карточных стола, сдвинутых вместе. На столах в художественном беспорядке располагалось с полдюжины грязных пепельниц, несколько колод засаленных карт и коробка покерных фишек. На стенах висели постеры из взрослых журналов, штук двадцать-тридцать. Пит изучил их с большим интересом. Он знал о женских письмах, видел их — и не раз — на эротических каналах (пока

родителям не хватило ума заблокировать кабельное ТВ), но здесь они были *брityми*. Пит не совсем понимал, в чем прикол — с его точки зрения, смотрелись они по-дурачки, — но он, наверное, еще проникнется. Когда станет старше. Зато голые сиськи с лихвой восполняли все недостатки. Голые сиськи — это чума.

В углу лежали три грязных матраса, тоже сдвинутые, как карточные столы, но Пит был уже достаточно взрослым и понимал, что там играют вовсе не в покер.

— Покажи мне свою письку! — приказал он одной из журнальных девушек на стене и захихикал. Потом сказал: — Покажи мне свою *бритую* письку! — и расхохотался. Даже жалко, что рядом нет Крейга Ганьона. Хотя он и полный дебил. Они бы вместе посмеялись над бритыми письками.

По-прежнему давясь смехом, он обошел по кругу весь зал. В помещении было промозгло, но не слишком холодно. Правда, воняло ужасно: смесь застарелого сигаретного дыма, травки и гнилой плесени, расплзавшейся по стенам. Питу показалось, что он чувствует запах протухшего мяса. Может быть, это были остатки сандвичей, купленных в «Росселли» или «Сабвее».

На стене рядом с прилавком, где раньше люди заказывали «вопперы» и «вейлеры», Пит обнаружил еще один постер. С Джастином Бибером лет в шестнадцать. Кто-то закрасил ему зубы черным, налепил на щеку переводную татуировку и пририсовал по обе стороны от чубчика красные дьявольские рога. Лицо Джастина было утыкано дротиками для дартса. На стене над постером виднелась надпись черным маркером: «РОТ 15 ОЧЬКОВ, НОС 25 ОЧЬКОВ, ГЛАЗА 30 ОЧЬКОВ ЗА КАЖДЫЙ».

Пит вытащил дротики и отошел в другой конец большого пустого зала, к черной линии на полу, рядом с которой было написано: «БИБЕР-ЛИНИЯ». Он встал на линии и бросил все шесть дротиков. Потом бросил снова. И так раз десять-двенадцать. На последней попытке он набрал сто двадцать пять очков и подумал, что это очень неплохо.

Представил, как Джордж и Норми Терриоль ему аплодируют.

Пит подошел к затянутому сеткой окну, посмотрел на пустой бетонный островок, где раньше стояли бензоколонки, и на шоссе сразу за ним. Машин было мало. Наверное, летом, когда наезжают туристы и отдыхающие, тут опять будут пробки. Если кто-то вообще соберется куда-то ехать. Папа говорил, что бензин стоит уже семь баксов и все будут сидеть по домам.

Что теперь? Он поиграл в дартс, насмотрелся на бритые псышки... ну, может, и не на всю оставшуюся жизнь, но на несколько месяцев точно, никаких трупов не обнаружено, убийство расследовать не получится, и что теперь?

Водка, решил Пит. Теперь он будет пить водку. Ну, как пить... сделает пару глотков, чтобы потом похвастаться. Да, он сделает пару глотков и вернется на Мерфи-стрит. Он постарается, чтобы рассказ о его приключениях был интересным, даже захватывающим, но, если честно, ничего интересного тут не было. Просто место, куда приходят большие ребята, чтобы поиграть в карты, пообжиматься с девчонками и не промокнуть во время дождя.

Но выпивка... это уже *кое-что*.

Он отнес подседельную сумку в угол, присел на матрас (стараясь выбрать место почище, что было непросто), достал из сумки бутылку водки и принялся мрачно ее изучать. Ему было десять, почти одиннадцать, и он не особенно стремился пробовать взрослые удовольствия. В прошлом году он стащил сигарету из дедушкиной пачки и выкурил на заднем дворе круглосуточного супермаркета. Выкурил до половины на самом деле. А потом согнулся пополам, и его вырвало. В тот день он узнал кое-что интересное, но бесполезное: сосиски с фасолью выглядят не особенно аппетитно, когда лежат на тарелке, но они хотя бы вкусные. Когда тебя ими рвет, они выглядят кошмарно, а вкус у них, должно быть, еще хуже.

Сигареты его организм отверг сразу и определенно, поэтому можно было предположить, что и с выпивкой

будет так же, если не хуже. Но если не выпить хотя бы глоточек, вся похвальба будет ложью. А у его брата Джорджа в голову встроен радар на ложь, по крайней мере, касательно самого Пита.

Может, меня снова тошнит, подумал он, а потом сказал:

— Утешает одно: я буду не первым, кто здесь наблевал.

Он опять рассмеялся. Все еще улыбаясь, открыл бутылку и поднес горлышко к носу. Пахнет, да. Но не сильно. Может, это не водка, а самая обыкновенная вода. Просто запах остался. Он поднес бутылку ко рту, надеясь, что это вода, и одновременно надеясь, что нет. Он не ожидал ничего особенного и уж точно не собирался напиваться — а то еще грохнется с верхотуры и свернет себе шею, когда будет слезать, — но ему было любопытно. Его родители *любили* выпить.

— Ты первый, а я за тобой, — сказал он без всякой причины и отпил глоточек.

Это была не вода, можно не сомневаться. На вкус — как горячий бензин. Он проглотил то, что набрал в рот, скорее от удивления. Водка обожгла горло, потом взорвалась в желудке.

— Ну ваще! — воскликнул Пит.

Из глаз брызнули слезы. Он держал бутылку в вытянутой руке, словно боялся, что она его укусит. Но обжигающий жар в желудке уже затихал, и Пит чувствовал себя нормально. Он не был пьян, и его не тошнило. Он отпил еще глоточек, уже зная, чего ожидать. Жар во рту... жар в горле... а потом *БУХ!* в желудке. Даже круто, в самом деле.

Он ощущал покалывание в руках. И, кажется, в шее. Не такое, как бывает, когда отсидишь ногу, а как будто внутри что-то пробуждалось.

Пит снова поднес бутылку ко рту, но потом передумал. И дело было даже не в том, что он мог упасть, когда будет слезать, или грохнуться с велосипеда по дороге домой (интересно, могут ли арестовать человека за вождение

велика в пьяном виде, подумал он и решил, что, наверное, могут). Одно дело — выпить пару глотков, чтобы потом хвастаться перед старшим братом, другое дело — напиться в хлам. Родители точно заметят, когда вернутся с работы. Поймут с первого взгляда. Не стоит даже пытаться изображать трезвого. Дохлый номер. Они сами пьют, их друзья пьют, и иногда пьют слишком много. Они сразу же просят, что к чему.

К тому же его ужасно пугало ПОХМЕЛЬЕ. Пит с Джорджем не раз и не два наблюдали, как по субботам и воскресеньям папа с мамой еле ходят по дому, с бледными лицами и красными глазами. Они пьют витамины, просят убавить звук в телевизоре, а музыка категорически запрещается. Похоже, ПОХМЕЛЬЕ — полная противоположность веселью.

Хотя, может быть, от одного маленького глоточка вреда не будет.

Пит сделал еще глоток, чуть-чуть побольше, и выкрикнул в полный голос:

— *Уходим в отрыв!*

Это его рассмешило. Слегка кружилась голова, но это было приятное ощущение. Курением он не проникся. А вот выпивкой, кажется, да.

Он вскочил на ноги, покачнулся, но устоял и снова расхохотался.

— Прыгайте в свою песочницу сколько влезет, — сказал он в пустоту. — Детский сад, штаны на лямках. А я вот ужрался, и это круче.

Это было *очень* смешно, у него даже живот заболел от смеха.

Я что, правда ужрался? Всего с трех глотков?

Нет, вряд ли ужрался, но был явно *хорош*. Все, хватит. Хорошенького понемножку.

— Пить надо с умом, — ухмыльнулся он.

Пит решил задержаться еще ненадолго и подождать, пока не пройдет опьянение. Часа, наверное, хватит. Может, двух. Скажем, до трех дня. Часов у него не было, но он

должен услышать колокола церкви Святого Иосифа, располагавшейся в миле отсюда. Потом он поедет домой, предварительно припрятав бутылку водки (для дальнейшего изучения). На обратном пути он забежит в супермаркет и купит ядреную мятную жвачку, чтобы от него не несло перегаром. Да, ребята рассказывали, что от водки *нет* запаха, но теперь Пит стал умнее, чем был час назад.

— К тому же, — проговорил он тоном профессора, читающего лекцию, — глаза у меня наревняка покраснели, как у папы, когда он петеберет матрини.

Пит запнулся. Слова выговаривались как-то странно, но и хрен с ним.

Он собрал дротики, встал на Бибер-линии и бросил их в цель. Пять раз промахнулся, зато шестой дротик попал Джастину в самое прикольное место. Интересно, а смог бы Джастин забавать хит «Моя малышка бреет письку»? Пит расхохотался так сильно, что согнулся пополам, держась за живот.

Отсмеявшись, он стряхнул на пол сопли (*вот такой ресторанный рейтинг, уж прости, «Бургер кинг»*) и вернулся на Бибер-линию. На этот раз получилось еще хуже. У Пита не двоилось в глазах, ничего такого, просто он не попал в Бибера.

И его слегка подташнивало. Не сильно, но все же Пит мысленно порадовался, что не стал делать четвертый глоток.

— А то сбежал бы весь мой «Попов», — сказал он и опять рассмеялся. Потом подавил кислую, жгучую отрыжку. *Ик.* Пит не стал собирать дротики, вернулся в угол и присел на матрас. Подумал, а не достать ли лупу, чтобы рассмотреть, ползает там кто-нибудь или нет, но решил, что лучше не надо. Меньше знаешь, крепче спишь. Потом Пит подумал, а не съесть ли печенье, но испугался, что желудок его не примет. Если честно, желудок слегка подкручивало.

Он лег на матрас, закинув руки за голову. Он слышал, что, когда напиваешься, перед глазами все крутится. У него ничего не крутилось, но хотелось вздремнуть.

— Только совсем недолго.

Да, недолго. Иначе будут неприятности. Надо вернуться домой до прихода родителей. В противном случае ему крепко влетит. И Джорджу, наверное, тоже. За то, что недоглядел за младшим братом. Проблема в том, чтобы проснуться, когда колокола церкви Святого Иосифа прозвучат три часа дня.

В последние секунды бодрствования Пит осознал, что на это остается только надеяться. Потому что его ужасно клонило в сон.

Он закрыл глаза.

И уснул в заброшенном ресторане.

Тем временем на правой полосе южного направления шоссе I-95 возник микроавтобус непонятной марки и года выпуска. Он еле тащился со скоростью явно ниже предписанной минимальной. Ехавшая позади фура обогнала его, нетерпеливо сигналила.

Микроавтобус, который, казалось, двигался лишь по инерции, свернул на въезд в зону отдыха, не обращая внимания на знак «ЗАКРЫТО. НЕ РАБОТАЕТ. СЛЕДУЮЩАЯ АВТОЗАПРАВКА И ПУНКТ ПИТАНИЯ — ЧЕРЕЗ 27 МИЛЬ». Сбил четыре оранжевые бочки и остановился примерно в семидесяти ярдах от здания закрытого ресторана. Дверь с водительской стороны приоткрылась, но никто не вышел из салона. Сигнализация открывания двери тоже не сработала. Дверь лишь приоткрылась — и все.

Если бы Пит Симмонс не спал, а смотрел в окно, он все равно бы не смог разглядеть водителя. Микроавтобус был весь забрызган грязью, ее потеки покрывали лобовое стекло. И это казалось странным, потому что на севере Новой Англии дожди не шли больше недели и шоссе было совершенно сухим.

Микроавтобус стоял на некотором расстоянии от въезда, под облачным апрельским небом. Раскатившиеся бочки замерли. Водительская дверь была приоткрыта.

2. ДАГ КЛЕЙТОН («ПРИУС» 2009-го)

Даг Клейтон, страховой агент из Бангора, ехал в Портленд, где у него был забронирован номер в «Шератоне». Он надеялся добраться туда не позже двух часов дня. Тогда у него будет время вздремнуть (дневной сон — роскошь, которую он мог позволить себе нечасто) перед тем, как отправиться на поиски приличного ресторана на Конгресс-стрит. Завтра он прямо с утра, свеженький как огурчик, явится в Портлендский конференц-центр, получит бейджик и присоединится к четырем сотням других страховых агентов, съехавшихся на конференцию под названием «Пожар, буря и наводнение: страхование от стихийных бедствий в двадцать первом веке». Даг, уже проехавший указатель «Миля 82», стремительно приближался к своему личному стихийному бедствию, о котором на портлендской конференции не будет сказано ни слова.

Его портфель и чемодан лежали на заднем сиденье. На переднем лежала Библия (Библия короля Якова; других Даг не признавал). Даг был одним из четырех мирских проповедников в церкви Пресвятого Спасителя и на проповедях любил называть свою Библию «универсальным справочником по страхованию».

Даг принял Иисуса Христа в качестве своего личного спасителя после десятилетия беспробудного пьянства, погубившего всю его юность и большую часть молодости. Этот десятилетний запой завершился разбитой машиной и месяцем в окружной тюрьме Пенобскота. В первую же ночь в вонючей камере размером с гроб Даг преклонил колена — и потом делал так все тридцать ночей.

«Помоги мне исправиться, помоги мне стать лучше», — молился он и в первую ночь, и во все остальные. Это была очень простая молитва, но ему воздалось двукратно, десятикратно, а потом и стократно. Он был уверен, что пройдет еще несколько лет, и ему воздастся тысячекратно. Но самое главное, в конце земного пути его ждали Небеса.

Его Библия была изрядно потрепанной, потому что он читал ее каждый день. Ему нравились все истории, но больше всего — притча о добром самаритянине, и он чаще всего о ней раздумывал. Он прочитал несколько проповедей на тему этого отрывка из Евангелия от Луки, и прихожане церкви Пресвятого Спасителя не скупились на похвалы, храни их Бог.

Даг объяснял это тем, что история о добром самаритянине была для него очень *личной*. Священник прошел мимо лежащего на пыльной дороге человека, избитого и ограбленного разбойниками; левит также прошел мимо. А кто шел следом? Скверный, ненавидящий евреев самаритянин. И вот он-то помог несчастному, хотя всей душой ненавидел евреев. Он перевязал раны избитого человека, посадил его на своего осла, привез в ближайшую гостиницу и оплатил проживание.

«Так кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» — спросил Иисус у молодого законника, который выпытывал у него, что надо делать, чтобы наследовать жизнь вечную. И законник, человек явно неглупый, ответил: «Тот, кто оказал ему милость».

Больше всего на свете Даг Клейтон боялся стать таким же, как левит из притчи. Отказать в помощи нуждающемуся. Пройти мимо и не остановиться. Поэтому, увидев заляпанный грязью микроавтобус на подъездной дорожке у закрытой зоны отдыха — опрокинутые заградительные бочки, приоткрытую водительскую дверь, — он, почти не задумываясь, включил поворотник и свернул с шоссе.

Он поставил машину за микроавтобусом, включил аварийку и уже почти вышел наружу, но вдруг ему показалось, что сзади у микроавтобуса не было номеров... хотя из-за плотного слоя грязи понять это было затруднительно. Даг взял свой мобильный с приборной панели и убедился, что он включен. Доброе самаритянство — это, конечно, хорошо; но приближаться к непонятной машине без номеров, не приняв меры предосторожности, было бы вопиющей глупостью.

Держа телефон в левой руке, Даг подошел к микроавтобусу. Да, номера действительно отсутствовали. Он попробовал заглянуть в салон через заднее стекло, но ничего не увидел. Слишком толстый слой грязи. Даг шагнул к приоткрытой водительской двери, но остановился и, нахмурившись, оглядел целиком всю машину. Это «форд»? «Шевроле»? Непонятно. А ведь по долгу службы Даг лично застраховал не одну сотню микроавтобусов.

Нестандартная модель на заказ? — подумал он. Ну может быть. Но кому придет в голову переделывать микроавтобус во что-то настолько безликое?

— Эй! У вас все в порядке?

Он подошел к приоткрытой двери, даже не отдавая себе отчета в том, как крепко стиснул в руке телефон. Ему вдруг вспомнился фильм ужасов, который в детстве напугал его до полусмерти. Что-то про дом с привидениями. Группа подростков подходит к заброшенному старому дому, один из них видит, что дверь приоткрыта, и шепчет приятелям: «Смотрите, открыто!» Хочется крикнуть им, что не надо туда заходить, но они, разумеется, заходят.

Что за глупости? Если там кто-то есть, он может быть ранен.

Конечно, водитель мог пойти в ресторан, например, в поисках телефона-автомата, но если он ранен *серьезно*...

— Эй!

Даг потянулся к ручке двери, но потом передумал и заглянул в щель. Зрелище было поистине ужасающим. Все сиденье заляпано грязью; и не только сиденье, но и руль, и приборная доска. С кнопок старомодной радиолы капала какая-то темная жижа, а на руле виднелись отпечатки... кажется, даже не человеческих рук. Отпечатки ладоней были до жути огромными, а пальцев — узкими, словно карандаши.

— Тут есть кто-нибудь? — Даг переложил телефон в правую руку, а левой взялся за край водительской двери, собираясь открыть ее шире, чтобы заглянуть на заднее сиденье. — Если вы ранены...

Он успел уловить кошмарную вонь, а потом левая кисть взорвалась обжигающей болью, которая пронзила все тело и как будто заполнила его изнутри. Даг не закричал, не смог закричать. Горло сдавило от шока. Он опустил взгляд и увидел, что ручка двери словно проткнула ему ладонь.

Пальцев почти не было. Даг видел только обрубки, ровно по нижним фалангам. Так не бывает, но дверь машины проглотила его пальцы. Прямо на глазах у Дага безымянный палец обломился. Обручальное кольцо упало и покатилося по асфальту.

Он чувствовал что-то похожее... Господи Боже, Иисус милосердный... что-то похожее на зубы. Они двигались и жевали. Машина жрала его руку.

Он попытался вырваться. Брызнула кровь, попала на заляпанную грязью дверь и на брюки Дага. Капли, попавшие на дверь, мгновенно исчезли — их втянуло внутрь с противным сосущим звуком. У Дага почти получилось выдернуть руку. На миг он увидел белые кости пальцев, с которых объели все мясо. Перед глазами встала кошмарная картина, как он вгрызается в жареное куриное крылышко. *Сначала доешь это, а потом бери новое*, так всегда говорила мама. *Все доедай, на костях мясо слаще.*

А потом его резко рванули обратно. Водительская дверь распахнулась, как бы приглашая: *Привет, Даг, мы тебя ждали, давай заходи.* Он ударился головой о верхний край двери и почувствовал, как лоб прочертила ледяная линия, которая тут же сделалась горячей, когда край разрезал кожу.

Он еще пытался сопротивляться. Уронил телефон и уперся свободной рукой в заднее окно. Но стекло прогнулось под его ладонью, а потом поддалось и обхватило запястье. Даг увидел, что стекло — или то, что казалось стеклом — идет рябью, как пруд на ветру. Почему оно пошло рябью? Потому что жевало. Потому что пожирало Дага.

Вот что я получаю за то, что был добрым самаритянином...

Верхний край двери прорезал череп и добрался до мозга. Даг Клейтон услышал громкое, сочное ЧПОК, слов-

но сосновая шишка взорвалась в костре. А потом он провалился во тьму.

Водитель службы доставки, проезжавший по шоссе, увидел маленькую зеленую машину с включенной аварийкой, припаркованную позади заляпанного грязью микроавтобуса. Мужчина — вероятно, владелец зеленой машины — стоял у распахнутой двери микроавтобуса и, похоже, беседовал с его водителем. *Сломался, наверное*, подумал водитель службы доставки и проехал мимо. Он не был добрым самаритянином.

Дага Клейтона рывком затащили в микроавтобус, словно чьи-то руки — те самые, с большими ладонями и пальцами-карандашами — схватили его за грудки и втянули внутрь. Микроавтобус изменил очертания и сморщился, словно рот, в который попало что-то на редкость кислое... или на редкость сладкое. Изнутри донесся громкий хруст: такой звук бывает, когда шагаешь в тяжелых ботинках по лесу и у тебя под ногами трещат сухие ветки. Секунд десять микроавтобус оставался сморщенным, напоминая не автомобиль, а скорее шишковатый сжатый кулак. Потом с громким чпоканьем, будто кто-то ударил ракеткой по теннисному мячу, принял прежнюю форму.

Солнце на миг выглянуло из облаков, отразилось ослепительным бликом от телефона и зажгло мгновенный горячий круг света на обручальном кольце Дага Клейтона. Потом снова скрылось за серой завесой.

Позади микроавтобуса зеленый «приус» мигал аварийкой. Огни тикали, как часы: *Тик... тик... тик*.

Несколько машин проехало мимо, но их было немного. Рабочие недели до Пасхи и после Пасхи — мертвый сезон на федеральном шоссе, а время от полудня до вечера — мертвое время суток, уступающее только глухим ночным часам от полуночи до пяти утра.

Тик... тик... тик.

В пустом ресторане мирно спал Пит Симмонс.

3. ДЖУЛИАНА ВЕРНОН («ДОДЖ-РЭМ» 2005-го)

Джулиане Вернон не требовалась Библия короля Якова, чтобы научиться быть доброй самаритянкой. Она выросла в крошечном городке Ридфилд, штат Мэн (население две тысячи четыреста человек), где соседская взаимопомощь была нормой жизни и любой незнакомец тоже был как сосед. Никто ей этого не объяснял, но она видела живые примеры: мама, папа, старшие братья. Как известно, обучение на примерах — самое лучшее. Увидев человека, лежащего в придорожной пыли, не разбираешься, кто он, самаритянин или марсианин. Просто подходишь и помогаешь.

Она никогда не боялась, что ее изнасилует, ограбит или убьет тот, кто лишь притворяется нуждающимся в помощи. Джули принадлежала к тем женщинам, из которых, по выражению старых мэнских янки, получаются хорошие жены, потому что «зимой она согреет, а летом даст тень». Когда школьная медсестра спросила у Джули, тогда учившейся в пятом классе, какой у нее вес, та гордо ответила: «Папа говорит, что во мне около ста семидесяти фунтов. Без одежды — чуть меньше». Теперь, в тридцать пять лет, Джули весила около двухсот восьмидесяти фунтов и не имела намерения становиться кому-то хорошей женой. Она была лесбиянкой, и этим гордилась. На заднем бампере ее «доджа» красовались две наклейки. На одной было написано: «Я ЗА РАВЕНСТВО ПОЛОВ». На другой, ярко-розовой, — «РАДУГА — ЭТО ЗДОРОВО!»

Сейчас наклеек не было видно, потому что Джули везла прицеп, который называла «коняшкин трейлер». Она купила в Клинтоне двухлетнюю кобылу низкорослой испанской породы и теперь возвращалась в Ридфилд — там она жила с подругой на ферме буквально в двух милях от дома, где родилась и выросла.

Джули размышляла, как делала частенько, о тех пяти годах, что провела с «Блестящими», женской командой,

участвовавшей в боях в грязи. Это были одновременно плохие годы и хорошие годы. Плохие, потому что к «Блестящим» в основном относились как к шоу уродов (каковыми они и были в каком-то смысле). Хорошие, потому что Джули повидала мир. По большей части мир ограничивался Америкой, но однажды «Блестящие» три месяца разъезжали по Европе — по Англии, Франции и Германии, — где их принимали с таким уважением, что это было почти жутковато. Иными словами, с ними обращались как с юными леди.

Паспорт был у нее до сих пор, и она продлила его в прошлом году, хотя знала, что вряд ли опять поедет за границу. И в общем ее это не огорчало. В общем Джули была счастлива и довольна жизнью на ферме с Амелией и их разношерстным зверинцем, но иногда она скучала по турам с «Блестящими»: представления в разных городах, схватки под светом прожекторов, грубоватый дух товарищества, царивший в их женской команде. Иногда она даже скучала по стычкам со зрителями.

«Хватай ее за задницу, она лесби, ей нравится!» — выкрикнул какой-то безмозглый урод на представлении... кажется, в Талсе, если не подводит память.

Джули и Мелисса, ее партнерша в грязевой яме, переглянулись, кивнули друг другу и встали, выпрямившись в полный рост, лицом к той секции трибун, откуда раздался выкрик. Они стояли, почти голые, в микроскопических трусиках, жидкая грязь стекала ручьями с их волос и грудей, затем одновременно вскинули руки и показали крикуну средний палец. Зал взорвался бурными аплодисментами... а потом зрители встали и зааплодировали уже стоя, когда сначала Джули, а за ней и Мелисса развернулись, наклонились, стащили с себя трусы и показали обидчику голые задницы.

Джули с детства усвоила, что, если кто-то упал и не может подняться, ему надо помочь. Она также усвоила, что нельзя позволять обливать себя дерьмом, идет ли речь о твоих лошадях, весе, роде занятий или сексуальной ори-

ентации. Один раз позволишь облить себя дерьмом — и очень скоро окажешься в нем по уши.

Диск, который слушала Джули, закончился, и она уже собиралась его сменить, как вдруг увидела впереди машину, припаркованную на подъездной дорожке к закрытой зоне отдыха на восемьдесят первой миле. Машина мигала аварийными огнями. Там был еще один автомобиль. Старый, заляпанный грязью микроавтобус. То ли «форд», то ли «шевроле» — непонятно.

Джули не раздумывала, поскольку решать было нечего. Она включила поворотник, увидела, что на подъездной дорожке уже нет места для ее внедорожника вместе с прицепом, и съехала на обочину, прижавшись как можно ближе к краю, но при этом стараясь не угодить колесами в мягкую землю. Меньше всего ей хотелось опрокинуть прицеп с лошадью, за которую она заплатила тысячу восемьсот долларов.

Возможно, здесь не случилось ничего страшного, но все-таки следовало проверить. Всякое в жизни бывает: вдруг у беременной женщины начались схватки прямо за рулем, а парень, который остановился помочь, разволновался и упал в обморок. Джули тоже включила аварийный сигнал, хотя из-за прицепа фонари были почти не видны.

Она выбралась из салона, посмотрела на две машины на подъездной дорожке — там не было ни души. Возможно, кто-то уже подобрал обоих водителей, но, скорее всего, они пошли к ресторану. Джули очень сомневалась, что они там что-то найдут; зону отдыха закрыли еще в прошлом сентябре. Джули сама не раз останавливалась на восемьдесят первой миле, чтобы взять мороженое в «Ти-си-би-уай», но теперь приходилось перекусывать в Огасте, в двадцати милях к северу.

Джули подошла к задней части прицепа. Ее новая лошадь — Диди — высунула нос в окошко. Джули погладила Диди:

— Тише, малышка. Я быстро.

Она открыла дверцу, чтобы дотянуться до ящика, встроенного в левую стенку прицепа. Диди решила, что дверцу открыли специально для нее и что уже можно выйти на волю, но Джули удержала ее мощным плечом и снова пробормотала:

— Тише, малышка.

Она заглянула в ящик. Внизу лежали инструменты, а сверху — несколько фальшфейеров и два ярко-розовых дорожных конуса. Джули взяла только конусы (фальшфейеры пока не требовались: небо потихоньку прояснялось). Закрыла ящик, а то Диди еще залезет туда копытом и, не дай бог, поранится. Потом закрыла и заперла дверцу прицепа. Диди снова высунула нос в окошко. Джули не верила, что лошадь может выглядеть встревоженной, но сейчас ей показалось, будто так и есть.

— Я быстро, — пообещала она, поставила за прицепом дорожные конусы и направилась к машинам.

Маленький зеленый «приус» был пуст, но не заперт. Джули это не слишком понравилось, поскольку на заднем сиденье лежал чемодан и дорогой с виду портфель. Водительская дверь старого микроавтобуса была приоткрыта. Джули пошла было к нему, но, нахмурившись, остановилась. На асфальте рядом с приоткрытой дверью лежали мобильный телефон и кольцо — кажется, обручальное. Судя по трещине на корпусе телефона, его уронили. А на экране темнело какое-то пятнышко... капля крови?

Может быть, и нет. Может, это просто грязь — микроавтобус был весь в грязи, — но Джули все меньше нравилось то, что она видела. Перед тем как загрузить Диди в прицеп, Джули как следует на ней прокатилась и не стала переодеваться — так и села в машину в старой добротной юбке для верховой езды. Теперь она вынула из кармана свой собственный мобильный телефон и задумалась, не стоит ли прямо сейчас позвонить в Службу спасения.

Нет, решила она, пока рано. Но если в микроавтобусе тоже не будет людей или если пятно на телефоне и вправ-

ду окажется кровью, она сразу же наберет 911. И дождет-ся полицию прямо здесь, и уж точно не сунется в заброшенное здание. Она была смелой женщиной с добрым сердцем, но не идиоткой.

Джули наклонилась, чтобы рассмотреть кольцо и телефон. Ее юбка при этом задела подолом грязный бок микроавтобуса — и словно в нем растворилась. Джули словно дернули вправо, и дернули сильно. Она ударилась внушительной ягодичей о бок микроавтобуса. Металл словно просел, а потом будто вобрал в себя два слоя одежды и плоть под ними. Боль была чудовищная. Джули закричала, уронила телефон и попыталась вырваться из захвата, как если бы машина была ее противником в грязевой яме. Правая рука по локоть провалилась в тугую мембрану, казавшуюся стеклом. Сквозь разводы грязи Джули смутно разглядела, что по ту сторону стекла была не мясистая рука крупной, здоровой женщины, а почти голая кость с лохмотьями плоти.

Микроавтобус начал сжиматься.

Мимо промчалась машина, потом другая. Из-за прицепа водители не видели женщину, наполовину втянутую в бесформенный микроавтобус, как Братец Кролик, прилипший к смоляному чучелку. Они не слышали ее криков. Один водитель врубил на полной громкости Тоби Кита, другой — «Led Zeppelin». Крики слышал Пит Симмонс, спавший в пустом ресторане, но словно издалека. Как слабое эхо. Его веки затрепетали. А потом крики умолкли.

Пит перевернулся на другой бок и продолжил спать.

Тварь, притворявшаяся микроавтобусом, сожрала Джулиану Вернон целиком, вместе с одеждой и сапогами. Остался только ее телефон, упавший рядом с телефоном Дага Клейтона. Затем монстр снова с чпоканьем принял облик микроавтобуса.

Диди в «коняшкином трейлере» заржала и нетерпеливо забила копытом. Она была голодна.

4. СЕМЬЯ ЛЮСЬЕ

(«ФОРД-ЭКСПЕДИШН» 2011-го)

Шестилетняя Рэйчел Люсье закричала:

— Мама, смотри! Папа, смотри! Это тетя с лошадкой! Видите ее прицеп? Видите?

Карла вовсе не удивилась, что Рэйчел первой заметила прицеп, хотя и сидела сзади. У Рэйчел было самое острое зрение в семействе; никто другой не мог с ней сравниться. Рентгеновское зрение, иногда говорил ее папа. И в этой шутке была изрядная доля правды.

Они все носили очки: Джонни, Карла и четырехлетний Блейк; все родственники с обеих сторон носили очки, и даже Бинго, их пес, возможно, нуждался в очках. Бинго вечно врезался в сетчатую дверь, когда хотел выйти на улицу. И только Рэйчел избежала семейного проклятия близорукости. В последний раз у офтальмолога она прочла всю таблицу, вплоть до самой нижней строки, сразив доктора Страттона наповал.

— Хоть прямо сейчас в летчики-истребители, — сказал он Джонни и Карле.

Джонни ответил:

— Сейчас еще рано, но со временем вполне может быть. У нее есть инстинкт убийцы, и он уже проявляется по отношению к младшему брату.

Карла возмущенно пихнула его локтем, но это была чистая правда. Она где-то читала, что если дети разнополые, между ними, как правило, меньше соперничества и меньше конфликтов. Очевидно, Рэйчел и Блейк были исключением из правила. Иногда Карле казалось, что в последнее время дома только и слышно: «Она первая начала, он первый начал».

Первые сто миль поездки дети вели себя тихо и мирно, отчасти потому, что они всегда радовались, когда ездили в гости к бабушке с дедушкой, родителям Джонни, но в основном потому, что Карла заранее позаботилась о том, чтобы заполнить игрушками и книжками-раскрасками

нейтральную полосу между детскими креслами. Однако после остановки в Огасте, где дети пообедали и посетили туалет, вновь начались распри. Наверное, из-за мороженого. Давать детям сладкое в дальних поездках — все равно что лить в костер бензин, Карла это понимала, но нельзя же запрещать им *все*.

В отчаянии она затеяла игру «Найди и покажи», выступая судьей и начисляя очки за всех замеченных по дороге садовых гномов, колодцы, статуи Девы Марии и так далее. Плохо только, что вдоль шоссе было полно деревьев, но маловато «дорожных красот». Ее остроглазая шестилетняя дочь и острый на язык четырехлетний сын решили развлечь себя сами и с новой силой возобновили старые распри, и тут Рэйчел увидела прицеп с лошадьё, припаркованный на обочине прямо у съезда на закрытую зону отдыха на восемьдесят первой миле.

— Хочу снова погладить лошадку! — закричал Блейк и принялся подпрыгивать в своем кресле и дрыгать ногами. Его ноги уже доставали до спинки водительского сиденья, что *весьма* раздражало Джонни.

Напомните мне кто-нибудь, почему я хотел завести детей, подумал он. *Напомните мне, о чем я тогда думал. Помню только, что тогда эта мысль казалась вполне разумной.*

— Блейк, не стучи папе в спину, — сказал Джонни.

— Хочу погладить лоша-а-а-а-а-а-адку! — завопил Блейк и со всей силы въехал ногой в спинку водительского сиденья.

— Ты прямо как маленький, — заявила Рэйчел, хотя ей пинки брата совсем не мешали — он не достал бы до нее при всем желании. Сейчас она говорила снисходительным голосом большой девочки, который всегда бесил Блейка.

— **Я НЕ МАЛЕНЬКИЙ!**

— Блейк, — сказал Джонни, — если ты не перестанешь пинать папино сиденье, папа возьмет свой большой нож и отрежет кому-то ноги по самые уши...

— Она сломалась, — сказала Карла. — Видишь дорожные конусы? Давай остановимся.

— Где я тут остановлюсь? На аварийной полосе?

— Совсем не обязательно. Можно встать за теми двумя машинами. На подъездной дорожке. Место есть, и ты никому не закроешь выезд. Зона отдыха не работает.

— Не знаю, как тебе, а мне бы хотелось вернуться в Фалмут засветло...

— Давай остановимся. — Карла поймала себя на том, что говорит тоном, не терпящим возражений, как диктор, предупреждающий о ядерной бомбардировке. Она знала, что так нельзя, — сама не раз слышала, как Рэйчел разговаривает с Блейком точно таким же тоном, доводя малыша до слез. Чтобы как-то смягчить приказные интонации, Карла добавила уже не столь категорично: — Эта женщина так хорошо общалась с детишками.

Они заехали в «Деймонс», чтобы купить детям мороженое, и припарковались рядом с прицепом с лошастью. Владелица лошади (почти такая же огромная, как ее животное) стояла, прислонившись к прицепу, ела мороженое в рожке и угощала лошадь чем-то похожим на сладкий злаковый батончик.

Джонни взял детей за руки и попытался быстрее увести в ресторан, но Блейк не желал никуда уходить.

— Можно ее погладить? — спросил он у хозяйки лошади.

— Это стоит двадцать пять центов, — ответила крупная женщина в коричневой юбке для верховой езды. Увидев, как Блейк приуныл, она улыбнулась. — Да я шучу. На, поддержи. — И вручила Блейку свой рожок с подтаявшим мороженым. Мальчик так растерялся, что послушно взял его. Потом женщина подняла Блейка на руки, чтобы он смог погладить лошадку по носу. Диди спокойно посмотрела на удивленного малыша с широко распахнутыми глазами, понюхала рожок с мороженым в его

руке, решила, что это невкусно, и позволила погладить себя по носу.

— Ух ты, он мягкий! — воскликнул Блейк.

Карла ни разу не слышала, чтобы сын говорил с таким благоговейным восторгом. *Почему мы ни разу не сводили детей в контактный зоопарк?* — подумала она и поставила галочку в мысленном списке дел на ближайшее время.

— Я тоже! Я тоже хочу! — закричала Рэйчел, приплясывая от нетерпения.

Женщина поставила Блейка на землю.

— Можешь лизнуть мороженое, пока я подниму твою сестру, — сказала она, — только не насажай на него микробов, договорились?

Карла уже собралась сказать Блейку, что нельзя ничего доедать за другими людьми, тем более за незнакомыми, но увидела ошеломленную улыбку Джонни и подумала: какого черта? Дети ходят в садик, рассадник микробов. Дети проезжают сотни миль по шоссе, где любой пьяный маньяк или школьник с мобильным телефоном может создать аварийную ситуацию. И ты запрещаешь им лизнуть мороженое, которое ел кто-то другой? Да, детей надо оберегать, но не до фанатизма.

Женщина подняла Рэйчел, чтобы та тоже погладила лошадь по носу.

— Ух ты! Здорово! — воскликнула Рэйчел. — А как ее зовут?

— Диди.

— Красивое имя! Я люблю тебя, Диди!

— Я тоже тебя люблю, Диди, — сказала женщина и смачно чмокнула животное в нос. Все рассмеялись.

— Мама, а можно мы купим лошадь?

— Можно, — ответила Карла. — Когда тебе исполнится двадцать шесть.

Рэйчел сделала недовольное лицо (наморщенный лоб, раздутые щеки, поджатые губы), но когда женщина рассмеялась, не удержалась и тоже расхохоталась.

Женщина наклонилась к Блейку:

— Молодой человек, могу я получить назад свое мороженое?

Блейк протянул ей рожок, а когда она его забрала, принялся облизывать пальцы, испачканные подтаявшим фисташковым мороженым.

— Спасибо, — поблагодарила Карла владелицу лошади. — Вы очень добры. — Затем обратилась к Блейку: — Пойдем в туалет и вымоем руки. А потом купим тебе мороженое.

— Хочу такое же, как у нее, — сказал Блейк, и крупная женщина вновь рассмеялась.

Джонни настоял, чтобы дети съели мороженое в ресторане. Ему вовсе не улыбалось отмыывать машину от фисташковой липкой сладости. Когда они вышли из здания, женщина с лошастью уже уехала.

Да, по дороге встречаешь немало людей — иногда они злые, чаще добрые, а иной раз потрясающие. Пообщаешься с ними недолго и никогда больше их не увидишь.

Но вот она, женщина с лошастью — вернее, ее прицеп с лошастью, — стоит на обочине, на узкой аварийной полосе. Дорожные конусы аккуратно расставлены за прицепом. И Карла права. Эта женщина *и вправду* хорошо общалась с детишками. С этими мыслями Джонни Люсье принял худшее в жизни — и последнее в жизни — решение.

Он включил поворотник и съехал на подъездную дорожку, как предлагала Карла. Припарковался перед зеленым «приусом» Дага Клейтона, который по-прежнему мигал аварийными огнями, рядом с забрызганным грязью микроавтобусом. Включил парковочную передачу, но не стал выключать двигатель.

— Хочу погладить лошадку, — заявил Блейк.

— Я тоже хочу погладить лошадку, — сказала Рэйчел тоном избалованной светской барышни, который переняла бог знает от кого. Карлу это бесило, но она молчала. Если сделать Рэйчел замечание, она будет постоянно так разговаривать.

— Сначала нужно спросить разрешения у хозяйки, — заметил Джонни. — Пока что, детишки, сидите на месте. И ты тоже, Карла.

— Да, *хозяин*, — ответила Карла голосом зомби, который всегда смешил детей.

— Очень смешно.

— В кабине ее нет, — сказала Карла. — Кажется, все машины пусты. Думаешь, тут авария?

— Не знаю, вроде никто не помят. Подожди-ка минутку.

Джонни Люсье вышел из машины, обошел сзади свой «форд-экспедишн», за который уже никогда не расплатится, и зашагал к кабине «доджа». Карла сказала, что женщины в машине нет, но Джонни хотел убедиться, что та не лежит на сиденье с сердечным приступом. (Джонни всю жизнь занимался бегом и искренне верил, что сердечный приступ ждет всех, кто старше сорока пяти и весит хотя бы на пять фунтов больше, чем предписано таблицей на Medicine.Net.)

Женщины не оказалось на сиденье в кабине (*вообще-то такую огромную тетку Карла увидела бы издали, даже если бы та и лежала*), и в прицепе ее тоже не было. Только лошадь, которая высунула нос и обнюхала лицо Джонни.

— Привет... — Сначала Джонни не мог вспомнить имя, потом вспомнил: — Диди. Как твоя лошадиная жизнь? Есть в горбе овес?

Он погладил Диди по носу и пошел осмотреть две другие машины на подъездной дорожке. По пути он заметил, что авария все же *была*, пусть и мелкая. Микроавтобус сбил несколько оранжевых бочек, преграждавших въезд на зону отдыха.

Карла опустила стекло. Дети на заднем сиденье не могли сделать то же самое — их окна были заблокированы.

— Она там?

— Нет.

— А хоть *кто-нибудь* есть?

— Карла, дай мне покой... — Он увидел два мобильных телефона и обручальное кольцо. Они валялись на асфальте рядом с приоткрытой дверцей микроавтобуса.

— Что? — Карла вытянула шею.

— Подожди.

Джонни хотел сказать, чтобы она закрылась в машине, но потом рассудил, что это прозвучит глупо. Сейчас день, они на шоссе I-95, что с ними может случиться? Каждые двадцать-тридцать секунд мимо проезжают машины, иногда по несколько сразу.

Он наклонился и поднял телефоны, взял один телефон в одну руку, другой — в другую. Потом обернулся к Карле и поэтому не увидел, как дверь микроавтобуса, словно рот, приоткрылась чуть шире.

— Карла, мне кажется, тут кровь. — Он поднял руку с телефоном Дага Клейтона.

— Мама! — произнесла Рэйчел. — Кто в той грязной машине? Дверь открывается.

— Садись в машину, — сказала Карла. Во рту у нее вдруг пересохло. Ей хотелось выкрикнуть эти слова, но грудь сдавило, словно сверху лег камень. Невидимый, но очень большой и тяжелый. — Там кто-то есть в микроавтобусе!

Однако вместо того чтобы вернуться в свою машину, Джонни наклонился к полуоткрытой двери микроавтобуса и заглянул внутрь. Он не успел ничего рассмотреть, потому что дверь резко захлопнулась, зажав его голову. Раздался страшный глухой звук. Камень, давивший Карле на грудь, внезапно исчез. Она набрала воздух в легкие и выкрикнула имя мужа.

— *Что с папой?* — пронзительно закричала Рэйчел тоненьким, как травинка, голосом. — *Что с папой?*

— *Папа!* — завопил Блейк, озираясь. Он был занят своими новыми трансформерами и только сейчас сообразил, что отца нет рядом.

Не задумываясь ни на миг, Карла выскочила из машины. Тело Джонни осталось снаружи, а голова скрылась

в грязном микроавтобусе. Он был еще жив; его руки и ноги молотили воздух. Карла даже не помнила, как подбежала к мужу. Она двигалась, повинуюсь инстинкту, мозг словно отключился.

— *Мама, не надо!* — закричала Рэйчел.

— *Мама, НЕ НАДО!* — Блейк не понимал, что происходит, но чувствовал: что-то очень плохое. Он расплакался в голос и принялся выпутываться из паутины ремней, которыми был привязан к детскому креслу.

Карла обхватила Джонни за талию и потянула к себе с поразительной силой, которую ей придал адреналин. Дверь микроавтобуса приоткрылась, изнутри хлынула кровь, стекавшая через порог маленьким водопадом. На одно жуткое мгновение Карле удалось заглянуть внутрь, и она увидела голову мужа на заляпанном грязью сиденье. Хотя он все еще бился в ее объятиях, она поняла (даже в бушующем урагане паники бывают мгновения пронзительной ясности): так же пляшут повешенные. Потому что у них сломана шея. В этот короткий и страшный миг — ослепительный, как вспышка молнии, — Карла подумала, что муж выглядит глупо, даже безобразно, словно из него выпустили все то, что делало его прежним Джонни, и поняла, что он уже мертв, хотя его тело еще сотрясается. Так выглядит ребенок, неудачно нырнувший и ударившийся о камни. Так выглядит женщина с грудью, пробитой рулем, когда ее машина врежется в опору моста. Так выглядишь ты, когда уродливая смерть приходит ниоткуда и раскрывает тебе объятия.

Дверь микроавтобуса угрожающе захлопнулась. Карла по-прежнему обхватывала двумя руками мужа за пояс, и когда ее резко дернуло вперед, вновь пережила мгновение пронзительной ясности, подобной вспышке молнии.

Это машина! Нельзя близко подходить к машине!

Она отпустила Джонни, но сделала это с опозданием на долю секунды. Ее волосы коснулись двери микроавтобуса, и их мгновенно всосало внутрь. Карла попыталась вырваться, но у нее ничего не вышло. Она ударилась го-

ловой о дверь, и макушку обожгло, словно огнем. Машина вгрызлась ей в кожу.

Беги! — попыталась крикнуть она своей капризной и вредной, но уж точно не глупой дочери. *Беги и возьми с собой Блейка!*

Но не успела выкрикнуть ни слова: у нее уже не было рта.

Когда дверь микроавтобуса захлопнулась на папиной голове, словно венерина мухоловка, поймавшая неосторожное насекомое, это видела только Рэйчел, но когда маму втянуло сквозь грязную дверь, как будто это была не дверь, а занавеска, это уже видел и Блейк. Они видели, как с маминой ноги слетела туфля, видели, как сверкнули розовые ногти на пальцах, а потом мама исчезла внутри. В следующую секунду белый микроавтобус утратил форму и сжался, точно кулак. Сквозь открытое матерью окно дети слышали хруст.

— *Что это?* — закричал Блейк. У него по щекам текли слезы, под носом блестели сопли. — *Что это, Рэйчи, что это, что это?*

Их кости, подумала Рэйчел. Ей было всего шесть лет, и ей, разумеется, не разрешалось ходить в кино на фильмы категории «детям до тринадцати» или смотреть их по телевизору (не говоря уж о фильмах «только для взрослых»), но она поняла, что это был за хруст. С таким хрустом ломаются кости.

Эта машина — совсем не машина. Это чудовище.

— Где мама с папой? — пролепетал Блейк, глядя на сестру огромными, мокрыми от слез глазами. — Где мама с папой, Рэйчи?

Словно ему два годика, подумала Рэйчел и, возможно, впервые в жизни испытала к младшему брату что-то, кроме неприязни (или чистейшей ненависти в те моменты, когда ее по-настоящему доставало его поведение). Ей показалось, что это новое чувство не просто любовь. Это было нечто большее. В конце маме не удалось ничего

сказать, но Рэйчел знала, что сказала бы мама, будь у нее время. Она сказала бы: *Позаботься о Блейке*.

Он извивался, пытаясь выпутаться из ремней. Он знал, как их расстегнуть, но в панике забыл.

Рэйчел расстегнула свои ремни, слезла с детского кресла и попыталась помочь брату. Он бился, размахивая руками, и случайно ударил Рэйчел по щеке. При обычных обстоятельствах она дала бы ему сдачи (и сидела бы потом наказанная у себя в комнате, кипя от ярости), но сейчас она просто перехватила его руку и прижала к сиденью.

— Прекрати! Дай мне тебя отстегнуть! У меня ничего не получится, если ты будешь дергаться.

Он перестал биться, но не плакать.

— Где папа? Где мама? Я хочу к маме!

И я хочу к маме, debil, подумала Рэйчел и расстегнула ремни на кресле брата.

— Сейчас мы выберемся из машины и пойдем...

Куда? Куда им идти? В ресторан? Он закрыт. Здесь все закрыто, поэтому на въезде и стоят бочки. Поэтому на заправке убрали все бензоколонки, и сквозь асфальт на стоянке проросла трава.

— ...пойдем подальше отсюда, — закончила она.

Рэйчел вышла из машины и обошла ее кругом, чтобы открыть дверь Блейку. Он не сдвинулся с места. Просто сидел и смотрел на нее покрасневшими от слез глазами.

— Я не могу выйти, Рэйчел. Я упаду.

Как маленький, подумала Рэйчел, но промолчала. Сейчас не время ругаться. Ему и так плохо. Она раскинула руки:

— Соскальзывай вниз. Я тебя подхвачу.

Блейк с сомнением посмотрел на нее, однако подчинился. Рэйчел подхватила брата, но он оказался тяжелее, чем она думала, и они оба упали. Рэйчел досталось больше, поскольку она была снизу, но Блейк ударился головой и ободрал руку об асфальт. Он снова громко расплакался, уже не от страха, а от боли.

— Не реви, — сказала Рэйчел, выбравшись из-под брата. — Пора вырастать из детских штанишек и становиться женщиной, Блейк.

— Что-то?

Она не ответила. Она смотрела на два мобильных телефона, валявшихся на асфальте рядом с кошмарным микроавтобусом. Один был разбит и, скорее всего, не работал, но второй...

Рэйчел медленно поползла к нему на четвереньках, не сводя глаз с жуткого микроавтобуса, который внезапно втянул в себя папу и маму. Она потянулась за телефоном, и тут ее обогнал Блейк. Он шагнул прямо к микроавтобусу, вытянув поцарапанную руку.

— Мама! Мама? Выходи! Я поранился. Больно поранился. Выходи, поцелуй ранку...

— Стой, Блейк Люсье!

Карла гордилась бы дочерью; это был ее собственный грозный командный голос на пределе строгости. И это сработало. Блейк остановился в четырех футах от микроавтобуса.

— Но я хочу к маме! Я хочу к маме, Рэйчи!

Рэйчел схватила брата за руку и оттащила подальше от страшной машины.

— Не сейчас. Помоги мне разобраться с этой штуковиной.

Она знала, как пользоваться мобильными телефонами, но ей надо было отвлечь Блейка.

— Дай мне, я знаю! Дай мне, Рэйчи!

Она отдала брату телефон, а пока он изучал кнопки, поднялась на ноги, схватила его за футболку и оттащила еще на три шага назад. Он этого даже не заметил. Блейк нашел кнопку включения питания на телефоне Джули Вернон и нажал ее. Телефон тихо пискнул. Рэйчел забрала трубку у Блейка, и тот не стал возражать — наверное, впервые в жизни.

Рэйчел очень внимательно слушала, когда к ним в детский сад приходил борец с преступностью пес Макграфф

(она, конечно, сразу поняла, что это был просто дяденька-полицейский в костюме пса), и теперь знала, что делать. Она набрала 911 и поднесла телефон к уху. Трубку взяли после первого же гудка.

— Алло? Меня зовут Рэйчел Энн Люсье, и...

— Разговор будет записан, — перебил ее мужчина. — Если вы хотите сообщить об аварии или чрезвычайном происшествии, наберите один. Если хотите сообщить о ненадлежащем состоянии дороги, наберите два. Если хотите сообщить о поломке на трассе...

— Рэйчи! Рэйчи? Где мама? Где па...

— Тсс, — шикнула Рэйчел и нажала кнопку с единицей. Это было непросто. Руки тряслись, а перед глазами все плыло. Она только сейчас поняла, что плачет. Когда она расплакалась? Рэйчел не помнила.

— Здравствуйте, Служба спасения слушает, — раздался в трубке женский голос.

— Вы настоящая или это опять запись? — спросила Рэйчел.

— Я настоящая, — ответила женщина. Похоже, вопрос ее развеселил. — У вас что-то случилось?

— Да. Злая машина съела маму и папу. Мы сейчас на...

— Подожди-ка, чтобы не сказать лишнего, — перебила ее женщина. — Тебе сколько лет, девочка?

— Шесть с половиной. Меня зовут Рэйчел Энн Люсье, и машина, злая машина...

— Послушай, Рэйчел Энн, или как там тебя зовут на самом деле, я могу проследить звонок. Ты знала об этом? Наверное, не знала. Так что давай ты повесишь трубку, пока я не отправила к тебе домой полицейских и они не отшлепали тебя по..

— *Они умерли, глупая вы тетя в телефоне!* — крикнула Рэйчел, а Блейк, услышав слово «умерли», опять разрыдался.

Женщина секунду молчала, а когда заговорила снова, в ее голосе уже не было смеха:

— Где ты находишься, Рэйчел Энн?

— У пустого закрытого ресторана. Где бочки перегораживают проезд! Оранжевые бочки!

Блейк сел на землю и закрыл лицо руками. Рэйчел было больно на это смотреть. Так больно, как никогда в жизни.

— Этой информации недостаточно, — сказала женщина из Службы спасения. — Можешь описать конкретнее, Рэйчел Энн?

Рэйчел не знала, что значит «конкретнее». Она знала лишь то, что видела своими глазами: задняя шина микроавтобуса, ближайшая к ним, слегка подтаяла. Щупальце из жидкой резины медленно подбиралось к Блейку.

— Все, мне надо бежать, — сказала Рэйчел в телефон. — Надо убраться подальше от злой машины.

Она подняла Блейка на ноги и оттащила еще дальше от микроавтобуса, не сводя взгляда с тающей шины. Резиновое щупальце остановилось и поползло обратно (*потому что поняло, что до нас не дотянется*, подумала Рэйчел), и вскоре шина снова выглядела как шина, но Рэйчел уже знала, что это обман. Она продолжала тащить Блейка прочь, к обочине шоссе.

— Куда мы идем, Рэйчи?

Не знаю.

— Подальше от этой машины.

— Я хочу взять трансформеров!

— Не сейчас, потом заберешь. — Она крепко держала Блейка за руку и пятилась к шоссе, где время от времени проносились машины со скоростью семьдесят-восемьдесят миль в час.

Ничто не сравнится по силе воздействия с пронзительным детским криком; это один из самых эффективных механизмов выживания, данных нам природой. Крепкий сон Пита Симмонса уже сменился легкой дремотой, и когда Рэйчел закричала в телефон, рассердившись на женщину из Службы спасения, ее вопль окончательно разбудил Пита.

Он сел на грязном матрасе, поморщился и схватился рукой за голову. Голова просто раскалывалась, и Пит знал почему: оно все-таки грянуло, устрашающее ПОХМЕЛЬЕ. Язык словно распух и стал ватным, желудок крутило. Не до рвоты, но ощутимо.

Слава богу, я выпил немного, подумал он, поднялся на ноги и подошел к затянутому сеткой окну, чтобы посмотреть, кто кричал. То, что он увидел, ему не понравилось. Несколько перегораживавших въезд оранжевых бочек были сбиты, а на подъездной дорожке стояли машины.

Потом он заметил двоих детишек: маленькую девочку в розовых брючках и совсем крошечного парнишку в футболке и шортах. Он не успел разглядеть их как следует. Они пятились в сторону шоссе, словно что-то их напугало, а потом скрылись за небольшим прицепом, в каких обычно возят лошадей.

Там явно что-то случилось. Авария или что-то в этом роде, хотя на аварию было *не похоже*. Первое, что пришло Питу в голову: надо скорее смываться отсюда, пока его никто не засек. Он схватил свою сумку и направился к выходу через погрузочный люк. Но остановился, не дойдя до кухни. Там были дети. *Маленькие* дети. Совсем одни, рядом со скоростным шоссе, а Пит не углядел никого из взрослых.

Там же есть машины, а значит, должен быть и кто-то из взрослых.

Да, он видел машины. Три на подъездной дорожке и одну с прицепом — на обочине шоссе. И ни одного взрослого.

Надо пойти за ними и увести от шоссе. Даже если я влипну в крупные неприятности, все равно надо пойти за ними. Нельзя оставлять этих безмозглых детей у дороги, где их раскатают в лепешку.

Пит подбежал к выходу из «Бургер кинга», но дверь была заперта. Конечно, она заперта, идиот, мысленно отругал себя Пит. *Жертва аборта*, как выразился бы Норми Терриоль.

Пит развернулся и бросился к погрузочному люку. От бега голова разболелась еще сильнее, но он старался не обращать на это внимания. Он положил сумку на край бетонной платформы и полез вниз. Рука сорвалась, и пришлось спрыгнуть. Приземлился он неудачно, ударился копчиком, но снова не стал обращать внимания на боль. Поднялся на ноги и с тоской посмотрел в сторону кустов. Еще *можно* сбежать незамеченным, и никто не узнает, что он здесь был. Мысль малодушная, но очень заманчивая. Это же не кино, где хорошие парни всегда принимают правильное решение, не задумываясь ни на миг. Если кто-то учует, что от Пита несет водочным перегаром...

— Господи, — прошептал он. — Мать-твою-богу-душу.

Вот зачем он сюда поперся? К вопросу о безмозглых детях...

Крепко держа Блейка за руку, Рэйчел отвела его по подъездной дорожке прямо к самой обочине. Как только они подошли к шоссе, мимо промчался большой грузовик на скорости семьдесят пять миль в час. Ветер растрепал детям волосы, помял одежду и чуть не свалил Блейка с ног.

— *Рэйчи, мне страшно! Нам нельзя выходить на дорогу!*

Скажи мне что-то, чего я не знаю, подумала Рэйчел.

Дома они гуляли только во дворе, им запрещалось выходить на улицу, хотя на Фреш-Уиндз-уэй в Фалмуте машин почти не бывало. Здесь на шоссе их тоже было немного, но те, что *были*, ехали слишком быстро. *Да и куда идти?* — размышляла Рэйчел. Можно двинуться по обочине, но это очень опасно. И опять же, куда потом? Поблизости нет ничего, только лес. В ресторан тоже не поберешься: придется пройти мимо страшной машины.

По шоссе просвистел красный спортивный автомобиль. Его водитель непрерывно жал на клаксон. Рэйчел хотелось зажать себе уши.

Блейк куда-то ее тянул, и Рэйчел не стала сопротивляться. На одной стороне подъездной дорожки стояли

столбики ограждения. Блейк присел на толстый трос, тянувшийся между столбами, и закрыл глаза пухлыми ручонками. Рэйчел села рядом с братом. Она просто не знала, что еще можно сделать.

5. ДЖИММИ ГОЛДИНГ («КРАУН-ВИКТОРИЯ» 2011-го)

Может быть, детский крик и является одним из самых эффективных механизмов выживания в природе, но на скоростном шоссе таким механизмом является припаркованный полицейский патрульный автомобиль, особенно если его радар направлен на встречный транспортный поток. Водители, идущие на семидесяти, снижают скорость до шестидесяти пяти; водители, идущие на восьмидесяти, жмут на тормоз и мысленно высчитывают, сколько им вкатят штрафных очков, если полицейские включат мигалку и рванут следом. (Благотворный эффект длится недолго и миль через десять-пятнадцать полностью сходит на нет.)

Сидеть в припаркованной у дороги полицейской машине, по крайней мере, по мнению патрульного Джимми Голдинга из полицейского управления штата Мэн, было прекрасно, потому что *делать* ничего не требовалось. Просто располагаешься у дороги в машине, ковыряешь в носу, а природа (в данном случае *человеческая* природа) сама сыграет на чувстве вины. В этот хмурый апрельский день патрульный Джимми Голдинг даже не включил радар, и движение на шоссе I-95 лишь создавало ему шумовой фон. Голдинг с головой погрузился в айпад.

Он рубился в «Слова с друзьями», что-то вроде «Скрэбб-ла» онлайн. Его противником был Ник Эйвери, бывший сослуживец, который сейчас трудился в дорожной полиции в Оклахоме. Джимми искренне не понимал, как можно было променять Мэн на какую-то Оклахому, но Ник, тут уж можете не сомневаться, *отменно* играл в «Слова

с друзьями». Он побеждал Джимми в девяти играх из десяти и сейчас тоже лидировал. Впрочем, лидировал он с необычно малым отрывом, и все буквы из электронного мешочка уже были выбраны. Если Джимми сумеет разыграть оставшиеся у него пять букв, то вырвет победу. Сейчас он раздумывал над словом «ПИЛ». У него оставалось пять букв: Я, Е, С, В и еще одна Л. Если он сможет как-то пристроить их в ПИЛ, то не только вырвет победу, но и даст виртуального пенделя старому приятелю. Однако пока все было бесперспективно.

Он рассматривал другие слова на доске, где перспективы казались еще менее радужными, и тут дважды пискнула рация. Внимание всем постам, информация от Службы спасения в Уэстбруке. Джимми отложил айпад и принял вызов.

— Внимание всем постам. Есть ли кто поблизости от зоны отдыха на восемьдесят первой миле?

Джимми включил микрофон.

— Девять-один-один, я семнадцатый. В данный момент нахожусь на восемьдесят пятой миле, чуть южнее съезда на Лиссабон — Сабаттус.

Диспетчер, которую Рэйчел Люсье мысленно называла тетей из Службы спасения, не стала искать никого ближе; Джимми на новой «краун-виктории» доедет до места за считанные минуты.

— Семнадцатый, три минуты назад нам позвонила шестилетняя девочка и сказала, что ее родители мертвы. Потом было несколько звонков от разных людей. Все общались, что видели двух детишек без сопровождения взрослых у въезда на зону отдыха.

Джимми не стал спрашивать, почему никто из звонивших не остановился и не поинтересовался, требуется ли детишкам помощь. Он уже с таким сталкивался. Иногда люди просто боятся юридических сложностей. Но большинству просто плевать. Обычное дело по нынешним временам. И все же... *дети*. Господи, можно подумать...

— Девять-один-один, я уже еду. Семнадцатый, конец связи.

Джимми включил мигалку, посмотрел в зеркало заднего вида, желая убедиться, что на дороге никого нет, съехал с обочины и развернулся прямо под знаком: «РАЗВОРОТ ЗАПРЕЩЕН. ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ТРАНСПОРТА». Взревел восьмицилиндровый двигатель; на электронном спидометре высветились девяносто две мили в час. Деревья по обеим сторонам дороги уносились назад с головокружительной быстротой. Впереди показался дребезжащий старый «бьюик», водитель которого упрямо отказывался уступить дорогу, и Джимми объехал его по обочине. Вернувшись на шоссе, он увидел зону отдыха. И кое-что еще. Двое детей — мальчик в шортах и девочка в розовых брючках — сидели на тротуаре между столбиками ограждения рядом с въездом. Они напоминали маленьких, никому не нужных бродяжек, и сердце Джимми переполнилось жалостью. У него тоже были дети.

Увидев машину с мигалкой, детишки встали, на секунду Джимми испугался, что маленький мальчик выбежит прямо ему под колеса. Слава богу, девочка схватила его за руку и не дала выскочить на дорогу.

Джимми затормозил так резко, что с переднего сиденья свалились айпад, книжка штрафных квитанций и учетный журнал. Машину повело, но Джимми справился с управлением и остановился, перегородив подъездную дорожку, на которой уже стояло несколько машин. Что здесь происходит?

Солнце выглянуло из-за туч, а в голове патрульного Джимми Голдинга вспыхнуло слово, совершенно не связанное с происходящим: «ВЛЕПИЛСЯ». *Можно составить «ВЛЕПИЛСЯ», и победа за мной.*

Девочка подбежала к водительской двери патрульной машины. Она тащила за собой брата, который плакал и спотыкался. Девочка, бледная и испуганная, казалась очень взрослой. Спереди на шортах мальчика расплылось большое влажное пятно.

Джимми осторожно вышел из машины, стараясь не задеть дверцей детишек. Опустился на одно колено, и дети влетели в его объятия, чуть не сбив с ног.

— Тише, тише, ребятки, все хорошо...

— Злая машина съела маму и папу, — сказал мальчик, показав пальцем. — Вон та злая машина. Съела их целиком, как волк Красную Шапочку. Верните нам папу с мамой!

Джимми не понял, на которую из машин указывает малыш. Всего их было четыре: микроавтобус, выглядевший так, словно проехал миль десять по мокрой лесной дороге; начищенный до блеска зеленый «приус»; «додж-рэм» с прицепом для перевозки лошадей и «форд-экспедишн».

— Как тебя зовут, малышка? Я — патрульный Джимми.

— Рэйчел Люсье, — ответила девочка. — А это Блейк, мой младший братик. Мы живем в доме девятнадцать на Фреш-Уиндз-уэй, в Фалмуте, штат Мэн, индекс ноль-четыре-один-ноль-пять. Не подходите к ней близко, патрульный Джимми. Она выглядит как машина. Но это что-то другое. Она ест людей.

— Какая именно машина, Рэйчел?

— Та, что впереди. Рядом с папиной. Грязная.

— Грязная злая машина съела папу и маму! — сказал мальчик Блейк. — Вы их вернете! Вы — полицейский, у вас пистолет!

По-прежнему стоя на одном колене и обнимая детишек, Джимми посмотрел на заляпанный грязью микроавтобус. Солнце вновь скрылось за облаками; тени исчезли. По шоссе проезжали машины, проносились мимо со свистом, но уже не так быстро, как раньше. Волшебный эффект синей мигалки.

Никого в «форде», никого в «приусе», никого в «додже». Джимми решил, что и в прицепе тоже никого нет, если только они не пригнулись. Но если бы там кто-то был, лошадь бы нервничала сильнее. Джимми не мог заглянуть только в микроавтобус, который, по словам детишек, съел их родителей. И ему очень не нравился плотный

слой грязи, покрывавший все окна. Грязь как будто размазали *преднамеренно*. Еще ему не нравился разбитый мобильный телефон, лежавший рядом с водительской дверью. И обручальное кольцо. Почему-то кольцо выглядело особенно жутко.

А все остальное, значит, не жутко.

Внезапно водительская дверь микроавтобуса приоткрылась наполовину, и фактор жути взлетел процентов на тридцать. Джимми внутренне подобрался и положил руку на рукоять пистолета. Но из машины никто не вышел. Дверь приоткрылась дюймов на шесть, да так и замерла.

— Это она пытается заманить, — прошептала девочка. — Это машина-чудовище.

Джимми Голдинг не верил в машины-чудовища с тех самых пор, как посмотрел в детстве фильм под названием «Кристина», но он верил в то, что чудовища могут скрываться *в* машинах. И в этом микроавтобусе кто-то был. Двери не распахиваются сами собой. Да, там кто-то был. Возможно, один из родителей этих детишек, раненный, не в состоянии позвать на помощь. Возможно, кто-то залегший на сиденье, чтобы не было видно сквозь заляпаные грязью стекла. Возможно, кто-то вооруженный.

— Кто в микроавтобусе? — крикнул Джимми. — Я — патрульный полиции штата и требую, чтобы вы назвали себя.

Никто не откликнулся.

— Выходите из машины. Так, чтобы я видел ваши руки.

Но лишь солнце вышло из-за облаков, на секунду обрисовало тень от приоткрытой двери на асфальте и снова скрылось за серой завесой.

— Ребятки, пойдете со мной, — сказал Джимми. Он отвел детишек к патрульной машине и открыл заднюю дверцу. Дети устали на разбросанные бумаги, куртку с подкладкой из овечьей шерсти (сегодня она не понадобилась) и закрепленный за сиденьем дробовик. В первую очередь — на него.

— Мама с папой всегда говорят, что нельзя садиться в машину к незнакомым людям, — сказал мальчик Блейк. — И в садике тоже так говорят. Это опасно.

— Он полицейский с полицейской машиной, — возразила Рэйчел. — К полицейским садиться можно. Давай забирайся. И если тронешь ружье, я тебя стукну.

— Хорошее предупреждение насчет ружья, — сказал Джимми. — Но оно на предохранителе.

Блейк забрался в машину и заглянул через спинку переднего сиденья.

— Ух ты, у вас айпад!

— Замолчи, — сказала Рэйчел брату и, прежде чем забраться внутрь, посмотрела на Джимми большими, испуганными глазами. — Не прикасайтесь к ней. Она *липкая*.

Джимми едва не улыбнулся. У него самого была дочь примерно на год младше Рэйчел, и она могла бы сказать то же самое. Насколько он успел понять, все девочки делились на две группы: сорванцы с мальчишескими замашками и принцессы-чистюли. Как и его Эллен, Рэйчел была из чистюль.

Это ошибочное толкование того, что Рэйчел имела в виду под *липкой*, вскоре стало фатальным для патрульного Джимми Голдинга. Но в тот момент он об этом не знал. Когда Рэйчел забралась в машину, Джимми захлопнул заднюю дверцу, подошел к водительской и взял рацию через открытое окно. Он не сводил глаз с подозрительного микроавтобуса и потому не заметил мальчика лет десяти, стоявшего возле закрытого ресторана и прижимавшего к груди подседельную велосипедную сумку из искусственной кожи, словно синего младенца. Солнце вновь выглянуло из облаков, и Пита Симмонса скрыла тень здания.

Джимми вызвал Главное полицейское управление штата.

— Семнадцатый, слушаю вас.

— Я нахожусь у закрытой зоны отдыха на восемьдесят первой миле. Здесь четыре брошенных автомобиля, одна брошенная лошадь и двое брошенных детей. В числе че-

тырех автомобилей есть микроавтобус. Дети говорят... — Джимми замаялся, а потом подумал: *Какого черта!* — Дети говорят, что он съел их родителей.

— Поясните.

— Думаю, они имеют в виду, что их схватил кто-то сидящий внутри. Прошу прислать подкрепление. Все доступные подразделения. Как поняли?

— Вас понял. Подкрепление, все доступные подразделения. Но ближайший патруль будет у вас не раньше чем через десять минут. Это двенадцатый пост. Код семьдесят три из Уотервилля.

Эл Эндрюс. Сидит небось где-то в кафе, жует и говорит о политике.

— Вас понял.

— Семнадцатый, продиктуйте мне номер микроавтобуса. Мы пробьем по базе.

— Не могу назвать номер. Номерных знаков нет. Он весь покрыт грязью, невозможно определить производителя и модель. Автомобиль американский. — *Мне так кажется.* — Возможно, «форд» или «шевроле». Дети сейчас у меня в машине. Рэйчел и Блейк Люсье. Фалмут, Фреш-Уиндз-уэй. Я забыл номер дома.

— *Девятнадцать!* — хором выкрикнули Рэйчел и Блейк.

— Они говорят...

— Я слышу, семнадцатый. В какой машине они приехали?

— *В папином искпыдишине!* — тут же крикнул Блейк.

— «Форд-экспедишн», — сказал Джимми. — Номер три-семь-семь-два-ай-уай. Я хочу подойти к этому микроавтобусу.

— Вас понял. Ты там осторожнее, Джимми.

— Вас понял. Да! Можете позвонить в Службу спасения и сообщить им, что с детьми все в порядке?

— Это ты говоришь или Пит Таунсенд?

Очень смешно.

— Семнадцатый, конец связи.

Джимми хотел вернуть рацию на место, но передумал и протянул ее Рэйчел.

— Если что-то случится... что-то *плохое*... нажимай эту кнопку сбоку и кричи в микрофон: «Тридцать». Это значит, что полицейскому нужна помощь. Поняла?

— Да. Только не подходите близко к этой машине, патрульный Джимми. Она *кусаются*, она *ест людей* и она *липкая*.

Блейк, ошалевший от восторга — он ведь сидел в настоящей полицейской машине! — на время даже забыл о том, что случилось с родителями, но теперь вспомнил и снова расплакался:

— Я хочу к маме с папой!

Несмотря на весь ужас и до сих пор грозившую им опасность, Рэйчел Люсье закатила глаза — *видите, с кем мне приходится жить*, — и Джимми едва не рассмеялся. Сколько раз он наблюдал такое же выражение на личике пятилетней Эллен Голдинг!

— Послушай, Рэйчел, — сказал Джимми. — Я понимаю, вам страшно, но здесь вы в безопасности, а мне нужно все проверить. Если ваши родители там, в машине, мы же не хотим, чтобы им было плохо и больно, правда?

— **СПАСИТЕ МАМУ И ПАПУ, ПАТРУЛЬНЫЙ ДЖИММИ!** — заревел Блейк. — **МЫ НЕ ХОТИМ, ЧТОБЫ ИМ БЫЛО БО-О-О-О-ОЛЬНО!**

Джимми увидел проблеск надежды в глазах Рэйчел, но очень слабый. Как агент Малдер из «Секретных материалов», она хотела поверить... но, как агент Скалли, не верила. Что они видели, эти детишки?

— Вы там осторожнее, патрульный Джимми. — Рэйчел подняла указательный палец, будто строгая учительница на уроке. Палец слегка дрожал, и это было особенно трогательно. — *Не прикасайтесь к ней*.

Приблизившись к микроавтобусу, Джимми достал из кобуры пистолет, но не стал снимать его с предохранителя. Пока не стал. Встав чуть в стороне от приоткрытой двери, он еще раз спросил, есть ли кто внутри, и потре-

бывал, чтобы они вышли наружу. Так, чтобы он видел их руки. Никто не вышел. Джимми потянулся к двери, но вспомнил предупреждение Рэйчел и опустил руку. Он решил открыть дверь до конца, подтолкнув ее стволом пистолета. Однако дверь не открылась, а пистолет намертво прилип к ней. Словно она была намазана клеем.

Джимми резко дернуло вперед, будто невидимая рука схватила пистолет и рванула к себе. У Джимми еще было время — одна секунда, — чтобы выпустить пистолет, но у него даже мысли такой не возникло. Едва ли не первое, чему их научили в полицейской академии: никогда не бросать личное оружие. *Никогда.*

Он держал пистолет до последнего, и машина, которая уже сожрала его ствол, принялась за его руку. Рука ушла внутрь по локоть. Солнце выглянуло из-за туч, тень патрульного Джимми Голдинга на асфальте все уменьшалась и уменьшалась. Где-то пронзительно кричали дети.

Микроавтобус ВЛЕПИЛСЯ в патрульного, подумал Джимми. Теперь понятно, что она имела в виду, когда говорила: «Он липкий»...

Потом грянула боль, прогоняя все мысли. Он успел крикнуть. Один раз.

6. ДЕТИШКИ («РИЧФОРТ» 2010-го)

С того места, где стоял Пит, ему все было видно. Он видел, как полицейский подошел к микроавтобусу и хотел подтолкнуть приоткрытую дверь стволом пистолета; видел, как пистолет *утонул* в двери, прошел *сквозь* нее, словно микроавтобус был лишь оптической иллюзией; видел, как полицейского резко дернуло вперед, как с его головы слетела серая шляпа. Затем полицейского втянуло внутрь, и осталась лишь шляпа, лежавшая на асфальте рядом с чьим-то мобильным телефоном. На мгновение все словно замерло, а потом микроавтобус сморщился, сжался, словно кулак. Раздался громкий *чпок* — будто ракеткой

ударили со всей силы по теннисному мячу, — и грязный сжатый кулак вновь обрел очертания микроавтобуса.

Маленький мальчик пронзительно завопил; девочка зачем-то кричала: «Тридцать», — снова и снова, словно волшебное заклинание, о котором Джоан Роулинг забыла упомянуть в «Гарри Поттере».

Задняя дверь полицейской машины открылась. Детишки выбрались из салона. Оба плакали в голос, и Пит их понимал. Если бы не потрясение от увиденного, он бы, наверное, тоже расплакался. В голове промелькнула безумная мысль: если выпить еще чуть-чуть водки, станет легче. Выпив, он будет меньше бояться. А если он будет меньше бояться, то, возможно, сумеет понять, что за хрень тут происходит и что ему делать.

Детишки снова пятились к шоссе. Пит догадывался, что в любую секунду они могут запаниковать и броситься бегом. Их следовало остановить, иначе они выскочат на дорогу, где их точно размажет в лепешку.

— Эй! — закричал он. — Эй, вы! Малышня!

Они обернулись к нему — огромные заплаканные глаза на бледных личиках, — он махнул рукой и пошел к ним. Солнце вновь вышло из облаков, и, похоже, на этот раз надолго.

Маленький мальчик шагнул навстречу Питу. Девочка резко оттащила его назад. Сперва Пит подумал, что девочка боится его, но потом понял: она боится микроавтобуса.

Он обвел рукой широкий полукруг.

— Обойдите его! Обойдите и давайте сюда!

Они перелезли через ограждение на левой стороне подъездной дорожки, чтобы обойти микроавтобус по максимально широкой дуге, а потом срезали путь через стоянку. Когда они приблизились к Питу, девочка отпустила руку брата, села на землю и закрыла лицо ладонями. У нее были косички, которые, видимо, ей заплела мама. Пит смотрел на эти косички, думал о том, что мама девочки

уже никогда не заплетет ей косы, и от этой мысли ему стало по-настоящему плохо.

Маленький мальчик мрачно проговорил:

— Оно съело маму и папу. Оно съело тетю, у которой лошадка, и патрульного Джимми. Оно всех съест, наверное. Оно съест *весь мир*.

Если бы Питу Симмонсу было двадцать, он бы стал задавать идиотские, совершенно бессмысленные вопросы. Но ему было десять, и он своими глазами видел, что здесь произошло, поэтому задал простой вопрос. Вопрос по существу:

— Послушай, малышка, сюда уже едет полиция? Ты поэтому кричала «тридцать»?

Она отняла от лица руки и посмотрела на Пита заплаканными глазами.

— Да, они едут. Но Блейк правильно говорит. Их оно тоже съест. Я предупреждала патрульного Джимми, но он мне не поверил.

Пит ей верил, поскольку все видел. Но девчонка права. Полицейские им не поверят. То есть в конечном итоге поверят, но не раньше, чем это машиноподобное чудовище сожрет еще несколько человек.

— Думаю, это пришелец из космоса, — сказал он. — Как в «Докторе Кто».

— Нам не разрешают его смотреть, — ответил мальчик. — Мама с папой говорят, там страшно. Но здесь страшнее.

— Оно живое, — задумчиво произнес Пит.

— Да. — Рэйчел тяжело вздохнула, давясь слезами.

Солнце на миг скрылось за облаком, а когда вышло снова, у Пита появилась идея. Он надеялся показать Норми Терриолу и всем остальным «Чумовым громилам» нечто удивительное, чтобы его приняли в банду. Однако Джордж, как часто бывает со старшими братьями, вернул его с небес на землю: *Они уже тысячу раз видели этот малышовой фокус.*

Они, может, и видели, но эта тварь в виде машины могла и не видеть. Вообще *никогда*. Может, там, откуда она прилетела, нет увеличительных стекол. Или солнца, если на то пошло. Пит вспомнил серию «Доктора Кто» о планете, где всегда было темно.

Вдалеке ревела сирена. Скоро прибудет первый полицейский. Полицейский, который не поверит детишкам, потому что все взрослые считают детей недоумками и врунами.

— Вы оба оставайтесь здесь. А я попробую кое-что сделать.

— Нет! — Девочка мертвой хваткой вцепилась в руку Пита. — Оно и тебя тоже съест!

— Мне кажется, оно не может передвигаться, — сказал Пит, высвобождая руку. Там, где ногти девочки впились в кожу, остались царапины, но Пит не рассердился. Наверное, он сам вел бы себя точно так же, если бы пропали его родители. — Мне кажется, оно застряло на одном месте.

— Оно может *тянуться*, — возразила девочка. — Оно тянется шинами. Они тают.

— Я буду за ними следить, — пообещал Пит. — Но мне надо попробовать кое-что. Потому что ты права. Когда придет полиция, оно съест их всех. А вы стойте на месте.

Он подошел поближе к микроавтобусу (но не совсем близко) и расстегнул подседельную сумку. «Надо попробовать», — сказал он детишкам, но дело было в другом. Если честно, ему *хотелось* попробовать. Это будет похоже на научный эксперимент. Кому рассказать, прозвучит бредово, но не нужно ничего рассказывать. Нужно сделать, и все. Очень... очень... осторожно.

Он вспотел. Когда солнце вышло из облаков, сразу стало теплее, однако Пит потел не только из-за этого. Он поднял голову, шурясь на яркий свет. Голова вновь разболелась с ПОХМЕЛЬЯ, но и черт с ней. *Только не уходи за облака. Не смей уходить. Мне нужна твоя помощь.*

Он достал лупу и наклонился, чтобы положить сумку на землю. В коленях хрустнуло, и дверь микроавтобуса приоткрылась на пару дюймов.

Ему известно, что я рядом. Не знаю, видит оно меня или нет, но оно меня слышит. И, может быть, чувствует.

Пит сделал еще шаг вперед. Теперь он стоял так близко, что при желании мог дотронуться до микроавтобуса. Если бы у него вдруг возникло такое дурацкое желание.

— *Осторожнее!* — крикнула ему девочка. Они с братом стояли обнявшись. — *Следи за ним!*

Очень медленно и осторожно — как ребенок, сующий ладонь в клетку со львом, — Пит вытянул руку с лупой. На боку микроавтобуса появился круг света, но слишком большой. Слишком *мягкий*. Пит придвинул лупу ближе.

— *Колесо!* — закричал маленький мальчик. — *Смотри за КОЛЕСО-О-ОМ!*

Пит опустил глаза и увидел, что одна из покрышек тает. Щупальце жидкой резины ползло по асфальту к его ноге. Пит не мог отойти: тогда пришлось бы прервать эксперимент. Он поднял ногу и стоял теперь будто аист, на одной ноге. Щупальце тут же сменило направление и поползло к другой ноге.

Времени мало.

Он придвинул лупу еще ближе. Круг света сжался в яркую белую точку. Сначала ничего не произошло. А потом из-под точки света потекли завитки дыма, белая краска под ней почернела.

Изнутри микроавтобуса донесся нечеловеческий рев. Все инстинкты кричали: «Беги!» — но Пит справился с собой и остался на месте. Стиснул зубы и остался. Он твердо держал лупу, мысленно отсчитывая секунды. Когда досчитал до семи, рев сменился пронзительным криком. Питу показалось, что у него сейчас расколется голова. Рэйчел и Блейк разжали объятия и закрыли руками уши.

Патрульный Эл Эндрюс остановился у съезда в зону отдыха и вышел из машины, морщась от этого жуткого крика. *Как сирена воздушной тревоги, которую передают*

через мощные усилители на рок-концерте, скажет он позже. Он увидел парнишку, который держал что-то рядом со старым, заляпанным грязью микроавтобусом, то ли «фордом», то ли «шевроле». Мальчик кривился от боли. А может, это была не боль, а решимость. Или и то и другое вместе.

Черное дымящееся пятно на боку микроавтобуса начало расширяться. Белый дым сделался гуще. Стал серым, потом черным. Дальше события развивались стремительно. Пит увидел, как вокруг черного пятна заплясали синие языки пламени. Они разбежались во все стороны, но словно не по поверхности, а *над* ней, как бывало с угольными брикетами в гриле, когда папа поливал их жидкостью для розжига и бросал сверху горящую спичку.

Вязкое щупальце, почти подобравшееся к ноге Пита, резко отдернулось. Микроавтобус вновь сморщился, и синее пламя объяло его со всех сторон. Он сжимался все туже и туже, пока не превратился в пылающий шар. На глазах у Пита, детишек Люсье и патрульного Эндрюса огненный шар взмыл в голубое весеннее небо. Еще мгновение он был виден, сияющий, как уголек, а потом исчез без следа. Пит подумал о холодной черноте за пределами земной атмосферы — о бескрайнем космосе, где может жить и таиться все, что угодно.

Я его не убил, просто прогнал. Ему пришлось улететь, чтобы потушить огонь. Как горящую палочку в ведре с водой.

Патрульный Эндрюс ошеломленно смотрел вверх. В голове у него билась одна мысль: что, скажите на милость, он напишет в отчете об увиденном?

Вдалеке раздался звук сирен.

Пит подошел к детишкам, держа в одной руке сумку, в другой — лупу. Жалко, что здесь не было Джорджа и Норми. Хотя, с другой стороны, ну и что, что их не было? Он отлично провел день и без них, и его уже не волновало возможное наказание. По сравнению с его сегодняшними приключениями прыжки на великах в кучу песка — это просто «Улица Сезам».

Знаете что? Я круче всех.

Он бы, наверное, рассмеялся, если бы на него не смотрели детишки. У них на глазах какой-то уродский инопланетянин только что съел их родителей — съел *живьем*, — и сейчас было не время демонстрировать свою радость.

Маленький мальчик протянул пухлые ручки, и Пит подхватил его. Когда малыш чмокнул Пита в щеку, он не рассмеялся, а лишь улыбнулся.

— Спасибо тебе, — сказал Блейк. — Ты хороший мальчик.

Пит поставил его на землю. Девочка тоже поцеловала Пита, и это было даже мило, хотя было бы еще милее, будь она помладше.

Полицейский уже бежал к ним, и Пит кое-что вспомнил. Он наклонился к девочке и дыхнул ей в лицо:

— Чем-нибудь пахнет?

Рэйчел Люсье посмотрела на него очень по-взрослому.

— Все будет нормально, — ответила она и улыбнулась. Совсем чуть-чуть, но слабая улыбка — все же улыбка. — Главное, не дыши на него. И съешь что-нибудь мятное, прежде чем возвращаться домой.

— Как раз думал купить мятной жвачки, — сказал Пит.

— Да, — ответила Рэйчел. — Жвачка — самое то.

*Посвящается Наю Уиллдену и Дагу Аллену,
купившим мои первые рассказы*

«Гармония премиум»

У моей мамы было присловье на любой случай. («И Стивен помнит их все». — Я прямо слышу, как моя жена Табита произносит эти слова и непременно закатывает глаза.)

Мама любила говорить: «Молоко впитывает запахи всего, с чем стоит рядом». Не знаю насчет молока, но это чистая правда, когда речь идет о стилистическом становлении начинающего писателя. В молодости я писал, как Лавкрафт, когда читал Лавкрафта, и как Росс Макдональд, когда читал о приключениях частного детектива Лу Арчера.

Постепенно стилистическое подражание сходит на нет. Мало-помалу у писателя вырабатывается собственный стиль, уникальный, как отпечатки пальцев. Отголоски авторов, которых он читал в годы писательского становления, все равно остаются, но ритм его собственных мыслей — выражение мозговых импульсов, как мне кажется, — постепенно начинает доминировать. В конечном итоге никто не звучит, как Элмор Леонард, кроме самого Леонарда, и никто не звучит, как Марк Твен, кроме самого Твена. Однако время от времени стилистическое подражание возвращается. Так всегда происходит, когда писатель открывает для себя новый и по-настоящему замечательный способ выражения мыслей, который показывает ему, как по-новому видеть и говорить. «Жребий Салема» был написан под воздействием поэзии Джеймса Дикки, и если «Роза Марена» местами напоминает Кормака Маккарти, то лишь потому, что во

время работы над этой книгой я читал произведения Маккарти — все, которые смог достать.

В 2009 году редактор «Книжного обозрения» «Нью-Йорк таймс» предложил мне написать двойной обзор: книги Кэрл Скленика «Раймонд Карвер: жизнь писателя» и сборника рассказов самого Карвера, выпущенного «Американской библиотекой». Я согласился, в основном потому, что это дало мне возможность исследовать новую территорию. Будучи всеядным читателем, почему-то я упустил Карвера. Большое «слепое пятно» для писателя — более или менее современника Карвера, скажете вы и будете правы. В свое оправдание могу ответить только: *quot libros, quat breve tempus* — так много книг, так мало времени (и да, у меня есть такая футболка).

В любом случае меня поразили четкость стиля Карвера и великолепное напряжение его прозы. Все на поверхности, но эта поверхность настолько чиста и прозрачна, что читатель видит под ней живую вселенную. Мне понравились рассказы Карвера, мне понравились американские неудачники, о которых он писал с таким знанием дела и с такой нежностью. Да, он был алкоголиком, но это был человек с большим сердцем и уверенным чувством стиля.

Я написал «Гармонию премиум» вскоре после того, как прочел больше двух дюжин рассказов Карвера, так что неудивительно, что здесь ощущается привкус его историй. Если бы я написал этот рассказ в двадцать лет, наверняка получилась бы невнятная копия какого-нибудь писателя получше. Но я написал его в шестьдесят два, и мой собственный стиль проступил на поверхность — не знаю, к добру или к худу. Как и у многих великих американских писателей (таких как Филип Рот и Джонатан Франзен), у Карвера, похоже, отсутствует чувство юмора. Я же вижу юмор почти во всем. Здесь этот юмор черный, но, по-моему, лучше юмора и не придумаешь. Потому что — уясните себе, — когда речь заходит о смерти, остается только смеяться.

Они были женаты уже десять лет, и долгое время все шло хорошо — замечательно, — но теперь они ссорились. Теперь они ссорились часто. По сути, это всегда был один и тот же спор. Замкнутый круг. Когда они ссорятся, думает Рэй, это напоминает собачьи бега. Когда они ссорятся, они похожи на двух гончих псов, мчащихся за механическим зайцем. Раз за разом проносишься мимо одних и тех же декораций, но не видишь пейзажа. Видишь лишь зайца.

Ему кажется, все могло быть иначе, если бы у них были дети. Но жена не может иметь детей. Они наконец сдали анализы, и так сказали врачи. Проблема в ней. У нее что-то не так. Через год после этого он купил ей щенка, джек-рассел-терьера, которого она назвала Бизниз. Если кто спрашивал, Мэри всегда произносила его имя по буквам. Ей хотелось, чтобы все поняли шутку. Она любит эту собаку, но они все равно ссорятся.

Они едут в «Уол-март» за семенами газонной травы. Они решили продать дом — он стал им не по карману, — но Мэри говорит, что они никуда не продвинутся, если не сделают что-то с водопроводом и не благоустроят лужайку. Она говорит, эти лысые пятна придают ей затрапезно-ирландский вид. Лето выдалось жарким, и дождей не было очень долго. Рэй говорит, что ее семена не взойдут без дождя, будь они даже самые распрекрасные. Он говорит, что надо подождать.

— Пройдет еще один год, и ничего не изменится, — возражает она. — Мы не можем ждать еще год, Рэй. Мы станем банкротами.

Когда она говорит, Биз смотрит на нее с заднего сиденья. Иногда он смотрит и на Рэя, когда тот говорит, но не всегда. Обычно он смотрит на Мэри.

— Ты о чем? — спрашивает Рэй. — Если пойдет дождь, тебе не придется тревожиться о банкротстве?

— Мы с тобой в одной упряжке, если ты вдруг забыл, — отвечает она.

Теперь они проезжают через Касл-Рок. Он почти вымер. То, что Рэй называет «экономикой», давно исчезло из этой части Мэна. «Уол-март» располагается на другом конце города, рядом со зданием средней школы, где Рэй работает уборщиком. У «Уол-марта» есть собственный светофор. Люди по этому поводу шутят.

— Пенни сэкономил, а фунт потерял, — говорит он. — Слышала такую поговорку?

— Миллион раз, от тебя.

Он кричит. В зеркале видит, как пес наблюдает за Мэри. Иногда Рэя бесит, когда Биз так делает. Ему вдруг приходит в голову, что они оба не знают, о чем говорят. Это удручающая мысль.

— И остановись на минуточку у «Квик пика», — говорит она. — Хочу купить мячик на день рождения Талли.

Талли — дочь ее брата. Стало быть, Рэю она приходится племянницей, хотя он в этом не уверен, поскольку у них нет кровного родства.

— В «Уол-марте» тоже есть мячи, — говорит Рэй. — И там все дешевле.

— В «Квик пике» есть фиолетовые. Это ее любимый цвет. А в «Уол-марте» может и не быть фиолетовых.

— Если нет, мы заедем в «Квик пик» на обратном пути.

Он чувствует, как тяжелый груз давит ему на голову. Все равно будет, как хочет она. Она всегда добивается своего. Иногда ему кажется, что семейная жизнь — это футбольный матч, а он сам — куортербек в слабейшей команде.

Он должен выбрать подходящий момент. Сделать короткий пас.

— На обратном пути он будет на другой стороне, — говорит она, словно их затянуло в поток движения на бойкой улице в большом городе, словно они не ползут через почти опустевший городок, где закрывается большинство магазинов. — Я забегу на минуточку, куплю мячик и пулей назад.

При твоих двухстах фунтах, думает Рэй, о полетах пулей речь уже не идет.

— Они стоят всего девяносто девять центов, — говорит она. — Не будь таким скрягой.

А ты прекрати швырять деньги на ветер, думает он, но вслух отвечает:

— Раз уж ты все равно зайдешь, возьми мне пачку сигарет. У меня кончились.

— Если ты бросишь курить, мы сэкономим сорок долларов в неделю.

Он и так экономит. Он переводит деньги приятелю из Южной Каролины, чтобы тот слал ему сразу по дюжине блоков. В Южной Каролине блок дешевле на двадцать долларов. Это немалые деньги даже сейчас. Так что он экономит. Он говорил ей об этом сто раз, и еще не раз скажет, но какой в этом толк. У нее в одно ухо влетает, из другого вылетает. В голове ничего не задерживается, поскольку там пусто.

— Я выкуривал по две пачки в день, — говорит он. — А теперь — меньше половины. — На самом деле он курит больше. Она это знает, и Рэй знает, что она знает. Так всегда и бывает, когда столько лет проживешь вместе. Груз, давящий на голову, стал еще тяжелее. К тому же Рэй видит, что Биз по-прежнему смотрит на Мэри. Он кормит чертова пса, он *зарабатывает* на корм, но Биз все равно смотрит на Мэри. А еще говорят, что джек-рассел-терьеры смышленные.

Он сворачивает на стоянку у «Квик пика».

— Если ты так хочешь курить, покупай сигареты у индейцев, — предлагает она.

— В резервации уже десять лет не продают беспощадные сигареты, — отвечает он. — Я тебе сто раз говорил. Ты просто не слушаешь. — Он проезжает мимо бензоколонки и останавливается неподалеку от входа в магазин. Тени нет. Солнце стоит прямо над головой. Кондиционер в машине работает еле-еле. Они оба обливаются потом. Биз на заднем сиденье часто дышит, вывалив язык. Кажется, будто он улыбается.

— Значит, пора бросить курить, — констатирует Мэри.

— А тебе пора бросить жрать печенье с кремом, — заявляет Рэй. Он не хотел этого говорить — он знает, как она обижается на замечания насчет ее веса, — но слова сами сорвались с языка. Он не смог удержаться. Вот так вот.

— Я уже год его не ем.

— Мэри, коробка стоит в буфете, на верхней полке. Коробка на двадцать четыре штуки. За банкой с мукой.

— Ты шпионил за мной? — Ее щеки краснеют, и он видит ее такой, какой она была раньше: красивой. Ну ладно, хорошенькой. Все говорили, что она хорошенькая, даже его мать, которой Мэри совершенно не нравилась.

— Я искал открывашку, — объясняет он. — Купил лимонад. В стеклянной бутылке с металлической крышкой.

— И ты искал ее на верхней полке проклятого буфета?!

— Иди покупай свой мяч, — говорит он. — И возьми мне сигарет. Будь человеком.

— А никак нельзя потерпеть до дома?

— Можешь взять подешевле, — говорит он. — Они похуже, но подешевле. Называются «Гармония премиум». — На вкус напоминают засохший коровий навоз, но ничего. Ладно. Лишь бы Мэри заткнулась. Сейчас слишком жарко для споров.

— И где ты будешь курить? В машине, как я понимаю, и мне придется всем этим дышать.

— Я открою окно. Я всегда открываю.

— А я куплю мяч и вернусь. Если ты все еще будешь уверен, что тебе необходимо потратить четыре с половиной

доллара, чтобы отравить себе легкие, тогда сам и пойдешь. А я посижу с ребенком.

Рэя бесит, когда она называет Биза ребенком. Он — собака, и даже если он такой умный, каким его представляет Мэри, похваливаясь перед знакомыми, он все равно срет на улице и лижет то место, где у него были яйца.

— Купи себе пару печеныйц с кремом, — говорит он. — Или, может быть, там будет специальная цена на бисквиты.

— Ты злой, — отвечает она. Выходит из машины и хлопает дверью.

Он припарковался почти вплотную к зданию магазина, и Мэри приходится двигаться боком, пробираясь между стеной и машиной. Рэй знает, что она знает, что он за ней наблюдает и видит, какая она стала толстая. Он знает, что она думает, будто он нарочно припарковался так близко к зданию, чтобы ей пришлось идти боком, и, может, так и есть.

Ему очень хочется курить.

— Ну вот, Биз, старина, остались мы с тобой вдвоем.

Биз ложится на заднем сиденье и закрывает глаза. Пусть он встает на задние лапы и скребет ими пару секунд, когда Мэри включает музыку и велит ему танцевать, а если она говорит ему (ласковым голосом), что он *плохой мальчик*, бредет в угол и садится там мордой к стене, но он все равно гадит на улице.

Время идет, Мэри не возвращается. Рэй роется в бардачке, ищет хоть какие-нибудь сигареты, которые мог там забыть, но сигарет нет. Зато он находит «Снежок», маленькое шоколадное пирожное с кремовой начинкой, в целлофановой упаковке. Рэй тычет пальцем в «Снежок». Жесткий, как окоченелый труп. Ему уже тысяча лет. Может быть, больше. Может, он приплыл на Ноевом ковчеге.

— У каждого своя отрава, — говорит он. Разрывает обертку и бросает «Снежок» на заднее сиденье. — Хочешь, Биз? Давай оторвись.

Биз расправляется со «Снежком» в два укуса. Потом принимается слизывать с сиденья кокосовую стружку. Мэри наверняка разоралась бы, но Мэри здесь нет.

Рэй смотрит на индикатор уровня топлива и видит, что бак уже наполовину пуст. Можно, конечно, выключить двигатель и открыть окна, но тогда он точно сварится заживо. Сидя на солнце в ожидании жены, которая отправилась покупать фиолетовый мяч за девяносто девять центов, хотя ей известно, что в «Уол-марте» есть точно такие же по семьдесят девять. Но там они могут быть красными или желтыми. Талли такое не надо. Только фиолетовый для принцессы.

Он сидит и сидит, а Мэри все не идет.

— Господи Боже! — произносит он.

Его лицо обдувает прохладный воздух. Он снова думает выключить двигатель, чтобы сэкономить немного бензина, а потом говорит себе: какого черта?! И сигарет она ему не принесет. Даже самых дешевых. Это он знает наверняка. Зря он сказал про печенье в буфете.

В зеркале заднего вида он замечает молодую женщину. Та направляется к его машине. Она еще толще, чем Мэри; огромные сиськи колышутся под синим комбинезоном. Биз тоже видит ее и заливается лаем.

Рэй открывает окно.

— Ваша жена — блондинка? — спрашивает женщина, отдуваясь. — Блондинка в кроссовках? — Ее лицо блестит от пота.

— Да. Она пошла покупать мяч для племянницы.

— Ей стало плохо. Она упала. Лежит без сознания. Мистер Гош говорит, это может быть сердечный приступ. Он уже позвонил в Службу спасения. Вам лучше пойти туда.

Рэй закрывает машину и идет в магазин следом за женщиной в синем комбинезоне. После духоты в машине там прямо-таки холодно. Мэри лежит на полу, раскинув ноги. Рядом с проволочной корзиной, наполненной мячами. На корзине висит табличка: «ДЛЯ ЖАРКИХ ЛЕТНИХ ЗАБАВ». Глаза Мэри закрыты. Словно она спит здесь, на

линолеуме. Над ней стоят трое. Темнокожий мужчина в армейских штанах и белой рубашке. На бейджике написано: «МИСТЕР ГОШ, АДМИНИСТРАТОР». И еще два покупателя. Вернее, покупатель и покупательница. Худой, почти лысый старик. Ему уже хорошо за семьдесят. И толстая женщина. Толще Мэри. Толще девушки в синем комбинезоне. Рэй думает, если по справедливости, то это она должна бы сейчас лежать на полу.

— Сэр, вы ее муж? — спрашивает мистер Гош.

— Да, — отвечает Рэй. Ему кажется, этого мало, и он добавляет: — Да, я ее муж.

— Мне очень жаль, но, похоже, она умерла, — говорит мистер Гош. — Я ей делал искусственное дыхание «изо рта в рот», но... — Он пожимает плечами.

Рэй представляет, как этот темнокожий мужчина прижимал рот к губам Мэри. Вроде как целовал ее взасос. Дышал ей в горло рядом с проволочной корзиной, полной пластиковых мячей. Рэй опускается на колени.

— Мэри, — говорит он. — Мэри! — Словно пытается разбудить ее после тяжелой ночи.

Кажется, она не дышит, но тут нельзя сказать наверняка. Он подносит ухо к ее рту и не слышит вообще ничего. Чувствует движение воздуха на коже, но, может, это просто кондиционер.

— Этот джентльмен вызвал «скорую», — говорит толстая женщина. Она держит в руках большой пакет чипсов.

— Мэри! — говорит Рэй. На этот раз громче, но он не может заставить себя кричать. Только не сейчас, когда он стоит на коленях и его окружают посторонние люди. Он поднимает голову и произносит, словно извиняясь: — Она никогда не болеет. Она здорова как лошадь.

— Всякое в жизни бывает, — отвечает старик и качает головой.

— Она просто упала, — говорит молодая женщина в синем комбинезоне. — Без единого слова.

— Она не хваталась за сердце? — спрашивает толстая женщина с пакетом чипсов.

— Не знаю, — говорит молодая. — Кажется, нет. Я не видела. Она просто упала.

Рядом с корзиной с мячами стоит вешалка с сувенирными футболками. «МОИ ПРЕДКИ КЛЕВО ОТОРВАЛИСЬ В КАСЛ-РОКЕ, А МНЕ ПРИВЕЗЛИ ТОЛЬКО ЭТУ ПАРШИВУЮ ФУТБОЛКУ». Мистер Гош снимает одну и говорит:

— Хотите, я ей закрою лицо, сэр?

— Господи, нет! — Рэй даже вздрагивает. — Может, она просто в обмороке. Мы не врачи, мы не знаем.

Он смотрит поверх плеча мистера Гоша и видит троих подростков, заглядывающих в витрину. Один из них фотографирует на телефон.

Проследив за взглядом Рэя, мистер Гош оборачивается и бросается к выходу, размахивая руками:

— А ну, ребята, пошли отсюда! Давайте, давайте!

Подростки со смехом пьются от витрины, потом разворачиваются и бегут мимо бензоколонок на тротуар. За ними в полуденном мареве плывет почти опустевший город. Из проезжающей машины доносится ритмичный рэп. Басы напоминают Рэю пропавшее сердцебиение Мэри.

— Где «скорая»? — спрашивает старик. — Почему не едет?

Время идет, Рэй стоит на коленях рядом с женой. Спина и колени болят, но если он встанет, то будет похож на обычного зрителя.

Врачи приезжают на белом с оранжевыми полосами «шевроле-себебн» с красной мигалкой на крыше. Спереди написано: «СЛУЖБА СПАСЕНИЯ ОКРУГА КАСЛ», — в зеркальном отражении, чтобы водители на дороге смогли прочесть надпись в зеркале заднего вида. Умно придумано, думает Рэй.

Входят двое мужчин, одетых в белое. Они похожи на официантов. Один толкает тележку с кислородным баллоном. Баллон зеленый, на нем красуется наклейка с американским флагом.

— Прошу прощения, — говорит тот, который с тележкой. — Разбирались с автомобильной аварией в Оксфорде.

Второй врач видит Мэри, лежащую на полу с раскинутыми ногами и вытянутыми вдоль тела руками.

— Ну надо же, — говорит он.

Рэй не верит своим ушам.

— Она жива? — спрашивает он. — Может, она без сознания? Если да, надо быстрее дать ей кислород, пока не начались повреждения мозга.

Мистер Гош качает головой. Молодая женщина в синем комбинезоне вдруг заливается слезами. Рэй хочет спросить, почему она плачет, но потом понимает. Она придумала целую историю про него, исходя из того, что он только что сказал. Если он вернется сюда, скажем, через неделю и поведет себя правильно, ему, возможно, обломится сострадательный перепихон. Не то чтобы он *собирается* возвращаться, просто видит, что это вполне вероятно. Если ему захочется.

Зрочки Мэри не реагируют на фонарик. Один из врачей слушает ее несуществующее сердцебиение, другой измеряет несуществующее кровяное давление. Так продолжается какое-то время. Подростки возвращаются и приводят друзей. Собирается небольшая толпа зевак. Рэй решает, что их привлекает красная мигалка на крыше спасательного «себебна», точно так же, как свет на крыльце привлекает мотыльков. Мистер Гош снова бежит к ним, яростно жестикулируя. Они снова отходят. Потом мистер Гош возвращается к Мэри и Рэю, а подростки опять подходят ближе.

Один из врачей говорит Рэю:

— Это ваша жена?

— Да, жена.

— Мне очень жаль, сэр, но она умерла.

— Пусть Дева Мария благословит ее душу, — произносит толстая женщина с пакетом чипсов и крестится.

Мистер Гош предлагает сувенирную футболку, чтобы закрыть лицо Мэри, но врач качает головой и выходит на улицу. Он говорит толпе зевак, что смотреть здесь не на что, как будто кто-то поверит, что мертвая женщина на полу в «Квик пике» — это нисколько не интересно.

Врач вытаскивает каталку из багажника «себебна». Взмах рукой — и все готово. Ножки с колесиками раскладываются сами. Почти лысый старик держит дверь, и врач закатывает в магазин передвижное смертное ложе.

— Жарко там, — говорит он, вытирая лоб.

— Может, вам стоит отвернуться, сэр, — говорит другой врач, но Рэй продолжает смотреть. Врачи поднимают Мэри на каталку. На одном конце лежит сложенная простыня. Врачи разворачивают простыню и накрывают Мэри. Накрывают всю, с головой. Теперь она похожа на труп из фильма. Они вывозят ее на жару. На этот раз дверь придерживает толстая женщина с пакетом чипсов. Толпа отступает на тротуар. Там, наверное, дюжины три человек стоят под беспощадным августовским солнцем.

Поместив Мэри в машину, врачи возвращаются в магазин. Один из них держит папку-планшет. Он задает Рэю вопросы, много вопросов, не меньше двадцати пяти. Рэй отвечает на все и спотыкается только на возрасте. Потом вспоминает, что она моложе его на три года, и говорит: тридцать четыре.

— Мы отвезем ее в больницу Святого Стефана, — сообщает врач, держащий папку. — Можете ехать за нами, если не знаете, где это.

— Я знаю, — отвечает Рэй. — Вы что, собираетесь делать вскрытие? Будете ее резать?

Девушка в синем комбинезоне тихонько охает. Мистер Гош обнимает ее, и она утыкается лицом в его белую рубашку. Рэй мысленно задается вопросом, пялит ее мистер Гош или нет. Он надеется, что не пялит. Не потому, что у мистера Гоша смуглая кожа, а потому, что он в два раза старше ее. Мужчины в годах часто злоупотребляют своим положением, особенно начальники.

— Решать не нам, — говорит врач, — но, скорее всего, нет. Она умерла не в одиночестве...

— *Да уж*, — встревает женщина с чипсами.

— ...и это явно сердечный приступ. Вероятно, ее почти сразу отправят в морг. Только распорядитесь в какой.

В морг? Еще час назад они сидели в машине и ссорились.

— Я не знаю, в какой морг, — говорит Рэй. — У меня нет на примете ни морга, ни участка на кладбище, ничего. Да и зачем это мне? Ей всего *тридцать четыре*.

Врачи переглядываются.

— Мистер Баркетт, в больнице вам все подскажут. Не беспокойтесь.

— *Не беспокойтесь?* Какого черта?!

Машина спасателей выезжает со стоянки у магазина, проблесковые огни по-прежнему мигают, но сирена выключена. Толпа зевак потихоньку расходится. Продавщица в синем комбинезоне, старик, толстая женщина и мистер Гош смотрят на Рэя так, словно он знаменитость. Звезда.

— Она хотела купить фиолетовый мяч для нашей племянницы, — говорит он. — У нее день рождения. Исполняется восемь. Ее зовут Талли. В честь актрисы.

Мистер Гош берет из корзины фиолетовый мяч и протягивает Рэю двумя руками.

— За счет заведения, — говорит он.

— Спасибо, сэр, — отвечает Рэй.

Женщина с чипсами вытирает слезы.

— Матерь Божья, Дева Мария, — шепчет она.

Какое-то время они стоят, беседуют. Мистер Гош достаёт из холодильника лимонад. Тоже за счет заведения. Они пьют лимонад, и Рэй рассказывает им о Мэри, но умалчивает об их ссорах. Он рассказывает, как она сшила лоскутное одеяло, занявшее третье место на ярмарке рукоделия округа Касл. Это было в две тысячи втором. Или, может, в две тысячи третьем.

— Это так грустно, — говорит женщина с чипсами. Она открыла пакет и угостила всех присутствующих. Они едят чипсы и пьют лимонад.

— Моя жена умерла во сне, — сообщает почти лысый старик. — Прилегла вздремнуть на диване и не проснулась.

Мы были женаты тридцать семь лет. Я всегда думал, что уйду первым, но Господь распорядился иначе. До сих пор вижу, как она лежит на том диване. — Он качает головой. — Мне просто не верилось.

Наконец Рэй умолкает. У него истощается запас воспоминаний, а у них — ответов. Покупатели снова заходят в магазин. Одних обслуживает мистер Гош, других — женщина в синем комбинезоне. Потом толстая женщина говорит, что ей пора. Перед тем как уйти, она целует Рэя в щеку.

— Вам пора заняться делами, мистер Баркетт, — говорит она. Голосом одновременно укоряющим и игривым. Рэй видит возможность еще одного сострадательного перепихона.

Он смотрит на часы над прилавком. Большие часы с рекламой пива на циферблате. С тех пор как Мэри бочком пробралась между машиной и зданием магазина, прошло почти два часа. И только теперь он вспоминает о Бизе.

Когда он открывает машину, его обдаёт волной жара, а когда кладет руки на руль, тут же с криком отдергивает их. Внутри настоящая топка, градусов сто тридцать*, не меньше. На заднем сиденье лежит мертвый Биз. Глаза мутно-белесые. Язык вывалился из пасти. Пасть приоткрыта, и видны зубы. К усам прилипла кокосовая стружка. Это совсем не смешно — и все равно смешно. Не настолько, чтобы расхохотаться, но есть в этом что-то эдакое. Рэй не может сказать, что именно.

— Биз, старина, — говорит он. — Прости. Я совсем про тебя забыл.

Он смотрит на спекшегося джек-рассел-терьера, и его одолевают великая грусть и веселье одновременно. Ему чудовищно стыдно за это веселье. На самом деле все очень печально.

— Ну, теперь вы с ней вместе, да? — спрашивает он, и это так грустно и трогательно, что у него льются слезы.

* По Фаренгейту. Примерно 54,5 °С. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Льются градом. И пока он рыдает, ему вдруг приходит в голову, что теперь-то он сможет курить сколько хочет. Повсюду в доме. Он сможет курить даже в столовой, за ее обеденным столом.

— Теперь вы с ней вместе, Биз, — говорит он сквозь слезы. Сдавленным, хриплым голосом, как раз соответствующим ситуации, и это громадное облегчение. — Бедная старушка Мэри, бедный старина Биз. Хрен знает что!

Все еще плача и по-прежнему держа под мышкой фиолетовый мяч, он возвращается в «Квик пик». Говорит мистеру Гошу, что забыл купить сигареты. Он думает, может, мистер Гош даст ему пачку «Гармонии премиум» тоже за счет заведения, но щедрость мистера Гоша имеет пределы. Всю дорогу до госпиталя Рэй курит в машине с закрытыми окнами, с Бизом на заднем сиденье и кондиционером, включенным на полную мощность.

С мыслями о Раймонде Карвере

Бэтмен и Робин вступают в перебранку

Иногда рассказ сразу складывается целиком — готовое произведение. Но чаще всего рассказы приходят ко мне в два этапа: сначала чашка, а потом ручка. Может так получиться, что ручка появится лишь через несколько недель, или месяцев, или даже лет, поэтому у меня в голове есть маленький сундучок, набитый незавершенными чашками, каждая — в умо-зрительной защитной упаковке, которую мы называем памятью. Какой бы красивой ни была чашка, идти искать ручку — пустое дело, приходится ждать, пока ручка возникнет сама. Я понимаю, это убогая метафора, но когда речь идет о литературном творчестве, почти все метафоры убоги. Я пишу книги всю жизнь, однако до сих пор очень слабо представляю, как идет этот процесс. С другой стороны, я очень слабо представляю, как работает моя печень, но пока она справляется со своими задачами, меня это устраивает.

Почти шесть лет назад я едва не стал свидетелем аварии на оживленном перекрестке в Сарасоте. Какой-то водитель-ковбой пытался протиснуться на своем грузовике в левую полосу, уже занятую другим грузовиком. Водитель, на чье пространство посягали, нажал клаксон, послышался неизбежный визг тормозов, и два бензиновых мастодонта едва не столкнулись, разминувшись буквально на пару дюймов. Водитель, стоявший в левом ряду, опустил стекло и поднял средний палец к синему небу Флориды в тра-

диционном американском приветствии, столь же священном, как и бейсбол. Парень, который едва в него не впилился, ответил тем же и еще, как Тарзан, застучал кулаками в грудь, что, по-видимому, означало: Хочешь подраться? Потом на светофоре загорелся зеленый, другие водители принялись нетерпеливо сигналить, и те двое поехали каждый своей дорогой, так и не вступив в схватку.

Этот случай заставил меня задуматься: а что могло бы произойти, если бы те парни вышли из машин и начали выяснять отношения прямо там, на Тамай-ами-трейл? Мысль вполне обоснованная — агрессивное поведение на дороге мы видим сплошь и рядом. К сожалению, «сплошь и рядом» не входит в рецепт хорошей истории. И все-таки эта едва не случившаяся авария накрепко врезалась мне в память. Это была чашка без ручки.

Спустя год, может, чуть больше, мы с женой обедали в «Эпплби», и я увидел мужчину за пятьдесят, который резал на маленькие кусочки рубленую котлету для совсем пожилого джентльмена. Резал заботливо и аккуратно, а пожилой человек смотрел пустыми глазами поверх его головы. В какой-то момент старик, похоже, включился в реальность и схватил вилку и нож, вероятно, чтобы самому за собой поухаживать. Его спутник улыбнулся и покачал головой. Старик вернул нож и вилку на место и снова уставился в пространство. Я решил, что это отец и сын, и так у меня появилась она — ручка для чашки, — а потом и эта история об агрессии на дороге.

Сандерсон навещает отца дважды в неделю. Вечером по средам он запирает ювелирную лавку, которую в незапамятные времена открыли его родители, садится в машину и едет три мили до «Овощной фермы», где и встречается с папой, обычно — в общей гостиной. Или в папином «люксе», если отец нехорошо себя чувствует. По воскресеньям — не каждое воскресенье, но часто — Сандерсон вывозит отца куда-нибудь пообедать. Учреждение, где отец доживает свои последние замутненные годы, это пансионат особого ухода «Харвест-Хиллз», но название «Овощная ферма» кажется Сандерсону более точным.

Они, в общем, неплохо проводят время вместе, и совсем не потому, что Сандерсону больше не нужно менять белье, когда отец ходит под себя, и больше не нужно вскакивать по ночам, когда тот бродит по дому, зовет жену, чтобы она приготовила ему яичницу, или говорит Сандерсону, что эти проклятые мальчишки Фредерики опять забрались к ним во двор и пьют алкоголь, и орут друг на друга (Дори Сандерсон умерла пятнадцать лет назад, а трое братьев Фредерик уже не мальчишки и давным-давно переехали из их района). Есть старая шутка насчет болезни Альцгеймера: ее плюс в том, что каждый день узнаешь что-то новое и знакомишься с новыми людьми. Сандерсон обнаружил, что настоящий плюс заключается в том, что сценарий почти никогда не меняется. Это значит, что почти никогда не приходится импровизировать.

Вот, например, «Эпплби». Хотя они с папой обедают там постоянно уже больше трех лет, папа почти всегда заявляет одно и то же: «Неплохое местечко. Надо бывать тут почаще». Он всегда берет рубленую котлету, обязательно слабо прожаренную, а когда приносят хлебный пудинг, говорит, что пудинг его жены гораздо вкуснее. В прошлом году в «Эпплби» на Коммерс-уэй перестали готовить хлебный пудинг, и папа — после того как Сандерсон четыре раза прочел ему десертное меню и после бесконечных двух минут размышлений — заказал яблочный коблер. Когда его принесли, папа заметил, что Дори всегда подавала яблочный коблер со взбитыми сливками. А потом просто сидел, глядя в окно на шоссе. В следующий раз он высказался точно так же, но съел весь коблер до крошки.

Обычно папа помнит, как зовут Сандерсона и кем тот ему приходится, но иногда называет Сандерсона Регги, именем его старшего брата. Регги не стало сорок лет назад. Когда Сандерсон собирается уходить из «люкса» по средам — или по воскресеньям, вернув отца на «Овощную ферму», — папа неизменно его благодарит и обещает, что в следующий раз будет чувствовать себя лучше.

В молодости — до встречи с Дори Левин, которая его окультурила, — папа работал бурильщиком на нефтяных скважинах в Техасе, и иногда в нем просыпается этот грубый рабочий парень, который и думать не думал о том, что станет преуспевающим владельцем ювелирной лавки в Сан-Антонио. В таких случаях он сидит у себя в «люксе» и никуда не выходит. Однажды он перевернул кровать и при этом сломал запястье. Когда дежурный санитар — Хосе, любимчик отца — спросил, почему он так сделал, отец ответил, что это все из-за проклятого Гантона, который никак не выключит свое радио. Разумеется, никакого Гантона там нет. Сейчас нет. Когда-то, может, и был. Вероятно.

В последнее время у папы развилась склонность к kleптомании. Санитары, медсестры и доктора находят в его палате самые разные вещи: цветочные вазы, пластиковые ложки, ножи и вилки из столовой, пульт от теле-

визора, что стоит в общей гостиной. Однажды Хосе обнаружил под папиной кроватью большую коробку из-под сигар, в которой лежали фрагменты пазлов и несколько десятков игральных карт из разных колод. Папа не может объяснить никому, включая собственного сына, зачем берет все эти вещи, и обычно отрицает, что вообще их брал. Однажды он сказал Сандерсону, что это Гандерсон пытается его подставить.

— Ты хотел сказать Гантон, папа? — спросил Сандерсон.

Папа взмахнул тонкой, костлявой рукой:

— Этот пошляк только и думал что о бабских шмондях. Тот еще ходок за шмондями из Больших Шмондей.

Однако приступы kleптомании вроде бы теперь все реже — по крайней мере, так говорит Хосе, — и в это воскресенье папа ведет себя вполне спокойно. Сегодня не день просветления, но все же не худший из дней. Вполне можно пойти в «Эпплби», и если отец не обмочится в ресторане, будет вообще замечательно. Он носит подгузники, но запах все равно есть. По этой причине Сандерсон всегда выбирает столик в углу. Проблемы с выбором столика нет; они с папой обедают в два, а к тому времени воскресные толпы расходятся по домам смотреть по телевизору бейсбол или футбол.

— Ты *кто*? — спрашивает папа в машине. Погода солнечная, но прохладная. В огромных темных очках и шерстяном пальто отец похож на дядюшку Джуниора, старого гангстера из «Клана Сопрано».

— Я Дуги, — говорит Сандерсон. — Твой сын.

— Я помню Дуги, — отвечает папа, — но он умер.

— Нет, папа. Не умер. Умер *Регги*. Он... — Сандерсон умолкает и ждет, что, может, отец закончит за него. Но тот молчит. — Он разбился на машине.

— Ехал пьяным, да? — спрашивает папа. Это больно даже после стольких лет. В этом минус состояния отца: он способен на необдуманную жестокость, которая все равно ранит.

— Нет, — говорит Сандерсон. — Пьяным был парень, который его ударил, а сам отделался царапинами.

Сейчас этому парню уже хорошо за пятьдесят. Может, у него седина на висках. Сандерсон надеется, что у этого выросшего теперь подростка, который убил его брата, сколиоз четвертой степени, что его жена умерла от рака яичников, что сам он переболел свинкой и остался слепым и стерильным, но, скорее всего, с ним все нормально. Держит где-нибудь бакалейную лавку. Может, даже, помоги им Господь, владеет сетью ресторанов «Эпплби». Почему нет? Тогда ему было шестнадцать. С тех пор много воды утекло. Ошибка юности. Все в прошлом. А Регги? И Регги в прошлом. Скелет внутри истлевшего костюма под надгробной плитой на Мишн-Хилл. Иногда Сандерсон даже не может вспомнить, как он выглядел.

— Мы с Дуги играли в Бэтмена и Робина, — говорит папа. — Это была его любимая игра.

Они останавливаются на светофоре, на перекрестке Коммерс-уэй и Эйрлайн-роуд, где скоро произойдет нечто малоприятное. Сандерсон смотрит на отца и улыбается:

— Да, папа! Точно! Мы даже как-то пошли собирать конфеты на Хеллоуин, нарядившись Бэтменом и Робин-ом, помнишь? Я тебя уговорил. Крестоносец-в-Плаще и Чудо-мальчик.

Папа смотрит прямо перед собой и молчит. О чем он думает? Или все его мысли сгладились до несущей частоты? Сандерсон иногда представляет, как может звучать эта почти ровная линия: *м-м-м-м-м-м-м*. Как гул тестовой сетки в старом телевизоре, черно-белом, еще до кабелей и спутников.

Сандерсон по-дружески сжимает тонкую руку отца под шерстяным рукавом:

— Ты напился до чертиков, и мама страшно ругалась, но я здорово повеселился. Это был лучший Хеллоуин в моей жизни.

— Я не брал в рот ни капли, если жена была рядом, — отвечает папа.

Да, думает Сандерсон, когда на светофоре включается зеленый. Она тебя отучила.

— Помочь тебе разобраться с меню, папа?

— Я умею читать, — отвечает отец. Читать он уже разучился, но в их уголке светло, и папа сумеет разглядеть картинки даже в темных гангстерских очках дя-дюшки Джуниора. К тому же Сандерсон знает, что он закажет.

Официант приносит им холодный чай, и папа говорит, что возьмет рубленую котлету, слабо прожаренную.

— Чтобы была розовая, но без крови, — говорит он. — Будет с кровью, отправлю обратно.

Официант кивает:

— Как обычно.

Папа смотрит на него с подозрением.

— На гарнир зеленую фасоль или капустный салат?

Папа фыркает:

— Издеваешься? Какая зелень? В тот год даже дешевенькая бижутерия не продавалась, о крупняке и думать забудь.

— Капустный салат, — говорит Сандерсон. — А мне, пожалуйста...

— *Голяк, а не зелень!* — произносит папа с нажимом и надменно смотрит на официанта, как бы спрашивая: ты посмеешь мне возразить?

Официант, который обслуживал их уже не один раз, только кивает и говорит:

— Просто салат. — Потом обращается к Сандерсону: — А вам, сэр?

Они едят. Отец не хочет снимать пальто, поэтому Сандерсон просит пластиковый слюнявчик и повязывает папе на шею. Папа не возражает, возможно, он вообще этого не замечает. Немного капусты падает ему на брюки, но слюнявчик улавливает почти все капли грибного соуса. Под конец обеда отец сообщает во всеуслышание, что ему

так сильно хочется в туалет, что он прямо чувствует вкус мочи в горле.

Сандерсон провожает его в уборную, и папа разрешает ему расстегнуть молнию у него на брюках, но когда Сандерсон хочет стянуть с него эластичный подгузник, папа шлепает его по руке.

— Не трогай чужую сардельку, малыш, — говорит он раздраженно. — Или ты не в курсе?

Эти слова пробуждают одно давнее воспоминание: Дуги Сандерсон стоит перед унитазом, с шортами, спущенными до лодыжек, а папа пристроился на коленях рядом и дает инструктаж. Сколько ему тогда было? Три года? Или два? Да, наверное, только два, но он хорошо это помнит. Воспоминание — словно яркий солнечный блик на стекле рядом с дорогой, столь идеальный, что на сетчатке остался послеобраз.

— Вынимаешь оружие, занимаешь позицию и стреляешь по готовности, — говорит он. Папа косится на него с подозрением, а потом разбивает сердце Сандерсона широкой улыбкой. — Я так говорил моим мальчикам, когда приучал их ходить в туалет, — произносит он. — Дори считала, что это моя задача, и я ее выполнил, ей-богу.

Он выпускает струю, и большая часть действительно попадает в писсуар. Пахнет кислым и сладким. Это из-за диабета. Но теперь-то без разницы, верно? Иногда Сандерсон думает, что чем скорее, тем лучше.

Когда они возвращаются к своему столику, папа, по-прежнему в пластиковом слюнявчике, выносит вердикт:

— Неплохое местечко. Надо бывать здесь почаще.

— Хочешь десерт, папа?

Папа обдумывает это предложение, глядя в окно, при этом его челюсть отвисает. Или это просто несущая частота? Нет, на этот раз — нет.

— Пожалуй, в меня еще что-нибудь влезет.

Они оба заказывают яблочный коблер. Отец разглядывает шарик ванильного мороженого и хмурится:

— Моя жена подавала яблочный коблер со взбитыми сливками. Ее звали Дори. Сокращенно от Дорин. Как в «Клубе Микки-Мауса». Всем привет, вам тут рады.

— Я знаю, папа. Ешь.

— Ты Дуги?

— Да.

— Правда? Это не розыгрыш?

— Нет, папа. Я Дуги.

Отец подносит ко рту ложку с яблоками и мороженым, с которой стекают тяжелые капли.

— Мы это сделали, да?

— Что мы сделали?

— Пошли собирать сласти на Хеллоуин в костюмах Бэтмена и Робина.

Сандерсон смеется, удивленно и радостно.

— Да, папа! Мама сказала, что я-то родился безмозглым, но тебе нет оправдания. И Регги воротил от нас нос. Ему претила вся эта затея.

— Я был пьян, — говорит отец и ест десерт. Доев все до крошки, он рыгает и тычет пальцем в окно: — Посмотри, что там за птицы. Еще раз, как они называются?

Сандерсон смотрит. Птицы сидят тесной группкой на мусорном баке на стоянке у ресторана. Еще несколько сидит на заборе.

— Это вороны, папа.

— Боже, я знаю, — говорит он. — В то время вороны нас не беспокоили. У нас была пневматическая винтовка. Слушай, — он деловито подается вперед, — мы бывали здесь раньше?

Сандерсон быстро обдумывает метафизический потенциал, заключенный в этом вопросе, потом отвечает:

— Да. Мы здесь обедаем почти каждое воскресенье.

— Ну, это хорошее место. Но, полагаю, нам пора ехать обратно. Я устал. И мне надо... того, другого.

— Вздремнуть.

— Именно, — говорит отец с надменным видом.

Сандерсон подзывает официанта, чтобы им принесли счет, и, пока он расплачивается на кассе, отец направляется к выходу, засунув руки в карманы пальто. Сандерсон быстро хватается за сдачу и бежит следом за ним, пока он не вышел на стоянку, а то и на оживленную Коммерс-уэй.

— Хорошая была ночка, — говорит папа, когда Сандерсон пристегивает его ремень безопасности.

— Какая ночка?

— Хеллоуин, балбес. Тебе было восемь, значит, это было в тысяча девятьсот пятьдесят девятом. Ты родился в пятьдесят первом.

Сандерсон удивленно глядит на отца, но старик смотрит прямо перед собой. Сандерсон закрывает пассажирскую дверь, обходит машину спереди и садится за руль. Первые два-три квартала они молчат, и Сандерсон решает, что отец все забыл. Но он не забыл.

— Когда мы подошли к дому Форестеров у подножия холма... ты же помнишь холм, да?

— Холм на Черч-стрит. Да, конечно.

— Точно! Норма Форестер открывает дверь и говорит тебе — еще прежде, чем ты успел открыть рот, — она говорит: «Сласти или напасти?» Потом смотрит на меня и спрашивает: «Выпивасти или напасти?» — Папа кричит, словно несмазанная дверь. Сандерсон не слышал этого звука уже больше года. Отец даже хлопает себя по бедру. — Выпивасти или напасти! Это было сильно! Ты же помнишь, да?

Сандерсон честно пытается вспомнить, но ничего не выходит. Он помнит только, как был доволен и счастлив, что папа пошел вместе с ним, пусть даже папин костюм Бэтмена — собранный на скорую руку — был совершенно убогим. Серая пижама, на груди черным маркером нарисован знак Бэтмена. Плащ, выкроенный из старой простыни. Многофункциональный пояс Бэтмена был пред-

ставлен обычным кожаным ремнем, за который папа заткнул несколько стамесок и отверток — и даже разводной гаечный ключ, — все это он взял из ящика с инструментами в гараже. На голове — побитая молью лыжная маска, которую папа закатал до носа, чтобы был виден рот. Прежде чем выйти на улицу, папа встал перед зеркалом в прихожей, оттянул маску сверху и подоткнул, чтобы сделать два уха, но они не держались.

— Она предложила мне бутылку пива, — говорит отец.

Они проехали уже девять кварталов по Коммерс-уэй и приближались к перекрестку с Эйрлайн-роуд.

— И ты взял?

Отец в ударе. Сандерсону очень хотелось бы, чтобы так продолжалось всю дорогу до «Овощной фермы».

— Конечно, взял. — Отец надолго умолкает. При приближении к перекрестку Коммерс-уэй расширяется до трех полос. Левая полоса — для тех, кто сворачивает налево. Светофор прямо горит красным, но для левой полосы — зеленая стрелка. — Сиськи у этой девчонки были как две подушки. А как мы с ней любили! Лучше ее у меня не было никого!

Да, они делают тебе больно. Сандерсон знает это не только по собственному опыту, но и из разговоров с другими людьми — родственниками пациентов «Фермы». Обычно они не хотят задевать твои чувства, но задевают. Те воспоминания, что у них еще остаются, все перепутались — как ворованные кусочки пазлов, найденные Хосе в коробке из-под сигар под папиной кроватью, — и у обитателей «Фермы» нет внутреннего ограничителя, который подсказывал бы, что можно говорить, а чего нельзя. У Сандерсона никогда не было причин подозревать отца в том, что тот хоть раз изменил жене за все сорок с чем-то лет их совместной жизни, хотя, наверное, все взрослые дети не сомневаются в своих родителях, если их брак был спокойным и мирным.

Он на миг отрывает взгляд от дороги и смотрит на отца, и поэтому происходит авария, а не просто опасная

ситуация из тех, что бывают сплошь и рядом на бойких улицах вроде Коммерс-уэй. Впрочем, авария не слишком серьезная, и хотя Сандерсон не отрицает, что на секунду отвлёкся от дороги, он знает, что это была не его вина.

Большой пикап на огромных колесах, с батареей фар на крыше, вырывает на его полосу, чтобы перестроиться влево и успеть повернуть, пока горит стрелка. Задний поворотник не включен; Сандерсон успевает это заметить, когда капот его «субару» въезжает в зад пикапа. Их с папой резко бросает вперед, но пристегнутые ремни защищают от удара. На прежде гладком капоте «субару» вздымается смятая горка металла, однако подушки безопасности не срабатывают. Со звоном бьется стекло.

— Идиот! — кричит Сандерсон. — Господи!

Потом он совершает ошибку. Он нажимает кнопку, которая опускает стекло, высовывает руку в окно и показывает средний палец водителю пикапа. Позже он придет к выводу, что сделал это лишь потому, что с ним в машине сидел отец, и отец был в ударе.

Папа. Сандерсон поворачивается к нему:

— С тобой все в порядке?

— Что случилось? — спрашивает отец. — Почему мы остановились?

Он немного растерян, но в остальном с ним все в порядке. Хорошо, что он был пристегнут, хотя в наше время попробуй не пристегнись. Машина сама не допустит подобного безобразия. Проедешь непристегнутым пятьдесят футов, и она начнет возмущенно пищать. Сандерсон тянет руку к бардачку, открывает его, достает водительские права и страховку. Когда он выпрямляется, водительская дверь пикапа распахнута настежь, а сам водитель идет к нему, совершенно не обращая внимания на машины, которые сигналият и пытаются объехать место аварии. Машин не так много, как в будние дни, но Сандерсон не считает это удачей, он смотрит на приближающегося водителя пикапа и думает: кажется, я крупно влип.

Он знает этого парня. Не лично его, а такой типаж. Южный Техас как он есть. Парень одет в джинсы и футболку с оторванными по шву рукавами. Не отрезанными, а именно оторванными, так что нитки висят бахромой на загорелых мускулистых предплечьях. Ремня на джинсах нет, сами джинсы низко сидят на бедрах, выставляя на всеобщее обозрение марку трусов. Толстая цепь, прикрепленная карабином к петле на поясе джинсов, уходит в задний карман, где, вне всяких сомнений, лежит здоровенный кожаный бумажник, возможно, украшенный эмблемой какой-нибудь хэви-метал-группы. Руки сплошь покрыты татуировками, заходящими даже на шею. Когда камеры видеонаблюдения показывают таких вот парней перед ювелирной лавкой Сандерсона, он всегда нажимает кнопку, блокирующую входную дверь, так что с улицы в магазин не войдешь. А сейчас ему хочется нажать кнопку, которая блокирует двери машины, но он, конечно, не станет этого делать. Сандерсон уже сто раз пожалел о том, что показал палец этому парню, а ведь у него было время подумать, пока он опускал стекло. Но теперь уже поздно.

Сандерсон открывает дверь и выходит из машины, готовый решить все мирно и даже извиниться, хотя ему не за что извиняться — тот парень выскочил перед ним и даже не включил поворотник! Но его что-то тревожит, тревожит настолько, что мурашки бегут по рукам и по шее, которая сразу взмокла, как только он выбрался из машины, где работает кондиционер. Татуировки у парня грубые, беспорядочные: цепи вокруг бицепсов, ветки терновника на предплечьях, на одном запястье — кинжал с каплей крови, стекающей с острия. Они сделаны явно не в салоне. Это тюремные наколки. Парень — настоящий амбал. Не меньше шести футов двух дюймов в сапогах и не меньше двухсот фунтов с одеждой. А то и все двести двадцать. Рост Сандерсона — пять футов девять дюймов, а весит он сто шестьдесят фунтов.

— Послушайте, я сожалею, что показал вам палец, — говорит Сандерсон. — Просто вспылil. Но вы перестроились, не включив...

— Смотри, что ты сделал с моей машиной! — перебивает его татуированный амбал. — Я на ней и трех месяцев не проездил!

— Нам нужно обменяться данными по страховке.

И еще им нужен полицейский. Сандерсон оглядывается по сторонам и видит только зевак в автомобилях, которые притормаживают, чтобы объехать место аварии, и уносятся прочь.

— Откуда у меня взяться страховке, если я еще даже не расплатился за эту дуру?

Страховка нужна обязательно, думает Сандерсон, это закон. Только парням вроде этого плевать на закон. Что лишний раз подтверждает резиновая мошонка, болтающаяся под задним номерным знаком.

— Ты чего меня не пропустил, придурок?

— У меня не было времени затормозить, — говорит Сандерсон. — Вы перестроились, а поворотник не включили...

— Я включил поворотник!

— Тогда почему он не горит? — спрашивает Сандерсон.

— Потому что ты расколотил мою фару, кретин! Что я скажу своей девушке? Все выплаты записаны на нее! И не тычь мне в лицо этой дрянью!

Он бьет Сандерсона по руке, в которой тот держит права и страховочную карточку. Они падают на асфальт. Сандерсон ошеломленно смотрит вниз. Его документы валяются на дороге.

— Я сейчас поеду, — говорит амбал. — Я сам чиню свою тачку, а ты сам чинишь свою. Вот так мы и поступим.

«Субару» Сандерсона пострадал гораздо сильнее, чем пикап-переросток, ремонт обойдется тысячи в полторы-две, но Сандерсон возмущается не из-за этого. И не из-за боязни, что амбал может уйти безнаказанным — тут все-

го-то и нужно, что записать номерной знак, под которым болтается резиновая мошонка. И даже не из-за жары, которая просто убийственна. Может быть, Сандерсон и не стал бы возмущаться, если бы не его старенький отец, сидящий на пассажирском сиденье, не понимающий, что случилось, и нуждающийся в отдыхе и покое. Отец хотел лечь вздремнуть. Сейчас они были бы уже на полпути к «Овощной ферме», но нет. Нет. Потому что этот урод полез перестраиваться, нарушая правила. Потому что ему надо было успеть повернуть, пока горит зеленая стрелка, а иначе весь мир погрузился бы во мрак и вострубили трубы Страшного суда.

— Нет, так не получится, — говорит Сандерсон. — Это вы виноваты. Вы выскочили на мою полосу прямо передо мной, не включив поворотник. У меня не было времени затормозить. Я хочу увидеть ваши права. И документы на машину.

— Иди в жопу, — отвечает амбал и бьет Сандерсона кулаком в живот. Сандерсон сгибается пополам, из легких выходит весь воздух. Ему следовало понять, что не стоит провоцировать этого психа, и он это *понимал*, каждый бы понял при одном только взгляде на эти любительские наколки, но все равно возразил, поскольку не представлял, как что-то подобное может случиться среди бела дня, на оживленном перекрестке Коммерс-уэй и Эйрлайн-роуд. Он человек миролюбивый. В последний раз дрался в третьем классе из-за бейсбольных карточек.

— Вот тебе документы, — говорит амбал. Пот ручьями течет по его лицу. — Надеюсь, ты доволен. А насчет прав — у меня их нет. Понятно тебе? Ни хрена *нет*. У меня сейчас будет полная жопа, и все из-за тебя. Сидел там, дрочил за рулем вместо того, чтобы смотреть на дорогу. Пидор коммнатный!

И тут амбал слетает с катушек. Может, из-за аварии, или из-за жары, или из-за того, что Сандерсон так настойчиво требовал показать документы, которых у него не было. Может, даже просто из-за звука собственного голо-

са. Сандерсон много раз слышал фразу «слететь с катушек», но только теперь по-настоящему понимает, что это такое. Его учителем становится татуированный шкаф, и, надо сказать, учитель из него хороший. Шкаф сцепляет пальцы в замок, сооружая двойной кулак. Сандерсон еще успевает заметить, что на костяшках пальцев у этого парня наколоты синие глаза, а потом ему в лицо бьет кувалда, и он отлетает назад, к покореженному правому боку своей машины. Он чувствует, как металлическая зазубрина рвет рубашку и кожу под ней. Кровь стекает по боку, горячая, словно он в лихорадке. Потом колени подкашиваются, и Сандерсон падает на асфальт. Смотрит на свои руки и не верит, что они его. Правой щеке горячо, по всем ощущениям, она раздувается, словно тесто. Из правого глаза градом льют слезы.

Следующий удар приходится по больному боку, сразу над талией. Сандерсон ударяется головой о правую переднюю крышку «субару». Пытается отползти подальше от тени татуированного амбала. Амбал орет на него, но Сандерсон не разбирает слов, только *бу-бу-бу* — так взрослые разговаривают с детьми в мультике «Мелочь пузатая». Сандерсон хочет сказать ему: ладно, ладно, каждому свое, кому — арбуз, а кому — свиной хрящик, и какой смысл ругаться. Он хочет сказать: давай без обид (пусть даже его самого очень крепко обидели), ты идешь своей дорогой, я иду своей, счастливого пути, увидимся завтра, мышкетеры. Но он не может вдохнуть. Кажется, сейчас у него случится сердечный приступ, если уже не случился. Он пытается поднять голову — раз уж ему суждено умереть, то перед смертью хотелось бы посмотреть на что-то более интересное, чем асфальт на Коммерс-уэй и капот собственной разбитой машины, — но ничего не получается. Шея напоминает вареную макаронину.

Еще один пинок. На этот раз — по левому бедру. А потом татуированный амбал издает странный гортанный крик, и на серый асфальт каплют красные капли. Поначалу Сандерсон думает, что кровь идет у него из носа —

или, может быть, из разбитой губы, — но тут теплые струйки проливаются ему на затылок. Словно теплый тропический дождь. Сандерсон отползает чуть дальше, за капот своей машины, и там ему удастся перевернуться и сесть. Он смотрит вверх, шурясь на яркий солнечный свет, и видит папу, стоящего рядом с амбалом. Амбал согнулся пополам, будто у него прихватило живот. Одной рукой он держится сбоку за шею, из которой торчит какая-то деревяшка.

Поначалу Сандерсон не понимает, что произошло, но потом до него доходит: деревяшка — рукоятка ножа, и этот нож Сандерсон уже видел. Он его видит почти каждое воскресенье. Чтобы разрезать рубленую котлету, которую папа всегда берет на воскресных обедах, не нужен острый столовый нож, котлету легко разломать вилкой, однако нож им все равно приносят. Такой уж в «Эпплби» сервис. Возможно, папа не помнит, кто из сыновей приезжает его навестить, не помнит, что его жена умерла, и, наверное, даже не помнит свое второе имя, но он, похоже, не потерял рассудительную жестокость, благодаря которой сумел превратиться из простого рабочего-буровика в преуспевающего владельца ювелирного магазина.

Он подстроил все так, чтобы я отвлекся на птиц, думает Сандерсон. На ворон на стоянке. А сам потихоньку взял нож.

Татуированный амбал теряет интерес к человеку, сидящему на дороге, и даже не смотрит на старика. Амбал начинает кашлять. Каждый раз, когда он кашляет, у него изо рта вылетает алая струйка. Одной рукой он пытается выдернуть нож из шеи. Кровь заливает его футболку, кровь забрызгала джинсы. Он идет в сторону перекрестка Коммерс-уэй и Эйрлайн-роуд (где все движение остановилось), по-прежнему кашля и не разгибаясь. Его свободная рука делает приветственный взмах: *Здравствуй, мама!*

Сандерсон поднимается. Ноги дрожат, но держат. Он слышит рев приближающихся сирен. Вот и полиция. Как всегда, слишком поздно.

Сандерсон обнимает отца за плечи.

— Папа, с тобой все в порядке?

— Этот мужик тебя бил, — буднично произносит папа. — Кто он такой?

— Я не знаю. — По щекам Сандерсона текут слезы. Он вытирает их.

Татуированный амбал падает на колени. Он больше не кашляет. Теперь он издает глухое, сдавленное рычание. Большинство зевак остается на месте, и лишь парочка смельчаков подходит к амбалу, желая помочь. Сандерсон думает, что ему, вероятно, уже не поможет, но флаг им в руки.

— Мы уже пообедали, Регги?

— Да, папа, мы пообедали. И я Дуги.

— Регги умер. Ты же мне говорил?

— Да, папа.

— Этот мужик тебя бил. — У папы лицо ребенка, который ужасно устал и хочет спать. — У меня голова разболелась. Давай поедem. Мне надо прилечь.

— Сначала надо дождаться полицию.

— Зачем? Зачем нам полиция? *Кто* этот мужик?

Сандерсон чувствует запах дерьма. Его отец наложил в штаны.

— Давай ты сядешь в машину, папа.

Отец позволяет Сандерсону провести его вокруг смятого капота «субару». Говорит:

— Славный был Хеллоуин, да?

— Да, папа.

Сандерсон помогает восьмидесятитрехлетнему Крестоносцу-в-Плаще сесть в машину и закрывает дверь, чтобы не выпускать прохладу. Первая полицейская машина уже подъезжает, и сейчас они потребуют документы. Шестидесятилетний Чудо-мальчик прижимает руку к больному боку и бредет к водительской двери, чтобы поднять с земли упавшие права.

Посвящается Джону Ирвингу

Дюна

Как я писал в предисловии к «Бэтмену и Робину», иногда — очень редко — ты получаешь целую чашку, уже с ручкой. Боже, как мне это нравится! Занимаешься своими делами, ни о чем не думаешь, и вдруг, ка-бум, рассказ прибывает специальной доставкой, законченный и готовый. Остается лишь сесть и его записать.

Дело было во Флориде, я выгуливал собаку на пляже. Поскольку стоял январь и было холодно, на пляже, кроме меня, никого не оказалось. Далеко впереди я увидел нечто похожее на надпись на песке. Подойдя ближе, понял, что это был обман зрения, игра света и тени, но ум писателя — настоящая свалка разрозненных фактов и деталей, и я сразу вспомнил цитату (оказалось, что это Омар Хайям): «И перст судьбы за знаком чертит знак». Потом мне представилось некое волшебное место, где невидимый перст судьбы пишет на песке нечто страшное, и у меня сразу сложился рассказ. Финал этого рассказа мне очень нравится. Может быть, он не так хорош, как в «Августовской жаре» У. Ф. Харви (Харви — это классика), но все равно где-то близко.

Под ясным утренним небом Судья забирается в лодку. Это медленный и неловкий процесс, занимающий почти пять минут, и Судья размышляет о том, что стариковское тело — лишь мешок, в котором ты носишь болячки и унижения. Восемьдесят лет назад, когда ему было десять, он мигом запрыгивал в лодку и отталкивался от берега: никакого громоздкого спасательного жилета, никаких горестей и волнений и, уж конечно, никаких капель мочи, натекающих в трусы. Каждая поездка на маленький безымянный островок, находящийся в заливе в двухстах ярдах от берега, словно наполовину погруженная подводная лодка, начиналась с большого тревожного волнения. Сейчас осталась только тревога. И боль, поселившаяся глубоко в животе и расходящаяся лучами по всему телу. Но он все равно ездит на остров. Очень многое утратило для него привлекательность за последние мрачные годы — почти все, что прельщало раньше, — но только не дюна на дальней стороне острова. Только не дюна.

В ранние годы своих исследований он после каждого сильного шторма боялся, что она исчезнет, и уж точно — после урагана 1944-го, потопившего эсминiec «Уоррингтон» вблизи Веро-Бич. Но когда небо очистилось, остров никуда не делся. Дюна тоже осталась на месте, хотя ветер, достигший скорости сто миль в час, должен был сдуть весь песок, оставив лишь голые скалы и шишки кораллов. За эти годы Судья не раз задавался вопросом, откуда исходит

волшебство: от него самого или от острова. Возможно, и от него, и от острова, но, вне всяких сомнений, больше всего волшебства заключается в дюне.

С 1932 года он побывал на острове, наверное, не одну тысячу раз. Обычно там нет ничего, кроме скал, чахлах кустов и песка, но иногда там появляется что-то еще.

Наконец кое-как усевшись в лодку, он берется за весла и медленно гребет к островку. Ветер развеивает его седые волосы — те редкие волоски, что еще имеются на почти лысой голове. Над ним кружат грифы-индейки, перекликаясь противными голосами. Когда-то он был сыном самого богатого человека на побережье Флоридского залива, потом — юристом, потом — судьей в окружном суде Пинелласа, а затем его пригласили в Верховный суд штата. В годы президентства Рейгана ходили слухи о переводе в Верховный суд США, но перевод не состоялся, и через неделю после того, как президентское кресло занял этот придурок Клинтон, судья Харви Бичер — просто Судья для многочисленных знакомых (настоящих друзей у него нет) в Сарасоте, Оспри, Нокомисе и Венисе — вышел в отставку. Ну и ладно, ему все равно не нравилось в Таллахасси. Слишком холодно.

И далековато от острова и его удивительной дюны. Во время этих утренних путешествий, когда Судья неторопливо гребет и лодка скользит по тихой, гладкой воде, он готов признаться себе, что полюбил этот островок. Да и кто бы не полюбил такое диво?

На восточной стороне острова — только скалы, поросшие чахлым кустарником и усеянные птичьим пометом. Здесь он привязывает лодку и всегда проверяет, что привязал ее крепко. Было бы очень некстати застрять здесь; папины владения (он по-прежнему называет их папиными, хотя Бичер-старший умер сорок лет назад) простираются почти на две мили по побережью залива, дом стоит далеко от моря, в Сарасотской бухте, и никто не услышит криков Судьи. Томми Кертис, мажордом, возможно, заметит его отсутствие и отправится на поиски, но, скорее

всего, он решит, что Судья опять заперся у себя в кабинете, где частенько сидит целыми днями и вроде бы пишет мемуары.

Раньше миссис Райли могла бы встревожиться, если бы он не вышел к обеду, но в последнее время он почти никогда не обедает (она называет его «жердь с ушами», разумеется, не в лицо). Другой прислуги в доме нет, и Кер-тис с миссис Райли оба знают, что Судья очень не любит, когда ему мешают работать. Хотя работа не то чтобы кипит — за два года он не добавил ни строчки к своим мемуарам и в душе уверен, что никогда их не закончит. Незавершенные воспоминания флоридского судьи? Невелика беда. А ту единственную историю, которую *можно было* бы записать, он никогда не запишет.

Из лодки Судья выбирается еще медленнее, чем сиделся. В этот раз он не устоял на ногах, и волны, набегающие на гальку, намочили рубашку и брюки. Бичера это не смущает. Он падает не впервые, и здесь его никто не видит. Наверное, он совсем выжил из ума, раз продолжает ездить на остров в столь преклонном возрасте, пусть даже остров располагается очень близко к материку, но перестать ездить сюда он не может. Это уже не любовь, а зависимость. Такое не лечится.

Бичер с трудом поднимается на ноги и держится за живот, пока боль не проходит. Отряхнув брюки от песка и мелких ракушек, привязывает лодку, потом поднимает взгляд и видит, что на верхушке самой высокой скалы сидит гриф-индейка и смотрит на него сверху вниз.

— Кыш! — кричит Судья хриплым, надтреснутым голосом, который ненавидит, — голосом сварливой старухи в глухом черном платье. — Кыш, чертяка! Лети, занимайся своими делами!

Гриф встряхивается, расправляет крылья, но тут же снова складывает. И сидит где сидел. Взгляд его черных глаз-бусинок словно говорит: *Судья, сегодня мое дело — ты.*

Бичер наклоняется, поднимет большую ракушку и швыряет в птицу. На этот раз гриф улетает. Хлопки его

крыльев напоминают звук рвущейся ткани. Пролетев над водой, гриф садится на лодочную пристань на материке. *Все равно это дурной знак*, думает Бичер. Ему вспоминается, как Джимми Каслоу из флоридской автодорожной инспекции однажды сказал, что грифы-индейки знают не только, где падаль сейчас, но и где она *будет*.

— Я сам сколько раз наблюдал, как эти уродцы кружат над определенным местом на дороге, а потом, через день-два, там происходила авария со смертельным исходом, — сказал Каслоу. — Я понимаю, похоже на бред, но во Флориде любой дорожный полицейский скажет вам то же самое.

Судья Бичер почти каждый раз видит грифов-индеек на этом маленьком безымянном островке. Наверное, для них он пахнет смертью. И почему нет?

Он идет по тропинке, которую сам же и протоптал за долгие годы. Он посмотрит на дюну на другой стороне островка, где на пляже песок, а не галька вперемешку с битыми ракушками, потом вернется к лодке и выпьет бутылочку холодного чая. Может, даже вздремнет на утреннем солнышке (он сейчас много спит, как, наверное, все девяностолетние старики), а когда проснется (*если* проснется), вернется домой. Он убеждает себя, что дюна будет обычной дюной, чистым и ровным песчаным холмом, но в глубине души уверен: это не так.

И проклятые грифы тоже об этом знают.

Он долго стоит на песчаной стороне, заложив за спину руки и сцепив искривленные возрастом пальцы в замок. Спина болит, плечи болят, ноги болят; а сильнее всего болит живот. Но сейчас он об этом не думает. Может, позже подумает, но не сейчас.

Он смотрит на дюну и на то, что написано на песке.

Энтони Уэйленд прибывает в особняк Бичера «Пеликан-Пойнт» ровно в семь часов вечера, как было оговорено. Судья всегда ценил пунктуальность — как в зале суда, так и в частной жизни, — а малыш пунктуален. Би-

чер напоминает себе, что нельзя называть Уэйленда *малышом* в лицо (хотя здесь, на Юге, вполне приемлемо обращение *сын*ок). Уэйленду еще не понять, что для девяностолетнего старика всякий мужчина моложе шестидесяти выглядит как мальчишка.

— Спасибо, что приехали, — говорит Судья, провожая Уэйленда к себе в кабинет. Они одни, Кертис и миссис Райли давно разъехались по домам в Нокомисе. — Вы принесли необходимые документы?

— Да, конечно, господин судья. — Уэйленд открывает большой портфель и достает толстую стопку бумаг. Это не веленевая бумага, как в прежние времена, но все равно очень качественная и плотная. На верхнем листе напечатано зловещим жирным шрифтом (такой шрифт всегда наводит Судью на мысли о надгробиях): «Завещание ХАРВИ Л. БИЧЕРА».

— Признаться, меня удивило, что вы не подготовили документ сами. Вы явно лучше меня разбираетесь в наследственном праве штата Флорида. Вы, наверное, забыли больше, чем знаю я.

— Вполне возможно, — сухо отвечает Судья. — В моем возрасте многое забывается.

Уэйленд краснеет до корней волос.

— Я не имел в виду...

— Знаю, что вы имели в виду, — говорит Судья. — Я не в обиде, сынок. Но раз вы спросили... знаете старую поговорку, что человек, выступающий собственным адвокатом, получает в клиенты дурака?

Уэйленд улыбается.

— Знаю и часто ею пользуюсь, когда выступаю общественным защитником и какой-нибудь скот, избивший жену, или водитель, сбежавший с места аварии, заявляет, что ему никакой адвокат не нужен и он сам будет защищаться в суде.

— Я так и думал, но вот полная версия: юрист, выступающий собственным адвокатом, получает в клиенты *круглого* дурака. Верно для уголовного, гражданского и на-

следственного права. Может, перейдем к делу? Время не ждет.

Он имеет в виду не только сегодняшний вечер.

Они переходят к делу. Миссис Райли оставила кофе без кофеина, но Уэйленд предпочитает кока-колу. Он аккуратно записывает все, что судья Бичер сухо и деловито диктует ему, внося изменения в старые пункты своего завещания и добавляя новые. Самое главное изменение: четыре миллиона долларов отходят Обществу защиты природы и пляжей округа Сарасота. Чтобы вступить во владение наследством, его представители должны добиться от законодательного органа штата, чтобы определенный крошечный островок у побережья «Пеликан-Пойнт» был навсегда объявлен заповедником дикой природы.

— С этим проблем не будет, — говорит Судья. — Можете подготовить для них документы. Я предпочел бы *pro bono**, но, разумеется, этот вопрос остается на ваше усмотрение. Все решится за одну поездку в Таллахасси. Это крошечный островок, там ничего не растет, кроме чахлых кустов. Губернатор Скотт и его шайка будут в восторге.

— Почему, господин судья?

— Потому что когда защитники природы придут к ним в следующий раз кланчить денег, им будет сказано: «Старый судья Бичер оставил вам четыре миллиона, так что давайте, ребята, идите лесом, и осторожнее, чтобы по заднице не стукнуло дверью».

Уэйленд согласен, что скорее всего так и будет, и они переходят к следующим пунктам завещания.

— Когда я подготовлю чистовик, нам понадобится нотариус и два свидетеля, — говорит Уэйленд, закончив с документом.

— Лучше заверить уже имеющийся экземпляр, для подстраховки, — советует Судья. — Если со мной что-то случится в ближайшее время, завещание останется в силе. Его никто не оспорит; я пережил всех.

* Безвозмездные юридические услуги (*лат.*).

— Очень мудрая предосторожность, господин судья. Лучше все сделать сегодня вечером. Как я понимаю, ваша экономка и мажордом...

— Появятся только завтра в восемь утра, — говорит Судья, — но я займусь этим вопросом в первую очередь. Гарри Стейнс, нотариус на Вамо-роуд, не откажется зайти ко мне утром по дороге в контору. Он мне кое-чем обязан. Оставьте завещание у меня, сынок. Я запиру его в сейфе.

— Я должен хотя бы удостовериться...

Уэйленд умолкает, глядя на протянутую старческую руку. Когда судья Верховного суда штата (даже вышедший в отставку) протягивает тебе руку, никаких возражений быть не может. Какого черта, это всего лишь исправленное завещание, которое скоро заменится чистовым экземпляром. Он отдает Судье незаверенное завещание и наблюдает, как тот встает (с трудом), подходит к стене и сдвигает пейзаж с парком Эверглейдс. Картина поворачивается на потайных петлях. Судья набирает код, не пытаясь прикрыть сенсорную клавиатуру, и кладет завещание поверх большой, небрежно сложенной стопки наличных. Во всяком случае, Уэйленду кажется, что это наличные. Боже!

— Ну вот! — говорит Бичер. — Все готово. Осталось только нотариально заверить. Может, отметим? У меня есть очень хорошее виски.

— Ну... думается, один стаканчик не повредит.

— Раньше мне никогда не вредило, но те времена уже в прошлом, так что, простите, компанию я вам не составлю. Кофе без кофеина и слабенький сладкий чай — самое крепкое, что я себе позволяю. Проблемы с желудком. Лед?

Уэйленд показывает два пальца, и Бичер кладет в стакан два кубика льда с церемонной неторопливостью, свойственной старикам. Уэйленд делает глоток, и у него на щеках сразу же проступает румянец. Характерный румянец человека, который всегда не прочь выпить, думает судья Бичер. Уэйленд ставит стакан на стол и интересуется:

— Можно спросить, почему вдруг такая спешка? Как я понимаю, с вами все в порядке. Не считая проблем с желудком.

Судья сомневается, что молодой человек действительно так считает. Он не слепой.

— Стариковские причуды, — говорит он, покачивая рукой, и опускается в кресло, кряхтя и морщась. Секунду подумав, спрашивает: — Вы действительно хотите знать, почему такая спешка?

Уэйленд не торопится с ответом, и Судье это нравится. Потом Уэйленд кивает.

— Это связано с островком, о котором мы только что позаботились. Вы, наверное, его никогда и не замечали?

— Честно сказать, нет.

— Его почти никто не замечает. Это действительно крошечный островок. Даже морские черепахи не обращают на него внимания. И все-таки это особенный остров. Вы знали, что мой дед участвовал в Испано-американской войне?

— Нет, сэр, не знал. — Уэйленд произносит это с превеликим уважением, и Судья понимает, что малыш думает, будто у старика поехала крыша. Но малыш ошибается. Голова у Бичера работает четко и ясно как никогда, и, уже начав говорить, он понимает, что ему хочется рассказать эту историю хотя бы раз, прежде чем...

В общем, прежде чем.

— Да. Есть фотография, где он стоит на вершине холма Сан-Хуан. Она где-то тут. Грампи утверждал, что участвовал и в Гражданской войне, но я провел изыскания — для моих мемуаров, как вы понимаете, — и нашел убедительные доказательства, что такого быть не могло. В то время он был совсем маленьким, если вообще родился. Но он был джентльменом с весьма изощренным воображением, и в детстве я верил всем его выдумкам, даже самым безумным. Да и разве могло быть иначе? Я был ребенком и только-только перестал верить в Санта-Клауса и зубную фею.

— Он был юристом, как вы и ваш отец?

— Нет, сынок, он был вором. Тащил все, что плохо лежит. Все, что не прибито гвоздями, а что прибито, отковыривал и тоже тащил. Однако, как и большинство воров, которые не попались — взять хоть нашего нынешнего губернатора, — он называл себя бизнесменом. Помимо прочего, он проворачивал сделки с землей. Скупал за бесценок участки во Флориде, кишашие аллигаторами и мошкаррой, и продавал втридорога наивным, доверчивым простакам. Бальзак однажды сказал: «За всяким большим состоянием стоит преступление». Это чистая правда по отношению к семейству Бичеров, и, пожалуйста, не забывайте, что вы мой поверенный. Все, что я говорю вам сейчас, строго конфиденциально.

— Да, господин судья. — Уэйленд отпивает еще глоток. Он в жизни не пробовал такого хорошего виски.

— Именно Грампи Бичер показал мне тот остров. Мне было тогда десять. Меня оставили с ним на весь день, а ему, думается, хотелось тишины и покоя. Или хотелось кое-чего пошумнее. В доме в то время служила смазливая горничная, и, возможно, он питал надежду исследовать райские кущи у нее под юбкой. Так вот, он сказал мне, что Эдвард Тич — больше известный как Черная Борода, — по слухам, закопал клад на этом самом острове. Несметные сокровища. «Клад так никто и не нашел, Хави, — сказал он. Он называл меня Хави. — Но вдруг тебе повезет. Вдруг ты найдешь этот клад. Драгоценные камни и золотые дублоны». Вы, наверное, уже догадались, что я сделал потом.

— Вы поплыли на остров, оставив деда развлекаться с девицей.

Судья улыбается и кивает:

— Я взял старую деревянную лодку, привязанную на пристани. Греб так, словно за мной гнались черти. Добрался до острова за пять минут. Сейчас-то это занимает не меньше четверти часа, если нет волны. На берегу, что смотрит на материк, скалы, а на стороне, выходящей к заливу, есть песчаная дюна. Она там всегда. За те восемь

десятков лет, что я бываю на острове, она совершенно не изменилась.

— Как я понимаю, сокровищ вы не нашли?

— В каком-то смысле нашел. Но не золото и драгоценные камни. Я нашел имя, написанное на песке этой дюны. Как будто палкой, только палки поблизости не было. Буквы были продавлены глубоко, и из-за теней складывалось впечатление, что они выступают наружу. Почти парят над песком.

— Что за имя, господин судья?

— Думаю, чтобы вы лучше поняли, вам надо увидеть, как оно пишется.

Судья открывает верхний ящик стола, достает лист бумаги, что-то пишет на нем большими печатными буквами и переворачивает бумагу так, чтобы Уэйленд мог прочесть: «РОБИ ЛАДУШ».

— Ясно... — осторожно произносит Уэйленд.

— Это был мой лучший друг, и если бы он тогда не уехал, мы бы отправились за сокровищами вдвоем, ну, вы знаете, как это бывает, когда мальчишки крепко дружат.

— Они неразлучны, как сиамские близнецы, — говорит Уэйленд с улыбкой. Возможно, он вспоминает своего лучшего друга из давно минувших дней.

— Да, — соглашается Бичер. — Но дело было на летних каникулах, и он уехал с родителями к бабушке, маминой маме, в Мэриленд или Виргинию, в общем, куда-то на север. Так что я был один. Но обратите внимание. По-настоящему его звали Роберт Ла Дьюш.

Уэйленд опять произносит:

— Ясно...

Судья думает, что это подчеркнуто медлительное «ясно» вполне терпимо в небольших дозах, но со временем начнет раздражать. Впрочем, времени осталось не так много, так что бог с ним.

— Мы с ним были лучшими друзьями, но у нас имелась целая компания мальчишек, и все называли его Робби Ладуш. Понимаете?

— Кажется, да, — говорит Уэйленд, однако Судья видит, что тот ничего не понимает. Впрочем, это простительно; у Судьи было значительно больше времени, чтобы все обдумать. Частенько — бессонными ночами.

— Напомню, что мне тогда было десять. Если бы меня попросили написать имя моего лучшего друга, я бы написал его именно так. — Судья стучит пальцем по «РОБИ ЛАДУШ». И добавляет, обращаясь скорее к себе, чем к собеседнику: — Значит, часть волшебства — от меня. *Наверняка* от меня. Вопрос в том — какая?

— Вы хотите сказать, что не вы написали имя на песке?

— Нет, не я. Мне казалось, я четко все разъяснил.

— Может, кто-то другой из вашей компании?

— Они все были из Нокомиса и даже не знали об этом острове. Если бы не рассказ деда, я бы сам туда не поплыл. Обычный крошечный островок, ничего интересного. Робби о нем знал, он жил тут, в «Пойнте», но он уехал на лето.

— Ясно...

— Мой лучший друг Робби не вернулся с каникул. Где-то через неделю нам сообщили, что он упал с лошади. Сломал шею. Мгновенная смерть. Его родители были убиты горем. Я тоже.

Какое-то время они молчат. Уэйленд раздумывает об услышанном. Бичер тоже задумался. До них донесся приглушенный шум вертолета, летящего над заливом. Управление по борьбе с наркотиками высматривает контрабандистов, решает Судья. Летают тут каждую ночь. Наступил новый век, и в каком-то смысле — во многих смыслах — Судья был бы рад избавиться от его примет.

Наконец Уэйленд произносит:

— Я правильно понимаю то, о чем вы сейчас говорите?

— Не знаю, — отвечает Судья. — О чем я, по-вашему, говорю?

Но Энтони Уэйленд — юрист и не поддается на провокации. Это укоренившаяся привычка.

— Вы сказали об этом деду?

— Когда пришла телеграмма о Робби, деда не было дома. Ему не сиделось на одном месте, он постоянно куда-то ездил. Вернулся только через полгода. Нет, я никому ничего не сказал. Это был мой секрет. Как Дева Мария, родившая Господу сына, я нес тайну свою в своем сердце. И много думал.

— И к какому пришли заключению?

— Я продолжал ездить на остров смотреть на дюну. Вот ответ на ваш вопрос. Там не было ничего... ничего... и опять ничего. Я уже был готов прекратить проверки и обо всем забыть, но однажды приплыл туда после уроков и увидел еще одно имя, написанное на песке. *Выдавленное* в песке, если быть точным. И опять — никакой палки поблизости, хотя палку могли зашвырнуть в воду. Питер Элдерсон. Вот что там было написано. Для меня это имя не значило ничего, но через несколько дней... Я забирал почту из почтового ящика в конце подъездной дорожки — это входило в мои обязанности по дому. На обратном пути я обычно просматривал первые полосы газет. А путь от ворот до дома, как вы знаете сами, — это добрая четверть мили. Летом я смотрел еще и спортивный раздел, проверял, как сыграли «Вашингтонские сенаторы», потому что в то время это была ближайшая к нашему Югу команда.

В тот день мое внимание привлек заголовок внизу первой страницы: «МОЙЩИК ОКОН РАЗБИЛСЯ НАСМЕРТЬ». Бедняга мыл окна на третьем этаже Общественной библиотеки в Сарасоте. Мостки обвалились, он упал и разбился. Его звали Питер Элдерсон.

По выражению лица Уэйленда Судья понимает, что тот считает его рассказ либо розыгрышем, либо фантазией не совсем здорового старческого ума. Также Судья понимает, что Уэйленд пьет с удовольствием, и когда подливает ему еще виски, тот не отказывается. На самом деле Судье все равно, верят ему или нет. Просто рассказывать — уже удовольствие.

— Возможно, теперь вам понятно, почему я задумываюсь о том, откуда все это волшебство, — говорит он. —

Я знал Робби, и ошибки в его имени были *моими* ошибками. Но я совершенно не знал того мойщика окон. Как бы там ни было, после этого случая дюна захватила меня целиком. Я начал плавать туда, на остров, чуть ли не каждый день, и продолжаю делать это до сих пор. Да, дюна. Я ее уважаю, я ее опасаюсь, но самое главное — меня к ней тянет. За долгие годы на ней появилось немало имен, и люди, чьи имена возникали на дюне, всегда умирали. Иногда через неделю, иногда через две, но не позже чем через месяц. Я знал некоторых из них, и если я знал их прозвища, то видел на песке прозвище. Однажды, в сороковом, я приплыл туда и увидел на песке надпись: «ГРАМПИ БИЧЕР». Дед умер в Ки-Уэсте через три дня. Сердечный приступ.

Уэйленд произносит голосом человека, потакающего причудам явного, но не опасного психа:

— А вы никогда не пытались вмешаться в... этот процесс? Например, позвонить деду и сказать, чтобы он обратился к врачу?

Бичер качает головой:

— Я не узнал, что это сердечный приступ, пока мы не получили известие от судмедэксперта округа Монро. Это мог быть несчастный случай или даже убийство. Несомненно, у многих были причины ненавидеть моего деда. Он вел дела, скажем так, не совсем честно.

— И все-таки...

— К тому же мне было страшно. Я чувствовал... и *сейчас* тоже чувствую... словно там, на острове, приоткрылась какая-то дверь. По одну сторону этой двери — мир, который мы называем реальным. По другую — все механизмы Вселенной, занятые работой. Только дурак сунет руку в такой механизм, пытаясь его остановить.

— Судья Бичер, если вам хочется получить официальное утверждение завещания, на вашем месте я бы помалкивал обо всем, что вы сейчас мне рассказали. Вы уверены, что никто не оспорит ваше завещание, но когда речь идет о немалых деньгах, троюродная-пятиюродная родня

имеет обыкновение появляться из ниоткуда, словно кролики из шляпы фокусника. И вам известна освященная временем формула: в здравом уме и твердой памяти.

— Я молчал восемьдесят лет, — говорит Бичер, и в его голосе Уэйленд явственно слышит: *протест отклоняется*. — Никому ни единого слова, до сегодняшнего дня. И, возможно, мне следует повторить, хотя это и так очевидно... все наши беседы строго конфиденциальны.

— Ясно, — говорит Уэйленд. — Я понял.

— В те дни, когда на песке появлялись имена, меня переполняло волнение... какое-то нехорошее возбуждение, нездоровое... но по-настоящему я испугался всего один раз. Испугался *до глубины души* и плыл обратно домой, словно за мной гнались все черти ада. Рассказать?

— Да, пожалуйста.

Уэйленд отпивает еще глоток виски. Почему бы и нет? У него почасовая оплата.

— Дело было в пятьдесят девятом. Я жил здесь, в «Пойнте». Я жил здесь всегда, кроме нескольких лет в Таллахасси, но об этом лучше не вспоминать... хотя сейчас я понимаю, что моя ненависть к этому заштатному городишке проистекала отчасти — или даже по большей части — из тяги к острову, к дюне. Понимаете, я все время думал о том, что мог упустить. *Кого* я мог упустить. Способность читать некрологи заранее придает человеку потрясающее ощущение силы. Возможно, вам неприятно такое слышать, и тем не менее.

Итак, пятьдесят девятый. Харви Бичер подвизается в юридической фирме в Сарасоте и живет в «Пеликан-Пойнте». Почти каждый день, если не было дождя, возвращаясь домой с работы, я переодевался в старую одежду и плыл на остров, на разведку перед ужином. В тот день мне пришлось задержаться в конторе, и когда я прибыл на остров, солнце уже садилось, большое и красное, как часто бывает у нас над заливом. Я добрался до дюны и застыл как громом пораженный. Я не мог сдвинуться с места, ноги словно приросли к земле. И это не просто фигура речи.

В тот вечер на дюне было написано не одно имя, а много имен, и в красном свете заката казалось, будто их написали кровью. Они теснились, сплетались, накладывались одно на другое. Буквально вся дюна была покрыта гобеленом имен, сверху донизу. Те, что в самом низу, уже наполовину смыла вода.

Наверное, я закричал. Точно не помню, но кажется, да. Помню только, как паралич отпустил, и я со всех ног бросился к лодке. Пока я развязывал узел, прошла целая вечность, а когда все-таки развязал, толкнул лодку в воду, даже не забравшись в нее. Промок до нитки, и удивительно, как я вообще ее не опрокинул. Хотя в те годы я легко добрался бы до берега вплавь, толкая лодку перед собой. Теперь так уже не получится. Если лодка перевернется сейчас, как говорится, пиши пропало. — Судья улыбается. — К слову о надписях.

— Тогда я советую вам оставаться на суше, во всяком случае, пока завешание не будет нотариально заверено.

Судья Бичер холодно улыбается.

— Не беспокойтесь об этом, сынок, — говорит он и задумчиво смотрит в окно, на залив. — Те имена... они так и стоят у меня перед глазами, втиснутые в эту кроваво-красную дюну. Два дня спустя в Эверглейдсе разбился пассажирский лайнер, летевший в Майами. Весь экипаж и пассажиры погибли. Сто девятнадцать человек. В газете был список пассажиров. Я узнал некоторые имена. Узнал *многие* имена.

— Вы их *видели*. Видели эти имена.

— Да. Несколько месяцев после этого я не плавал на остров и поклялся себе, что не поплыву уже никогда. Думается, наркоманы так же клянутся завязать. Но, как любой наркоман, в конечном итоге я дал слабину и возобновил свою пагубную привычку. Ну что ж... Теперь вам понятно, почему я пригласил вас сюда и почему завешание надо было исправить сегодня?

Уэйленд не верит ни единому слову, но, как во всякой фантазии, тут есть своя логика. Ее легко проследить. Су-

дые девяносто; когда-то румяное и цветущее, его лицо стало землистым, некогда твердая походка превратилась в неуверенное старческое шарканье. У него явно сильные боли, он как-то нехорошо похудел.

— Полагаю, сегодня вы увидели на песке свое имя, — говорит Уэйленд.

Судья Бичер испуганно вздрагивает, потом улыбается. Жутковатая улыбка превращает его худое бледное лицо в оскаленный череп.

— О нет, — говорит он. — Не *свое*.

С мыслями об У. Ф. Харви

Гадкий мальчишка

В жизни столько важных вопросов! Судьба или случай? Рай или ад? Любовь или влечение? Здоровый смысл или минутный порыв?

«Beatles» или «Rolling Stones»?

Я всегда выбирал «Stones». «Beatles» сделались чересчур мягкими, когда стали Юпитером в Солнечной системе поп-музыки. (Моя жена говорила, что у сэра Пола Маккартни «глаза старого пса», и это отчасти суммирует мои ощущения.) Но ранние «Beatles»... они играли настоящий, честный рок, и я до сих пор слушаю их старые песни — в основном каверы — с большой любовью. Иногда я даже встаю и немного танцую.

Одной из самых любимых моих композиций у «Beatles» была их перепевка «Гадкого мальчишки» Ларри Уильямса, где Джон Леннон солировал хриплым, напористым голосом. Больше всего мне нравилась строчка: «Давай-ка, веди себя хорошо». В какой-то момент я решил, что хочу написать рассказ о гадком мальчишке, поселившемся по соседству. И это будет не сатанинский отпрыск, не ребенок, одержимый каким-то древним демоном, как в «Изгоняющем дьявола», а просто гадкий мальчишка, гнусный до мозга костей, — зло ради зла, апофеоз всех мелких гаденышей, которые были, есть и будут. Мне он виделся в шортах и бейсболке с пропеллером. Он только и делал, что пакостил всем и каждому, и никогда в жизни не вел себя хорошо.

Из этого образа вырос рассказ о гадком мальчишке, этаком зловредном двойнике Слагго из комиксов о Нэнси. В электронном виде рассказ уже вышел во Франции и Германии, где «Гадкий мальчишка» наверняка входил в репертуар «Beatles» в гамбургском «Звездном клубе». Это первая публикация на английском.

Тюрьма располагалась в двадцати милях от ближайшего городишки, на пустынной равнине, продуваемой всеми ветрами. Главное здание являло собой грозный каменный кошмар, возникший посреди чистого поля в начале двадцатого века. С двух сторон из него вырастали бетонные пристройки — тюремные корпуса, которые добавлялись поочередно на протяжении последних сорока пяти лет. В основном они строились на федеральные средства, хлынувшие рекой в годы президентства Никсона и с тех пор не иссякавшие.

На некотором расстоянии от главного корпуса стояло здание поменьше. Заключенные называли его Прививочным корпусом. От него отходил наружный коридор длиной сорок ярдов и шириной двадцать футов, огороженный плотной металлической сеткой: Куриный загон. Каждому из заключенных, содержащихся в Прививочном корпусе — на тот момент их было семеро, — разрешалось гулять в загоне по два часа ежедневно. Кто-то ходил. Кто-то бегал трусцой. Большинство просто сидели, прислонившись спиной к сетчатому ограждению, и смотрели на небо или на низенький горный кряж, разрезавший равнинный пейзаж в четверти мили к востоку. Иногда там бывало на что посмотреть. Но чаще смотреть было не на что. Почти всегда дул сильный ветер. Три месяца в году в Курином загоне было жарко, как в топке. В остальное время — холодно. Зимой — так и вовсе дубак. Но даже зимой заклю-

ченные не отказывались от прогулок. Все-таки там было небо. Птицы. Иной раз олени щипали траву на вершине низеньких гор, свободные и вольные бродить где вздумается.

В центре Прививочного корпуса располагалась облицованная кафелем комната, где стоял стол в форме буквы Y и хранился рудиментарный набор медицинского оборудования. В одной стене было окно, задернутое плотными шторами. Если раздвинуть шторы, за ними открывалось обзорное помещение размером не больше гостиной в типовом пригородном доме, с дюжиной пластиковых стульев для гостей, наблюдавших за Y-образным столом. Табличка на стене гласила: «СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ И НЕ ДЕЛАЙТЕ РЕЗКИХ ДВИЖЕНИЙ ВО ВРЕМЯ ПРОЦЕДУРЫ».

В Прививочном корпусе было ровно двенадцать камер. За камерами — караульное помещение для надзирателей. За ним — пост охраны, где шло круглосуточное дежурство. За постом — комната для свиданий, где стена из толстого оргстекла отделяла стол со стороны заключенных от стола со стороны посетителей. Телефонов там не было, общение происходило через круг высверленных в стекле маленьких дырочек, похожих на дырочки микрофона в старых телефонных трубках.

Леонард Брэдли уселся за стол со своей стороны этого канала связи и открыл портфель. Выложил на стол блокнот и ручку. Потом просто сидел и ждал. Когда минутная стрелка у него на часах сделала три полных круга и пошла на четвертый, дверь, ведущая во внутренние помещения Прививочного корпуса, открылась с громким лязгом отодвигаемых задвижек. Брэдли уже знал всех охранников. Сегодня дежурил Макгрегор. Неплохой парень. Он держал Джорджа Халласа за руку повыше локтя. Руки Халласа были свободны, но по полу звенела стальная цепь, сковывавшая лодыжки. Поверх оранжевой тюремной робы на нем был широкий кожаный ремень, и когда Халлас уселся за стол с той стороны стекла, Макгрегор приковал его к спинке стула еще одной стальной цепью, закреплен-

ной на поясе. Он застегнул цепь, подергал ее, проверяя на прочность, и отсалютовал Брэдли двумя пальцами:

— Добрый день, адвокат.

— Добрый день, Макгрегор.

Халлас не произнес ни слова.

— Вы знаете правила, — сказал Макгрегор. — Сегодня время не ограничено. Беседуйте сколько хотите. Ну или сколько сможете выдержать.

— Я знаю.

Обычно общение клиента с адвокатом ограничивалось одним часом. За месяц до предстоящего клиенту похода в комнату с Y-образным столом время увеличивалось до полутора часов, в течение которых адвокат и его все более нервный партнер в этом вальсе со смертью, санкционированном властями, обсуждали возможные варианты, число которых стремилось к нулю. В последнюю неделю не было никаких ограничений по времени. Правило действовало и для близких родственников, и для адвокатов, но жена Халласа подала на развод сразу после того, как суд признал его виновным, а детей у них не было. Он остался один в целом свете, если не считать Лена Брэдли, однако Халлас не проявлял интереса к многочисленным апелляциям и, как следствие, отсрочкам, которые подавал адвокат.

До сегодняшнего дня.

Он еще с вами заговорит, сказал ему Макгрегор после короткой десятиминутной встречи месяц назад, когда участие Халласа в беседе сводилось к *нет, нет и нет*.

Когда время подходит, они становятся разговорчивыми. Потому что им страшно. Они забывают о том, как собирались войти в комнату для инъекций с высоко поднятой головой и расправленными плечами. До них потихоньку доходит, что это не кино, это по-настоящему, и смерть близка, и вот тогда они начинают хвататься за любую возможность отменить неизбежное. Или хотя бы отсрочить.

Однако Халлас не производил впечатления человека, которому страшно. Он был таким, как всегда: невысокий мужчина, слегка сутулый, с бледным землистым лицом,

редеющими волосами и невыразительными глазами, которые казались нарисованными. Он походил на бухгалтера — им и был в прошлой жизни, — потерявшего интерес к числам, которые раньше казались такими важными.

— Ладно, ребята, приятного вам общения, — сказал Макгрегор и отошел в угол, где стоял стул. Там он уселся, включил свой айпод и заткнул уши музыкой. Однако он не сводил взгляда со своего подопечного и его собеседника. Сквозь мелкие переговорные дырочки не пролез бы и тоненький карандаш, а вот иголка — запросто.

— Что я могу для вас сделать, Джордж?

Халлас ответил не сразу. Он молча разглядывал свои руки, маленькие и слабые с виду, — и не скажешь, что это руки убийцы. Потом он поднял взгляд.

— Вы хороший человек, мистер Брэдли.

Брэдли удивился и не знал, что ответить.

Халлас кивнул, словно Брэдли пытался ему возразить:

— Да. Вы хороший человек. Вы продолжали меня защищать даже после того, как я дал вам понять, что не хочу никаких апелляций и пусть все идет своим чередом. Но вы от меня не отказались. Так поступили бы очень немногие защитники, назначенные судом. Они бы просто пожали плечами, сказав: «Ну как хотите», — и занялись следующим неудачником, которого им подсунут. Но вы не такой. Вы мне рассказывали о шагах, которые думали предпринять, и когда я говорил, что не надо, вы все равно делали, как считали нужным. Если бы не вы, я бы отправился на тот свет еще год назад.

— Не всегда получается так, как нам хочется, Джордж.

Халлас сдержанно улыбнулся.

— Кому, как не мне, это знать. Но было не так уж плохо. В основном из-за Куриноного загона. Мне там нравится. Нравится ветер в лицо, даже когда он холодный. Нравится запах травы из прерии, нравится полная луна, когда она видна даже днем. И олени. Да, олени. Иногда они прыгают и бегают друг за другом. Мне это нравится. Иной раз я наблюдаю за ними и смеюсь.

— Жизнь — хорошая штука. И стоит того, чтобы за нее побороться.

— Чья-то другая жизнь — да. Моя — нет. Но я все равно ценю ваши усилия, ценю то, как вы за нее боролись. Я очень признателен, что вы меня не бросаете. Поэтому я расскажу вам все, о чем не стал говорить в суде. И тогда вы поймете, почему я не хотел подавать апелляции... хотя не мог помешать вам подавать их за меня.

— Апелляции, поданные без участия заявителя, не имеют почти никакого веса в суде этого штата. Как и в судах высших инстанций.

— И вы навещаете меня здесь, за что я тоже вам благодарен. Очень немногие проявили бы доброту к осужденному детоубийце, а вы — проявили.

И снова Брэдли не знал, что ответить. За последние десять минут Халлас сказал больше, чем за все их свидания в течение двух лет и десяти месяцев.

— Я не могу вам заплатить, но *могу* рассказать, почему я убил того ребенка. Вы мне не поверите, но я все равно расскажу. Если вы хотите послушать.

Халлас посмотрел на Брэдли сквозь дырочки в обшарпанном оргстекле и молча улыбнулся.

— А вы хотите послушать, да? Потому что вас смущают некоторые моменты. Прокурора они не смущали, а вас смущают.

— Ну... да, у меня возникали кое-какие вопросы.

— Но я это сделал. Взял револьвер и разрядил весь барабан в того мальчишку. Было много свидетелей, и вы сами знаете, что апелляции только отсрочили бы неизбежное еще года на три — или четыре, или шесть, — даже если бы я не отказывался от участия. Вопросы, которые у вас возникали, меркнут перед безоговорочным фактом предумышленного убийства. Разве не так?

— Мы могли бы заявить об ограниченной вменяемости. — Брэдли подался вперед. — И это еще можно сделать. Еще не поздно, даже теперь. Мы можем попробовать.

— Защита ссылкой на невменяемость редко бывает успешной постфактум, мистер Брэдли.

Он так и не назовет меня Леном, подумал Брэдли. Даже после неполных трех лет. Он пойдет на смерть, называя меня мистером Брэдли.

— «Редко» не значит «никогда», Джордж.

— Да, но я-то не сумасшедший. Я вменяем теперь — и был вменяем тогда. В здравом рассудке, как нельзя более здравом. Вы уверены, что хотите услышать признание, которое я не сделал в суде? Если нет, не обижусь. Но это единственное, что я мог бы вам дать.

— Конечно, хочу, — ответил Брэдли. Он взял ручку, но в итоге не записал ни единого слова. Он только слушал как замороженный, слушал, что с мягким южным акцентом говорил Джордж Халлас.

2

Моя мама, которая никогда в жизни не жаловалась на здоровье, умерла от эмболии сосудов легких через шесть часов после моего рождения. Это было в шестьдесят девятом. Должно быть, какое-то генетическое нарушение, потому что ей было всего двадцать два года. Папа был старше мамы на восемь лет. Он был хорошим человеком и хорошим отцом. Горный инженер по профессии, он работал по большей части на юго-западе, пока мне не исполнилось восемь.

Мы постоянно переезжали с места на место, и вместе с нами ездила домработница. Ее звали Нона Маккарти, и я называл ее мамой Ноной. Она была чернокожей. Наверное, папа с ней спал, хотя когда я приходил к ней в кровать, — а я часто к ней приходил по утрам, — она всегда лежала одна. Меня совершенно не волновало, что она чернокожая. Я даже не знал, что есть какая-то разница. Она относилась ко мне по-доброму, готовила обед и читала сказки на ночь, когда папы не было дома и он не мог

почитать мне сам, — и только это имело значение. Да, не самый обычный расклад, и, наверное, где-то подспудно я это понимал, но был вполне счастлив.

В семьдесят седьмом мы переехали на восток, в Талбот, штат Алабама, неподалеку от Бирмингема. Там рядом располагался военный городок, Форт-Джон-Хьюи, но вообще это шахтерский край. Отца пригласили возобновить разработку на шахтах «Удача» — первой, второй и третьей — и привести их в соответствие с природоохранными требованиями, что означало строительство новых вентиляционных отверстий и новой системы удаления пустой породы, чтобы отвалы не загрязняли местные реки.

Мы жили в приятном зеленом предместье, в доме, предоставленном отцу компанией, владевшей шахтами. Маме Ноне там нравилось, потому что отец отдал ей гараж, где обустроил отдельную двухкомнатную квартиру. Как я понимаю, это делалось для того, чтобы не пошли слухи и домыслы. По выходным я помогал ему с ремонтом, подносил доски и подавал инструменты. Это было хорошее время. Мне удалось проучиться два года в одной и той же школе — достаточно долго, чтобы завести друзей и ощутить некоторую стабильность.

В частности, я дружил с одной девочкой, жившей неподалеку. Будь это история в дамском журнале или телесериал, все завершилось бы так: мы с ней поцеловались бы в первый раз в домике на дереве, влюбились друг в друга, а потом вместе пошли бы на выпускной бал. Но этого нам с Марли Джейкобс было не суждено.

Как бы мне ни хотелось верить, что мы останемся в Талботе навсегда, папа этой надежды не поощрял. Он говорил, что нет ничего хуже, чем напрасные детские мечты. Да, возможно, я отучусь в средней школе «Мэри Дей» весь пятый класс, может, даже шестой, но когда-нибудь его работа на шахте «Удача» закончится — удача вся выйдет, — и мы переберемся куда-то еще. Обратно в Техас или Нью-Мексико, в Западную Виргинию или Кентукки. Я с этим смирился, и мама Нона тоже. Папа был боссом,

но боссом очень хорошим, и он нас любил. Это лишь мое мнение, но я считаю, что отец делал все правильно.

Вторая сложность касалась самой Марли. Она была... ну, теперь-то таких называют детьми с особенностями развития, но в те времена наши соседи называли ее слабой на голову. Вы, мистер Брэдли, наверное, считаете, что это жестоко, но сейчас, уже задним числом, мне думается, что в этом был свой резон. И даже некая поэтичность. Именно таким она видела мир: шатким и хрупким, размытым и мягким. Иногда... на самом деле довольно часто... так даже лучше. Опять же, это лишь мое мнение.

Мы с Марли познакомились в третьем классе, учились вместе, но ей было уже одиннадцать. На следующий год мы оба перешли в четвертый, хотя ее перевели только по той причине, что иначе пришлось бы оставить на второй год. В то время так часто делалось в небольших городках. Но Марли не была деревенской дурочкой. Она худо-бедно умела читать, знала сложение, решала простые примеры, а вот вычитание ей не давалось. Я пытался ей объяснить всякими разными способами, какие знал сам, но она, хоть убей, не могла это усвоить.

Мы не целовались в домике на дереве — мы вообще ни разу не целовались, — но всегда держались за руки утром по дороге в школу и по дороге домой после уроков. Наверное, со стороны это смотрелось смешно. Я был мелким и худосочным, а она была крупной девочкой, выше меня на четыре дюйма, и у нее уже росла грудь. Это она захотела держаться за руки, не я, но я не возражал. И меня совершенно не волновало, что она была слабой на голову. Возможно, со временем я бы напрягся по этому поводу, но мне было всего девять лет, когда ее не стало, а в этом возрасте дети еще легко принимают многое из того, что творится вокруг. Думаю, это благословенная невинность. Если бы все люди были слегка слабы на голову, как по-вашему, в мире существовали бы войны? Хрена с два.

Если бы мы жили на полмили дальше от школы, то ездили бы на автобусе. Но мы жили рядом — примерно

шесть или восемь кварталов — и ходили пешком. Мама Нона вручала мне пакет с завтраком, приглаживала мой вихор, говорила: «Веди себя хорошо, Джордж», — и провожала до двери. Марли ждала меня на крыльце *своего* дома, одетая в платье или юбку и кофту, прическа — два хвостика с ленточками, в руках — коробка для завтраков. Эта коробка до сих пор стоит у меня перед глазами. На ней был портрет Стива Остина из сериала «Человек на шесть миллионов долларов». Ее мама говорила мне: «Привет, Джордж», — и я отвечал: «Доброе утро, миссис Джейкобс», — и она произносила: «Ладно, детишки, ведите себя хорошо», — а Марли ей отвечала: «Да, мама», — потом брала меня за руку, и мы шли в школу. Первые два-три квартала мы шли одни, а потом на нашу улицу выходили другие ребята, которые жили в предместье Рудольф. Там жило много семей военных, потому что жилье было дешевым, а Форт-Джон-Хьюи располагался всего в пяти милях к северу по шоссе номер 78.

Наверное, зрелище было и вправду дурацким — мелкий шкет с пакетом для завтраков идет за ручку с каланчой, стучащей коробкой со Стивом Остином по своей сбитой коленке в засохших струпьях, — но не помню, чтобы нас дразнили или чтобы над нами смеялись. Наверное, иногда все же смеялись, дети есть дети, но это точно были не издевательства, а просто беззлобные насмешки. Чаще всего мальчишки кричали мне: «Привет, Джордж, давай после школы сыграем в бейсбол», — а девочки здоровались с Марли: «Привет, красивые у тебя бантики». Я не помню, чтобы кто-то нас обижал. Пока не появился тот гадкий мальчишка.

Однажды после уроков я ждал Марли на школьном дворе, а она все не выходила и не выходила. Дело было вскоре после моего дня рождения, когда мне исполнилось девять. Я хорошо это помню, поскольку у меня была с собой ракетка с мячиком на резинке. Мама Нона подарила мне эту ракетку, но хватило ее ненадолго — я влупил по мячу слишком сильно, и резинка порвалась, — однако

в тот день она у меня была, и я с ней играл, пока ждал Марли. Меня никто *не заставлял* ее ждать, я сам так решил.

Наконец она вышла из школы — в слезах. Ее лицо покраснело, нос распух, из него текло в три ручья. Я спросил, что случилось, и она сказала, что не может найти свою коробку для завтраков. Как обычно, она все съела и вернула коробку на полку в раздевалке, поставила рядом с розовой коробкой Кэти Морс, но после уроков она пропала. Ее *украли*, сказала Марли.

Нет, сказал я, наверное, кто-то ее переставил, и завтра она найдется. Хватит реветь, стой спокойно. Надо вытереть сопли.

Когда я выходил из дома, мама Нона всегда проверяла, чтобы у меня был с собой носовой платок, но я вытирал нос рукавом, как остальные мальчишки, ведь только девчонки и хлюпики пользуются носовыми платками, и вообще это не по-мужски. Так что платок был совсем чистым, даже ни разу не развернутым, когда я вынул его из кармана и вытер нос Марли. Она перестала реветь, улыбнулась и сказала, что ей щекотно. Потом взяла меня за руку, и мы пошли домой. Как обычно, она болтала без умолку. Но я был не против. По крайней мере, она забыла про свою коробку.

Вскоре все остальные ребята, которые жили в Рудольфе, свернули на улицу, что вела к их предместью, и пропали из виду, хотя до нас доносились их голоса и смех. Марли все щебетала и щебетала — обо всем, что приходило ей в голову. Я особо не вслушивался, иногда вставлял «да», «угу» или «да ладно», а думал совсем о другом: вот приду я сейчас домой, сразу переоденусь в старые вельветовые штаны, и если у мамы Ноны нет для меня никаких поручений, возьму свою бейсбольную перчатку и побегу на спортплощадку на Оук-стрит, где каждый день проходили дворовые матчи, до самого вечера, пока мамы не загоняли детей домой ужинать.

И вдруг мы услышали, как кто-то кричит нам с другой стороны Скул-стрит. Кричит вроде бы человеческим голосом, только больше похожим на ослиный рев:

— *ДЖОРДЖ И МАРЛИ НА ВЕТКЕ! ЦЕ-ЛУ-ЮТ-СЯ!*

Мы остановились. На той стороне, рядом с кустом черемухи, стоял мальчишка. Я никогда раньше его не видел, ни в школе, ни где-то еще. Ростом не больше четырех с половиной футов, коренастый, слегка полноватый. В серых шортах до колен и полосатом зелено-оранжевом свитере, обтягивавшем круглый живот и грудь. На голове — совершенно дурацкая бейсболка с пластмассовым пропеллером на макушке.

Его лицо было пухлым и жестким одновременно. Волосы — рыжие, почти оранжевые, как полосы на свитере, того морковного оттенка, который никто не любит. Торчат во все стороны над оттопыренными ушами. Нос маленький, пуговкой, а глаза — ярко-зеленые, таких глаз я не видел больше ни у кого. Губы бантиком и такие насыщено-красные, словно он их покрасил маминой помадой. Потом я встречал многих рыжих с такими же красными губами, но все равно не с такими яркими, как у того гадкого мальчишки.

Мы стояли и смотрели на него. Марли резко умолкла. Она носила очки в розовой пластмассовой оправе, и за стеклами этих очков ее широко распахнутые глаза казались невероятно огромными.

Мальчишка — явно не старше шести-семи лет — надул красные губы и изобразил звук поцелуя. Потом схватился за задницу и стал дергать бедрами вперед-назад.

— *ДЖОРДЖ И МАРЛИ НА ВЕТКЕ! ТРА-ХА-ЮТ-СЯ!*

Он ревел, как осел. Мы смотрели на него, оглушенные.

— Ты надевай гондон, когда ей заправляешь, — крикнул он, ухмыляясь. — Если не хочешь наплодить недоумков, как она сама.

— Заткнись, — сказал я.

— Или что? — спросил он.

— Или я тебя сам заткну, — заявил я.

Я не шутил. Папа наверняка рассердился бы, если бы узнал, что я грозился побить кого-то слабее и младше меня, но этот мальчишка... он не должен был так говорить. Выглядел он как ребенок, но слова произносил вовсе не детские.

— Отсоси у меня, засранец, — сказал он и скрылся за кустом черемухи.

Я раздумывал, не побежать ли за ним, но Марли так крепко сжимала мне руку, что стало почти больно.

— Мне не нравится этот мальчишка, — призналась она.

Я сказал, что мне тоже не нравится, но шел бы он лесом. Пойдем домой, предложил я.

Но не успели мы сдвинуться с места, как тот мальчишка снова вышел из-за куста. В руках он держал коробку для завтраков со Стивом Остином. Коробку Марли. Он поднял ее над головой.

— Ничего не потеряла, дурында? — крикнул он и смеялся. Его лицо, сморщенное от смеха, стало похоже на поросычье рыло. Он обнюхал коробку и сказал: — Наверняка это твое. Пахнет пизденкой. *Безмозглой* пизденкой.

— Отдай, это мое! — завопила Марли и отпустила мою руку. Я попытался ее удержать, но ладони у нас обоих вспотели, и рука просто выскользнула.

— Иди и возьми, — предложил он, протягивая коробку.

Прежде чем продолжить, мне надо сказать несколько слов о миссис Пекхам. Она была учительницей первого класса в школе «Мэри Дей». Я у нее не учился, потому что ходил в первый класс в Нью-Мексико, но почти все ребята в Талботе учились — и Марли тоже, — и все ее очень любили. Даже я ее любил, хотя мы с ней общались только на переменах, на школьном дворе, когда была ее очередь следить за порядком. Если мы затевали игру в бейсбол, мальчишки против девочек, она всегда была питчером в девчачьей команде. Иногда она бросала мяч из-за спины, и всех это смешило. Она была из тех учителей, которых

помнишь и через сорок лет после окончания школы, потому что она была доброй, веселой и в меру строгой и умела заинтересовать учебой даже самых непоседливых ребятшек.

У нее был большой старый «бьюик-роудмастер», небесно-голубого цвета, и между собой мы называли ее Пекхам-Копуша, поскольку она никогда не ездила быстрее тридцати миль в час, сидела, вцепившись в руль, выпрямив спину, и шурилась на дорогу. Конечно, мы ее видели на машине только на улице рядом со школой, где имелось ограничение скорости, но я почему-то не сомневаюсь, что и на загородном шоссе она ездила точно так же. Даже на скоростной магистрали. Она была очень внимательной и осторожной. И никогда не причинила бы вред ребенку. Преднамеренно — нет.

Марли бросилась за коробкой и выскочила на проезжую часть. Тот гадкий мальчишка расхохотался и швырнул ей коробку. Коробка упала и от удара раскрылась. Из нее выкатился термос. Я увидел, как на улицу выезжает голубой «бьюик», и крикнул Марли, чтобы она уходила с дороги, но я совершенно не волновался: это же Пекхам-Копуша, ехать ей было еще целый квартал, и она, как всегда, еле ползла.

— Это ты виноват, — сказал гадкий мальчишка, — ты отпустил ее руку. — Он смотрел на меня и ухмылялся. Он так сильно оскалился, что стали видны все его мелкие зубы. — Ты не можешь вообще *ничего* удержать, членосос.

Показал мне язык, издал такой звук, словно перднул. И снова скрылся за кустом черемухи.

Миссис Пекхам потом говорила, что у нее заклинило педаль газа. Не знаю, поверили ей в полиции или нет. Знаю только, что больше она не работала в школе «Мэри Дей».

Марли нагнулась, подняла термос и легонько его встряхнула. Мне было слышно, как он зазвенел. Марли сказала:

— Он разбился внутри.

И расплакалась. Опять наклонилась, чтобы поднять коробку, и вот тут педаль газа у миссис Пекхам, должно быть, и вправду заклинило, потому что мотор взревел, и ее «бьюик» *рванулся* вперед. Как волк на кролика. Марли выпрямилась и застыла, прижимая к груди коробку, а другой рукой держа разбитый термос. Она видела, как приближалась машина, но не сдвинулась с места.

Может быть, я успел бы ее оттолкнуть и спасти. Но если бы я выбежал на дорогу, то и сам, вероятно, угодил бы под колеса. Я не знаю, как все могло обернуться, потому что тоже застыл словно парализованный. Просто стоял и смотрел. И не сдвинулся с места, даже когда ее сбила машина. Я даже голову не повернул, лишь проследил взглядом за Марли — она пролетела по воздуху и упала, ударившись об асфальт головой, своей бедной слабой головой. Потом я услышал, как кто-то кричит. Это была миссис Пекхам. Она выскочила из машины, упала, поднялась с разбитыми коленками и бросилась к тому месту, где неподвижно лежала Марли и из головы у нее текла кровь. Я тоже бросился к ней. И на бегу оглянулся. Я отбежал уже достаточно далеко, и куст черемухи отлично просматривался со всех сторон. За кустом никого не было.

3

Халлас умолк и закрыл лицо руками. Он просидел так какое-то время и только потом отнял руки.

— Вы хорошо себя чувствуете, Джордж? — спросил Брэдли.

— Все хорошо, просто хочется пить. Я отвык так много говорить. В камере смертников как-то не до разговоров.

Он сделал знак Макгрегору. Тот вынул наушники из ушей и встал.

— Вы закончили, Джордж?

Халлас покачал головой:

— Еще не скоро закончу.

Брэдли сказал:

— Мой клиент хочет пить, мистер Макгрегор. Это можно устроить?

Макгрегор подошел к переговорному устройству у двери на пост охраны и что-то быстро проговорил в микрофон. Брэдли воспользовался паузой, чтобы спросить у Халласа, сколько учеников было в школе «Мэри Дей».

Халлас пожал плечами:

— Маленький городок, небольшая школа. Вряд ли там было больше полутора сотен учеников. С первого по шестой класс.

Дверь на пост охраны приоткрылась. В щели показалась рука с пластиковым стаканчиком. Макгрегор взял его и отнес Халласу. Тот жадно отпил, одним глотком осушив полстакана, и поблагодарил.

— Всегда пожалуйста, — отозвался Макгрегор. Снова уселся на стул в углу, вставил в уши наушники и погрузился в музыку, или что он там слушал.

— А тот мальчишка — тот гадкий мальчишка, — он был *по-настоящему* рыжим? Вы говорили, цвет казался оранжевым, как у моркови?

— Волосы прямо горели, как неоновая реклама.

— Значит, если бы он ходил в вашу школу, вы бы его запомнили и узнали?

— Да.

— Но вы его не узнали, и в вашу школу он не ходил?

— Нет. В школе я его не видел.

— Тогда как же он взял коробку для завтраков той девочки Джейкобс?

— Не знаю. Но есть вопрос поинтереснее.

— Какой же, Джордж?

— Куда он делся из-за того куста черемухи? Там был только газон, спрятаться негде. Но он исчез.

— Джордж!

— Да?

— Вы уверены, что там и вправду *был* мальчик?

— Ее коробка для завтраков мистер Брэдли. Она упала прямо на дорогу.

«В этом я не сомневаюсь, — подумал Брэдли, постукивая кончиком ручки по блокноту. — Возможно, она вообще не терялась, коробка. Возможно, она все время была у нее.

Или, может (мысль нехорошая, но нехорошие мысли — это нормально, когда слушаешь бредовую историю детоубийцы), это *ты*, Джордж, отобрал у нее коробку. Может быть, ты отобрал у нее коробку и швырнул на проезжую часть, чтобы ее подразнить».

Брэдли поднял голову и по выражению Халласа сразу понял, что все, о чем он только что думал, читалось у него на лице так же явно, как если бы по его лбу бежала светящаяся строка. Он почувствовал, что краснеет.

— Хотите послушать, что было дальше? Или вы уже сделали выводы?

— Никаких выводов я не сделал, — ответил Брэдли. — Продолжайте, пожалуйста.

Халлас допил воду и продолжил.

4

Лет пять или больше мне снились кошмары об этом гадком мальчишке с морковными волосами в бейсболке с пропеллером, но со временем все прошло. Со временем я смог поверить в то, во что, видимо, верите вы, мистер Брэдли: что это был просто несчастный случай, что педаль газа у миссис Пекхам и вправду заклинило, как иной раз бывает, а если там и присутствовал какой-то мальчишка, который дразнил Марли... ну, иногда ведь дети *дразнятся*, верно?

Папа закончил работу на «Удаче», и мы переехали в восточный Кентукки, где отец занялся тем же, что и в Алабаме, только с бóльшим размахом. В тех местах много богатых месторождений, и там нужны горные ин-

женеры. Мы поселились в Айронвиле и прожили там достаточно долго, чтобы я успел закончить школу. В предпоследнем классе шутки ради я записался в школьный драмкружок. Кому сказать — будут смеяться. Невзрачный мальчик, тихий как мышь, подрабатывавший заполнением налоговых деклараций для мелких предпринимателей и стареньких вдов, играет в спектаклях вроде «За закрытыми дверями». Прямо «Тайная жизнь Уолтера Митти»! Но я играл, и играл хорошо. Все говорили, что у меня есть способности. Я даже подумывал об актерской карьере. Я понимал, что мне никогда не дадут главных ролей, но кто-то же должен играть советника президента по экономическим вопросам, или помощника главного злодея, или механика, которого убивают в самом начале фильма. Я знал, что смогу играть такие роли, и был уверен, что меня возьмут. Я сказал папе, что после школы хочу учиться актерскому мастерству. Он согласился: ладно, учись, только возьми еще какой-нибудь курс, чтобы был запасной вариант. Я поступил на театральный факультет Питсбургского университета, а неосновной дисциплиной выбрал административное управление.

Первой пьесой, в которой мне дали роль, была «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости», и на репетициях я познакомился с Вики Абингтон. Я играл Тони Лампкина, а она — Констанс Невилл. Вики была настоящей красавицей, с кудрявыми светлыми волосами, стройная, тоненькая, очень нервная. Я сразу подумал, что она слишком красивая для меня, но в итоге набрался смелости и пригласил ее выпить кофе. Так у нас все и началось. Мы часами просиживали в «Нордиз» — была такая забегаловка в Питсбургском университете, — и она мне рассказывала о своих бедах, в основном связанных с ее чересчур властной матерью, и о своих честолобивых планах, которые непременно были связаны с театром, особенно с серьезным театром в Нью-Йорке. Четверть века назад еще был такой театр.

Я знал, что она принимает таблетки, которые ей выписывали в Норденбергском центре здоровья — может, от

приступов тревоги, может, от депрессии, может, от того и другого сразу, — но я думал: это лишь потому, что она очень творческий человек, творческий и амбициозный, возможно, все по-настоящему великие актеры и актрисы принимают эти таблетки. Возможно, Мэрил Стрип принимает эти таблетки или принимала раньше, пока не стала знаменитой после «Охотника на оленей». И знаете что? У Вики было великолепное чувство юмора, которого так не хватает многим красивым женщинам, особенно если они страдают от нервных расстройств. Она умела посмеяться над собой. И частенько смеялась. Она говорила, это единственное, что не дает ей сойти с ума.

Мы сыграли Ника и Хани в «Кто боится Вирджинии Вулф?» и получили хорошие отзывы. Нас отметили даже больше, чем ребят, игравших Джорджа и Марту. После этого мы стали не просто друзьями за чашечкой кофе, мы стали парой. Иногда мы целовались где-нибудь в темном углу, прямо в университете, но чаще всего эти страстные встречи заканчивались слезами. Вики плакала и говорила: она ни на что не годится, актрисы из нее не выйдет, о чем мама сказала ей сразу. Однажды вечером — после пробы для «Смертельной ловушки» — у нас был секс. В первый и единственный раз. Она говорила, будто ей понравилось, все было волшебным, но я полагаю, что нет. Во всяком случае, больше мы этим не занимались.

Летом двухтысячного мы не поехали домой на каникулы, потому что в парке Фрик готовилась летняя постановка «Музыканта». Это было большое событие: спектакль должен был режиссировать Мэнди Патинкин. Мы с Вики пробовались на роли. Я совершенно не нервничал, не ожидая, что мне что-то дадут, но для Вики тот кастинг стал главным событием в жизни. Она называла его первым шагом к всемирной славе — вроде бы в шутку, но это была не совсем шутка. Нас вызывали по шесть человек, каждый заранее приготовил картонную карточку, на которой написал роль, которую хотел получить, и Вики дрожала как осиновый лист, пока мы ждали нашей очереди у двери

в репетиционный зал. Я приобнял ее за плечи, и она успокоилась, но только чуть-чуть. Она была такой бледной, что ее макияж казался нарисованной маской.

Я вошел в зал и отдал свою карточку с «мэром Шинном». Я выбрал мэра, потому что это была самая маленькая из ролей, а в итоге мне неожиданно дали главную роль — Харолда Хилла, обаятельного афериста. Вики пробовалась на роль Мэриан Пару, библиотечарши, дающей уроки игры на фортепьяно. Это главная женская роль. Отрывок она прочитала нормально, как мне показалось, — не идеально, не на высоте, но очень неплохо. А потом надо было спеть песню.

Песня очень важна для роли. Если вы вдруг не знаете, это очень простая и очень трогательная песня. Называется «Спокойной ночи, мой кто-то». Вики мне ее пела — без музыкального сопровождения — полдюжины раз, и у нее получалось отлично. Нежно, печально, с надеждой. Но в тот день на прослушивании она все завалила. Она пела ужасно, из серии «стиснуть зубы, зажмуриться и умереть». Не попадала в ноты и никак не могла вовремя вступить. Приходилось начинать заново — и не один раз, а дважды. Я видел, что Патинкин начинает терять терпение, поскольку ему предстояло прослушать еще с полдюжины претенденток. Аккомпаниаторша закатывала глаза. Мне хотелось дать ей по морде, по этой тупой, рыхлой морде.

Когда Вики закончила, ее всю трясло. Мистер Патинкин поблагодарил ее, она поблагодарила его, очень вежливо, а потом убежала. Я бросился следом и догнал ее, прежде чем она выскочила на улицу. Догнал и сказал, что она была великолепна. Она улыбнулась, сказала «спасибо» и добавила, что мы оба знаем, как все обстояло на самом деле. Я предположил: если мистер Патинкин такой гениальный, как о нем говорят, он разглядит в ней хорошую актрису даже сквозь всю нервозность. Она обняла меня со словами, что я ее лучший друг. К тому же, сказала она, будут и другие спектакли. «В следующий раз я приму валиум перед прослушиванием. Я просто боялась, что от

него голос изменится, я слышала, что от некоторых таблеток меняется голос». Потом она рассмеялась: хуже, чем было сегодня, уж точно не будет. Я сказал, что куплю ей мороженое в «Нордиз», ей понравилась эта идея, и мы отправились в кафе.

Мы шли по улице, взявшись за руки, и мне сразу вспомнились наши прогулки с Марли Джейкобс. Из школы и в школу, рука об руку. Я не утверждаю, что его вызвали эти воспоминания, но и не утверждаю обратного. Я не знаю. Знаю только, что до сих пор порой задаюсь этим вопросом, когда мне не спится в камере по ночам.

Наверное, она слегка успокоилась по дороге, потому что заговорила о том, какой великолепный профессор Хилл получится из меня, и тут мы услышали, как кто-то кричит нам с другой стороны улицы. Только это был не человеческий крик, а ослиный рев.

— *ДЖОРДЖ И ВИКИ НА ВЕТКЕ! ТРА-ХА-ЮТ-СЯ!*

Это был он. Тот самый мальчишка. Те же шорты, тот же свитер в полоску, те же морковные волосы, торчавшие из-под бейсболки с пластмассовым пропеллером на макушке. Прошло больше десяти лет, а он ничуть не повзрослел. Меня как будто отбросило назад в прошлое, только теперь со мной была Вики Абингтон, а не Марли Джейкобс, и мы шли по Рейнолдс-стрит в Питсбурге, а не по Скул-стрит в Талботе, штат Алабама.

— Что *такое*? — спросила Вики. — Ты его знаешь, Джордж?

Что я должен был ей ответить? Я не произнес ни слова. Я так удивился, что даже не мог открыть рот.

— Ты играешь паршиво, а поешь еще хуже! — выкрикнул он. — *ВОРОНЫ* каркают лучше, чем ты поешь! И еще ты *УРОДИНА! УРОДИНА ВИКИ!*

Она зажала руками рот. Я помню, какими большими стали ее глаза и как они вновь заблестели от слез.

— А ты ему отсоси! — крикнул мальчишка. — Это единственный способ получить роль для такой страшной, бездарной сучки, как ты.

Я рванулся к нему, только казалось, что все происходит не по-настоящему. Словно во сне. Дело близилось к вечеру, и на Рейнолдс-стрит было много машин, но я об этом не подумал. А Вики подумала, она схватила меня за руку и оттащила назад. Вероятно, я обязан ей жизнью, потому что буквально через две секунды мимо промчался автобус, гудящий клаксоном.

— Не надо, — попросила она. — Он того не стоит, кем бы ни был.

За автобусом следовал большой грузовик, и когда он проехал мимо, мы с Вики увидели, как тот мальчишка бежит по другой стороне улицы, трясая большой задницей. Он добежал до угла и свернул в переулок, но перед тем, как свернуть, резко остановился, стянул шорты вниз, наклонился и показал нам свои голые ягодички.

Вики села на скамейку, и я опустился рядом. Она снова спросила, кто это такой, и я сказал, что не знаю.

— Тогда откуда он знает, как нас зовут? — спросила она.

— Я не представляю, — ответил я.

— Ну, в одном он был прав, — согласилась она. — Если я хочу получить роль в «Музыканте», мне надо вернуться и отсосать Мэнди Патинкину. — Потом она рассмеялась, и на этот раз смех был настоящим, идущим от сердца. Она запрокинула голову и расхохоталась. — Видел его уродскую задницу? — спросила она. — Как две рыхлые непропеченные булки!

Тут я тоже рассмеялся. Мы обнялись, и сидели щека к щеке, и буквально ревели от смеха. Я думал, что раз мы смеемся, значит, все хорошо, на самом же деле — такое понимаешь только потом, да? — у нас обоих случилась истерика. У меня — потому, что это был *тот же самый мальчишка*, по прошествии стольких лет. У Вики — потому, что она верила в то, что он сказал: она совершенно бездарная актриса, а даже если бы была очень талантливой, все равно не смогла бы преодолеть нервозность.

Я проводил ее до женского общежития — вернее, это было не совсем общежитие, а большой дом, где снимали

квартиры только девушки-студентки, — и на прощание она обняла меня и еще раз сказала, что из меня получится потрясающий Харолд Хилл. Меня насторожил ее тон, было в нем что-то странное, и я спросил, все ли с ней хорошо. Она сказала: конечно, все хорошо, балда, — и побежала к подъезду. Больше я ее живой не видел.

После похорон я пригласил Карлу Уинстон на чашечку кофе, потому что Карла была единственной близкой подругой Вики. В итоге мне пришлось перелить ее кофе из чашки в стакан — у нее так тряслись руки, что я испугался, вдруг она обожжется. Карла была просто раздавлена: в том, что случилось, она винила себя. Точно так же, как — я уверен — миссис Пекхам винила себя в том, что произошло с Марли.

В тот вечер она увидела Вики в общей гостиной на первом этаже. Вики сидела перед телевизором. Вот только телевизор был выключен. Карла сказала, что Вики была заторможенной и рассеянной. С ней такое случалось, когда она теряла счет таблеткам и принимала больше, чем требовалось, или когда принимала их не в том порядке. Карла спросила, не надо ли ей показаться врачу. Вики сказала, что нет, не надо, с ней все в порядке, просто сегодня был тяжелый день, но ей уже лучше. А скоро станет совсем хорошо.

Там был какой-то противный мальчишка, сказала Вики Карле. «Я провалила прослушивание, а потом тот мальчишка стал надо мной издеваться».

«Вот гаденыш», — ответила Карла.

«Джордж его знает, — сказала Вики. — Он говорил, что не знает, но было понятно, что знает. Сказать тебе, что я думаю?»

Карла согласилась. Она уже не сомневалась, что Вики что-то напугала со своими таблетками, или покурила травы, или и то и другое вместе.

«Я думаю, это Джордж его подговорил, — сказала Вики. — Чтобы он надо мной посмеялся. Но когда Джордж

увидел, как я расстроена, он попытался остановить мальчишку. Только тот не желал останавливаться».

Карла сказала: «Не может быть, Вик. Джордж никогда не стал бы издеваться над тобой из-за роли. Ты ему нравишься».

«Но в одном тот мальчишка был прав, — сказала Вики. — В театре мне делать нечего».

Тут я перебил Карлу и сказал, что не подговаривал того мальчишку. Я вообще не знаю, кто он такой. Карла ответила, что можно было этого не говорить, она и так знает, что я хороший человек и что Вики мне нравилась. Потом она расплакалась.

«Это моя вина, не твоя, — сказала она. — Я видела, что ей плохо, и не сделала ничего, чтобы помочь. И ты знаешь, что было потом. Это тоже моя вина, потому что на самом деле она вовсе не собиралась... Я уверена, она не хотела ничего такого».

Карла оставила Вики внизу, а сама поднялась к себе в комнату. Часа через два она постучала в комнату Вики.

«Я подумала, что мы, может быть, погуляем и где-нибудь поедим, — сказала она. — И даже выпьем по стаканчику вина, если действие таблеток прошло. Но ее не было дома. Я спустилась на первый этаж, в общую комнату, но и там ее не было. Две девушки смотрели телевизор, и одна из них сказала, что, кажется, видела, как Вики спустилась в подвал. Наверное, решила устроить стирку.

Потому что у нее в руках были простыни, сказала та девушка».

Это встревожило Карлу, хотя она не хотела задумываться почему. Она спустилась в подвал, но в прачечной не было никого, и ни одна из стиральных машин не работала. Рядом с прачечной располагалась кладовка, где девушки, жившие в доме, хранили вещи. Из кладовки доносились какие-то звуки, и когда Карла туда вошла, она увидела Вики, стоявшую спиной к двери на стопке чемоданов. Она связала две простыни, чтобы получилась ве-

ревка. Один конец веревки лежал петлей у нее на шее, другой был привязан к трубе под потолком.

Но дело в том, сказала мне Карла, что в стопке было всего три чемодана, а веревка из простыней заметно провисала. Если бы Вики всерьез собиралась покончить с собой, она обошлась бы одной простыней, а стопку из чемоданов сделала повыше. Это была, что называется, генеральная репетиция.

Ты не можешь знать наверняка, сказал я. Ты же не знаешь, сколько она приняла таблеток и что там творилось у нее в голове.

«Я знаю то, что видела, — сказала Карла. — Она могла бы шагнуть вниз с чемоданов, и веревка из простыней даже не натянулась бы. Но тогда я об этом не думала. Я испугалась. И выкрикнула ее имя».

Этот громкий крик за спиной напугал Вики; вместо того чтобы просто шагнуть вниз, она дернулась и начала падать вперед, чемоданы заскользили у нее под ногами, и она не устояла. Она могла бы просто упасть, грохнувшись животом об пол, но веревка была *не такой* длинной. Она все равно могла бы выжить, если бы узел между двумя простынями не выдержал и развязался, но он был завязан на совесть. При падении петля затянулась под весом тела, и голова Вики резко дернулась назад.

«Я услышала хруст, — сказала Карла. — Громкий хруст сломанной шеи. И это была только моя вина».

Потом она плакала, плакала и никак не могла остановиться.

Мы вышли из кафе, и я проводил Карлу до автобусной остановки. Я вновь и вновь повторял ей, что она ни в чем не виновата, и постепенно она успокоилась. И даже слегка улыбнулась.

«Умеешь ты убеждать, Джордж», — сказала она.

Я не стал говорить — потому что она все равно не поверила бы, — что моя убедительность проистекает из абсолютной уверенности.

5

— Этот гадкий мальчишка забирал всех, кто мне дорог, — сказал Халлас.

Брэдли кивнул. Очевидно, Халлас сам верил в то, что рассказывал, и если бы эта история всплыла на суде, его, скорее всего, присудили бы к пожизненному заключению, а не к процедуре в Прививочном корпусе. Об оправдательном приговоре нечего было и думать, но у присяжных появился бы хороший повод снять с повестки дня смертную казнь. Теперь, вероятно, было уже поздно. Письменное ходатайство об отмене смертного приговора с учетом истории Халласа о гадком мальчишке вряд ли будет принято к рассмотрению. Нужно быть рядом, нужно видеть его лицо, исполненное уверенности. Нужно слышать его голос.

Человек, приговоренный к смерти, смотрел на Брэдли сквозь слегка запотевшее оргстекло и едва заметно улыбался.

— Он был не просто зловредным и гадким, этот мальчишка. Он был жадным. Всегда пытался прихватить кого-то в нагрузку. Один мертв; второй медленно варится в густой подливе вины.

— Видимо, вам удалось убедить Карлу, — заметил Брэдли. — Раз она вышла за вас замуж.

— Если и удалось, то не полностью. И она никогда не верила в этого гадкого мальчишку. Если бы верила, то пришла бы на суд. И мы до сих пор были бы женаты. — Халлас смотрел на Брэдли сквозь стекло, и его взгляд оставался спокойным. — Если бы Карла мне верила, она была бы только рада, что я его убил.

Охранник, сидевший в углу — Макгрегор, — посмотрел на часы, вынул наушники из ушей и поднялся:

— Не хочу вас торопить, господин адвокат, но уже одиннадцать тридцать, и скоро вашему клиенту нужно будет вернуться в камеру для полуденной проверки.

— А ему обязательно идти? — спросил Брэдли, но смиренно и вежливо. Охранников лучше не злить, и хотя Макгрегор был неплохим человеком, он мог быть суровым и жестким. Жесткость характера — обязательное качество для людей, надзирающих за отбывающими срок преступниками. — Вот же он, прямо у вас перед глазами.

— Таковы правила. — Макгрегор поднял руку, словно отменяя возражения, которые не высказал Брэдли. — Я знаю, срок близится, и сейчас время свиданий не ограничено. Если вы подождете, я отведу его на переключку, а потом опять приведу к вам. Хотя он пропустит обед. И вы, наверное, тоже.

Они вместе наблюдали, как Макгрегор вернулся к своему стулу в углу и опять сунул в уши наушники. Когда Халлас снова посмотрел на Брэдли, его улыбка стала шире.

— Вы, наверное, уже *догадались*, что было дальше.

Хотя Брэдли не сомневался, что догадаться несложно, он сложил руки на своем нераскрытом блокноте и сказал:

— Но мне бы хотелось послушать вас.

6

Я отказался от роли Харолда Хилла и ушел из университетского театра. Я потерял интерес к актерству. В последний год в Питсбурге сосредоточился на курсе административного управления и на Карле Уинстон. Мы поженились сразу после того, как я закончил учебу. Отец был моим шафером. Три года спустя он погиб.

Он курировал несколько шахт в Виргинии, в частности — шахту в Луизе, чуть южнее Айронвиля, где он по-прежнему жил с Ноной Маккарти, мамой Ноной, в качестве «домоправительницы». Шахта называлась «Глубокая». Однажды во второй лаве произошло обрушение, на глубине около двух сотен футов. Ничего страшного не случилось, никто из шахтеров не пострадал, но затем отец и два представителя администрации спустились на место

аварии, чтобы оценить ущерб и понять, сколько времени уйдет на восстановление участка. Он не вернулся назад. Никто из них не вернулся.

Мама Нона потом говорила, что несносный мальчишка названивает ей. Она всегда была видной, красивой женщиной, но после гибели отца буквально за год превратилась в сморщенную старуху. Еле ползала, шаркая ногами, а когда кто-нибудь заходил в комнату, вся сжималась, словно ждала, что ее ударят. Ее подкосила не папина смерть — тут постарался гадкий мальчишка.

«Он все звонит и звонит, — говорила она. — Обзывает меня черножопой сучкой, но это не страшно. Меня обзывали и похуже. Мне такие оскорбления — что с гуся вода. Но он говорит, что все это случилось из-за сапог, которые я подарила твоему папе. Ведь это неправда, Джорджи? Там было что-то другое. Он должен был надеть войлочные бахилы. Он *никогда* не забыл бы надеть бахилы после аварии в шахте, даже если авария не очень серьезная».

Я согласился, но видел, что ее гложут сомнения.

Это были отличные охотничьи сапоги. Мама Нона подарила их папе на день рождения меньше чем за два месяца до взрыва в «Глубокой». Думаю, они обошлись ей долларов в триста, но они того стоили. Высотой до колен, из мягкой как шелк кожи, но очень прочные. Такие сапоги не знают сносу, всю жизнь в них проходишь, да еще сыну оставишь. Каблуки подбиты гвоздями, и на определенных поверхностях эти гвозди могли высекать искры, как кремьень о сталь.

Папа никогда не спустился бы в шахту в кованых сапогах, тем более в аварийную, где мог быть и рудничный газ, и чистый метан. И не говорите мне, что он просто забыл. Они спускались туда с респираторами и с кислородными баллонами, и папа уж точно переобулся бы. Или, как верно заметила мама Нона, надел бы на сапоги войлочные бахилы. Ей незачем было искать у меня подтверждения, она сама знала, какой он ответственный и осторожный. Но даже самая безумная мысль может тобой

завладеть, если ты одинок и убит горем, а кто-то умело на этом играет. Эта безумная мысль присосется к тебе, как паразит, ввинтится в голову, отложит яйца, и очень скоро твой мозг превратится в клубок извивающихся червей.

Я посоветовал ей сменить телефонный номер, она так и сделала, но мальчишка узнал новый номер и продолжал ей названивать. Он говорил ей, что папа забыл, что на нем кованные сапоги, один из гвоздей высек искру, и случился большой бабах.

Ничего не произошло бы, если бы тебе не вздумалось подарить ему эти сапоги, старая ты черножопая сучка. Вот как он с ней разговаривал — или, может быть, еще хуже, просто она мне не передавала.

Наконец она вообще избавилась от телефона. Я говорил ей, что телефон *нужен*, ты живешь совершенно одна, и не дай бог что случится, но она не желала слушать. Повторяла: «Иногда он звонит посреди ночи, Джорджи. Ты не представляешь себе, что я чувствую, когда лежу в темноте, слушаю, как звонит телефон, и знаю, что это он, тот мальчишка. Куда, интересно, смотрят его родители? Ребенок не спит по ночам и названивает чужим людям!»

Я говорил: отключай телефон на ночь.

Она отвечала: «Я отключаю. Но он все равно звонит».

Я говорил, что это ей чудится. Я пытался сам в это поверить, но не мог, мистер Брэдли. Если тот гадкий мальчишка сумел украсть коробку Марли, если он знал, что Вики завалила прослушивание на роль, если знал о папиных сапогах — *если он оставался мальчишкой все эти годы*, — то он, конечно же, мог позвонить и на отключенный телефон. В Библии сказано, что дьявол рыщет по всей земле и десница Господня его не оставит. Я не знаю, был ли тот гадкий мальчишка самим дьяволом, но что-то дьявольское в нем имелось.

И я не знаю, можно ли было спасти маму Нону, если бы она позвонила в «скорую». Я знаю только, что когда у нее прихватило сердце, она не смогла никуда позвонить, поскольку в доме не было телефона. Она умерла в одино-

честве. Соседка нашла ее на полу в кухне на следующий день.

Мы с Карлой приехали на похороны и провели ночь в папином доме, где мама Нона осталась жить после его смерти. Мне приснился кошмар, я проснулся посреди ночи и больше не смог заснуть. Уже утром, услышав, как на крыльцо упала газета, я вышел за ней и увидел, что на почтовом ящике за калиткой поднят флажок. Я подошел к ящику — как был, в халате и тапочках. Внутри лежала детская бейсболка с пластиковым пропеллером на макушке. Я взял ее в руки, и она была *горячей*, как будто ее только что снял с головы человек, пылавший в лихорадке. Мне было противно к ней прикасаться, но я все равно перевернул ее и заглянул внутрь. Внутри бейсболка лоснилась от какого-то допотопного масла для волос, которым уже давно никто не пользовался. К подкладке прилипло несколько ярко-рыжих волосков. И там лежала записка, написанная корявым детским почерком: «БЕРИ СЕБЕ, У МЕНЯ ЕСТЬ ЕЩЕ».

Я отнес чертовой бейсболку на кухню — держа двумя пальцами, потому что, как я уже говорил, мне было противно к ней прикасаться, — запихнул ее в дровяную печь и поднес спичку. Бейсболка сгорела мгновенно. Вспыхнула зеленоватым пламенем и осыпалась пеплом. Где-то через полчаса Карла спустилась в кухню, приняухалась и спросила: чем так воняет? Как будто гнилыми водорослями.

Я сказал, что это, скорее всего, выгребная яма за домом. Она, наверное, переполнилась, и надо вызвать ассенизаторов, чтобы все откачали. Но я знал правду. Это был запах метана. Возможно, последний запах, который почувствовал мой отец перед тем, как что-то высекло искру и папа вместе с двумя его спутниками отправился на тот свет.

Я тогда работал в аудиторской фирме — одной из крупнейших независимых аудиторских компаний на Среднем Западе — и очень быстро поднялся до руководящей должности. Собственно, так всегда и бывает, когда приходишь на работу пораньше, уходишь попозже и занимаешься

делом, а не считаешь ворон. Мы с Карлой хотели иметь детей, и мой доход позволял всерьез думать об этом, но ничего не получалось, ее месячные приходили регулярно, как по часам. Мы ездили в Центр акушерства и гинекологии в Топеке и сдали все необходимые анализы. Врач сказал, что у нас все нормально и говорить о лечении бесплодия пока рано. Он велел нам возвращаться домой и наслаждаться интимной жизнью.

Так мы и сделали, и через одиннадцать месяцев у жены случилась задержка. Жена воспитывалась в католической семье, но, поступив в университет, прекратила посещать церковь. Однако когда стало ясно, что Карла забеременела, она снова стала туда ходить. И хотела, чтобы я ходил вместе с ней. Мы посещали церковь Святого Андрея. Я сам человек не религиозный, но был не против. Если Карла хотела поблагодарить Бога за счастье стать матерью, я не возражал.

Выкидыш случился, когда она была на шестом месяце. Несчастный случай. Хотя это был никакой не случай. Ребенок прожил несколько часов, потом умер. Умерла. Это была девочка. Ей нужно было дать имя, и мы назвали ее Элен, в честь бабушки Карлы.

Это произошло прямо у церкви. Месса закончилась, мы собирались пообедать где-нибудь в центре и вернуться домой, чтобы я успел посмотреть футбол по телевизору. Карла хотела просто полежать, подложив под ноги подушку и наслаждаясь беременностью. Она действительно *наслаждалась* своим состоянием, мистер Брэдли. Каждый день, даже на ранних сроках, когда ее постоянно тошнило.

Я увидел гадкого мальчишку, как только мы вышли из церкви. Те же мешковатые шорты, тот же свитер в полоску, тот же пухлый детский животик. Бейсболка, которую я нашел в почтовом ящике, была синей, а та, что на голове у мальчишки, — зеленой. Но тоже с пластиковым пропеллером на макушке. У меня на висках уже пробивалась первая седина, а он так и остался мальчишкой шести-семи лет.

Он стоял чуть поодаль, как бы прячась за спиной другого мальчишки. *Обыкновенного* мальчишки, который вырастет и станет взрослым. Вид у этого мальчика был огорошенный и испуганный. Он держал что-то в руках. Что-то похожее на мячик с той ракетки, которую мама Нона давным-давно подарила мне на день рождения.

— Давай, — сказал гадкий мальчишка. — А то отберу те пять баксов, что я тебе дал.

— Не хочу, — ответил обычный мальчик. — Я передумал.

Карла их не видела. Она стояла на крыльце, на верхней ступеньке, и беседовала с отцом Патриком. Говорила ему, что ей очень понравилась его проповедь. Его слова дали ей пищу для размышлений. Лестница была гранитной и довольно крутой.

Кажется, я пошел к ней, чтобы взять под руку. А может, и нет. Может, я просто застыл на месте, как это было, когда мы с Вики встретили того мальчишку после прослушивания на роли в «Музыканте». Прежде чем я сумел сбросить оцепенение или выдавить хоть слово, гадкий мальчишка шагнул вперед и достал из кармана зажигалку. Как только он щелкнул зажигалкой, я понял, что произошло в тот день в шахте «Глубокая». Папины кованные сапоги были ни при чем. Что-то зашипело и заискрилось на верхушке красного мячика в руках у обычного парнишки. Он отбросил эту штуковину, просто чтобы от нее избавиться, и гадкий мальчишка расхохотался. Это был нехороший, злой смех.

Искрившаяся штуковина ударилась о ступеньки сбоку, под металлическими перилами, отскочила и взорвалась с оглушительным грохотом и вспышкой желтого света. Это была не обычная петарда и даже не «вишневая бомбочка». Это был взрывпакет М-80. Взрыв напугал Карлу точно так же, как она сама напугала Вики в тот день в кладовке в женском общежитии. Я попытался ее подхватить, но она держалась двумя руками за руку отца Патрика, и мои пальцы скользнули по ее локтю и сорвались. Они

упали с лестницы вместе. Он сломал правую руку и левую ногу. Карла сломала лодыжку и получила сотрясение мозга. И потеряла ребенка. Потеряла Элен.

На следующий день мальчик, который бросил М-80, пришел вместе с мамой в полицию и во всем признался. Он был совершенно подавлен и говорил то, что дети всегда говорят — искренне, по большей части, — когда какая-то шалость оборачивается бедой. Это вышло нечаянно, он не хотел ничего плохого. Он сказал, что вообще не собирался кидать эту штуку, но другой мальчик поджег фитиль, и он бросил ее от испуга. Нет, сказал он, того мальчишку он видел впервые в жизни. Нет, он не знает, как его зовут. Он отдал полиции пять долларов, которые получил от плохого мальчишки.

После того случая Карла охладела ко мне в постели и перестала ходить в церковь. А я продолжал посещать мессы и даже включился в работу «Конкисты», католической программы содействия молодежи. Вы, наверное, знаете, как это бывает, мистер Брэдли. Я не то чтобы вдруг заделался убежденным католиком, просто нашел себе дело, где мог быть полезен другим. Я не углублялся в религию, для этого был отец Патрик, но с удовольствием тренировал приходскую бейсбольную команду и команду по тачболу. Я предлагал свою помощь на пикниках и в турпоходах, я получил права категории D, чтобы возить мальчишек на церковном автобусе на экскурсии, или в бассейн, или в парк аттракционов. И я всегда носил с собой револьвер. «Кольт» сорок пятого калибра, купленный в местном ломбарде. Ну, вы знаете, основное вещественное доказательство стороны обвинения. Пять лет он был при мне постоянно. Либо лежал в бардачке моего автомобиля, либо в ящике с инструментами в церковном автобусе. Когда я занимался с ребятами на стадионе, револьвер лежал в спортивной сумке.

Карле не нравилось, что я посвящаю «Конкисте» так много времени. Когда отцу Патрику требовались волонтеры, я всегда первым поднимал руку. Думается, она рев-

новала. «Тебя почти никогда не бывает дома на выходных, — говорила она. — Я уже начинаю всерьез опасаться, нет ли у тебя извращенного интереса к молоденьким мальчикам».

Возможно, со стороны это и вправду смотрелось слегка подозрительно, потому что я взял в привычку выделять особенно одаренных ребят и уделять им больше внимания, чем всем остальным. Я пытался с ними подружиться и помогал им как мог. Мне это было не сложно. Большинство происходили из бедных семей и часто росли без отцов. Их одинокие матери убивались за сущую мелочь на двух-трех работах ради куска хлеба в доме. Когда у меня было время, я отвозил кого-нибудь из моих юных друзей на вечерние собрания «Конкисты» по четвергам и обратно домой. Когда не мог подвезти их сам, я обеспечивал их билетами на автобус. Денег я им не давал — еще в самом начале выяснил, что этим ребятам нельзя давать деньги.

Некоторые из моих подопечных добились успеха. В этом есть и моя заслуга. Один мальчик — когда мы с ним познакомились, у него было две пары штанов и три старые рубашки — проявлял исключительные способности к математике. Я выбил ему дотацию на обучение в частной школе, и сейчас он учится на первом курсе Канзасского университета. И учится блестяще. Еще двое баловались наркотиками, и одного мне удалось вытащить. То есть я думаю, что удалось. В таком деле нельзя быть уверенным на сто процентов. А один мальчик сбежал из дома, поссорившись с матерью, и через месяц позвонил мне из Омахи. Как раз тогда, когда его мама решила, что он либо погиб, либо сбежал навсегда. Я поехал за ним и привез домой.

Работа с мальчишками из «Конкисты» дала мне возможность сделать больше добра, чем я сделал за все предыдущие годы, заполняя налоговые декларации и выявляя компании, уклонявшиеся от уплаты налогов в Делавэре. Но это была не основная причина, по которой я выбрал такое занятие. Это был просто побочный эффект. Иногда, мистер Брэдли, я брал кого-нибудь из моих особых ребят

на рыбалку в Диксон-Крик или на реку у моста. Я тоже ловил свою рыбу, но не форель и не карпа. У меня долго не клевало. А потом появился Рональд Гибсон.

Ему было пятнадцать, но выглядел он моложе. Один глаз у Ронни не видел, поэтому он не мог играть в футбол или бейсбол, зато отлично освоил шахматы и другие настольные игры, которыми мальчишки развлекались в дождливые дни. Его никто не обижал, в компании он был вроде счастливого талисмана. Отец бросил их с мамой, когда ему было девять, и Ронни изголодался по мужскому вниманию. Очень скоро мы с ним подружились, и он стал приходить ко мне со всеми своими проблемами. Самой главной проблемой, разумеется, был его незрячий глаз. Врожденная патология. Кератоконус — истончение и деформация роговицы. Врачи говорили, что это можно исправить пересадкой роговицы, но операция стоила дорого, и у его матери не было таких денег.

Я пошел к отцу Патрику, и мы организовали несколько благотворительных акций под названием «Новый взгляд для Ронни». Нас даже по телевизору показали — в местных новостях на «Четвертом канале». Там был один кадр, как мы с Ронни идем по аллее в парке Барнум и я обнимаю его за плечи. Карла фыркнула, когда это увидела. Даже если ты не питаешь ничего такого к своим мальчишкам, сказала она, теперь люди точно подумают, что ты старый гомик.

Но меня не волновало, что подумают люди, потому что вскоре после тех новостей по телевизору я почувствовал, как леска дернулась. Легкий рывок в голове. Это был гадкий мальчишка. Мне наконец удалось привлечь его внимание. Я его *чувствовал*.

Ронни сделали операцию. Зрение в больном глазу не восстановилось полностью, но он стал видеть. Еще год после операции ему надо было носить очки со стеклами-хамелеонами, которые темнели при ярком солнечном свете, но Ронни очков не стеснялся. Наоборот, говорил, что в них выглядит круто.

Вскоре после операции Ронни с мамой пришли ко мне в маленький кабинет «Конкисты» в подвале церкви Святого Андрея. Мама Ронни сказала:

— Мистер Халлас, мы очень вам благодарны. Если есть что-то, что мы можем сделать для вас, только скажите.

Я ответил, что мне ничего не нужно. Я рад был помочь. А потом сделал вид, что мне в голову вдруг пришла мысль.

— Да, может, я попрошу вас об одной небольшой услуге, — сказал я.

— О чем, мистер Халлас? — спросил Ронни.

— В прошлом месяце был такой случай, — начал я. — Я поставил машину на стоянке за церковью, а когда спустился в подвал, вспомнил, что не закрыл ее. Когда вернулся, в машине сидел мальчишка и шарил в бардачке. Я его шуганул, он пулей вылетел из машины и убежал с моей жестянкой для мелочи. Я бросился за ним вдогонку, но он оказался проворнее. Мне бы хотелось, — сказал я Ронни и его маме, — чтобы вы нашли того мальчика и поговорили с ним. Чтобы вы сказали ему то, что я всегда говорю вам, ребятам: воровать нехорошо, это плохое начало жизни.

Ронни спросил, как выглядел тот мальчишка.

— Низкого роста, довольно пухлый, — сказал я. — Ярко-рыжие волосы, оранжевые, как морковь. В тот день он был в серых шортах и свитере в зелено-оранжевую полоску.

— Боже мой! — воскликнула миссис Гибсон. — А у него не было бейсболки с пропеллером на макушке?

— Да, была бейсболка с пропеллером, — ответил я ровным голосом. — Теперь, когда вы об этом упомянули, я вспомнил.

— Я его видела на улице, — сказала она. — Думала, он переехал с родителями в новостройки.

— А ты его видел, Ронни? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Ни разу не видел.

— Если увидишь, не подходи к нему. Сразу беги за мной. Сделаешь, как я прошу?

Он пообещал, что сделает, и я успокоился. Потому что знал: гадкий мальчишка вернулся. И знал, что буду рядом, когда он сделает свой ход. Он *хотел*, чтобы я был рядом. В этом-то и заключался весь смысл. Он хотел причинить боль именно мне. Все остальные — Марли, Вики, отец, мама Нона — для него были просто пушечным мясом.

Прошла неделя, другая. Я уже начал думать, что гадкий мальчишка разгадал мои замыслы. А потом настал день — *тот самый* день, мистер Брэдли, — и какой-то парнишка прибежал на спортивную площадку за церковью, где мы с ребятами вешали волейбольную сетку.

Он сбил Ронни с ног и сорвал с него очки.

— Отбери, если сможешь! — крикнул он и убежал в парк. Ронни бросился следом за ним.

Я мгновенно сорвался с места, подхватив спортивную сумку — с тех пор как я стал работать с мальчишками, всегда носил сумку с собой, — и побежал вдогонку за ними, в парк Барнум. Я не особенно разглядел нападавшего, но знал, что это был не гадкий мальчишка, у него не тот стиль. Мальчик, укравший очки, был самым обыкновенным — как тот, что бросил М-80 у церкви, — и он так же будет жалеть о содеянном, когда осуществится задуманное гадким мальчишкой. Если я *дам* этому осуществиться.

Физическая форма Ронни оставляла желать лучшего. Он не умел быстро бегать. Похоже, мальчишка это заметил, поскольку остановился в дальнем конце парка и принялся размахивать очками.

— Ну давай, забери их, Рэй Чарльз! — кричал он. — Забери их, Стиви Уандер!

Я услышал шум машин на Барнум-бульвар и понял, что задумал гадкий мальчишка. Он рассудил так: что сработало раз, сработает снова. Теперь вместо коробки для завтраков со Стивом Остином были очки-хамелеоны, но основная идея осталась прежней. Потом мальчик, укравший очки, будет плакать и говорить, что *он* не знал, что из этого выйдет, он думал, это просто шутка, или

насмешка, или расплата за то, что Ронни толкнул рыже-волосого парнишку на улице, да так сильно, что тот упал и ударился.

Я мог без труда догнать Ронни, но поначалу нарочно отстал. Понимаете, он был моей приманкой, и меньше всего мне хотелось, чтобы рыба сорвалась, если дернуть леску слишком рано. Когда Ронни уже приближался к парнишке, который выполнял грязную работенку для гадкого мальчишки, тот сорвался с места и бросился в арку между бульваром и парком. Ронни побежал за ним, я — следом за Ронни. На бегу я открыл сумку, вытащил револьвер, и как только он оказался у меня в руке, бросил сумку и поднажал.

— Стой на месте! — крикнул я Ронни, обгоняя его. — Ни шагу вперед!

Слава богу, он подчинился. Если бы с Ронни что-то случилось, я бы не сидел здесь в ожидании укола, мистер Брэдли. Я бы покончил с собой.

Пробежав через арку, я сразу увидел гадкого мальчишку, который ждал на тротуаре. Он нисколько не изменился. Мальчик, укравший очки, как раз передавал их гадкому мальчишке, а тот ему — купюру. Когда гадкий мальчишка увидел меня, мерзкая усмешка, кривившая его неестественно алые губы, впервые исчезла. Потому что все пошло не по плану. По его плану Ронни должен был выбежать первым, а *потом* уже я. По его плану Ронни должен был выскочить следом за гадким мальчишкой прямо на проезжую часть, где его сбил бы автобус или грузовик. По этому плану я должен был появиться чуть позже. И все увидеть.

Гадкий мальчишка побежал через улицу. Вы знаете, что такое Барнум-бульвар на выходе из парка — во всяком случае, должны знать после того, как обвиняющая сторона трижды показывала свое видео на суде. Три полосы в одну сторону, три — в другую. Две — для движения прямо, одна — на поворот. И бетонное разделительное ограждение посередине. Добравшись до ограждения, гадкий

мальчишка обернулся ко мне. Но теперь он был не просто напуган. В его глазах стоял неподдельный ужас. Увидев это, я почувствовал себя счастливым. Впервые с того дня, когда Карла свалилась с крыльца при церкви.

Уже в следующую секунду он помчался через дорогу, даже не повернув голову, чтобы посмотреть, нет ли там машин. Я тоже выбежал на проезжую часть не глядя. Я понимал, что меня могут сбить, но несколько не волновался по этому поводу. По крайней мере, это было бы честное ДТП, а не таинственным образом заклинившая педаль газа. Возможно, вы скажете, что это самоубийство, но нет. Вовсе нет. Я просто не мог позволить ему уйти. Я не знал, когда он появится снова. Следующая наша встреча могла состояться лет через двадцать, а к тому времени я уже стал бы стариком.

Не знаю, как меня не расшибло в лепешку. Я слышал гудки клаксонов и визг шин об асфальт. Водитель одной из машин выкрутил руль, чтобы не сбить мальчишку, и ударился боком о грузовой автофургон. Кто-то обозвал меня психованным кретином. Кто-то еще крикнул: какого хрена он делает? Но это был просто шумовой фон. Я полностью сосредоточился на гадком мальчишке: как говорится, выбрал цель — и вперед.

Он бежал со всех ног, но кто бы ни прятался под его личиной, для всех он был мальчишкой с короткими детскими ножками и толстой задницей, и у него не было ни единого шанса. Ему оставалось только надеяться, что меня собьет машина. Но меня не сбили.

Он добрался до тротуара на той стороне, споткнулся и упал. Я услышал, как какая-то женщина — дородная крашеная блондинка — закричала:

— У него оружие!

Миссис Джейн Хели. Она давала свидетельские показания на суде.

Гадкий мальчишка попытался подняться. Я сказал: «Это за Марли, мелкий ты сукин сын», — и выстрелил ему в спину. Раз.

Он пополз на четвереньках. На асфальт капала кровь. Я сказал: «Это за Вики», — и снова выстрелил ему в спину. Два. Потом я сказал: «Это за папу и маму Нону», — и всадил по пуле ему под колени, как раз туда, где кончались эти его мешковатые серые шорты. Три и четыре.

Вокруг кричали люди. Какой-то мужик надрывался:

— Отберите у него револьвер! Отберите оружие!

Но никто ко мне не подошел.

Гадкий мальчишка перевернулся на спину и посмотрел на меня. Увидев его лицо, я чуть было не остановился. Растерянное, искаженное болью, это было лицо даже не семилетнего ребенка. Это было лицо малыша лет пяти. Бейсболка слетела и валялась теперь на земле рядом с ним. Одна из двух лопастей пластикового пропеллера перекрутилась. «Господи Боже, — подумал я. — Я стрелял в беззащитного, ни в чем не повинного ребенка, и вот он лежит у моих ног, смертельно раненный».

Да, ему почти удалось меня обезоружить. Он сыграл мастерски, мистер Брэдли, роль прямо на «Оскар», но потом маска сползла. Он сумел изобразить боль и невинность лицом, но не глазами. Эта *тварь*, что была у него внутри, проступала в глазах. «Ты меня не остановишь, — говорили эти глаза. — Ты меня не остановишь, пока я с тобой не закончу, а я еще с тобой не закончил».

— Да отберите же кто-нибудь у него револьвер! — закричала какая-то женщина. — Пока он не убил малыша!

Ко мне бросился крупный, высокий парень — кажется, он тоже давал свидетельские показания на суде, — но я навел на него револьвер, и он вмиг отступил, подняв руки.

Я повернулся обратно к гадкому мальчишке, выстрелил ему в грудь и сказал:

— За маленькую Элен.

Пять. Теперь кровь лилась у него изо рта и стекала по подбородку. У меня был старомодный шестизарядный револьвер, так что в барабане остался всего один патрон. Я опустил на одно колено в лужу его крови. Она была

красной, хотя ей полагалось быть черной. Как жижа, вытекающая из ядовитого насекомого, когда на него наступишь ногой. Я приставил ствол револьвера к его лбу.

— Это за меня, — сказал я. — А теперь отправляйся обратно в свой ад, откуда ты вылез.

Я нажал спусковой крючок, и это было шесть. За секунду до выстрела наши взгляды встретились.

«Я еще не закончил с тобой, — говорили его зеленые глаза. — Я с тобой не закончил и не закончу, пока ты не перестанешь дышать. И, может быть, даже тогда не закончу. Может, я буду поджидать тебя на той стороне».

Его голова запрокинулась. Одна нога дернулась, потом затихла. Я положил револьвер рядом с ним, поднял руки и стал подниматься. Двое мужчин схватили меня еще до того, как я встал на ноги. Один из них заехал мне в пах коленом. Второй ударил меня кулаком по лицу. К ним присоединилось еще несколько человек. Среди них была миссис Хели. Неслабо она мне влепила, а потом добавила еще пару раз. Но об *этом* она на суде умолчала, да?

Я ее не виню, господин адвокат. Я не виню никого из них. В тот день они видели на тротуаре тело маленького ребенка, так изуродованное пулями, что его не узнала бы и родная мать.

Если бы у него была мать.

7

Макгрегор увел клиента мистера Брэдли обратно в недра Прививочного корпуса для полуденной переключки, пообещав сразу же привести обратно.

— Могу принести вам суп и сандвич, если хотите, — предложил Макгрегор Брэдли. — Вы, наверное, проголодались.

Но у Брэдли не было аппетита после всего услышанного. Он ждал за столом со своей стороны перегородки из оргстекла. Просто сидел, сложив руки на нераскрытом

блокноте, и размышлял о том, как рушатся жизни. Из двух жизней, находившихся на рассмотрении в данный момент, принять разрушение Халласа было легче, поскольку этот человек явно сошел с ума. Если бы Халлас рассказал эту историю на суде — таким же спокойным голосом, отмечающим все сомнения в его искренности, — то сейчас он находился бы в психиатрической клинике особого режима, а не ждал бы инъекций тиопентала натрия, бромида панкурония и хлорида калия, этого смертоносного коктейля, который заключенные в Прививочном корпусе называли «Спокойной ночи, мамуля».

Однако Халлас, очевидно, повредившийся рассудком после потери собственного ребенка, хотя бы прожил половину жизни. Да, это была не самая счастливая жизнь, омраченная параноидальными фантазиями и манией преследования, но — перефразируя старую поговорку — полжизни все-таки лучше, чем ничего. С мальчиком все вышло намного печальнее. Согласно докладу судмедэксперта, ребенку, которому не повезло оказаться на Барнум-бульвар в неподходящее время, было не больше девяти лет. Скорее ближе к семи. Даже не жизнь, а лишь пролог к жизни.

Макгрегор привел Халласа обратно, приковал к стулу и спросил, сколько еще они будут беседовать.

— Просто он сказал, что не будет обедать, а я бы не отказался поесть.

— Уже недолго, — сказал Брэдли. На самом деле у него был только один вопрос, и как только Халлас уселся, а Макгрегор отошел в свой угол, Брэдли задал его: — Почему именно вы?

Халлас приподнял брови:

— Прошу прощения?

— Этот демон... как я понимаю, вы считаете, что это был демон... почему он выбрал именно вас?

Халлас улыбнулся, но это была не настоящая улыбка. Он просто растянул губы.

— Наивный вопрос, господин адвокат. С тем же успехом можно спросить, почему один ребенок рождается

с деформацией роговицы, как Ронни Гибсон, а после него в той же больнице рождается полсотни совершенно здоровых детей. Или почему хороший и добрый человек, который в жизни никого не обидел, в тридцать лет умирает от опухоли головного мозга, а чудовище в человеческом облике, надзиратель газовых камер в Дахау, благополучно доживает до ста лет. Если вы спрашиваете меня, почему с хорошими людьми приключается что-то плохое, то вы обратились не по адресу.

Ты шесть раз выстрелил в маленького ребенка, подумал Брэдли, причем несколько раз — в упор. Каким боком, скажи на милость, ты относишься к хорошим людям?

— Пока вы не ушли, — сказал Халлас, — можно задать вопрос *вам*? — Брэдли молча ждал. — Его уже опознали?

Халлас задал этот вопрос нарочито скучающим голосом заключенного, который просто тянет время, чтобы еще пару минут не возвращаться в камеру, но его глаза — впервые за всю сегодняшнюю продолжительную беседу — заглялись жизнью и интересом.

— Кажется, нет, — осторожно ответил Брэдли.

На самом деле он доподлинно знал, что личность убитого мальчика не установлена. У него был свой источник в прокуратуре, который назвал бы имя мальчика еще до того, как об этом прознали газетчики. А уж газетчики только и ждали, чтобы сообщить все подробности любопытным читателям. Историю о неизвестном мальчике, ставшем жертвой кровавой расправы, рассказывали уже во всей стране. За последние месяцы интерес публики поутих, но после казни Халласа он наверняка вспыхнет снова.

— Я попросил бы вас поразмыслить об этом, — сказал Халлас, — но в том нет необходимости, верно? Вы *уже сами* об этом думали. Не то чтобы эти мысли не давали вам спать по ночам, но вы думали.

Брэдли ничего не ответил.

На этот раз Халлас улыбнулся по-настоящему.

— Я знаю, вы не поверили ни единому слову из того, что я сейчас рассказал, и вас можно понять. Но на минутку включите мозги. Это был белый ребенок мужского пола — таких детей, если они потеряются, ищут с удвоенной силой в нашем обществе, которое ценит белых детишек мужского пола превыше всех остальных. Сейчас у детей в обязательном порядке берут отпечатки пальцев, когда они поступают в школу, чтобы было легче установить личность ребенка, если он потеряется, или если его убьют или похитят. Насколько я знаю, в этом штате есть даже такой закон. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — неохотно ответил Брэдли. — Но не стоит полностью полагаться на это, Джордж. В системе бывают сбои. Такое случается. Никто не застрахован от ошибки.

Халлас улыбнулся еще шире.

— Продолжайте себя убеждать, мистер Брэдли. Продолжайте себя убеждать. — Он обернулся и помахал рукой Макгрегору. Тот вынул наушники из ушей и встал.

— Вы закончили?

— Да, — сказал Халлас. Когда Макгрегор наклонился, чтобы отстегнуть цепь от стула, Халлас опять повернулся к Брэдли. Его улыбка — сегодня Брэдли впервые видел, как он улыбается, — исчезла без следа. — Вы придете? Когда настанет время?

— Я буду там, — ответил Брэдли.

8

И он был там шесть дней спустя, когда в 11.52 шторы на окне обзорного помещения раздвинулись, открыв комнату с белым кафелем и столом в форме буквы Y — комнату, где приводятся в исполнение смертные приговоры. Помимо самого Брэдли, присутствовало всего два человека. Отец Патрик из церкви Святого Андрея сидел вместе с Брэдли на заднем ряду. На переднем ряду, скрестив руки

на груди, восседал окружной прокурор и не сводил глаз с белой комнаты за стеклом.

Расстрельная бригада (совершенно дурацкое название, подумал Брэдли, но как еще сказать?) была уже на месте. Всего шесть человек: начальник тюрьмы Туми, Макгрегор и еще двое охранников, а также двое медиков в белых халатах. Ведущий актер спектакля лежал на столе, его вытянутые руки были надежно пристегнуты ремнями, но когда шторы раскрылись, первым делом внимание Брэдли привлек начальник тюрьмы, одетый до странности по-спортивному, его голубая рубашка с открытым воротом была бы уместна на поле для гольфа, но уж никак не здесь.

С ремнями вокруг пояса и через оба плеча Джордж Халлас больше напоминал космонавта, готового к взлету, чем смертника, приговоренного к казни через инъекцию. Халлас не просил священника, но когда увидел Брэдли и отца Патрика, поднял руку — насколько позволял ремень на запястье, — давая понять, что знает об их присутствии.

Отец Патрик приподнял руку в ответ, потом обернулся к Брэдли. Лицо пастора было белым как мел.

— Вам уже доводилось бывать на подобном действе?

Брэдли покачал головой. Во рту у него пересохло, и он боялся, что не сможет заговорить.

— Мне тоже. Надеюсь, я это выдержу. Он... — Отец Патрик тяжело сглотнул. — Он так хорошо обращался с ребятами. Они его очень любили. Просто не верится... даже сейчас мне не верится...

Брэдли тоже не верилось. Но приходилось верить.

Окружной прокурор обернулся к ним, сурово нахмурившись, как Моисей:

— Помолчите, джентльмены.

Халлас оглядел комнату, последнюю комнату в его жизни. Вид у него был растерянный, словно он не совсем понимал, где находится и что происходит. Макгрегор положил руку ему на грудь, пытаясь его успокоить. Было 11.58.

Один из медиков наложил резиновый жгут на правое предплечье Халласа, потом ввел ему в вену иглу и закрепил ее пластырем. Игла присоединялась к трубке от капельницы. Трубка тянулась к панели на стене, где три красные лампочки горели над тремя рычажками. Второй медик подошел к панели и встал, сцепив руки в замок на груди. Все замерло без движения, и только Джордж Халлас быстро-быстро моргал.

— Они уже начали? — прошептал отец Патрик. — Не понимаю.

— Я тоже не понимаю, — прошептал Брэдли в ответ. — Может, и начали, но...

Раздался громкий щелчок, и Брэдли с отцом Патриком даже вздрогнули от неожиданности (окружной прокурор оставался неподвижным, как изваяние). В скрытом динамике прозвучал голос начальника тюрьмы:

— Вам меня слышно?

Окружной прокурор поднял вверх большой палец, потом вновь скрестил руки на груди.

Начальник тюрьмы обратился к Халласу:

— Джордж Питер Халлас, суд присяжных приговорил вас к смертной казни, приговор утвержден Верховным судом штата и Верховным судом США.

Как будто они хоть раз вякнули против, подумал Брэдли.

— У вас есть что сказать перед тем, как приговор будет приведен в исполнение?

Халлас начал было качать головой, потом передумал. Всмотрелся в обзорную комнату сквозь стекло.

— Добрый день, мистер Брэдли. Рад, что вы пришли. Послушайте, что я скажу, хорошо? На вашем месте я бы поостерегся. Помните, *оно приходит под видом ребенка*.

— Это все? — спросил начальник тюрьмы, едва ли не с весельем.

Халлас посмотрел на него:

— Нет, есть еще кое-что. Где, *бога ради*, вы откопали эту рубашку?

Начальник Туми моргнул, словно ему в лицо вдруг плеснули холодной водой, потом повернулся к медику, стоявшему у настенной панели:

— Вы готовы?

Медик кивнул. Туми быстро протараторил всю положенную юридическую канитель, взглянул на часы и нахмурился. Было 12.01, они опаздывали на минуту. Туми махнул рукой медику, как режиссер, дающий сигнал актеру. Медик переключил рычажки, и три красные лампочки загорелись зеленым.

Внутреннюю связь еще не отключили, и Брэдли услышал, как Халлас спросил, почти слово в слово повторив вопрос отца Патрика:

— Вы уже начали?

Ему никто не ответил. Это уже не имело значения. Глаза Халласа закрылись. Он тихонько всхрипнул. Прошла минута. Еще один долгий, прерывистый всхрип. Прошло две минуты. Четыре минуты. Халлас уже не храпел и не шевелился. Брэдли повернул голову. Отца Патрика не было рядом.

9

Когда Брэдли вышел из Прививочного корпуса, в прерии дул холодный ветер. Адвокат застегнул пальто и принялся жадно вдыхать студеной воздух, стараясь вобрать в себя как можно больше вольного простора — и как можно быстрее. Дело было не в казни как таковой; за исключением странной голубой рубашки начальника тюрьмы, в казни не было ничего необычного, все прошло обыденно и прозаично, как укол от столбняка или прививка от герпеса. В этом-то и заключался весь ужас.

Краем глаза Брэдли заметил какое-то движение в Куринном загоне, где совершали прогулки заключенные-смертники. Но сегодня там должно было быть пусто. В дни, когда совершались казни, все прогулки отменялись.

Мактрегор говорил ему об этом. И действительно, когда Брэдли посмотрел на Куриный загон, там никого не было.

Брэдли подумал: оно приходит под видом ребенка.

Он рассмеялся. Заставил себя рассмеяться. Это была просто нервная реакция, и вполне объяснимая. Словно в подтверждение этого Брэдли вздрогнул.

Старенького «вольво» отца Патрика уже не было на гостевой стоянке у Прививочного корпуса. Сейчас там стояла только машина самого Брэдли. Он направился было туда, но, не сделав и трех шагов, развернулся и зашагал к Куриному загону. Полы его пальто хлопали на ветру и били по ногам. В загоне никого не было. Конечно, нет, Боже правый. Джордж Халлас был сумасшедшим, и даже если его гадкий мальчишка *и вправду существовал*, сейчас он мертв. Шесть пуль из револьвера сорок пятого калибра — надежная гарантия.

Брэдли пошел на стоянку, обогнул капот своей машины — и снова замер. Через весь бок его «форда», от переднего бампера до заднего левого габаритного огня, тянулась уродливая царапина. Кто-то провел по машине ключом. В тюрьме строгого режима, за тремя стенами и бесчисленными КПП, кто-то исцарапал его машину.

Сначала Брэдли подумал об окружном прокуроре, сидевшем со скрещенными на груди руками и уверенном в собственной непогрешимости. Но это была совершенно безумная мысль. В конце концов, прокурор получил что хотел — он лично присутствовал на казни Джорджа Халласа.

Брэдли открыл водительскую дверь, не запертую на замок — да и зачем запирать машину в *тюрьме*?! — и потрясенно застыл. Пару секунд он просто стоял не в силах пошевелиться, а потом, словно сама собой, его рука медленно поднялась и закрыла ему рот. На водительском сиденье лежала бейсболка с пропеллером на макушке. Одна из лопастей пропеллера была искривлена.

Наконец Брэдли нагнулся и поднял бейсболку, держа двумя пальцами, как когда-то Халлас. Перевернул и уви-

дел внутри записку, написанную корявым детским почерком.

«БЕРИ СЕБЕ, У МЕНЯ ЕСТЬ ЕЩЕ».

Он услышал детский смех, веселый и звонкий. Оглянулся на Куриный загон, но там по-прежнему никого не было.

Брэдли перевернул записку и увидел еще одно коротенькое сообщение:

«СКОРО УВИДИМСЯ».

Посвящается Рассу Дорру

Смерть

В романе «Волосы Гарольда Ру», возможно, лучшим из опубликованных произведений о том, как пишется книга, Томас Уильямс предлагает поразительную метафору, а может, даже притчу о том, как рождается сюжет. Ему представляется темное поле, на котором мерцает крошечный огонек. Один за другим из темноты выходят люди, чтобы погреться у него. Каждый приносит немного хвороста, и в конечном итоге маленький огонек разгорается в большое пламя, вокруг которого собираются персонажи. Их лица ярко освещены, и каждое красиво по-своему.

Однажды ночью я лежал, погружаясь в сон, и вдруг увидел маленький огонек — это горела керосиновая лампа — и человека, пытавшегося читать газету при ее свете. Потом пришли другие люди со своими фонарями, и я различил тоскливый пейзаж, оказавшийся Территорией Дакота.

Подобные видения посещают меня довольно часто, хотя признаться в этом непросто. Я не всегда рассказываю истории, которые приходят вместе с ними: иногда огонь гаснет. Но эту историю я был обязан рассказать, потому что точно знал, каким языком хотел ее изложить: сухим и лаконичным, совсем не похожим на мой обычный стиль. Я понятия не имел, как будут развиваться события, но не сомневался, что язык мне подскажет. Так и случилось.

Лачуга Джима Трасдейла располагалась на западной окраине захудалого ранчо его отца, и шериф Баркли с полудюжиной своих помощников из горожан нашел Джима именно там. Тот сидел в грязной рабочей куртке на единственном стуле возле холодной печки и читал при свете фонаря старый номер местной газеты «Блэк-хиллз пайонир». Во всяком случае, смотрел на нее.

Шериф Баркли остановился на пороге, загородив собой почти весь дверной проем. В руке он держал фонарь.

— Выходи сюда, Джим, и подними руки. Я не вытаскивал пушку и не хочу этого делать.

Трасдейл вышел. В одной из поднятых рук он держал газету. Он стоял, устремив на шерифа взгляд невыразительных серых глаз. Шериф смотрел на него. Его помощники тоже, четверо были верхом, а двое сидели в выдавшей виды повозке с выцветшей желтой надписью «ПОГРЕБАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ХАЙНСА» на боку.

— Ты, я вижу, не спрашиваешь, почему мы здесь, — сказал шериф Баркли.

— И почему вы здесь, шериф?

— Где твоя шляпа, Джим?

Трасдейл опустил свободную руку на голову, будто проверяя, на месте ли коричневая шляпа, которую он носил постоянно, но ее не было.

— Наверное, дома? — предположил шериф.

Налетевший порыв холодного ветра взъерошил гривы лошадей и прокатился волной по траве, торопясь на юг.

— Нет, — отозвался Трасдейл. — Это вряд ли.

— Тогда где?

— Наверное, потерял.

— Залезай в повозку, — велел шериф.

— Я не хочу ехать в похоронной повозке, — возразил Трасдейл. — Это плохая примета.

— Можешь из-за этого не переживать, — отозвался один из мужчин. — Ты и так уже влип по уши. Залезай!

Трасдейл подошел к задней части повозки и забрался на нее. Ветер ударил снова, сильнее, и он поднял воротник куртки.

Двое мужчин, сидевших спереди, спрыгнули на землю и встали по обе стороны повозки. Один из них вытащил револьвер. Их лица были знакомы Трасдейлу, но имен он не знал. Они жили в городе. Шериф и четверо других направились в хижину. Одним из них был Хайнс, гробовщик. Они пробыли там какое-то время. Даже открыли печку и порылись в золе. Наконец они вышли.

— Шляпы нет, — сообщил шериф Баркли. — Мы бы ее наверняка заметили. Она чертовски большая. Ничего не хочешь нам сказать?

— Жалко, что потерял. Мне подарил ее отец, когда еще был в своем уме.

— И где же она?

— Говорю же, наверное, потерял. Или украли. Тоже не исключено. Слушайте, я вообще-то собирался ложиться спать.

— Не имеет значения, чего ты там собирался. Ты был в городе после обеда?

— Конечно, был, — произнес один из мужчин, снова залезая на повозку. — Я сам его видел. Причем в шляпе.

— Заткнись, Дэйв, — оборвал его шериф Баркли. — Так ты был в городе, Джим?

— Да, сэр, был, — подтвердил Трасдейл.

— В «Игральных костях»?

— Да, сэр, там. Я пришел туда из дома, пропустил пару стаканчиков и вернулся. Наверное, там и оставил шляпу.

— И больше тебе добавить нечего?

Трасдейл посмотрел на черное ноябрьское небо.

— Больше нечего.

— Погляди на меня, сынок. — Трасдейл поглядел. — Значит, больше тебе добавить нечего?

— Я же сказал, что нет, — ответил Трасдейл, не отводя взгляда.

Шериф Баркли вздохнул:

— Ладно, поехали в город.

— Зачем?

— Затем, что ты арестован.

— Совсем, мать его, тупой, — заметил один из мужчин. — Даже хуже папаши.

Они направились в город. До него было четыре мили. Трасдейл сидел сзади на погребальной повозке и дрожал от холода. Мужчина, державший вожжи, не оборачиваясь, спросил:

— Тебе было мало ее доллара? Ты еще и изнасиловал ее, ублюдок?

— Я не понимаю, о чем ты, — ответил Трасдейл.

Оставшуюся дорогу все молчали, и тишину нарушал только вой ветра. В городе люди выстроились вдоль улицы. Сначала они смотрели молча. Затем какая-то старуха в коричневом платке, прихрамывая, бросилась за повозкой и плюнула в Трасдейла. Она промахнулась, но заслужила аплодисменты.

Возле тюрьмы шериф Баркли помог Трасдейлу слезть с повозки. Резкие порывы ветра приносили запах снега. По Мэйн-стрит летели шары перекаати-поля и, добравшись до водонапорной башни, с треском собирались в кучу у ограды из кольев.

— Вздернуть этого детоубийцу! — выкрикнул какой-то горожанин, и кто-то бросил камень. Он пролетел мимо головы Трасдейла и покатился по дощатому тротуару.

Шериф Баркли повернулся, поднял фонарь и посмотрел на толпу, собравшуюся возле торговых рядов.

— Не надо, — сказал он. — Проявите благоразумие. Все под контролем.

Шериф провел Трасдейла через свой кабинет, положив руку ему на плечо, и остановился перед тюремными камерами. Их было две. Баркли поместил Трасдейла в ту, что располагалась слева. Там имелись койка, стул и помойное ведро. Трасдейл хотел сесть на стул, но Баркли его остановил:

— Нет. Стой где стоишь.

Шериф обернулся и увидел, что в проходе столпились помощники.

— Выйдите все отсюда, — сказал он.

— Отис, — произнес тот, которого звали Дэйв, — а если он на тебя набросится?

— Я его успокою. Спасибо, что выполнили свой долг, а теперь расходитесь.

Когда все ушли, Баркли сказал:

— Сними куртку и дай ее мне.

Трасдейл стянул куртку и задрожал от холода. На нем остались только майка и вельветовые брюки, причем такие заношенные, что рубцы почти стерлись, а на одном колене зияла дыра. Шериф Баркли проверил карманы куртки и нашел самокрутку, свернутую из страницы каталога Р. У. Сирса, и старый лотерейный билет, обещавший выплату выигрыша в песо. Еще он нашел черный мраморный шарик.

— Это мой счастливый шарик, — пояснил Трасдейл. — Он у меня с детства.

— Выверни карманы штанов.

Трасдейл вывернул. В карманах обнаружили четыре монеты — один цент и три пятицентовика — и сложенная вырезка из газеты о серебряной лихорадке в Неваде, по виду такая же старая, как и мексиканский лотерейный билет.

— Сними ботинки.

Трасдейл снял. Баркли ощупал их изнутри. На одной подошве была дырка размером с десятицентовик.

— Теперь носки.

Баркли вывернул их наизнанку и отбросил в сторону.

— Спусти штаны.

— Не хочу.

— Я тоже не хочу смотреть на то, что под ними, но все равно спускай.

Трасдейл спустил штаны. Трусов он не носил.

— Повернись и раздвинь ягодицы.

Трасдейл повернулся, ухватился за ягодицы и раздвинул их в стороны. Шериф Баркли поморщился, вздохнул и засунул палец ему в задний проход. Трасдейл застонал. Баркли вытащил палец с влажным хлопком, снова поморщился и вытер руку о майку арестанта.

— Так где она, Джим?

— Моя шляпа?

— Ты думаешь, я залез к тебе в задницу в поисках шляпы? И в золе твоей печки тоже искал ее? Строишь из себя умника?

Трасдейл натянул брюки и застегнул их. Он стоял босиком и дрожал. Всего час назад он был дома и собирался растопить печку, но казалось, что прошла целая вечность.

— Твоя шляпа лежит у меня в офисе.

— Тогда к чему все эти вопросы про нее?

— Хочу послушать, что ты скажешь. Со шляпой все ясно. Но я хочу знать, куда ты спрятал монету, серебряный доллар девочки. Его нет ни дома, ни в карманах, ни в заднице. Может, тебя стало мучить чувство вины и ты его выбросил?

— Не знаю ни о каком серебряном долларе. Я могу забрать свою шляпу?

— Нет. Это улика. Джим Трасдейл, ты арестован за убийство Ребекки Клайн. У тебя есть что сказать на это?

— Да, сэр. Я не знаю никакой Ребекки Клайн.

Шериф вышел из камеры, закрыл дверь и, сняв ключ со стены, запер ее. Язычки замка со скрежетом повернулись. В камеру в основном помещали пьянчуг, и замком пользовались редко. Шериф посмотрел на Трасдейла и сказал:

— Мне жаль тебя, Джим. Для человека, совершившего такое, даже ад — слишком мягкое наказание.

— Совершившего что?

Шериф не ответил и, тяжело ступая, ушел.

Трасдейл сидел в камере, еду ему приносили из местной забегаловки «Лучше не бывает», спал он на койке, а нужду справлял в ведро, которое опорожняли через день. Отец не приходил его навещать, потому что на девятом десятке выжил из ума, а на десятом за ним ухаживали две индианки, одна сиу, другая — лакота. Иногда они стояли на крыльце заброшенного барака и красиво пели дуэтом церковные гимны. Брат Джима отправился в Неваду на серебряные прииски.

Время от времени на улице возле камеры собирались дети и начинали распевать: «Приходи скорей, палач». Время от времени там собирались мужчины и грозили отрезать ему причиндалы. Однажды пришла мать Ребекки Клайн и сказала, что сама его вздернет, если ей разрешат.

— Как ты мог убить мою малышку? — спросила она, глядя на забранное решеткой окно. — Ей было всего десять лет, и это был ее день рождения.

— Мэм, — ответил Трасдейл, встав на койку, чтобы видеть поднятое к окну бледное лицо женщины. — Я не убивал ни вашу дочку, ни кого-либо другого.

— Грязный лжец! — бросила она и пошла прочь.

На похороны девочки пришли почти все жители города. Индианки тоже. Явились даже две шлюхи, подбиравшие клиентов в «Игральных костях». Трасдейл слышал пение, когда справлял над ведром в углу большую нужду.

Шериф Баркли телеграфировал в Форт-Пьер, и спустя какое-то время в город приехал выездной судья. Им оказался щеголеватый молодой человек с длинными светлыми волосами, как у Дикого Билла Хикок*, которого назначили на должность совсем недавно. Его звали Роджер Майзелл. Он носил маленькие круглые очки и проявил

* Дикий Билл Хикок (1837–1876) — американский герой Дикого Запада, стрелок, разведчик и игрок в покер.

себя настоящим ценителем женского пола и в «Игральных костях», и в «Лучше не бывает», хотя и носил обручальное кольцо.

Поскольку в городе не было адвоката, который мог бы выступить защитником Трасдейла, Майзелл обратился к Джорджу Эндрюсу, владельцу торговых рядов, постоянного двора и гостиницы «Славный отдых». В свое время Эндрюс проучился два года в школе бизнеса в Омахе. Он согласился стать адвокатом Трасдейла, но только если мистер и миссис Клайн не будут возражать.

— Так спросите у них, — предложил Майзелл. Он сидел в парикмахерском кресле, и его брили. — И постарайтесь с этим не затягивать.

— Ну что ж, — произнес мистер Клайн, когда Эндрюс изложил цель своего визита. — У меня есть вопрос. Если не найдется человека, который станет его защищать, его все равно повесят?

— Это не будет американским правосудием, — ответил Эндрюс. — Хотя мы еще не стали частью Соединенных Штатов, но скоро станем.

— Он может как-нибудь выкрутиться? — поинтересовалась миссис Клайн.

— Нет, мэм, — ответил Эндрюс. — Не вижу, как такое возможно.

— Тогда выполняйте свой долг, и да благословит вас Господь! — заключила миссис Клайн.

Судебный процесс начался утром одного ноябрьского дня и завершился после обеда. Заседание проходило в зале городского совета, и вихри снежинок в тот день походили на тонкое свадебное кружево. Наползавшие на город серые облака предвещали бурю. После ознакомления с делом Роджер Майзелл выступал в качестве и прокурора, и судьи.

— Как банкир, берущий у себя кредит и себе же выплачивающий проценты, — заметил один из присяжных во время перерыва на обед в «Лучше не бывает».

Все были с этим согласны, но никто не считал, что это неправильно. В конце концов, так даже дешевле.

Прокурор Майзелл вызвал полдюжины свидетелей, и судья Майзелл ни разу не вмешался в их допрос. Первым показания давал мистер Клайн, последним — шериф Баркли. Дело выглядело простым. В полдень того дня, когда убили Ребекку Клайн, праздновали ее день рождения с тортом и мороженым. На праздник пригласили несколько подружек Ребекки. Примерно в два часа, когда девочки играли в «Прицепи хвост ослу» и «Стулья с музыкой», Джим Трасдейл вошел в «Игральные кости» и заказал порцию виски. На нем была шляпа. Виски он пил не спеша, а когда с ним разделался, заказал еще порцию.

Снимал ли он шляпу? Может, повесил на один из крюков возле двери? Никто не мог вспомнить.

— Только я никогда не видел его без шляпы, — сообщил бармен Дэйл Джерард. — Он с ней не расставался. Если он ее и снял, то, скорее всего, положил на стойку возле себя.

— Была ли шляпа на стойке после его ухода? — спросил Майзелл.

— Нет, сэр.

— Была ли она на крючке, когда вы запирали бар на ночь?

— Нет, сэр.

Около трех часов дня Ребекка Клайн вышла из дома в южной части города и направилась в аптеку на Мэйн-стрит. Мама разрешила ей купить конфет на серебряный доллар, полученный в подарок на день рождения, но велела их не есть, поскольку на один день сладкого было достаточно. Когда в пять часов Ребекка так и не вернулась домой, мистер Клайн и несколько человек отправились на поиски. Ее нашли на Баркерз-элли между стоянкой дилижансов и «Славным отдыхом». Задушенной. Серебряного доллара при ней не было. Когда убитый горем отец поднял девочку на руки, его спутники увидели широкополую кожаную шляпу Трасдейла. Она лежала под юбкой праздничного платья Ребекки.

Во время перерыва присяжных на обед со стороны стоянки дилижансов доносился стук молотков. Там, в девятности шагах от места преступления, возводили виселицу. Работой руководил лучший плотник города, с подobaющим именем Джон Хаус. Ожидался большой снегопад, и дорогу до Форт-Пьера занесет на неделю, а может, и на всю зиму. Держать Трасдейла в местной кутузке до весны никто не собирался. Это было накладно.

— Соорудить виселицу нетрудно, — сообщил Хаус зевакам, пришедшим поглазеть на работу. — С этим справится и ребенок.

Он рассказал, что люк, на который предстоит встать осужденному, откроется, когда специальный рычаг отодвинет удерживающую его балку. Балку специально смажут колесной мазью, чтобы все прошло как по маслу.

— Если уж делать подобное, то с первого раза, — объяснял Хаус.

После обеда Джордж Эндрюс вызвал для дачи показаний Трасдейла. В зале засвистели, но судья Майзелл положил этому конец, пригрозив очистить зал, если зрители не будут соблюдать тишину.

— Ты заходил в салун «Игральные кости» в день, о котором идет речь? — спросил Эндрюс, когда порядок в зале был восстановлен.

— Похоже, что да, — ответил Трасдейл. — Иначе бы меня тут не было.

При этих словах по залу прокатился смешок, который Майзелл тут же пресек, хотя и сам не смог сдержать улыбки и не стал делать второго предупреждения.

— Ты заказал две порции выпивки?

— Да, сэр, две. На большее у меня не было денег.

— Но ты быстро раздобыл еще один доллар! Разве не так, ублюдок? — выкрикнул Абель Хайнс.

Майзелл показал молоточком сначала на Хайнса, потом на шерифа Баркли, сидевшего в первом ряду.

— Шериф, я прошу вас вывести этого человека из зала и наказать за нарушение порядка в зале суда.

Баркли препроводил Хайнса на улицу, но наказывать за нарушение порядка не стал. Он лишь поинтересовался, какая муха того укусила.

— Извини, Отис, — сказал Хайнс. — Просто увидел, как он сидит и строит из себя невинность.

— Ступай к Джону Хаусу и посмотри, не нужна ли ему помощь, — сказал Баркли. — И не возвращайся, пока тут все не закончится.

— Не нужна ему никакая помощь, да и снег повалил.

— Ничего с тобой не случится. Ступай.

Тем временем Трасдейл продолжал давать показания. Нет, он не выходил из «Игральных костей» в шляпе и сообразил, что ее нет, только дома. Он добавил, что слишком устал, чтобы возвращаться в город на поиски. К тому же стало темно.

Майзелл прервал его:

— Вы хотите, чтобы суд поверил, что вы прошагали целых четыре мили и не заметили отсутствия чертовой шляпы?

— Наверное, я думал, что она на мне, поскольку никогда ее не снимаю, — ответил Трасдейл, снова вызвав смех в зале.

Баркли вернулся на свое место рядом с Дэйвом Фишером.

— Над чем все смеются?

— Этому болвану не нужен палач, — ответил Фишер. — Он сам затягивает себе петлю на шее. Хотя и неплохо смеяться над этим, но как тут удержисься.

— Ты встретил по дороге Ребекку Клайн? — спросил Джордж Эндрюс громким голосом. Оказавшись в центре внимания, он вдруг почувствовал вкус к драматизму. — Ты встретил ее и украл подаренный ей на день рождения доллар?

— Нет, сэр, — ответил Трасдейл.

— Ты убил ее?

— Нет, сэр. Я даже не знаю, о ком вы говорите.

Мистер Клайн вскочил со своего места и выкрикнул:

— Врешь, сукин сын!

— Я не вру, — произнес Трасдейл, и в этот момент шериф Баркли ему поверил.

— У меня больше нет вопросов, — сказал Эндрюс и вернулся на свое место.

Трасдейл начал было подниматься, но Майзелл велел ему сесть и ответить еще на несколько вопросов.

— Мистер Трасдейл, вы продолжаете утверждать, что, пока вы пили в «Игральных костях», кто-то украл вашу шляпу, надел ее, вышел на улицу, убил Ребекку Клайн и оставил шляпу, чтобы инкриминировать вам убийство?

Трасдейл молчал.

— Отвечайте на вопрос, мистер Трасдейл.

— Сэр, я не знаю, что такое «инкриминировать».

— Вы хотите, чтобы мы поверили, будто кто-то подставил вас, выставив виновным в этом гнусном убийстве?

Трасдейл задумался, потирая руки. Наконец произнес:

— Может, кто-то прихватил ее по ошибке, а потом выкинул.

Майзелл обвел взглядом затаившую дыхание публику.

— Кто-либо брал по ошибке шляпу сидящего здесь мистера Трасдейла?

В зале царил тишина, которую нарушал только вой ветра, продолжавшего набирать силу. Снег уже не был мягким и пушистым. Пришла первая зимняя выюга. Ту зиму старожилы прозвали волчьей, потому что стаи этих хищников спускались с Черных гор и рылись на помойках в поисках пищи.

— У меня больше нет вопросов, — сказал Майзелл. — И из-за ухудшения погоды мы постановляем обойтись без заключительных речей. Жюри присяжных удаляется для вынесения вердикта. Джентльмены, вы должны принять одно из трех решений: невиновен, виновен в непредумышленном убийстве или виновен в тяжком убийстве первой степени.

— В убийстве девочки, так будет вернее, — заметил кто-то.

Шериф Баркли и Дэйв Фишер отправились в «Игральные кости». Там к ним присоединился Абель Хайнс, который на пороге отряхнул снег, налипший на плечи куртки. Дэйл Джерард принес им по кружке пива за счет заведения.

— У Майзелла, может, и нет больше вопросов, — сказал Баркли, — а вот у меня один есть. Если ее убил Трасдейл, то почему мы так и не нашли серебряный доллар?

— Потому что он испугался и выбросил его, — ответил Хайнс.

— Вряд ли. Он слишком для этого туп. Будь у него этот доллар, он бы вернулся в «Игральные кости» и пропил его.

— Что ты хочешь этим сказать? — поинтересовался Дэйв. — Что считаешь его невиновным?

— Я просто жалею, что мы так и не нашли этот серебряный доллар.

— Может, он у него вывалился через дырку в кармане.

— У него в кармане не было дырок, — возразил Баркли. — На подошве была дырка, но слишком маленькая, чтобы в нее проскочил доллар.

Он сделал глоток. Шары переكاتи-поля на Мэйн-стрит напоминали запорошенные снегом мозги призраков.

Жюри совещалось полтора часа.

— Мы сразу проголосовали за то, чтобы его повесить, — рассказывал потом Келтон Фишер, — но ради приличия решили выждать время.

Майзелл спросил у Трасдейла, желает ли он что-нибудь сказать перед вынесением приговора.

— Ничего не приходит в голову, — ответил тот. — Просто я не убивал ту девочку.

Пурга продолжалась три дня. Джон Хаус спросил у Баркли, сколько, по его мнению, весит Трасдейл, на что тот ответил, что фунтов сто сорок. Хаус изготовил чучело из грубого мешка, набил камнями и принялся взвешивать, добавляя новые камни, пока стрелка не добралась до отметки в сто сорок фунтов. Затем он вздернул чучело, и, не-

смотря на продолжавшуюся метель, посмотреть на это испытание собралась половина города. Пробная казнь прошла без сучка без задоринки.

Вечером перед казнью погода улучшилась. Шериф Баркли сообщил Трасдейлу, что тот может попросить на ужин что хочет. Трасдейл пожелал бифштекс с яйцами и жареным картофелем с соусом. Баркли заплатил за это из собственного кармана. Устроившись за своим столом, он чистил ногти и слушал размеренное позвякивание столовых приборов по тарелке, доносившееся из камеры. Когда стало тихо, шериф направился в камеру. Трасдейл сидел на койке. Тарелка оказалась такой чистой, что Баркли не сомневался: заключенный вылизал ее, как собака. А теперь он плакал.

— До меня только сейчас дошло, — признался Трасдейл.

— Что именно, Джим?

— Если меня повесят завтра утром, то я отправлюсь в могилу с полным желудком. Бифштекс и яйца не успеют перевариться.

На какое-то время Баркли лишился дара речи. Его ужаснула не сама эта мысль, а то, что она пришла Трасдейлу в голову. Наконец он произнес:

— Вытри нос. — Трасдейл вытер. — А теперь послушай меня, Джим, потому что это твой последний шанс. В тот день ты был в баре после обеда. Народу в такое время мало. Верно?

— Само собой.

— Тогда кто взял твою шляпу? Закрой глаза. Вспомни. Постарайся представить.

Трасдейл закрыл глаза. Баркли ждал. Наконец Трасдейл открыл глаза — все еще красные от слез.

— Я даже не помню, был ли в шляпе.

Баркли вздохнул:

— Дай мне тарелку и осторожнее с ножом.

Трасдейл просунул ему сквозь прутья решетки тарелку, на которой лежали вилка и нож, и сказал, что хотел бы

выпить пива. Поразмыслив, Баркли натянул на себя тяжелое пальто и шляпу-стетсон и направился в «Игральные кости», где Дэйл Джерард налил ему пива в небольшое ведро. Гробовщик Хайнс как раз допивал бокал вина и вышел на улицу за Баркли. Там было холодно, и дул пронизывающий ветер.

— Завтра большой день, — заметил Баркли. — Тут никого не вешали уже десять лет и, бог даст, еще десять лет никого не повесят. Но к тому времени я уже уйду на покой. Жаль, что еще не ушел.

Хайнс посмотрел на него:

— Ты не веришь, что это он ее убил.

— Если не он, — ответил Баркли, — то убийца еще разгуливает на свободе.

Казнь была назначена на девять утра. День выдался ветреный и морозный, но большинство горожан все равно явились поглазеть. Пастор Рей Роулз стоял на эшафоте рядом с Джоном Хаусом. Несмотря на теплую одежду и шарфы, оба дрожали от холода. Страницы Библии в руках пастора трепетали на ветру. За пояс Хауса был заткнут кусок черной домотканой материи, который тоже то и дело подрагивал от налетающих порывов ветра.

Баркли подвел Трасдейла со связанными за спиной руками к виселице. Тот держался хорошо, пока не оказался возле самых ступенек, где вдруг начал вырываться и плакать.

— Не делайте этого! — молил он. — Пожалуйста, не поступайте со мной так. Не делайте мне больно. Не убивайте, прошу.

Для своей комплекции он оказался довольно сильным, и Баркли знаком попросил Дэйва Фишера подойти и помочь. Вдвоем они затащили упиравшегося и брыкавшегося Трасдейла по двенадцати деревянным ступенькам вверх. Один раз он рванулся с такой силой, что все трое едва не свалились с лестницы, а из толпы тут же протянулись руки, чтобы успеть их подхватить.

— Перестань и прими смерть как мужчина! — крикнул кто-то.

Оказавшись наверху, Трасдейл вдруг затих, но когда пастор Роулз приступил к чтению 51-го псалма, начал визжать. «Будто баба, которой сиську защемило отжимными валиками», — как потом выразился кто-то в «Игральных костях».

— Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, — читал Роулз громким голосом, стараясь перекрыть вопли обреченного. — И по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое.

Увидев, что Хаус вытаскивает из-за пояса черный колпак, Трасдейл запыхтел, будто собака, и отчаянно замотал головой из стороны в сторону. Его волосы развевались. Хаус терпеливо водил колпаком за дергавшейся головой, будто наездник, желавший накинуть узду на норовистого жеребца.

— Дайте мне посмотреть на горы! — взмолился Трасдейл. Из его ноздрей текли сопли. — Я буду вести себя хорошо, только дайте посмотреть на горы в последний раз!

Но Хаус накинул ему на голову колпак и натянул до дрожащих плеч. Пастор Роулз монотонно продолжал чтение, и Трасдейл попытался сойти с люка. Баркли и Фишер силой вернули его на место.

— Давай, ковбой, прокатись! — раздался снизу чей-то крик.

— Говори «аминь», — велел Баркли пастору Роулзу. — Бога ради, скажи «аминь»!

— Аминь, — произнес пастор Роулз и отошел, с шумом захлопнув Библию.

Баркли кивнул Хаусу, и тот нажал рычаг. Смазанная балка ушла в сторону, и крышка люка опрокинулась вниз. За ней последовал Трасдейл. Послышался хруст шейных позвонков. Его ноги взбрыкнули почти до подбородка и безвольно повисли. Желтые капли упали на снег.

— Поделом тебе, ублюдок! — закричал отец Ребекки Клайн. — Сдох, будто обоссавшийся пес! Добро пожаловать в ад!

В толпе одобрительно захлопали.

Зрители не расходились, пока тело Трасдейла — черный колпак так и остался на его голове — не уложили в ту же повозку, в которой казненного привезли в город. Затем постепенно толпа рассосалась.

Баркли вернулся в тюрьму и опустился на койку в той самой камере, где прежде находился Трасдейл. Он просидел десять минут. На морозном воздухе изо рта вырывались клубы пара. Он знал, чего ждет, и наконец дождался. Успел подхватить ведро, в котором накануне принес Трасдейлу пиво, и его вырвало. Потом Баркли прошел к себе в кабинет и затопил печь.

Восемь часов спустя он по-прежнему сидел там и пытался читать книгу, когда пришел Абель Хайнс.

— Тебе надо пройти в морг, Отис. Я хочу тебе кое-что показать.

— Что?

— Нет. Ты должен сам это увидеть.

Они направились в здание, где располагались «Погребальные услуги Хайнса». В задней комнате на холодном столе лежал раздетый догола Трасдейл. Пахло химикатами и калом.

— При такой смерти люди всегда обделываются. Даже те, кто уходит с гордо поднятой головой. Это от них не зависит. Сфинктер не держит.

— И?..

— Подойди сюда. Думаю, что при твоём ремесле ты видел кое-что похуже обделанных порток.

Они лежали на полу, почти вывернутые наизнанку. Среди кала что-то поблескивало. Баркли наклонился поближе — это был серебряный доллар. Он вытащил его из кучи.

— Не понимаю, — признался Хайнс. — Этот сукин сын сидел под замком почти месяц.

В углу стоял стул. Баркли тяжело опустился на него, и стул скрипнул.

— Наверное, он успел проглотить его, когда увидел наши фонари. А потом всякий раз, когда тот выходил, очищал его и снова проглатывал.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— А ты ему поверил, — наконец произнес Хайнс.

— Свалял дурака, что тут скажешь.

— Может, это больше характеризует тебя, чем его.

— Он до последнего твердил, что невиновен. Наверное, и у престола Господня будет стоять на своем.

— Да, — согласился Хайнс.

— Я не понимаю. Его ждала виселица. Его бы все равно повесили. А ты понимаешь?

— Я даже не понимаю, почему солнце встает. И что ты будешь делать с этой монетой? Вернешь родителям девочки? Может, лучше этого не делать, потому что... — Хайнс пожал плечами.

Потому что Клайны знали с самого начала. И все в городе знали с самого начала. Не знал только он один. Дурак, конечно.

— Я не знаю, как с ней поступлю, — сказал Баркли.

Порыв ветра донес звуки пения. Пели в церкви. Это был гимн, прославляющий Бога.

Посвящается Элмору Леонарду

Храм из костей

Я пишу стихи с двенадцати лет, когда впервые влюбился (в седьмом классе). С тех пор написал сотни стихотворений, почти всегда — на клочках бумаги или в наполовину исписанных тетрадях, а опубликовал из них всего с полдюжины. Большинство моих творений распахано по разным ящикам, бог знает где — я не знаю. И тому есть причина: не такой уж я хороший поэт. Это не рекламный трюк и не кокетство, а правда. Если у меня действительно получается что-то, что мне нравится, то в большинстве случаев по чистой случайности.

Основная причина включения этого произведения в сборник состоит в том, что оно (как и второе стихотворение) представляет собой скорее повествование, нежели лирику. Первый вариант — давным-давно утерянный, как и наброски рассказа, впоследствии превратившегося в «Милю 81», — был написан мной еще в колледже под огромным влиянием драматических монологов Роберта Браунинга, особенно «Моей последней герцогини». (Другая поэма Браунинга, «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел», легла в основу серии романов, хорошо знакомых многим моим верным читателям.) Если вы читали Браунинга, то, возможно, слышите его голос, а не мой. Если нет — прекрасно. По сути своей это такая же история, как и любая другая, и это значит, что она должна развлекать и доставлять удовольствие, а не служить предметом исследования.

Перевод. С. Алукард.

Мой друг Джимми Смит читал первый утерянный вариант на «Поэтическом часе» в Университете Мэна как-то днем во вторник в 1968 или 1969 году, и произведение получило хороший прием. Почему бы и нет? Он вложил в исполнение всю душу, едва ли не пел. А людей всегда захватывает хороший сюжет, будь он преподан в стихах или в прозе. Сюжет же оказался удачным, особенно учитывая его формат, что дало мне возможность удалить банальные описания. Осенью 2008 года я вспомнил декламацию Джимми, а поскольку у меня выдалась творческая пауза, то решил постараться воссоздать поэму. Результат перед вами. Не могу с уверенностью сказать, насколько он соответствует первоначальному варианту.

Джимми, я надеюсь, что ты где-то есть, и тебе попались на глаза эти строки. В тот день ты произвел настоящий фурор.

Если хочешь услышать меня, угощать начинай,
Плесни хоть бы вот той дряни (впрочем, тут у тебя
сплошь дрянь!)
Больше тридцати нас было в тех джунглях, лишь трое
спаслись.

Трое выжили в дебрях и вверх пробрались —
Мэннинг, Ревуа и я. Как там в той книге говорится?
Один теперь я рассказом смогу поделиться.
И вот что скажу вам — лично я-то в своей постели умру,
Как и многие прочие сукины дети — с бутылочкой,
крепко прижатой ко рту.

А жаль ли мне Мэннинга? Да фиг вам! И ему хрен!
Это ж были его деньжата, а их было тратить не лень.
Но из-за них так и вышло, что мы и гибли один
за другим,
А он-то сдох не в своей постели — ну, об этом я сам
позаботился.
Теперь он веками послужит в том храме костей!
И не напрасно,

А жизнь прекрасна!..
Ну что за пойло ты тут подаешь?
Впрочем, я не против, если еще подольешь.
Крепкая штука.. А если хочешь, чтобы я заткнулся, —
Ну.. переключай меня на «шампусик».
Трепотня — дешевня, молчание многого стоит, друзья...
Так о чем это я?

* * *

Двадцать девять трупов за поход, среди них одна баба,
Титьки у нее были шикарные, да и попа — что надо!
Мы ее обнаружили мертвой — вот те раз!
Поутру, средь холодных углей, у костра, что давненько
погас,
Ни ушиба на ней, на лице — ни ожога,
Видать, на стылое пепелище зашла, не рассуждая долго,
Трещала всю дорогу, а погибла без единого звука,
Что за судьба человеческая, не судьба, а чертова сука!
Не согласен? Тогда хрен и тебе, и твоей мамочке хрен бы
приделать,
Впрочем, с хреном она бы стала мужиком, а не девой...

А та, кажется, была антропологом, все об этом твердила,
Но на ученого совершенно не походила,
Когда мы ее из кострища вынимали, так скажем,
Щеки в золе, и глаза — не белки — серые, в саже,
А больше на ней не нашли никаких повреждений,
Дорранс insult констатировал — такое лекаря
утверждение...

Бога ради, подлей-ка еще мне чуть виски из уважения,
Без этого проклятого виски
Временами кажется, что и смерть где-то близко!

Джунгли несли нам потери день за днем.
Карсон погиб от сучка, что пронзил ему сапог.
Нога притом так распухла, что,
Только разрезав кожу, мы снять ему обувь сумели,
Но к тому часу пальцы его ноги почернели,
Как в кострище угли, как кальмара чернила, —
наверное, у Мэннинга такая же черная кровь текла
в жилах,
А вот Рестона с Полги какие-то мохнатые пауки укусили,
Причем каждый паук был что с твой кулак — не меньше
никак.

Акермана ужалила змеюка-злодейка,

Что свисала прям с дерева, как с шеи бабы меховая
горжетка,

И яд свой вприснула ему в тот же миг.

Вы хотите узнать, что наш друг перенес?

Он от боли своей же рукой вырвал собственный нос,

Словно персик переспелый, прогнивший, заливаясь,
в крови,

Те, кто рядом стоял, едва это зрелище перенесли,

Хочешь — плачь, хочешь — смейся, хоть ржи до упада,

Вот судьба-то у парня! Ну хватит, ну ладно...

Мир наш не такой уж и грустный — ни больше
ни меньше,

Хотя психам тут, конечно, намного легче. Поверь.

Так о чем я теперь?

Хавьер с мосточка деревянного вдруг грохнулся, и вот

Мы достали его из воды, а тот уж и дышать не мог.

Тут Дорранс наш испанца искусственным дыханьем
было прокачал,

Но высосал из легких бедолаги он пиявку

Размером с помидор тепличный, самый крупный
с прилавка.

Та оземь хлопнулась как пробка из бутылки,

Забрызгав их кровью, как винищем (мы, алкаши —
такие,

Взгляни-ка на меня, что пьем, тем и живем).

Когда испанец отошел в бреду, сказал тут Мэннинг,

Что Хавьеру пиявки выжрали мозги. А мне наплевать.

Я помню лишь, что у него глаза не закрывались,

А целый час, как он уж околел, все вздувались
и сдувались —

И вправду кто-то жрал его прям изнутри, клянусь я,
чтоб мне сдохнуть!

Вокруг без перерыва орали попугаи на мартышек,

А те на попугаев, друг друга не слыша, задирая бошки
вверх на небо,

Что скрылось за проклятою зелёной. Его и видно-то
не было.

В стакане что — вискарь или моча?
Одна из этих гнид, так, между прочим, впиваялась
в штаны к французу —
Я говорил уже? Ты ж знаешь, что она жрала на ужин?

А следом уж сам Дорранс отдал богу душу,
Когда мы запилили вверх по склону, но все пока еще мы
пребывали в джунглях,
Свалился в пропасть, и слышали мы хруст. Сломал себе
он шею.

А молодой был, бедолага, лет лишь двадцать шесть,
Жениться собирался, теперь уж — то, что есть...
Жизнь хороша, а, друг? Жизнь — это гнида в глотке,
Жизнь — пропасть, куда мы все летим, и суп, в котором
все мы, в общем,
Пусть рано или поздно, но превратимся в овощи.
Я прям философ, как тебе? Да наплевать. Уж слишком
поздно

Нам мертвецов считать, да по такой-то пьяни.
Вот так тебе скажу: мы добрались туда, не поздно
и не рано...

Из жгучей, палящей зелёнки вскарабкались мы
По тропке, идущей по склону, оставив внизу
В могилах лежать Ростоя, Тиммонса,
Техасца — не помню, как звали его — и Дорранса,
Да пару кого-то еще. И под самый конец
Почти все скончались от злой лихорадки,
Что кожу пузырит на теле и делает тело зеленым.
В живых нас осталось лишь трое: то Мэннинг, француз
да и я.

Болезнь только нас не скосила, сразиться с недугом
нашлись у нас силы.

Правда, я от нее до конца не оправлюсь никак. Вискарь
Для меня — как таблетки, что пьют от трясучки.
И ты уж, дружище, налей-ка еще мне стаканчик,
А то разойдусь и ножом полосну тебе горло.

Да так, что как будто гроза кувыркнулась вверх дном.
Или словно болезнь, что нас всех охватила,
Перешла и на землю и теперь ее пучит.
Тут я Мэннингу задал вопрос, что он слышал,
Только тот промолчал, зачарованно пляясь в расселину
Глубиной метров триста, где в самом низу
Храм стоял, весь из белых клыков и из бивней,
Как гробница, беленная вечностью, в окруженьи
Торчавших повсюду зубцов, словно адский котел
Прокипел там до самого-самого дна.

Мы думали — увидим там останки тел,
Насаженных на древние зубцы сияющего храма.
Но не было их там, а гром все приближался,
Катясь к нам от земли, а не с высот небесных.
У нас под сапогами вдруг камни задрожали —
То шли *они* из джунглей, где навек остались:
Ростой с гармоникой и Дорранс-подпевала,
И антрополог с задницей широкой, и остальные
двадцать шесть.

Они пришли, худые призраки, стяхнувши с ног
останки джунглей.

Вслед накатились грозною волной слоны,
Панически спасаясь из колыбели времени зеленой.
А над ними возвышались (ты не поверишь)
Мамонты из тех веков, когда людей в помине еще
не было,

С закрученными, словно штопор, бивнями,
С глазами красными, как бич печали.
Вокруг их исполинских ног лианы обвивались,
А вот один там шел с цветком, прилипшим к толстой
шкуре,
Ну, прям, как с бутоньеркой!

Тут Ревуа наш завизжал, закрыв лицо руками,
А Мэннинг говорит: «Не видел ничего»,
Как будто объяснялся он с патрульным,

Когда его в свидетели призвали.

Я потащил их в сторону, и все мы рухнули

В проемок каменный на краешке дороги.

Оттуда мы смотрели, как они всё шли сплошным

ПОТОКОМ.

От вида этого хотелось и ослепнуть, и глядеть во все

глаза.

Вот так они и двигались, без остановки, ну а те,

Что сзади, напирали на передние ряды.

И мерно, грубым гласом возвещая о гибели своей,

Они в бездонную валились пропасть.

Час шел за часом, а бесконечный смертный марш все

продолжался,

И трубы из оркестра гибели смолкали где-то далеко

ВНИЗУ.

От пыли и от вони их дерьма мы чуть не задохнулись,

И под конец наш Ревуа с катушек съехал.

Вскочил, чтобы рвануться то ли прочь, то ли же вслед

за ними.

Куда — я так и не врубился, но кончился он вместе

с остальными.

Он описал дугу башкой вперед, мелькнули в небе сапоги,

А гвозди на подковах нам будто подмигнули.

Одна рука взмахнула. А другую... оторвала от тела

Гигантская и плоская нога, увлекши в пропасть

за собой,

Но пальцы продолжали шевелиться, как будто бы

прощаясь с нами:

«Пока-пока! Счастливого вам, ребята!» Так-то вот, сынок!

Нагнулся я вниз посмотреть вслед ему

И то, что увидел, — вовек не забуду.

Как он разлетелся на мелкие брызги. Они

Кружились, как будто игрушки-вертушки, потом

Розоветь стали и унеслись с ветерком.

Вонявшим гнилыми гвоздиками. А кости его

Так всё там и лежат. А где же мой стакан?

Но — слушай сюда, идиот! — там кости остались лишь
только его.

Врубаешься, нет? Повторю: лишь его одного.

И после того, как последний гигант миновал нас,
Внизу оставался лишь храм из костей, каким был
До всего, с единственным красным пятном от останков
француза.

Ведь спешно бежали призраки и воспоминания,
А кто возразит, что у них есть отличия?
Тут Мэннинг поднялся, дрожа, и сказал,
Что денег мы срубили (как будто в карманах его
сквозняк бушевал).

А я вот спросил: «Как быть с тем, что ты видел?
Ты и других поведешь посмотреть на такие святыни?
Гляди, не успеешь и глазом моргнуть, как сам папа
римский

Зальет эту пропасть святою водой до краев!»
Но тот покачал головой, широко улыбнулся и поднял
вверх руки.

На них — ни единой пылинки, хотя лишь минуту назад
Мы харкали, глотая тучи пыли, покрытые ею с ног
до головы.

А он сказал, что это все привиделось — от лихорадки
и воды зловонной.
Потом он повторил, что мы денег срубили,
и принялся смеяться.

Вот этот смех — он и сгубил его, паскуду.
Я понял, что он спятил (а может, я?) и одному из нас
Придется умереть. Ты видишь кто остался жить:
Ведь это я сижу перед тобой, напившись, а ведь
когда-то

Не седина, мне шевелюра черная на лоб спадала.

Он говорит: «Ты что, не понял, дурень...»
И все — ведь от него остался только крик.
И черт бы с ним!
И черт с твоей глумливой рожей тоже!

* * *

Как вернулся назад — я не помню.
Это сон, весь зеленый и с бурыми лицами,
А потом — сон весь синий и с белыми лицами.
И теперь просыпаюсь я ночью в городе,
Где из десятка людей лишь один видит сны
И грезит о том, что лежит за пределами жизни.
Ведь глаза, которыми видят те сны,
Остаются закрыты, как у Мэннинга, до самого конца,
Когда все его депозиты в аду иль в Швейцарии
(Что без разницы) не смогли ни помочь ему, ни спасти.
Просыпаюсь, а печень моя вопит, и во тьме
Слышу я тяжкий грохот, когда восстают привиденья
Из покрова над джунглями, словно бушует тайфун,
Что вот-вот изувечит всю землю.
Я ловлю запах пыли и вонь дерьма, и когда эти полчища
Рвутся в небо себе на погибель, я вижу
Опахала их древних ушей и изгибы их бивней,
А потом — их глаза, их глаза, их глаза...
В жизни много чего, кроме этого, и под каждую картой
есть карта еще.

До сих пор там стоит этот храм из костей,
И хочу я вернуться, чтоб найти его вновь,
А потом сигануть вниз с обрыва,
Чтоб покончить с презренной комедией жизни.
А теперь поверни свою морду, не то я ее сам поверну.
Да, реальность — дерьмо, если нету в ней веры.
Так налей мне стакан, черт тебя раздери!
Выпьем мы за слонов, что на свете не жили.

Посвящается Джимми Смиту

Моральные принципы

Моральные принципы — довольно скользкая тема. Если я не понимал этого в детстве, то узнал, когда поступил в колледж. Я учился в Университете Мэн, сводя концы с концами на мизерные стипендии, государственные кредиты и летние заработки. В течение учебного года я подрабатывал мытьем посуды в Вест-Коммонс. Денег никогда не хватало. Моя мать-одиночка, старшая экономка в психиатрическом заведении «Пайнленд трейнинг сентер», высылала мне каждую неделю 12 долларов, что служило определенным подспорьем. Когда она умерла, я узнал от одной из ее сестер, что ей приходилось отказываться от посещения парикмахерской и экономить на продуктах. По вторникам и четвергам она не обедала.

Уехав из кампуса и оказавшись за пределами Вест-Коммонс, я иногда воровал в местном супермаркете бифштексы и гамбургеры. Заниматься этим следовало по пятницам, когда в магазине было много народа. Однажды я попробовал стащить цыпленка, но он оказался таким большим, что ни черта не помещался под курткой.

Потом распространился слух, что я могу выполнять письменные задания для студентов, оказавшихся в трудном положении. Мои расценки за эту услугу были плавающими. Если студент получал «отлично», мой гонорар составлял 20 долларов. За оценку «хорошо» мне платили 10 долларов. За оценку «удовлетворительно» все оставались при своих. За получение неудовлетворительной оценки я принимал на себя

обязательство заплатить пострадавшему студенту или студентке 20 долларов. Я делал все, чтобы мне не пришлось платить, поскольку не мог себе этого позволить. И я был хитрым. (Мне стыдно в этом признаться, но что есть, то есть.) Я не брался за работу, пока студент не предоставлял мне хотя бы одно из выполненных им самим заданий, чтобы я мог воспроизвести его стиль. Слава богу, мне не приходилось заниматься этим часто, но когда жизнь заставляла, когда я сидел без денег и не мог позволить себе гамбургер и картофель фри в «Медвежьем логове» Мемориал-Юниона, я этим не гнушался.

На предпоследнем курсе я узнал, что у меня весьма редкая группа крови — первая отрицательная, ею обладает шесть процентов населения. В Бангоре имела клиника, платившая двадцать пять долларов за пинту такой крови, и я решил, что это отличный вариант. Примерно раз в два месяца я садился за руль своего потрепанного универсала (или, когда он ломался, что случалось весьма часто, ехал автостопом) и добирался из Ороно до клиники, где закатывал рукав. В те годы еще ничего не знали про СПИД, бумаг заполнялось гораздо меньше, а по окончании процедуры сдавшим кровь предлагался на выбор небольшой стакан апельсинового сока или маленькая порция виски. Будучи уже тогда равнодушным к спиртному, я всегда выбирал виски.

Возвращаясь как-то после такой поездки на учебу, я вдруг подумал, что если проституция — это продажа себя за деньги, то я — настоящая шлюха. Написание эссе по английскому языку и курсовых по социологии ничем не отличалось от проституции. Я был воспитан в строгих методистских традициях, добро и зло не были для меня пустыми словами, и вдруг я превратился в обычную шлюху, разве что торговал не задницей, а своей кровью и умением писать.

Эта мысль заставила меня задуматься о том, что же все-таки является нравственным, а что —

нет, и я думаю об этом по сей день. Концепция нравственности весьма эластична, разве не так? Потрясающе эластична. Но если растянуть что-то слишком сильно, рано или поздно оно порвется. Сейчас я сдаю свою кровь бесплатно, а не за деньги, однако еще тогда мне пришло в голову, и я до сих пор так считаю, что при определенных обстоятельствах любой человек может продать все, что угодно.

И потом всю жизнь об этом жалеть.

Едва переступив порог, Чад понял: что-то произошло. Нора уже была дома. Она работала шесть дней в неделю с одиннадцати до пяти; обычно он возвращался из школы в четыре и к ее приходу успевал приготовить ужин.

Она сидела на площадке пожарной лестницы, куда он ходил курить, и держала в руках какие-то бумаги. Он посмотрел на холодильник и увидел, что с дверцы исчезла распечатка электронного письма, прилепленная магнитом почти четыре месяца назад.

— Привет, — сказала она. — Иди сюда. — И, помолчав, добавила: — Можешь покурить, если хочешь.

Он сократил курение до пачки в неделю, но ее отношение к этой привычке ничуть не изменилось. И дело было не столько в том, что курить вредно, а в том, что это очень дорого. Каждая сигарета превращала в дым сорок центов.

Он не любил курить рядом с ней, но достал начатую пачку из ящика под сушилкой для посуды и сунул в карман. Судя по выражению лица Норы, сигарета может понадобиться.

Он устроился рядом с ней. Она уже переоделась в джинсы и блузку, значит, вернулась достаточно давно. «Все страньше и страньше».

Они немного помолчали, глядя на городской пейзаж, открывавшийся с площадки. Он поцеловал ее, и она рас-

сеянно улыбнулась. В руках у нее была распечатка электронного письма агента и папка с крупной надписью «ДЕБЕТ И КРЕДИТ». Его шутка, и, как выяснилось, не слишком удачная. В папке хранились их счета — выписки из банка, расходы по кредитным картам, счета за коммунальные услуги, страховые взносы, — и итоговый баланс был с огромным минусом. Обычная американская история наших дней: денег катастрофически не хватало. Два года назад они подумывали о рождении ребенка. Сегодня же мечтали лишь о том, чтобы вылезти из долгов и, скопив немного денег, уехать из города, не опасаясь, что по пятам ринется толпа кредиторов. Они мечтали перебраться на север, в Новую Англию. Но пока это было невозможно. Здесь, по крайней мере, у них имелась работа.

— Как дела в школе? — спросила она.

— Все хорошо.

Вообще-то его нынешнее место было отличным. Но кто знает, как все сложится, когда Анита Байдерман выйдет из декрета? Возможно, в 321-й средней школе для него не останется места. В списке претендентов на подмену его имя значилось одним из первых, но что толку, если все штатные преподаватели продолжали вести занятия?

— Ты сегодня рано, — сказал он. — Только не говори, что Уинни умер.

Она вздрогнула, но тут же улыбнулась. Они жили вместе уже десять лет, последние шесть — в браке, и Чад знал, когда что-то было не так.

— Нора?

— Он отпустил меня домой пораньше. Чтобы я подумала. А подумать есть о чем. Я... — Она покачала головой.

Он взял ее за плечи и развернул к себе:

— В чем дело, Норри? У тебя все в порядке?

— Можешь закурить.

— Скажи мне, что происходит.

Два года назад в больнице «Конгресс мемориал» проходила «реорганизация», и ее должность сократили. К счастью для акционерного общества «Чад и Нора», ей здоро-

во повезло. Она получила место домашней сиделки: один пациент, бывший священник, оправляющийся после инсульта, тридцать шесть часов в неделю, очень приличные деньги. Она зарабатывала больше Чада, причем существенно больше. Их совместных доходов почти хватало на жизнь. По крайней мере, пока Анита Байдерман не выйдет из декрета.

— Во-первых, давай поговорим об этом. — Она протянула ему распечатку письма. — Ты уверен?

— Что справлюсь? Практически да. Почти в этом не сомневаюсь. В смысле, если у меня будет время. Что до остального... — Он пожал плечами. — Там все написано черным по белому: никаких гарантий.

Поскольку городские школы сейчас не открывали вакансий, Чад в лучшем случае мог рассчитывать только на подмену. Его имя значилось в списках претендентов на должность преподавателя во всех школах, но в ближайшем будущем вакансий на полную ставку нигде не предвиделось. Однако даже если такая должность вдруг образуется, с деньгами лучше не станет, разве что появится некая стабильность. На подменах он иногда неделями сидел без дела в ожидании вызова.

Два года назад он пробыл без работы целых три месяца, и они едва не лишились квартиры. Тогда и пришлось залезть в долги, и начались проблемы с кредитами.

От тоски и чтобы занять себя хоть чем-то, пока Нора ухаживала за преподобным Уинстоном, Чад начал писать книгу, которую назвал «Жизнь вне цивилизации: приключения внештатного учителя в четырех городских школах». Писательство давалось ему с трудом, а иногда нужные слова не подбирались вовсе, и к тому времени, когда его вызвали на замену во второй класс школы Святого Спасителя (мистер Карделли сломал ногу в автомобильной аварии), он закончил три главы. Чад распечатал их и дал почитать Норе, на что та согласилась без всякого энтузиазма. Какой женщине хочется говорить спутнику жизни, что тот занялся не своим делом и только зря потратил время?

Но ее опасения оказались напрасны. Рассказы Чада о жизни внештатного учителя были милыми, забавными и нередко трогательными — намного интереснее того, чем он делился за ужином или в постели.

Большинство его писем с предложением рукописи остались без ответа. Кое-кто, впрочем, вежливо отозвался, сообщив, что в настоящее время не имеет возможности заниматься новыми рукописями. Наконец удалось найти агента, согласившегося посмотреть восемьдесят страниц, которые Чад вымучил на стареньком, барахлившем ноутбуке.

Агента звали Эдвард Ринглинг, что больше подошло бы артисту цирка. В письме по поводу рукописи он оказался щедр на похвалы и скуп на обещания.

«Я бы мог найти издателя на Вашу книгу на основании этих глав и синопсиса остальных, — писал Ринглинг, — но сумма такого контракта оказалась бы весьма скромной, скорее всего, даже намного меньше того, что Вы зарабатываете сейчас учителем, и в результате Вы финансово не только не выиграете, но даже проиграете. Я понимаю, что это безумие, но рынок сегодня едва дышит.

На мой взгляд, Вам следует написать еще семь-восемь глав, а то и закончить книгу. Тогда я мог бы выставить ее на аукцион и добиться для Вас несравненно лучших условий».

Наверное, рассудил Чад, такое предложение весьма разумно, если имеешь дело с миром литературы в комфортабельном офисе на Манхэттене. А если мотаешься по округе и проводишь уроки неделю в одной школе и три дня в другой, чтобы свести концы с концами? Письмо Ринглинга он получил в мае. Сейчас наступил сентябрь, и благодаря летней школе в последние месяцы с занятостью у Чада было весьма неплохо (*Господи, благослови бестолковых*, иногда думал он), однако ни одной страницы добавить к рукописи ему не удалось. И дело было вовсе не в лени: когда преподаешь, даже просто подменяешь кого-то, кажется, будто к какому-то важному участку тво-

его мозга, точно к аккумулятору, подсоединяют кабели, чтобы запустить чужие мозги. Конечно, хорошо, что дети могли подпитываться энергией с этого участка, но остальным участкам почти ничего не доставалось. На протяжении многих вечеров единственным творческим занятием, на которое у него хватало сил, было чтение детективных рассказов Линвуда Баркли.

Положение изменилось бы, останься он без работы еще на пару-тройку месяцев... но если жить только на зарплату жены, они пойдут по миру. К тому же беспокойство и страх не лучшие спутники для творчества.

— Сколько тебе надо времени, чтобы закончить книгу? — спросила Нора. — Если заниматься только этим?

Он достал сигареты и закурил. Ему очень хотелось преуменьшить реальные сроки, но он поборол искушение. Что бы у нее ни произошло, она заслуживала правды.

— Не меньше восьми месяцев. Скорее год.

— А сколько, по-твоему, можно будет выручить денег, если мистер Ринглинг выставит книгу на аукцион и найдутся желающие ее купить?

Ринглинг не называл цифр, но Чад изучил этот вопрос самостоятельно.

— Думаю, аванс мог бы составить порядка ста тысяч долларов.

Начать новую жизнь в Вермонте — вот о чем они мечтали. Об этом разговаривали в постели. Переехать в маленький городок, может, в одном из округов на северо-востоке штата. Она могла бы найти работу в местной больнице или наняться сиделкой к какому-нибудь частному пациенту, а он устроился бы учителем в школу на полную ставку. Или писал бы новую книгу.

— Нора, к чему все эти вопросы?

— Я боюсь тебе рассказывать, но все равно расскажу. Потому что сумма, которую назвал Уинни, больше ста тысяч. Уточню сразу: с работы я не уйду. Он сказал, что я могу остаться, что бы ни решила, а эта работа нам нужна.

Чад вытащил алюминиевую пепельницу, которую держал под подоконником, и затушил в ней окурок. Потом взял жену за руку:

— Рассказывай.

Он выслушал ее с изумлением и понял, что это не шутка. Ему бы и хотелось принять все за розыгрыш, но он не мог.

Если бы раньше Нору спросили, что ей известно о преподавшем Джордже Уинстоне, она бы ответила, что практически ничего, как и ему о ней. Но в свете поступившего от него предложения она поняла, что на самом деле поведала о себе немало. Например, о финансовой мясорубке, в которой они оказались. Или о надеждах выбраться из долгов благодаря книге, которую писал Чад.

А что она сама знала о пасторе? Что он всю жизнь прожил холостяком, что три года назад удалился на покой, оставив службу во Второй пресвитерианской церкви на Парк-Слоуп (где до сих пор числился почетным пастором), что перенес инсульт. После инсульта правую часть его тела частично парализовало. Вот тогда она и появилась в его жизни.

Благодаря специальной пластиковой шине, которая накладывалась на больное колено и не позволяла ноге подгибаться, ему удавалось самостоятельно добираться до туалета (а в хорошие дни и до кресла-качалки на веранде). Он уже мог достаточно внятно произносить слова, хотя время от времени у него, по выражению Норы, «заплетался язык». Норе приходилось и раньше сталкиваться с больными, перенесшими инсульт (что и помогло ей получить это место), и ее саму поражало, как быстро пациент шел на поправку.

До сегодняшнего дня, когда от него поступило столь возмутительное предложение, она и не задумывалась о том, что он богат... хотя дом, в котором он жил, явно об этом свидетельствовал. Она полагала, что дом был подарком от паствы и что ее услуги оплачивали прихожане.

В прошлом веке ее работа называлась «практическим уходом». Помимо выполнения обычных обязанностей медсестры — давать таблетки и измерять давление, — она проводила ему курсы физиотерапии. Кроме того, делала ему массаж, была логопедом, а иногда — если требовалось написать письмо — и секретаршей. Нора выполняла отдельные мелкие поручения, время от времени читала вслух. Не чуралась и домашних дел в те дни, когда миссис Грейнджер отсутствовала. По таким дням она готовила на обед сандвичи или омлет, и, судя по всему, именно за едой ему удалось выведать у Норы многое о ее семейной жизни, причем сделать это так, что она об этом даже не догадывалась.

— Единственное, что я помню из своих слов, — сказала Нора Чаду, — да и то лишь потому, что он упомянул об этом сегодня, так это что мы не бедствуем и в общем-то нам на все хватает. Но *уверенности*, что так будет и впредь, у нас нет, и это сильно действует мне на нервы.

При этих словах Чад улыбнулся:

— Как и мне.

В то утро Уинни отказался от обтирания влажной губкой и массажа. Он попросил Нору наложить ему шину на колено и помочь подняться в кабинет, что для него было сравнительно длинным переходом, уж точно дальше, чем до кресла-качалки. Он осилил расстояние и упал в кресло, красный и задыхающийся от напряжения. Стакан апельсинового сока, поданный Норой, он осушил одним глотком.

— Спасибо, Нора. А теперь я хотел бы с вами поговорить. Причем очень серьезно.

Видимо, он заметил, как она занервничала, поскольку тут же успокаивающе улыбнулся и взмахнул рукой:

— Нет-нет, речь совсем не о вашей работе. Тут нет проблем. Если только сами не захотите уйти. А если захотите, я дам вам блестящую рекомендацию, так что проблем с трудоустройством у вас не будет.

— Вы меня пугаете, Уинни, — сказала она.

— Вы бы не хотели заработать двести тысяч долларов?

Она опешила. Расставленные вдоль стен высокие стеллажи с мудрыми книгами осуждающе смотрели на них сверху вниз. Шум с улицы вдруг стих. Как будто они перенеслись в другую страну, где было гораздо тише, чем в Бруклине.

— Если думаете, что речь идет о сексе — мне пришло в голову, что вы могли так подумать, — то уверяю: нет. Во всяком случае, так мне кажется. Наверное, тот, кто читал Фрейда и решил копнуть поглубже, в любом поступке может найти сексуальную подоплеку. Я и сам не знаю. Я изучал Фрейда только во время учебы в семинарии, да и тогда мое знакомство с его трудами было весьма поверхностным. Его идеи меня оскорбляли. По его мнению, любое представление о глубинах человеческой души являлось самой обыкновенной иллюзией. Казалось, он говорил: «То, что вы считаете артезианским колодезем, на самом деле — обычная лужа». Я так не считаю. Человеческая природа не имеет дна. Она так же глубока и загадочна, как и божественный разум.

Нора встала.

— Со всем уважением, я не очень-то верю в Бога. И думаю, мне не стоит выслушивать ваше предложение.

— Но если вы не выслушаете, то так и не узнаете, в чем оно заключается. И будете мучиться догадками.

Она стояла и смотрела на него, не зная, как поступить и что сказать. У нее крутилась мысль, что стол, за которым сидел Уинни, наверняка стоил не меньше нескольких тысяч. Она впервые подумала о нем в связи с деньгами.

— Я предлагаю двести тысяч долларов наличными. Этого хватит, чтобы расплатиться со всеми долгами, чтобы ваш муж закончил книгу, может, даже хватит на то, чтобы начать новую жизнь в... Вермонте, кажется?

— Да, — подтвердила она и подумала, что если он знал про это, то слушал куда внимательнее, чем ей представлялось.

— И не придется сообщать об этом в налоговые органы, Нора.

У него было длинное лицо и густые белые волосы. До сегодняшнего дня ей казалось, что он похож на овцу.

— С наличными это вполне реально, если использовать их с умом и частично оплачивать ими счета. А когда ваш муж продаст свою книгу и вы устроитесь в Новой Англии, нам больше не придется встречаться. — Он помолчал. — Правда, если вы решите уволиться, сомневаюсь, что новая медсестра будет обладать столь же высоким профессионализмом. Пожалуйста, сядьте. У меня заболела шея от того, что приходится смотреть на вас снизу вверх.

Она села. Остаться ее заставила мысль о двухстах тысячах долларов. Она даже представила их — большой толстый конверт, набитый купюрами. А может, два конверта, ведь в один вся сумма не влезет.

Наверное, это зависит от достоинства купюр, подумала она.

— Вам придется выслушать меня до конца, — сказал он. — В последнее время я не так много говорил, верно? В основном слушал. Теперь слушать будете вы, Нора. Согласны?

— Думаю, да. — Ее разбирало любопытство. Да и кого бы не разбирало на ее месте? — Кого я должна убить?

Она хотела пошутить, но едва эти слова сорвались с губ, она испугалась, что угадала. Потому что происходящее вовсе не напоминало шутку. И глаза на его длинном овечьем лице больше не казались овечьими.

К ее облегчению, Уинни рассмеялся:

— Никакого убийства, моя дорогая. Нам не нужно заходить так далеко.

Затем он начал говорить. Причем так, как не говорил, наверное, ни с кем в своей жизни.

— Я вырос в богатой семье на Лонг-Айленде — мой отец весьма преуспел на бирже. Наша семья была религиозной, и когда я сказал родителям, что собираюсь стать

священником, никто не возражал и не говорил о необходимости продолжить семейный бизнес. Напротив, все были в восторге. Особенно мама. Мне кажется, большинство матерей искренне радуются, если их детям удастся найти свое Призвание. Призвание с большой буквы.

Я отправился в семинарию на севере штата Нью-Йорк и по ее окончании был назначен помощником пастора в одну из церквей штата Айдахо. Я ни в чем не нуждался. Пресвитерианцы не принимают обета бедности, и мои родители позаботились о том, чтобы я ни в чем не нуждался. Отец пережил мать всего на пять лет, и после его кончины я унаследовал большое состояние, в основном в облигациях и акциях солидных компаний. На протяжении долгого времени я обращал скромную часть этих средств в наличные небольшими порциями. Не на черный день, потому что я его не боялся, а на осуществление того, что я назвал бы заветным желанием. Эти деньги лежат в сейфовой ячейке манхэттенского банка, и именно их я вам и предлагаю, Нора. На самом деле сумма составляет порядка двухсот сорока тысяч, но мы же не станем мелочиться из-за доллара-другого, верно?

Несколько лет я прослужил в глубинке, пока не получил назначение во Вторую пресвитерианскую в Бруклине. Пять лет проработал помощником, затем стал старшим пастором. Я честно и добросовестно исполнял свой долг до две тысячи шестого года. Моя жизнь — говорю это без гордости и стыда — прошла в ничем не примечательном служении. Я направлял свою паству на помощь бедным, как в дальних странах, так и живущим по соседству. По моей инициативе было открыто местное отделение Общества анонимных алкоголиков, которое помогло сотням наркоманов и пьяниц. Я утешал больных и хоронил усопших. Если же говорить о чем-то более приятном, то я соединил брачными узами более тысячи пар и учредил стипендиальный фонд, благодаря которому многие юноши и девушки смогли получить образование в колледжах, что

иначе было бы им не по карману. В девяносто девятом году одна из наших стипендиаток получила Национальную премию по литературе.

Жалею я лишь об одном: что за все эти годы ни разу не совершил ни одного греха, от которых предостерегал свою паству. Я не сладострастен, а поскольку не был женат, не мог совершить грех прелюбодеяния. По натуре я не чревоугодник и, хотя люблю красивые вещи, никогда не проявлял жадности и алчности. Да и с чего бы, если отец оставил мне в наследство пятнадцать миллионов долларов? Я много трудился, проявлял выдержку, никому не завидовал — разве что матери Терезе, — и меня мало волнуют материальные блага и общественный статус.

Я не утверждаю, что абсолютно безгрешен. Отнюдь. Те, кто считает (а такие, полагаю, найдутся), что в своей жизни не согрешили ни словом, ни делом, вряд ли скажут, что ни разу не согрешили и в мыслях, верно? Но Церковь перекрывает все лазейки. Мы рассказываем людям о рае, а потом даем понять: без нашей помощи им туда не попасть... Потому как все мы грешны, а расплатой за грех является смерть.

Наверное, такие слова более уместны в устах неверующего, но при моем воспитании неверие для меня столь же невозможно, как и левитация. И все же я понимаю надувательскую природу сделки и психологические трюки, к которым прибегают верующие, чтобы обеспечить своей вере процветание. Не Бог возложил на голову папы римского его причудливый головной убор, а мужчины и женщины, ставшие жертвой теологического вымогательства.

Вижу, что утомил вас разговором, так что перехожу к сути. Прежде чем умереть, я хотел бы совершить настоящий грех. Не в мыслях или на словах, а на деле. Это желание появилось еще до инсульта и становилось все более навязчивым, но я считал это блажью, которая со временем пройдет. Теперь я понимаю, что ошибался, поскольку за последние три года оно превратилось в настоящее навязждение. Я спрашивал себя, насколько страшным может

быть грех, который под силу совершить старику, прикованному к инвалидной коляске? Понятно, что не особенно страшным, если только этот старик не хочет, чтобы его поймали, а этого мне совсем не хочется. Такие серьезные материи, как грех и прощение, должны оставаться исключительно между человеком и Богом.

А потом, слушая ваш рассказ о книге мужа и финансовых проблемах, я вдруг понял, что могу совершить грех вашими руками. По сути, делая вас сообщницей, я мог бы даже удвоить тяжесть своего греха.

Чувствуя, как во рту у нее вдруг пересохло, она сказала:

— Я верю в дурные поступки, Уинни, но не верю в грех.

Он благожелательно улыбнулся. Улыбка была неприятной: овечьи губы, волчьи зубы.

— Это не важно. Зато грех верит в вас.

— Я понимаю, что вы так считаете... но почему? Это какое-то *извращение*!

Его улыбка стала еще шире.

— Именно! В этом весь смысл! Я хочу узнать, каково это — сделать нечто, что претит всей моей натуре. Нуждаться в прощении не только за само действие, но и за нечто большее. Вы знаете, что удваивает тяжесть греха, Нора?

— Нет, я не хожу в церковь.

— Вы удваиваете тяжесть греха, если говорите себе, что *сделаете это, потому что потом сможете вымолить прощение*. То есть и волки сыты, и овцы целы. Я хочу знать, каково это — погрязнуть в грехе. Не просто запачкаться, а увязнуть в нем с головой.

— И утащить с собой меня! — воскликнула она с негодованием.

— Но ведь вы не верите в грех, Нора. Вы сами только что сказали. С вашей точки зрения, я вас прошу лишь немного запачкаться. Правда, есть еще риск ареста, но он минимален. И за это я заплачу двести тысяч долларов. *Больше* двухсот тысяч долларов.

Она чувствовала, как лицо и пальцы онемели, будто на морозе. Разумеется, она не согласится. Она просто отправится на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. С работы она уходить не станет, во всяком случае, сейчас, ведь работа ей нужна, но в доме она не останется. А если он уволит ее за то, что она покинула свой пост, что ж, его право. Но сначала она хотела дослушать до конца. Даже себе она не могла признаться в том, что испытывала искушение, и успокоила себя тем, что это просто любопытство.

— Чего именно вы от меня хотите?

Чад закурил новую сигарету. Нора попросила:

— Дай затянуться.

— Норри, ты не курила уже пять...

— Я сказала, дай.

Он протянул ей сигарету. Она глубоко затянулась и, закашлявшись, выпустила дым.

Затем закончила рассказ.

В ту ночь она долго не могла уснуть и лежала с открытыми глазами, не сомневаясь, что Чад уже спит. А почему нет? Они приняли решение. Она скажет Уинни, что отказывается, и больше об этом никогда не заговорит. Решение принято, и сну ничто не мешает.

И все же Нора ничуть не удивилась, когда Чад повернулся к ней и произнес:

— Я никак не могу выкинуть это из головы.

Как и она сама.

— Знаешь, я бы могла на такое пойти. Ради нас. Если бы...

Их лица были так близко, что они чувствовали дыхание друг друга. Два часа ночи.

Самое время для заговорщиков, подумала она.

— Если бы что?

— Если бы не боялась, что это пятно отравит нам всю дальнейшую жизнь. Есть пятна, которые невозможно смыть.

— Это спорный вопрос, Нора. Мы приняли решение. Изобразишь завтра Сару Пэйлин и скажешь ему: спасибо, не надо. Нам не нужен этот мост в никуда. Я найду способ закончить книгу и без его безумной идеи с деньгами.

— Как? Когда снова останешься без работы? Сомневаюсь.

— Мы приняли решение. Он просто псих. И точка. Чад отвернулся.

Стало тихо. Слышалось только размеренное шарканье ног жившей над ними миссис Рестон, чью фотографию следовало поместить в энциклопедию для иллюстрации статьи «Бессонница». Где-то вдалеке, на южных окраинах Бруклина, выла сирена.

Через пятнадцать минут Чад произнес, обращаясь к тумбочке и часам с цифровым табло, показывавшим 2.17:

— К тому же нам придется ему поверить, а разве можно верить человеку, чье единственное желание в жизни — совершить грех?

— Но я ему верю, — ответила она. — А вот себе — нет. Спи, Чад. Тема закрыта.

— Ладно, — согласился он. — Как скажешь.

На часах было 2.26, когда она заговорила снова:

— Это можно было бы сделать. В этом я уверена. Я могла бы перекрасить волосы. Надеть шляпу. Само собой, темные очки. Значит, день должен быть ясным. И ну-жен путь отхода.

— Ты что, серьезно...

— Я не знаю. Двести тысяч *долларов*! За такую сумму мне придется работать почти три года, а после налогов и выплат ненасытным банкам почти ничего не останется. Нам ли это не знать!

Она немного помолчала, глядя в потолок, над которым миссис Рестон неспешно наматывала свои бесконечные мили.

— А *страховка*! — не выдержала она. — Ты знаешь, что у нас со страховкой? Ничего!

— У нас есть страховка.

— Ладно, *почти* ничего. А если ты попадешь под машину? Или у меня обнаружат кисту яичника?

— У нас хорошая страховка.

— Все так говорят, и все при этом знают, что тебя обязательно кинут, если дело дойдет до выплат. А с этим нам ничего бы не было страшно. Вот что не выходит у меня из головы. *Нам ничего бы... не было... страшно!*

— По сравнению с двумя сотнями тысяч, то, что я рассчитывал получить за книгу, кажется весьма скромной суммой. Так зачем вообще ее писать?

— Затем, что это разовое поступление. А книга была бы *чистой*.

— *Чистой?* Ты считаешь, что это сделает книгу *чистой*? — Он повернулся к ней лицом, чувствуя, что возбуждился. Может, у всего и *правда* есть сексуальная подоплека. По крайней мере, с их стороны сделки.

— Ты думаешь, мне удастся еще раз найти место, как у Уинни? — Она злилась, хотя и сама не понимала, на него или на себя. Но это ничего не меняло. — В декабре мне исполнится тридцать шесть. Ты пригласишь меня в ресторан, а через неделю я получу свой главный подарок — извещение о просрочке платежа за машину.

— Ты обвиняешь меня...

— Нет. Я даже не обвиняю систему, которая заставляет нас и нам подобных бежать изо всех сил, чтобы просто остаться на месте. От обвинений толку нет. И я сказала Уинни правду: я не верю в грех. Но и оказаться в тюрьме тоже не хочу. — Она чувствовала, что к глазам подступают слезы. — И я никому не хочу причинять боль. Тем более...

— Тебе и не придется.

Он начал поворачиваться, но она схватила его за плечо.

— Если бы мы это сделали — если бы я это сделала, — то мы могли бы никогда в жизни потом об этом не вспоминать. Ни единого раза.

— Согласен.

Она потянулась к нему. В браках сделки скрепляет не рукопожатие. Это знали они оба.

Часы показывали 2.58, и Чад уже погружался в сон, когда она снова заговорила:

— У кого-нибудь из твоих знакомых есть камера? Потому что он хочет...

— Есть у Чарли Грина.

Потом установилась тишина. Только миссис Рестон продолжала расхаживать над ними туда и обратно. В полудреме Норе представилась женщина в пижамных штанах с шагомером на поясе. Она продолжала бесконечную прогулку, накручивая новые и новые мили между собой и зарей.

Нора уснула.

Следующий день. Кабинет Уинни.

— Итак? — спросил он.

Мать Норы редко ходила в церковь, но сама она каждый год посещала Летнюю библейскую школу, и ей это нравилось. Там были игры, песенки и истории на фланелевой доске. Впервые за много лет ей вдруг вспомнилась одна из таких историй.

— Мне ведь не придется причинять сильную боль... ну, вы понимаете кому... чтобы получить деньги? — спросила она. — Я хочу сразу прояснить этот момент.

— Нет, но я рассчитываю увидеть кровь. Позвольте мне *прояснить* это. Я хочу, чтобы вы нанесли удар кулаком, и разбитой губы или носа будет вполне достаточно.

В той истории, рассказанной в лагере, учитель прикрепил к доске гору. Потом Иисуса и мужчину с рогами. Учитель рассказал, что дьявол забрал Иисуса на гору и показал ему оттуда все города на свете. *Ты можешь забрать из этих городов все, что пожелаешь*, сказал дьявол. *Все сокровища мира. А для этого нужно только склониться предо мной и поклоняться мне*. Но Иисус оказался крепким парнем. И сказал: *Иди прочь, Сатана*.

— Итак? — снова спросил Уинни.

— Грех, — задумчиво произнесла она. — Вот что у вас на уме.

— Грех ради самого греха. Намеренно спланированный и совершенный. Неужели эта идея вас не увлекает?

— Нет, — ответила она, глядя на хмурившиеся сверху книжные полки.

Уинни немного помолчал и спросил в третий раз:

— Итак?

— А если меня поймают, я все равно получу деньги?

— Если выполните то, что пообещали и, само собой, умолчав обо мне, то безусловно. Но даже если вас задержат, самое большее, что вам грозит, это условный срок.

— Плюс психиатрическая экспертиза по решению суда, — добавила Нора. — Что, возможно, мне не мешает, раз я вообще обсуждаю эту тему.

— Если ваша жизнь не изменится, дорогая, и все останется по-прежнему, — сказал Уинни, — то вам как минимум понадобятся услуги консультанта по семейным отношениям. Будучи священником, я часто разбирался в семейных конфликтах. И пусть не всегда, но в большинстве случаев именно нехватка денег являлась главной причиной возникновения семейных проблем. И нередко единственной.

— Спасибо, что поделились со мной опытом, Уинни. Он промолчал.

— Вы знаете, что у вас проблемы с головой?

Он продолжал молчать.

Нора снова посмотрела на книги. В основном они были о религии. Наконец она перевела взгляд на пастора.

— Если я это сделаю, а вы меня кинете, то сильно пожалеете.

Если жаргонное словечко его и покорило, он никак этого не показал.

— Я выполняю свое обязательство. Можете в этом не сомневаться.

— Ваша речь почти полностью восстановилась. Даже не шепелявите, разве что когда устаете.

Он пожал плечами:

— Вы просто привыкли к тому, как я говорю. Наверное, это все равно что научиться понимать чужой язык.

Она снова посмотрела на книги. Одна из них называлась «Проблемы добра и зла». Другая — «Основы морали». Она была толстой. Из гостиной доносилось тиканье старых настенных часов. Наконец он произнес:

— Итак?

— Неужели сам факт того, что вы все это рассказали мне, не является для вас достаточным грехом? Вы же подвергаете искушению нас обоих, и мы оба ему поддаемся. Неужели этого мало?

— Это грех только в мыслях и на словах. Он не удовлетворит моего любопытства.

Тиканье продолжалось.

— Если вы еще раз произнесете слово «итак», я уйду.

Он не стал ничего говорить и молча ждал. Она опустила взгляд на свои сцепленные руки. Ужаснее всего было то, что ее продолжало разбирать любопытство. Не относительно того, чего хотелось ему — это было известно, — а относительно того, чего хотелось ей самой.

Наконец она подняла глаза и дала ответ.

— Отлично, — сказал он.

После принятия решения ни Чад, ни Нора не хотели откладывать дело в долгий ящик — жить в ожидании было слишком мучительно. Они выбрали Форест-парк в Куинсе. Чад одолжил у Чарли Грина видеокамеру и научился ею пользоваться. Они дважды сходили в парк на разведку (в дождливые дни, когда там было практически безлюдно), и Чад заснял на пленку участок, который они выбрали для исполнения задуманного. В эти дни они много занимались сексом — нервным, страстным, упоительным, будто подростки на заднем сиденье автомобиля. Нора обнаружила, что почти все другие ее потребности в удовлетворении не нуждались. За десять дней между согласием и осуществлением своей части сделки она по-

теряла десять фунтов. Чад сказал, что она снова выглядит как студентка.

В один из солнечных октябрьских дней Чад припарковал их старенький «форд» на Мэртл-авеню. Нора сидела рядом. Она изменилась почти до неузнаваемости: перекрашенные в рыжий цвет волосы до плеч, длинная юбка и уродливая коричневая толстовка, темные очки и бейсболка. Нора казалась спокойной, но когда Чад потянулся к ней, резко отстранилась.

— Нора, ну что ты...

— У тебя есть деньги на такси?

— Да.

— А сумка, чтобы спрятать камеру?

— Да, конечно.

— Тогда дай мне ключи от машины. Увидимся дома.

— Ты уверена, что сможешь вести машину? Потому что реакция на такое...

— Со мной все будет в порядке. Дай мне ключи. Жди здесь пятнадцать минут. Если что-то пойдет не так... если мне просто *покажется*, будто что-то не так, я вернусь. Если не вернусь, иди к месту, которое мы выбрали. Ты помнишь, где оно?

— Конечно, помню!

Она улыбнулась — точнее, сверкнула зубами — и похвалила его:

— Молодец!

Затем Нора ушла.

Пятнадцать минут тянулись невыносимо долго, и Чаду пришлось проявить всю свою стойкость и выдержку. Мимо проносились на велосипедах подростки в защитных шлемах. Женщины, в основном парами, шли по своим делам — у многих в руках были хозяйственные сумки. Чад увидел пожилую женщину, с трудом переходившую улицу, и сначала принял ее за миссис Рестон, но когда та поравнялась с ним, понял, что ошибся. Она была намного старше соседки.

Когда пятнадцать минут были почти на исходе, ему вдруг пришло в голову — вполне разумная мысль, — что он может все прекратить, просто уехав. Второй ключ лежал под запаской. В парке Нора сначала будет искать его взглядом, а когда не найдет, возьмет такси и вернется в Бруклин. И, добравшись до дома, скажет ему спасибо. За то, что спас ее от себя самой.

А что потом? Он возьмет месячный отпуск. Никаких замен. Все силы бросит на то, чтобы закончить книгу. А там — как сложится.

Но вместо этого Чад вылез из машины и направился в парк с камерой Чарли Грина в руке. Бумажный пакет, в который он собирался спрятать камеру, лежал в кармане ветровки. Он трижды проверял, горит ли зеленый огонек питания. Будет просто ужасно, если после всех этих волнений вдруг выяснится, что он забыл включить камеру. Или снять с объектива крышку.

Он снова все проверил.

Нора сидела на скамейке. Увидев его, она смахнула прядь волос с левой щеки. Это был знак. Действуем как условились.

Позади нее располагалась детская площадка с качелями, каруселями, лошадками на пружинах и прочими аттракционами. В этот час там играли всего несколько детей. Их мамы, собравшись вместе на дальней стороне площадки, болтали и смеялись, не обращая на ребятишек особого внимания.

Нора поднялась со скамейки.

Двести тысяч долларов, подумал он, прильнув глазом к окуляру. Теперь он был совершенно спокоен.

Чад заснял все на пленку, как настоящий профессионал.

II

Оказавшись у своего дома, Чад буквально взлетел по лестнице на их этаж. Он не сомневался, что Норы в квартире нет. Он видел, как она убегала с площадки со всех

ног, а мамыши на нее даже не смотрели — все они столпились вокруг малыша лет четырех, которого она выбрала. Но он был уверен, что дома ее не будет, а ему позвонят из полиции и сообщат о ее задержании, сообщат, что она во всем призналась и рассказала о нем. Мало того, Уинни она тоже выдала, так что все напрасно.

Его руки так дрожали, что он никак не мог попасть ключом в замочную скважину — ключ лишь позвякивал, стуча по замку, отказываясь пролезать в щель. Чад наклонился положить на пол пакет (уже сильно помятый) с видеокамерой, чтобы освободить левую руку и придержать ею правую, когда дверь вдруг открылась.

Теперь на Норе были обрезанные джинсы и топик, которые раньше скрывались под длинной юбкой и толстовкой. По плану она должна была скинуть юбку и толстовку в машине и только потом уехать. Нора заверила, что может это проделать в мгновение ока, и, похоже, не хвасталась.

Он схватил ее и привлек к себе так резко, что они ударились друг о друга — такие объятия вряд ли можно было назвать романтическими.

Мгновение спустя Нора отстранилась и сказала:

— Пойдем в квартиру.

Едва за ними закрылась дверь, она спросила:

— Ты снял? Скажи, что да. Я здесь уже почти полчаса, мечусь, точно миссис Рестон, и чуть с ума не сошла.

— Я тоже жутко переживал. — Он убрал волосы с пылающего лба. — Норри, мне было страшно *до смерти*.

Она забрала у него из рук пакет, заглянула внутрь, а потом перевела взгляд на него. Ее голубые глаза сверкали.

— Скажи мне, что все получилось.

— Да. Думаю, да. Наверняка. Я еще не проверял.

Глаза Норы снова сверкнули. Он даже подумал: *Осторожно, Нора, а то зрачки вспыхнут*.

— Надеюсь, что так. Очень надеюсь. Все это время я тут расхаживала взад-вперед или сидела в туалете. Живот то и дело схватывает.

Она подошла к окну и выглянула на улицу. Он тоже посмотрел туда, испугавшись, что ей известно что-то, о чем он пока не знает. Но на улице были только обычные прохожие, спешившие по своим делам.

Она снова повернулась к нему и на этот раз схватила его за руки. Ее ладони были ледяными.

— С ним все в порядке? С малышом? Ты видел, как он?

— С ним все в порядке, — заверил Чад.

— Это правда? — Она сорвалась на крик. — Скажи мне правду! *С ним все в порядке?*

— Говорю же, да! Он поднялся еще до того, как к нему подскочили мамыши. Орал как резаный, но в его возрасте мне пришлось куда хуже, когда по затылку заехали качелями. Меня тогда отвезли в больницу и наложили пять...

— Я ударила его гораздо сильнее, чем намеревалась. Я боялась, что если смягчу удар... если Уинни заметит, что я бью не со всей силы... он не заплатит. И *адреналин*... Господи! Это просто чудо, что я не снесла несчастному малышу голову! Как я могла на такое пойти? — Но она не плакала и на ее лице не было раскаяния. На нем была ярость. — Как ты мог мне *позволить*?!

— Я вовсе...

— Ты уверен, что с ним все в порядке? Ты правда видел, что он поднялся? Потому что я ударила его куда сильнее, чем... — Она отшатнулась от него и, подойдя к стене, стукнулась об нее лбом. Потом повернулась. — Я пришла на детскую площадку и ударила кулаком в лицо четырехлетнего малыша! *За деньги!*

Вдруг его осенило.

— Мне кажется, это есть на пленке. В смысле, как он встает. Посмотри сама.

Она рванулась к нему.

— Покажи! Я хочу видеть!

Чад нашел соединительный провод, который дал ему Чарли. Немного повозившись, прокрутил запись по телевизору. Перед тем как выключить камеру и уйти, он действительно записал, как мальчик поднимается на ноги.

Вид у малыша был ошеломленный, и он, конечно, плакал, но по виду ничего ужасного с ним не случилось. Губы обильно кровоточили, а нос — совсем немного. Чад подумал, что нос он, наверное, разбил при падении.

Не хуже самого заурядного происшествия на игровой площадке. Таких каждый день случаются тысячи.

— Убедилась? — спросил он.

— Прокрути еще раз.

Он прокрутил. Потом она попросила его поставить пленку в третий раз, в четвертый, в пятый, и он повиновался. Он вдруг обратил внимание, что она уже не смотрит, как мальчик поднимается. И он тоже смотрит не на это. Они оба смотрели, как он падает. И как получает удар. От сумасшедшей рыжей стервы в темных очках. Которая подошла, сделала свое дело и тут же смылась.

— Мне кажется, я выбила ему зуб, — сказала она.

Он пожал плечами.

— Хорошая новость для зубной феи.

После пятого просмотра она сказала:

— Я хочу перекрасить волосы. Ненавижу рыжий.

— Ладно.

— Но сначала мы идем в спальню. И ничего не говори. Просто сделай.

— Ну же! Сильнее! Еще! — просила она, обхватив его ногами за талию, сотрясаясь так, словно хотела его сбросить. Ей никак не удавалось кончить. — Ударь меня! — крикнула она.

Он залепил ей пощечину. Не раздумывая.

— Сильнее! Сильнее, мать твою!

Он ударил сильнее. Ее нижняя губа треснула. Она провела по ней пальцами, почувствовала кровь и наконец кончила.

— Покажите, — попросил Уинни на следующий день. Они были в его кабинете.

— Сначала покажите мне деньги. — Знаменитая фраза. Но откуда, она не могла вспомнить.

— После того, как я увижу запись.

Камера по-прежнему лежала в мятом бумажном пакете. Она достала ее вместе со шнуром. У него в кабинете имелся маленький телевизор, и она присоединила к нему провод. Потом нажала клавишу воспроизведения, и на экране появилась женщина в бейсболке, сидевшая на скамейке в парке. Позади нее на площадке играли дети. Еще дальше стояли их матери, занятые обычными женскими разговорами: уход за телом, спектакли, которые они видели или собирались посмотреть, новая машина, очередной отпуск. И тому подобное.

Женщина на скамейке встала. Камера рывками «наехала» на нее.

В этот момент Нора нажала кнопку «Пауза». Эту мысль подал Чад, и она с ним согласилась. Уинни она верила, но подстраховаться было не лишним.

— Я хочу увидеть деньги.

Уинни достал ключ из кармана шерстяного кардигана. Отпер центральный ящик стола — для этого ему пришлось переложить ключ из частично парализованной правой руки в левую.

Деньги лежали не в конверте, а в средних размеров коробке для почтовых отправлений. Нора заглянула внутрь и увидела перетянутые резинками пачки сотенных банкнот.

— Тут все, и даже больше, — сказал он.

— Хорошо. А теперь смотрите, за что заплатили. Просто нажмите клавишу воспроизведения. Я подожду на кухне.

— А вы не хотите посмотреть со мной?

— Нет.

— Нора! Похоже, у вас тоже случилась маленькая неприятность? — Он постучал по уголку рта с той стороны лица, что до сих пор немного обвисала.

Неужели ей раньше казалось, что он похож на овцу? Надо же быть такой дурехой. Впрочем, на волка он тоже не похож. Скорее на нечто среднее. Может, на пса. Из тех, что тяпнут и тут же бросаются наутек.

— Случайно налетела на дверь, — сказала она.

— Понятно.

— Ладно, я посмотрю вместе с вами, — согласилась она и села рядом. Сама нажала кнопку.

Они просмотрели запись дважды, в полном молчании. Она длилась около тридцати секунд. Примерно по шесть тысяч шестьсот долларов за секунду. Нора подсчитала, когда смотрела пленку вместе с Чадом.

После второго раза он остановил просмотр. Она показала, как вынимается маленькая кассета.

— Она ваша. А камеру надо вернуть владельцу, который одолжил ее моему мужу.

— Я понимаю. — Его глаза блестели. Похоже, он действительно получил то, за что заплатил. То, чего хотел. Немыслимо. — Я попрошу миссис Грейнджер купить мне другую для последующих просмотров. А может, эту услугу окажете мне вы?

— Нет, не окажу. Больше вы меня не увидите.

— Ясно. — Он не удивился. — Хорошо. Но позвольте дать вам совет... возможно, вам имеет смысл найти другую работу. Чтобы никого не удивляло, откуда у вас деньги на оплату счетов. Говорю об этом ради вашего же блага, дорогая.

— Не сомневаюсь. — Она отсоединила шнур и убрала в пакет с камерой.

— И я бы не торопился с отъездом в Вермонт.

— Мне не нужны ваши советы. Я чувствую себя грязной, и виноваты в этом вы.

— Наверное, так и есть. Но вас никогда не поймают, и никто ни о чем не узнает. — Правая сторона его рта оставалась неподвижной, а левая чуть приподнялась, видимо, в улыбке, отчего рот под крупным крючковатым носом изогнулся буквой S. Его речь в тот день была уди-

вительно четкой. Она это запомнит и не раз потом будет удивляться. Как будто то, что он называл грехом, на деле оказалось лекарством. — И... скажите, Нора, неужели чувствовать себя грязной так уж плохо?

Она не знала, что на это ответить. Что, по сути, и было ответом.

— Я спрашиваю потому, — пояснил он, — что, когда вы прокручивали пленку второй раз, я смотрел не на экран, а на вас.

Она взяла пакет с видеокамерой Чарли Грина и направилась к двери.

— Всего доброго, Уинни. В следующий раз наймите и настоящего физиотерапевта, и сиделку. На деньги, оставленные вашим отцом, вы можете себе это позволить. И присмотрите за пленкой. Ради нашего общего блага.

— По этой записи вас невозможно опознать, дорогая. Но даже если бы и можно было, кому это надо? — Он пожал плечами. — В конце концов, на ней же заснято не изнасилование или убийство.

Она задержалась в дверях — ей хотелось уйти, но ее по-прежнему разбирало любопытство.

— Уинни, а как вы собираетесь уладить случившееся со своим Богом?

Он хмыкнул:

— Если уж это удалось такому грешнику, как Симон, впоследствии ставшему Петром, и он даже основал Римско-католическую церковь, то со мной, надеюсь, все будет в порядке.

— Это так, но разве святой Петр сохранял запись, чтобы смотреть холодными зимними вечерами?

Он не нашелся что ответить, и Нора поспешно ушла. Эта победа была маленькой, но очень приятной.

Через неделю он позвонил ей домой и пригласил продолжить у него работу, по крайней мере, до их с Чадом отъезда в Вермонт.

— Я скупаю по вашему обществу, Нора.

Она промолчала.

Он продолжил, уже тише:

— Мы могли бы вместе смотреть эту пленку. Разве вам не хочется? Неужели не хочется посмотреть ее снова, хоть разок?

— Нет, — ответила она и повесила трубку. Двинулась на кухню, чтобы приготовить чай, но внезапно почувствовала тошноту. Присела в углу гостиной и, обхватив колени, уперлась в них лбом. Она ждала, когда приступ тошноты пройдет. И он прошел.

Нора устроилась сиделкой к миссис Рестон. Работала она всего двадцать часов в неделю и получала несравненно меньше, чем у преподобного Уинстона, но проблем с деньгами теперь не было, а с пациенткой их разделял всего один лестничный пролет. По счастью, миссис Рестон, страдавшая от диабета и некоторых проблем с сердцем, оказалась милой пустышкой. Правда, иногда, особенно во время ее бесконечных рассказов о покойном муже, у Норы так и чесалась рука залепить ей пощечину.

Чад по-прежнему числился в списках подменяющих учителей, но на замену стал соглашаться гораздо реже. Каждый уик-энд он посвящал шесть освободившихся часов работе над «Жизнью вне цивилизации», и рукопись начала обрастать новыми страницами.

Пару раз он спрашивал себя, не стал ли писать хуже — менее живо, — чем до того дня с видеокамерой, но решил, что этот вопрос вызвали ложные предрассудки о неотвратимости расплаты, которые ему в детстве вбили в голову. Совсем как кусочки попкорна, что застревают в зубах.

Через двенадцать дней после случившегося в парке к ним в квартиру постучали. Нора открыла дверь и увидела полицейского.

— Да?

— Вы Нора Каллахэн?

Она спокойно подумала: *Я во всем признаюсь, а когда власти поступят со мной так, как сочтут нужным, от-*

правлюсь к матери мальчика, подставляю лицо и скажу: «Ударьте меня со всей силы, мамаша. Нам обоим станет легче».

— Да, миссис Каллахэн — это я.

— Мэм, я здесь по просьбе отделения Уолтера Уитмена Бруклинской публичной библиотеки. У вас есть четыре книги, которые вы должны были вернуть почти два месяца назад, и одна из них весьма ценная. Кажется, книга по искусству. Ограниченный тираж.

Она вытаращила глаза, потом расхохоталась:

— Так вы *библиотечный* полицейский?

Он попытался сохранить серьезное выражение лица, но не выдержал и тоже засмеялся:

— Сегодня, наверное, да. Значит, у вас есть эти книги?

— Есть. Я совсем про них забыла. Вы не проводите женщину до библиотеки, полисмен... — она посмотрела на жетон с фамилией, — Абромович?

— Сочту за честь. И не забудьте чековую книжку.

— Возможно, там примут мою «Визу».

— Наверняка, — улыбнулся он.

Той же ночью в постели.

— Ударь меня! — Как будто они не занимались любовью, а участвовали в ночном кошмаре с избиением.

— Нет.

Она сидела на нем верхом, что делало его легкой мишенью. Звук пощечины был похож на хлопок пневматического ружья.

— Ударь меня! Ударь...

Чад не думая нанес ответный удар. Она залилась слезами, но он чувствовал, как возбуждается под тяжестью ее тела. Отлично!

— А теперь возьми меня.

Он взял. На улице завывала автомобильная сигнализация.

Они отправились в Вермонт в январе. Поехали на поезде. В Вермонте было очень красиво. Примерно в два-

дцати милях от Монпелье был дом, который понравился им обоим. Он оказался лишь третьим из тех, что они рассмотрели.

Агента по недвижимости звали Джоди Эндерс. Она была милой, но синяк вокруг правого глаза Норы постоянно притягивал ее взгляд. Наконец Нора сказала со смущенной улыбкой:

— Я поскользнулась на льду, когда садилась в такси. Видели бы вы меня на прошлой неделе. Хотя прямоком на плакат про домашнее насилие.

— Почти ничего не заметно, — заверила Джоди Эндерс и робко добавила: — Вы очень красивая.

Чад обнял Нору за плечи.

— Я тоже так считаю.

— А чем вы зарабатываете на жизнь, мистер Каллахэн?

— Я писатель, — ответил он.

Они заплатили первый взнос за дом. В кредитном договоре Нора отметила галочкой пункт «ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ — ВЛАДЕЛЕЦ». В разделе «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ» просто написала: «Сбережения».

В один из февральских дней, когда они готовились к переезду, Чад отправился на Манхэттен, чтобы посмотреть новый фильм и пообедать со своим агентом. Полицейский Абромович оставил Норе свою визитку. Она позвонила ему. Он пришел, и они перепихнулись в практически пустой спальне. Секс был хорошим, но мог бы быть еще лучше, согласись он ударить ее. Она просила, но он отказался.

— У тебя с головой все в порядке? — поинтересовался он тоном, которым обычно дают понять: *Это шутка, но не только*.

— Не знаю, — ответила Нора. — Я в процессе выяснения.

Их отъезд в Вермонт был запланирован на 29 февраля. За день до этого — в последний день февраля обычного

года — в квартире раздался телефонный звонок. Звонила миссис Грейнджер, экономка почетного пастора Уинстона. Она старалась говорить как можно тише, и Нора сразу подумала: *Что ты сделал с пленкой, ублюдок?*

— В некрологе будет сказано, что от почечной недостаточности, — сообщила миссис Грейнджер тихим, замогильным голосом. — Но я была в его ванной. Все пузырьки с лекарствами вытащены, а таблеток осталось слишком мало. Я думаю, он покончил с собой.

— Вряд ли, — возразила Нора. Она говорила самым спокойным, уверенным и знающим тоном медсестры, на который только была способна. — Наверное, он просто потерял счет принятым препаратам. Не исключено, что у него случился еще один удар. Небольшой.

— Вы правда так думаете?

— Ну конечно! — Нора с трудом удержалась, чтобы не спросить у миссис Грейнджер, не попадалась ли той на глаза новенькая видеокамера. Скорее всего, подключенная к телевизору. Спрашивать об этом было бы настоящим безумием. И все-таки она чуть не спросила.

— У меня прямо камень с души свалился, — сказала миссис Грейнджер.

— Вот и отлично, — ответила Нора.

Ночью в постели. Их последняя ночь в Бруклине.

— Тебе надо перестать волноваться, — сказал Чад. — Если кто-то и найдет ту пленку, то, возможно, даже не станет ее смотреть. А если и просмотрит, шансы, что тебя с ней свяжут, просто мизерные. Кроме того, малыш наверняка уже и думать забыл об этом. И его мать тоже.

— Мать была там, когда безумная тетка напала на ее сына, а потом убежала, — возразила Нора. — Уж поверь, она никогда этого не забудет.

— Пусть так, — примирительно отозвался он, отчего ей ужасно захотелось заехать ему коленкой по яйцам.

— Может, мне стоит съездить туда и помочь миссис Грейнджер навести в доме порядок?

Он посмотрел на Нору, как на сумасшедшую, и повернулся к ней спиной.

— Не надо, — сказала она. — Ну же, Чад, давай.

— Нет, — отказался он.

— Что значит — нет? Почему?

— Потому что я знаю, о чем ты думаешь, когда мы этим занимаемся.

Она наотмашь ударила его по шее. Удар получился сильным.

— Ни хрена ты не знаешь!

Он развернулся и занес кулак.

— Прекрати, Нора!

— Ну же, давай! — сказала она, подставляя лицо. — Тебе же самому хочется!

Он с трудом сдержался. Она видела, как исказилось его лицо. Затем Чад опустил руку и разжал пальцы.

— С этим покончено.

Она промолчала, но подумала: *Это ты так считаешь.*

Она лежала с открытыми глазами, глядя на часы. До **01.41** она думала: *Наш брак под угрозой.* А когда на табло появились цифры **01.42**, решила: *Нет, не так. Нашему браку пришел конец.*

Но все продлилось еще семь месяцев.

Нора никогда не питала иллюзий насчет того, что след, оставленный в ее жизни преподобным Джорджем Уинстоном, когда-нибудь сотрется, однако хлопоты по приведению нового дома в порядок (она хотела разбить сад с цветами и устроить огород) иногда так отвлекали, что мысли об Уинни не посещали ее целый день. Избиения в постели прекратились. Почти.

Но однажды в апреле она получила от Уинни открытку. Это был настоящий шок. Открытку доставили в стандартном почтовом конверте, потому что на самой открытке уже не осталось места для почтовых отметок. Их ставили в разных штатах, включая Бруклин, штат Мэн,

и Монпелье в Айдахо и Индиане. Нора понятия не имела, почему не получила эту открытку до их с Чадом отъезда из Нью-Йорка, а учитывая, какой путь ей пришлось проделать, сам факт, что она все-таки нашла адресата, был настоящим чудом. Уинни отправил ее за день до своей смерти. Нора даже проверила по Интернету дату его кончины, чтобы узнать наверняка.

Может, все-таки Фрейд был в чем-то прав, написал преподобный. Как вы?

Хорошо, подумала Нора. У меня все хорошо.

На кухне их нового дома имелаась дровяная печь. Она скомкала открытку, бросила в топку и поднесла спичку. *Туда ей и дорога!*

Чад закончил «Жизнь вне цивилизации» в июле, написав последние пятьдесят страниц за рекордные девять дней. Он отправил рукопись агенту. Последовал обмен электронными письмами и телефонными звонками. По словам Чада, Ринглинг оценивал шансы книги на успех весьма высоко. Если это и так, подумала Нора, то похвалы он, должно быть, расточал по телефону. В двух электронных письмах, которые она видела, высказывался лишь сдержанный оптимизм.

В августе по просьбе Ринглинга Чад кое-что переписал. Он не особенно распространялся на эту тему, что свидетельствовало о неприятностях. Но рук он не опускал. Однако Норе было не до того. Она занималась своим садом.

В сентябре Чад настоял на поездке в Нью-Йорк и нервно расхаживал по офису агента, пока тот звонил семи издателям, которым отослал рукопись, в надежде, что кто-то пожелает встретиться с автором. Нора сначала хотела отправиться в бар в Монпелье и кого-нибудь там подцепить, чтобы провести вместе время в мотеле. Но потом передумала, решив, что овчинка не стоит выделки. И продолжила заниматься садом.

Как выяснилось, не напрасно. Чад прилетел обратно в тот же вечер, а не остался в Нью-Йорке на ночь, как со-

бирался. Он был пьян и пытался делать вид, что ужасно доволен. Один известный издатель согласился взять книгу. Он назвал его имя. Она никогда не слышала о нем раньше.

— И сколько заплатят? — спросила она.

— Разве это важно, малышка? — Он называл ее «малышкой», только когда был пьян. У него заплетался язык. — Им нравится моя книга, и это главное. — *Навица*. Чад под мухой и Уинни в первые месяцы после инсульта выговаривали слова очень похоже.

— Так сколько?

— Сорок тысяч баксов. — *Сок тыщ*.

Она рассмеялась.

— Да я заработала столько же, пройдя от скамейки до детской площадки. Я сосчитала, когда мы в первый раз смотрели...

Она не видела, как он ее ударил, и даже не сразу почувствовала. В голове что-то хрустнуло, и все. А затем она оказалась на полу кухни и дышала ртом. Дышать по-другому она не могла. Он сломал ей нос.

— Ах ты, сука! — сказал он и заплакал.

Нора села. Перед глазами все плыло, но постепенно зрение восстановилось. По полу растекалась лужа крови. Нора испытывала шок и боль, ей было стыдно и почему-то весело.

Такого я не ожидала, подумала она.

— Все правильно, свали вину на меня. — Ее голос звучал глухо и насмешливо. — Свали вину на меня, а потом поплачь.

Он наклонил голову, будто не расслышал — или не поверил своим ушам, — затем сжал кулак и размахнулся.

Она подняла лицо со свернутым набок носом. С подбородка капала кровь.

— Давай, — подбодрила она. — Ты способен только на это, да и то получается не очень.

— Со сколькими ты спала с того дня? Признавайся!

— Не спала ни с кем, а трахнула дюжину. — Это была неправда. На самом деле их было всего двое — полицей-

ский и электрик, который как-то заходил, когда Чад ездил в город. — Действуй, Макдуф!

Но он разжал кулак и опустил руку.

— Если бы не ты, с книгой все было бы в порядке. — Чад потряс головой, словно хотел, чтобы она прояснилась. — Не совсем так, но ты понимаешь, о чем я.

— Ты пьян.

— Я с тобой разведусь и напишу новую. Лучше.

— Мечтать не вредно.

— Вот увидишь, — произнес он жалобно, будто маленький мальчик, которому только что досталось от сверстников. — Вот увидишь.

— Ты пьян. Иди проспись.

— Какая же ты сука!

Облегчив душу таким заключением, он медленно побрел в спальню, низко опустив голову. Он даже *шел* точно так же, как Уинни после инсульта.

Нора поразмышляла, не стоит ли обратиться с носом в пункт неотложной помощи, но слишком устала, чтобы придумать хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение, как так получилось. Будучи опытной медсестрой, она понимала, что там докопаются до правды. Персонал службы экстренной медицинской помощи всегда до нее докапывался.

Она заткнула нос ватой и выпила две таблетки тайленола с кодеином. Затем вышла в сад и занималась прополкой, пока не стемнело. Когда она вернулась в дом, Чад храпел на кровати. Он снял рубашку, но остался в брюках. Она подумала, что он похож на дебила. При этой мысли у нее на глаза навернулись слезы, но она сдержалась.

Он оставил ее и вернулся в Нью-Йорк. Иногда писал ей по электронной почте, и иногда она ему отвечала. Он не просил половины оставшихся денег, что было хорошо. Она бы ему их не отдала. Она заработала эти деньги, а теперь занималась *ими*, пополняя вклад в банке небольшими порциями и выплачивая ссуду за дом. Он сообщал, что

снова подрабатывает заменами, а по выходным пишет книгу. Насчет замен она ему верила, насчет книги — нет. В его письмах ощущались вялость и апатия, что вряд ли совместимо с творчеством. К тому же она всегда считала, что больше одной книги ему не осилить.

Разводом она занималась сама. Все необходимое она выяснила с помощью Интернета. Ему нужно было подписать высланные ею бумаги, что он и сделал. Бумаги с его подписью вернулись без всякой сопроводительной записки.

В один из дней следующего лета — оно выдалось чудесным; она работала на полной ставке в местной больнице, а ее сад утопал в буйной зелени — она копалась в букинистическом магазине и наткнулась на книгу «Основы морали», которую видела в кабинете Уинни. Книга была довольно потертой, и она приобрела ее за два доллара плюс налог.

Она читала ее до конца лета и почти всю осень и прочитала от корки до корки. Книга ее разочаровала. Там не было почти ничего нового.

Посвящается Джиму Спраузу

Загробная жизнь

Полагаю, с возрастом большинство людей начинают все чаще задумываться о том, что их ждет по ту сторону, а поскольку мне уже давно за шестьдесят, я тоже об этом думаю. Эта тема затрагивалась в некоторых моих рассказах и как минимум одном романе («Возрождение»). Я не могу сказать рассматривалась, поскольку рассмотрение предполагает, что будут сделаны некие выводы, а ничьим заключениям в данном вопросе мы доверять не можем. Еще никто не посылал из царства смерти видеоролик с мобильного телефона. Понятно, что есть вера (и море книг о том, что «небеса существуют»), но она не нуждается в доказательствах по определению.

По сути, все сводится к двум возможным вариантам. Либо там ЧТО-ТО ЕСТЬ, либо там НИЧЕГО НЕТ. При втором варианте вопрос снимается сам собой, и обсуждать тут нечего. А при первом открывается поистине безграничный простор для фантазии, и хит-парад загробной жизни возглавляют небеса, преисподняя, чистилище и реинкарнация. А может, вы получите то, во что всегда верили. Не исключено, что мозг оснащен некоей встроенной программой, которая запускается, когда все остальное выключается, и мы готовы сесть на этот последний поезд. Для меня рассказы переживших клиническую смерть являются тому подтверждением.

Мне бы хотелось — как мне кажется — иметь возможность прожить жизнь еще раз, будто в фильме с эффектом присутствия, чтобы снова испытать

радость от хороших событий вроде женитьбы и нашем решении завести третьего ребенка. Конечно, мне пришлось бы пройти и через неприятные моменты (а их у меня тоже хватало), но разве они стоят того, чтобы отказаться еще раз испытать восторг, охвативший меня при первом настоящем поцелуе, или упустить возможность не нервничать и действительно насладиться свадебной церемонией, которая прошла как в тумане?

Эта история — не о таком повторении, вернее, не совсем о нем, но размышления на эту тему подтолкнули меня к написанию рассказа о загробной жизни одного человека. Жанр фэнтези позволяет говорить о вещах, невозможных в литературе, описывающей реальную жизнь, что делает этот жанр не просто нужным, а жизненно необходимым.

23 сентября 2012 года Уильям Эндрюс, инвестиционный банкир из «Голдман Сакс», умирает во второй половине дня. Эта кончина не является неожиданной — жена и взрослые дети находятся у его постели. В тот вечер, оставшись наконец в одиночестве после нескончаемого потока соболезнующих родственников и знакомых, Линн Эндрюс звонит своей старинной подруге, продолжающей жить в Милуоки. Ее зовут Салли Фриман, это она познакомила их с Биллом, и кто, если не Салли, заслуживает узнать о последней минуте их тридцатилетнего брака?

— Почти всю неделю из-за лекарств он находился в забытии, но в конце пришел в сознание. Он открыл глаза и увидел меня. И улыбнулся. Я взяла его за руку, и он слегка ее сжал. Я наклонилась и поцеловала его в щеку. А когда выпрямилась, он уже отошел. — Она ждала возможности поделиться этим несколько часов, и теперь, когда все рассказала, расплакалась.

Предположение, что улыбка предназначалась именно ей, было вполне естественным, но она ошибалась. Билл смотрит на жену и трех взрослых детей — они кажутся ему ужасно высокими, обладающими нечеловечески хорошим здоровьем существами, что населяют мир, который он сейчас покидает, — и чувствует, как уходит боль, не перестававшая мучить его последние полтора года. Выливается, будто помой из ведра. И он улыбается.

С уходом боли в теле мало что осталось. Билл чувствует себя легким как пушинка. Жена берет его за руку, тянется к нему из своего заоблачного здорового мира. Оставшиеся силы он расходует на то, чтобы сжать ее пальцы. Она наклоняется. И собирается его поцеловать.

Но прежде чем она успевает коснуться губами его щеки, у него перед глазами возникает дыра. Она не черная, а белая. Дыра расширяется и поглощает тот единственный мир, который он знал с 1956 года, с появления на свет в маленькой больнице округа Хемингфорд, штат Небраска. В последний год Билл много читал о переходе от жизни к смерти (он делал это на своем компьютере и всегда тщательно удалял историю посещений сайтов, чтобы не расстраивать Линн, стойко излучавшую неуывдаемый оптимизм). Хотя большинство прочитанного показалось ему полной чушью, но так называемый феномен «белого света» представлялся вполне правдоподобным. С одной стороны, о нем сообщалось во всех культурах. С другой — возможность такого явления допускалась наукой. Согласно одной теории, белый свет мог являться результатом внезапного прекращения подачи крови к мозгу. Более изящная теория утверждала, что мозг выполняет последнее глобальное сканирование, пытаясь извлечь из памяти опыт, сопоставимый с умиранием.

А может, это не что иное, как прощальный фейерверк.

Как бы то ни было, Билл Эндрюс сейчас наблюдает как раз такое явление. Белый свет поглощает родных и просторную комнату, из которой служащие морга вскоре увезут его бездыханное тело, накрытое простыней. В своих изысканиях он узнал про аббревиатуру ПВ, означавшую «предсмертные видения». Во многих случаях оклосмертных переживаний белый свет превращается в тоннель, в конце которого умирающего ждут уже усопшие родственники или друзья, а может, ангелы, или Иисус, или еще какое-нибудь благодетельное божество.

Билл не рассчитывает на торжественный прием. Он ждет, что прощальный фейерверк растворится в темноте

забвения, но этого не происходит. Когда яркий свет тускнеет, он не оказывается ни в раю, ни в преисподней. Он в прихожей. Наверное, ее вполне можно было бы принять за чистилище, окажись она бесконечной; стены окрашены в казенный зеленый цвет, а пол покрыт старой истертой плиткой. Прихожая упирается в дверь с табличкой «АЙЗЕК ХАРРИС, УПРАВЛЯЮЩИЙ», и до этой двери всего двадцать футов.

Какое-то время Билл стоит и оглядывает себя. На нем пижама, в которой он умер (по крайней мере, он полагает, что умер), и он босиком, но никаких последствий рака, который сначала попробовал его тело на вкус, а потом оставил только кожу да кости, нет и в помине. Он видит, что снова весит порядка ста двадцати фунтов — его оптимальная форма (понятно, что с небольшим животиком), — как до болезни. Он ощупывает свои ягодицы и поясницу. Никаких пролежней. Замечательно. Он делает глубокий вдох и выдыхает без кашля. Просто отлично!

Билл идет по прихожей. Слева висит огнетушитель с необычной надписью: «Лучше поздно, чем никогда!» Справа — доска объявлений. К ней приколоты старые фотографии с неровными краями. Над ними крупными буквами выведено от руки: «КОРПОРАТИВНЫЙ ПРАЗДНИК 1956 ГОДА! ОТЛИЧНО ОТДОХНУЛИ!»

Билл разглядывает фотографии, на которых изображены начальники, секретарши, рядовые сотрудники и стайка веселящихся детей. Какие-то парни следят за барбекю (на одном из них красуется непременный поварской колпак), молодежь обоих полов играет в «подковки» и волейбол, купается в озере. На мужчинах — плавки, которые спустя полвека выглядят почти неприлично короткими и тесными, но почти все мужчины подтянуты, и лишь у нескольких есть животик. *В пятидесятых было модно держать себя в форме*, думает Билл. На девушках — старомодные цельные купальники с бретельками а-ля Эстер Уильямс, в которых женщины выглядят так, будто вместо ягодиц у них между спиной и бедрами есть просто

выпуклость. Отдыхающие едят хот-доги. Пьют пиво. Похоже, все и правда веселятся по полной.

На одной фотографии отец Ричи Блэнкмора вручает Эннмари Уинклер поджаренное маршмеллоу. Но это просто невозможно, потому что отец Ричи работал водителем грузовика и в жизни не посещал корпоративных праздников. Эннмари была девушкой Билла в колледже. На другом снимке он видит Бобби Тисдейла — они учились в одной группе в колледже в начале семидесятых. Бобби, который любил называть себя «Умником Тизом», умер от сердечного приступа, не дожив до сорока. Скорее всего, к 1956 году он уже родился на свет, но ходил в детский сад или учился в первом классе — и никак не мог пить пиво на берегу какого-то там озера. На фото Умнику на вид лет двадцать, то есть столько же, сколько было в колледже, когда он учился с Биллом. На третьей фотографии мама Эдди Скарпони играет в волейбол. Эдди стал лучшим другом Билла, когда его семья переехала из Небраски в Парамус, штат Нью-Джерси, а Джина Скарпони — однажды он увидел, как она загорает во внутреннем дворике своего дома в одних белых просвечивающих трусиках — стала одной из любимых фантазий Билла на этапе осваивания мастурбации.

Парень в поварском колпаке — Рональд Рейган.

Билл пристально вглядывается в черно-белую фотографию, почти касаясь ее носом, — и последние сомнения исчезают. Сороковой президент Соединенных Штатов переворачивает гамбургеры на корпоративном пикнике.

Что же это за фирма?

И куда он попал?

Эйфория, охватившая его, когда он понял, что снова здоров и не чувствует боли, постепенно улетучивается. И уступает место растущему чувству тревоги. То, что на фотографиях есть знакомые лица, сбивает с толку, а то, что большинства присутствующих он не знает, лишь усиливает смутнение. Он оборачивается и видит ступеньки, ведущие к еще одной двери. На ней большими красными

буквами выведено слово «ЗАПЕРТО». Значит, остается только кабинет мистера Харриса. Он шагает к нему и, чуть помедлив, стучит.

— Открыто.

Билл входит. Возле стола, заваленного бумагами, стоит мужчина в мешковатых брюках на подтяжках. Прилизанные каштановые волосы расчесаны на прямой пробор. На носу — очки без оправы. Стены увешаны транспортными накладными и старыми вырезками со смазливymi красотками — Билл невольно вспоминает об автотранспортной компании, в которой трудился отец Ричи Блэнкмора. Билл заходил туда пару раз с Ричи, и диспетчерская там выглядела точно так же.

Судя по календарю на стене, сейчас март 1911 года — ничуть не лучше 1956-го. По обе стороны от входа есть по одной двери. Окон нет, но с потолка свисает стеклянная трубка, под которой стоит бельевая корзина. Корзина заполнена желтыми листками, похожими на счета. А может, это памятки. Перед письменным столом — стул, на котором возвышается стопка папок.

— Билл Андерсон, если не ошибаюсь? — Мужчина проходит за стол и садится. Руки он не протягивает.

— Эндрюс.

— Ну да. А я — Харрис. Вот мы и встретились снова, Эндрюс.

Учитывая исследования Билла на предмет смерти, в этих словах кроется смысл. Он чувствует облегчение. Если, конечно, его не ждет превращение в навозного жука.

— Так это реинкарнация? В этом все дело?

Айзек Харрис вздыхает.

— Вы все время задаете этот вопрос, и я все время отвечаю: не совсем.

— Но я умер?

— Вы чувствуете себя мертвым?

— Нет, но я видел белый свет.

— Ах да, знаменитый белый свет. Вы были там, а теперь вы здесь. Одну минутку.

Харрис копается в бумагах на столе, не находит нужной и начинает искать в ящиках. Вытаскивает несколько папок и выбирает одну. Открывает, просматривает пару страниц и кивает.

— Просто освежаю память. Инвестиционный банкир, верно?

— Да.

— Жена и трое детей? Два сына и дочь?

— Все верно.

— Прошу прощения. У меня пара сотен странников, и всех трудно упомнить. Я уже давно собираюсь навести порядок в папках, но этим должна заниматься секретарша, а раз они мне ее не предоставили...

— Кто *они*?

— Понятия не имею. Вся связь осуществляется через пневмопочту. — Он стучит по трубке. Она покачивается, снова замирает. — Работает на сжатом воздухе. Последнее слово техники.

Билл берет папки со стула для посетителей и вопросительно смотрит на хозяина кабинета.

— Положите на пол, — говорит Харрис. — Пока сойдет. На днях обязательно наведу порядок. Если, конечно, дни существуют. Наверное, должны существовать — и ночи тоже, — но кто знает, как оно на самом деле? Сами видите, окон тут нет. Часов тоже.

Билл садится.

— Но если это не реинкарнация, то зачем называть меня странником?

Харрис откидывается на спинку стула и закладывает руки за голову. Смотрит на пневмопочту, которая некогда наверняка *являлась* последним словом техники. Скажем, в 1911 году, хотя Билл допускает, что она могла использоваться и в 1956-м.

Харрис качает головой и недовольно хмыкает.

— Если бы вы только знали, какими все вы становитесь *назойливыми*. Судя по папке, это наша пятнадцатая встреча.

— Но я в жизни здесь не был, — возражает Билл. И, подумав, добавляет: — Правда, это не моя жизнь, верно? Это моя загробная жизнь.

— Вообще-то эта жизнь моя. Это вы здесь странник. Вы и другие придурки, которые ходят туда-сюда. Вы выберете одну из дверей и уйдете. А я останусь. Здесь нет туалета, потому что мне больше не нужно справлять нужду. Нет спальни, потому что больше не нужно спать. Я занимаюсь только тем, что сижу и принимаю всяких проходящих болванов. Вы появляетесь, задаете одни и те же вопросы, а я даю одни и те же ответы. Вот такая у меня загробная жизнь. Нравится?

Билл, который в ходе своих изысканий неплохо поднаторел в богословских постулатах, решает, что мысль, посетившая его в прихожей, была верной.

— Вы говорите о чистилище.

— Именно. Вопрос только в том, сколько я здесь еще пробуду. Должен признаться, что, если меня не переведут, я наверняка съеду с катушек, хотя сомневаюсь, что такое в принципе возможно, раз мне не нужны ни сортир, ни кровать. Я знаю, что мое имя вам ни о чем не говорит, но мы уже это обсуждали раньше — не каждый раз, но неоднократно. — Он машет рукой с такой силой, что приколотые к стене листки трепещут. — Это и есть — или *был*, уж не знаю, как правильно — мой офис при жизни.

— В тысяча девятьсот одиннадцатом?

— В нем самом. Я бы спросил вас, Билл, известно ли вам, что такое «платье-рубашка», но поскольку я знаю, что не известно, скажу: это женская блузка на пуговицах, напоминающая рубашку. На рубеже веков мы с моим партнером Максом Блэнком владели фирмой по пошиву таких блузок. Бизнес прибыльный, но вот работницы — настоящий геморрой. Так и норовили сбежать покурить, а главное — воровали продукцию, которую выносили в сумках или под юбками. Поэтому мы запирали все двери, чтобы они не могли выйти на улицу, пока смена не кончится, а на выходе обыскивали их. Короче говоря,

однажды там случился пожар. Мы с Максом спаслись, добравшись по крыше до пожарной лестницы. А многим женщинам не повезло. Хотя, если разобраться, они сами во всем виноваты. Курить было категорически запрещено, а большинство все равно курили, и пожар начался от непотушенной сигареты. Так сказал начальник пожарной охраны. Нас с Максом судили за непредумышленное убийство, но, хвала Господу, оправдали.

Билл вспоминает висящий в прихожей огнетушитель с надписью «Лучше поздно, чем никогда» и думает: *На повторном слушании дела, мистер Харрис, вас признали виновным, иначе вы бы тут не сидели.*

— И сколько погибло женщин?

— Сто сорок шесть, — говорит Харрис, — и мне жалко всех до единой, мистер Андерсон.

Билл не поправляет его. Всего двадцать минут назад он умирал в собственной постели, а сейчас потрясен историей, о которой раньше никогда не слышал. По крайней мере, так ему кажется.

— Вскоре после того как мы с Максом спрыгнули с пожарной лестницы, женщины буквально ее облепили. И чертова лестница не выдержала тяжести. Она оторвалась и упала, увлекая за собой с высоты в сотню футов на бульжник пару дюжин женщин. Они все погибли. Еще сорок выпрыгнули из окон девятого и десятого этажей. Некоторые горели. Все они тоже умерли. Пожарные натянули внизу спасательную сетку, но они ее прорывали и разбивались о землю, будто банки с кровью. Жуткое зрелище, мистер Андерсон, действительно жуткое. Кое-кто прыгал в шахты лифтов, но большинство... просто... сгорели заживо.

— Как одиннадцатое сентября, только жертв поменьше.

— Вы всегда это говорите.

— И теперь вы сидите тут.

— Верно. Иногда я задаюсь вопросом, сколько еще мужчин так же сидят в кабинетах. И женщин. Я уверен, что женщины тоже есть. Я всегда придерживался передо-

вых взглядов и не вижу причин, почему женщины не могут занимать, причем работая весьма успешно, низшие руководящие должности. Мы все отвечаем на одни и те же вопросы и занимаемся одними и теми же странниками. Вы можете подумать, что нагрузка становится чуть меньше всякий раз, когда кто-то решает выбрать дверь справа, а не эту, — он показывает на дверь слева, — но нет. *Нет!* По трубопроводу прилетает новый контейнер — *вжик!* — и у меня появляется новый придурок взамен старого. А то и два. — Он наклоняется вперед и произносит с чувством: — Это дерьмо, а не работа, мистер Андерсон.

— Моя фамилия Эндрюс, — поправляет Билл. — И послушайте, мне жаль, что вы так это воспринимаете, но бога ради, вы же должны хоть как-то отвечать за свои поступки! Сто сорок шесть женщин! И двери-то заперли *вы!*

Харрис бьет кулаком по столу.

— Да они нас обирали дочиста! — Он берет папку и трясет ею. — И от кого я это слышу?! Ха! Чья бы королева мычала! «Голдман Сакс»! Мошенничество с ценными бумагами! Прибыли миллиарды, а налоги — с миллионов! *Жалкие гроши!* А пузырь на рынке недвижимости — это как? Доверие скольких клиентов вы обманули? Сколько людей потеряли все свои сбережения из-за вашей жадности и близорукости?

Билл знает, о чем говорит Харрис, но все эти махинации (ну... большая их часть) проворачивались на куда более высоких уровнях. Он был сам поражен не меньше других, когда все вдруг пошло вразнос. Ему кажется, что главным доказательством его невиновности является статус странника, а вот Харриса обрекли на сидение в этом кабинете. Биллу ужасно хочется сказать, что пустить человека по миру и сжечь его заживо — это две большие разницы, но зачем сыпать соль на рану?

— Давайте оставим эту тему, — говорит он. — Если вам есть что сообщить мне по существу, пожалуйста, приступайте. Введите меня в курс дела, и я вас больше не потревожу.

— Это не я тогда курил, — произносит Харрис тихо и угрюмо. — И не я бросил спичку.

— Мистер Харрис! — Билл чувствует, как стены начинают давить на него. *Если бы мне пришлось тут сидеть, я бы точно застрелился*, думает он. Правда, если верить Харрису, такого желания у него бы не возникло, как не возникает желания справиться нужду.

— Ладно, оставим. — Харрис фыркает, но уже без злости. — *А суть дела* вот в чем. Если вы выйдете в левую дверь, то проживете свою жизнь еще раз. От А до Я. От старта до финиша. Выйдете в правую — и исчезнете навсегда. Пуф! Погаснете, как спичка на ветру.

Сначала Билл молчит. Он теряет дар речи и не верит своим ушам. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Он вспоминает своего брата Майка и несчастный случай, произошедший с ним в восемь лет. Потом почему-то его мысли перескакивают на дурацкую кражу в магазине, которую он совершил, когда ему было семнадцать. Обыкновенная шалость, но не вмешайся тогда отец и не поговори с нужными людьми, на планах учебы в колледже можно было бы ставить крест. А то происшествие с Эннмари в студенческом клубе... он до сих пор с содроганием вспоминает о нем, хотя прошло уже столько лет. И, конечно, самое главное...

Харрис улыбается, и отнюдь не по-доброму. Что ж, выходит, он зря решил, что инцидент между ними исчерпан. А может, Харрис просто мстит ему за то, что он счел его заточение в этой бюрократической камере заслуженным.

— Я знаю, о чем вы думаете, поскольку слышал от вас об этом раньше. О том, как вы с братом в детстве играли в салочки и вы, убегая от него, захлопнули дверь в спальню и случайно отрубили ему кончик мизинца. Как из баловства украли в магазине часы и как отец пустил в ход свои связи, чтобы замять дело...

— Да, чистая биография, никаких правонарушений. Но отец все помнил. И не давал мне забыть об этом.

— И еще была девушка в студенческом клубе. — Харрис берет папку. — Тут, кажется, где-то ее имя. Я стараюсь по мере сил и возможностей обновлять данные в папках, но, может, вы сами подскажете.

— Эннмари Уинклер. — Билл чувствует, как лицо начинает пылать. — Это не было изнасилованием, так что не надо. Когда я навалился на нее, она обвила меня ногами, и если это не говорит о согласии, то я не знаю, что говорит.

— А она обхватывала ногами еще двух парней, которые были на очереди?

Билла так и подмывает сказать: *Нет, но мы хотя бы не сожгли ее заживо.*

И все же.

Он мог играть в гольф, копать в мастерской или обсуждать с дочерью (теперь уже студенткой колледжа) ее дипломную работу — и вдруг подумать об Эннмари. Где она теперь? Чем занимается? И что помнит о том вечере?

Улыбка Харриса превращается в довольную ухмылку. Возможно, работа у него действительно дерьмовая, но кое-что в ней явно доставляет ему удовольствие.

— Вижу, что на этот вопрос вы предпочитаете не отвечать, так давайте двигаться дальше. Вы думаете о том, что измените на новом круге космической карусели. На этот раз вы не прихлопнете дверью мизинец младшего брата, не станете красть часы в магазине в торговом комплексе «Парамус»...

— Это было в торговом комплексе «Нью-Джерси». Уверен, у вас в папке записано.

Харрис пренебрежительно захлопывает папку и продолжает:

— В следующий раз вы не позволите приятелям трахнуть свою подружку, когда она будет лежать на диване в подвале в полубессознательном состоянии. И — главное! — вы действительно отправитесь на прием к врачу, чтобы сделать колоноскопию, а не станете ее откладывать, поскольку теперь понимаете — поправьте меня, если

я ошибаюсь, — что смерть от рака куда хуже зонда с камерой в заднице.

Билл говорит:

— Несколько раз я почти решался рассказать Линн о той вечеринке в клубе. Но в последний момент трусил.

— Но будь у вас шанс, вы бы все исправили.

— А будь у вас шанс, разве вы не открыли бы двери фабрики?

— Конечно, открыл бы, только второго шанса не бывает. Жаль вас разочаровывать. — Хотя по виду ему вовсе не жаль. Харрис выглядит усталым. Харрис выглядит скупающим. Харрис выглядит злорадным. Он показывает на дверь слева. — Пройдите в эту дверь — как делали столько раз раньше — и проделайте весь путь заново, начиная с семифунтового младенца, который покидает чрево матери и оказывается в руках доктора. Вас завернут в пеленку и отвезут домой на ферму в центральной части Небраски. Когда ваш отец продаст ферму в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, вы переедете в Нью-Джерси. Там, играя в догонялки, отрубите кончик мизинца своему брату. Вы будете учиться в той же средней школе, изучать те же предметы, получать точно такие же оценки. Вы поступите в Бостонский колледж и фактически станете участником изнасилования в том же подвале студенческого клуба. Вы будете наблюдать, как те же два парня — ваши друзья — будут заниматься сексом с Эннмари Уинклер, и хотя подумаете, что это надо прекратить, у вас не хватит духа. Через три года вы познакомитесь с Линн Десальво, а еще через два — женитесь на ней. Ваша трудовая деятельность будет точно такой же, ваши друзья будут теми же, и кое-какие действия вашей фирмы будут вызывать у вас беспокойство... но вы опять промолчите. Когда вам стукнет пятьдесят, тот же доктор будет уговаривать вас сделать колоноскопию, вы, как всегда, пообещаете решить этот маленький вопрос. Но не решите — и в результате умрете от того же рака. — Широко ухмыляясь, Харрис бросает папку на заваленный бумагами стол. — А потом

появитесь здесь в очередной раз, и у нас снова состоится точно такая же беседа. Я бы посоветовал вам выбрать другую дверь и покончить со всем этим, но решение, конечно, за вами.

Билл выслушивает эту краткую проповедь с нарастающим чувством тревоги.

— Я ничего не буду помнить? *Совсем ничего?*

— Не совсем, — отвечает Харрис. — Вы, наверное, обратили внимание на некоторые фотографии в прихожей.

— Корпоративный праздник.

— Каждый мой посетитель видит снимки, сделанные в год его или ее рождения и узнает кое-какие лица среди множества незнакомых. Когда вы начнете проживать свою жизнь еще раз, мистер Эндерс — если, конечно, вы сделаете именно такой выбор, — при первой встрече с этими людьми у вас будет чувство дежавю, будто вы уже через все это проходили. Что, конечно, соответствует действительности. Вы испытаете мимолетное чувство, почти уверенность, что за вашей жизнью и существованием вообще скрывается нечто большее, чем вам представлялось. Скажем... некая *глубина*. Но потом это пройдет.

— Но если все остается по-старому и нет никакой возможности изменить что-то к лучшему, зачем мы здесь?

Харрис стучит по висящей над корзиной трубе пневмопочты, и та начинает качаться.

— **КЛИЕНТ ХОЧЕТ ЗНАТЬ, ЗАЧЕМ МЫ ЗДЕСЬ! ХОЧЕТ ЗНАТЬ, В ЧЕМ СМЫСЛ!**

Он ждет. Ничего не происходит. Он складывает руки на столе.

— Мистер Эндерс, когда Иов хотел знать, Бог спросил, где был Иов, когда он — Бог — создавал Вселенную. Думаю, что вы не заслуживаете даже такого ответа. Так что будем считать вопрос закрытым. Итак, что вы решили? Выбирайте дверь.

Билл думает о раке. О боли, которую перенес. Опять испытывать те же страдания... правда, он не будет по-

мнить, что уже проходил через все это. Если, конечно, Айзек Харрис говорит правду.

— Вообще никаких воспоминаний? Никаких изменений? Вы уверены? Откуда вы можете знать?

— Потому что разговор всегда один и тот же, мистер Андерсон. Всегда и со всеми клиентами.

— Меня зовут Эндрюс! — внезапно срывается на крик Билл. Потом продолжает, уже тише: — Если я постараюсь, постараюсь по-настоящему, уверен, что мне удастся за что-то зацепиться. Пусть даже это будет случай с мизинцем Майка. А одного изменения может оказаться достаточно, чтобы... Не знаю...

Например, повести Эннмари в кино, а не на ту проклятую вечеринку?

— Мистер Эндрюс, существует поверье, что до рождения каждой человеческой душе известны все тайны жизни, смерти и Вселенной. А перед самым рождением над младенцем склоняется ангел, прикладывает палец к его губам и шепчет: *Тсс!* — Харрис дотрагивается до губного желобка. — Согласно поверью, это след от пальца ангела. Он есть у всех людей.

— А вы видели ангела, мистер Харрис?

— Нет, но однажды я видел верблюда. Это было в зоопарке Бронкса. Выбирайте дверь.

Раздумывая, Билл вспоминает рассказ Фрэнка Стоктона «Невеста или тигр», который им задавали прочесть в школе. Там у героя был выбор намного сложнее.

Мне надо изменить хотя бы что-то одно, говорит он себе и открывает дверь, ведущую в жизнь. *Хотя бы одно.*

Его окутывает белый свет возвращения.

Доктор, который осенью не поддержит республиканцев и проголосует за Эдлая Стивенсона* (о чем его жена ни в коем случае не должна узнать), наклоняется вперед,

* Эдлай Эвинг Стивенсон (1900–1965) — политический деятель США, представитель либерального крыла демократической партии.

будто официант, протягивающий поднос, и выпрямляется, держа за пятки голого младенца. Звонко шлепает его по попке, и тот заходится в крике.

— Миссис Эндрюс, у вас родился здоровый мальчик, — говорит доктор. — На вид около семи фунтов. Поздравляю.

Мэри Эндрюс берет младенца. Целует в мокрые щечки и бровки. Они назовут его Уильямом, в честь ее деда по отцовской линии. Он может стать кем захочет, делать все, что захочет. От этой мысли у нее захватывает дух. Она держит в руках не просто новую жизнь, а целую вселенную возможностей. «Разве может быть что-то чудеснее?» — думает она.

Посвящается Сурендре Пателю

Ральф Вичинанца, мой близкий друг и деловой партнер, занимавшийся продажей прав на издание моих книг во многих странах мира, обладал удивительной особенностью. Он выходил ко мне с интересными идеями как раз в тот момент, когда один проект я уже завершил, а к другому еще не приступал. Я предпочитаю никогда не рассказывать, над чем работаю, так что у него, похоже, имелся какой-то особый дар. Именно он подал мне идею попробовать свои силы в написании романа-сериала в духе Чарльза Диккенса, и брошенное им зерно постепенно выросло в «Зеленую милю».

Ральф позвонил мне вскоре после того, как я закончил первый вариант «Истории Лизи» и взял паузу, давая роману время улечься в голове, чтобы затем довести его до ума (другими словами, я ничего больше не делал). Он сказал, что «Амазон» начинает выпуск ридера «Киндл» второго поколения, и компания надеялась, что какой-нибудь классный сочинитель бестселлеров выручит их отдел по связям с общественностью и напишет рассказ, в котором «Киндл» будет являться элементом сюжета. (Такие довольно объемные литературные произведения стали впоследствии именоваться «Киндл-синглами».) Я поблагодарил Ральфа и ответил, что мне это не интересно по двум причинам. Во-первых, я никогда не умел писать рассказы на заказ. Во-вторых, я никогда не позволял использовать свое имя в коммерческой рекламе — единственным исключением была реклама «Американ экспресс», да и то давно. И — Бог свидетель! — как

же все это было глупо. Меня обрядили в смокинг, посадили на руку чучело ворона и заставили позировать в каком-то продуваемом всеми ветрами замке. По словам одного из друзей, я был похож на крупье казино с языческим талисманом в виде птицы.

«Ральф, — сказал я, — мне нравится мой «Киндл», но рекламировать «Амазон» я не испытываю ни малейшего желания».

Тем не менее сама идея запала мне в голову, главным образом потому, что я всегда был неравнодушен к новым технологиям, особенно к имеющим отношение к чтению и письму. Через пару дней после звонка Ральфа я совершал традиционную утреннюю прогулку и вдруг сообразил, о чем мог бы быть такой рассказ. Идея была слишком хороша, чтобы позволить ей пропасть. Я ничего не сказал Ральфу, но отослал ему готовый рассказ со словами, что компания может использовать его для продвижения своей продукции. Я даже появился на официальной презентации и прочитал отрывок.

Кое-кто в литературных кругах облил меня помоями, расценив это как погоню за барышом, но, как говорил Джон Ли Хукер, «меня это не колышет». Для меня «Амазон» — еще один рынок, причем из тех немногих, что выпустит рассказ отдельным изданием. Никаких авансов я не получал, а гонорары с продаж (или скачиваний, если угодно) были и продолжают поступать. Я с удовольствием пополнил свой счет в банке; есть известное выражение, что «трудящийся достоин награды за труды свои», и я считаю, что оно верно. Я пишу ради своего удовольствия, а удовольствие, увы, в карман не положишь.*

И был еще один особенный бонус: радость, которую доставил Ральфу единственный в своем роде розовый «Киндл». Этот рассказ стал нашим последним по-настоящему крутым совместным проектом, по-

* Лук. 10:7.

тому что пять лет назад мой друг внезапно скончался во сне. Ох, как мне его не хватает!

Этот вариант рассказа значительно переработан, но читатель обратит внимание, что действие происходит в эпоху, когда электронные устройства для чтения книг были еще в новинку. Кажется, что это было очень давно, правда? Найдутся здесь сюрпризы и для фанатов Роланда из Гилеада, выискивающих любые ссылки на Темную Башню».

I — ОСВАИВАЯ НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Когда коллеги Уэсли Смита интересовались — зачастую саркастически приподняв брови, — что он делал с этим гаджетом (все они называли его «гаджетом»), он отвечал, что осваивал новые технологии, но это было не так. Он приобрел электронный ридер «Киндл» просто из чувства противоречия.

Хотел бы я знать, принимают ли в расчет аналитики рынка «Амазон» такой мотив приобретения их продукта? — спросил он себя. И решил, что вряд ли. Это его порадовало, но главное удовольствие он рассчитывал получить от изумления Элен Сильверман, когда та увидит его с новой покупкой. Она еще не в курсе, но узнает обязательно. В конце концов, университетский городок был маленьким, а он владел новой игрушкой (как решил называть читалку, по крайней мере, для начала) всего неделю.

Уэсли был преподавателем на кафедре английского языка Колледжа Мура, штат Кентукки. Подобно всем преподавателям английского, он верил, что в нем живет роман и когда-нибудь он его напишет. Колледж Мура относился к учебным заведениям, которые принято называть «очень приличными». Дон Оллман, единственный друг Уэсли среди коллег, объяснил, что это значит.

— «Очень приличный колледж», — сказал Дон, — это тот, о котором никто не слышал, если отъехать от него на тридцать миль. Люди называют его очень приличным, потому что никто не доказал обратного, и к тому же боль-

шинство людей — оптимисты по натуре, хотя и утверждают, что это не так. На самом деле те, кто считает себя реалистами, зачастую и есть самые большие оптимисты.

— Так ты, выходит, тоже реалист? — как-то поинтересовался у него Уэсли.

— Я думаю, что мир в основном населяют кретины, — ответил Дон Оллман. — А дальше делай выводы сам.

Колледж Мура не был хорошим, но не был и плохим. На шкале академического совершенства он располагался чуть ниже средней отметки. Большинство из трех тысяч его студентов оплачивали обучение, а по окончании колледжа устраивались на работу, и лишь немногие продолжали (или хотя бы пытались продолжить) учебу и получить степень магистра. Студенты любили выпить и, конечно, часто устраивали вечеринки. На большой шкале развлечений Колледж Мура занимал место чуть выше среднего. Среди его выпускников имелись политики, но все они были мелкого пошиба, даже если дело касалось взяточничества или крючкотворства. В 1978 году один выпускник Колледжа Мура был избран в палату представителей, но через четыре месяца скоростно скончался от сердечного приступа. Его место занял выпускник Бэйлорского университета.

Своей известностью колледж был обязан исключительно футбольной команде, игравшей в Третьем дивизионе, и женской баскетбольной команде, тоже Третьего дивизиона. Победив за последние десять лет лишь в семи играх, футбольная команда («Сурикаты Мура») считалась одной из худших в Америке. Разговоры о том, чтобы ее распустить, велись постоянно. Нынешний тренер был наркоманом, любившим рассказывать, что смотрел «Рестлера» двенадцать раз и всякий раз плакал, когда Микки Рурк признавался дочери, что чувствовал себя отбитым куском мяса.

Однако женская баскетбольная команда была исключительной *в хорошем смысле* этого слова, особенно с учетом того, что рост большинства спортсменок не превышал пяти футов семи дюймов и все они готовились стать менеджерами по маркетингу, оптовыми закупщиками или

(если повезет) личными помощниками мужчин, наделенных властью. За последние десять лет «Леди сурикаты» восемь раз становились победителями в категории «Конференция». Их тренером была бывшая подруга Уэсли, ставшая бывшей всего месяц назад. Эллен Сильверман являлась той самой особой, в пику которой Уэсли и решил приобрести «Киндл». А точнее... в пику Эллен и Хендерсону, посещавшему курс «Введение в современную американскую художественную литературу», который вел Уэсли.

Дон Оллман также утверждал, что профессорско-преподавательский состав Колледжа Мура был посредственным. Не таким ужасным, как футбольная команда — это, по крайней мере, было бы весело, — но точно посредственным.

— А как же мы с тобой? — поинтересовался Уэсли.

Они сидели в своем общем кабинете. Если к одному приходил на консультацию студент, то второй преподаватель покидал помещение. Это не доставляло им никаких неудобств на протяжении осеннего и весеннего семестров, поскольку студенты являлись на консультации только перед самыми экзаменами. Но и тогда приходили исключительно подхалимы со стажем, привыкшие лизать задницу еще с начальной школы. Дон Оллман признавался, что иногда мечтал о появлении соблазнительной студентки в футболке с надписью «ГОТОВА ПЕРЕСПАТЬ ЗА ПЯТЕРКУ», но такого никогда не случалось.

— А как же мы с тобой? — повторил Дон. — Господи Боже, да ты *посмотри на нас*, брат.

— Говори за себя, — отозвался Уэсли. — Я собираюсь написать роман.

От этих слов ему стало тоскливо. С тех пор как ушла Эллен, практически все повергало его в уныние. Если он не хандрил, то обязательно злился.

— Ну конечно! А президент Обама назначит меня своим новым поэтом-лауреатом! — Дон показал на зава-

ленный бумагами стол Уэсли, где на учебнике «Американские мечты» лежал «Киндл». Учебник Уэсли использовал для курса «Введение в американскую литературу». — Есть толк от этой маленькой фиговины?

— Есть, — ответил Уэсли.

— И она заменит книги?

— Никогда, — заверил Уэсли. Но сам он уже начинал испытывать сомнения.

— Я думал, что они бывают только белого цвета, — удивился Дон Оллман.

Уэсли смерил Дона таким же высокомерным взглядом, каким на него самого смотрели на заседании кафедры, когда его «Киндл» впервые появился на публике.

— Ничего не бывает только белого цвета, — заявил он. — Это Америка!

Поразмыслив, Дон Оллман произнес:

— Я слышал, вы с Эллен расстались.

Уэсли только вздохнул.

До их разрыва четыре месяца назад Эллен была его *вторым* другом, причем имевшим немало достоинств. Понятно, что она не работала на кафедре английского языка, но сама мысль оказаться в постели с кем-то из коллег по кафедре — даже с Сюзанной Монтанаро, которая была еще ничего, — повергала его в ужас. Ростом Эллен была пять футов два дюйма (глаза синие!), стройная, с копной коротких выющихся черных волос, делавших ее похожей на эльфа. У нее была потрясающая фигура, и целовалась она очень страстно, «как дервиш». (Уэсли никогда не целовался с дервишем, но мог себе это представить.) В любви она не знала усталости.

Однажды, обессиленный, он откинулся на спину и произнес:

— Мне никогда не сравниться с тобой в постели.

— Будешь еще так говорить, и надолго в ней точно не удержишься. С тобой все в порядке, Уэс.

Но он подозревал, что нет. Он подозревал, что был... так себе.

Однако конец их отношениям положили вовсе не оставлявшие желать лучшего сексуальные возможности Уэсли. И не то, что Эллен была вегетарианкой и на День благодарения ела соевую индейку. И не то, что иногда после секса она начинала рассуждать о тонкостях обводки, перепасовке или неспособности Шоны Дисон освоить прием, который Эллен называла «старой садовой калиткой».

Эти монологи нередко погружали Уэсли в глубокий, сладкий и освежающий сон. Он считал, что причиной был ее ровный, спокойный голос, столь разительно отличавшийся от не всегда пристойных одобрительных возгласов, которые она издавала во время секса. Эти вопли на любовном ложе были громкими и пронзительными, как команды «Пасуй!» или «Двигайся!», которые она выкрикивала во время матчей, носясь как угорелая взад-вперед вдоль площадки. Время от времени Уэсли приходилось слышать в постели даже призыв «Заколачивай!».

В определенном смысле они отлично дополняли друг друга, по крайней мере, некоторое время: она была раскаленным металлом только что из горна, а он — в окружении книг в своей квартире — водой, которая его остужала.

Проблема возникла из-за книг. И из-за того, что он обозвал ее неграмотной сукой. Прежде он никогда в жизни не обзывал так женщин, но она вывела его из себя и взбесила так, как никто и никогда в жизни. Возможно, он и в самом деле посредственный преподаватель, как говорил Дон Оллман, и роман, который в нем жил, так и останется ненаписанным (словно зуб мудрости, который не вырастает, но и не может загнить, подцепить инфекцию и потребовать дорогого — и болезненного — лечения), однако книги он любил. Книги были его ахиллесовой пятой.

Она пришла взвинченная, что было нормально, и при этом донельзя расстроенная, чего он не понял, поскольку раньше с ней такого не случалось. К тому же он перечитывал повесть Джеймса Дикки «Избавление», вновь упиваясь мастерством, с которым Дикки сумел, по крайней мере, в этом произведении, передать прозой свою поэтическую чувственность. Он как раз подбирался к финалу, где несчастные байдарочники пытаются скрыть то, что сделали с ними и что сделали они сами. Он понятия не имел, что Эллен только что пришлось отчислить из команды Шону Дисон, что они сцепились в тренажерном зале на глазах у всей баскетбольной команды — и вдобавок мужской баскетбольной команды, ждавшей очереди потренироваться, хотя проку от их тренировок было мало, что Шона Дисон потом пошла на улицу, выбрала камень потяжелее и запустила им в лобовое стекло машины Эллен, за что ее наверняка отстранят от занятий, пусть даже временно. Он понятия не имел, что Эллен сейчас страшно переживает и винит во всем себя, потому что «вела себя не по-взрослому».

Он слышал эту фразу — «Я должна вести себя как взрослая» — и повторил: «Само собой», — раз пять или шесть, чем окончательно вывел из себя Эллен Сильверман. Она вырвала у него книгу и запустила через всю комнату со словами, которые продолжали звучать у него в ушах весь следующий месяц, проведенный в одиночестве:

— Почему ты не можешь читать на компьютере, как все нормальные люди?

— Она что, так и сказала? — не поверил Дон Оллман, и его слова вывели Уэсли из транса. До него вдруг дошло: он только что рассказал обо всем своему коллеге. Не собирался, но рассказал. И пути назад не было.

— Да. А я ответил, что это первое издание и его подарил мне отец, и обозвал ее неграмотной сукой.

Дон Оллман утратил дар речи и лишь смотрел на Уэсли.

— Она ушла, — с горечью продолжил тот. — И с тех пор мы с ней не виделись и не разговаривали.

— И ты даже не позвонил извиниться?

Уэсли пытался, но все время попадал на автоответчик. Он хотел съездить к ней — Эллен арендовала у колледжа дом, — но подумал, что она запросто может ткнуть ему вилкой в лицо... или еще в какое-нибудь место. Кроме того, он не считал, что один виноват в случившемся. Она не дала ему *ни единого шанса*. К тому же... она *действительно* была неграмотной или близко к этому. Она как-то призналась ему в постели, что единственной книгой, которую она прочитала ради удовольствия после приезда в Мур, была «Взобраться на вершину: двенадцать принципов достижения успеха» авторства Пэт Саммит, тренера женской баскетбольной команды Университета штата Теннесси. По телевизору она смотрела в основном спортивные каналы, а за деталями заинтересовавшей ее новости отправлялась на сайт «Драдж рипот». В компьютерах она разбиралась. Она высоко ценила беспроводную сеть Колледжа Мура (сеть действительно была превосходной, а не посредственной) и никуда не выходила без ноутбука на плече. На крышке была фотография профессиональной баскетболистки Тамики Кэтчингс: из расщеченной брови течет кровь, а внизу надпись: «Я ИГРАЮ КАК ДЕВЧОНКА».

Какое-то время Дон Оллман молчал, барабанил пальцами по узкой груди. Ноябрьский ветер гонял по внутреннему дворику сухие листья. Наконец Дон спросил:

— А эта штука как-то связана с уходом Эллен? — Он показал на новую электронную игрушку Уэсли. — Наверняка да, так ведь? Ты решил, что будешь читать на компьютере, как все люди. Зачем? Чтобы вернуть ее?

— Нет, — соврал Уэсли, поскольку не хотел говорить правду. Он и сам этого до конца не понимал, но желал задеть ее. А может, посмеяться над ней. Или что-то в этом роде. — Отнюдь. Я просто осваиваю новые технологии.

— Ну да, — хмыкнул Дон Оллман. — А я — новый поэт-лауреат.

* * *

Машина Уэсли была на стоянке «А», но он решил прогуляться две мили до дома пешком, что часто делал, когда хотел подумать. Он неторопливо шагал по Мур-авеню, сначала мимо студенческих клубов, потом жилых домов — из всех окон ревел рок и рэп, — а потом мимо баров и кулинарий, служивших системой жизнеобеспечения всех маленьких колледжей Америки. Здесь же располагался и книжный магазин, который специализировался на продаже подержанных книг и прошлогодних бестселлеров за полцены. Он выглядел неухоженным и заброшенным, да и покупатели сюда заглядывали редко.

Наверное, потому, что все читают дома с экрана компьютера, подумал Уэсли.

Под ногами шуршали сухие листья. Портфель бил Уэсли по колену. В портфеле лежали учебные тексты, книга, которую он сейчас читал для удовольствия («2666» Роберто Боланьо), и толстая записная книжка в переплете с красивой обложкой под мрамор. Это был подарок Эллен ему на день рождения.

— Сюда ты будешь записывать мысли для своей книги, — сказала она тогда.

Это было в июле, когда дела еще шли отлично и почти все разъехались из кампуса на каникулы. В толстой записной книжке было более двухсот страниц, но записи он сделал лишь на одной.

«МЫСЛИ ДЛЯ РОМАНА!» — было выведено печатными буквами наверху этой страницы.

Ниже он просто написал: *Молодой человек узнает, что и отец, и мать имеют связь на стороне*

И: *Слепого от рождения молодого человека похищает его сумасшедший дед, который*

И: *Подросток влюбляется в мать своего лучшего друга и*

Под этой записью имелась еще одна, сделанная вскоре после того, как Эллен запустила в него книгой и исчезла из его жизни:

Застенчивый, но любящий свое дело преподаватель небольшого колледжа и его спортивная, но малообразованная подруга ссорятся после

Наверное, это самое лучшее — писать о том, что знаешь по личному опыту, на этом сходились все эксперты, но он никак не мог себя заставить. Простой разговор с Доном, и тот дался нелегко. Даже тогда он не сумел быть честным до конца. И признаться, что ужасно хотел ее вернуть.

Когда Уэсли уже подходил к трехкомнатной квартире, которую он сам называл домом, а Дон Оллман — холостяцкой берлогой, его мысли обратились к студенту по фамилии Хендерсон. Как его звали — Ричард или Роберт? Уэсли не мог вспомнить, но причина, по которой мозг отказывался дать ответ, не имела ничего общего с причиной, мешавшей ему вдохнуть жизнь в намеченные сюжетные линии. А может, они имели общую природу. Он полагал, что корни всех этих проблем кроются в истерии, словно мозг фиксировал (или думал, что фиксирует) появление какого-то жуткого внутреннего зверя и сажал его под замок в клетку со стальной дверью. Было слышно, как зверь бьется и прыгает в ней, будто взбесившийся енот, готовый укусить каждого, кто к нему приблизится, но самого зверя видно не было.

Хендерсон был членом футбольной команды — защитник, или полузащитник, или еще кто-то — и играл так же ужасно, как и все остальные, но парнем был хорошим и студентом толковым. Он нравился Уэсли. Но все равно Уэсли готов был оторвать Хендерсону голову, когда увидел его в классе с гаджетом, походившим на карманный компьютер или новомодный сотовый. Это случилось вскоре после ухода Эллен. В первые дни после разрыва Уэсли часто просыпался в три утра и доставал с полки какую-нибудь любимую книгу, чтобы отвлечься; обычно он выбирал старых друзей капитана Джека Обри и доктора Стивена Мэтьюрина, о чьих приключениях рассказал Патрик О'Брайан. Но даже это не помогало ему забыть, как гром-

ко хлопнула дверь, когда Эллен ушла из его жизни. Возможно, навсегда.

Итак, пребывая в жутком настроении и выискивая повод сорваться, он подошел к Хендерсону и сказал:

— Уберите это. Здесь урок литературы, а не место для чата.

Хендерсон поднял глаза и добродушно улыбнулся. Настроение Уэсли от этого не улучшилось, но злость улеглась. Главным образом потому, что по природе он не был злым. Он считал себя скорее склонным к депрессии, а может, страдающим дистимией. Разве он не терзался сомнениями, что не достоин Эллен Сильверман? Разве с самого начала не знал, разговаривавшись с ней на скучной факультетской вечеринке, что рано или поздно она хлопнет дверью? Эллен вела себя как женщина, а он — как неудачник. Он даже не мог долго злиться на студента, который развлекался в классе со своим карманным компьютером (или «Нинтендо», или чем там еще).

— Но это домашнее задание, мистер Смит, — ответил Хендерсон (на лбу у него красовался большой лиловый синяк, полученный в последней игре за «Сурикатов»). — Это «Дело Пола» Уиллы Кэсер. Посмотрите сами.

Он повернул устройство так, чтобы Уэсли видел экран. Плоская прямоугольная панель белого цвета, толщиной не более полудюйма. В верхней части располагался улыбающийся логотип «Амазон киндл», который Уэсли хорошо знал, он ведь не был совсем уж безграмотным по части компьютеров и много раз заказывал себе книги через «Амазон» (хотя из сострадания сначала пытался приобрести их в университетском книжном магазине, дела которого шли из рук вон плохо: даже кот, продремавший большую часть своей жизни в витрине, выглядел тощим).

Но самым интересным в гаджете студента был не логотип наверху и не крошечная клавиатура внизу. Середина устройства занимал экран, на котором оказалась не заставка или видеоигра, где молодые мужчины и женщи-

ны с прокачанными телами убивали зомби в руинах Нью-Йорка, а страница рассказа Уиллы Кэсер о бедном мальчике с деструктивными иллюзиями.

Уэсли потянулся к нему, замер.

— Можно взглянуть?

— Конечно, — разрешил Ричард или Роберт Хендерсон. — Клевая штука. Можно скачивать книги прямо на лету, с шрифтом любого размера. И это дешево, потому что нет ни бумаги, ни переплета.

Уэсли ощутил легкий озноб. Он видел, как пристально наблюдают за ним студенты, записавшиеся на курс «Введение в американскую литературу». Он полагал, что они пока не определились, отнести ли тридцатипятилетнего Уэсли к Старой школе (как допотопного доктора Уэнса, который походил на крокодила в костюме-тройке) или к Новой школе (как Сюзанну Монтанаро, которая при чтении курса «Введение в современную драму» вела себя точно Аврил Лавин в клипе «Подружка»). Уэсли решил, что его реакция на «Киндл» Хендерсона поможет студентам вынести окончательный вердикт.

— Мистер Хендерсон, — сказал он. — Книги будут всегда. А это значит, что всегда будет бумага и переплет. Книги — это объекты, *существующие в реальной действительности*. Книги — это друзья.

— Да, но! — ответил Хендерсон, и в его добродушной улыбке появилась хитринка.

— Но?

— Книги — это еще мысли и чувства. Вы сами так сказали на первом занятии.

— Что ж, — признал Уэсли, — тут вы меня подловили. Но книги — это *не одни лишь* мысли. У книг, к примеру, есть запах. Который с годами становится только приятнее, вызывая ностальгию. У вашего гаджета есть запах?

— Нет, — ответил Хендерсон. — Можно сказать, что нет. Но когда вы переворачиваете страницы... вот так, этой кнопкой... они порхают, как в настоящей книге, и я могу сразу отыскать нужное место, а в режиме сна на экране

меняются портреты знаменитых писателей, и зарядки аккумулятора хватает надолго, и...

— Это компьютер, — заявил Уэсли. — И вы читаете на компьютере.

Хендерсон забрал у него свой ридер.

— Вы говорите так, будто это плохо. Но рассказ-то остался рассказом!

— А вы никогда не слышали о «Киндле», мистер Смит? — поинтересовалась Джози Куинн тоном антрополога, спрашивающего у члена первобытного племени Новой Гвинеи, что тому известно об электроплитах и туфлях на каблуке.

— Нет, — ответил он, но не потому, что это было правдой — на самом деле он видел рекламу «Киндлов», когда заказывал книги через «Амазон», — а потому, что предпочитал относиться к представителям Старой школы. Представители Новой школы казались ему.. воплощенной посредственностью.

— Вам надо купить себе такой, — посоветовал Хендерсон, и когда Уэсли почти машинально ответил, что подумает, студенты одобрительно захлопали. Впервые после ухода Эллен настроение у Уэсли чуть поднялось. Из-за того, что студентам хотелось, чтобы он купил себе читалку, а аплодисменты означали, что его относили к Старой школе, но считали *поддающимся обучению*.

Всерьез он задумался о покупке читалки (раз уж он принадлежал к Старой школе, то альтернативы книгам быть не могло) только пару недель спустя. Возвращаясь домой из колледжа, он вдруг представил, как проходит через двор с ридером в руках, жмет маленькую кнопку «Следующая страница» — и его видит Эллен.

«Чем это ты так увлечен?» — поинтересуется она, наконец прервав молчание.

«Читаю на компьютере, — ответит он. — Как все нормальные люди».

С сарказмом!

Но, как выразился Хендерсон, что в этом плохого? Уэсли пришло в голову, что злость была для любовников чем-то вроде метадона. Все лучше ломки.

Дома он сел за свой стационарный компьютер (Уэсли гордился тем, что не имел ноутбука) и зашел на сайт «Амазона». Он думал, что читалка будет стоить долларов четырехста, а то и больше, если окажется навороченной, но цена его приятно удивила. Затем он заглянул в раздел электронных книг (который до сих пор успешно игнорировал) и убедился в правоте Хендерсона: книги были поразительно дешевыми. Цифровые версии изданий, существовавших только в твердом переплете (*какой* переплет, ха-ха!), оказались дешевле многих книг в мягкой обложке. Учитывая, сколько денег он тратил на книги, читалка быстро окупится. А что касается реакции коллег — их саркастически приподнятых бровей, — Уэсли понял, что с нетерпением ждет этого. И пришел к интересному выводу относительно человеческой природы, по крайней мере, природы преподавателей: они хотят выглядеть приверженцами Старой школы в глазах студентов и Новой школы — в глазах своих коллег.

«Я осваиваю новые технологии», — скажет он им.

Ему нравилось, как это звучит. В чистом виде Новая школа.

И ему нравилось представлять реакцию Эллен. Он перестал надиктовывать сообщения ее автоответчику и старался обходить стороной «Пит-стоп» и «Пиццу Гарри», где мог с ней столкнуться. Однако посмотрим, что будет дальше. Фраза «Я читаю на компьютере, как все нормальные люди» была слишком хороша.

Это мелко, попенял он себе, разглядывая на экране изображение ридера. *Такого укола не заметит даже новорожденный котенок.*

Что есть, то есть! Но если на большую колкость он не способен, то почему бы не произнести хотя бы эту?

Он нажал кнопку «Купить» и на следующий день получил ридер в коробке с двумя штампами: логотипом-

улыбкой и надписью «Доставка в течение суток». Уэсли не заказывал срочной доставки и намеревался опротестовать ее оплату, если она будет фигурировать в выписке расходов по банковской карте, но распаковал свою новую покупку с истинным наслаждением. Оно было примерно таким же, какое он испытывал при получении коробки с книгами, только еще сильнее. Уэсли решил, что причиной является предстоявшее ему путешествие в неизвестность. Он не рассчитывал, что читалка заменит ему книги или сохранит свою привлекательность, когда исчезнет эффект новизны, как часто бывает с предметами, которые занимают внимание несколько недель или месяцев, а потом пылятся рядом с кубиком Рубика на полке в гостиной.

Ему не показалось странным, что его электронная книга была розовой, а не белой, как у Хендерсона.

Во всяком случае, тогда.

II — УР-ФУНКЦИИ

Вернувшись домой после исповеди Дону Оллману, Уэсли увидел, что мигает автоответчик. Два сообщения. Он нажал кнопку воспроизведения, ожидая услышать жалобы матери на артрит и язвительные замечания насчет того, что некоторые сыновья звонят домой чаще двух раз в месяц. А следующий звонок окажется автоматизированным напоминанием — уже, наверное, десятым, — что срок его подписки на местную газету истек. Но сообщения были не от матери и не из газеты. Уэсли открыл холодильник и потянулся за пивом, однако, услышав голос Эллен, замер и не шевелился, пока не дослушал до конца. Рука так и осталась вытянутой, и ее заливал холодный, морозный свет, струившийся из открытой дверцы холодильника.

— Привет, Уэс, — сказала Эллен с нехарактерной для нее неуверенностью. Затем повисла долгая пауза, и Уэсли

даже засомневался, скажет ли она что-нибудь еще. До него доносились глухие крики и стук мячей. Она была в зале, во всяком случае, когда звонила. — Я думала о нас. Что нам, возможно, стоит попробовать еще раз. Я скучаю по тебе. — А потом, будто испугавшись, что он сразу кинется к двери, быстро добавила: — Но не сейчас. Мне надо еще подумать... над тем, что ты сказал. — Снова пауза. — Я была не права, что швырнула книгу, но мне было ужасно плохо. — Еще одна пауза, почти такая же долгая, как и в самом начале. — В эти выходные в Лексингтоне будет предсезонный турнир. Ты знаешь о нем, его еще называют «Блуграсс». Это важное событие. Думаю, нам следует поговорить, когда я вернусь. Пожалуйста, не звони мне раньше, потому что сейчас я должна полностью сосредоточиться на команде. Защита у нас просто ужасная, а из-за трехочковой линии может бросать только одна девчонка, и... не знаю, вдруг, это большая ошибка.

— Нет! — сказал он автоответчику. Сердце у него было готово выскочить из груди. Он так и стоял, наклонившись к холодильнику, и чувствовал, как его пылающее лицо омывает прохладный воздух. — Поверь, что нет!

— На днях я обедала с Сюзанной Монтанаро, и она сказала, что ты купил электронную книгу. Мне показалось... не знаю, что это знак, и нам надо попробовать. — Она засмеялась, а потом вдруг закричала так громко, что Уэсли вздрогнул: — *Подбери мяч! Либо играй, либо сиди в запасе!* — После чего продолжила: — Извини. Мне пора. Не звони мне. Я сама позвоню. Так или иначе. После турнира. Извини, что не отвечала на твои звонки, но... ты меня очень обидел, Уэс. Знаешь, у тренеров тоже есть чувства. Я...

Гудок известил о том, что время, отведенное для записи, закончилось. Уэсли пробормотал слово, которое издателя Нормана Мейлера запретили использовать в «Нагих и мертвых».

Затем пошло второе сообщение — она вернулась.

— Наверное, у преподавателей английского тоже есть чувства. Сюзанна говорит, мы не подходим друг другу, у нас слишком разные интересы, но... может, у нас есть и что-то общее. Я рада, что ты приобрел читалку. Если это «Киндл», то с него можно выходить в Интернет. Я... мне надо подумать обо всем этом. Не звони мне. Я еще не готова. Пока.

Уэсли достал пиво. Он улыбался. Потом вспомнил о злости, которая жила в нем последний месяц, и понял, что от нее не осталось и следа. Он подошел к календарю, висевшему на стене, и написал «ТУРНИР» на субботу и воскресенье. Подумав, перечеркнул рабочие дни следующей недели и написал над ними: «ЭЛЛЕН???»

Закончив с этим, он устроился в любимом кресле с пивом и попытался читать «2666». Книга была сумасшедшей, но довольно интересной.

Интересно, есть ли она в электронном виде для «Киндла»? — подумал он.

В тот вечер, прослушав сообщения Эллен в третий раз, Уэсли сел за свой компьютер и зашел на сайт Департамента спорта, чтобы уточнить детали проведения закрытого предсезонного турнира «Блуграсс». Он понимал, что его появление там будет ошибкой, и не собирался туда ехать, но хотел узнать, с кем предстояло сражаться «Сурикатам», какие у них были шансы и когда Эллен вернется.

Как выяснилось, для участия в турнире были приглашены восемь команд: семь из Второго дивизиона и только одна из Третьего — «Леди сурикаты» из Мура. Уэсли почувствовал гордость за Эллен и снова устыдился своей злости на нее ... о которой она (слава богу!) не знала. Судя по всему, она решила, что покупкой ридера он хотел дать ей понять: *Может, ты права, и я, возможно, смогу измениться. Возможно, мы изменимся оба.* Он рассчитывал, что со временем, если все будет хорошо, сумеет убедить себя, что так оно и есть.

Из информации, размещенной на сайте, он узнал, что команда отправится в Лексингтон в пятницу на автобусе. В тот же вечер состоится тренировка на «Рапп-арене», а первую игру «Сурикаты» проведут в субботу утром против «Бульдогов» Государственного университета Трумэна, штат Индиана. Поскольку команда выбывала из участия после двух поражений, вернутся они не раньше вечера воскресенья. И увидеть ее он сможет не раньше следующего понедельника.

Неделя будет долгой.

— К тому же, — сказал он, обращаясь к компьютеру (безропотному слушателю!), — она может решить, что лучше не пытаться. К такому исходу мне тоже надо быть готовым.

Что ж, он попытается. И еще можно позвонить этой суке Сюзанне Монтанаро и в недвусмысленных выражениях сказать, чтобы она перестала плести интриги против него. Зачем ей это? Она же его *коллега*, в конце концов!

Но если он так поступит, Сюзанна запросто может тут же доложить обо всем своей подруге (*подруге?* кто бы мог подумать?). Наверное, лучше оставить все как есть. Вот только злость, как выяснилось, никуда не делась. Только теперь ее объектом стала мисс Монтанаро.

— Не бери в голову, — сказал он компьютеру. — Джордж Герберт ошибался. Лучшая месть — это не жить хорошо, а хорошо любить.

Он начал выключать компьютер и тут вспомнил, что сказал Дон Оллман о его ридере: «Я думал, они бывают только белого цвета». Понятно, у Хендерсона он был белый, но — как там говорится? — одна ласточка весны не делает. После нескольких неудачных попыток «Гугл» (кладезь информации, но тупой как пробка) вывел Уэсли на форумы фанатов «Киндла». Один из них назывался «Киндл кэндл». Наверху была дурацкая картинка: дама в квакерском наряде читает «Киндл» при свечах. Здесь он прочитал несколько сообщений — в основном жалоб — о том, что ридеры выпускаются только в одном цвете, который

кто-то из блогеров назвал «старым добрым заляпанным белым». Ниже располагался ответ, что если пользователь и дальше будет читать с грязными руками, то ему лучше заказать для читалки чехол. «Он может быть любого цвета по вашему выбору, — было написано дальше. — Советую повзрослеть и научиться мыслить творчески».

Уэсли выключил компьютер, прошел на кухню, взял еще пива и вытащил свой ридер из портфеля. «Киндл» розового цвета. Больше он ничем не отличался от тех, что были на картинках на сайте «Киндл кэндл».

— «Киндл кэндл», бла-бла-бла, — пробурчал он. — Наверное, просто сбой при покраске. — Возможно, но как тогда объяснить срочную доставку, на которой он не настаивал? Кто-то хотел как можно скорее избавиться от розового мутанта? Но это невозможно! Читалку просто забраковали бы. Как товар ненадлежащего качества.

Можно ли с нее выйти в Интернет? Он не знал — и вспомнил еще одну странность, связанную с ридером: отсутствие буклета с инструкцией пользователя. Он уже собирался снова зайти на форум «Киндл кэндл», чтобы узнать ответ на этот вопрос, но передумал. Похоже, он просто искал чем заняться, пытаясь убить часы до понедельника, когда может позвонить Эллен.

— Я скучаю по тебе, малышка, — произнес он и удивился, что голос дрогнул. Но он действительно по ней скучал. И даже не представлял, как сильно, пока не услышал ее на автоответчике. И все из-за непомерного уязвленного самолюбия. Не говоря уж о низком и мелочном желании уязвить.

На экране возникла надпись «Киндл Уэсли» со списком книг, которые он успел купить: «Дорога перемен» Ричарда Йейтса и «Старик и море» Хемингуэя. На читалку был предустановлен «Новый оксфордский американский словарь. Стоило начать печатать слово, и «Киндл» тут же находил его. *Совсем как цифровая запись телепрограмм для умных людей*, подумал Уэсли.

Оставался вопрос: можно ли с «Киндла» выйти в Интернет?

Он нажал кнопку «Меню», и на экране появился набор опций. Верхняя (естественно) приглашала в магазин фирменных продуктов производителя. Но ближе к низу имелась опция с надписью «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ». Уэсли заинтересовался. Навел на нее курсор, кликнул и прочел появившуюся наверху надпись: «Мы работаем над этими экспериментальными прототипами. Они полезны для вас?»

— Ну, не знаю, — сказал Уэсли. — А что они собой представляют?

Первым прототипом оказалась «БАЗОВАЯ ВСЕМИРНАЯ СЕТЬ». Значит, Эллен была права. «Киндл» был куда более навороченным, чем представлялось. Уэсли взглянул на другие экспериментальные опции: загрузка музыки (эка невидаль!) и преобразование текста в речь (полезная штука для слепых). Уэсли нажал кнопку перехода на следующую страницу, чтобы выяснить, имелись ли и другие экспериментальные прототипы. Там была только одна строчка: «УР-ФУНКЦИИ».

Что, черт возьми, это такое? Насколько ему было известно, слово «Ур» имело два значения: так назывался город, о котором говорилось в Ветхом Завете, и еще это префикс в английском языке, означающий «первозданный» или «исходный». Никаких подсказок на экране не было, хотя для других опций объяснения имелись. Что ж, существовал только один способ выяснить. Уэсли выделил «УР-ФУНКЦИИ» и нажал подтверждение.

Появилось новое меню, с тремя опциями: «УР-КНИГИ», «АРХИВ УР-НОВОСТЕЙ» и «ЛОКАЛЬНЫЙ УР (В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ)».

— Ну и ну! — поразился Уэсли. — Что за хрень!

Он выделил «Ур-книги», положил палец на кнопку «Выбрать» и замер в нерешительности. По коже вдруг пробежали мурашки, совсем как при звуке голоса Эллен

на автоответчике, когда Уэсли застыл возле холодильника. Потом он подумает: *Это был мой собственный Ур. Нечто скрытое глубоко внутри, нечто исходное и первобытное, говорило не делать этого.*

Но разве он не современный человек? Который теперь читает с компьютера?

Конечно, так и есть. И он нажал кнопку.

Экран погас, потом наверху появилась надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В УР-КНИГИ!»... причем красная! Похоже, блогеры с форума поотстали от жизни: «Киндл» уже был цветным. Под приветствием располагалась картинка с изображением не Чарлза Диккенса или Юдоры Уэлти, а большой черной башни. В ней было что-то зловещее. Ниже предлагалось (тоже красными буквами): «Выберите автора (выбор ограничен)». А еще ниже мигал курсор.

— Какого черта! — сказал Уэсли пустой комнате. Облизнул пересохшие губы и напечатал: «ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ».

Экран очистился. Опция, в чем бы она ни заключалась, похоже, не работала. Секунд через десять или около того Уэсли потянулся к читалке, намереваясь ее выключить. Но прежде чем успел сдвинуть ползунковый переключатель, на экране появились новые сообщения.

ИЗУЧЕНО 10 438 721 УРОВ
НАЙДЕНО 17 894 НАЗВАНИЯ АВТОРА
ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ
ЕСЛИ ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ НАЗВАНИЯ, ВЫБЕРИТЕ УР
ИЛИ ВЕРНИТЕСЬ В МЕНЮ «УР-ФУНКЦИИ»
ВЫБОРКА ИЗ ВАШЕГО ТЕКУЩЕГО УРА ПОКАЗАНА
НЕ БУДЕТ

— Господи Боже, да что *все это значит?*! — прошептал озадаченный Уэсли. Под сообщением мигал курсор. А над ним мелкими буквами (черными, а не красными) была написана еще одна инструкция: «ВВОДИТЬ ТОЛЬКО ЦИФРЫ. БЕЗ ТОЧЕК И ТИРЕ. ВАШ ТЕКУЩИЙ УР: 117586».

Уэсли ужасно захотелось (с «первобытной» силой) выключить ридер и засунуть его подальше куда-нибудь в ящик со столовыми приборами. Или в морозильник с мороженым и готовыми ужинами, где ему самое место. Но вместо этого он набрал на крошечной клавиатуре дату своего рождения. Он решил, что число 7191974 ничем не хуже других. Снова поколебавшись, нажал указательным пальцем кнопку «Выбрать». Экран опять погас, и Уэсли с трудом подавил желание вскочить с кухонного стула и попятиться прочь. В голове возникла жуткая уверенность, что сейчас из серого экрана протянется рука — а может, и клешня, — схватит его за горло и втащит внутрь. И он окажется навечно заточен в компьютеризованную серость, где будет плавать в окружении микрочипов по бесчисленным Ур-мирам.

Затем на экране появились слова, самые обычные, привычные слова, и суеверный страх отступил. Уэсли жадно пробежал глазами по экрану ридера (размером с небольшую книгу в мягкой обложке), хотя и сам не знал, что ищет.

Наверху было полное имя автора — Эрнест Миллер Хемингуэй — и даты его жизни. Затем шел полный список его работ... но он был неправильным. Да, там значились «И восходит солнце», «По ком звонит колокол», короткие рассказы, «Старик и море»... но еще в список были включены три или четыре названия, о которых Уэсли никогда не слышал. А он был уверен, что, за исключением нескольких небольших эссе, прочитал все из внушительного творческого наследия, оставленного Хемингуэем. К тому же...

Он еще раз посмотрел на годы жизни и увидел, что дата смерти была неправильной. Хемингуэй умер 2 июля 1961 года, застрелившись из любимого ружья. Но, судя по дате на экране, он отправился в великую небесную библиотеку 19 августа 1964 года.

— Дата рождения тоже неправильная, — пробормотал Уэсли. Свободной рукой он то и дело ерошил волосы,

придавая прическе какую-то новую экзотическую форму. — Я почти уверен. Он родился в тысяча восемьсот девяносто девятом, а не тысяча восемьсот девяносто седьмом.

Он навел курсор на название, которого не знал: «Собаки Кортланда». Наверное, так решил пошутить какой-нибудь полоумный программист. Но «Собаки Кортланда» хотя бы *по стилю* походили на названия, которые Хемингуэй давал своим произведениям. Уэсли нажал кнопку.

Экран погас, а потом на нем появилась обложка книги. Она была черно-белой, и на ней стоя лающих собак окружила пугало. На заднем плане виднелся охотник с ружьем — плечи опущены от усталости или отчаяния (а может, того и другого вместе). Наверное, тот самый Кортланд.

В лесах на севере Мичигана Джеймс Кортланд сталкивается с неверностью жены и смертельной опасностью. Когда на старой ферме Кортланда появляются три опасных преступника, самый известный герой «Старика Хэма» оказывается перед ужасным выбором. Насыщенный событиями и символизмом заключительный роман Эрнеста Хемингуэя был удостоен Пулицеровской премии незадолго до смерти автора. \$7,50

Далее «Киндл» спрашивал: «КУПИТЬ ЭТУ КНИГУ? ДА/НЕТ».

— Полная чушь! — прошептал Уэсли, выделяя «Да» и нажимая кнопку подтверждения.

Экран снова очистился, а потом на нем появилось новое сообщение: «Ур-романы не подлежат распространению, согласно применимым Законам Парадокса. Вы согласны? Да/Нет».

Улыбаясь, как и полагается тому, кто понял шутку, но продолжает подыгрывать, Уэсли подтвердил свое согласие. Через мгновение на экране высветилось:

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОКУПКУ, УЭСЛИ!
ВАШ УР-РОМАН ЗАКАЗАН
С ВАШЕГО СЧЕТА БУДЕТ СПИСАНО \$7,50

ПОМНИТЕ, ЧТО СКАЧИВАНИЕ УР-РОМАНОВ ЗАНИМАЕТ
БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ
ПОДОЖДИТЕ 2–4 МИНУТЫ

Уэсли вернулся на страницу со своими закачками. Там по-прежнему значились «Дорога перемен», «Старик и море» и «Новый оксфордский американский словарь», и он не сомневался, что так и останется. Никакого романа Хемингуэя «Собаки Кортланда» не существовало ни в этом, ни в других мирах. И все-таки он поднялся и подошел к телефону. Трубку на другом конце сняли сразу.

— Дон Оллман, — представился его коллега. — И да, я действительно родился бродягой, как поется в песне братьев Оллман. — На этот раз на заднем фоне слышались не глухие удары мячей, а дикие крики трех сыновей Дона — казалось, они разносили дом.

— Дон, это Уэсли.

— А, Уэсли! Мы не виделись... наверное, часа три! — Из глубины сумасшедшего дома, в котором, по мнению Уэсли, обитала семья Дона, раздался крик, похожий на предсмертный. Но на Дона он не произвел ни малейшего впечатления. — Джейсон, не бросайся в брата. Будь хорошим мальчиком и посмотри «Губку Боба». — Затем он переключился на Уэсли: — Чем могу помочь, Уэс? Дать совет по проблеме личной жизни? Подсказать, как улучшить сексуальное поведение и повысить выносливость? Или придумать название для романа, который ты пишешь?

— Никакой роман я не пишу, и ты об этом знаешь! — огрызнулся Уэсли. — Но я действительно хотел поговорить о романах. Ты же знаком с творчеством Хемингуэя, верно?

— Мне нравится слышать от тебя сальности.

— Так да или нет?

— Конечно, знаком. Но, надеюсь, хуже тебя. Это ты спец по американской литературе двадцатого века, а я занимаюсь временами, когда писатели носили парики, нюхали табак и изъяснялись ярко, используя фразы типа «разрази меня гром». Так что за вопрос?

— Как ты считаешь, у Хемингуэя есть произведения о собаках?

Дон немного помолчал под крики еще одного сына, а потом поинтересовался:

— Уэс, с тобой все в порядке? Судя по голосу..

— Просто ответь на вопрос. Есть или нет? — *Выбери-те «да» или «нет».*

— Ладно, — сдался Дон. — Насколько я могу сказать, не обращаясь за помощью к своему верному компьютеру, нет. Помню, однажды он заявил, что сторонники Батисты на Кубе забили палками до смерти его любимую дворняжку. Уж не знаю, правда это или нет. Он расценил это как знак, что им с Мэри надо срочно делать ноги во Флориду.

— А ты не помнишь кличку этого пса?

— Вроде бы помню. Надо бы проверить по Интернету, но, по-моему, собаку звали Негрита. Что-то вроде этого. На мой взгляд, немного отдает расизмом, но мне ли судить?

— Спасибо, Дон. — Уэсли чувствовал, что губы его не слушались. — Увидимся завтра.

— Ты уверен, что с тобой... **ФРЭНКИ! НЕМЕДЛЕННО ПОЛОЖИ НА МЕСТО! НЕ...** — Послышался грохот. — Черт! Кажется, это был фарфор. Мне надо идти, Уэс. Увидимся завтра.

— Пока.

Уэсли вернулся на кухню. Он увидел, что в списке заказанных в ридер книг появилось новое название. Роман (или *нечто*) «Собаки Кортланда» был загружен с...

Откуда именно? Из какой-то другой реальности, называемой Ур-7191974?

Уэсли был уже не в силах считать саму идею смехотворной и на этом основании ее отбрасывать. Но добраться до холодильника и достать пиво силы еще оставались. Ему хотелось пива. Он открыл банку и в пять больших глотков осушил ее наполовину, после чего рыгнул. Потом сел, чувствуя себя немного лучше. Выделил название новой покупки (по его мнению, семь с половиной долларов за не-

известное произведение Хемингуэя было чертовски дешево), и на экране появился титульный лист. На следующей странице было посвящение: «Саю и Мэри с любовью».

Затем шло следующее:

Глава 1

Кортланд верил, что человек проживает пять собачьих жизней. В первой он учится. Во второй учит сам. Третью и четвертую жизни он работает. А последнюю собачью жизнь человек не проживал до конца. Жизнь «зимней собаки». «Зимнюю собаку» Кортланда звали Негрита, но в мыслях он всегда называл ее «собакой-пугалом»...

К горлу Уэсли подступила тошнота. Он подбежал к раковине, наклонился, и его вырвало. Почувствовав облегчение, он не стал смывать рвотную массу, а просто подставил под кран руки и, набрав в ладони воды, плеснул на мокрое от пота лицо. Ему стало легче.

Он вернулся к «Киндлу» и уставился на него.

Кортланд верил, что человек проживает пять собачьих жизней.

В каком-то колледже — намного более престижного, чем Колледж Мура в Кентукки, — имелся компьютер с программой, позволявшей определять автора текста. Присущие автору стилистические особенности столь же уникальны, как отпечатки пальцев или снежинки. Уэсли смутно помнил, что эту программу использовали для выяснения личности анонимного автора романа «Основные цвета». Программа сколько-то там часов или дней сканировала труды тысяч писателей и остановилась на Джо Клейне, обозревателе общественно-политического еженедельника, который позже действительно признался в авторстве.

Уэсли подумал, что если загрузить в этот компьютер «Собак Кортланда», то машина наверняка выдаст имя

Эрнеста Хемингуэя. Правда, смысла в этом не было, поскольку авторство не вызывало сомнений.

Он взял читалку трясущимися руками. Спросил:

— Да что ты такое?

III — УЭСЛИ ОТКАЗЫВАЕТСЯ СХОДИТЬ С УМА

Как сказал Скотт Фицджеральд: *В глубокой ночной мгле души всегда три часа утра.*

В три часа утра во вторник Уэсли лежал с открытыми глазами и терзался вопросом, не поехала ли у него крыша. Час назад он заставил себя выключить розовый «Киндл» и снова спрятать его в портфель, но власть ридера осталась такой же сильной, как и в полночь, когда он, позабыв обо всем на свете, копался в меню «Ур-книги».

Он искал Эрнеста Хемингуэя в двух десятках из почти десяти с половиной миллионов Уров и нашел не меньше двадцати его романов, о которых никогда не слышал прежде. В одном из Уров (номер 6201949; цифры соответствовали дате рождения его матери) Хемингуэй писал детективы. Уэсли загрузил книгу под названием «Это кровь, дорогая!», и она оказалась типичным бульварным романом... но написан он был тем же лаконичным «телеграфным» стилем, не узнать который было невозможно.

Стилем *Хемингуэя*.

И даже будучи автором детективов, Хемингуэй оставлял на время мир бандитских разборок, крови и обмана, чтобы написать «Прощай, оружие». «Прощай, оружие» он писал во всех Урах; другие названия могли меняться, но «Прощай, оружие» было всегда, а «Старик и море» — почти всегда.

Уэсли попытался найти Фолкнера.

Фолкнера ни в одном из Уров не оказалось вообще.

Он вернулся в основное меню и нашел множество его произведений. Судя по всему, они существовали только в этой реальности.

В этой реальности?

Голова шла кругом.

Он проверил автора «2666» Роберто Боланьо, и, хотя его не оказалось в основном меню, имя высветилось в нескольких подменю Ур-книг. Одна из книг Боланьо (в Уре-101) интригующе называлась «Мэрилин выдает Фиделя». Уэсли хотел было скачать ее, но передумал. Так много авторов, так много Уров, так мало времени.

Где-то в глубине души он, не на шутку перепуганный, продолжал отчаянно цепляться за мысль, что имеет дело с тщательно продуманным розыгрышем безумного программиста и плодом его больного воображения. Однако данные, объем которых по мере поисков продолжал расти, свидетельствовали о другом.

Взять хотя бы Джеймса Кейна. В одном из Уров, проверенных Уэсли, Кейн умер очень молодым и написал всего две книги: «Сумерки» (неизвестный роман) и «Милдред Пирс» (известный). Уэсли не сомневался, что «Почтальон всегда звонит дважды» окажется среди его постоянных Ур-романов, если можно так выразиться, но ошибся. Он сделал запрос на Кейна в десятке Уров, однако «Почтальон всегда звонит дважды» встретился лишь один раз. А вот «Милдред Пирс», по мнению Уэсли, далеко не лучшее произведение Кейна, встречался везде. Как «Прощай, оружие» у Хемингуэя.

Уэсли проверил собственное имя, и выяснилось то, чего он боялся: хотя в Урах Уэсли Смитов было предостаточно (один, к примеру, писал вестерны, другой — порнографические романы типа «Горячая штучка»), ни один из них не был похож на него. Конечно, надежда оставалась, но в 10,4 миллиона альтернативных реальностей он оказался неопубликованным неудачником.

Уэсли лежал в постели, прислушиваясь к доносившему издали собачьему лаю, и чувствовал, что дрожит. Сейчас его волновало вовсе не отсутствие собственных перспектив на литературном поприще. Самым главным — тем, что могло изменить всю его жизнь и даже повредить

рассудок, — являлись богатства, скрывавшиеся под тонкой розовой пластиковой панелью. Он вспоминал писателей, чью кончину оплакивал, от Норманна Мейлера и Сола Беллоу до Дональда Уэстлейка и Эвана Хантера: их волшебные голоса заставил умолкнуть бог смерти Танатос.

А теперь они вновь заговорили.

Заговорили с ним.

Он откинул одеяло. Ридер звал его. Но не человеческим голосом. Звал стуком сердца-обличителя, совсем как у По, только звук шел не из-под пола, а из портфеля, и...

По!

Господи, он же не проверил По!

Он оставил портфель на привычном месте возле любимого кресла. Уэсли бросился к нему, вытащил ридер и подключил к сети (не дай бог сядет аккумулятор). Затем вошел в меню «УР-КНИГИ», набрал «Эдгар Аллан По» и с первой попытки нашел Ур — 2555676, — в котором По дожил до 1875 года, а не умер в сорок лет в 1849 году. В этой версии По писал романы. И написал целых шесть! Уэсли жадно пробежал глазами названия.

Один роман назывался «Дом стыда, или Цена падения». Уэсли скачал его — всего за четыре доллара девяносто пять центов — и читал до рассвета. Потом выключил розовый ридер, положил голову на руки и проспал два часа за кухонным столом.

Ему снились сны. Но в них он видел не образы, а только слова. Названия! Бесконечные строки названий произведений, многие из которых были неизвестными шедеврами. И названий этих было не меньше, чем звезд на небе.

Он сумел кое-как пережить вторник и среду, однако на «Введении в американскую литературу» в четверг недостаток сна и перевозбуждение дали о себе знать. К ним добавилось и постоянно нараставшее ощущение потери связи с реальностью. На середине своей «Миссисипской лекции» (обычно отличавшейся четкостью и убедительностью), посвященной тому, что истоки творчества сле-

дует искать в работах Марка Твена, а почти вся американская литература двадцатого века вышла из Хемингуэя, он вдруг поймал себя на том, что рассказывает студентам об отсутствии у Старика Хэма великого произведения о собаках. И что проживи Хемингуэй дольше, обязательно написал бы его.

— Уж точно получше, чем «Марли и я», — сказал Уэсли и нервно рассмеялся.

Он повернулся к студентам и увидел двадцать две пары глаз, устремленных на него с разной степенью беспокойства, растерянности и изумления. Услышал шепот, тихий, но отчетливый, как биение сердца старика в ушах безумного рассказчика у Эдгара По: «У Смити не все дома».

Пока он еще находился в своем уме, но *опасность лишиться рассудка* была реальной.

Нет, подумал он, *нет, нет!* И, к своему ужасу, вдруг осознал, что шепчет это вслух.

Хендерсон, сидевший в первом ряду, услышал. И неуверенно поинтересовался:

— Сэр? С вами все в порядке?

— Да, — ответил он. — Нет. Наверное, подхватил вирус.

Вирус. «Летучий» вирус. Как жук. «Золотой жук» По, подумал он и едва удержался от истерического смеха.

— Занятие окончено, — объявил он. — Все свободны.

Студенты потянулись к двери, и Уэсли, заставив себя сконцентрироваться, крикнул им вслед:

— На следующей неделе — Реймонд Карвер! Не забудьте! «Если спросишь, где я»!

И подумал: *А что еще написал Реймонд Карвер в Ур-мирах? Есть ли там мир — или десяток, а то и сотня миров, — в котором он бросил курить, дожил до семидесяти и написал еще полдюжины книг?*

Он сел за стол, потянулся к портфелю, в котором лежал розовый ридер, и отдернул руку. Потом снова потянулся, опять остановил себя и застонал. Это было как наркотик. Как сексуальное наваждение. При этой мысли он вдруг вспомнил об Эллен Сильверман, которая вылетела у него

из головы после обнаружения скрытых меню читалки. Впервые после разрыва он совершенно забыл про Эллен.

Смешно, правда? Теперь я читаю на компьютере, Эллен, и не могу остановиться.

— Я не желаю тратить остаток дня на эту штуку, — произнес он, — и не желаю сходить с ума! Не желаю смотреть и не желаю сходить с ума. Ни смотреть, ни сходить с ума я не желаю. Я...

Но розовый «Киндл» уже был у него в руках! Он достал его, пока клялся, что не позволит ридеру поработить себя! Как же это вышло? И неужели он и в самом деле собирался сидеть над ним в пустой аудитории?

— Мистер Смит!

От неожиданности он вздрогнул и выронил «Киндл», который со стуком упал на стол. Уэсли тут же схватил его и осмотрел, похолодев от ужаса, что он сломался, но с ним все было в порядке. Слава богу!

— Извините, я не хотел вас напугать. — В дверях стоял Хендерсон и с тревогой смотрел на него. Это не удивило Уэсли. *Видел бы я себя сейчас со стороны, тоже за-нервничал бы.*

— Ты меня не напугал, — заверил Уэсли. Эта очевидная ложь показалась ему смешной, и он едва не захихикал. Приложил руку ко рту, чтобы сдержаться.

— Что случилось? — Хендерсон вошел в аудиторию. — Мне кажется, дело не в вирусе. На вас лица нет. Какие-то плохие новости или неприятности?

Уэсли уже собирался посоветовать ему не лезть не в свое дело, не совать нос в чужие дела и убираться, но тут вмешался страх, прятавшийся в самых дебрях сознания, что розовый «Киндл» окажется всего лишь шуткой или розыгрышем какого-то ушлого мошенника. Этот страх решил, что пора вылезать на свет и действовать.

Если ты не хочешь действительно спятить, надо что-то предпринять. Что скажешь?

— Как ваше имя, мистер Хендерсон? Оно вылетело у меня из головы.

Парень улыбнулся. Улыбка была хорошая, но в глазах по-прежнему стояла тревога.

— Роберт, сэр. Робби.

— Что ж, Робби, а я — Уэс. И я хочу тебе кое-что показать. Есть два варианта. Если ты ничего не увидишь, то у меня галлюцинации и, очевидно, серьезное нервное расстройство. А вот если увидишь, то от этого у тебя самого может запросто снести крышу. Но не здесь. Лучше у меня в кабинете, ладно?

Пока они пересекали скучный внутренний двор, Хендерсон пытался разговорить Уэсли и вызнать, в чем дело. Но тот лишь молча качал головой, радуясь, что Робби Хендерсон вернулся в аудиторию, а страх все-таки выплеснулся. Его отношение к «Киндлу» изменилось и стало более спокойным — так спокойно он не чувствовал себя с момента обнаружения скрытых меню. Если это фантазия, Робби Хендерсон ничего не увидит, и главный герой решит, что сходит с ума. Или уже сошел. Уэсли почти надеялся на это, потому что...

Потому что мне хочется, чтобы это оказалось галлюцинацией. Если это галлюцинация и молодой человек поможет мне прояснить вопрос, я не сойду с ума. Я не хочу сойти с ума.

— Вы что-то бормочете, сэр, — сказал Робби. — В смысле, Уэс.

— Извини.

— И немного меня пугаете.

— Я сам немного себя пугаюсь.

В кабинете Дон Оллман проверял письменные работы. Он сидел в наушниках и распевал песню про Иеремию, который был лягушкой. Его голос выходил за рамки просто плохого и терялся в неизведанных джунглях чудовищного. Заметив Уэсли, он выключил айпод.

— Я думал, ты на лекции.

— Я ее отменил. Это Роберт Хендерсон, один из моих студентов.

— Робби, — представился Хендерсон, протягивая руку.

— Привет, Робби. А я Дон Оллман. Один из наименее славных братьев Оллман. Играю на стиральной доске.

Робби вежливо засмеялся и пожал Дону Оллману руку. До этого момента Уэсли намеревался попросить Дона выйти, считая, что одного свидетеля его душевного расстройства будет вполне достаточно. Однако сейчас был тот редкий случай, когда компания действительно не помешает.

— Оставить вас вдвоем? — спросил Дон.

— Нет, — ответил Уэсли. — Не уходи. Я хочу вам обоим кое-что показать. И если вы ничего не увидите, а я увижу, то буду рад обратиться в центральную психиатрическую клинику. — Он открыл портфель.

— Ничего себе! — воскликнул Робби. — Розовый «Киндл»! Никогда таких не видел!

— А теперь я покажу вам еще кое-что, чего вы никогда не видели, — сказал Уэсли. — По крайней мере, так мне кажется.

Он вставил штепсель в розетку и включил ридер.

Дона Оллмана окончательно убедило «Собрание сочинений Уильяма Шекспира» из Ура-17000. Скачав тексты по просьбе Дона — в этом Уре Шекспир умер не в 1616-м, а в 1620-м, — все трое обнаружили две новые пьесы. Одна называлась «Две дамы из Гэмпшира» и была комедией, написанной вскоре после «Юлия Цезаря». Другая — трагедией, написанной в 1619 году, и называлась «Черный человек в Лондоне». Уэсли открыл ее и (неохотно) передал «Киндл» Дону.

Дон Оллман, всегда краснощекий, улыбчивый парень, пробежав глазами первый и второй акты «Черного человека в Лондоне», изменился в лице и больше не улыбался. Робби и Уэсли молча смотрели на Дона, пока он читал, и через двадцать минут он подтолкнул ридер в сторону Уэсли. Кончиками пальцев, будто не хотел к нему прикасаться.

— Итак? — поинтересовался Уэсли. — Что скажешь?

— Возможно, это имитация, — ответил Дон, — но, с другой стороны, всегда были ученые, утверждавшие, что

шекспировские пьесы написаны не Шекспиром. Авторство приписывали Кристоферу Марло... Фрэнсису Бэкону... и даже графу Дерби...

— Ну да, а «Макбета» написал Джеймс Фрей, — сказал Уэсли. — Но что думаешь *ты*?

— Мне кажется, это может быть настоящий Уилли. — Он говорил так, будто вот-вот разрыдается. Или разразится смехом. А может, сделает и то и другое. — Я думаю, это слишком похоже на правду, чтобы быть шуткой. А если это мистификация, то не понимаю, как такое возможно. — Он вытянул палец, осторожно дотронулся до ридера и отдернул руку. — Чтобы сказать точнее, мне надо тщательно изучить обе пьесы, имея под рукой материалы для сравнения, но тут явно чувствуется... его *стиль*.

Как выяснилось, Робби Хендерсон прочитал почти все детективные и приключенческие романы Джона Макдональда. В списке работ Макдональда в Уре-2171753 он обнаружил семнадцать романов, объединенных в серию о Дэйве Хиггинсе. Все названия были даны в цвете.

— Серия у него действительно есть, — пояснил Робби, — но все названия другие. И главного героя зовут не Дэйв Хиггинс, а Тревис Макги.

Уэсли загрузил роман под названием «Погребальная песнь», заплатив еще четыре с половиной доллара, а когда пополнил расширяющуюся библиотеку ридера, подвинул «Киндл» к Робби. Пока тот знакомился с книгой, сначала читая, а затем лишь бегло просматривая содержание, Дон сходил в главное здание и вернулся с тремя стаканчиками кофе. Прежде чем устроиться у себя за столом, он повесил снаружи на дверь редко используемую табличку «ИДЕТ СОВЕЩАНИЕ. ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ».

Когда Робби поднял глаза, в его лице не было ни кровинки — совсем как у Дона после знакомства с вдруг выплывшей на свет пьесой Шекспира об африканском принце, привезенном в Лондон в кандалах.

— Это очень похоже на роман о Тревисе Макги «Бледно-серая шкура виновного», — сообщил он. — Только

Тревис Макги живет в Форт-Лодердейле, а Хиггинс — в Сарасоте. У Макги есть друг по имени Мейер, а у Хиггинса — подруга, которую зовут Сара... — Он склонился над ридером. — Сара Мейер. — Робби посмотрел на Уэсли округлившимися глазами. — Боже милостивый, и есть десять миллионов таких... других миров?

— Если верить меню Ур-книг, то десять миллионов четыреста с чем-то тысяч, — ответил Уэсли. — Полагаю, проследить по всем Урам хотя бы одного автора твоей жизни точно не хватит.

— А ведь я мог умереть уже сегодня, — тихо произнес Робби Хендерсон. — Из-за этой штуки у меня едва не случился инфаркт. — Он схватил пенопластовый стаканчик с горячим кофе и залпом выпил его.

Уэсли же, наоборот, почти обрел душевное равновесие. Но страх лишиться рассудка вытеснился множеством вопросов, от которых голова шла кругом. Правда, животрепещущим был только один:

— Что мне теперь с этим делать?

— Прежде всего, — сказал Дон, — об этом никто не должен узнать. — Он повернулся к Робби: — Ты умеешь хранить тайны? Если нет, я тебя убью.

— Я умею хранить тайны. Но как быть с теми, кто послал этот ридер, Уэс? Умеют ли *они* хранить тайны? И *станут* ли?

— Откуда мне знать, если я понятия не имею, кто они такие?

— А какой кредиткой вы пользовались, когда заказывали эту розовую штуку?

— «Мастеркард». В последнее время я пользуюсь только ею.

Робби показал на компьютерный терминал кафедры английского языка.

— Попробуйте выйти в Интернет и проверить свой счет. Если эти... Ур-книги пришли от «Амазона», я очень сильно удивлюсь.

— А откуда еще они могли прийти? — в свою очередь удивился Уэсли. — Это их гаджет, и они продают для него книги. К тому же упаковка была от «Амазона». На ней был их логотип.

— А они продают этот гаджет в розовом цвете? — поинтересовался Робби.

— Вообще-то нет.

— Проверьте свой счет, Уэс.

Пока старенький офисный компьютер неспешно загружался, Уэсли нервно барабанил пальцами по коврику для компьютерной мыши с «Могучим мышонком». Наконец выпрямился и устремил взгляд на экран.

— Ну? — спросил Дон. — Не томи!

— Если верить выписке, — ответил Уэсли, — в последний раз я платил «Мастеркардом» за блейзер в магазине мужской одежды. Неделию назад. Никаких электронных книг.

— Даже тех, что ты покупал обычным способом? «Старик и море»? «Дорога перемен»?

— Их тоже нет.

— А как насчет самого «Киндла»? — спросил Робби.

Уэсли прокрутил выписку назад.

— Ничего... ничего... ниче... Погодите! Вот... — Он подался вперед, почти коснувшись носом экрана. — Вот черт! Будь я проклят!

— Что? — хором спросили Дон и Робби.

— Здесь пишут, что мой заказ был отклонен. Сказано: «Неправильный номер кредитной карты». — Он немного подумал. — Такое возможно. Я всегда путаю местами две цифры, даже если чертова карта лежит перед глазами. У меня легкая степень дислексии.

— Однако заказ все же прошел, — задумчиво протянул Дон. — Каким-то образом... кому-то. Куда-то. А в каком Уре мы находимся, по мнению «Киндла»? Напомните мне.

Уэсли сверился с ридером.

— В сто семнадцать тысяч пятьсот восемьдесят шестом. Вводить надо без запятых.

— Может, это и не тот Ур, в котором мы живем, но бьюсь об заклад, что именно из этого Ура пришел «Киндл». И в том Уре номер кредитной карты, который ты ввел, принадлежит Уэсли Смиту, который в нем существует.

— И какова вероятность чего-то подобного? — поинтересовался Робби.

— Не знаю, — ответил Дон, — но, полагаю, куда меньше десяти с половиной миллионов к одному.

Уэсли открыл рот, намереваясь что-то сказать, но в этот момент в дверь отчаянно забарабанили. От неожиданности все вздрогнули. Дон Оллман даже вскрикнул.

— Кто там? — спросил Уэсли, хватая «Киндл» и прижимая к груди, будто желая защитить.

— Сторож, — ответили из коридора. — Вы домой собираетесь? Почти семь часов, и мне пора закрывать здание.

IV — АРХИВЫ НОВОСТЕЙ

Они не закончили и не могли закончить. Во всяком случае, пока. Особенно настаивал на продолжении Уэсли. В последние дни он спал не больше трех часов подряд, но чувствовал себя бодрым и полным сил. Они с Робби поехали к нему на квартиру, а Дон отправился домой помочь жене уложить детей спать. Потом он должен был присоединиться к Уэсли и Робби для мозгового штурма. Уэсли обещал заказать еды.

— Отлично, — одобрил Дон, — только будь осторожен. У китайской Ур-еды навынос другой вкус. Сам знаешь, что говорят про немецкую китайскую еду: съешь немного — и через час захочешь править миром.

К своему удивлению, Уэсли обнаружил, что вновь обрел способность смеяться.

* * *

— Так вот, значит, как выглядит жилье преподавателя английского, — заметил Робби, осматриваясь. — Я покопаюсь в книгах?

— Давай, — разрешил Уэсли. — Я даю их почитать, но только тем, кто возвращает обратно. Помни об этом.

— Само собой. Знаете, мои родители никогда не увлекались чтением. Кое-какие журналы, несколько книг по диете, пара руководств по самосовершенствованию... вот, пожалуй, и весь список. Наверное, и я пошел бы по их стопам, если бы не вы. Просто набивал бы себе шишки, играя в футбол, и в конце концов стал физруком где-нибудь в округе Джайлз. Это в Теннесси. Йи-хо!

Уэсли был тронут. Возможно, потому, что в последнее время ему пришлось многое пережить.

— Спасибо, — сказал он. — Только не забывай, что в «Йи-хо!» нет ничего плохого. Это тоже твое. И тоже важно.

Он подумал об Эллен, о том, как она вырвала у него из рук книгу и швырнула через комнату. А почему? Потому что терпеть не могла книги? Вовсе нет. Просто он не слушал ее, когда она нуждалась в его участии. Кажется, Фриц Лейбер, великий автор фэнтези и научный фантаст, однажды назвал книгу «любовницей ученого». И когда Эллен нуждалась в нем, Уэсли, разве не пребывал он в объятиях другой любовницы, той, что ничего не требовала взамен (разве что словарного запаса) и всегда была готова его принять?

— Уэс! А что еще было в меню «УР-ФУНКЦИИ»?

Сначала Уэсли не понял, о чем речь. Потом сообразил, что там действительно была еще пара строк. Но он так увлекся подменю с книгами, что совсем про них забыл.

— Давай посмотрим, — сказал он и включил ридер. Всякий раз Уэсли почему-то ждал, что «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ МЕНЮ» или меню «УР-ФУНКЦИИ» исчезнут — подобное вполне могло произойти в фантастическом рассказе или «Сумеречной зоне», — но все оказалось на месте.

— «АРХИВ УР-НОВОСТЕЙ» и «ЛОКАЛЬНЫЙ УР», — прочитал Робби. — Ха! В «ЛОКАЛЬНОМ УРЕ» ведутся ремонтные работы. За нарушения — двойной штраф.

— Что?

— Не важно, просто прикалываюсь. Попробуйте архив новостей.

Уэсли выбрал нужную строчку. Экран потемнел. Через несколько мгновений на нем высветилось сообщение:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АРХИВ НОВОСТЕЙ!
В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ИМЕЕТСЯ ДОСТУП
ТОЛЬКО К «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»
СТОИМОСТЬ — \$1 / 4 СКАЧИВАНИЯ
\$10 / 50 СКАЧИВАНИЙ
\$100 / 800 СКАЧИВАНИЙ
ВЫБЕРИТЕ НУЖНЫЙ ПУНКТ КУРСОРОМ, И СУМ-
МА БУДЕТ СПИСАНА С ВАШЕГО СЧЕТА

Уэсли посмотрел на Робби, но тот лишь пожал плечами:

— Я не знаю, что посоветовать, но если бы деньги списывались не с *моей* кредитки — во всяком случае, в этом мире, — я бы потратил сотню.

Уэсли подумал, что в этом есть резон, хотя вряд ли другой Уэсли (если он действительно существовал) обрадуется, когда получит выписку о расходах по «Мастеркард». Он выбрал строчку «\$100 / 800 СКАЧИВАНИЙ» и подтвердил выбор. На этот раз никаких сообщений о Законах Парадокса не высветилось. Зато появилась строка: «ВЫБЕРИТЕ ДАТУ И УР. ЗАПОЛНИТЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛЯ».

— Давай действуй! — сказал он и подвинул «Киндл» к Робби. Теперь это давалось ему легче. Одержимость этой штукой и яростное нежелание выпускать ее из рук было вполне понятным, но вызывало осложнения.

Робби на мгновение задумался, потом напечатал «январь 21, 2009». А в поле «Ур» набрал 1000000.

— Ур один миллион, — сказал он. — А почему бы и нет?

И нажал кнопку подтверждения.

Экран погас, потом на нем появилось сообщение: «НАСЛАЖДАЙТЕСЬ ЧТЕНИЕМ ПО СВОЕМУ ВЫБОРУ». Через мгновение появилась первая страница «Нью-Йорк таймс». Уэсли и Робби склонились над экраном и молча читали, пока не раздался стук в дверь.

— Это, должно быть, Дон, — сказал Уэсли. — Я открою.

Робби Хендерсон не ответил. Он никак не мог прийти в себя.

— На улице холодает, — сообщил Дон, переступая порог. — И ветер такой сильный, что срывает листья с... — Он запнулся, увидев лицо Уэсли. — Что? Или правильное спросить, что на этот раз?

— Посмотри сам, — ответил Уэсли.

Дон прошел в служившую кабинетом гостиную, где на полках стояло множество книг, и увидел склонившегося над «Киндлом» Робби. Тот поднял голову и повернул экран так, чтобы Дон тоже мог читать. На месте фотографий зияли пустые квадраты и прямоугольники с надписью «Изображение недоступно», но заголовок был крупным и черным: **«ПРИШЛА ЕЕ ОЧЕРЕДЬ»**. Внизу подзаголовок чуть помельче гласил: **«Хиллари Клинтон приносит при- сягу как 44-й президент»**.

— Похоже, ей все-таки удалось, — сказал Уэсли. — По крайней мере, в Уре один миллион.

— И посмотрите, кого она сменяет, — добавил Робби и показал на имя. Альберт Арнольд Гор.

Когда через час раздался звонок в дверь, они не вздрогнули от неожиданности, но огляделись вокруг, словно пробудившись ото сна. Уэсли спустился вниз и заплатил за пиццу и упаковку пепси-колы. Они поели за кухонным столом, не отрываясь от «Киндла». Уэсли расправился

с тремя кусками пиццы, что было его личным рекордом, но на вопрос, что именно ел, ответить бы не смог.

Просмотреть хотя бы бегло все восемьсот оплаченных закачек было абсолютно нереально, однако за четыре часа они прочитали достаточно статей из разных Уров, чтобы голова пошла кругом. Уэсли казалось, будто его *мозг* буквально распух. Судя по тому, как выглядели остальные — бледные, под лихорадочно блестящими глазами темнеют синяки, волосы взъерошены, — их состояние было не лучше. Знакомство всего с одной альтернативной реальностью могло стать настоящим потрясением, а таких реальностей имелось более десяти миллионов, и хотя многие казались похожими, чем-то они все обязательно различались.

Инаугурация сорок четвертого президента США — лишь один, но яркий пример. Они проверили ее по двум десяткам различных Уров, прежде чем выбились из сил. Семнадцать первых страниц газеты от 21 января 2009 года объявляли Хиллари Клинтон новым президентом США. В четырнадцати случаях ее вице-президентом являлся Билл Ричардсон из Нью-Мексико. В двух — Джо Байден. А в одном — сенатор от Нью-Джерси Спек Линвуд, о котором они никогда не слышали.

— Он всегда говорит «нет» на предложение занять пост вице-президента, — заметил Дон.

— Кто? — решил уточнить Робби. — Обама?

— Он самый. Его всегда спрашивают, и он всегда отказывается.

— Дело в характере, — предположил Уэсли. — События в Урах могут меняться, а характер человека — нет.

— Это еще неизвестно, — возразил Дон. — У нас совсем крошечная выборка по сравнению с... с... — он слабо хихикнул, — ну, со всем этим. Со всем массивом Ур-миров.

Барак Обама избрали в шести Урах. Митта Ромни — в одном, вместе с Джоном Маккейном в качестве вице-президента. Его соперником был Обама, чьи позиции

пошатнулись после гибели Хиллари в автомобильной аварии, случившейся перед самыми выборами.

Они не встретили ни одного упоминания о Саре Пэйлин. Уэсли не удивился. Он думал, что если бы они и наткнулись на ее имя, то чисто случайно, и не только потому, что самым вероятным кандидатом от республиканцев был Митт Ромни, а не Джон Маккейн. Пэйлин всегда была аутсайдером, не имевшим шансов на победу, и ее никто не воспринимал всерьез.

Робби предложил проверить бейсбольную команду «Ред сокс». Уэсли считал это пустой тратой времени, но Дон поддержал студента, так что Уэсли пришлось смириться. Робби с Доном просмотрели спортивные страницы за октябрь в десяти различных Урах, выбрав даты с 1918 по 2009 годы.

— Печальная картина, — заметил Робби после десятой попытки. Дон Оллман с ним согласился.

— Почему? — удивился Уэсли. — Они же столько выигрывают.

— А значит, нет никакого проклятия*, — сказал Дон. — И это скучно.

— Какого такого проклятия? — заинтересовался Уэсли.

Дон открыл было рот, чтобы объяснить, но, вздохнув, передумал.

— Забудь, — сказал он. — Слишком долго объяснять, и ты все равно не поймешь.

— Но есть и плюсы, — сказал Робби. — «Бомбовозы» всегда держатся наверху, так что дело *не только* в везении.

— Да, — мрачно подтвердил Дон. — Проклятые «Нью-Йорк янкиз». Военно-промышленный комплекс спортивного мира.

* Одно из самых известных бейсбольных суеверий, объясняющее неудачи «Бостон ред сокс» на протяжении десятилетий. После продажи в 1919 г. одного из лучших своих бейсболистов Бэйба Рута (Бамбино) «Ред сокс» не могли стать чемпионами на протяжении 84 лет.

— Прошу прощения, есть претенденты на последний кусок?

Дон и Уэс отказались. Робби взял пиццу и предложил:

— Давайте проверим еще один. Ур четыре миллиона сто двадцать одна тысяча девятьсот восемьдесят девятый. Это мой день рождения. Наверняка там что-то хорошее.

Но он ошибся. Когда Уэсли выбрал Ур и ввел 20 января 1973 года — не совсем случайную дату, — вместо надписи «НАСЛАЖДАЙТЕСЬ ЧТЕНИЕМ ПО СВОЕМУ ВЫБОРУ» появилась другая: **«В ЭТОМ УРЕ ПОСЛЕ 19 НОЯБРЯ 1962 ГОДА «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» ОТСУТСТВУЕТ».**

— Бог мой! — Уэсли зажал ладонью рот. — Господи Боже!

— Что? — спросил Робби. — В чем дело?

— Мне кажется, я знаю, — отозвался Дон и потянулся к розовому ридеру. Уэсли почувствовал, как от лица отхлынула кровь, а внутри все сжалось, и накрыл рукой руку Дона.

— Не надо, — сказал он. — Мне кажется, я этого не вынесу.

— Не вынесете *чего*? — почти крикнул Робби.

— Вы что, не проходили Кубинский ракетный кризис на уроках истории двадцатого века? — спросил Дон. — Или еще не дошли до него?

— *Какой* ракетный кризис? В этом был замешан Кастро?

Дон смотрел на Уэсли.

— Мне тоже не хочется смотреть, — признался он, — но я не смогу заснуть, пока не узнаю наверняка.

— Ладно, — сдался Уэсли и подумал, причем уже не в первый раз, что истинным проклятием рода человеческого являлся вовсе не гнев, а любопытство. — Только давай сам. У меня руки трясутся.

Дон ввел дату «19 НОЯБРЯ 1962 ГОДА». «Киндл» пожелал ему насладиться чтением, но никакой радости оно ему не доставило. Как и остальным. На первой странице застыли огромные заголовки:

ЧИСЛО ЖЕРТВ В НЬЮ-ЙОРКЕ ПРЕВЫШАЕТ 6 МИЛЛИОНОВ
МАНХЭТТЕН ПОРАЖЕН РАДИАЦИЕЙ
ПО СООБЩЕНИЯМ, РОССИЯ СТЕРТА С ЛИЦА ЗЕМЛИ
ЕВРОПА И АЗИЯ НЕСУТ «НЕИСЧИСЛИМЫЕ ПОТЕРИ»
КИТАЙ ЗАПУСКАЕТ 40 МБР

— Выключите, — едва слышно попросил Робби. — Как там в песне? Я больше не хочу этого видеть.

— С другой стороны, — сказал Дон неуверенно, — судя по всему, в остальных Урах, включая наш, этого удалось избежать.

— Робби прав, — произнес Уэсли. Он выяснил, что в последнем номере «Нью-Йорк таймс» Ура-4121989 было всего три страницы. И в каждой статье говорилось о смерти. — Выключи эту штуку. Глаза б мои на нее не смотрели.

— Теперь уже поздно, — заметил Робби. И как он оказался прав!

Они вместе спустились вниз и стояли на тротуаре возле дома Уэсли. Мэйн-стрит почти обезлюдела. Усилившийся ветер завывал в подворотнях и гонял сухую листву по асфальту. Три подвыпивших студента брели, пошатываясь, в сторону жилых кварталов, горланя нечто вроде «Paradise City».

— Я не могу тебе советовать, это твой гаджет, но будь он моим, я бы точно от него избавился, — сказал Дон. — Он не даст тебе жизни.

Уэсли хотел ответить, что уже размышлял об этом, но передумал.

— Поговорим завтра.

— Завтра не выйдет, — предупредил Дон. — Я везу жену с детьми во Франкфорт для чудесного трехдневного уик-энда у ее родителей. На занятиях меня подменит Сьюзи Монтанаро. И после сегодняшнего маленького семинара я буду рад убраться подальше. Робби? Тебя подвезти?

— Спасибо, не надо. Мы с приятелями снимаем квартиру в двух кварталах отсюда. Над «Сьюзан и Нэн».

— Там же наверняка шумно? — удивился Уэсли. Это кафе открывалось в шесть утра и работало без выходных.

— Обычно мне это не мешает, — ухмыльнулся Робби. — И там дешевая аренда.

— Ну и отлично. Пока, ребята. — Дон направился к своей машине, потом обернулся. — Перед тем как лечь спать, я поцелую детей. Может, тогда удастся уснуть. Эта последняя история... — Он покачал головой. — Лучше бы я о ней не знал. Не обижайся, Робби, но засунь свой день рождения себе в задницу.

Они смотрели на удаляющиеся задние фонари машины Дона, и Робби задумчиво произнес:

— Мне никогда еще не желали засунуть свой день рождения в задницу.

— Я уверен, что он не имел в виду ничего личного. А насчет «Киндла» он, наверное, прав. Это потрясающая — *действительно* потрясающая — штука, но в практическом плане совершенно бесполезная.

Робби уставился на него округлившимися глазами:

— Вы называете доступ к тысячам неизвестных произведений великих мастеров *бесполезным*? Господи, какой же вы после этого преподаватель английского?!

Уэсли не нашелся с ответом. Он знал, что рано или поздно снова возьмется за «Собак Кортланда».

— Кроме того, — продолжил Робби, — она может оказаться и *не такой уж* бесполезной. Что, если распечатать одну из книг и отправить издателю? Вы не думали об этом? Подать ее под своим именем. И прославиться. Вас станут называть преемником Воннегута, или Рота, или еще кого-нибудь.

Идея была заманчивой, особенно учитывая бесполезные каракули, которые Уэсли носил в портфеле. Однако он покачал головой.

— Это может нарушить Законы Парадокса... в чем бы они *ни заключались*. А главное, это меня изведет. Я просто не смогу с этим жить. — Он помедлил, не желая выра-

жаться высокомерно, но желая объяснить, что мешало ему так поступить. — Мне будет стыдно.

Робби улыбнулся:

— Вы хороший парень, Уэс.

Они шли в сторону дома Робби. Под ногами шуршали листья, ветер гнал облака, то и дело скрывавшие неполную луну.

— Думаешь?

— Да. И тренер Сильверман тоже так считает.

От неожиданности Уэсли замер на месте.

— А что тебе известно обо мне и тренере Сильверман?

— Мне лично? Ничего. Но вы наверняка в курсе, что в ее команде играет Джози. Джози Куинн из нашей группы.

— Разумеется, я знаю Джози. — Это она говорила как добрый антрополог, когда они обсуждали «Киндл». И Уэсли действительно знал, что она была членом баскетбольной команды. Правда, в основном сидела на скамейке запасных и выходила, только если выпускать было совсем некого.

— Джози говорит, что с тех пор, как вы расстались, она сильно переживает. И злится. Все время их гоняет, а одну девчонку вообще выгнала из команды.

— Это случилось до нашего разрыва. — А сам подумал: *Отчасти из-за этого мы и расстались.* — Э-э... и что? Про нас знает вся команда?

Робби посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Если знает Джози, то знают все.

— Но откуда? — Эллен наверняка им ничего не говорила: тренеру никак не следует делиться с командой своими проблемами на любовном фронте.

— А откуда женщины вообще узнают что-либо? — спросил Робби. — Они просто знают!

— А у тебя с Джози Куинн роман, Робби?

— Мы двигаемся в правильном направлении. Спокойной ночи, Уэс. Завтра посплю подольше — в пятницу нет занятий, но если решите пообедать у «Сьюзан и Нэн», постучите ко мне.

— Может быть, — пообещал Уэсли. — Спокойной ночи, Робби. И спасибо, что был одним из «Трех балбесов».

— Я бы сказал, что мне было очень приятно, но сначала должен над этим подумать.

Вернувшись домой, Уэсли не стал читать Ур-Хемингуэя, а засунул «Киндл» в портфель. Потом достал практически чистую записную книжку и провел рукой по красивой обложке. «Сюда ты будешь записывать мысли для своей книги», — сказала тогда Эллен, и подарок был действительно дорогим. Жаль, что бесполезным.

Я все еще могу написать книгу, подумал он. *То, что ее нет в других Урах, вовсе не означает, что ее не может быть в этом.*

В самом деле! Он мог стать Сарой Пэйлин американской литературы. Потому что иногда аутсайдерам удавалось вырваться вперед и оказаться на первых ролях.

На радость и на горе.

Он разделся, почистил зубы, затем позвонил на кафедру и оставил сообщение секретарю с просьбой отменить его утреннюю лекцию.

— Спасибо, Мэрилин. Извините, что загружаю вас, но, похоже, у меня начинается грипп.

Неубедительно покашляв, он повесил трубку.

Он думал, что пролежит без сна несколько часов, размышляя об иных мирах, но в темноте они казались такими же нереальными, как актеры на экране. Они были большими — и нередко красивыми, — но все равно оставались лишь тенями, порожденными лучом света. Возможно, так же обстоит дело и с Ур-мирами.

Реальным в этот полночный час был лишь чудесный голос ветра, рассказывавший истории о Теннесси, откуда он только что прилетел. Убаюканный им, Уэсли заснул, и спал он глубоко и долго. Он не видел снов, а когда проснулся, спальню заливал яркий солнечный свет. Впервые со студенческих лет он проспал почти до одиннадцати утра.

V — ЛОКАЛЬНЫЙ УР (В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ)

Он долго стоял под горячим душем, потом побрился, оделся и решил отправиться в «Сьюзан и Нэн» на поздний завтрак или ранний обед, в зависимости от того, какое меню ему понравится больше. Что касается Робби, то Уэсли решил его не беспокоить и дать ему поспать. После обеда парню предстояло отправиться на тренировку зло-счастной футбольной команды, и возможность поспать подольше он явно заслужил. Уэсли сообразил, что, если занять столик у окна, можно увидеть автобус, увозящий их команду за восемьдесят миль на турнир «Блуграсс». Он помашет им рукой. Эллен, конечно, его не увидит, но это не важно.

Портфель он машинально прихватил с собой.

Он заказал блюдо под названием «Сексуальная смесь от Сьюзан» (лук, перец, сыр моцарелла), попросил добавить к нему несколько кусочков бекона и принести кофе и сок. Когда молоденькая официантка принесла заказ, он уже вытащил ридер и читал «Собак Кортланда». Это был точно Хемингуэй, и потрясающий.

— Это у вас «Киндл», верно? — спросила официантка. — Мне подарили такой же на Рождество, и я его обожаю! Закачала в него все книги Джоди Пиколт и теперь читаю.

— Вряд ли все, — усомнился Уэсли.

— Это почему?

— Наверное, она успела написать еще одну. Вот о чем я.

— Ну да, а Джеймс Паттерсон, наверное, успел написать еще одну после завтрака! — язвительно фыркнула официантка и удалилась.

Пока они разговаривали, Уэсли, даже не отдавая себе в этом отчета, нажал кнопку и вышел в основное меню, чтобы убрать с экрана роман Ур-Хемингуэя. Потому что

испытывал вину? Боялся, что официантка увидит его на экране и закричит: «Это не настоящий Хемингуэй!»? Невозможно! Но само обладание розовым «Киндлом» заставляло его чувствовать себя мошенником. В конце концов, этот ридер принадлежал не ему, и все загрузки принадлежали не ему, потому что не он за них заплатил.

А может, никто и не платил, подумал он, но сам в это не верил. Потому что одна из непреложных жизненных истин заключалась в том, что за все рано или поздно приходилось платить.

В блюде ничего особо сексуального не было, но оно оказалось вкусным. Уэсли не стал возвращаться к Кортланду и его зимней собаке, а занялся изучением меню ридера. Функция, которую он еще не пробовал, называлась «ЛОКАЛЬНЫЙ УР». Который был «в процессе формирования». Как вчера выразился Робби? «За нарушения — двойной штраф». Голова у парня точно работала, и со временем ум мог стать еще острее, если, конечно, он не отобьет себе мозги, играя в футбол Третьего дивизиона, что никакого смысла не имело. Улыбаясь, Уэсли выбрал «ЛОКАЛЬНЫЙ УР» и нажал кнопку подтверждения. На экране появилось сообщение:

ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП К ЛОКАЛЬНОМУ УРУ? ДА/НЕТ

Уэсли выбрал «ДА». Немного подумав, «Киндл» выдал новое сообщение:

ТЕКУЩИЙ ИСТОЧНИК ЛОКАЛЬНОГО УРА —
ГАЗЕТА «МУР ЭКО»
ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП? ДА/НЕТ

Уэсли обдумал вопрос, разделяваясь с ломтиком бекона. «Мур эко» был местной газетенкой, сообщавшей о гаражных распродажах, спортивных событиях местного значения и городской политике. Уэсли полагал, что горожане просматривали эти заметки, но покупали газету в ос-

новном из-за некрологов и полицейской хроники. Всем хотелось знать, кто из соседей умер или загремел в кутузку. Просматривать 10,4 миллиона Уров для Мура, штат Кентукки, не слишком хотелось, но почему бы и нет? Разве он не тянул время, неспешно разделяваясь с завтраком, чтобы дожидаться автобуса с игроками и помахать им рукой?

— Печально, но факт, — признался он себе и нажал «ДА». Появилось сообщение, которое он уже видел раньше: «ЛОКАЛЬНЫЙ УР ЗАЩИЩЕН ВСЕМИ ПРИМЕНИМЫМИ ЗАКОНАМИ ПАРАДОКСА. ВЫ СОГЛАСНЫ? ДА/НЕТ».

А вот это уже было странно. Архивы «Нью-Йорк таймс» не защищены Законами Парадокса — что бы это ни значило, — а их убогая местная газетенка защищена? Это выглядело бессмысленно, но безопасно. Уэсли пожал плечами и нажал «ДА».

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ
АРХИВ «ЭКО»
СТОИМОСТЬ — \$40 / 4 СКАЧИВАНИЯ
\$350 / 10 СКАЧИВАНИЙ
\$2500 / 100 СКАЧИВАНИЙ

Уэсли положил вилку на тарелку и озадаченно уставился на экран. Мало того что местная газетенка охранялась Законами Парадокса, так за нее еще и просили намного больше! Почему? И что, черт возьми, за «предварительный архив»? Для Уэсли уже одно это звучало как парадокс. Или оксюморон.

— Что ж, он ведь «в процессе формирования», — объяснил он себе. — За нарушения — двойной штраф, а за скачивания — двойная цена. В этом все дело. К тому же платить не мне.

Не ему, но поскольку его не покидала мысль, что когда-нибудь (причем *скоро!*) заплатить все равно придется, он решил остановиться на среднем варианте. На экране появилась почти такая же заставка, как и на архиве «Нью-

Йорк таймс», но здесь его просто просили указать конкретную дату. Со стороны это ничем не отличалось от обычного архива газеты, который можно заказать на микрофильмах в местной библиотеке. Но тогда почему это стоило так дорого?

Он пожал плечами, набрал «5 июля 2008 года» и нажал кнопку подтверждения. «Киндл» тут же откликнулся сообщением:

ТОЛЬКО БУДУЩИЕ ДАТЫ
СЕГОДНЯ 20 НОЯБРЯ 2009 ГОДА

Через мгновение до него дошло, что это значит, и окружающий мир вдруг стал ослепительно ярким, будто некое сверхъестественное существо резко вывернуло на максимум ручку реостата, контролирующего дневной свет. Все звуки в кафе — стук вилок, звон тарелок, гул разговоров — стали удивительно громкими.

— Бог мой, — прошептал он. — Неудивительно, что это так дорого.

Это было слишком. Просто не укладывалось в голове. Он потянулся к ридеру, намереваясь его выключить, но тут с улицы раздалась приветственные крики. Он поднял голову и увидел желтый автобус с надписью на борту «СПОРТИВНАЯ КАФЕДРА КОЛЛЕДЖА МУРА». Спортсменки и студентки из группы поддержки, высунувшись в окна, махали руками, смеялись и скандировали: «Вперед, сурикаты!» и «Мы победим!». Одна из девушек размахивала большим пенопластовым указательным пальцем с надписью «номер 1». Прохожие на Мэйн-стрит улыбались и приветственно махали руками в ответ.

Уэсли тоже поднял руку и вяло взмахнул. Водитель автобуса посигналил. Позади автобуса развевался самодельный флаг, украшенный надписью «СУРИКАТЫ ПОТЯСУТ РАПП-АРЕНУ». Уэсли только сейчас обратил внимание, что посетители кафе аплодируют. Казалось, все вокруг происходит в другом мире. В другом Уре.

Когда автобус уехал, Уэсли снова опустил взгляд на ридер. И решил, что одну из десяти закачек он все же использует. Горожане не очень-то привечали студентов — обычная неприязнь между местными жителями и обитателями университетского кампуса, — но команду «Леди сурикаты» любили, потому что победителей любят все. Результаты турнира, не важно, что предсезонного, наверняка окажутся на первой странице «Эко» в понедельник. Если «Сурикаты» победят, он может купить Эллен победный подарок, а если проиграют — утешительный.

— В любом случае я окажусь в выигрыше, — сказал он и ввел дату: 23 ноября 2009 года.

«Киндл» надолго задумался, потом наконец на экране появилась первая страница.

Номер за будущий понедельник.

Заголовок был огромным и черным.

Уэсли пролил кофе, но успел подхватить «Киндл», пока растекавшаяся по столу лужа до него не добралась, хотя теплый кофе капал ему прямо на брюки.

Через пятнадцать минут он нервно расхаживал по комнате Робби Хендерсона, а тот не отрываясь смотрел на экран «Киндла». Когда Уэсли принялся барабанить ему в дверь, он уже проснулся, но был по-прежнему одет в футболку и шорты, в которых спал.

— Нужно позвонить, — сказал Уэсли. Он с такой силой бил кулаком по ладони, что она покраснела. — Нужно позвонить в полицию. Нет, подожди! «Арена!» Мы должны позвонить туда и оставить сообщение, чтобы она мне срочно перезвонила. Нет, не пойдет! Слишком долго! Я ей сам позвоню прямо сейчас. Вот что...

— Успокойтесь, мистер Смит. В смысле, Уэс.

— Как я могу успокоиться?! Ты видишь, что на экране? Или совсем ослеп?

— Нет, но успокоиться все равно надо. Вы, уж простите, с катушек съехали, а в таком состоянии нельзя действовать правильно.

— Но...

— Сделайте глубокий вдох. И напомните себе, что у нас есть почти шестьдесят часов.

— Тебе легко говорить. Это *не твоя* девушка будет в том автобусе, когда он... — Уэсли осекся, потому что это была неправда. Джози Куинн входила в команду, а Робби говорил, что они с ней встречаются. — Извини, — сказал он. — Я увидел заголовок и совсем потерял голову. Даже за завтрак не заплатил, а сразу рванул сюда. Понимаю, что выгляжу так, будто обмочился, и, черт возьми, я был очень близок к этому. Хорошо еще, что твоих соседей нет дома.

— Я и сам офигел, — признался Робби, и они оба уткнулись в экран. Если верить ридеру Уэсли, в понедельник газета «Эко» выйдет с черной рамкой на первой полосе и черным заголовком:

**В ЖУТКОЙ АВАРИИ ПОГИБЛИ ТРЕНЕР И 7 СТУДЕНТОК
9 СТУДЕНТОК НАХОДЯТСЯ В КРИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ**

По сути, это была даже не статья, а довольно короткое сообщение. И несмотря на свое состояние, Уэсли понимал почему. Авария произошла — нет, *произойдет* — около девяти вечера в воскресенье. Слишком поздно, чтобы узнать какие-то подробности, но если включить компьютер Робби и выйти в Интернет...

Да что с его головой? Интернет же не предсказывал будущего — это делал только розовый «Киндл»!

Руки у него тряслись так сильно, что он никак не мог набрать «24 ноября». Он подвинул ридер к Робби:

— Лучше ты.

У Робби получилось, правда, не сразу, а со второй попытки.

Во вторник информации в газете было больше, а заголовков — еще страшнее:

**ЧИСЛО ЖЕРТВ ВЫРОСЛО ДО 10
ГОРОД И КОЛЛЕДЖ СКОРБЯТ**

— А Джози... — начал Уэсли и умолк.

— Да, — сказал Робби. — Выживет в аварии, умрет в понедельник. Господи!

По словам Антонии «Тони» Баррелл — одной из девушек группы поддержки «Сурикатов», которой посчастливилось выжить в ужасном столкновении на дороге в воскресенье вечером, отделавшись лишь порезами и ушибами, — они продолжали праздновать в автобусе и передавали из рук в руки выигранный Кубок «Блуграсс». «Мы пели «Мы — чемпионы!», наверное, в двадцатый раз, — рассказала она в больнице в Боулинг-Грин, куда доставили большинство выживших. — А потом тренер обернулась и крикнула всем пригнуться, и тут же последовал удар».

Как сообщил капитан полиции штата Мозес Арден, автобус двигался по шоссе 139, Принстон-роуд, и приблизительно в двух милях к западу от Кадиса в него врезался внедорожник, за рулем которого находилась Кэнди Раймер из Монтгомери. «Мисс Раймер ехала на большой скорости на запад по автостраде 80, — сообщил капитан Арден, — и на перекрестке протаранила автобус».

Водитель автобуса 58-летний житель Мура Герберт Эллисон, по-видимому, успел в последний момент заметить автомобиль мисс Раймер и попытался уйти в сторону. От этого маневра и удара в бок автобус вылетел в кювет, где перевернулся и взорвался...

В статье излагались и другие детали, но читать дальше они не могли.

— Ладно, — сказал Робби. — Давайте подумаем. Во-первых, насколько можно всему этому верить?

— Я не знаю, — ответил Уэсли. — Но, Робби... разве у нас есть выбор?

— Нет, — согласился Робби. — Думаю, нет. Понятно, что нет! Но, Уэс, если мы обратимся в полицию, нам просто не поверят. И вы это знаете не хуже меня.

— Мы покажем им «Киндл»! Мы им все расскажем! — Однако Уэс и сам понимал, что толку от этого не будет. — Ладно, сделаем вот что. Я позвоню Эллен. Даже если она мне и не поверит, то может согласиться задержать автобус минут на пятнадцать или изменить маршрут, по которому этот Эллисон собирается ехать обратно.

Робби обдумал услышанное.

— Да. Попробовать стоит.

Уэсли достал из портфеля телефон. Робби вернулся к экрану и нажал кнопку «Следующая страница», чтобы дочитать до конца.

В трубке раздался гудок... потом второй... третий... четвертый.

Уэсли уже приготовился оставить голосовое сообщение, но тут Эллен взяла трубку.

— Уэсли, я не могу с тобой сейчас разговаривать. Я думала, ты понял, что...

— Эллен, послушай...

— ...но если ты прослушал мое сообщение, ты знаешь, что мы *обязательно* поговорим. — На заднем фоне слышались хриплые от возбуждения голоса девчонок — среди них наверняка была Джози — и редела громкая музыка.

— Да, я получил сообщение, но нам надо поговорить сей...

— Нет! — сказала Эллен. — *Не сейчас.* Я не буду в эти выходные отвечать на твои звонки и прослушивать твои сообщения. — Ее голос немного смягчился. — Милый... любое твоё сообщение только все усложнит. Для нас, я хочу сказать.

— Эллен, ты не пони...

— Пока, Уэс. Мы поговорим на будущей неделе. Пожелаешь нам удачи?

— Эллен, *прошу тебя!*

— Буду считать, что желаешь, — сказала она. — И знаешь что? Ты мне все еще дорог, хоть ты и тупица.

И она отключилась.

Он положил палец на кнопку повторного вызова... и с трудом заставил себя не нажимать ее. Все равно это не поможет. Эллен встала в позу «или по-моему, или никак». Безумие, конечно, но ничего не поделаешь.

— Она отказывается со мной разговаривать до назначенного дня. Не понимает, что этот назначенный день для нее может просто *не наступить*. Тебе надо позвонить мисс Куинн. — Он был в таком состоянии, что не смог вспомнить, как ее зовут.

— Джози решит, что я прикалываюсь, — сказал Робби. — Услышав такую историю, *любая* девчонка решит то же самое. — Он по-прежнему не сводил глаз с экрана. — И знаете что? Женщина, которая виновна в аварии — *будет* виновна в аварии, — практически не пострадает. Бьюсь об заклад, что она напьется в стельку.

Уэсли его не слышал.

— Скажи Джози, чтобы она попросила Эллен *обязательно* ответить на мой звонок. Пусть скажет, что это не касается наших отношений. Пусть скажет, что дело сроч...

— Друг, — перебил его Робби, — сбавьте обороты и выслушайте меня. Готовы?

Уэсли кивнул, хотя слышал преимущественно стук своего сердца.

— Пункт первый: Джози все равно решит, что я прикалываюсь. Пункт второй: она решит, что *мы оба* прикалываемся. Пункт третий: я сильно сомневаюсь, что она подойдет к тренеру Сильверман, учитывая состояние, в котором та находилась в последнее время... а по словам Джози, в поездках она становится еще раздражительнее. — Робби вздохнул. — Поймите, Джози — она такая. Милая, умная, офигенно сексуальная, но при этом робкая, как мышонок. Этим она мне и нравится.

— Наверное, это характеризует тебя с самой лучшей стороны, Робби, но, уж прости, все это мне сейчас до лампочки. Ты сказал, что это не работает. Тогда что предлагаешь ты?

— А это как раз пункт четвертый. При небольшом везении нам не надо будет никому об этом рассказывать. Что уже хорошо, потому что нам никто не поверит.

— Поясни.

— Во-первых, нам надо скачать «Эко» еще за одно число.

Робби ввел 25 ноября 2009 года. Умерла еще одна студентка из группы поддержки, получившая при взрыве страшные ожоги, и число жертв возросло до одиннадцати. Хотя в газете об этом не говорилось прямо, до конца недели могли умереть еще несколько пострадавших.

Робби мельком пробежал глазами статью. То, что он искал, было в нижней части первой страницы, в отдельной рамке:

**КЭНДИС РАЙМЕР ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ
В АВТОМОБИЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ
С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ЖЕРТВАМИ**

В середине статьи темнел серый прямоугольник — наверняка ее фотография, подумал Уэсли, но розовый «Киндл» не воспроизводил газетные снимки. Однако это не имело значения, поскольку теперь он понял замысел Робби. Им надо остановить не автобус, а женщину, которой предстояло в него врезаться.

Пунктом четвертым была Кэндис Раймер.

VI — КЭНДИ РАЙМЕР

В пять часов вечера серого воскресного дня — когда «Леди сурикаты» отчаянно сражались на баскетбольной площадке в не столь отдаленном Лексингтоне — Уэсли

Смит и Робби Хендерсон сидели в скромном «шевроле-малибу» Уэсли и следили за входом в придорожную закусочную «Сломанный ветряк» в Эддивилле, в двадцати милях к северу от Кадиса. На почти пустой грунтовой стоянке тут и там виднелись масляные пятна. В закусочной наверняка имелся телевизор, но Уэсли не сомневался, что более приличные любители выпить предпочтут пропустить стаканчик и посмотреть футбол дома, нежели здесь. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: это паршивое заведение. Свою первую остановку Кэнди Раймер тоже сделала в скверной забегаловке, но эта оказалась еще хуже.

Грязный, помятый «форд-эксплорер» перегораживал пожарный выход. Задний бампер украшали два стикера. «МОЙ СЫН — ПОЧЕТНЫЙ СТУДЕНТ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ШТАТА» и еще более красноречивый: «ТОР-МОЖУ ТОЛЬКО РАДИ "ДЖЕКА ДЭНИЕЛСА"».

— Может, нам стоит проделать это прямо тут, — предложил Робби. — Пока она надирается и смотрит игру «Титанов».

Идея была заманчивой, но Уэсли покачал головой:

— Подождем. Она должна остановиться еще раз. В Хопсоне, помнишь?

— Но это же черт знает где.

— Верно, — согласился Уэсли. — Нужно просто подождать, и мы подождем.

— Но почему?

— Потому что мы собираемся изменить будущее. Во всяком случае, попытаться. Мы понятия не имеем, чем это чревато. И чем дольше мы ждем, тем выше шансы на успех.

— Уэсли, это же просто пьяная тетка. Она уже была сильно под мухой после той забегаловки в Сентрал-Сити, а после этого гадючника совсем окосеет. Я не представляю, как она может успеть починить машину, чтобы встретиться с автобусом в сорока милях отсюда. А что, если наша машина сломается, пока мы будем ехать за ней на эту последнюю остановку?

Об этом Уэсли не подумал. Теперь пораскинул мозгами.

— Мне что-то подсказывает: надо подождать, но если ты уверен, что сейчас самое время, давай приступим.

Робби выпрямился в кресле.

— Слишком поздно. Вон идет наша мисс Америка.

Кэнди Раймер, пошатываясь, выплыла из «Сломанного ветряка». Уронила сумочку, нагнулась за ней и чуть не упала. Выругавшись, все-таки подняла ее, засмеялась и продолжила путь к своему внедорожнику, копаясь в сумке в поисках ключей. Ее одутловатое лицо сохранило остатки былой красоты. Светлые крашенные волосы, темные у корней, локонами падали на щеки. Короткая толстовка не прикрывала живот, и он нависал над эластичным поясом джинсов.

Она залезла в свой раздолбанный внедорожник, завела двигатель (судя по звуку, он отчаянно нуждался в регулировке), включила передачу и врезалась в дверь пожарного выхода. Послышался треск. Затем зажглись фонари заднего хода, и Кэнди Раймер сдала назад с такой скоростью, что Уэсли в ужасе замер, испугавшись, что она протаранит их, выведет из строя их машину, а сама укатит на встречу в Самарру. Но она успела затормозить и тут же рванула на шоссе, даже не остановившись посмотреть, нет ли на нем машин. Мгновение спустя Уэсли уже мчался за ней на восток в сторону Хопсона. К тому самому перекрестку, где через четыре часа окажется автобус с командой «Леди сурикаты».

Несмотря на ужасный поступок, который предстояло совершить Кэнди, Уэсли не мог не испытывать к ней определенной жалости, и ему казалось, что с Робби происходит то же самое. Из статьи в «Эко» они узнали ее историю — типичную и неприглядную.

Кэндис — Кэнди — Раймер, сорок один год, разведена. Трое детей, в настоящее время живут с отцом. За последние двенадцать лет неоднократно лечилась от алкоголизма. По словам какого-то знакомого (судя по всему,

друзей у нее не было), она пробовала посещать собрания Общества анонимных алкоголиков, но решила, что это не для нее. Слишком много душеспасительной болтовни. Несколько раз ее задерживали за вождение в пьяном виде. После двух последних арестов лишали прав, но потом возвращали их, в последнем случае — по особому ходатайству. Она сказала судье Уолленби, будто права ей нужны, чтобы добираться до работы — на завод по производству удобрений в Бейнбридже. Правда, она скрыла, что потеряла работу полгода назад... и ей поверили на слово, а проверять не стали. Кэнди Раймер была настоящей пьяной бомбой замедленного действия, до взрыва которой оставались считанные часы.

В газете не сообщался ее домашний адрес в Монтгомери, но он и не требовался. По мнению Уэсли, журналистское расследование было проведено просто блестяще (особенно для «Эко»): репортеру удалось восстановить весь маршрут последней поездки Кэнди: из «Горшка с золотом» в Сентрал-Сити она направилась в «Сломанный ветряк» в Эддивилле, а оттуда — в «Бар Бэнти» в Хопсоне. В последнем заведении бармен пытался отобрать у нее ключи, но потерпел неудачу. Кэнди показала ему средний палец и ушла, бросив, что ноги ее больше не будет в этой дыре. Это было в семь часов. Репортер считал, что Кэнди где-то остановилась, чтобы немного вздремнуть, скорее всего, на шоссе номер 124, а потом двинулась к автострате номер 80, на которой чуть дальше и завершилась ее поездка. Завершилась взрывом.

Стоило Робби упомянуть о возможности поломки, как Уэсли начал думать о том, что его всегда безотказный «шевроле» вот-вот сломается и они встанут на обочине двухполосного шоссе, пав жертвой мертвого аккумулятора или Законов Парадокса. Задние фонари машины Кэнди Раймер исчезнут из виду, и следующие часы они будут лихорадочно и без толку названивать (при условии, конечно, что в этой глуши есть мобильная связь) и прокли-

нать себя, что не вывели из строя внедорожник в Эддивилле, когда у них была такая возможность.

Но «шевроле» вел себя безупречно, его двигатель ни разу не кашлянул и не сбился с такта. Они держались примерно в полумиле от «форда» Кэнди.

— Смотрите, как ее бросает из стороны в сторону, — сказал Робби. — Может, она сама слетит в кювет и не доберется до следующего бара. И нам не придется резать ей шины.

— Если верить «Эко», рассчитывать на это не приходится.

— Да, но мы же знаем, что будущее не предопределено, так ведь? Может, это другой Ур, или еще что.

Уэсли не думал, что с Локальным Уром такое возможно, но промолчал. В любом случае было слишком поздно.

Кэнди Раймер добралась до «Бара Бэнти», так и не угодив в кювет и не столкнувшись со встречными автомобилями, хотя, видит бог, возможностей у нее было предостаточно. Когда мимо «шевроле» Уэсли проехала машина, чудом увернувшаяся от внедорожника Кэнди, Робби произнес:

— В ней едет семья. Мать, отец и трое детей на заднем сиденье.

После этого Уэсли перестал испытывать к Раймер жалость и начал злиться. Это чувство было настолько сильным, что по сравнению с ним его первоначальная обида на Эллен казалась мелким пустяком.

— Вот сука! — процедил он, вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев. — Пьяная, мерзкая сука! Если понадобится, я ее убью.

— А я помогу, — кивнул Робби и сжал челюсти так крепко, что губы превратились в тонкие полоски.

Им не пришлось ее убивать, а Законы Парадокса помешали им не больше, чем запрет на вождение в нетрезвом виде помешал Кэнди Раймер продолжить турне по занюханым барам южного Кентукки.

Парковка «Бара Бэнти» была забетонирована, но бетон растрескался так, что напоминал руины Газы после налета израильской авиации. Наверху вспыхивала и гасла неоновая вывеска в виде петуха с кувшином в лапе. На кувшине красовалась надпись «XXX».

Внедорожник Раймер был припаркован почти под этой удивительной птицей, и в свете оранжево-красных вспышек Уэсли искромсал выдавшие виды передние покрышки внушительным тесаком, приобретенным специально для этой цели. Услышав свист выходящего воздуха, он испытал такое облегчение, что сначала даже не смог подняться и несколько мгновений продолжал стоять на коленях, будто молясь. Он жалел только, что они не сделали этого раньше, пока ждали у «Сломанного ветряка».

— Теперь моя очередь, — сказал Робби и направился к задним колесам. Через мгновение «форд» просел еще ниже. Затем послышался новый свист. Это Робби для верности проколол запаску. К тому времени Уэсли уже смог выпрямиться.

— Давайте припаркуемся неподалеку, — предложил Робби. — Мне кажется, нам за ней лучше приглядывать.

— Я не собираюсь ограничиваться простым приглядыванием, — сказал Уэсли.

— Спокойно, старший брат. Что вы задумали?

— Ничего. Я ничего не задумал.

Но прорывавшаяся в голосе Уэсли ярость свидетельствовала о другом.

«Эко», видимо, в силу этических соображений, написал, что она обозвала этот бар «дырой». На самом деле она назвала его «вонючим гадючником». Только к тому времени у нее уже так заплетался язык, что разобрать слова было непросто.

Робби, зачарованно глядя на описанную «Эко» сцену, которая разворачивалась перед его глазами, даже не попытался остановить Уэсли, когда тот направился к Кэнди Раймер. Точнее, он крикнул: «Подождите!» — но Уэсли

не отреагировал. Он схватил женщину за плечи и начал трясти.

У Кэнди Раймер отвисла челюсть; ключи, которые она держала в руке, упали на потрескавшийся бетон.

— Отпус-си меня, шкотина!

Уэсли не отпустил. Он залепил ей пощечину с такой силой, что разбил нижнюю губу, потом ударил еще раз с другой стороны.

— *Давай трезвей!* — выкрикнул он в лицо перепуганной Кэнди. — *Давай трезвей, безмозгая сука! Возьмись за ум и дай людям жить! Ты сейчас совершишь убийство! Ты это понимаешь?! Ты сейчас УБЬЕШЬ людей!*

Он дал ей третью пощечину, которая прозвучала громко, как выстрел. Женщина отшатнулась, всхлипывая и закрывая лицо руками. По подбородку текла кровь. Под ярким миганием неоновой петуха их фигуры отбрасывали длинные тени, похожие на башенные краны.

Уэсли занес руку, чтобы ударить в четвертый раз — лучше ударить, чем задушить, хотя первоначально он намеревался сделать именно это, — но Робби схватил его сзади и оттащил.

— Хватит! Довольно!

В дверях стояли бармен и пара придурковатых на вид завсегдатаев и удивленно на них таращились. Кэнди Раймер сползла на землю. Закрыв лицо руками, она истерически всхлипывала:

— Почему меня все ненавидят? Почему все такие сволочи?

Уэсли тупо смотрел на нее, больше не испытывая гнева. На смену ему пришло ощущение какой-то безысходности. По идее, пьяный водитель, ставший причиной смерти по меньшей мере одиннадцати человек, должен был представлять собой олицетворение зла, но ничего такого он не видел. Перед ним на растрескавшемся, поросшем сорняками бетоне плакала алкоголичка. И если мигавший свет неоновой петуха не врал, она обмочилась.

— Человека можно остановить, а вот зло — нет, — сказал Уэсли. Казалось, эти слова произносит кто-то совсем другой. — Зло всегда выживает. Оно, будто птица, вспархивает с одного человека и перелетает на другого. Разве это не ужасно? Вот в чем весь ужас!

— Согласен, мысль глубокая, но пора уносить ноги. Пока никто не додумался записать номер вашей машины.

Робби повел Уэсли к «шевроле», и тот шел послушно, как ребенок. Его трясло.

— Зло всегда выживает, Робби. Во всех Урах. Помни об этом.

— Само собой. Дайте мне ключи. Я поведу.

— Эй! — крикнули сзади. — Какого черта вы ее избили? Она вам ничего не сделала! А ну-ка вернитесь!

Робби втолкнул Уэсли в машину, обежал ее спереди, сел за руль и быстро тронулся. Он вжимал педаль газа в пол, пока мигающая вывеска не исчезла из виду, и только потом немного расслабился:

— Что теперь?

Уэсли потер глаза.

— Мне жаль, что я так поступил, — сказал он. — И в то же время не жаль. Ты меня понимаешь?

— Еще бы, — ответил Робби. — Само собой. Это было за тренера Сильверман. И за Джози. — Он улыбнулся. — За моего маленького мышонка.

Уэсли кивнул.

— Так куда мы едем? Домой?

— Еще нет, — сказал Уэсли.

Они остановились на краю кукурузного поля возле перекрестка шоссе номер 139 и автострады номер 80, в двух милях от Кадиса. Времени оставалось еще много, и Уэсли достал розовый «Киндл» и включил его. Он хотел выйти в Локальный Ур, но на экране появилось сообщение, в котором не было ничего удивительного: «ЭТОТ СЕРВИС НЕДОСТУПЕН».

— Может, оно и к лучшему, — заключил он.

Робби повернулся к нему:

— Вы что-то сказали?

— Ничего. Не важно.

Уэсли убрал ридер в портфель.

— Уэс?

— Что, Робби?

— Мы нарушили Законы Парадокса?

— Наверняка, — подтвердил Уэсли.

Без пяти девять они услышали гудки и увидели приближающиеся огни. Они вылезли из машины и стали ждать, вглядываясь в темноту. Заметив, как нервно Робби сжал кулаки, Уэсли невольно испытал облегчение: не он один по-прежнему боялся внезапного появления Кэнди Раймер.

За ближайшим холмом мелькнул свет фар. Это был автобус, за которым следовал десяток машин с болельщиками, которые непрестанно гудели и мигали дальним светом. Когда автобус проезжал мимо, Уэсли услышал женские голоса, с чувством певшие «Мы — чемпионы!», и ощутил, как по спине пробежал холодок, а волосы на шее встали дыбом.

Он поднял руку и помахал.

Стоявший рядом Робби сделал то же самое. Потом с улыбкой повернулся к Уэсли:

— Что скажете, профессор? Присоединимся к кортежу?

Уэсли хлопнул его по плечу:

— Звучит чертовски заманчиво!

Дождавшись, пока проедет последняя машина, Робби пристроился за ней. Как и другие, он всю дорогу до Мура тоже сигналил и мигал дальним светом.

Уэсли не имел ничего против.

VII — ПОЛИЦИЯ ПАРАДОКСА

Когда Робби вылез из машины возле «Сьюзан и Нэн» (на окне уже красовалась надпись «ЛЕДИ СУРИКАТЫ КРУЧЕ ВСЕХ»), Уэсли сказал:

— Погоди секунду.

Он обошел машину и обнял студента.

— Ты молоток!

Робби ухмыльнулся:

— Значит, я могу рассчитывать на пятерку автоматом за этот семестр?

— Нет, но я дам тебе совет: завязывай с футболом. Карьеры ты в нем никогда не сделаешь, а твоя голова заслуживает лучшего.

— Я вас понял, — ответил Робби... что не означало согласия, как им обоим было известно. — Увидимся на занятии?

— Во вторник, — подтвердил Уэсли. Но через пятнадцать минут у него появились причины сомневаться в том, что его увидит хоть *кто-нибудь*. Когда-нибудь.

Его привычное парковочное место возле дома оказалось занято. Уэсли мог припарковаться позади чужой машины, но предпочел поставить автомобиль на другой стороне улицы. Что-то в чужой машине вызывало тревогу. Это был «кадиллак», казавшийся в свете уличного фонаря необычно ярким. Красный цвет, казалось, кричал во весь голос: *А вот и я! Нравится?*

Уэсли не нравилось. Ему не нравились ни тонированные стекла, ни нарочито большие колесные колпаки с золотыми эмблемами «кадиллака». Такая машина подошла бы наркоторговцу. Причем страдающему манией убийства.

Но с чего я об этом подумал?

— Просто тяжелый день, вот и все, — успокоил он себя и перешел улицу. Портфель привычно бился о ногу. Уэсли заглянул в салон машины. Там никого не было. Во всяком случае, он так *решил*. Сквозь тонированные стекла видно было плохо.

Это полиция Парадокса! И они пришли за мной!

Эта мысль должна была показаться в лучшем случае смехотворной, а в худшем — параноидальной, но не казалась. И, учитывая все, что произошло в последнее вре-

мя, вполне возможно, ничего параноидального в ней не было.

Уэсли протянул руку, коснулся двери автомобиля и тут же отдернул ладонь. На ощупь дверь была металлической, но почему-то теплой. И словно *пульсировала*. Как если бы автомобиль — металлический или нет — был живым существом.

Бежать!

Он понял, что невольно произнес это вслух — настолько сильным было желание скрыться. Но Уэсли догадывался, что это не выход. Даже если он попытается спрятаться, человек или люди, приехавшие на этой омерзительной машине, все равно его отыщут. Этот факт был настолько очевидным, что не поддавался логике. Он просто *обходил* ее. Вот почему вместо того, чтобы сбежать, Уэсли открыл ключом внешнюю дверь и поднялся по лестнице. Он двигался очень медленно, его сердце готово было выскочить из груди, а ноги не слушались.

Дверь в его квартиру была открыта, на лестничную площадку падал прямоугольник света.

— А вот и ты! — прозвучал голос, не похожий на человеческий. — Заходи, Уэсли из Кентукки.

Их было двое. Один молодой, другой старый. Старый сидел на диване, на котором Уэсли и Эллен Сильверман однажды соблазнили друг друга к взаимному удовольствию (точнее, экстазу). Молодой устроился в любимом кресле Уэсли — тот всегда в него забирался, когда время было поздним, остатки чизкейка — вкусными, книга — интересной, а свет от торшера — идеальным. На обоих гостях были длинные плащи горчичного цвета, вроде тех, что называют пыльниками, и Уэсли вдруг понял, сам не зная каким образом, что плащи тоже живые. И еще он понял, что люди в этих плащах — вовсе не люди. Их лица постоянно *менялись*, а сквозь кожу проглядывало нечто от рептилий. Или от птиц. А может, и то и другое.

На груди, где бюстители порядка в вестернах носят жетоны, у обоих красовалось по пуговице с красным глазом. Уэсли решил, что эти глаза тоже живые. И следят за ним.

— Как вы узнали, что это я?

— По запаху, — ответил старик, и самым жутким было то, что на шутку это вовсе не походило.

— Что вам нужно?

— Ты знаешь, почему мы здесь, — сказал молодой. Старик умолк и снова заговорил только в самом конце беседы. Слушать даже одного из них было настоящей пыткой. Казалось, гортань пришельца забита сверчками.

— Думаю, да, — согласился Уэсли. Его голос звучал твердо, во всяком случае, пока. — Я нарушил Законы Парадокса.

Он молился, чтобы они не знали о Робби, и надеялся, что так и есть: в конце концов, «Киндл» был зарегистрирован на Уэсли Смита.

— Ты понятия не имеешь, что натворил, — задумчиво произнес человек в желтом плаще. — Башня сотрясается, миры содрогаются, розу знобит, словно зимой.

Очень поэтично, но не слишком доходчиво.

— Какая Башня? Какая роза?

Уэсли чувствовал, как на лбу выступают капельки пота, хотя в квартире у него всегда было прохладно — так ему больше нравилось.

Это наверняка из-за них, подумал он. От этих ребят пышет жаром.

— Это не имеет значения, — ответил молодой. — Объяснись, Уэсли из Кентукки. И сделай это хорошо, если хочешь снова увидеть солнце.

Уэсли ответил не сразу. В голове крутилась одна мысль: *Это суд надо мной!* Но ему удалось отбросить ее. И помог в этом злость. Она была лишь жалким подобием того, что он чувствовал по отношению к Кэнди Раймер, однако хватило и этого.

— Должны были погибнуть люди. Почти дюжина человек. Может, даже больше. Для вас это вряд ли имеет значение, а для меня имеет, особенно если в числе этих людей женщина, которую я люблю. И все из-за эгоистичной пьянчуги, которая не желает с собой бороться. И... — Он чуть не сказал «мы», но вовремя спохватился. — И я даже не причинил ей вреда. Так, слегка ударил. Не смог удержаться.

— Вы *никогда* не можете удержаться, — отозвалось существо, сидевшее в его любимом кресле, отныне навеки утратившем этот статус. — Девяносто процентов ваших проблем вызваны неумением сдерживать свои порывы. А тебе не приходило в голову, Уэсли из Кентукки, что для существования Законов Парадокса должна иметься причина?

— Я не...

Существо возвысило голос:

— Конечно, «ты не»! Мы знаем, что «ты не». И здесь мы потому, что «ты не». Ты не подумал, что один из людей в этом автобусе может стать серийным убийцей, на совести которого окажутся десятки отнятых жизней, в том числе ребенка, который мог вырасти и найти лекарство от рака или болезни Альцгеймера. Ты не подумал, что одна из этих девушек может родить будущего Гитлера или Сталина, настоящее чудовище в человеческом обличье, которое убьет *миллионы* подобных тебе людей на этом уровне Башни. Ты не подумал, что вмешиваешься в ход вещей заведомо выше твоего понимания!

Нет, конечно, он ни о чем таком не подумал. Он думал только об Эллен. А Робби — только о Джози Куинн. И вместе они думали об остальных. О том, как они кричали, когда пламя вытапливало жир из их кожи и он стекал по костям; о том, как они умирали, возможно, самой жуткой смертью, которую Господь только может наслать на страждущее человечество.

— Неужели так и будет? — прошептал он.

— Мы не знаем, что будет, — ответило существо в желтом плаще. — В том-то и дело. Экспериментальная программа, в которую ты по глупости влез, может видеть будущее только на шесть месяцев вперед... причем в узкой географической зоне. За горизонтом в шесть месяцев пророческое видение становится размытым, а через год будущее скрывает полный мрак. Вот почему мы не знаем, *что именно* устроили вы с твоим юным другом. А поскольку мы не знаем, то никак не можем внести коррективы, чтобы устранить ущерб, если он нанесен.

Твой юный друг. Значит, им известно про Робби Хендерсона. У Уэсли засосало под ложечкой.

— А есть ли сила, которая всем управляет? Наверняка есть, так ведь? Когда я в первый раз получил доступ к Ур-книгам, я видел башню.

— Все служит Башне, — ответило существо в желтом плаще и благоговейно прикоснулось к мерзкой пуговице на груди.

— Тогда с чего вы взяли, что ей не служу я?

Они не ответили. Только сверлили его хищными взглядами черных птичьих глазок.

— Знаете, я его не заказывал. В смысле, я заказывал «Киндл», но не тот, что мне доставили. Его просто привезли.

Воцарилось долгое молчание, и Уэсли знал, что во время молчания решалась его судьба. Решалась его жизнь в том смысле, в каком он ее понимал. Он мог продолжить существовать в каком-то ином виде, если эти двое увезут его с собой на своей кошмарной красной машине, но это существование наверняка будет безрадостным, вероятно, в заключении, где он быстро сойдет с ума.

— Мы считаем, что произошла ошибка в доставке, — наконец сообщил молодой.

— Но наверняка вы не знаете, так ведь? Потому что не знаете, откуда пришла посылка. И кто ее отправил.

Снова молчание. Затем старик произнес:

— Все служит Башне.

Он поднялся и протянул руку. Рука померцала и превратилась в клешню. Затем, опять померцав, снова стала рукой.

— Дай его мне, Уэсли из Кентукки.

Уэсли из Кентукки не пришлось просить дважды, хотя руки у него так тряслись, что он целую вечность возился с замками портфеля. Наконец портфель открылся. Уэсли вытащил из него розовый «Киндл» и передал старшему из пришельцев. Тот уставился на ридер с таким вожделением, что Уэсли едва не заорал.

— Мне кажется, он больше не работает...

Существо схватило ридер. На мгновение Уэсли ощутил прикосновение его кожи и понял, что она жила своей жизнью и мысли у нее были тоже свои. Эти мысли были и струились по таинственным каналам. От ужаса он закричал... во всяком случае, попытался. Но выдавил только сдавленный стон.

— На этот раз мы проявим милосердие, — сказал молодой. — Но если нечто подобное случится снова... — Он не закончил. В этом не было необходимости.

Они направились к двери, и полы их плащей издавали отвратительные булькающие звуки. Старик вышел первым, сжимая розовый «Киндл» в руках-клешнях. Второй задержался и посмотрел на Уэсли:

— Ты понимаешь, как тебе повезло?

— Да, — прошептал Уэсли.

— Тогда скажи спасибо.

— Спасибо.

Существо вышло, не добавив ни слова.

Он не мог заставить себя сесть на диван или в кресло, которое раньше — до встречи с Эллен — казалось ему лучшим на свете другом. Он лег на кровать и сложил руки на груди, пытаясь остановить бившую его дрожь. Свет он выключать не стал, посчитав, что это бессмысленно. Он не сомневался, что не сможет сомкнуть глаз много недель.

А может, и вообще никогда. Потому что всякий раз, погружаясь в сон, обязательно увидит эти жадные черные глазки и услышит: «Ты понимаешь, как тебе повезло?»

Нет, ни о каком сне не могло быть и речи.

С этой мыслью он провалился в пустоту.

VIII — ВПЕРЕДИ — БУДУЩЕЕ

В девять утра Уэсли разбудил мелодичный сигнал входящего вызова, «Канон в ре мажор» Иоганна Пахельбеля. Если ему что-то и снилось (розовые «Киндлы», женщины на парковках придорожных закусочных или низкорослые люди в желтых плащах), то он ничего не запомнил. Он знал только одно: ему звонят на сотовый, и звонивший мог оказаться человеком, с которым ему так сильно хотелось поговорить!

Он бросился в гостиную, но звонок прервался, прежде чем он успел достать мобильник из портфеля. Уэсли откинул крышку сотового и увидел на экране надпись: «1 НОВОЕ СООБЩЕНИЕ». Он нажал клавишу воспроизведения.

— Привет, приятель, — прозвучал голос Дона Оллмана. — Посмотри сегодняшнюю газету.

И все.

Уэсли перестал выписывать «Эко», но пожилая миссис Ридпат, его соседка снизу, ее получала. Он рванул вниз, перескакивая через две ступеньки, и увидел газету, торчавшую из ее почтового ящика. Уэсли взял газету и заколебался. А что, если его глубокий сон не был естественным? Что, если его каким-то образом усыпили и перенесли в другой Ур, где авария все-таки произошла? Что, если Дон звонил ему, желая хоть как-то подготовиться? Может, он откроет газету — и увидит траурную рамку?

— Пожалуйста, — прошептал он, не зная, кому молится — Богу или таинственной темной башне. — Пожалуйста, пусть я буду в своем Уре.

Он развернул газету негнушными пальцами. Первая страница действительно была обведена рамкой, только не черной, а синей.

Цвет «Сурикатов»!

Фотография была просто огромной — он ни разу не видел в «Эко» снимки таких размеров. Она занимала половину страницы, а над ней красовался заголовок: «**ЛЕДИ СУРИКАТЫ**» ЗАВОЕВЫВАЮТ КУБОК «БЛУГРАСС»! ВПЕРЕДИ — БЛЕСТЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ!» Для группового снимка на площадке «Рапп-арены» собралась вся ликующая команда. Три девушки высоко поднимали сияющий серебряный кубок. Еще одна — Джози — забралась на стремянку и крутила над головой сетку.

Впереди стояла Эллен Сильверман в строгих синих брюках и синем блейзере, которые всегда носила в дни игр. Она улыбалась и держала написанный от руки плакат с надписью «**Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, УЭСЛИ**».

Уэсли вскинул над головой руки — в одной из них все еще была зажата газета — и издал торжествующий вопль, заставивший пару студентов на другой стороне улицы обернуться.

— Случилось что? — крикнул один.

— Я болельщик! — крикнул в ответ Уэсли и помчался к себе наверх. Ему надо было позвонить.

Посвящается Ральфу Вичинанце

Герман Вук еще жив

26 июля 2009 года женщина по имени Дайана Шулер покинула кемпинг на Охотничьем озере поблизости от Парксвилла, штат Нью-Йорк, за рулем «форда-уиндстар» 2003 года выпуска. Она везла пятерых пассажиров: двухлетнюю дочь, пятилетнего сына и трех племянниц. Казалось, с ней все в полном порядке — последний, кто видел ее в кемпинге, божился, что она выглядела бодрой и от нее не пахло алкоголем, — и столь же нормальным оставалось ее состояние часом позже, когда она завезла детей в «Макдоналдс». Тем не менее уже вскоре после этого свидетели видели, как ее вырвало у обочины дороги. Она позвонила брату и сказала, что плохо себя чувствует. Затем свернула на Таконик-паркуэй и проехала по встречной полосе около двух миль, игнорируя сигналы клаксонами, жестами и светом фар, которые подавали водители, вынужденные объезжать ее. Закончилось это лобовым столкновением с внедорожником, в результате чего погибла она сама, все пассажиры «форда», исключая одного (выжил сын Дайаны), и трое мужчин во внедорожнике.

Отчет токсиколога засвидетельствовал: к моменту катастрофы Шулер была под воздействием по меньшей мере десяти доз спиртного, а также большого количества марихуаны. Ее муж заявил, что Дайана не употребляла спиртных напитков, но токсикологические экспертизы не врут. Подобно Кэнди Раймер в предыдущем рассказе, Дайана Шулер накачалась до предела. Неужели Дэниел Шулер после уха-

живаний и пяти лет супружеской жизни в самом деле не знал о тайном пристрастии жены к алкоголю? Если на то пошло, это вполне возможно. Пьяницы могут проявлять невероятную изобретательность и долгое время скрывать свои пагубные привычки от всех. Их толкает на это необходимость и отчаяние.

Что же произошло в том автомобиле? Как она сумела так быстро напиться, когда успела накуриться марихуаны? О чем думала, игнорируя сигналы других водителей, предупреждавших ее, что она едет по встречной? Стало ли это просто несчастным случаем, спровоцированным алкоголем и наркотиком, самоубийством и убийством одновременно — или же неким невероятным сочетанием того и другого? Только при помощи художественной литературы можно попытаться найти хотя бы приблизительные ответы на эти вопросы. Только прибегнув к литературной фантазии, способны мы осмыслить невысказанное и в некоторой степени раскрыть тайну. Этот рассказ — моя попытка сделать это.

И между прочим, Герман Вук действительно еще жив. Он прочитал вариант рассказа, опубликованный в «Атлантик», и прислал мне милое письмо. Даже пригласил меня к себе в гости. Как давний почитатель его таланта, я был в восторге. Он почти достиг столетнего юбилея, а мне — только шестьдесят семь. Если проживу достаточно долго, могу однажды пойма-ть его на слове и принять приглашение.*

* Герман Вук (род. 1915) — старейший американский писатель, лауреат Пулитцеровской премии.

Из номера газеты «Пресс-геральд», издающейся в Портленде, штат Мэн, за 19 сентября 2010 года:

9 ЖЕРТВ УЖАСАЮЩЕЙ АВАРИИ НА ТРАССЕ I-95
Импровизированная панихида на месте катастрофы
Наш корреспондент Рэй Дуган сообщает:

Менее чем через шесть часов после автомобильной аварии в городке Фэйрфилд, унесшей жизни двух взрослых и семерых детей — все они были младше десяти лет, — началась своеобразная траурная церемония по погибшим. Букеты полевых цветов в консервных банках и кофейных кружках опоясывают участок обугленной земли. Девять крестов были установлены в ряд в уголке для пикников на прилегающей к магистрали зоне отдыха на 109-й миле. В том месте, где были обнаружены тела двух самых маленьких детишек, кто-то установил самодельный плакат из куска простыни с надписью: «СЮДА СЛЕТАЮТСЯ АНГЕЛЫ».

I. БРЕНДА ВЫИГРЫВАЕТ В ЛОТЕРЕЮ
2700 ДОЛЛАРОВ И НЕ ПОДДАЕТСЯ
ПЕРВОМУ ИСКУШЕНИЮ

Вместо того чтобы купить бутылку «Оранж драйвер» и отпраздновать удачу, Бренда гасит свой долг по «Мастеркард», копившийся целую вечность. Потом звонит в «Херц» и задает вопрос. После чего набирает но-

мер своей подруги Джасмин, живущей в соседнем Норт-Беруике, и рассказывает о выигрыше в «Пик-3». Джасмин радостно визжит и заявляет:

— Да ты теперь у нас богатенькая девчонка!

Если бы! Бренда объясняет, что оплатила задолженность по кредитной карте, а потому, если пожелает, запросто может взять напрокат «шеви-экспресс». Это микро-автобус на девять мест, как сказала девушка из «Херца».

— Мы усадим в него всех детей и поедем в Марс-Хилл. Повидаем твоих стариков, и моих тоже. Похвалимся перед ними внуками и внучками. Вытянем из родственничков немного денег. Как тебе такая идея?

Джасмин сомневается. В великолепной хибаре, которую ее семья считает своим домом, нет свободных комнат, хотя она не хотела бы поселиться там, даже если бы они были. Она ненавидит родителей. И не без оснований, как прекрасно знает Бренда. Это ведь собственный папаша лишил Джасси невинности за неделю до ее пятнадцатилетия. Мать обо всем знала, но ничего не предприняла. Когда Джас прибежала к ней зареванная, мамочка лишь сказала: «Тебе не о чем беспокоиться. Ему давно яйца отрезали».

Чтобы сбежать от них, Джас выскочила замуж за Митча Робишо, а теперь — восемь лет спустя, сменив трех мужиков и родив четверых детей — осталась матерью-одиночкой. И сидит на пособии по безработице, хотя на самом деле шестнадцать часов в неделю трудится в развлекательном центре «Ролл эраунд», выдавая посетителям роликовые коньки и принимая мелочь за аркадные автоматы, которые включаются только при помощи специальных жетонов. Там ей позволяют приводить с собой на работу двух младшеньких. Дилайт спит в конторке, а Трут, трехлетний сынишка, бродит среди игровых автоматов, то и дело поправляя свой сползающий подгузник. При этом он ухитряется не создавать особых проблем, хотя в прошлом году подцепил где-то вшей, и женщинам пришлось обрить его наголо. Как же он тогда орал.

— После выплаты долга по кредитке у меня осталось еще шесть сотен, — говорит Бренда. — То есть четыре сотни, если вычесть стоимость проката машины, но только я ничего вычитать не собираюсь, а снова расплачусь «Мастеркард». Мы сможем остановиться в «Ред руф», смотреть фильмы по кабельному. Там это бесплатно. Еду станем заказывать из окрестных уличных забегаловок, а де-тишки вволю накупаются в бассейне. Что скажешь?

Сзади доносится вой. Бренда повышает голос и кричит:

— *Фредди, прекрати сейчас же дразнить свою сестру и верни ей то, что отнял!*

А потом, боже спаси и сохрани, их возня будит спавшую малышку. Либо Фридом проснулась от шума, либо опять наделала в подгузник и сама себя разбудила. Фридом постоянно марает подгузники. Бренде уже кажется, что Фри и на свет-то появилась, чтобы в больших количествах производить дерьмо. Здесь она пошла в своего отца.

— Я даже не знаю... — говорит Джасмин, растягивая это свое «знаю» на четыре слога. Или даже на пять.

— Да ладно тебе! Отправимся в путешествие! Готовь программу! Мы доберемся автобусом до аэропорта и арендуем микроавтобус. Всего триста миль. Будем на месте через четыре часа. Девушка сказала, что спиногрызы смогут смотреть по дороге DVD. «Русалочку» и прочую веселую ерунду.

— Быть может, мне удастся взять у мамы немного правительственных денег, пока они все не растратили, — говорит Джасмин задумчиво.

Год назад ее брат Томми погиб в Афганистане. Парня погубило самодельное взрывное устройство. Мама с папой срубили на этом восемьдесят тысяч. Мамочка даже пообещала немного поделиться с ней, вот только сделала это, улучив момент, когда папаша не мог подслушать их телефонный разговор. Конечно, от денег наверняка мало что осталось. Скорее всего, так оно и есть. Она знает, например, что мистер Трахни-Пятнадцатилетку спустил часть на покупку спортивного мотоцикла «ямаха», хотя

понятия не имеет, для чего он ему понадобился, в его-то возрасте. А еще Джасмин прекрасно известно, что любые пособия от государства сродни миражам. Это, кстати, успели понять они обе. Стоит только в жизни наступить светлой полосе, как кто-то включает дождевальную установку. Светлые полосы хрупки и недолговечны.

— Давай же, решайся! — торопит Бренда. Она без ума от идеи посадить в большую машину всю детвору вместе с лучшей (и единственной) подружкой еще со школьных времен, осевшей в соседнем городке. Они теперь сами по себе, завели на двоих семерых малышей, оставив череду никуда не годных мужчин в зеркале заднего вида, но порой и им с Джасмин выпадает немного веселья.

Потом она слышит какой-то глухой стук. Фредди громко плачет. Это Глори угодила ему в глаз игрушечным человечком.

— *Глори, прекрати немедленно, или я тебе всыплю по первое число!* — кричит Бренда.

— *А чего он мне не отдает мою Суперкрошку!* — визгливо огрызается Глори и *тоже* разражается рыданиями. А потом плачут все разом — Фредди, Глори, Фридом, — и на мгновение глаза Бренды заволакивает серая пелена. Такая серость в последнее время застит ей взгляд все чаще. Вот их нынешнее положение. Трехкомнатная квартирка на третьем этаже большого жилого дома, на горизонте — ни одного мужика (последний, Тим, свалил полгода назад), рацион состоит главным образом из лапши, пепси и самого дешевого мороженого, какое только можно купить в универсаме «Уол-март». Ни кондиционера, ни кабельного телевидения. У Бренды прежде была работа в магазине, но фирма обанкротилась, пришел новый владелец и взял на ее место какого-то мексикашку, потому что тот может работать и по двенадцать, и по четырнадцать часов в день. У мексикашки на голове — бандана, а на верхней губе — мерзкие черные усики, и он еще ни разу не забеременел. Наоборот, мексикашка только и делает, что брюхатит *девушек*. Они западают на его маленькие усики, а потом

бац! — и синяя полоска на разовом аптечном тесте, и еще один младенец на подходе к уже имеющимся.

У Бренды есть по части «бац — и на подходе» личный опыт. Знакомым она говорит, что знает отца Фредди, но на самом деле понятия не имеет, кто это. Просто у нее выдалось в ту пору несколько пьяных ночей, когда *они все* казались симпатиями. И вообще, как ей искать работу? У нее же *дети* на руках. Ей что, предоставить Фредди заботиться о Глори, а Фридом тащить с собой на треклятое собеседование? Ну конечно, *это работает!* Кто бы сомневался? Да и какие ее ждут вакансии, если не считать продавщицы в «Макавто» или «Бурда кинге»? В Портленде есть еще пара стриптиз-клубов, но там не требуются такие толстозадые красотки, как она.

Бренда напоминает себе о выигрыше в лотерею. Напоминает себе, что сегодня они займут два номера с кондиционерами в мотеле «Ред руф». А может быть, даже три! Почему бы и нет? Удача повернулась к ней лицом!

— Бренни? — В голосе Джас звучит сомнение. — Ты, типа, серьезно?

— Ага, — отвечает Бренда. — Ну же, девочка моя, давай. У меня приняли оплату аренды, *платеж картой прошел*. В «Херце» сказали, что микроавтобус — красный. — И уже тише добавляет: — Твой счастливый цвет.

— Ты смогла погасить задолженность по кредитке через Интернет? Как тебе это удалось?

В прошлом месяце Фредди и Глори подрались и скинули ноутбук Бренды с кровати. Он упал на пол и разбился.

— Я воспользовалась компьютером в библиотеке. — Она произносит это слово, как привыкла с детства в Марс-Хилл: *в библиóтике*. — Пришлось немного подождать, но оно того стоило. И все бесплатно. Ну, что скажешь?

— Быть может, купим бутылочку «Алленса», — говорит Джас.

Она обожает этот кофейный ликер, когда может его себе позволить. Впрочем, если на то пошло, Джасмин обожает все, когда может себе хоть что-то позволить.

— Непременно, — отвечает Бренда. — И бутылку «Оранж драйвера» для меня. Но только за рулем я выпивать не стану, Джас. Мне нужно беречь водительские права. Они последнее, что у меня осталось.

— Как думаешь, тебе в самом деле удастся выкачать немного денег из своих стариков?

Бренде приходится убеждать себя, что удастся — как только они увидят малышей... При том условии, что она сможет подкупом или запугиванием заставить детей вести себя пристойно.

— Да, но только ни словечка про выигрыш в лотерею, — говорит она.

— Будь спокойна на этот счет, — отвечает Джасмин. — Я, конечно, родилась темной ночью, но это была не вчерашняя ночь.

Они хихикают: шутка старая, но по-прежнему смешная.

— Так что скажешь?

— Придется забрать Эдди и Роуз Эллен из школы...

— Глупости какие, — фыркает Бренда. — Ты решишься наконец или нет, подруга?

После продолжительной паузы Джасмин восклицает:

— В дорогу!

— В дорогу! — восторженно вопит в ответ Бренда.

Они какое-то время вместе скандируют эти слова, пока трое детей орут в квартире Бренды, и по меньшей мере один (хотя скорее — двое) ревет в Норт-Бервике, где обитает Джасмин. Вот они — две сильно располневшие женщины, на которых давно никто не обращает внимания на улице; толстухи, к которым не начнет клестись в баре ни один мужик, разве что если час поздний, выпивка крепкая и никого лучше поблизости не наблюдается. Основательно поддав, мужчины начинают думать — Бренда и Джасмин прекрасно осведомлены об этом, — что жирные ляжки все же лучше, чем ничего. Особенно когда дело идет к закрытию. В Марс-Хилл они вместе учились в школе, а теперь обе живут на юге штата, по возможности помогая друг другу. Эти толстухи никому

не нужны. У них на двоих целый выводок детей, но они скандируют: «В дорогу! В дорогу!» — как две юные соплячки из группы поддержки.

Сентябрьским утром, когда жарко уже в половине девятого, это нормально. Все как всегда.

II. А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ПРЕСТАРЕЛЫЕ ПОЭТ И ПОЭТЕССА, КОТОРЫЕ КОГДА-ТО БЫЛИ ЛЮБОВНИКАМИ В ПАРИЖЕ, РАСПОЛАГАЮТСЯ НА ПИКНИК РЯДОМ С ОБЩЕСТВЕННЫМ ТУАЛЕТОМ

Филу Хенрейду исполнилось семьдесят восемь лет, а Полин Энслин стукнуло семьдесят пять. Они оба костлявы. Оба носят очки. Их редкие седые волосы треплет ветерок. Они остановились в зоне отдыха у магистрали I-95 рядом с Фэйрфилдом, то есть примерно в двадцати милях к северу от Огасты. Основное здание в зоне отдыха построено из досок, зато прилегающий к нему туалет возведен из добротного кирпича. Очень внушительный туалет. Можно сказать, туалет *по последнему слову техники*. Никаких посторонних запахов. Всего два месяца назад Фил, который живет в штате Мэн и хорошо знает эту зону отдыха, никогда бы не предложил организовать здесь пикник. В период летних отпусков основные магистрали просто забиты автомобилями отдыхающих из других штатов, и дорожное управление устанавливает в зоне отдыха ряды пластиковых туалетных кабинок. От них на этой приятной травянистой площадке воняет, как в аду в канун Нового года. Но сейчас кабинки лежат где-то на складе, и ничто не отравляет атмосферу в зоне отдыха.

Полин расстилает клетчатую скатерть поверх изрезанного инициалами стола для пикника, стоящего в тени развесистого старого дуба, и прижимает ее плетеной корзинкой, чтобы защитить от порывов теплого ветра. Из корзины она достает сандвичи, картофельный салат, ломтики дыни и два куска пирога с кокосовым заварным кре-

мом. Полин захватила большую стеклянную бутылку с красным чаем. Внутри весело позвякивают кубики льда.

— Будь мы в Париже, пили бы вино, — говорит Фил.

— Будь мы в Париже, нам бы не пришлось потом ехать еще восемьдесят миль по платному шоссе, — отвечает Полин. — Чай холодный и бодрящий. Придется тебе довольствоваться им.

— Я вовсе не жалуюсь. — Он качает головой и кладет изуродованные артритом пальцы поверх ее рук (тоже распухших, но в меньшей степени). — Ты устроила настоящее пиршество, моя дорогая.

Они улыбаются, всматриваясь в морщинистые лица друг друга. Хотя Фил был трижды женат (оставив где-то в прошлом пятерых детей), а Полин побывала замужем два раза (обошлось без потомства, но ее возлюбленные обоих полов исчислялись десятками), связь между ними все еще очень крепка. Это не какая-то там искра, а куда более глубокое чувство. Фила оно и удивляет, и не удивляет. В таком возрасте — преклонном, но еще не предельно — ты берешь все, что можешь, и радуешься, получая хотя бы самую малость. Они держат путь на поэтический фестиваль в Ороно, где находится филиал Университета штата Мэн. Гонорар за их выступления отнюдь не велик, но удовлетворителен. А поскольку деньги на оплату их совместных расходов перевели на банковский счет Фила, он решил шикануть и арендовал «кадиллак» в отделении «Херца» при аэропорте Портленда, куда приехал, чтобы встретить Полин. Та язвительно усмехнулась при виде «кадиллака» и сказала: «Я всегда знала, что хиппи из тебя липовый», — но с нежностью. На самом деле он никогда не был хиппи, однако принадлежал к числу бунтарей, «единственных в своем роде», и она прекрасно это понимала.

Сейчас у них пикник. Вечером состоится торжественный ужин, вот только еда будет представлять собой чуть теплое месиво из таинственных продуктов, обильно по-

литое соусом, какие умеют готовить в кафетериях студенческих общежитий. То ли курица, то ли рыба — понять совершенно невозможно. Бежевая пища, как называет ее Полин. Приглашенных поэтов неизменно кормят бежевой пищей, впрочем, им все равно подадут ее не раньше восьми вечера. Вместе с дешевым желтовато-белым винцом, словно специально произведенным, чтобы пощекотать желудки таким отставным лихим алкоголикам, как они. Этот пикник — намного приятнее, еда — вкуснее, а чай со льдом — просто замечательный. Фил даже позволяет себе предаться фантазии о том, как, покончив с трапезой, возьмет Полин за руку и уведет в высокую траву за туалетом, чтобы, как в старой песне Вана Моррисона...

Но нет, конечно. Престарелые поэты, чью сексуальную коробку передач давно заело на первой, не могут рисковать выставить себя на посмеище, выбирая для любовных свиданий подобные места. Особенно поэты с богатым, насыщенным и разнообразным опытом, которые знают, что теперь каждая попытка почти неизбежно принесет разочарование, что каждая попытка вполне может оказаться последней. *А кроме того, думает Фил, у меня уже было два инфаркта. И одному Богу известно, как себя чувствует она.*

Полин думает: *Только не после сэндвичей и картофельного салата, не говоря уже о пироге с заварным кремом. Но вот сегодня ночью все возможно. По крайней мере, не исключено.* Она улыбается ему и достает из большой корзины еще одну вещь. Это номер газеты «Нью-Йорк таймс», купленный ею в том же универсаме в Огапе, где она приобрела все остальное для пикника, включая клетчатую скатерть и бутылку с холодным чаем. Как в старые добрые времена, они подбрасывают монетку, чтобы решить, кому первому достанется раздел «Искусство и культура». В старые добрые времена Фил, получивший в 1970 году Национальную премию по литературе за сборник «Пылающие слоны», всегда выбирал решку и выигрывал гораздо чаще,

чем следовало бы по теории вероятности. Сегодня же он выбирает орла... и снова выигрывает.

— Вот ведь нахальный тип! — восклицает она и передает ему самые интересные полосы газеты.

Они едят. Читают разделенную на двоих газету. В какой-то момент она смотрит на него поверх вилки с картофельным салатом и говорит:

— А ведь я все еще люблю тебя, старый мошенник.

Фил улыбается. Ветерок шевелит белый пух на его голове, сквозь который сверкает кожа. Это уже не тот молодой человек, буйный и озорной гуляка из Бруклина, широкоплечий, как портовый грузчик (и такой же сквернослов). Но Полин видит тень того человека, переполненного злостью, отчаянием и безудержной радостью.

— Так ведь и я люблю тебя, Поли, — отвечает он.

— Мы с тобой пара старых, никому не нужных клещей, — говорит она и прыскает от смеха.

А ведь однажды она занималась любовью с королем и кинозвездой практически одновременно на одном и том же балконе, пока проигрыватель крутил пластинку с песней «Мэгги Мэй». Род Стюарт пел по-французски. Теперь эта женщина, которую та же «Нью-Йорк таймс» однажды назвала «величайшей из ныне живущих поэтесс Америки», обитает в Квинсе, в доме без лифта.

— Читаем свои стихи в богом забытых городках за смехотворные гонорары, — продолжает она, — и едим не в ресторанах, а в придорожных зонах отдыха на природе.

— Мы вовсе не старые, — отвечает он. — Мы молодые, *bébé**.

— О чем ты?

— Взгляни вот на это, — говорит он и протягивает ей первую полосу раздела «Искусство и культура».

Она берет газету и видит фотографию. На ней запечатлен похожий на засушенное растение улыбающийся мужчина в соломенной шляпе.

* Малышка (фр.).

Переваливший за девяносто лет Вук издает новую книгу

От нашего обозревателя Мотоко Рича

По достижении девяноста пяти лет — если они вообще доживают до такого возраста — большинство писателей уже давно бросают литературное творчество. Но только не Герман Вук, автор таких нашумевших романов, как «Бунт на "Кайне"» (1951) и «Марджори Морнингстар» (1955). Многие из тех, кто еще помнит телевизионные сериалы, снятые по его эпохальным книгам о Второй мировой войне — «Ветры войны» (1971) и «Война и память» (1978), — сами уже давно на пенсии. Представлялось, что высокая литературная награда, полученная им в 1980

году, ознаменует его уход со сцены.

Однако Вук еще не покончил с литературой. Всего за год до девяностолетия он неожиданно выпустил роман «Дыра в Техасе», благосклонно встреченный критиками, а сейчас мы ожидаем выхода в свет книги-эссе «Язык, на котором говорит Бог». Станет ли это его последним словом?

«Я не готов ответить на этот вопрос, — сказал сам Вук, улыбаясь. — Идеи не перестают приходить в голову человеку только потому, что он стар. Дряхлеет плоть, но не слова». По поводу его дальнейших
(Продолжение на с. 19)

Глядя на испещренное морщинами лицо под лихо сдвинутой набок соломенной шляпой, Полин чувствует, как на глаза наворачиваются слезы.

— Дряхлеет плоть, но не слова, — повторяет она. — Красиво сказано.

— Ты читала что-нибудь у него? — спрашивает Фил.

— Да, «Марджори Морнингстар». Еще в молодости. Это раздражающий гимн во славу целомудрия, но книга невольно захватила меня. А ты?

— Брался за «Янгблада Хоука», но так и не смог дочитать до конца. И все же... Старик до сих пор задает тон. Невероятно, но ведь он нам действительно в отцы годится.

Фил складывает газету и убирает в корзину. Внизу по свободному сейчас шоссе несутся машины под высоким сентябрьским небосводом, испещренным легкими перистыми облачками.

— Прежде чем отправимся дальше, не хочешь устроить стихотворный обмен? Как в былые времена.

Она раздумывает над этим, потом кивает. Много лет минуло с тех пор, как она слышала, чтобы кто-то другой вслух читал ее стихи. Это всегда вызывало тревогу и смятение, словно ты покинул свое тело. Но почему бы и нет? В зоне отдыха больше никого не было.

— Давай сделаем это в честь Германа Вука, который все еще задает тон. Папка с моими опусами — в переднем кармане дорожной сумки.

— Ты настолько доверяешь мне, что позволишь рыться в своих вещах?

Она одаривает его своей привычной лукавой улыбкой, потом потягивается под лучами солнца и закрывает глаза. Наслаждается теплом. Дни скоро станут прохладными. Но пока почти жарко.

— Ты можешь рыться в моих вещах сколько тебе угодно, Филип. — Она открывает один глаз, будто подмигивает, только наоборот. — Познай меня полностью, если пожелаешь.

— Я буду иметь в виду такую возможность, — говорит он и направляется к «кадиллаку».

Поэты в «кадиллаке», думает Полин. *Истинное воплощение абсурда.* Секунду она рассматривает поток машин на шоссе. Потом достает газету и снова вглядывается в улыбающееся узкое лицо престарелого бумагомарателя. Он все еще жив. Быть может, как раз в этот момент он смотрит в это же высокое синее сентябрьское небо, сидя за столом в своем патио с раскрытым блокнотом и со стаканом воды (или даже вина, если желудок позволяет) под рукой.

Если Бог есть, думает Полин Энслин, *иногда Она может быть очень щедрой.*

Полин ждет, когда вернется Фил с ее рабочей папкой и с одним из тех блокнотов для стенографии, в которых предпочитает записывать свои сочинения он сам. Сейчас они устроят обмен стихами. А вот вечером их могут ждать совсем другие игры. Полин вновь повторяет про себя, что ничего нельзя исключить.

III. СИДЯ ЗА РУЛЕМ «ШЕВИ-ЭКСПРЕССА», БРЕНДА ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ПИЛОТОМ РЕАКТИВНОГО ИСТРЕБИТЕЛЯ

Здесь все цифровое. Есть спутниковое радио и экран GPS-навигатора. Когда нужно сдать назад, экран превращается в телемонитор, показывающий, что находится позади тебя. Приборная доска так и сияет, а салон пропитан характерным запахом новой машины. И неудивительно: на одометре всего семьсот пятьдесят миль. Ей еще никогда не приходилось управлять автомобилем с таким крошечным пробегом. Нажимая разные кнопки на панели, можно узнать, какова твоя средняя скорость, на сколько миль хватает одного галлона бензина и сколько галлонов осталось в баке. Двигатель работает почти бесшумно. Передние сиденья — два мягких кресла, обтянутых материалом цвета слоновой кости, на ощупь напоминающим кожу. Машина движется плавно, как по маслу.

Для пассажиров на задних сиденьях предусмотрен DVD-проигрыватель с опускающимся сверху экраном. «Русалочка» не запускается, потому что Трут, трехлетний сынишка Джасмин, умудрился измазать диск арахисовым маслом, но дети радуются и «Шреку», хотя каждый уже успел посмотреть этот мультфильм миллион раз. Прелесть в том, что сейчас они смотрят его *в дороге! В автомобиле!* Впрочем, Фридом заснула в своем детском креслице между Фредди и Глори. Дилайт — шестимесячная дочь Джасмин — тоже спит на коленях у матери. Зато остальные пятеро сгрудились и смотрят на экран, совершенно заво-

рожденные, раскрыв рты. Эдди — еще один сын Джасмин — ковыряет в носу, а его старшая сестра Роуз Эллен пустила струйку слюны на свой маленький острый подбородок, но они хотя бы затихли и ненадолго прекратили бесконечные стычки. Детей как будто загипнотизировали.

Казалось бы, Бренда должна быть счастлива. Ребяшня ведет себя тише воды, ниже травы, дорога расстилается взлетно-посадочной полосой, она сидит за рулем новенького микроавтобуса, и за Портлендом шоссе совсем опустело. Цифровой спидометр показывает 70 миль в час, а эта крошка даже не запыхалась. Но вопреки всему серость снова начинает обволакивать Бренду.

В конце концов, микроавтобус ей не принадлежит. Его скоро придется вернуть. Глупая трата денег, если разобратся, ведь что ждет их в конце пути? Марс-Хилл. Марс... хренов... Хилл. Еда из дешевого ресторана «Раунд-ап», где она старшеклассницей подрабатывала официанткой, еще имея приличную фигуру. Гамбургеры с жареной картошкой, обернутые пищевой пленкой. Ну, поплещутся дети в бассейне. По крайней мере один набьет себе шишку и разревется. А скорее всего не один. Глори начнет жаловаться, что вода слишком холодная, даже если это будет не так. Глори жалуется всегда и на все. Она жизнь проживет, непрерывно жалуясь; Бренда уже сыта по горло ее нытьем и любит при случае сказать дочке, что это из нее так и прет папаша... Но, если честно, это качество досталась Глори от обоих родителей. Несчастное дитя. Как и все они на самом деле. Впереди простираются долгие годы тупого марша под солнцем, которое никогда не заходит.

Бренда косится вправо, надеясь, что Джасмин скажет что-нибудь веселое и рассмешит ее, но, к своему ужасу, видит: Джас тихо плачет. Безмолвные слезы накатываются на глаза, блестят на щеках. У нее на коленях спит Дилайт, посасывая палец. Это ее любимый утешительный палец, весь сморщившийся от влаги. Как-то Джас крепко отшлепала Ди, заметив девочку с пальцем во рту, но что толку наказывать шлепками малыша, которому всего-то

шесть месяцев? С таким же успехом можно отшлепать дверь. Однако иногда ты просто не можешь себя сдержать. Бренда сама поступала точно так же.

— Что с тобой, детка? — спрашивает Бренда.

— Ничего. Не обращай внимания, а лучше следи за дорогой.

Позади Осел говорит Шреку что-то смешное, и дети хохочут. Но только не Глори, та клюет носом.

— Брось, Джас. Поделись со мной. Я ведь твоя подруга.

— Говорю же, *все в порядке*.

Джасмин склоняется над спящей малюткой. Детское сиденье Дилайт лежит на полу машины. Внутри на пачке свежих подгузников покоится бутылка ликера «Алленс», для покупки которой они сделали остановку на юге Портленда, прежде чем выехать на платную трассу. До этого момента Джас почти не притрагивалась к ней, но сейчас делает пару больших глотков и лишь потом завинчивает крышку. Слезы продолжают течь по ее щекам.

— Все в порядке. Все плохо. Что бы я ни сказала, смысл не изменится.

— Это ты из-за Томми? Из-за своего братишки?

Джас озлобленно смеется.

— Я занимаюсь самообманом. Они ни за что не дадут мне ни цента из этих денег. Мамочка все свалит на папашу, потому что ей это очень удобно, хотя она сама сделала бы то же самое. Да и денег-то наверняка уже почти не осталось. А как будет с тобой? Твои старики действительно хоть немного тебе дадут?

Да. Конечно. Вполне возможно. Долларов сорок. Полтора пакета продуктов. Два пакета, если она воспользуется купонами из «Советов хозяйкам от дядюшки Генри». Стоит ей представить, как она листает этот задрипанный бесплатный журнальчик — библию всех бедняков, — пачка пальцы непросохшей типографской краской, как серость смыкается плотным облаком. Между тем день выдался прекрасный, скорее летний, чем сентябрьский, но в мире, где ты зависишь от дядюшки Генри, царит вечная

серость. Бренда думает: *Как получилось, что мы успели наплодить столько детей? Разве не вчера я совсем девчонкой обжималась с Майком Хиггинсом на заднем дворе скобяной лавки?*

— Везет тебе, — говорит Джасмин, сглатывая слезы. — А у моих стариков во дворе будут стоять три новых бензиновых игрушки, но они все равно начнут строить из себя нищих. И знаешь, что сразу же скажет мой папаша, когда увидит детей? «Только не позволяй им ни к чему прикасаться». Вот что он скажет.

— Быть может, он стал другим, — предполагает Бренда. — Лучше, чем был раньше.

— Он никогда не изменится, — возражает Джасмин, — никогда не станет лучше.

Теперь дрема овладевает Роуз Эллен. Она пытается склонить голову на плечо своего брата Эдди, и тот сердито бьет ее по руке. Она трет больное место и начинает хныкать, но уже вскоре снова полностью поглощена похождениями Шрека. Слюна по-прежнему свисает у нее с подбородка. Бренда думает, что это делает ее похожей на идиотку, хотя, в сущности, она и есть идиотка.

— Даже не знаю, что сказать, — признает Бренда. — Но нам ничто не помешает повеселиться. «Ред руф» — только представь себе, девочка моя! Бассейн!

— Ага, а потом какой-нибудь тип начнет в час ночи колотить в стену моего номера и орать, чтобы я заткнула рты своим детям. Можно подумать, *мне самой нравится*, когда Ди просыпается по ночам, потому что у нее режутся эти чертовы зубы! Причем, похоже, все сразу.

Джас еще раз основательно прикладывается к бутылке кофейного ликера, а потом протягивает ее подруге. Бренде действительно не хочется рисковать своими правами, но полиции нигде не видно, да и что она потеряет, если у нее отберут водительское удостоверение? Их последняя машина принадлежала Тиму, и на ней-то он и уехал, хотя она тоже уже дышала на ладан, вся латаная-перелатаная. Так что невелика потеря. А еще эта серость. Бренда берет

бутылку и делает глоток. Небольшой глоточек, но от крепкого ликера делается чуть теплее, и вкус приятный. Словно лучик солнца пробился сквозь серую пелену. Она делает второй глоток.

— В конце месяца «Ролл эраунд» собираются закрыть, — говорит Джасмин, забирая бутылку.

— О, Джасси, *не может быть!*

— О, Джасси, еще как может! — Она смотрит прямо перед собой на убегающую под колеса дорогу. — Джек довел-таки себя до банкротства. Все было предначертано свыше еще с прошлого года. Так что мои девяносто баксов в неделю улетучатся.

Она пьет. У нее на коленях начинает ворочаться Дилайт, но через минуту опять крепко засыпает с пальцем во рту. *Куда уже очень скоро какой-нибудь мальчишка вроде Майка Хиггинса захочет сунуть свой член, думает Бренда. И она, наверное, не будет возражать. Я ведь не возражала, как и Джас. Видно, так уж заведено.*

Позади принцесса Фиона произносит что-то смешное, но никто из детишек не смеется. У них стекленеют глаза. Даже у Эдди и Фредди — вот уж имена для комедийного сериала.

— Этот мир весь серый, — говорит Бренда. Она не собиралась этого говорить, пока не услышала, как слова срываются с языка.

Джасмин смотрит на нее с удивлением.

— Верно, — кивает она. — Вот теперь ты просекла фишку.

— Дай мне еще этого пойла, — просит Бренда.

Джасмин отдает ликер. Бренда делает глоток и возвращает бутылку.

— Ладно, с меня хватит.

Джасмин косится на нее с лукавой усмешкой, которую Бренда помнит еще со школьных времен. Так она улыбалась, когда к концу приближался пятничный учебный день. Вот только странно видеть эту улыбку на лице с мокрыми от слез щеками и налившимися кровью глазами.

— Ты уверена? — спрашивает Джас.

Бренда не отвечает, но чуть сильнее придавливает педаль газа. На спидометре высвечивается 80.

IV. «ТЫ ПЕРВЫЙ», — ГОВОРИТ ПОЛИН

Внезапно ею овладевает застенчивость, и она боится услышать собственные слова из уст Фила. Он будет читать звучно, но фальшиво, как бывает фальшивым гром без дождя. Правда, она уже забыла, насколько отличается его голос на публике — декламаторский и немного напыщенный (такими голосами произносят речи прокуроры перед жюри присяжных в фильмах) — от интонаций, с которыми он беседует с друзьями (на трезвую голову). Этот голос добрее и мягче, и ей нравится слышать свои стихи в его исполнении. Она ему благодарна. Они звучат лучше, чем есть на самом деле.

Тени листвы покрывают дорогу
Поцелуями черной помады.
Тающий снег темнеет в полях
Забытым подвенечным нарядом.
Туман рассыпается золотою пылью,
Облака, клубясь, расступаются в небе,
И сквозь них прорывается солнце!
Ровно на пять секунд лето снова возможно,
Ровно на пять секунд мне как будто семнадцать,
Я в подол собрала полевые цветы.

Он откладывает лист в сторону. Она смотрит на него с легкой улыбкой, хотя изрядно взволнована. Он одобрительно склоняет голову.

— Это хорошо, дорогая, — говорит он. — Очень милые стихи. Теперь твоя очередь.

Она открывает его блокнот, находит, по всей видимости, последнее из написанных им стихотворений и пролистывает несколько страниц с небрежно набросанными

черновиками. Ей известно, как он работает, и потому она продолжает искать, пока после почти неразборчивых строк не находит версию, выведенную мелкими и аккуратными печатными буквами. Она показывает лист ему. Он кивает, потом смотрит на шоссе. Все это прекрасно, но скоро им придется снова отправиться в путь. Они не должны опаздывать.

Он видит приближающийся красный микроавтобус. Машина мчится очень быстро.

Полин начинает читать.

V. БРЕНДА ВИДИТ РОГ ИЗОБИЛИЯ, ИЗ КОТОРОГО СЫПЛЮТСЯ ГНИЛЫЕ ПЛОДЫ

Да, думает она. Так и есть. День благодарения придуман для дураков.

Ее Фредди станет солдатом и отправится воевать в дальние страны, как было с Томми, братом Джасмин. И мальчиков Джасси, Эдди и Трута, ждет та же участь. Они обзаведутся спортивными автомобилями, когда вернутся (если вернутся вообще). Остается надеяться, что через двадцать лет не будет проблем с бензином. А девчушки? Начнут гулять с парнями и расстанутся с девственностью под бесконечные телевикторины по телевизору. Они поверят этим парням, которые, разумеется, пообещают не кончать в них. А потом нарожают детей, станут жарить мясо на сковородках и растолстеют, как она и Джасмин. Изредка они будут курить травку, зато часто будут поглощать огромные порции мороженого — дешевого мороженого из «Уол-марта». Хотя с Роуз Эллен может получиться иначе. С Роуз Эллен явно не все в порядке. У нее и в восьмом классе будет стекать слюна по подбородку. Вот как сейчас. Семеро детей произведут на свет семнадцать, семнадцать превратятся в семьдесят, а семьдесят — в две сотни. Она словно наяву видит этот парад потрепанных дураков, марширующих в будущее. На не-

которых из них джинсы, и на задницах сквозь дыры просвечивают трусы; на других — футболки с портретами хэви-метал-групп; на девушках — перепачканные жирными пятнами фартуки официанток; а на ком-то — трикотажные штаны из «Кей-марта», у которых в швы на просторном сиденье вшиты бирки с надписью «СДЕЛАНО В ПАРАГВАЕ». Бренда отчетливо видит гору принадлежащих им подержанных игрушек, которые позже сбудут с рук на дворовых распродажах, где их в свое время и приобрели. Они станут покупать продукты, рекламируемые по телевизору, и залезут в долги по кредитным картам, как сделала она... И снова сделает, потому что выигрыш в «Пик-3» — всего лишь случайная мелкая удача, и она это прекрасно понимает. Вовсе не удача, если вдуматься. Это издевательство, манящая дразнилка. А жизнь напоминает заржавевший колпак от колеса, который валяется в кювете у дороги. И эта жизнь продолжается. Никогда больше ей не почувствовать себя пилотом реактивного истребителя. Лучше уже не будет. Никто не успеет добраться до спасательной шлюпки. И ее собственную жизнь не снимают на камеру. Это реальность, а не реалити-шоу.

«Шрек» закончился. Все дети спят, даже Эдди. Головка Роуз Эллен снова на его плече. Она храпит, как старуха. У нее все руки в красных отметинах, потому что она постоянно их расчесывает.

Джасмин закручивает пробку на бутылке «Алленса» и снова бросает ее в стоящее в ногах детское кресло. Потом чуть слышно говорит:

— В пять лет я верила в единорогов.

— Я тоже, — отзывается Бренда. — Интересно, как сильно можно разогнать эту сучку?

Джасмин смотрит на дорогу. Они проносятся мимо синего указателя: «ДО ЗОНЫ ОТДЫХА — 1 МИЛЯ». Встречного транспорта не видно. Обе полосы целиком в их распоряжении.

— Давай проверим, — предлагает Джас.

Числа на спидометре меняются с 80 на 85, потом на 87. А между педалью газа и полом машины все еще остается свободное пространство. Дети спят.

А вот и зона отдыха стремительно приближается. На стоянке Бренда видит только один автомобиль. Похоже, дорогая штучка — «линкольн» или, быть может, «кадиллак». *Я тоже могла бы взять напрокат такой*, думает она. *Денег было достаточно, но детей слишком много. Места на всех не хватило бы.* Недостаток места... История всей ее жизни, в двух словах.

Она отводит взгляд от дороги. Смотрит на старую школьную подругу, осевшую в итоге в соседнем городке. Джас встречается с ней взглядом. Микроавтобус, несущийся на скорости почти сто миль в час, начинает заносить.

Джасмин едва заметно кивает, потом поднимает малышку и прижимает к своей огромной груди. Девочка по-прежнему держит во рту утешительный палец.

Бренда кивает в ответ. А затем еще сильнее давит ногой на педаль газа, пытаясь добраться до напольного покрытия. Вот оно, и Бренда аккуратно укладывает на него педаль.

VI. «СТОЙ, ПОЛИ, ОСТАНОВИСЬ»

Он вытягивает костлявую руку и хватает Полин за плечо, заставляя ее вздрогнуть от неожиданности. Она отрывается от чтения (его стихотворение значительно длиннее ее собственного, но осталась последняя дюжина строк) и видит, что он пристально смотрит в сторону шоссе. Рот у него широко открыт, а глаза под очками вылезли из орбит так, что едва не касаются линз. Она отслеживает направление его взгляда как раз вовремя, чтобы тоже успеть увидеть, как красный микроавтобус слетает с асфальта на обочину дороги, а потом его выносит на съезд в зону отдыха. Он не сворачивает — он мчится слишком быстро, чтобы вписаться в поворот. Микроавтобус пере-

секает съезд на скорости не меньше девяноста миль в час, вспахивает склон холма, на вершине которого расположились Полин с Филом, и врезается в дерево. Полин слышит громкий глухой удар, звук разбивающегося лобового стекла. Оно буквально взрывается мелкими осколками, на мгновение вспыхивающими всеми цветами радуги в лучах солнца, и в голову Полин приходит чудовищно кошмарная мысль: *Как красиво!*

Ствол дерева разрывает микроавтобус пополам. Нечто — Филу Хенрейду невыносимо думать, что это ребенок — взлетает высоко в воздух и падает в траву. Затем вспыхивает топливный бак. Полин кричит.

Фил вскакивает и бежит вниз по склону, перепрыгивая через шаткую деревянную ограду, словно юноша, которым был когда-то очень давно. В эти дни он часто думает о своем больном сердце, но, сбегая к горящим обломкам микроавтобуса, даже не вспоминает о нем. Облака проплывают над головой, покрывая поцелуями черной помады высохшую луговую траву. Полевые цветы кивают головками.

Фил останавливается в двадцати ярдах от пылающих останков машины, жар обжигает ему лицо. Он видит то, что и ожидал увидеть: выживших нет. Но чего он не ожидал, так это такого количества *погибших*. Он замечает пятна крови на тимофеевке и на клевере. Разбитый задний фонарь лежит на земле россыпью земляники. В ветках куста застряла оторванная рука. Среди языков пламени можно разглядеть, как плавится детское сиденье. Какие-то туфли.

Полин подбегает и встает рядом с ним. Она с трудом ловит ртом воздух. У нее дикие глаза и совершенно растрепавшиеся волосы.

— Не смотри туда, — говорит он.

— Чем это пахнет, Фил? Что это за *запах*?

— Горящего бензина и резины, — отвечает он, догадываясь, что она спрашивала не об этом. — Не надо смотреть. Возвращайся к нашей машине и... У тебя есть мобильный телефон?

— Да, конечно, у меня есть, но только...

— Тогда пойди и набери девять-один-один. Не смотри на это. Тебе не нужно это видеть.

Он тоже не хочет смотреть, но не в состоянии оторвать взгляд. Сколько же их всего? Ему удастся различить тела по меньшей мере троих детей и одного взрослого человека — кажется, это женщина, но полной уверенности нет. А обуви так много... И еще он видит упаковку DVD с персонажами мультфильмов...

— А если не удастся дозвониться? — спрашивает она.

Он указывает ей на клубы черного дыма. Потом на три или четыре машины, уже успевшие съехать с шоссе.

— Не важно, дозвонишься ты или нет, — говорит он. — Просто попытайся.

Она хочет уйти, но тут же снова возвращается.

— Фил... Сколько?

— Не знаю. Много. Может, шестеро. Иди же, Поли. Среди них могут быть выжившие.

— Не лги, — выдавливает она сквозь рыдания. — Эта треклятая машина мчалась со сверхзвуковой скоростью.

Затем она начинает с трудом взбираться вверх по склону, но на полпути к парковке зоны отдыха (где скапливается все больше автомобилей) ужасающая мысль приходит ей в голову, и она оборачивается, уверенная, что увидит своего старого друга и возлюбленного распростертым в траве. Он мог лишиться чувств или даже умереть от нового сердечного приступа. Но он по-прежнему на ногах, осторожно обходит пылающий микроавтобус слева. У нее на глазах он снимает свою щегольскую спортивную куртку с кожаными нашивками на локтях, опускается на колени и что-то накрывает. Либо маленькое тельце, либо часть большого тела. Потом продолжает движение по кругу.

Одoleвая подъем, она думает, что все их усилия прожить жизнь, творя красоту из слов, были жалкой иллюзией. Фантомом или шуткой над ними самими — детьми, эгоистично не желавшими вырасти. Да, скорее именно

так. *Глупые, самовлюбленные дети*, думает она, *заслуживают хорошей порки*.

Но, добравшись до стоянки, совершенно выбившись из сил, Полин вдруг замечает в траве раздел «Искусство и культура», страницами которого лениво поигрывает легкий ветерок, и ее мысли приобретают иное направление. *Нет, все правильно. Герман Вук еще жив и пишет книгу о языке Бога. Герман Вук считает, что дряхлеет плоть, но не слова. А значит, все в порядке. Правда?*

Мимо пробегают мужчина и женщина. Женщина поднимает сотовый телефон, чтобы сделать снимок. Полин Энслин взирает на это без малейшего удивления. Надо полагать, дамочка покажет фото всем своим подругам. А потом они выпьют и закусят, беседуя о милости Божьей и о том, что на все есть своя причина. Божественное милосердие — очень благодатная тема для разговора. Эта концепция незыблема, пока дело не дошло до тебя.

— Что случилось? — выкрикивает мужчина прямо ей в лицо. — Что, черт возьми, здесь происходит?

Внизу, под склоном холма, что-то в самом деле происходит с тощим старым поэтом. Он снял с себя рубашку, чтобы прикрыть еще один труп. Ребра Фила выпирают под тонкой белой кожей. Он встает на колени и расстилает рубашку. Воздевает руки к небу, потом опускает и обхватывает ими свою седую голову.

Полин — тоже поэтическая натура и потому в состоянии ответить на вопрос мужчины на языке Бога.

— А на что это, мать твою, похоже? — говорит она.

Посвящается Оуэну Кингу и Герману Вуку

Нездоровье

«Где вы берете идеи?» и «Как у вас появилась эта идея?» — вопросы разные. На первый ответа нет, поэтому я обычно отшучиваюсь, говоря, что приобретаю их оптом в маленьком магазинчике «Поддержанные идеи» в Ютике. На второй иной раз ответить можно, а иной раз — нет, потому что истории на удивление похожи на сны. В процессе написания все предельно четко и ясно, но после того, как поставлена последняя точка, остаются лишь смутные обрывки, и те быстро уходят из памяти. Я иногда думаю, что сборник рассказов — некое подобие дневника снов и их толкований, попытка поймать подсознательные образы, прежде чем они окончательно растают. Здесь — тот самый случай. Я не помню, откуда взялась идея «Нездоровья», сколько времени ушло у меня на этот рассказ, даже где я его написал.

Помню я другое: это один из моих редких рассказов, в которых концовка была определена сразу, а значит, мне пришлось очень тщательно выстраивать историю, чтобы подвести к этой самой концовке. Я знаю, некоторые писатели любят творить, четко представляя, чем все закончится (Джон Ирвинг однажды сказал мне, что начинает писать роман с последней фразы), но это не мое. Как правило, мне нравится, чтобы концовка позаботилась о себе сама. Я чувствую: если я не знаю, чем все закончится, не узнает и читатель. К счастью для меня, это одна из тех историй, в которых читателю не возбраняется на шаг опережать рассказчика.

Этот дурной сон снится мне уже неделю, но, похоже, я каким-то образом контролирую себя, потому что вырываюсь из него, прежде чем он превращается в кошмар. На этот раз он последовал за мной, и теперь мы с Эллен не одни. Что-то затаилось под кроватью. Я слышу, как оно жует.

Вы знаете, каково это — действительно испугаться, правда? Такое ощущение, что сердце останавливается, язык прилипает к нёбу, кожа холодеет, мурашки бегут по всему телу. Плавное движение шестеренок в голове сменяется безумным вращением, и весь двигатель перегревается. Я едва сдерживаю крик, вот в каком я состоянии. Думаю: *Это тварь, которую я не хочу видеть. Это тварь с кресла у окна.*

Потом вижу потолочный вентилятор, вращающийся на минимальной скорости. Вижу свет раннего утра, просачивающийся в узкий зазор между задернутыми портьерами. Вижу седеющие спутанные волосы Эллен, спящей на другой половине кровати. Я здесь, в Верхнем Ист-Сайде, на пятом этаже, и все хорошо. А звуки из-под кровати...

Я отбрасываю одеяло, становлюсь коленями на пол, словно человек, собравшийся помолиться. Вместо этого поднимаю свисающее до пола покрывало и заглядываю под кровать. Сначала вижу только темный силуэт. Потом голова силуэта поворачивается ко мне и во мраке светятся два глаза. Это Леди. Не положено ей лежать под кро-

вацию, и скорее всего она это знает (трудно сказать, что собака знает, а что — нет), но я, должно быть, оставил дверь открытой, когда ложился спать. А может, закрыл не полностью, и Леди открыла ее мордой. Наверное, она притащила с собой какую-то игрушку из ведерка в коридоре. Хорошо, что не синюю кость и не красную крысу. В них пищалки, и она точно разбудила бы Эллен. А Эллен нужен отдых. Ей нездоровится.

— Леди, — шепчу я. — Леди, пошла отсюда.

Она только смотрит на меня. Постарела и соображает хуже, чем прежде, но, как говорится, она далеко не глупа. И сейчас лежит под половиной Эллен, где мне до нее не добраться. Если я повышу голос, ей придется подползти, но она знает (я чертовски уверен, что знает), я этого не сделаю: повысив голос, точно разбужу Эллен.

И в доказательство моего вывода Леди отворачивается и продолжает жевать свою игрушку.

Но я знаю, что надо делать. Прожил с Леди одиннадцать лет, почти половину моей супружеской жизни. Есть три способа вытащить ее из-под кровати. Первый — погремать поводком и крикнуть: «Лифт!» Второй — громыхнуть ее миской на кухне. Третий...

Я поднимаюсь и иду коротким коридором на кухню. Из буфета достаю пакет «Вкусных ломтиков», трясусь. Ждать не приходится. Тут же слышится приглушенное постукивание когтей нашего кокера. Пять секунд, и она уже на кухне. Не потрудилась захватить с собой игрушку.

Я показываю ей маленькую «морковку», потом бросаю в гостиную. Из вредности, конечно, я знаю, она не собиралась пугать меня до смерти, но ведь напугала. А кроме того, старой толстухе подвигаться не во вред. Она бежит за угощением. Я задерживаюсь на кухне лишь потому, что хочу включить кофеварку, а потом возвращаюсь в спальню, на этот раз плотно закрываю за собой дверь.

Эллен спит, и ранний подъем обладает определенным преимуществом: нет нужды в будильнике. Я его выключаю. Пусть поспит чуть дольше. У нее бронхиальная инфекция.

Какое-то время я очень боялся за Эллен, но теперь она пошла на поправку.

Я иду в ванную и официально открываю день чисткой зубов (я где-то прочитал, что утром ротовая полость обеззаражена как никогда, но от привычки, приобретенной в детстве, никуда не денешься). Включаю душ — струя сильная и горячая, — встаю под воду.

В душе мне лучше всего думается, и в это утро я думаю о своем сне. Мне он снился пять ночей подряд (но чего считать-то). Ничего действительно ужасного в нем не происходит, и в каком-то смысле это самое худшее, потому что, пребывая в этом сне, я знаю (и знаю абсолютно точно): что-то ужасное обязательно произойдет. Если я это допущу.

Я в самолете, салон бизнес-класса. Сажу у прохода, как мне нравится, потому что не приходится протискиваться мимо кого-то, если надо пойти в туалет. Столик опущен. На нем пакетик с солеными орешками и стакан с напитком оранжевого цвета, выглядит как коктейль «Восход солнца» с водкой, который в реальной жизни я никогда не заказывал. Полет проходит спокойно. Если облака и есть, мы летим над ними. Салон наполнен солнечным светом. Кто-то сидит в кресле у окна, и я знаю: если посмотрю на него (или на нее, или на оно), увижу нечто такое, что превратит мой дурной сон в кошмар. Если посмотрю в лицо моего соседа, могу даже лишиться рассудка. Он треснет, как яйцо, и из него выльется вся таящаяся внутри тьма.

Я быстро смываю мыльную пену с волос, выхожу из душа, вытираюсь. Моя одежда аккуратно сложена на стуле в спальне. Я беру ее и туфли и уношу на кухню, уже благоухающую ароматом кофе. Приятно. Леди свернулась у плиты, укоризненно смотрит на меня.

— Нечего на меня обижаться, — говорю я ей и киваю в сторону закрытой двери в спальню. — Правила ты знаешь.

Она опускает морду на пол между лап.

Дождаясь кофе, я беру клюквенный сок. Есть и апельсиновый, который я обычно пью по утрам, но сегодня не

хочется. Наверное, очень похож на коктейль из сна. Кофе я пью в гостиной, в компании Си-эн-эн без звука, просто читаю бегущую строку под картинкой, и, если на то пошло, ничего другого и не нужно. Потом выключаю телевизор и съедаю тарелку хлопьев из отрубей. Без четверти восемь. Принимаю решение: если на прогулке с Леди погода будет хорошая, я обойдусь без такси и на работу пойду пешком.

Погода хорошая, весна переходит в лето, все вокруг сияет. Карло, наш швейцар, стоит под навесом и говорит по мобильнику:

— Да, да, я наконец-то до нее дозвонился. Она говорит, пожалуйста, нет проблем, все равно я в отъезде. Она никому не доверяет, и я ее не виню. У нее в квартире много красивых вещей. Когда подъедете? В три? Раньше никак? — Он поднимает руку в белой перчатке, приветствуя меня, когда мы с Леди направляемся к углу.

Этот процесс у нас с Леди доведен до совершенства. Она проделывает все практически на одном и том же месте, а я шустро использую мешочек для экскрементов. Когда мы возвращаемся, Карло наклоняется, чтобы потрепать Леди по голове. Она энергично виляет хвостом, но напрасно надеется на угощение: Карло знает, что она на диете. Или должна быть.

— Я наконец-то связался с миссис Варшавски, — сообщает мне Карло. Миссис Варшавски проживает в квартире 5В, но только номинально. Вот уже два месяца как она куда-то уехала. — Она в Вене.

— В Вене, значит, — киваю я.

— Она сказала, что я могу дать отмашку дезинсекторам. Когда я ей рассказал, пришла в ужас. Вы — единственный из четырех, пяти или шести, кто не возмущался. Остальные... — Он качает головой, шумно выдыхает.

— Я вырос в Коннектикуте, в промышленном городке. И тамошняя вонь притупила мое обоняние. Я улавливаю аромат кофе или духов Эллен, если она сильно надушится, но ничего больше.

— В данном случае это просто дар Божий. Как миссис Франклин? Ей все еще нездоровится?

— На работу ей идти еще рано, но чувствует она себя гораздо лучше. Одно время я даже опасался самого худшего.

— Я тоже. Она однажды вышла... в дождь, естественно...

— Такая уж Эл, — говорю я. — Ничто ее не остановит. Если считает, куда-то надо пойти, обязательно так и делает.

— ...и я подумал: *Да это же настоящий могильный кашель*. — Он поднимает руку в белой перчатке, жестом останавливая возражения. — Не то чтобы я действительно подумал...

— Да, с таким кашлем кладут в больницу. Но я наконец-то заставил ее пойти к доктору, и теперь... она на пути к выздоровлению.

— Хорошо, хорошо. — Потом возвращается к тому, что его действительно волнует. — Миссис Варшавски выразила крайнее недовольство, когда я ввел ее в курс дела. Я сказал, что мы скорее всего найдем протухшую еду в холодильнике, но я знаю, все гораздо серьезнее. Как и все, у кого нормальное обоняние. — Он мрачно кивает. — Они найдут дохлую крысу, помяните мои слова. Протухшая еда воняет, но по-другому. Такой запах только от мертвечины. Это крыса, точно, может, и две. Она, вероятно, перед отъездом рассыпала по квартире яд, но не хочет этого признавать. — Он наклоняется и вновь треплет Леди по голове. — Ты это чувствуешь, правда, девочка? Готов спорить, что чувствуешь.

Около кофеварки разбросаны пурпурные стикеры. Я беру со стола пурпурный блок, от которого их отрывал, и пишу еще одну записку:

Эллен! Леди я выгулял. Кофе готов. Если будешь плохо себя чувствовать, выйди в парк. Но далеко не уходи! Нельзя тебе переутомляться, когда ты только-только пошла на поправку. Карло вновь сказал мне, что «чув-

ствует запах дохлой крысы». Похоже, все, кто живет рядом с квартирой 5В, его чувствуют. К счастью для нас, у тебя нос забит, а у меня почти полная аносмия. Ха-ха! Если услышишь людей в квартире миссис Ва, это будут дезинсекторы. Должен хорошо подумать о новейшем чудо-препарате для мужчин. Им следовало проконсультироваться с нами, прежде чем так его называть. Помни — НЕ ПЕРЕУТОМЛЯЙСЯ. Люблю тебя. Люблю!

Рисую полдесятка «Х» вместо черты, подписываюсь сердцем, пронзенным стрелой. Добавляю стикер к тем, что уже вокруг кофеварки. Прежде чем уйти, наполняю водой миску Леди.

До работы мне двадцать кварталов или около того, и я думаю не о новейшем чудо-препарате для мужчин, а о дезинсекторах, которые придут в три. Или раньше, если получится.

Прогулка, возможно, решение ошибочное. Этот сон — серьезная помеха полноценному ночному отдыху, и в результате я едва не засыпаю на утренней планерке в конференц-зале. Но успеваю взять себя в руки. Пит Уэнделл показывает веселенький постер для новой рекламной кампании водки «Петров». Я его уже видел — на экране компьютера в кабинете Пита, когда он возился с ним на прошлой неделе, и, взглянув вновь, понимаю, откуда взялась как минимум одна составляющая моего сна.

— Водка «Петров», — говорит Ора Маклин. Ее восхитительная грудь поднимается и опускается в театральном вздохе. — Если это пример нового русского капитализма, то кампания изначально обречена на провал. — Громкий смех более молодых мужчин, которые хотели бы видеть светлые волосы Оры на своей подушке. — Без обид, Пит, я исключительно про продукт.

— Какие обиды, — с улыбкой отвечает Пит. — Мы делаем все, что в наших силах.

На постере пара, чокающаяся на балконе, тогда как солнце садится за бухтой, заполненной дорогими яхтами.

Слоган под картинкой: «ЗАКАТ. САМОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ «ВОСХОДА» С ВОДКОЙ».

Следует дискуссия о местоположении бутылки: справа? Слева? Вверху? Внизу? — и Фрэнк Берштейн предлагает добавить на рекламную страницу рецепт коктейля, особенно для таких журналов, как «Плейбой» и «Эсквайр». Я отключаюсь, думая о коктейле, который стоит на столике в моем сне, и едва не пропускаю вопрос, адресованный мне Джорджем Слэттери. Но успеваю среагировать и отвечаю. Джорджа переспрашивать не положено.

— Я в одной лодке с Питом, — говорю я. — Продукт выбирает клиент, а я всего лишь делаю что могу.

В ответ добродушный смех. По новейшему чудо-препарату «Воннелл фармацевтикел» в этой комнате проезжались не раз и не два.

— Возможно, я кое-что покажу вам в понедельник, — продолжаю я. Не смотрю на Джорджа, но он знает, к чему я клоню. — К середине следующей недели точно. Я хочу дать Билли шанс проявить себя в полной мере. — Билли Эдерли — наш новичок, и на испытательный срок определен мне в помощники. На утренние планерки его еще не приглашают, но мне он нравится. В «Эндрюс — Слэттери» он нравится всем. Умный, энергичный, и я готов поспорить, что через год-другой он начнет бриться.

Джордж обдумывает мой ответ.

— Я надеялся увидеть концепцию сегодня. Хотя бы черновой вариант.

Тягостная пауза. Все внимательно изучают свои ногти. Для Джорджа это совсем уж близко к порицанию, и, возможно, я того заслуживаю. Неделя у меня не из лучших, и попытка свалить все на мальчишку выглядит не очень. Да и по ощущениям я делаю что-то не то.

— Ладно, — выносит вердикт Джордж, и в комнате почувствовалось облегчение. Словно дуновение холодного ветерка: появилось, и его уже нет. Никто не хочет присутствовать при публичной порке в конференц-зале в сол-

нечное пятничное утро, а мне, естественно, не хочется ее получать. Учитывая, что и без того хватает забот.

Джордж чует недоброе, думаю я.

— Как Эллен? — спрашивает он.

— Ей лучше, — отвечаю я. — Спасибо, что спросил.

Еще несколько презентаций. Планерка закончена. Слава Богу.

Я почти задремал, когда двадцать минут спустя Билли Эдерли входит в мой кабинет. Отметьте этот нюанс: я дремлю. Но тут же выпрямляюсь в надежде, что парень подумает, будто вырвал меня из глубокого раздумья. Но он, возможно, слишком взволнован, чтобы обращать внимание на мое состояние. Принес плакатную доску. Я думаю, что он нормально смотрелся бы в Поданкской старшей школе, будь у него в руках объявление о пятничном танцевальном вечере.

— Как прошла планерка? — спрашивает он.

— Без проблем.

— Нас помянули?

— Если действительно хочешь знать, да. И что ты мне приготовил, Билли?

Глубокий вдох, и он поворачивает плакатную доску лицевой стороной ко мне. Слева фирменный флакон виагры стандартного размера или около того. Справа — эта сторона рекламного объявления более заметна, о чем вам скажет любой рекламщик — фирменный флакон нашего препарата, но гораздо большего размера. Под большим флаконом слоган: ПО-10P, В ДЕСЯТЬ РАЗ ЭФФЕКТИВНЕЕ ВИАГРЫ!

Билли смотрит, как я разглядываю постер, и его полная надежд улыбка начинает угасать.

— Вам не нравится.

— Вопрос не в том, нравится или нет. В нашем бизнесе он так не ставится. Вопрос другой: сработает или нет. Это не сработает.

Теперь он надувается. Если бы Джордж Слэттери увидел его таким, отвел бы в дровяной сарай и в наказание

запер там. У меня таких намерений нет — хотя ему, возможно, кажется, что они именно такие, — поскольку моя задача — учить его. И несмотря на то что голова занята другим, я пытаюсь делать свое дело, потому что люблю этот бизнес. Он не приносит уважения, но я все равно его люблю. Опять же слышу голос Эллен: «Надо доводить дело до конца». Если за что-то взялся — не отступай. Такая решительность иной раз даже немного пугает.

— Присядь, Билли.

Он садится.

— И сотри с физиономии эту надутость, идет? Ты похож на малыша, только что уронившего пустышку в унитаза.

Он старается изо всех сил. За что я его и люблю. Пальцы рук не опускает, и так и надо, если он собирается работать в агентстве «Эндрюс — Слэттери».

— Хорошая новость — я не отбираю у тебя этот проект, главным образом по одной причине: не твоя вина, что в «Воннелл фармацевтике» дали препарату название, которое звучит как витамин. Но мы должны сделать маленькую сумочку из этого свиного уха. В рекламе такую задачу приходится решать в семи случаях из десяти. Может, и в восьми. Поэтому слушай внимательно.

Он чуть улыбается.

— Может, мне все записать?

— Не умничай. Первое, в рекламе лекарственного средства упаковка никогда не показывается. Логотип — обязательно. Сама таблетка — иногда. Зависит от обстоятельств. Знаешь, почему «Пфайзер» показывает таблетки виагры? Потому что они синие. Потребители любят синее. И форма необычная. Потребители положительно реагируют на форму таблетки виагры. Но людям совсем не хочется видеть пузырек, в котором они покупают эти таблетки. Пузырьки вызывают у них мысли о болезни. Это понятно?

— Тогда, может, маленькая таблетка виагры и большая По-10р? Вместо флаконов? — Он поднимает руку, прово-

дит невидимую черту под картинкой. — «По-10р, в десять раз больше, в десять раз лучше». Улавливаете?

— Да, Билли, улавливаю. Управление по надзору за качеством медикаментов тоже уловит. Собственно, может приказать нам убрать рекламу с таким слоганом из обращения, а это обойдется в кругленькую сумму. Не говоря о том, что мы лишимся очень хорошего клиента.

— Почему? — Билли почти скулит.

— Потому что она не в десять раз больше и не в десять раз лучше. Виагра, сиалис, левитра, По-10р включают активное вещество с практически одинаковой, вызывающей эрекцию, формулой. Поинтересуйся этим, малыш. Неплохо освежить знания и по рекламному законодательству. Хочешь доказать, что оладыи из отрубей Трепача в десять раз вкуснее оладий из отрубей Болтуна? Возможно, сумеешь, вкус — фактор субъективный. Теперь о твердости члена и отрезка времени, в течение которого он таковым остается.

— Ладно. — В голосе обреченность.

— «В десять раз больше» относительно чего-то, когда речь идет об эректальной дисфункции, не катит. Вышло в тираж, как две «ма» на одной «ка».

На его лице полное непонимание.

— «Две манды на одной кухне»*. Так рекламщики называли ролики для «мыльных опер» в середине пятидесятых.

— Вы шутите!

— Отнюдь. А теперь посмотри, о чем я думаю... — Я записываю на чистом листе блокнота несколько слов, и вдруг перед мысленным взором возникают все эти стикеры около кофеварки в старой доброй квартире 5Б... почему они до сих пор там?

— А просто сказать не можете? — спрашивает парнишка, и голос далекий, словно нас разделяет тысяча миль.

* «Две манды на одной кухне» — рекламный ролик, в котором две женщины на кухне, скажем за чашкой кофе, обсуждают достоинства рекламируемого продукта, к примеру гигиенических прокладок.

— Нет, потому что в рекламном бизнесе звук не главное, — говорю я. — Никогда не доверяй рекламе, которая произносится слишком громко. Если что-то придумал, запиши и покажи кому-нибудь. Покажи лучшему другу. Или своей... ты понимаешь, жене.

— Вы в порядке, Брэд?

— Более чем. А что?

— Не знаю. У вас вдруг так странно изменилось выражение лица.

— Главное — чтобы я не выглядел странным во время презентации в понедельник. А теперь что это тебе говорит? — Я поворачиваю блокнот к нему и показываю фразу: «ПО-10Р... ДЛЯ МУЖЧИН, КОТОРЫЕ ЛЮБЯТ, ЧТОБЫ СТОЯЛО».

— Выглядит похабной шуткой, — возражает он.

— Ход твоих мыслей понятен, но я написал фразу печатными буквами. А теперь представь себе, что она написана плавным курсивным шрифтом. Может, даже с засечками. — Я их добавляю, но с печатными буквами получается не очень. Зато получится с упомянутыми мной шрифтами. Я знаю, что получится, потому что буквально это вижу. — Теперь пойдем дальше. Подумай о фотографии крепкого, здорового мужика. В джинсах с заниженной талией, из-под которых торчат трусы. И, скажем, в футболке с отрезанными рукавами. Представь его себе с машинным маслом и грязью на бицухах.

— Бицухах?

— Бицепсах. И он стоит около автомобиля с мощным двигателем, у которого поднят капот. Теперь это тоже выглядит похабной шуткой?

— Я... Я не знаю.

— Я тоже. Полной уверенности у меня нет, но нутро подсказывает, что направление выбрано правильное. Конечно, надо еще пахать и пахать. Слоган не проработан, тут ты прав, а нужен он идеальный, потому что станет основой для роликов на ТВ и в Сети. Покрути его. Заставь работать. Помни, что ключевое слово...

Внезапно нисходит озарение, и я знаю, откуда взялась остальная часть этого чертова сна.

— Брэд?

— Ключевое слово — «стояло», — говорю я. — Потому что мужчина... если у него что-то не работает — член, замысел, жизнь, — сильно огорчается. Но не хочет сдаваться. Он помнит, как было раньше, и хочет, чтобы все вернулось на круги своя.

Да, думаю я. Да, хочет.

Билли глупо улыбается.

— Ну, не знаю.

Я тоже выдавливаю из себя улыбку. Получается она кислой, будто гири подвешены к уголкам рта. И вновь я словно переношусь в дурной сон. Потому что рядом что-то такое, на что смотреть я не хочу. Только это не сон, из которого я могу выскочить. Это — реальность.

После ухода Билли я иду в уборную. Десять часов, большинство парней нашей конторы уже отлили утренний кофе и пьют новый в маленькой столовой, так что я в гордом одиночестве. Захожу в кабинку, скидываю брюки, чтобы тот, кто войдет, увидел через щель под дверью, что я занят чем положено, но я пришел сюда только с одним делом: подумать. Или вспомнить.

Через четыре года после моего прихода в «Эндрюс — Слэттери» на мой стол лег заказ на разработку рекламной кампании для болеутоляющего средства «Скорпом». Мне и потом перепалили крупные заказы, и иной раз удавалось найти очень удачные решения, но этот был первым. Все произошло быстро. Я открыл коробку с образцом, достал пузырек с таблетками, и мое воображение тут же подсказало мне основной элемент кампании — рекламщики иногда называют его сердцевинкой. Я, конечно, потянул резину, чтобы не создалось впечатление, что задачу передо мной поставили — проще некуда. Потом нарисовал несколько вариантов постеров. Эллен мне помогала. Это произошло вскоре после того, как мы выяснили, что забеременеть она не может. Причиной послужил какой-то

препарат, которым в подростковом возрасте ее лечили от острой ревматической лихорадки. Она впала в депрессию, но работа над рекламой скорпома позволила отвлечься. Эллен заметно ожила.

Тогда компанией еще руководил Эл Эндрюс, так что с нашими наработками я пошел к нему. Помню, как сидел перед его столом в «пыточном кресле», обильно потев, с гулко бьющимся сердцем, пока он медленно просматривал наши макеты. Наконец, отложив их, он поднял косматую седую голову, чтобы посмотреть на меня, а последовавшая пауза затянулась, как мне показалось, на час. «Хорошо, Брэйди, — произнес он. — Больше чем хорошо, потрясающе. С клиентом встречаемся завтра, во второй половине дня. Презентация за тобой».

На презентации я не ударил в грязь лицом, и вице-президент «Дуган драг» едва не сошел с ума от счастья, когда увидел рекламный плакат с молодой работницей и пузырьком скорпома, торчащим из закатанного рукава. Эта кампания поставила скорпом в один ряд с лидерами рынка — байером*, анацином, буфферином, — и к концу года мы уже рекламировали всю продукцию «Дуган драг». И в счете стояло семизначное число, начинающееся не с единицы. Часть премии я потратил на то, чтобы поехать с Эллен на десять дней в Нассау. Мы вылетели из аэропорта Кеннеди в серый, дождливый день, и я до сих пор помню, как она рассмеялась и сказала: «Поцелуй меня, милый», — когда самолет пробил облака и солнечный свет залил салон. Я поцеловал, и пара по другую сторону прохода — мы летели бизнес-классом — зааплодировала.

Я рассказал о лучшем. Худшее произошло через полчаса, когда я повернулся к ней и на мгновение подумал, что она мертва. И все потому, что спала она в неестественной позе: голова повернута к плечу, рот приоткрыт, воло-

* Байер — разговорное название аспирина производства компании «Байер».

сы словно прилипли к иллюминатору. Эллен была молодой — я тоже, — но над ней висела реальная угроза внезапной смерти.

«Ваше состояние раньше называли бесплодием, миссис Франклин, — добавил доктор, сообщив нам плохую весть, — но в вашем случае следует назвать его счастьем. Беременность увеличит нагрузку на сердце, а ваше из-за болезни, которую плохо лечили, не такое и здоровое. Если бы вы забеременели, то последние четыре месяца вам пришлось бы провести в постели, и не факт, что риска удалось бы избежать».

Она не забеременела к тому моменту, когда мы отправились в путешествие, но две недели перед отъездом очень волновалась, да и при подъеме на высоту крейсерского полета сильно болтало... короче, выглядела она так, словно не дышит.

Потом Эллен открыла глаза. Я откинулся на спинку моего кресла у прохода, шумно выдохнул.

Она в недоумении посмотрела на меня.

— Что не так?

— Ничего. Ты выглядела во сне...

Она вытерла подбородок.

— Господи, я напускала слюней?

— Нет. — Я рассмеялся. — Но на мгновение мне показалось... что ты умерла.

Она тоже рассмеялась.

— Если бы я умерла, тебе пришлось бы отправить тело обратно в Нью-Йорк, а самому утешиться с какой-нибудь Багамой-мамой.

— Нет, — ответил я. — Я бы все равно остался с тобой.

— Что?

— Я с этим не свыкнусь. Никогда.

— Тебе придется. Через несколько дней. Потому что я начну вонять.

Эллен улыбалась. Она думала, это все игра, не осознала в полной мере, что говорил ей доктор в тот день. Она, прямо скажу, не приняла это близко к сердцу. И не знала,

как выглядела, когда солнечный свет падал на ее щеки, белые как снег, нависшие веки, опустившиеся уголки рта. Но я видел и принял это близко к сердцу. Она была моим сердцем, и я храню то, что в моем сердце. Никто у меня этого не отнимет.

— Никогда, — ответил я. — Я сохраню тебя живой.

— Правда? Как? Колдовством?

— Отказом это признать. И использую главное оружие рекламщика.

— Какое же, мистер Скорпом?

— Воображение. Можем мы теперь поговорить о чем-то более приятном?

Звонок, которого я жду, раздается в половине четвертого. Не Карло — Берк Остроу, техник-смотритель нашего дома. Хочет знать, когда я приду домой, потому что запахдохлой крысы идет не из квартиры 5В, а из нашей, которая рядом. Остроу говорит, что дезинсекторы должны уйти в четыре, потому что их ждут в другом месте, но важно не это, а другое: запах идет из нашей квартиры. И, между прочим, Карло утверждает, что не видел мою жену уже неделю, только меня и собаку.

Я объясняю, что запахов практически не различаю, а у Эллен бронхит. В ее нынешнем состоянии, говорю я, она не узнает, что горят портьеры, пока детектор дыма не включит сигнализацию. Я уверен, Леди запах чувствует, говорю я ему, но для собаки вонь разлагающейся крысы, возможно, приятнее аромата «Шанель № 5».

— Я все это понимаю, мистер Франклин, но все равно должен попасть в вашу квартиру и посмотреть, что там. А если дезинсекторов придется вызывать вновь, я думаю, что этот счет придется оплачивать вам лично. И он немаленький. Я могу воспользоваться мастер-ключом, но мне будет проще, если вы...

— Да, так и мне будет проще. Не говоря уже про мою жену.

— Я пытался ей дозвониться, но она не берет трубку. — Я слышу, как подозрительность вновь прокрадывается

в его голос. Я ведь все объяснил, рекламщики это умеют, но убедить в собственной правоте обычно удается секунд на шестьдесят или около того.

— Возможно, она выключила звонок. И лекарства, которые прописал врач, вызывают у нее сонливость.

— Когда вы придете домой, мистер Франклин? Я могу задержаться до семи. Потом останется Альфредо. — Нотка пренебрежения в голосе указывает, что мне лучше не вести дел с этим не знающим английского мокроспином*.

Никогда, думаю я. Не приду домой *никогда*. Собственно, меня там вообще не было. Нам с Эллен так понравились Багамы, что мы перебрались в Кэбл-Бич, а я устроился на работу в маленькую фирму в Нассау. Рекламирую круизные рейсы, распродажи электроники, открытия супермаркетов. А вся эта нью-йоркская мишура — сладкий сон, из которого я могу выскользнуть в любую минуту.

— Мистер Франклин? Вы на связи?

— Конечно. Просто задумался. И вот что я вам скажу. Если уйду с работы прямо сейчас и возьму такси, то приеду через двадцать минут. Но у меня совещание, на котором мое присутствие обязательно, поэтому давайте встретимся в моей квартире в шесть?

— Как насчет вестибюля первого этажа, мистер Франклин? И в вашу квартиру мы поднимемся вместе.

Меня так и подмывает спросить, как, по его мнению, я смогу избавиться от трупа убитой мною жены в час пик, потому что думает он именно об этом. Возможно, эта версия для него не главная, но точно не первая с конца. Он предполагает, что я воспользуюсь грузовым лифтом? Или, может, печью для сжигания мусора?

— Вестибюль так вестибюль, — отвечаю я. — В шесть, максимум в четверть седьмого, если не успею.

Я кладу трубку на рычаг и направляюсь к лифтам. Мимо столовой. Билли Эдерли стоит в дверях, пьет «Ноз-

* Мокроспин (мокрая спина) — нелегальный эмигрант из Мексики (переплывший Рио-Гранде).

зи». Это отвратительная газировка, но у нас в автомате другой нет. Компания-производитель — наш клиент.

— Куда направляетесь?

— Домой. Позвонила Эллен. Ей нездоровится.

— Брифкейс не берете?

— Нет. — Не думаю, что брифкейс понадобится мне в ближайшее время. Может, вообще не понадобится.

— Я работаю над новой композицией По-10р. По-моему, получится супер.

— Я в этом уверен, — отвечаю я и не кривлю душой. Карьера Билли Эдерли скоро пойдет в гору, и это хорошо. — Должен бежать.

— Само собой, понимаю. — Ему двадцать четыре, и он ничего не понимает. — Передайте ей мои наилучшие пожелания.

Каждый год в «Эндрюс — Слэттери» берут полдюжину стажеров: так начинал и Билли Эдерли. Все подают большие надежды, и сначала такие надежды подавал и Фред Уиллец. Я взял его под свое крыло, а потому мне поручили и уволить его — наверное, можно сказать и так, хотя стажеров по-настоящему не нанимают на работу, — после того как выяснилось, что он — kleптоман, решивший, что склад расходных материалов — его охотничьи угодья. Одному Богу известно, сколько и чего он уворовал, прежде чем Мария Эллингтон как-то днем застучала его, когда он засовывал в брифкейс — размером с чемодан — пачку бумаги для ксерокса. Тогда же выяснилось, что он еще и ку-ку. Устроил дикий скандал, когда я сказал ему, что больше он здесь не работает. Пит Уэнделл вызвал охрану, потому что парень продолжал орать на меня, и его вывели силой.

Вероятно, старина Фредди хотел сказать гораздо больше, чем успел, потому что начал отираться у моего дома и обращался ко мне, когда я приходил домой. Правда, держался на расстоянии. и копы заявили, что он всего лишь пользуется правом свободно высказывать свою точку зрения. Но боялся я не его рта. Думал о том, что

он мог украсть канцелярский или инструментальный ножи, не говоря уже о катриджах и пятидесяти пачках бумаги. Тогда я и попросил Альфредо дать мне ключ от двери черного хода и заходил в дом через нее. Произошло это в сентябре или октябре. Юный мистер Уиллец сдался, когда похолодало, отправился высказывать свои претензии куда-то еще, но Альфредо не попросил меня вернуть ключ, а я — не вернул. Наверное, мы оба про него забыли.

В итоге я не называю таксисту мой адрес, а прошу посадить меня в соседнем квартале. Расплачиваюсь, оставляю щедрые чаевые — это всего лишь деньги — и проулком иду к двери черного хода. У меня замирает сердце, потому что ключ не поворачивается, но я его чуть дергаю — и победа! В грузовом лифте стены обиты войлоком, чтобы не царапать мебель, которую поднимают на нем. *Предварительное знакомство с палатой для буйных, куда меня поместят*, думаю я, но это, конечно, преувеличение. Мне, вероятно, придется взять отгул на работе, и я наверняка нарушил условия договора аренды, но...

Что я, собственно, сделал?

Если на то пошло, что я делал последнюю неделю?

— Удерживал ее в живых, — говорю я, когда лифт останавливается. — Потому что не вынес бы ее смерти.

Она и не мертва, говорю я себе. *Ей просто нездоровится*.

Для слогана никак не годится, но в последнюю неделю фраза эта служила мне отлично, а в рекламном бизнесе короткие сроки очень важны.

Я вхожу в квартиру. Воздух застывший и теплый, но никакого запаха нет. Так я говорю себе, и в рекламном бизнесе воображение — основа основ.

— Дорогая, я дома, — зову я. — Ты проснулась? Тебе лучше?

Видимо, я забыл закрыть дверь в спальню перед тем, как уйти, потому что оттуда выходит Леди. Облизывается. Бросает на меня виноватый взгляд, потом бредет в гостиную, опустив хвост. Не оглядывается.

— Дорогая? Эл?

Я прохожу в спальню. Вновь вижу только спутанные волосы и очертания тела под одеялом. Одеяло чуть сдвинуто, и я знаю, что она вставала — хотя бы только затем, чтобы выпить кофе, — а потом вновь легла. В прошлую пятницу я пришел домой, и она не дышала: вот с тех пор так много спит.

Я обхожу кровать с ее стороны и вижу свисающую руку. От нее осталось немного: кости и клочья мышц. Я смотрю на нее и думаю, что возможны два варианта восприятия увиденного. Если исходить из первого, то надобно усыпить мою собаку, вернее, собаку Эллен, ее Леди всегда любила больше. Если из второго: можно сказать, что Леди тревожилась и пыталась разбудить Эллен. Поднимайся, я хочу пойти в парк. Поднимайся, давай поиграем в мои игрушки.

Я убираю руку под одеяло. Так она не замерзнет. Потом я отгоняю мух. Не припоминаю, чтобы раньше видел их в нашей квартире. Они, наверное, унюхалидохлую крысу, о которой говорил Карло.

— Ты знаешь Билли Эдерли? — спрашиваю я. — Я отдал ему этот чертов По-10р и думаю, он справится.

Эллен не реагирует.

— Ты не можешь умереть, — говорю я. — Это неприемлемо.

Эллен не реагирует.

— Хочешь кофе? — Я смотрю на часы. — Или поесть? У нас есть куриный суп. В пакетике, его надо разводить водой. Он не так и плох, когда горячий. Что скажешь, Эл?

Эллен не реагирует.

— Хорошо, — говорю я, — хорошо. — Помнишь, как мы полетели на Багамы, милая? Только начали плавать с трубкой и маской, как тебе пришлось отказаться, потому что у тебя полились слезы. А когда я спросил, что такое, ты ответила: «Они такие красивые».

Только теперь слезы льются у меня.

— Ты уверена, что не хочешь встать и немного пройтись? Я открою окна, чтобы проветрить квартиру.

Эллен не реагирует.

Я вздыхаю. Приглаживаю спутанные волосы.

— Хорошо, — говорю я, — тогда почему бы тебе еще немного не поспать? Я посижу рядом.

Посвящается Джо Хиллу

Билли «Блокада»

Да, повесть эта о бейсболе, но попробовать-то можно, так ведь? Не обязательно быть моряком, чтобы любить романы Патрика О'Брайана, и не обязательно быть жокеем — или даже делать ставки на бегах, — чтобы любить детективы Дика Фрэнсиса. Истории эти оживают в персонажах и событиях, и, надеюсь, что здесь они тоже оживут. Мысль написать эту повесть пришла ко мне после того, как я посмотрел послесезонный плей-офф, когда спорный результат игры едва не стал причиной беспорядков на стадионе «Тернер филд» в Атланте. Болельщики забросали поле стаканчиками, бейсболками, транспарантами, флагами и пивными бутылками. После того как судье в голову угодила пол-литровая бутылка из-под виски (разумеется, уже пустая), команды увели с поля, чтобы восстановить порядок. Телекомментаторы возмущались неспортивным поведением, как будто подобные вспышки негодования и ярости не сотрясают бейсбольные поля Америки вот уже более ста лет.

Я люблю бейсбол с самого детства и хотел описать эту игру такой, какой она была в те времена, когда подобные буйные проявления недовольства, сопровождаемые выкриками «Судью на мыло!» и «Купи ему поводыря!», считались неотъемлемой и важной частью игры. В те времена, когда в бейсбол играли так же жестко и агрессивно, как в американский футбол, когда игроки влетали во вторую базу шипованными бутсами вперед, а столкновений на домашней базе скорее ждали, а не запрещали. В те дни опас-

ривание очка при помощи тепловтора вызвало бы ужас, поскольку слово судьи было законом. Мне хотелось использовать язык бейсболистов той поры, чтобы воссоздать своеобразие и колорит спортивной Америки середины прошлого века. Мне хотелось увидеть, смогу ли я написать нечто легендарное — и в то же время забавное, пусть и в жутковатом смысле.

Кроме того, мне представился случай вставить в повествование самого себя, и это было здорово. В конце концов, свой первый писательский гонорар я заработал, подвизаясь спортивным корреспондентом журнала «Энтерпрайз» в городе Лиссабон, штат Мэн. Мои сыновья называют это «метабеллетристикой», а мне кажется, что это просто развлечение. Надеюсь, что повесть получилась именно такой: развлекательной на старомодный манер, с последней строчкой, взятой из великого фильма «Дикая банда».

И берегись лезвия, мой постоянный читатель. Ведь это повесть Стивена Кинга.

Уильям Блейкли?

О господи, вы хотите сказать, Билли «Блокада». Вот уже сколько лет никто меня о нем не спрашивал. Разумеется, здесь меня мало кто о чем спрашивает, разве что пойду ли я на танцевальный вечер в городском зале Рыцарей Пифии или не хочу ли сыграть в виртуальный боулинг. Это прямо здесь, в общем зале. Мой вам совет, мистер Кинг — вы о нем не просили, но все же я его дам, — постарайтесь не стариться, а уж если придется, не позволяйте родне упрятать вас в зомби-отель вроде этого.

Забавная штука старение. Когда ты молод, всем хочется послушать твои рассказы, особенно если ты был профессиональным бейсболистом. Но в молодые годы у тебя нет времени на рассказы. А вот теперь времени у меня навалом, однако, похоже, те былые дни уже никому не интересны. Но мне все еще нравится их вспоминать. Так что, конечно, я вам расскажу о Билли Блейкли. Жуткая история, не поспоришь, но именно такие и помнят дольше всего.

В то время бейсбол был другим. Не забывайте, что Билли «Блокада» играл за «Титанов» всего лишь спустя десять лет после того, как Джеки Робинсон стал первым темнокожим бейсболистом, а «Титанов» давно уж и в помине нет. Не думаю я, что в Нью-Джерси когда-нибудь снова появится команда, которая пробьется в Главную лигу, особенно с учетом того, что прямо за рекой, в Нью-

Йорке, есть две огромные бейсбольные корпорации. Но тогда Нью-Джерси котирировался — *мы* котирировались, — и играли мы совсем в другом мире.

Правила были такими же. Они не меняются. И небольшие ритуалы тоже походили на сегодняшние. О, тогда никому бы не позволили надеть бейсболку набекрень или загнуть козырек, а игрокам надлежало быть коротко и аккуратно подстриженными (не то что нынешние охламоны, прости господи). Но кое-кто все так же крестился перед выходом на поле, или касался газона кончиком биты, прежде чем занять стойку, или прыгал через базовую линию, когда все разбегались по местам. Никому не хотелось наступать на линию, это считалось самой жуткой приметой.

Игры проходили в местном масштабе, понимаете? Телевизионные репортажи уже были, но только по выходным. Со зрителями нам повезло, потому что игры передавали по телеканалу Дабл-ю-эн-джей, и их мог смотреть весь Нью-Йорк. Иногда выдавались такие трансляции, что прямо смех. По сравнению с тем, как сегодня преподносят матчи, они напоминали любительскую стряпню. На радио все было лучше, куда профессиональнее, но, конечно, тоже в местном масштабе. Никаких тебе спутниковых трансляций, потому что спутников-то не было! Русские запустили первый, когда шла мировая серия «Нью-Йорк янкиз» — «Атланта брейвз». Насколько я помню, случилось это в неигровой день, хотя могу и ошибаться. Что хорошо помню, так это то, что «Титаны» в тот год рано выбыли из гонки. Некоторое время мы сражались, отчасти благодаря Билли «Блокаде», но вы же знаете, *как* все повернулось. Поэтому-то вы и приехали, так ведь?

Я это вот к чему говорю: поскольку игры проводились не в национальном масштабе, игрокам не уделяли такого уж большого внимания. Конечно, были звезды вроде Аарона, Бердетта, Уильямса, Кэлайна и, разумеется, Большого Мика, но их не перевозносили по всей стране, как, скажем, Алекса Родригеса и Барри Бондса (которых лично я считаю наркоманами-дилетантами). А большинство

остальных ребят? Скажу в двух словах: тягловые лошади. Средняя зарплата у них в те времена была пятнадцать тысяч в год — даже меньше, чем сегодня зарабатывает школьный учитель.

Тягловые лошади, понимаете? Прямо как Джордж Уилл прописал в этой своей книжке. Вот только он написал, как это все было здорово. А по мне — так не очень, если ты тридцатилетний шорт-стоп*, у тебя жена и трое ребятишек и играть тебе осталось лет семь, прежде чем выйдешь в тираж. Десять, если посчастливится не получить серьезных травм. Карл Фурильо после окончания спортивной карьеры устанавливал лифты во Всемирном торговом центре, а по ночам подрабатывал сторожем. Вы это знали? Да? А как вам кажется, этот Уилл тоже знал или просто забыл упомянуть?

Дело обстояло так: если у тебя были способности и навыки и ты мог работать даже с похмелья, тебя принимали в большую игру. Если нет — выбрасывали на помойку. Вот так все было просто. И жестко. Что подводит меня к трудной ситуации, в которой мы оказались той весной.

Мы набрали хорошую форму в тренировочном лагере «Титанов», который располагался в Сарасоте. Нашим основным кетчером** был Джонни Гудкайнд. Вы, наверное, его не помните. А если и помните, то лишь из-за того, как он закончил свою карьеру. Он хорошо отыграл четыре сезона, отбивал с показателем больше 0,300 и выходил почти на каждую игру. Знал, как вести себя с питчерами, и не слушал всякую болтовню. Ребята не смели его вышвырнуть. Той весной он выбил почти 0,350 и раз пять решал судьбу игры. Однажды он запулил так далеко, как я редко видел на стадионе «Эд Смит», где мяч идет не очень-то хорошо. Даже выбил ветровое стекло в «шевроле» какого-то репортера. Ха-ха!

* Шорт-стоп (*англ. shortstop*) — игрок, защищающий участок бейсбольного поля между 2-й и 3-й базами.

** Кетчер (*англ. catcher*) — игрок, находящийся за домашней базой и принимающий поданный питчером мяч.

Но он к тому же и пил как конь, и за два дня до того, как мы должны были ехать на север и открывать сезон дома, он сбил машиной женщину на Пайнэпл-стрит и раздавил ее всмятку. Или вдребезги. Не помню, как там говорится. Потом этот идиот попытался скрыться. Но на углу Оранж-стрит стоял патрульный автомобиль шерифа округа, и сидевшие внутри помощники видели все происшествие. Состояние Джонни тоже не вызывало никаких сомнений. Когда его вытащили из машины, от него разило как из бочки и он еле держался на ногах. Один из помощников шерифа нагнулся, чтобы защелкнуть на нем наручники, и Джонни блеванул ему на затылок. Бейсбольная карьера Джонни Гудкайнда закончилась прежде, чем высохла блевота. Даже Бэйб Рут не смог бы остаться в спорте, если бы сбил домохозяйку, отправившуюся в утренний поход по магазинам. Надо полагать, он кончил тем, что выкрикивал речевки за команду рейфордской тюрьмы. Если, конечно, там была команда.

Подменял его Фрэнк Фарадей. Неплохо стоял на базе, но лучше бы ему играть на банджо. Отбивал примерно на 0,160. Не очень крепкий, поэтому рисковал. В те времена играли жестко, мистер Кинг, и особо не стеснялись.

Но у нас не осталось никого, кроме Фарадея. Помню, Дипунно сказал, что тот протянет недолго, однако даже Джерсиец Джо не имел ни малейшего понятия, насколько недолго.

Фарадей стоял за домашней базой, когда мы играли последний товарищеский матч того года. Против «Цинциннати редс». Начался прессинг. Дон Хоук на подаче. Какой-то здоровяк — по-моему, Тед Ключевски — на третьей базе. Хоук отправляет мяч прямо на Джерри Рагга, который в тот день был нашим питчером. Большой Ключ всеми своими двумястами семьдесятю польскими фунтами рвется к домашней базе. И вот стоит Фарадей, тонкий, как соломинка, а под ногой у него — старый хот-дог. Добром это закончиться не могло. Рагг бросает Фа-

радею. Фарадей поворачивается, чтобы осалить. Я не мог этого видеть.

Парень получил аут, это да, только аут был тренировочный и такой же весомый, как пердеж против ветра. И на этом окончилась бейсбольная карьера Фрэнка Фарадея. Сломанная нога, сломанная рука, сотрясение мозга — такой вот счет. Не знаю, что с ним было дальше. Насколько мне известно, стал мойщиком лобовых стекол на автозаправке «Эссо» в Тукумари.

Так вот, за двое суток мы лишились обоих кетчеров, и на север пришлось ехать «голенькими», поскольку на домашнюю базу ставить было некого, кроме Ганзи Берджесса, который переквалифицировался из кетчеров в питчеры вскоре после окончания корейской войны. В том сезоне Ганзеру стукнуло тридцать девять, и выставять его можно было только на замену в середине игры. Но он выдавал прямо-таки дьявольские наклеры*, так что Джо Дипунно не собирался ставить этого ветерана за домашней базой. Он сказал, что сперва поставит туда *меня*. Я знал, что он шутит: я ведь был простым тренером третьей базы с таким количеством паховых грыж, что яйца у меня болтались почти у колен. Но от этой мысли мне стало не по себе.

Однако Джо этого не сделал, а позвонил в главный офис в Ньюарк и сказал: «Мне нужен парень, который сможет взять фастбол Хэнка Мастерса и крученую подачу Дэнни Ду, не упав при этом на задницу. Мне плевать, если он играет за какие-нибудь «Мошонки» в Тремонте, главное, чтобы у него была перчатка и чтобы он прибыл на «Болото» к началу национального гимна. А потом найдите мне настоящего кетчера. Если вообще хотите продержаться в этом сезоне. Вот так».

Потом он повесил трубку и закурил, похоже, восьмидесятую сигарету за день.

* Наклер (англ. knuckler, knuckleball) — вид подачи, позволяющий минимизировать вращение мяча в полете, что приводит к хаотичной, непредсказуемой траектории.

Ну и жизнь у менеджера, а? Одному кетчеру светит обвинение в убийстве, второй в больнице, забинтованный так, что похож на Бориса Карлоффа в фильме «Мумия». Питчеры — либо молодняк, еще не начавший бриться, либо старперы, которым пора в дом престарелых. И бог знает, кто наденет форму и встанет за домашней базой в день открытия сезона.

В тот год мы полетели на север самолетом, а не поехали поездом, но все равно чувствовали себя так, будто наша команда сошла с рельсов. Тем временем Кервин Маккаслин, генеральный менеджер «Титанов», сел на телефон и нашел нам кетчера на начало сезона: Уильяма Блейкли, который скоро стал известен как Билли «Блокада». Сейчас уже не припомню, попал он к нам из второй или третьей лиги, но вы можете посмотреть это у себя в компьютере, потому что я точно помню название его команды: «Девенпорт корнхаскерс». За те семь лет, что я провел в «Титанах», оттуда пришло несколько игроков, и ребята из основного состава всегда спрашивали, как там играется за «Корнхолеров». А иногда их называли «Коксакерами»*. У бейсболистов не очень-то притязательный юмор.

В тот год мы открывали сезон в середине апреля игрой с «Бостон ред сокс». В те времена сезон начинался позже, и график игр был более щадящим. На стадион я приехал рано — сам Господь Бог еще спал, — но на бампере старого «форда», притулившегося на парковке для игроков, уже сидел молодой человек. С заднего бампера на проволочной сетке свисал номерной знак штата Айова. Ник, охранник на воротах, пропустил парня, когда тот показал письмо из главного офиса и свои водительские права.

— Ты, наверное, Билл Блейкли, — сказал я, пожимая ему руку. — Рад познакомиться.

— Взаимно, — ответил он. — Я привез с собой амуницию, но она очень потертая.

* Cornholer — любитель анального секса, cocksucker — членосос (англ.).

— Ну, на этот счет можешь не беспокоиться, — заверил я, отпуская его руку. Его указательный палец был обмотан лейкопластырем, прямо под средней костяшкой. — Порезался во время бритья? — спросил я, кивнув на палец.

— Да, во время бритья, — согласился он. То ли намекал, что оценил мою шутку, то ли так боялся облажаться, что решил смириться со всем, что ему скажут, хотя бы для начала. Потом до меня дошло, что я ошибался: у него просто была привычка повторять сказанное. Я к ней привык, и она мне вроде даже понравилась.

— А вы менеджер? — поинтересовался он. — Мистер Дипунно?

— Нет, — ответил я. — Я Джордж Грэнтэм. Ребята зовут меня Грэнни. Я тренер третьей базы. А еще менеджер по амуниции и оборудованию. — Так оно и было: я совмещал эти должности. Я уже говорил, что тогда масштабы были куда скромнее. — Ты не волнуйся, мы тебя приоденем. Во все новое.

— Во все новое, — отозвался он. — Кроме перчатки. Надо оставить старую перчатку Билли. Мы с малышом Билли много чего повидали.

— Ну и хорошо.

И мы прошли на стадион, который в те дни спортивные журналисты называли «Старым болотом».

Я засомневался, давать ли ему номер 19, который принадлежал бедняге Фарадею, но форма сидела на Билли как влитая, так что я решился. Пока он одевался, я спросил:

— Ты не устал? Наверное, гнал почти без остановки. Разве тебе не выслали денег, чтобы ты взял билет на самолет?

— Я не устал, — ответил он. — Деньги на самолет, может, и выслали, но я их не видел. Мы могли бы пойти и взглянуть на поле?

Я ответил, что могли бы, и провел его по коридорчику, который вел к скамейке запасных. Он прошел к домашней базе, не пересекая линию фолла, одетый в форму Фарадея,

и синие цифры 1 и 9 сверкали в лучах утреннего солнца (не было еще и восьми часов, и работники стадиона только начинали свой длинный день).

Жаль, я не могу вам передать, что я чувствовал, когда смотрел, как он шел по полю, мистер Кинг, но слова — это по вашей части, а не по моей. Только и скажу, что со спины он выглядел точь-в-точь как Фарадей. Конечно, он был на десять лет моложе... но возраст-то не определишь со спины, разве что по походке. К тому же он был худощавый, как и Фарадей, а это хорошо для шорт-стопа и игрок второй базы, но не для кетчера. Кетчер должен быть плотным и крепким, как гидрант. Таким был Джонни Гудкайнд. Глядя на этого парня, я думал о том, что ему не избежать переломов ребер и разрывов сухожилий.

Однако скроен он был покрепче Фарадея: и таз пошире, и бедра помощнее. Сверху он был тощий, но, глядя на него сзади, я, помнится, подумал, что он выглядит именно тем, кем, скорее всего, и является: сельским пареньком из Айовы, приехавшим поглазеть на красоты Ньюарка.

Он подошел к базе и обернулся, чтобы взглянуть на центр поля. Волосы у него были светлые, как и подобает сельскому парню, и прядь упала ему на лоб. Он отбросил ее и просто стоял, словно впитывал все, что видел: безмолвные пустые трибуны, где днем рассядутся пятьдесят тысяч зрителей; развешанные на ограждениях флаги, развевавшиеся на свежем утреннем ветерке; свежевыкрашенные в синий цвет вешки на ограничительной линии; только что приступивших к работе поливальщиков. Я всегда восхищался этим зрелищем и мог себе представить, что думает этот паренек, который всего-то неделю назад доил коров и ждал, когда в середине мая начнет играть местная команда.

Я подумал: *Малыш наконец-то врубился в происходящее. Когда он посмотрит в мою сторону, я увижу в его глазах панический страх. Может, придется связать его в раздевалке, чтобы он не запрыгнул в свою древнюю развалюху и не умчался назад к черту на кулички.*

Но когда он посмотрел на меня, в его взгляде не было ни паники, ни страха. Ни даже волнения, которое, уж я-то знаю, чувствует каждый игрок в день открытия сезона. Нет, он выглядел совершенно спокойным, стоя у базы в своих «Левайсах» и легкой поплиновой курточке.

— Да, — произнес он тоном человека, окончательно убедившегося в том, в чем был уверен с самого начала. — Здесь Билли сможет отбивать.

— Вот и хорошо, — ответил я ему. Я просто не нашелся, что еще сказать.

— Вот и хорошо, — отозвался он. А потом, клянусь вам, спросил: — Как вы думаете, может, надо помочь поливальщикам?

Я засмеялся. Было в нем что-то странное, сумасшедшинка какая-то, заставлявшая людей нервничать... но она же и притягивала их к нему. Какая-то непосредственность. Что-то такое, отчего он вызывал симпатию, несмотря на ощущение, что он вроде как витает в облаках. Джо Дипунно сразу просек, что у него не все в порядке с головой. Кое-кто из игроков тоже это уловил, но он все равно им понравился. Сам не знаю, как это выразить: вроде ты говоришь, а к тебе возвращается звук твоего голоса. Будто эхо в пещере.

— Билли, — сказал я ему, — подготовка поля — не твоя работа. Твоя работа сегодня — надеть амуницию и брать мячи Дэнни Дузена.

— Дэнни Ду, — отозвался он.

— Именно его. Двадцать шесть побед в прошлом году, шел на получение приза Сая Янга, но сорвалось. Все потому, что его не любят журналисты. Он до сих пор бесится. И запомни: если он тряхнет головой, даже не думай снова подавать ему тот же сигнал. Если, конечно, не хочешь, чтобы тебе после игры надрали задницу. Дэнни Ду осталось четыре игры до двухсот побед, так что он пойдет на все, лишь бы добиться своего.

— Лишь бы добиться своего. — Билли кивнул головой.

— Именно.

— Если он тряхнет головой, махать по-другому.

— Да.

— А он подает чендж-ап*?

— А собака ссыт на пожарный гидрант? Ду выиграл сто девяносто шесть игр. Такого без чендж-апа не добьешься.

— Без чендж-апа не добьешься, — повторил он. — Понял.

— И не лезь там на рожон в смысле травм. Пока в главной конторе что-то не решат, ты все, что у нас есть.

— Все, что есть, — отозвался он. — Ясно.

— Надеюсь.

К тому времени начали подтягиваться другие игроки, и на меня навалилась тысяча забот. Позже я увидел парнишку в офисе Джерсийца Джо, где он подписывал необходимые документы. Кервин Маккаслин нависал над ним, как стервятник над добычей, показывая, где надо ставить закорючки. Бедный парень, он за последние двое с лишним суток и спал-то, наверное, часов шесть, и вот — подписывается, чтобы пять лет ишачить. Потом я заметил его вместе с Дузеном, они разбирали состав бостонцев. Говорил только Дузен, а парнишка только слушал. Не задал ни одного вопроса, как я понял, и правильно сделал. Если бы парень раскрыл рот, Дузен бы ему башку отгрыз.

Примерно за час до игры я зашел в офис к Джо, чтобы взглянуть на заявочную карточку состава игроков. Он поставил парня восьмым бэттером**, что меня не удивило. Наверху раздался нестройный гул голосов, и послышался топот ног. На открытие сезона зрители всегда собираются

* Чендж-ап (англ. changeup) — прямая подача с переменной скоростью. При том, что скорость руки остается такой же, как при fastball, мяч летит медленнее на 13–20 км/час. Отбивающий реагирует на скорость руки и, пытаясь отбить fastball, взмахивает битой раньше, чем нужно.

** Бэттер (англ. batter) — отбивающий игрок с битой. Стоит у «дома» с левой или с правой стороны перед кетчером. После удара по мячу («хита») становится раннером.

пораньше. От этих звуков у меня привычно заурчало в животе, и я увидел, что Джерсиец Джо тоже волнуется. У него в пепельнице уже лежала куча окурков.

— Не такой уж он здоровый, как я надеялся, — сказал он, постукивая по имени Билли в заявочной карточке. — Дай бог, чтобы его сегодня не снесли.

— А Маккаслин больше никого не нашел?

— Не знаю. Он говорил с женой Хьюби Раттнера, но тот уехал на рыбалку в Захопинские Выселки, штат Висконсин. Объявится только на следующей неделе.

— Хьюби Раттнеру уже сорок три, а то и больше.

— А то я не в курсе. Но нам особо выбирать не приходится. Слушай, давай начистоту: сколько, по-твоему, этот парень продержится в Главной лиге?

— Вряд ли очень долго, — ответил я. — Но есть у него что-то такое, чего не было у Фарадея.

— И что же именно?

— Да сам не знаю. Но если бы ты видел, как он сегодня стоял у базы и глядел на центр поля, ты бы лучше к нему отнесся. Он вроде как думал: «А не так уж это и круто, как я рассчитывал».

— Он увидит, как это круто, после первого же броска Айка Делока ему в нос, — протянул Джо, закуривая сигарету. Он глубоко затянулся, потом закашлялся. — Надо бросать эту дрянь. Чуть что, сразу перхаешь, черт бы ее подрал. Ставлю двадцать чертовых баксов, что парень пропустит между ног первую же крученую подачу Дэнни Ду. Потом Дэнни разозлится — ты же знаешь, каким он становится, когда кто-то обламывает его подачу, — а Бостон вырвется вперед.

— Да ты прямо весельчак-забавник, — заметил я.

Он протянул руку:

— Поспорим на двадцатку?

Я согласился на пари, потому что знал, что он попытается отвести проклятие. Двадцатку я тогда выиграл, поскольку в тот самый день родилась легенда о Билли «Блокаде».

Нельзя сказать, что он отыграл хорошо, потому что это не так. На высоте был Ду. Но первая подача — Фрэнку Мальцоне — была именно крученной, и парень принял ее просто великолепно. И дело не только в этом. Мяч прошел по самому краю зоны, и я никогда не видел, чтобы кетчер так быстро отдернул руку с мячом назад, будь он хоть йогом. Судья объявил страйк*, и тут уже мы вырвались вперед, по крайней мере, до тех пор, пока Вильямс не произвел одиночный удар в пятом иннинге. Мы отыграли в шестом, когда Бен Винсент выбил в аут. Потом в седьмом у нас был раннер на второй базе — по-моему, Барбарино — с двумя аутами и новым парнем на базе. Это стало его третьим отбивом. В первый раз он промахнулся, проглядев мяч, во второй — замахнулся, но не попал. Делок хитро обвел его вокруг пальца и выставил на посмешище, и тогда Билли освистали единственный раз за все время, что он носил форму «Титанов».

Вот он выходит, а я смотрю на Джо. Вижу, как он сидит у кулера, глядит себе под ноги и качает головой. Даже если парень и не облажается, следующим на отбивание выйдет Ду, а он не мог попасть по медленному мячу даже теннисной ракеткой. Отбивающий из него был хреновей некуда, что и говорить.

Не стану нагнетать напряжение, это же не детский спортивный комикс. Хотя кто-то там сказал, что жизнь иногда подражает искусству, и он прав, потому что в тот день так и случилось. Счет был три — два. Потом Делок подал низкий мяч, который так сильно одурачил парня в первый раз, что вряд ли он бы не повелся на эту уловку вторично. Вот только в дураках теперь оказался Айк Делок. Билли поднял мяч прямо со своих бутсов, на манер Элли Говарда, и выбросил его в просвет между игроками. Я махнул раннеру, и мы снова вернули себе преимущество, два — один.

* Страйк (*англ. strike*) — ситуация, когда бэттер не нанес удара при подаче.

На скамейке запасных все вскочили на ноги и принялись орать во все горло, но парень, казалось, этого даже не услышал. Просто стоял себе на второй базе, отряхивая пыль с задницы. Стоял он там недолго, потому что Ду профукал три подачи, а потом швырнул биту, как делал всегда, когда получал страйк-аут*.

Наверное, это все-таки спортивный комикс вроде тех, что вы, должно быть, читали под партой на уроках истории. Разгар девятого иннинга, и Ду сражается с сильнейшими игроками соперника. Выбивает Мальцоне, и четверть стадиона вскакивает на ноги. Выбивает Клауса, и вот уже половина стадиона на ногах. Затем Вильямс, старина Тедди «Бейсбол». Ду достает его по бедру, потом еще разок, затем слабеет и пропускает. Малыш было направляется к питчерской горке, но Ду машет, чтобы тот вернулся, — делай свою работу, сынок. И сынок делает. А что ему еще остается? Парень на площадке — один из лучших питчеров в истории бейсбола, а парень за базой, может, весной и бросал мячик в сарае после дойки, чтобы держать форму.

Первая подача, вот черт! Вильямс взлетает на вторую. Мяч на земле, такой не очень-то сделаешь, но парню все-таки удался замечательный бросок. Почти достал Тедди, но почти не считается. Теперь уже все на ногах и орут. Ду что-то кричит парню, как будто виноват тот, а не хреновая подача, и пока Ду объясняет ему, какой тот козел, Вильямс берет тайм-аут. Он немного повредил колено, когда врезался в мешок у базы, что никого не удивило. Бил он классно, это да, но одной ногой залез на базу. Зачем он это сделал, можно только гадать. Уж, конечно, не специально, особенно с двумя аутами и игрой в разгаре.

Поэтому раннером вместо Тедди выходит Билли Андерсон, а отбивать становится Дик Гернерт, соотношение у него 0,425 или вроде того. Стадион сходит с ума, флаги развеваются, в воздух летят обертки, женщины рыдают

* Страйк-аут (*англ. strike-out*) — ситуация, когда бэттер выбывает из игры, получив три страйка.

в три ручья, мужчины орут, чтобы Джерсиец Джо снял Ду и выставил Стю Ранкина. Он из тех, кого сегодня назвали бы питчером-бомбардиром, хотя в те времена называли спецом по кратковременным заменам.

Но Джо не переставал надеяться и оставил Дузена.

Счет три — два, так? Андерсон рванет вперед после подачи, верно? Потому что он несется как ветер, а за «домом» стоит необстрелянный новичок, у него первая игра. Этот верзила Гернерт присаживается под крученную подачу и плачет — не бьет, а именно легонько плачет — по мячу за питчерской горкой, не давая Ду его достать. Ду прыгает за ним, как кот. Андерсон обегает третью базу, а Ду швыряет мяч прямо с колен. И мячик летит как пуля.

Я знаю, что вы думаете, мистер Кинг, но вы в корне ошибаетесь. Мне и в голову не могло прийти, что нашего новичка-кетчера покалечат, как Фарадея, и на этом кончится его карьера в Главной лиге. Во-первых, Билли Андерсон — не такой лось, как Большой Клю, скорее, танцор. А во-вторых... ну... парень был *лучше*, чем Фарадей. Кажется, я почуял это, как только увидел, как он сидел на бампере своей развалюхи с потертой амуницией на заднем сиденье.

Дузен бросил низко, но точно. Парень принял мяч между ног, потом развернулся, и тут я заметил, что он выставил вперед только *одну руку с ловушкой*. Я едва успел подумать: что же это за дилетантская ошибка, да неужели он забыл старое правило, *новичок — двумя руками*? Сейчас Андерсон выбьет у него мяч, и нам придется изо всех сил пытаться выиграть на исходе девятого иннинга. Но тут парень вдруг опустил левое плечо, как нападающий в американском футболе. Я не обратил внимания на его левую руку, потому что пристально смотрел на вытянутую вперед ловушку, как и все остальные зрители в тот день на «Болоте». Потому толком не заметил, что произошло, и никто этого не просек.

Что я *точно* видел, так это как парень ударил ловушкой Андерсона в грудь, когда тому до отметки оставалось доб-

рых три шага. Потом Андерсон врезался в выставленное плечо новичка. Перевернулся в воздухе и шлепнулся за левой площадкой бэттера. Судья поднял вверх сжатый кулак — аут. Потом Андерсон начал орать и хвататься за лодыжку. Я слышал его крики из своей тренерской кабинки на третьей базе, так что вы представляете, как он вопил, потому что на открытии сезона болельщики ревели, будто десятибалльный шторм. Я видел, как отвороты левой штанины Андерсона покраснели, а между пальцами сочилась кровь.

Можно мне водички? Плесните вон из того пластикового кувшина. Здесь нам в комнаты ставят только кувшины из пластика, стеклянные в зомби-отелях держать не разрешается.

Ах, как хорошо. Давненько я так долго не разговаривал, а мне еще много чего нужно рассказать. Еще не заскучили? Нет? Я тоже. Отлично провожу время, пусть история и жуткая.

Билли Андерсон не играл до 1958 года, и тот год стал последним в его карьере: Бостон безоговорочно расторг с ним контракт посреди сезона, и больше он никуда не смог пристроиться. Ведь он растерял всю скорость, а прежде выезжал только за счет своей быстроты. Врачи говорили, что он будет как новенький, что ахиллово сухожилие чуть надрезано, а не рассечено, но оно к тому же очень сильно растянулось, и вот это, по-моему, его и прикончило. Бейсбол — игра жесткая, знаете ли, но мало кто понимает это до конца. Не только кетчеры получают травмы в столкновениях за «домом».

После игры Дэнни Ду обнимает парня в душевой и орет:

— Сегодня вечером ставлю тебе стакан, салага! Да что там, ставлю десять стаканов! — А потом выдает высшую похвалу: — *Ты, черт возьми, выстоял и не сломался!*

— Десять стаканов, потому что я, черт возьми, выстоял и не сломался, — повторяет парень, а Ду ржет и хло-

пает его по спине, как будто смешнее в жизни ничего не слышал.

Но тут врывается Пинки Хиггинс. В тот год он был менеджером «Ред сокс». Работа и так неблагодарная, да к тому же летом 1957-го дела у Пинки и у «Сокс» шли все хуже и хуже. Он был зол как черт и с таким остервенением жевал табак, что у него изо рта сочилась слюна и капала на форму. Он заявил, что наш новичок умышленно порезал Андерсону лодыжку, когда они столкнулись за «домом». Сказал, что Блейкли, скорее всего, проделал это ногтями, и за это его надо снять с игр. Звучало грозно, особенно от человека, чей девиз гласил: «Шипы точи — врагов мочи!»

Я сидел в офисе Джо и потягивал пиво, так что мы с Дипунно на пару выслушали весь этот рев Пинки. Мне показалось, что он спятил, и, судя по выражению лица Джо, я был не одинок.

Джо подождал, пока Пинки выдохнется, а потом ответил:

— Я не следил за ногой Андерсона. Я смотрел, осалил ли его Блейкли и удержал ли он мяч. Что он и сделал.

— Приведи его сюда, — кипятился Пинки. — Я хочу сказать это ему в глаза.

— Возьми себя в руки, Пинк, — говорит Джо. — Разве я устраивал бы истерику у тебя в офисе, если бы порезали Блейкли?

— Да не шипами это! — ревет Пинки. — Шипы — часть игры! А вот царапаться, как... *как девка на футболе...* ни в какие ворота не лезет! А Андерсон семь лет играет! Ему семью кормить надо!

— Так, значит, что у тебя получается? Мой кетчер рассек твоему раннеру лодыжку, когда его осалил, а потом еще и бросил его через плечо? И все *ногтями*?

— Так говорит Андерсон, — огрызается Пинки. — Андерсон утверждает, что почувствовал это.

— Может, Блейкли ему ногтями еще и ногу растянул?

— Нет, — признается Пинки. К той минуте лицо его сделалось пунцовым, и не только от злости. Он понимал,

как звучат его слова. — Он говорит, что это произошло, когда он упал.

— Прошу прощения у высокого суда, — вступаю я. — Но *ногтями*? Это же чушь.

— Я хочу увидеть руки этого парня, — заявляет Пинки. — Покажите их мне, или же я подам апелляцию, мать вашу.

Я было подумал, что Джо пошлет его куда подальше, однако он этого не сделал, а повернулся ко мне.

— Скажи парню, чтобы зашел. И передай, что он должен показать мистеру Хиггину ногти, как учителю в первом классе после Клятвы на верность флагу.

Я привел парня. Пришел он довольно охотно, хотя из одежды на нем было одно полотенце, и не отказался продемонстрировать ногти. Они были короткие, чистые, не обломанные и даже не загнутые. Никаких тебе потертостей и кровоподтеков, как если ими в кого-то вцепиться или рвануть. Но кое-что я заметил, хотя в тот раз не придал этому никакого значения. С указательного пальца исчез пластырь, и на его месте я не увидел ни малейшего следа заживающего пореза. Только чистая кожа, розовая после душа.

— Доволен? — спрашивает Джо у Пинки. — Или хочешь проверить, чистые ли у него уши?

— Да пошел ты, — отвечает Пинки. Встает, топает к двери, смачно сплевывает жевательный табак в корзину для бумаг — *плюх!* — а затем оборачивается.

— Мой парень говорит, что *твой* парень его порезал. Что он это почувствовал. А мои парни не врут.

— Твой парень решил погеройствовать в разгар игры, вместо того чтобы остановиться на третьей базе и дать шанс Писалу. И теперь, чтобы выкрутиться, он тебе наговаривает сорок бочек арестантов. Ты сам знаешь, что случилось, и я тоже знаю. Андерсон зацепился за свои же шипы и порезался, когда упал. А теперь проваливай отсюда.

— Это тебе даром не пройдет, Дипунно.

— Да ну? Ладно, завтра игра в то же время. Приходи пораньше, пока попкорн не остыл, а пиво не нагрелось.

Пинки ушел, на ходу отламывая свежий кусок жевательного табака. Джо побарабанил пальцами по столу рядом с пепельницей, а потом обратился к парню:

— Ну вот, теперь остались все свои. Ты что-нибудь сделал Андерсону? Только давай как на духу.

— Нет. — Ни тени колебания. — Я ничего не делал Андерсону. Это правда.

— Ну вот и ладно, — сказал Джо и встал. — Люблю потрепаться после игры, но отправлюсь-ка я лучше домой и трахну женушку на диване. После победы на открытии сезона у меня всегда классно стоит. — Он хлопнул нового кетчера по плечу. — Парень, сегодня ты отыграл как надо. Молодец.

Он ушел. Парень потуже затянул на поясе полотенце и направился было назад в раздевалку. Я сказал ему вслед:

— Похоже, твой порез при бритье совсем зажил.

Он остановился как вкопанный у самой двери, и хотя он стоял ко мне спиной, я понял: совесть у него нечиста. Это можно было понять по его позе. Сам не знаю, как это получше объяснить, но... я понял.

— Что? — Как будто не врубился в мои слова.

— Порез от бритья у тебя на пальце.

— А, порез. Ну да, совсем зажил.

И выплывает себе из офиса... Хотя, будучи деревенщиной, он, наверное, и понятия не имел, куда шел.

Ну вот, вторая игра сезона. Денди Дэйв Сислер — на питчерской горке за Бостон. Едва наш новый кетчер устроился на площадке бэттера, как Сислер посылает фастбол прямо ему в голову. Выбил бы ему на хрен глаза, если бы попал, но парень лишь дернул головой назад — даже не пригнулся, — а потом снова поднял битку, глядя на Сислера и как бы говоря: *давай еще разок, если хочешь*.

Болельщики заорали как сумасшедшие и принялись скандировать:

— У-ДА-ЛИТЬ! У-ДА-ЛИТЬ! У-ДА-ЛИТЬ!

Судья Сислера не удалил, но вынес ему предупреждение, к дикому восторгу болельщиков. Я огляделся и увидел Пинки рядом со скамейкой бостонцев. Он разгуливал взад-вперед, так плотно сложив руки на груди, словно боялся взорваться.

Сислер пару раз обходит питчерскую горку, наслаждаясь любовью зрителей — мамочки мои, они хотели его расчленить и четвертовать, — после чего направляется к мешочку с канифолью и мотает головой в ответ на парутройку сигналов. Тянет время, знаете ли. А парень все стоит с битой на изготовку, спокойный, как бабуса на диване в гостиной. И тут Денди Дэйв выдает навесной фастбол, а парень пуляет его на самую верхотуру в левой части стадиона. Тайдингс на базе, и счет становится два — ноль в нашу пользу. Готов поклясться, что даже в Нью-Йорке слышали рев «Болота», когда парень выдал этот хоумран*.

Я думал, он будет скалиться до ушей, обегая третью базу, однако он выглядел серьезным, как судья. Только бормотал себе под нос:

— Получилось, Билли, показал тому гаду, и все получилось.

На скамейке Ду первым схватил его и протанцевал с ним, врезавшись в стойку с битами. Помог ему все собрать, что было совсем на него не похоже, потому как Дэнни Дузен обычно считал себя выше этого.

После того как мы дважды разделили Бостон и утерли нос Пинки Хиггинсу, мы отправились в Вашингтон и выиграли три игры подряд. Парень выдал сейфы** во всех этих встречах, включая свой второй хоумран, но на стадионе «Гриффит» играть — одна тоска. Можно было палить

* Хоумран (англ. home run) — удар, при котором мяч перелетает через все игровое поле; позволяет бэттеру совершить перебежку по всем базам и принести своей команде очко.

** Сейф (англ. safe) — игровая ситуация, когда раннер достиг базы, коснувшись ее раньше мяча, и захватил ее.

из пулемета по крысам на трибунах за «домом», не боясь попасть в болельщиков. Чертовы «Сенаторс» в том году продули сорок игр. Господи Иисусе!

Парень стоял за базой во время второго старта Ду и почти взял безнадежный мяч в своей пятой игре в Главной лиге. Все испортил Пит Раннелс в девятом иннинге — выбил дабл* с одним аутом. После этого парень отправился на питчерскую горку, и в этот раз Дэнни не махал ему вернуться. Они немного поговорили, а потом Ду дал умышленный пас следующему бэттеру, Лу Берберету (видите, как все возвращается?). Это вывело вперед Боба Ашера, и тот попал в дабл-плей** прямо как по заказу: игра наша.

В тот вечер Ду вместе с новичком отправились праздновать сто девяносто восьмую победу Дузена. Когда я следующим утром взглянул на парня, тот страдал от жуткого похмелья, но переносил его так же спокойно, как бросок Дэйва Сислера прямо ему в голову. Я уже начал думать, что к нам попала настоящая звезда и что нам больше не понадобится Хьюби Раттнер. Или вообще кто-то еще.

— Похоже, вы с Дэнни крепко сдружились, — говорю я ему.

— Крепко, — соглашается он, потирая виски. — Мы с Ду сдружились. Он говорит, что Билли — его талисман.

— Правда?

— Ага. Он говорит, если мы станем держаться вместе, он выиграет двадцать пять встреч и ему дадут приз Сая Янга, хоть репортеры его и ненавидят.

— Серьезно?

— Так точно, сэр. Так и сказал. Грэнни?

— Что?

Он пристально глядел на меня широко раскрытыми голубыми глазами: у него было стопроцентное зрение,

* Дабл (*англ. double*) — удар, в результате которого бэттер сумел добежать до второй базы.

** Дабл-плей (*англ. double play*) — игровая ситуация, в результате которой обороняющаяся сторона заработала два аута.

и он видел все, но ничего не понимал. Тогда я уже знал, что он едва умеет читать и за всю жизнь посмотрел всего один фильм — «Бэмби». Он сказал, что ходил на него с ребятами из Оттершоу или Аутершоу — да какая разница, — и я решил, что там была его школа. Насчет этого я и угадал, и ошибся, но дело в другом. Дело в том, что он инстинктивно чувствовал, как надо играть в бейсбол, а в остальном оставался чистым, как новенькая школьная доска.

— Скажите мне еще раз, что такое приз Сая Янга?

Вот таким он и был, сами видите.

Мы отправились в Балтимор на три встречи, прежде чем вернуться домой. Вот на что похож бейсбол весной в городе, который ни на севере, ни на юге: в первый день так холодно, что яйца отмерзают, на второй день — жарница, как в аду, а на третий — морось, похожая на жидкий лед. Однако парню было все равно: он отбивал во всех трех играх, доведя счет до восьми. К тому же он остановил еще одного раннера на отметке. Ту игру мы продули, но блокировка вышла классная. Досталось, по-моему, Гэсу Триандосу. Он с размаху врезался головой в колени Билли, да так и рухнул оглушенный в трех футах от отметки. Парень осалил его по спине так нежно, как мамаша смазывает кремом ожог своему ребенку.

Фотография этого вывода из игры появилась в нью-аркской газете «Ивнинг ньюс» с подписью «Билли «Блокада» Блейкли снова приходит на выручку». Прозвище получилось удачное, и его быстро подхватили болельщики. В те времена они вели себя не так вызывающе: в 1957-м никто бы не пришел на стадион «Янки» в поварском колпаке, чтобы поддержать Гэри Шеффилда. Но когда мы играли первую встречу на «Болоте» после возвращения, некоторые из болельщиков явились на матч с оранжевыми дорожными знаками с надписями «ОБЪЕЗД» и «ДОРОГА ЗАКРЫТА».

Наверное, эти знаки продержались бы день-два, не больше, если бы в нашей первой домашней игре на от-

метке не выбили бы двух игроков команды «Индианс». Получилось так, что на той встрече подавал Дэнни Дузен. Оба эти вывода из игры стали скорее результатами классных бросков, а не классных блокировок, но их записали на счет Билли, и в конечном итоге он это заслужил. Ребята начали доверять ему, понимаете? К тому же им захотелось посмотреть, как он осаливает. Бейсбольные игроки ведь тоже болельщики, и когда кому-то фартит, даже самые жесткие пытаются помочь.

В тот день Дузен завоевал свою сто девяносто девятую победу. Ну а парень выбил три из четырех, включая хоум-ран, так что не надо удивляться, что на второй матч с Кливлендом еще больше народу пришло с этими дорожными знаками.

А перед третьей встречей какой-то предприимчивый деляга продавал на эспланаде перед стадионом большие оранжевые картонные ромбы с черными надписями «ДОРОГА ЗАКРЫТА ПО ПРИКАЗУ БИЛЛИ „БЛОКАДЫ“». Кое-кто из болельщиков поднимал их вверх, когда Билли выходил на отбив, а когда раннер соперника появлялся на третьей базе, знаки поднимали все до единого. К тому времени, когда к нам пожаловали «Нью-Йорк янкиз» — кажется, в конце апреля, — весь стадион расцветивался оранжевым, когда их раннер выбегал на третью базу, что в той серии случалось очень часто.

Только вот «Янкиз» разделили нас под орех и заняли первое место. Парня винить за это нельзя. Он отбивал в каждой игре и осалил Билла Скауруна между домашней и третьей базами, когда этот бугай попался ему на пробежке. Скаурон был здоровенный лось вроде Большого Ключа и попытался размазать парня, но потом сам плюхнулся на задницу, а мальчишка буквально оседлал его. Фотография этого момента в газете напоминала финальный поединок за кубок по рестлингу, где Красавчик Тони Баба в кои-то веки разделал Великолепного Джорджа. Болельщики превзошли сами себя, повсюду размахивая знаками «ДОРОГА ЗАКРЫТА». Казалось, не имеет значения, что «Титаны»

проиграли: болельщики отправились по домам счастливыми, потому что видели, как наш тощий кетчер швырнул Могучего Лося Скаурона прямо на задницу.

Потом я увидел, как парень голышом сидел на скамейке рядом с душевыми. Сбоку на груди у него расплылся огромный синяк, но он, кажется, вообще этого не замечал. Плаксой он не был. Потом болтали, что он был слишком тупым, чтобы чувствовать боль, тупым психом. Но я-то на своем веку повидал немало тупых игроков и знаю, что тупость не мешала им хныкать.

— Как тебе все эти знаки, парень? Нравятся? — спросил я, думая подбодрить его на всякий случай.

— Какие знаки? — переспросил он, и по его озадаченной физиономии я понял, что он и не думал шутить. Вот таким был Билли «Блокада». Он бы столбом стоял перед грузовиком, если бы тот ехал по третьей базовой линии, пытаясь взять очко, но во всем остальном не врубался в происходящее.

Прежде чем снова отправиться играть на выезде, мы провели две встречи с Детройтом и обе проиграли. Во втором матче на питчерской горке стоял Дэнни Ду, и нельзя винить парня за то, как все вышло. Его вывели с поля еще до конца третьего иннинга. Он сидел на скамье запасных и ныл, что погода холодная (а холодно не было), что Харрингтон не принял флайбол справа (понадобились бы ходули, чтобы достать тот мяч), что этот сукин сын судья Вендерс все время к нему придирался. Насчет последнего он был в чем-то прав. Хай Вендерс никогда не жаловал Ду, как и журналисты, и за год до этого удалил его в двух матчах. Но в тот день я никаких придинок не заметил, а стоял я от него меньше чем в девяноста футах.

Билли здорово провел обе игры, записав себе хоумран и трипл*. И Дузен против него не возникал, как ни странно. Он был из тех, кто хотел каждому дать понять: у «Ти-

* Трипл (*англ.* triple) — удар, в результате которого бэттер сумел добежать до третьей базы.

танов» — одна большая звезда, и это не ты. Но парень ему понравился. Казалось, он и вправду решил, что Билли — его талисман. А новичок тоже к нему привязался. После игры они отправились по барам, выпили целую бочку и закатились в бордель, чтобы отпраздновать первое поражение Ду в сезоне. На следующий день перед отъездом в Канзас-Сити оба явились бледные и трясущиеся.

— Парень вчера потрахался, — доверительно шепнул мне Ду, когда мы всей командой ехали в автобусе в аэропорт. — Похоже, в первый раз. Это хорошая новость. А плохая в том, что он, по-моему, этого не помнит.

Болтало нас в полете жутко, как почти всегда в те времена. Летали на винтовых корытах, и мы еще чудом не утробились, как Бадди Холли или этот гребаный Биг Боппер. Парень почти все время блевал в сортире в хвосте самолета, а за дверью ребята резались в кости и отпускали дежурные шуточки вроде: «Хорошо прочистило? Нужен нож с вилкой, чтобы в сливе не застряло?» А на следующий день на муниципальном стадионе парень выбил пять из пяти, включая два хоумрана.

Была еще одна игра в стиле Билли «Блокады», и к тому времени он мог бы ее патентовать. Свежей жертвой стал Клетус Бойер. И снова Билли «Блокада» опустил левое плечо, а мистер Бойер перекувырнулся, шлепнувшись прямо на спину слева от площадки отбивающего. Вот только появились различия. Билли осаливал двумя руками, так что не было ни окровавленных ног, ни растянутых ахилловых сухожилий. Бойер просто поднялся и побрел к скамейке запасных, отряхивая задницу и качая головой, как будто не совсем понимал, где находится. Да, а игру мы продули, несмотря на пять выбиваний Билли. Финальный счет был одиннадцать — десять или что-то вроде того. В тот день наклеры у Ганзи Берджесса не пошли, и «Окленд атлетикс» воспользовались этим по полной.

Следующую встречу мы выиграли, а в день отъезда проиграли. Парень выбивал в обоих матчах, набрав ровно шестнадцать очков. Да плюс девять выводов из игры. Де-

вать в шестнадцать встречах! Дело шло к рекорду. Если бы рекорд этот, конечно, зафиксировали.

Мы поехали в Чикаго на три гостевые игры, и парень отбивал во всех трех, доведя свой личный счет до девятнадцати. Но черт меня раздери, если мы не продули все три встречи. После заключительного матча Джерсиец Джо поглядел на меня и сказал:

— Не верю я в эту болтовню о талисмানে. По-моему, Блейкли утягивает удачу в сторону.

— Это несправедливо, и ты это знаешь, — ответил я. — Мы хорошо стартовали, а сейчас просто неудачная полоса. Все образуеться.

— Может, и так, — согласился он. — А Дузен все учит парня пить?

— Ну да. Они вместе с другими ребятами закатились в «Петлю».

— Но вернутся они вместе, — заметил Джо. — Что-то я не врубаюсь. Теперь Дузен должен ненавидеть этого парня. Ду семь лет играет у нас, и я успел его изучить.

Я тоже. Когда Ду проигрывал, он всегда перекладывал вину на кого-то другого, вроде дурня Джонни Харрингтона или уроды-судью Хая Вендерса. Парень давно бы уже попал ему под горячую руку, однако Дэнни по-прежнему хлопал его по спине и обещал, что Билли станет самым успешным новичком года. Не то чтобы Ду мог свалить на парня вину за проигрыш в тот день. В пятом иннинге он подал мимо, и мяч ушел в сторону: высоко, далеко и красиво. Это раз. Потом он вышел из себя, ослабил самоконтроль и профукал еще два. Затем Нелли Фокс пробил дабл вдоль линии. После этого Ду взял себя в руки, но было уже поздно: выправиться он не смог.

В Детройте нам повезло больше, мы выиграли две встречи из трех. Парень выбивал во всех трех матчах и снова великолепно отыграл в защите. Потом мы прилетели домой. К тому времени парнишка из «Девенпорт корнхолерс» сделался настоящей сенсацией Американской лиги. Говорили, что он снимется в рекламе фирмы «Жиллет».

— Хотел бы я поглядеть на эту рекламку, — бросил Сай Барбарино. — Обожаю комедии.

— Тогда ты, наверное, обожаешь в зеркало смотреться, — заметил Криттер Хейвард.

— Ну ты чудило, — отбрил его Сай. — Я о том, что брить-то ему нечего.

Реклама, разумеется, так и не появилась. Бейсбольная карьера Билли «Блокады» подходила к концу.

Нам предстояло сыграть три встречи с «Чикаго уайт сокс», но первую игру отменили из-за дождя. Давний приятель Ду Хай Вендерс возглавлял судейскую бригаду и сам сообщил мне эту новость. Я приехал на «Болото» пораньше, потому что багаж с нашей гостевой формой по ошибке отправили в Айдлуайлд и я хотел убедиться, что его отослали куда надо. Форма эта нам не понадобится еще неделю, но я не мог успокоиться, пока все не будет как надо.

Вендерс сидел на табуретке рядом с судейской и читал книжку с блондинкой в кружевном белье на обложке.

— Твоя жена, Хай? — спрашиваю я.

— Подружка, — отвечает он. — Отправляйся домой, Грэнни. Синоптики обещают, что к трем часам здесь будет лить как из ведра. Я просто жду Дипунно и Лопеса, чтобы отменить игру.

— Ладно, — говорю я. — Спасибо.

Направился было к выходу, как тут он мне вслед:

— Грэнни, у этого твоего вундеркинда все в порядке с головой? Потому что он разговаривает сам с собой, когда стоит в «доме». Шепчет прямо как заведенный.

— Он, конечно, не семи пядей во лбу, но он не псих, если ты об этом, — отвечаю я. Тогда я ошибался, но кто же знал? — А что он там бормочет?

— Не то чтобы я прислушивался, когда стоял позади него — на второй игре против Бостона, — но знаю, что говорит он о себе. В этом, как его, третьем лице. Шепчет что-то вроде: «Я смогу, Билли». А потом, когда выронил

фол-тип, который принес бы три очка, сказал: «Прости, Билли».

— Ну и что? До пяти лет у меня был невидимый друг по прозвищу шериф Пит. Мы с шерифом Питом пронесли по многим шахтерским городкам.

— Ну да, но Билли-то уже не пять лет. Разве что здесь. — Вендерс постучал по своей большой голове.

— Он вот-вот получит пять как первый номер среди отбивающих, — отвечаю я. — Вот что для меня главное. Плюс он чертовски классно блокирует в «доме». При- знай это.

— Признаю, — соглашается Вендерс. — Этот сучонок не знает, что такое страх. Еще один признак того, что у него не все дома.

Я больше не собирался слушать, как судья обливает грязью моего подопечного, так что сменил тему и спросил — как бы в шутку, — станет ли он честно судить завтрашнюю игру, даже если на подачи выйдет его друг-приятель Ду.

— Я всегда сужу честно, — отвечает он. — А Дузен — тщеславный урод, который спит и видит себя в Зале славы. Он сто раз ошибется и ни разу не признает своей вины. К тому же этот сукин сын постоянно пререкается, но понимает, что со мной это не пройдет, потому как я не намерен слушать его трепотню. Так вот, судить я буду честно, как всегда. Поверить не могу, что ты это спросил.

А я поверить не могу, что ты расселся тут, почесывая задницу, и называешь нашего кетчера полным идиотом, подумал я. Но ты это сделал.

В тот вечер я пригласил свою жену на ужин, и мы очень мило провели время. Танцевали под оркестр Лестера Ланнона, насколько я помню. Целовались в такси. Хорошо выпались. Потом я очень долго спал из рук вон плохо — все кошмары мучили.

Дэнни Дузен подавал мяч в дневной из двух назначенных на тот день игр, но мир «Титанов» уже провалился к чертям, только мы еще об этом не знали. За исключени-

ем Джо Дипунно. Когда стемнело, мы убедились, что вчистую прогадили сезон, потому что наши первые двадцать две игры наверняка вычеркнут из истории бейсбола вместе с любым упоминанием о Билли «Блокаде» Блейкли.

Я немного опоздал из-за пробок, но подумал, что это не важно, поскольку всю неразбериху с формой уже уладили. Почти все ребята были на месте, кто-то переодевался, кто-то играл в покер или просто сидел, травя байки и покуривая. Дузен и Билли устроились на складных стульях в углу рядом с автоматом с сигаретами. Парень уже успел надеть форменные штаны, а Дузен был в одних трусах — зрелище не из приятных. Я подошел взять пачку «Винстона» и прислушался. Говорил в основном Дэнни.

— Этот гребаный Вендерс ненавидит меня, — говорит он.

— Ненавидит тебя, — повторяет парень, а потом добавляет: — Гребаный Вендерс.

— Вот именно. Думаешь, он хочет стоять за базой, когда я одержу двухсотую победу?

— А разве нет? — удивляется парень.

— А вот хрен! Но сегодня я вырву двухсотую ему назло. А ты мне поможешь, Билл. Да?

— Да. Конечно. Билл поможет.

— Он будет ставить мне палки в колеса, как последний гад.

— Да ну? Ставить палки в колеса, как гад...

— Говорю тебе, будет. Так что ты отработывай по-быстрому.

— По-быстрому.

— Ты мой талисман, Билли-бой.

И парень отзывается, серьезно, как священник на пышных похоронах:

— Я твой талисман.

— Ну да. А теперь слушай...

Слушать их было смешно и в то же время жутковато. Ду прямо-таки весь напрягся — подался вперед, глаза блестят. Он же был бойцом, понимаете? Он хотел выиг-

рать, как Боб Гибсон. И, как Гибби, ради победы он мог пойти на все, лишь бы вышло шито-крыто. А парень это хлебал полной ложкой.

Я чуть было не открыл рот, потому что мне хотелось разорвать эту связь между ними. Вот сейчас вам это рассказываю и думаю, что тогда у меня в подсознании картинка сложилась почти целиком. Может, все это и ерунда, но мне так не кажется.

Но я оставил их в покое, просто забрал свое курево и ушел. Черт, да если бы я хоть слово сказал, Ду все равно бы рывкнул, чтобы я заткнулся. Он не любил, когда его перебивали во время разговора, и даже если бы в любой другой день я бы ему этого не спустил, лучше было не трогать его, когда он готовился выйти на исходную перед сорока тысячами зрителей, из чьих денег ему платят зарплату.

Я направился в офис к Джо, чтобы забрать заявочную карточку, но дверь оказалась запертой, а жалюзи опущенными — и это в игровой день. Однако жалюзи не были сомкнуты, так что я заглянул внутрь сквозь щелочку. Одной рукой Джо прижимал к уху телефонную трубку, а другой закрывал глаза. Я постучал в стекло. Он так резко дернулся, что чуть не свалился со стула, и оглянулся. Говорят, что в бейсболе нет места слезам, но он плакал, точно плакал. Я видел его таким в первый и последний раз в жизни. Лицо у него было бледное, волосы всклокочены. Точнее, то, что от них осталось.

Он махнул рукой и снова принялся говорить по телефону. Я пошел через раздевалку в тренерскую, которая на самом деле использовалась под склад инвентаря. На пути я остановился. Большое совещание питчера и кетчера закончилось, и парень натягивал форменный свитер, тот самый, с большим синим числом 19. И я снова заметил у него лейкопластырь на указательном пальце правой руки.

Я подошел к Билли и положил руку ему на плечо. Он улыбнулся. Улыбался он редко, но улыбка у него была очень приятная.

— Привет, Грэнни, — говорит он.

Однако улыбка начала сползать с его лица, когда он увидел, что я не улыбнулся в ответ.

— Готов к бою? — спрашиваю я.

— Конечно.

— Это хорошо. Но хочу тебе кое-что сказать, прежде чем ты выйдешь на поле. Ду — чертовски классный питчер, но как человек он не поднялся выше третьей лиги. Он переступит через труп своей бабушки, чтобы добиться победы, а ты значишь для него куда меньше, чем бабушка.

— Я его талисман! — негодуяще вспыхивает он.

— Может, и так, — отвечаю я, — но сейчас я не об этом. Случается, перед игрой *слишком* заводишься. Чуть на взводе — это хорошо, но когда слишком — можно наворотить черт знает чего.

— Я не понимаю.

— Если ты лопнешь и сдуешься, как дырявая шина, Ду просто найдет себе другой, совершенно новый талисман.

— Что ты такое говоришь! Мы с ним друзья!

— Я тоже твой друг. И, что куда важнее, один из тренеров твоей команды. Я отвечаю за то, чтобы у тебя все шло хорошо, поэтому говорю как захочу, к тому же с новичком. А ты меня слушай. Слушаешь?

— Слушаю.

Слушать-то он слушал, но в глаза мне не смотрел, а уставился в пол. На его гладких мальчишеских щеках выступил густой румянец.

— Я не знаю, что у тебя там под пластырем, да и знать не желаю. Знаю лишь, что заметил это, когда ты играл за нас первую встречу и кое-кто получил травму. Потом я этого не видел, и не хочу видеть сегодня. Потому что если ты попадешься, то все повесят на *тебя*, даже если Ду и подбил тебя на этот фокус.

— Я просто порезался, — отвечает он, как-то сразу замкнувшись в себе.

— Понятно. Порезался, когда брил костяшки пальцев. Но когда выйдешь на поле, чтобы я этого пластыря у тебя на пальце не видел. Это в твоих же интересах.

Сказал бы я это, если бы не видел Джо рыдающим? Хочется в это верить. И верить в то, что я старался ради игры, которую любил тогда и люблю теперь. Виртуальный боулинг ей в подметки не годится.

Я ушел прежде, чем он сумел ответить. И не оглянулся. Отчасти потому, что не хотел видеть, что у него там под пластырем, но в первую очередь потому, что Джо стоял у открытой двери своего офиса и делал мне знаки. Не поручусь, что седины у него в волосах прибавилось, но и не поручусь в обратном.

Я зашел к нему в офис и закрыл дверь. В голову лезли мысли одна ужаснее другой. Что неудивительно, если вспомнить его лицо.

— Господи, Джо, что-то с женой? Или с детьми? Что-то стряслось с детьми?

Он вздрогнул и моргнул, как будто я хлопнул у него над ухом бумажный пакет.

— С Джесси и детьми все в порядке. Но, Джордж... о господи. Поверить не могу. Вот ведь хрень какая.

Он закрыл лицо руками и издал какой-то звук. Не рыдание, а смешок. Самый жуткий, черт возьми, смешок, какой мне доводилось слышать.

— В чем дело? Кто тебе звонил?

— Надо подумать, — ответил он, но обращался не ко мне, а к самому себе. — Надо решить, что делать...

Он оторвал руки от лица и стал снова похож на себя.

— Сегодня ты менеджером, Грэнни.

— Я? Я не могу быть менеджером! Ду здесь все разнесет к чертовой матери! Он снова идет на двухсотую, и...

— Все это уже не важно, ты что, не видишь? Сейчас не до этого.

— Что?..

— Так, заткнись и составляй заявочную карточку. А этот парень... — Он задумался, потом покачал голо-

вой. — Черт, да пусть играет, почему бы и нет? Поставь его пятым бэттером. Я и сам собирался это сделать.

— Конечно, он будет играть, — сказал я. — Кто же еще станет принимать подачи Дэнни?

— Да пошел этот Дэнни Дузен куда подальше! — рявкнул он.

— Кэп... Джои... Скажи, что случилось.

— Нет, — отрезал он. — Сначала надо все обдумать. Что я скажу ребятам. Да еще и репортерам! — Он с силой хлопнул себя по лбу, словно только что об этом вспомнил. — Этим зажавшимся, разжиревшим козлам! Вот черт! — Потом снова самому себе: — Ладно, пусть ребята сыграют. Они это заслужили. Может, и парень тоже. Черт подери, а вдруг он выбьет полный набор! — Он снова хохотнул, после чего заставил себя замолчать.

— Не понимаю.

— Поймешь. Ладно, вали отсюда. Заявляй кого захочешь. Хоть ставь игроков наугад. Это не имеет значения. Только убедись в том, что уведомил главу судейской бригады, что сегодня главный ты. По-моему, бригадиром у них Вендерс.

Я как во сне прошел по коридору в судейскую и сказал Вендерсу, что сегодня я заявляю состав и выступаю менеджером команды со своего места на третьей базе. Он спросил, что случилось с Джо, а я ответил, что тот приболел. Это еще мягко сказано.

Это стало моей первой игрой, где я выступал менеджером, пока не перешел в «Окленд атлетикс» в 1963 году. Игра выдалась короткой, потому что, как вам известно, если вы покопались в истории, Хай Вендерс удалил меня с поля в шестом иннинге. Да я не очень-то хорошо ее помню. В голове вертелось столько всего, что я был как во сне. Но у меня хватило здравого смысла сделать одно — осмотреть правую руку парня до того, как он вышел на поле. На указательном пальце у него не было ни пластыря, ни пореза. Однако мне даже не полегчало. Я видел перед собой красные глаза и перекошенный рот Джо Дипунно.

Для Дэнни Ду эта встреча стала его последней удачной игрой, и он так и не набрал двести побед. Он попытался вернуться в спорт в 1958 году, но безуспешно. Он утверждал, что у него перестало двоиться в глазах. Может, так оно и было, но он едва мог кинуть мяч в сторону базы. Дэнни не удалось попасть в Зал славы. Джо оказался кругом прав: тот парень и вправду высасывал удачу. Прямо как колдун какой-то.

Но в тот день Ду продемонстрировал пик своей формы — фастболы прыгали, крученые подачи шелкали, как кнуты. Первые четыре иннинга его вообще не могли достать. Махните битой и на скамейку, ребята, спасибо за игру. Он выбил шестерых, а прочие ответили лишь слабыми ударами от земли в пределах поля. Единственное, что не сложилось: Киндер ему не уступал. В конце третьего иннинга у нас был один неказистый удар Харрингтона, дабл с двумя аутами.

Наступает разгар пятого иннинга, так? Первый бэттер вылетает. Потом появляется Уолт Дропо, выбивает в дальний левый угол поля и взмывает, как летучая мышь. Болельщики видели, как Гарри Кин еще бежал за мячом, пока Дропо рвался ко второй базе, и поняли, что дело может кончиться внутренним хоумраном. Они начали скандировать. Сначала несколько голосов, потом еще и еще. Громче и громче. У меня по спине аж мурашки побежали.

— БЛО-КА-ДА! БЛО-КА-ДА! БЛО-КА-ДА!

Начали взлетать оранжевые плакаты. Люди вскакивали на ноги и поднимали их над головами. Не размахивали ими, как обычно, а просто держали. Никогда не видел ничего подобного.

— БЛО-КА-ДА! БЛО-КА-ДА! БЛО-КА-ДА!

Сначала я подумал, что тут нет ни малейших шансов. Дропо уже неся на всех парах к третьей базе. Но Кин бросился к мячу и классно отбросил его к Барбарино. А новичок тем временем стоит на третьей базе, выставив перчатку и обозначив цель, и Сай попадает прямиком в кармашек.

Толпа скандирует. Дропо скользит шипами вверх. Парню все равно, он встает на колени и перепрыгивает через них. Хай Вендерс находился где положено — по крайней мере, в тот раз, — над самой базой. Поднимается облако пыли, и из него взлетает вверх большой палец Вендерса.

— АУТ!

Мистер Кинг, болельщики помешались. И Уолт Дропо тоже. Он вскочил на ноги и заплясал, как припадочный эпилептик, танцующий хали-гали. Глазам своим поверить не мог.

На левом предплечье у парня красовалась царапина, так, ничего особенного, просто ссадина, однако этого оказалось достаточно, чтобы старина Бони Дадьер — наш врач — вышел на поле и заклеил ее лейкопластырем. Так что парень получил-таки свой пластырь, но теперь на законных основаниях. Во время этой медицинской процедуры болельщики продолжали стоять, размахивая плакатами с надписью «ДОРОГА ЗАКРЫТА» и скандируя: «БЛОКА-ДА! БЛО-КА-ДА!» — как будто до этого не накричались.

А парень, кажется, ничего не замечал. Он был где-то на другой планете. Он вел себя так все время, пока играл за «Титанов». Просто снова нацепил маску, вернулся на базу и принял стойку. Дело прежде всего. Вышел Бубба Филипс, подал Латропу на первую базу, и пятый иннинг закончился.

Когда парень вышел в начале следующего иннинга и выбил на три страйка, болельщики вскочили на ноги и устроили ему овацию. На этот раз он ее заметил и приложил пальцы к козырьку бейсболки, когда возвращался на скамейку. Он сделал это в первый и последний раз. Не потому, что задирает нос, а потому... ну, я об этом уже говорил. Витал на другой планете.

Ну ладно, разгар шестого иннинга. Пятьдесят с лишним лет прошло, а меня до сих пор зло разбирает, как подумаю об этом. Первым выходит Киндер и подает на третью базу, как и полагается питчеру. Потом появляется Луис Апарисио, Маленький Луи. Ду замахивается и вы-

стреливает. Апарисио пуляет мяч по широкой дуге вверх в сторону третьей базы. Это мой сектор, и я все видел. Парень отбрасывает маску и летит за мячом, откинув голову и раскрыв перчатку. Вендерс — за ним, но не так близко, как следовало бы. Ему казалось, что у парня нет никаких шансов. Вот тут-то судья и прокололся.

Парень сбежал с травяного поля на дорожку вдоль низенькой стенки между полем и трибуной. Вытянул шею и уставился вверх. Пара десятков людей в первых и вторых рядах тоже смотрели вверх, и почти все размахивали руками. Вот в этом я болельщиков не понимаю и никогда не пойму. Это же просто *мячик*, Господи Боже! Продавался он тогда по семьдесят пять центов за штуку. Но когда зрители видят его в воздухе, они бросаются за ним, как голодные за хлебом. Нет бы сдать чуть назад и позволить игроку — за которого *они же* болеют — попытаться взять мяч в разгар напряженной игры.

Я все видел, говорю же вам, видел четко и ясно. Мяч опускался на игровое поле рядом со стенкой. Парень явно мог взять его. И тут какой-то длиннорукий урод в футболке «Титанов», которые продают у входа на стадион, потянулся вперед и задел мяч, так что тот отскочил от краешка перчатки Билли и упал на землю.

Я был настолько уверен, что Вендерс отправит Апарисио в аут — присутствовало явное вмешательство, — что сначала не поверил своим глазам, когда судья показал Билли возвращаться на базу, а Апарисио — выходить на исходную. Когда до меня дошло, я побежал вдоль линии, размахивая руками. Болельщики начали подбадривать меня криками и освистывать Вендерса, что не прибавляет тебе веса, когда оспариваешь решение судьи, но я настолько разъярился, что плевать хотел на это. Меня бы не остановил даже Махатма Ганди, если бы полуголым вышел на поле и начал призывать всех к всеобщему миру.

— *Вмешательство!* — заорал я. — *Ясно как божий день, как дважды два!*

— Он был на трибуне, а значит, мяч ничей, — отвечает Вендерс. — Возвращайся к себе в гнездышко, и продолжим игру.

Парень никак не отреагировал, он болтал со своим дружком Ду. Это нормально. Мне было наплевать, что он не реагировал. Единственное, чего я хотел в тот момент, — разорвать Вендерса на части. Вообще-то я человек не конфликтный — за все годы, что я был менеджером в Главной лиге, меня всего дважды удаляли из игры, — но в тот день я разошелся так, что по сравнению со мной инквизиторы показались бы пацифистами.

— Ты не заметил этого, Хай! Ты отстал! Ты не увидел вмешательства!

— Я не отстал и все видел. Иди на свое место, Грэнни. Я не шучу.

— Если ты не видел, как этот длиннорукий су... — (Тут женщина во втором ряду прикрыла руками уши сыну и надула губы, словно говоря мне: «Как ты смеешь выражаться?!») — длиннорукий сукин сын вытянул свою клешню и задел мяч, то ты отстал, черт тебя раздери!

Парень в футболке принялся трясти головой — кто, я? да не я! — а на физиономии у него расплылась тупая смущенная ухмылка. Вендерс заметил ее, понял, что она значит, и отвернулся.

— Все, хватит, — говорит он мне таким непререкаемым тоном, как будто еще слово — и я отправлюсь в раздевалку пить пиво. — Ты высказался. Теперь или заткнись, или слушай остаток игры по радио. Выбирай.

Я вернулся на свое место. Апарисио снова вышел на исходную, мерзко ухмыляясь. Он все понял, конечно же, понял. И выжал из ситуации максимум. Он никогда не выбивал много хоумранов, но когда Ду подал неудачный чендж-ап, Маленький Луи высоко выбил его широкой изящной дугой в самый дальний край поля. Игравший по центру Носатый Нортон даже не обернулся.

Апарисио бежал базы, невозмутимый, как заходящий в док трансатлантический лайнер, а в это время болель-

щики орали на него, поливали грязью его родню и изрыгали проклятия на голову Хая Вендерса. Вендерс как будто этого не слышал — главное качество для судьи. Он вытащил из кармана куртки новый мяч и осмотрел его на предмет дефектов. При виде этого я окончательно съехал с катушек. Бросился к домашней базе и принялся трясти кулаками перед его лицом.

— *Ты подсудил эту пробежку, огородник ты гребаный!* — заорал я. — *Поленился, черт, задом протрясти за спорным мячом, а теперь вот записал себе засчитанную пробежку! Засунь себе ее в задницу! Может, там заодно и очки свои найдешь!*

Болельщики пришли в восторг. А Хай Вендерс — нет. Он указал на меня, потом резко ткнул большим пальцем через плечо и ушел. Болельщики принялись улюлюкать и размахивать плакатами «ДОРОГА ЗАКРЫТА». На поле полетели пустые бутылки, стаканы и недоеденные бутерброды. Просто цирк какой-то.

— *Куда намылился, толстозадый, слепой, неповоротливый урод?!* — завизжал я и бросился за ним. Кто-то со скамейки запасных успел схватить меня прежде, чем я достиг Вендерса, что я собирался сделать на полном серьезе. Я совсем съехал с тормозов.

Трибуны принялись скандировать:

— *У-БЕЙ СУ-ДЬЮ! У-БЕЙ СУ-ДЬЮ! У-БЕЙ СУ-ДЬЮ!*

Я никогда этого не забуду, потому что они так же скандировали: «БЛО-КА-ДА! БЛО-КА-ДА!»

— *Будь здесь твоя мамаша, она бы спустила с тебя синие штаны и отхлестала бы как следует, огородник ты безглазый!* — взревел я, после чего меня утащили на скамейку запасных. Ганзи Берджесс, наш главный подающий, вышел менеджером на последние три иннинга этого адского шоу. А в завершающих двух еще и питчером стоял. В архивах это, наверное, есть. Если от той жуткой весны остались хоть какие-то протоколы встреч.

Последнее, что я увидел, уходя с поля, — это Дэнни Дузена и Билли «Блокаду», стоявших на траве между до-

машней базой и питчерской горкой. Парень засунул маску под мышку. Ду что-то шептал ему на ухо. Парень слушал — он ведь всегда прислушивался к словам Ду, — но смотрел он на трибуны, где сорок тысяч зрителей — мужчин, женщин и детей — ревели:

— *У-БЕЙ СУ-ДЬЮ! У-БЕЙ СУ-ДЬЮ! У-БЕЙ СУ-ДЬЮ!*

Посреди коридора между скамейкой запасных и раздевалкой стояла корзина с мячами. Я пнул ее, и мячи разлетелись во все стороны. Если бы я поскользнулся на одном из них и шлепнулся на задницу, это стало бы великолепным финалом великолепного, чтоб его, игрового дня.

В раздевалке я увидел Джо, сидевшего на скамейке рядом с душевыми. Выглядел он на семьдесят вместо своих пятидесяти. С ним были еще трое мужчин. Двое в полицейской форме. Третий в костюме, но стоило взглянуть на его суровую пунцовую физиономию, как я сразу понял, что он тоже из полиции.

— Игра закончилась пораньше? — спросил он меня. Он сидел на складном стуле, широко расставив ноги, отчего ткань брюк туго обтянула его бедра. Полицейские в форме пристроились на скамейке напротив шкафчиков.

— Только для меня, — ответил я. Я еще не успел остыть и поэтому не обратил особого внимания на полицию. Повернулся к Джо и продолжил: — Этот гребаный Вендерс удалил меня. Извини, кэп, но там было явное вмешательство, и этот ленивый гад...

— Это не имеет значения, — произнес Джо. — Игру не засчитают. Сдается мне, что все наши встречи не засчитают. Кервин, конечно, подаст апелляцию комиссару Лиги, но...

— Ты это о чем? — спросил я.

Джо вздохнул. Потом посмотрел на полицейского в штатском.

— Расскажите лучше вы, детектив Ломбардацци, — сказал он. — Я не смогу.

— А ему нужно знать? — спросил Ломбардацци. Он смотрел на меня, как на какое-то диковинное насекомое.

Только этого взгляда мне и не хватало, но я промолчал. Потому что знал: трое полицейских, включая детектива, не явятся в раздевалку бейсбольной команды Главной лиги, если не случится что-то чертовски серьезное.

— Если хотите, чтобы он придержал остальных ребят, пока вы будете забирать Блейкли, думаю, надо обрисовать ему общую картину, — ответил Джо.

Сверху донесся крик болельщиков, потом стон, сменявшийся овацией. Никто из нас не обратил внимания на конец бейсбольной карьеры Дэнни Дузена. Крик раздался, когда ему в лоб попал мяч, пущенный Ларри Доби. Стон — когда Ду упал на питчерскую горку. А овация — когда он поднялся и жестами показал, что с ним все в порядке. Что было совсем не так, однако он подавал и в конце шестого иннинга, и весь седьмой. Да и бегал тоже. Ганзи заставил его уйти с поля перед восьмым иннингом, увидев, что Ду шатало из стороны в сторону. Дэнни настаивал, что он в полном порядке, а раздувавшаяся у него над левой бровью лиловая шишка размером с гусиное яйцо — так, ничего особенного, случалось и похуже. Билли поддакивал: ничего страшного, ничего страшного. Маленький сэр Эхо. Мы в раздевалке ничего этого не знали, как и Дузен не ведал, что получил самую серьезную травму за всю карьеру. Правда, раньше ему мозги не повреждали.

— Его зовут не Блейкли, — говорит Ломбардацци. — Его настоящее имя — Юджин Кацанис.

— Каца... что? А где тогда Блейкли?

— Уильям Блейкли мертв. Уже месяц. И его родители тоже.

У меня аж рот открылся.

— Что вы такое говорите?

Тут он мне рассказал то, что вы, наверное, уже знаете, мистер Кинг, но, может, я смогу заполнить какие-то пробелы. Семья Блейкли жила в местечке Кларенс в штате Айова, в полях, до которых примерно час езды от Девенпорта. Очень удобно для папаши с мамашей, потому что

они могли ездить почти на все игры своего сына во второй лиге. Дела на ферме в восемьсот акров шли неплохо. Один из их наемных работников был почти мальчишкой. Звали его Джин Кацанис, и был он сиротой, выросшим в церковном приюте для мальчиков в городке Оттершоу. В фермеры он не годился, к тому же с головой не очень дружил, зато был прирожденным бейсболистом.

Кацанис и Блейкли играли друг против друга в приходских командах, а вместе — в местной команде Бэйба Рута, которая побеждала в турнирах штата все три года, когда они там выступали, и однажды даже пробилась в национальный полуфинал. Блейкли ходил в школу и блистал в ее команде, но вот Кацанису школа не светила. Светило ему ходить за свиньями да бить по мячу, хотя никому и в голову не приходило, что он сравняется с Билли Блейкли. Никто об этом и не думал. Пока не случилось то, что случилось.

Папаша Блейкли нанял парня потому, что тот работал задешево, это да, но главным образом по той причине, что парнишка обладал природным талантом поддерживать Билли в хорошей форме. За двадцать пять долларов в неделю Блейкли-младший получал полевого игрока и классного питчера. А папаша получал доильщика коров и уборщика навоза. Неплохой вариант, по крайней мере, для них.

Когда вы поднимали архивы, вы, наверное, нашли там о семействе Блейкли только хорошее, верно? Потому что жили они в тех краях целых четыре поколения, потому что были зажиточными фермерами, а Кацанис был просто найденышем, начавшим жизнь в ящике из-под выпивки на ступеньках церкви, да к тому же не очень дружил с головой. А почему так? Потому что был тупым от рождения или оттого, что в приюте его три-четыре раза в неделю избивали до полусмерти, пока он не подрос и не начал давать сдачи? Я знаю, ему частенько попадало из-за привычки разговаривать с самим собой — потом об этом писали в газетах.

Кацанис и Билли продолжали напряженно тренироваться, после того как Билли попал в периферийные клубы, откуда шел набор в «Титаны». В основном в межсезонье, сами знаете, скорее всего, отрабатывали подачи и отбивания в амбаре, если на улице лежал слишком глубокий снег. Но Кацаниса вышвырнули из местной городской команды и не разрешали выходить на тренировки «Корнхолерс», когда Билли играл с ними свой второй сезон. Вот в первом сезоне Кацанису позволяли тренироваться и даже участвовать в каких-то отборочных встречах, особенно если в команде кого-то не хватало. В те времена все было проще и без заморочек, не то что теперь, когда страховые компании поднимают вой до небес, если игрок Главной лиги вдруг возьмет биту, не надев шлема.

По-моему, случилось вот что — поправьте, если ошибаюсь. Кацанис, какие бы напасти его ни одолевали, продолжал расти и развиваться как игрок. А Блейкли — нет. Так все время происходит. Возьмем двух ребят: в школе оба похожи на Бэйба Рута. Они одного роста, одного веса, оба быстро бегают, у обоих одинаковая реакция. Но один может в игре подняться на уровень выше... еще выше... и еще. А второй начинает буксовать и отставать. Вот что я услышал позже: Билли Блейкли начинал не как кетчер. Его перевели из центральных игроков, когда парень, принимавший подачи, сломал руку. А такие перестановки — явно не к добру. Это как будто тренер тебе намекает: «Ты давай-ка поиграй... пока не появится кто-нибудь получше».

Похоже, Блейкли стал завидовать, думаю, что и его папаша тоже, да и мамаша не отставала. Особенно мамаша, потому что мамыши спортсменов — это просто кошмар какой-то. Сдается мне, что они потянули за какие-то ниточки, чтобы не дать Кацанису играть в местных командах и тренироваться в «Девенпорт коксакерс». Они вполне могли это сделать, потому что были зажиточной и уважаемой семейкой из Айовы, а Джин Кацанис был безродным сиротой, выросшим в приюте, который, вероятно, представлял собой филиал ада на земле.

Похоже, что Билли начал доставать парня все чаще и все жестче. А может, это стали делать мамаша или папаша. Наверное, из-за того, что он не так подоил коров или не так убрал навоз, но ставлю сто к одному, что в основе лежал бейсбол и банальная зависть. Зеленоглазое чудовище. Насколько мне известно, менеджер «Корнхолерс» сказал Блейкли, что того, наверное, переведут в лигу А в Клируотере, а отправка на уровень ниже, когда тебе всего двадцать — когда ты должен *расти*, — явный признак того, что твоя карьера в профессиональном бейсболе долго не продлится.

Но как бы там ни было — и кто бы за этим ни стоял, — произошла ужасная ошибка. Парень мог вести себя нормально и добродушно, если к нему нормально относились, мы все это знали, но с головой он не дружил. И вот это было опасно. Я понял это даже до того, как появилась полиция, я же видел, что произошло на самой первой игре сезона: лодыжка Билли Андерсона.

— Окружной шериф обнаружил тела всех трех Блейкли в амбаре, — сказал Ломбардацци. — Кацанис перерезал им глотки. Шериф сообщил, что, скорее всего, лезвием бритвы.

У меня просто отвисла челюсть.

— Наверное, случилось вот что, — мрачно сказал Джо. — Кервин Маккаслин обзванивал клубы в поисках запасного кетчера, когда наши ребята получили травмы во Флориде, и менеджер «Корнхаскерс» сказал, что у него есть парень, который сможет отыграть три-четыре недели при условии, что не придется выбивать очки выше среднего уровня. Потому что, добавил он, парень это не потянет.

— Но ведь потянул, — возразил я.

— Потому что это был не Блейкли, — сказал Ломбардацци. — К тому времени Блейкли и его родители уже несколько дней лежали мертвыми. Этот Кацанис сам вел хозяйство. Так что с головой он все-таки немного дружил. У него хватило ума взять трубку, когда зазвонил телефон.

Он поговорил с менеджером и сказал: ну конечно, Билли с радостью отправится в Нью-Джерси. А прежде чем уехать — уже как Билли, — он обзвонил соседей и уведомил продуктовую лавку в городе. Сказал всем, что семейке Блейкли срочно пришлось отбыть по личным делам. Довольно умно для психа, да?

— Он не псих, — ответил я.

— Ну да, он перерезал глотки людям, которые приняли его и дали ему работу, плюс прирезал всех коров, чтобы соседи не слышали, как те громко мычат по ночам, потому что их не подоили, но будь по-вашему. Я знаю, что окружной прокурор согласился бы с вами, потому что он хочет, чтобы Кацаниса повесили. Как это делают в Айове.

Я повернулся к Джо.

— Как такое могло произойти?

— Он умел играть, — ответил Джо. — И хотел играть.

Парень взял документы Билли Блейкли, а дело было в те времена, когда документы с фотографией встречались нечасто. Они были похожи: голубые глаза, светлые волосы, рост шесть футов. Но главное — да, все так вышло потому, что парень умел играть. И хотел играть.

— Неплохо умел, если смог почти месяц продержаться в профессионалах, — заметил Ломбардацци, и в эту минуту у нас над головами разразились овации. Билли «Блокада» только что получил свой последний высокий результат в Главной лиге: хоумран. — Так вот, позавчера заправщик газовых баллонов заехал на ферму Блейкли. Люди приезжали туда и раньше, но читали записку, которую Кацанис пришил к двери, и отправлялись восвояси. А вот заправщик не уехал. Он наполнил баллоны за амбаром и у коровника, где лежали трупы — людей и прирезанных животных. Наконец-то установилась теплая погода, и он учуял запах. Вот на этом в общем-то и кончается наша история. Теперь ваш менеджер хочет, чтобы его арестовали как можно тише и с минимальной опасностью для остальных игроков. Я с этим согласен. Так что вам надо...

— Тебе надо задержать остальных ребят на скамейке запасных, — сказал Джерсиец Джо. — Отправь Блейкли... то есть Кацаниса сюда одного. Его уже увезут, когда все ребята спустятся в раздевалку. А потом мы попытаемся разгрести эту кучу дерьма.

— И что мне им, черт возьми, сказать?

— Командный сбор. Бесплатное мороженое. Мне все равно. Просто задержи их на пять минут.

Тут я обратился к Ломбардацци:

— И что, никто не сообщил в полицию? *Вообще никто?* То есть вы хотите сказать, что никто не слушал радиорепортажи и не сподобился позвонить папаше Блейкли, чтобы высказать, как классно его сынок рвет соперников?

— Сдается мне, что кое-кто мог попытаться, — ответил Ломбардацци. — Жители Айовы действительно время от времени наезжают в большие города, как я слышал, и мне кажется, что некоторые из приезжающих в Нью-Йорк слушают игры «Титанов» по радио и читают о них в газетах.

— А мне больше «Янкиз» по душе, — вставил один из тех, что в форме.

— Если мне понадобится твое мнение, я постучу по твоему чайнику, — отрезал Ломбардацци. — А пока что заткнись и сиди тихо.

Меня начало подташнивать, и я посмотрел на Джо. Ошибка судьи и удаление с поля в первой же игре в качестве менеджера теперь казались самыми мелкими из моих проблем.

— Приведи его сюда одного, — приказал Джо. — Мне все равно, как ты это сделаешь. Ребята этого видеть не должны. — Он задумался и добавил: — А Блейкли не должен видеть *их*. Что бы он там ни натворил.

Если это имеет значение — а я знаю, что нет, — ту игру мы проиграли со счетом один — два. Все три пробежки были одиночными. Минни Минозо перехватил инициативу у Ганзи в разгар девятого иннинга. Блейкли выбил финальный аут. Он классно принял крученную подачу

в первой встрече за «Титанов» — и так же здорово принял ее в последней. В бейсболе все решают не только дюймы, но и равновесие.

Никого из ребят проигрыш не интересовал. Когда я поднялся на поле, все они сгрудились вокруг Ду, сидевшего на скамейке и твердившего, что с ним, черт возьми, все нормально, только голова чуть-чуть кружится. Но выглядел он совсем не нормально, и наш так называемый врач был весьма мрачен. Он хотел отправить Дэнни в больницу на рентген.

— Да пошел этот рентген, — отмахнулся Ду. — Мне бы передохнуть пару минут. Все нормально, сказано же тебе. Господи, Боунз, да отвянь ты от меня.

— Блейкли, — сказал я, — спустись-ка в раздевалку. Тебя хочет видеть мистер Дипунно.

— Меня хочет видеть тренер Дипунно? В раздевалке? Зачем?

— Что-то по поводу Лучшего новичка месяца, — ответил я. Это пришло мне в голову по наитию. Такой награды тогда не существовало, но парень этого не знал.

Он посмотрел на Дэнни Ду, а тот помахал ему рукой.

— Давай валяй, парень. Ты хорошо отыграл. Не твоя вина, что продули. Ты по-прежнему везунчик, и на хрен того, кто скажет по-другому. — Потом добавил: — Да пошли вы все отсюда. Дайте хоть продышаться.

— Погодите-ка, — возразил я. — Джо хочет видеть его одного. По-моему, желает его лично поздравить. Парень, чего встал? Давай-ка... — Я хотел сказать «шагай», но не успел. Блейкли — или Кацанис — уже исчез.

А что было дальше, вы сами знаете.

Если бы парень пошел прямо по коридору, ведущему в судейскую, его бы успели взять, потому что раздевалка находилась как раз по пути туда. Но вместо этого он срезал через кладовку, где лежал наш багаж и стояла пара массажных столов вместе с вихревой ванной. Мы никогда не узнаем, зачем он это сделал, но, по-моему, парень почувствовал неладное. Черт подери, он, наверное, догадывался,

что в конце концов все откроется. Может, он и был сумасшедшим, но сумасшедшим хитрым лисом. Короче, он вышел с дальнего конца раздевалки, подошел к двери судейской и постучал. К тому моменту штука, которую он, скорее всего, научился изготавливать в сиротском приюте, снова оказалась у него на указательном пальце. Вот что я думаю: кто-то из ребят постарше, наверное, показал ему, как ее смастерить. *Парень, если хочешь, чтобы тебя перестали дубасить, сделай себе такую штуковину.*

В шкафчик он ее так и не убрал, а просто засунул в карман. После игры он не стал заморачиваться с лейкопластырем, что подсказывает мне: он знал, что больше нет смысла что-то скрывать.

Он постучал в дверь судейской и сказал:

— Срочная телеграмма для мистера Хая Вендерса.

Сумасшедший, но сумасшедший лис, понимаете? Не знаю, как бы все повернулось, если бы дверь открыл кто-то из судейской бригады, но открыл ее сам Вендерс, и готов спорить, что умер он прежде, чем понял, что за дверью стоял совсем не почтальон.

Это и вправду оказалась бритва. Или ее часть. Когда она была не нужна, он засовывал ее под небольшое жестяное колечко, похожее на детский игрушечный перстень. И только когда он сжимал правую руку в кулак и давил большим пальцем на кольцо, из-под него вылезала тонкая полоска лезвия. Вендерс открыл дверь, а Кацанис полоснул его по шее и перерезал ему глотку. Когда я увидел лужу крови после того, как его увели в наручниках — господи, сколько же там ее натекло, — я думал только о сорока тысячах зрителей, скандировавших: «УБЕЙ СУДЬЮ!» — с тем же жаром, с каким они орали: «БЛО-КА-ДА!» В буквальном смысле никто ничего подобного не хотел, но парень этого не понимал. Особенно с учетом того, как Ду наговорил ему, что Вендерс засудит их *обоих*.

Когда из раздевалки выбежали копы, Билли «Блокада» просто стоял там в залитой кровью белой форме, а Вендерс лежал у его ног. Он не пытался ни сопротивляться, ни

кого-то порезать, когда его скрутили. Просто стоял и бормотал себе под нос:

— Я достал его, Ду. Билли достал его. Он больше никого не засудит.

Вот и конец истории — по крайней мере, известной мне части. Что же касается «Титанов», то поищите сами, как говорил старик Кейси: все те незасчитанные игры и все те сдвоенные игры, где мы надрывались, чтобы наверстать потерянные очки. Все кончилось тем, что кетчером мы поставили старину Хьюби Раттнера, который отбивал с соотношением 0,185 — гораздо ниже того, что сейчас называют «линией Мендосы». Дэнни Дузену диагностировали некое «внутричерепное кровоизлияние», и из-за этого он остаток сезона просидел на скамейке запасных. Попытался вернуться в 1958-м — печальное зрелище. Пять выходов на игру. В трех из них он даже не смог попасть мячом по базе. В двух других... помните последнюю встречу «Бостон ред сокс» и «Нью-Йорк янкиз» в плей-офф 2004-го? Как у «Янкиз» подавал Кевин Браун, а «Ред сокс» набрали с его мячей целых шесть хоумранов за первые два иннинга? Вот так подавал Дэнни Ду в 1958-м, когда ему удавалось правильно выполнить подачу. *Ничегошеньки* у него не осталось. И все же после всех этих напастей нам удалось опередить в финале «Окленд атлетикс» и «Сенаторс». Вот только во время Всемирной серии Джерсийца Джо Дипунно хватил инфаркт. Кажется, в тот самый день, когда русские запустили первый спутник. С окружного стадиона Джо вынесли на носилках. Он протянул еще пять лет, но от прежнего Джерсийца осталась только тень, и, уж конечно, он больше никогда не руководил командой.

Он говорил, что тот парень высасывал удачу, и в этом оказался куда прозорливее, чем думал. Мистер Кинг, тот парень прямо-таки утягивал удачу, словно *черная дыра*.

В том числе собственную. Уверен, вы помните, как закончилась эта история. Как его отвезли в окружную

тюрьму в Эссексе и держали там для этапирования в Айову. Как он проглотил кусок мыла и задохнулся. Представить не могу более жуткой смерти. Сезон тогда выдался кошмарный, спору нет, и все же, пока я вам о нем рассказывал, я вспомнил и кое-что хорошее. Например, то, как старое «Болото» расцветчивалось оранжевым, когда все разом поднимали плакаты «ДОРОГА ЗАКРЫТА ПО ПРИКАЗУ БИЛЛИ „БЛОКАДЫ“». Да, бьюсь об заклад, что парень, додумавшийся их сделать, сорвал неплохой куш. Но знаете, купившие их тоже внакладе не остались. Когда они вставали и поднимали их над головами, они становились частью чего-то большего. Бывает, что это плохо — только подумайте обо всех тех, кто выходил на марши, чтобы увидеть Гитлера, — но бывает, что и хорошо. *Бейсбол* — хорошая игра. Таким он был, таким и останется.

БЛО-КА-ДА! БЛО-КА-ДА! БЛО-КА-ДА!

У меня до сих пор мурашки по коже бегут, как вспомню. Эхо до сих пор звучит в голове. Тот парень был настоящим игроком, пусть даже психом и высасывателем удачи.

Ну вот, мистер Кинг, кажется, я вам все рассказал. Довольны? Это хорошо. Рад. Приезжайте еще в любое время, но только не в среду днем. Тогда играют в этот чертов виртуальный боулинг, и шум такой, что мыслей своих не слышишь. Приезжайте-ка лучше в субботу, а? Мы тут всегда собираемся компанией посмотреть матч недели. Нам разрешают пропустить по парочке пивка, и мы орем как сумасшедшие. Не как в былые дни, но все равно даем жару.

*Посвящается Флипу Томпсону,
другу и кетчеру школьной команды*

Мистер Симпатяшка

Один из моих вымышленных собратьев по перу в одном из ранних романов — кажется, Бен Миерс в «Жребии Салема» — утверждает, что не стоит говорить о произведении, которое собираешься написать. «Это все равно что выплеснуть сюжет на землю» — именно так он выражается. Однако иногда, особенно если я исполнен энтузиазма, мне трудно следовать своему же совету. Как, например, в случае с рассказом «Мистер Симпатяшка».

Когда я в общих чертах изложил идею одному из друзей, он внимательно выслушал меня, а затем покачал головой.

— По-моему, ты не сможешь сказать что-то новое о СПИДе, Стив. — Он помолчал и добавил: — Особенно как натурал.

Нет. И нет. И еще раз нет.

Терпеть не могу заявлений, что нельзя написать о том, чего сам не испытал, и не только потому, что эти утверждения накладывают ограничения на человеческое воображение, которое по умолчанию безгранично. Эти заявления также предполагают, что ты не можешь измениться. Я не согласен с этим, поскольку данный посыл прямоком ведет к заключению, что настоящие изменения нам недоступны, и эмпатия тоже. Этот посыл опровергается фактами. Как и дерьмо, перемены случаются. Если британцы смогли помириться с ирландцами, значит, нужно верить, что есть шансы, что когда-нибудь израильтяне договорятся с палестинцами. Перемены происходят

лишь в результате напряженной работы, и с этим, думаю, согласятся все, но одной работы недостаточно. Также требуется мощный скачок воображения: а каково это — в действительности оказаться на чьем-то месте?

Да, и вот еще что. Я отнюдь не хотел писать рассказ о СПИДе или нетрадиционной ориентации — они стали лишь опорными точками сюжета. На самом деле мне хотелось написать о мощной силе полового влечения. Сила эта, как мне кажется, доминирует над людьми любой ориентации, особенно в молодости. В какой-то момент — вечером прекрасным или не очень, в месте подходящем или неудачном — желание вспыхивает и становится неодолимым. Осторожность забыта. Благоразумие сходит на нет. Риск больше не имеет значения.

Вот об этом-то я и хотел написать.

Дэйв Калхаун помогал Ольге Глухой собирать Эйфелеву башню. Они занимались этим шесть дней с самого утра — с самого *раннего* утра — в общем зале отдыха пансионата для престарелых «Озерный вид». Там были и другие: старики встают рано. Огромный плоский экран в дальнем конце зала с половины шестого вещал обычную чушь канала «Фокс ньюс», и небольшая группка «постояльцев» тарасилась на него, разинув рты.

— Ага, — сказала Ольга. — Вот это-то я и искала.

Она вставила отрезок балки на нужное место посреди шедевра Гюстава Эйфеля, созданного, если верить надписи на обороте коробки, из металлолома.

Дэйв услышал за спиной стук трости и поздоровался, не поворачивая головы:

— Доброе утро, Олли. Ты нынче рано.

В молодости Дэйв никогда бы не поверил, что сможет узнавать кого-то просто по стуку трости, но в молодости он и представить себе не мог, что закончит свой земной путь там, где слишком многие пользовались тростями.

— И тебе доброго утра, — ответил Олли Франклин. — И тебе тоже, Ольга.

Она на мгновение подняла взгляд, после чего вернулась к пазлу из тысячи элементов, большинство из которых уже стояли на своих местах.

— Эти балки — *сущее* наказание. Стоит закрыть глаза, как они плывут передо мной. Похоже, надо покурить и разбудить легкие.

Вообще-то в «Озерном виде» курить запрещалось, но Ольге и некоторым другим заядлым курильщикам разрешали проскальзывать через кухню на разгрузочную площадку, где стояла банка с окурками. Ольга встала, пошатнулась, выругалась то ли по-русски, то ли по-польски, выпрямилась и шаркающей походкой направилась к выходу. Потом вдруг остановилась и оглянулась на Дэйва, нахмутив брови.

— Оставь мне несколько кусочков, Боб. Обещаешь?

Он поднял руку с открытой ладонью.

— Да поможет мне Бог.

Довольная, она двинулась дальше, шаря в кармане своего просторного платья в поисках сигарет и зажигалки.

Олли удивленно приподнял брови:

— С каких это пор ты стал Бобом?

— Так звали ее мужа. Припомни-ка. Прибыл сюда вместе с ней и умер два года назад.

— Ах да. Верно. А теперь она начинает путаться. Как нехорошо.

Дэйв пожал плечами.

— Осенью ей исполнится девяносто, если она доживет. Ей простительно быть немного не в себе. Взгляни-ка вот на это. — Он указал на головоломку, занявшую весь карточный стол. — Она почти все собрала сама. Я лишь помогаю ей.

Олли, который был художником-оформителем в своей, как он ее называл, реальной жизни, мрачно воззрился на почти собранный пазл.

— Эйфелева башня. А ты знал, что многие художники негодовали, когда ее строили?

— Нет, но я не удивлен. Это же французы.

— Писатель Леон Блуа назвал ее поистине трагичным уличным фонарем.

Калхаун посмотрел на пазл, увидел, на что намекал Блуа, и рассмеялся. Действительно похоже на фонарь. Немного.

— Какой-то художник или писатель — точно не помню — заявил, что лучший вид на Париж открывается с Эйфелевой башни, потому что это единственный вид на Париж, где Эйфелева башня отсутствует.

Олли нагнулся ближе, одной рукой вцепившись в трость, а другую прижав к пояснице, словно придерживая ее. Его взгляд скользил от пазла к разбросанной по столу сотне элементов и обратно.

— Хьюстон, похоже, у вас проблемы.

Дэйв и сам начал подозревать что-то неладное.

— Если ты прав, у Ольги весь день пойдет насмарку.

— Ей следовало этого ожидать. Как ты думаешь, сколько раз собирали и рассыпали эту Эйфелеву башню? Старики такие же рассеянные, как подростки. — Он выпрямился. — Пойдем прогуляемся по саду, а? Я должен тебе кое-что вручить. И кое-что сказать.

Дэйв внимательно посмотрел на Олли.

— Все нормально?

Тот предпочел не отвечать, а произнес:

— Выйдем на воздух. Нынче прекрасное утро. И быстро теплеет.

Олли первым двинулся в сторону внутреннего дворика, отбивая тростью знакомый ритм, раз-два-три. Пожелал кому-то доброго утра взмахом руки, когда они проходили мимо усевшихся в кружок телезрителей, попивавших кофе. Дэйв охотно последовал за ним; он был заинтригован.

II

Пансионат «Озерный вид» был построен в виде буквы U с общим залом отдыха в ложбине между двумя «рукавами», в которых размещались «жилые номера». Каждый номер включал в себя гостиную, спальню и санузел, оборудованный поручнями и стулом для душевой. Такие номера стоили недешево. Хотя многие из «постояльцев» страдали недержанием (Дэйв сам стал испытывать подоб-

ные ночные конфузы вскоре после того, как ему исполнилось восемьдесят три года, и держал в шкафу на верхней полке памперсы для взрослых), пансионат не относился к тем заведениям, где пахнет мочой и хлоркой. Номера комплектовались спутниковым телевидением, в каждом крыле имелся буфет, а дважды в месяц устраивались праздники с дегустацией вин. С учетом всего этого, думал Дэйв, не самое плохое место, чтобы дожить свой век.

Сад между жилыми крыльями сверкал буйными, почти экзотическими красками начала лета. Среди зелени вились дорожки, весело бил главный фонтан. Цветы похвальною своей красотой, но как-то благовоспитанно и ухоженно. Тут и там стояли внутренние телефоны, на случай если кто-то из гуляющих вдруг начнет задыхаться или почувствует немоту в ногах. Позже «постояльцев» здесь прибавится, когда те, кто еще не встал (или когда собравшиеся в общем зале окончательно насытятся болтовней «Фокс ньюс»), выйдут насладиться погожим деньком, прежде чем начнет припекать, но пока что сад был в распоряжении Дэйва и Олли.

Как только они миновали двустворчатые двери и осторожно спустились по ступенькам с мощенного плиткой широкого внутреннего дворика, Олли остановился и начал что-то искать в кармане клетчатой спортивной куртки. Вынул серебряные карманные часы на толстой серебряной цепочке и протянул их Дэйву.

— Я хочу, чтобы ты взял их. Это часы моего прадеда. Судя по гравировке под крышкой, он то ли купил их, то ли получил в подарок в тысяча восемьсот девяностом году.

Дэйв с изумлением и ужасом уставился на часы, качавшиеся, словно маятник гипнотизера, в слегка дрожащей руке Олли Франклина.

— Я не могу их принять, — произнес он.

Терпеливо и снисходительно, словно наставляя ребенка, Олли ответил:

— Можешь, если я их тебе отдаю. Я же видел, как ты ими восхищаешься.

— Но это семейная реликвия!

— Именно так, и мой брат заберет их, если они останутся в моих вещах, когда я умру. Что я и сделаю, причем довольно скоро. Возможно, сегодня ночью. В ближайшие несколько дней — наверняка. — Дэйв не знал, что ответить. Олли продолжил тем же терпеливо-снисходительным тоном: — Мой брат Том не стоит даже пороха, который потребуется, чтобы запулить в его задницу. Ему я этого никогда не говорил, это было бы жестоко, но тебе говорил, и не раз. Разве нет?

— Ну.. да.

— Я тянул и содержал его, а он тем временем развалил три дела и два брака. Полагаю, *это* я тебе тоже говорил много раз. Разве нет?

— Да, но...

— Я преуспевал и удачно вкладывал деньги, — продолжил Олли, трогаясь с места и принимаясь выстукивать тростью свой личный код: *тук, тук-тук, тук, тук-тук-тук*. — Я принадлежу к пресловутому одному проценту, столь поносимому либеральной молодежью. Это позволило мне комфортно прожить здесь последние три года, не переставая играть роль подушки безопасности для моего младшего брата. Слава богу, для его дочери мне эту роль играть не приходится. Судя по всему, Марта сама зарабатывает себе на жизнь. Что отраднo. Я составил завещание, правильно и по всей форме, и в нем я все сделал правильно. *По-семейному* правильно. Поскольку у меня нет ни жены, ни детей, все отойдет Тому. Кроме этого. Это — тебе. Ты был и остаешься моим хорошим другом, так что, пожалуйста, прими эти часы.

Дэйв задумался, решил, что вернет их, как только его друг перестанет терзаться предчувствиями смерти, и взял часы. Открыл крышку и с восхищением посмотрел на циферблат. Часы показывали шесть двадцать две — минута в минуту, насколько он мог судить. Секундная стрелка бегала по собственному маленькому кругу над цифрой 6.

— Их несколько раз чистили, но ремонтировали лишь однажды, — продолжил Олли, возобновив свой неспешный променад. — По словам бабушки — в тысяча девятьсот двадцать третьем году, когда мой отец уронил их в колодец на нашей старой ферме в Хемингфорде. Представляешь? Им больше ста двадцати лет, а чинили их только один раз. Сколько людей на земле могут похвастаться этим? С десяток? А может, всего пятеро? У тебя два сына и дочь, верно?

— Верно, — ответил Дэйв. В последний год его друг слабел прямо на глазах, от волос остался лишь младенческий пушок на покрытом старческими темными пятнами черепе, но голова у него работала чуть лучше, чем у Ольги. *Или у меня*, признался он самому себе.

— В моем завещании этих часов нет, но они должны фигурировать в твоём. Уверен, что ты в равной мере любишь всех своих детей, ты из этой породы, но симпатия — это совсем другое, так ведь? Оставь их тому, кому симпатизируешь больше всех.

Значит, Питеру, подумал Дэйв и улыбнулся.

В ответ то ли на улыбку, то ли на мысли Дэйва Олли немного растянул губы, обнажив оставшиеся зубы, и кивнул.

— Давай-ка присядем. Я что-то выбился из сил. Теперь это случается быстро.

Они устроились на скамейке, и Дэйв попытался вернуть часы. Олли нарочито театральным жестом выставил руки вперед. Это выглядело весьма комично, и Дэйв рассмеялся, хотя понимал, что дело серьезное. Куда серьезнее нескольких пропавших элементов пазла.

Восхитительно пахли цветы. Когда Дэйв Калхаун задумывался о смерти — совсем уже близкой, — он больше всего сожалел о грядущей утрате целого мира ощущений и его обычных радостей. Вид ложбинки меж женских грудей. Соло на ударных Кози Коула. Вкус лимонного пирога с меренгами. Аромат цветов, которых он не мог назвать, но которые его жена перечислила бы без запинки.

— Олли, возможно, ты и умрешь на этой неделе. Видит бог, здесь все одной ногой стоят в могиле, а другой — на банановой кожуре, но ведь никто наверняка не ведает ни дня, ни часа. Не знаю, может, тебе приснился дурной сон, или черная кошка перебежала дорогу, или еще что, но все эти предчувствия — полная чушь.

— У меня не просто было предчувствие, — ответил Олли. — Я его видел. Я видел мистера Симпатышку. За последние две недели он появлялся несколько раз. И всегда все ближе и ближе. Очень скоро он зайдет ко мне в комнату — и конец. Я в общем-то не возражаю. Даже жду этого визита. Жизнь — прекрасная штука, но когда живешь слишком долго, устаешь раньше, чем она закончится.

— Мистер Симпатышка, — повторил Калхаун. — Что еще за чертов мистер Симпатышка?

— Это не он сам, — произнес Олли, словно не слышал вопроса. — Это его некое *совокупное представление*, образ. Квинтэссенция времени и места, если угодно. Хотя когда-то *реальный* мистер Симпатышка действительно существовал. Мы с друзьями так прозвали его в тот вечер в клубе «Хайпокетс». Я так и не узнал его настоящего имени.

— Что-то я не понимаю.

— Послушай, ты же знаешь, что я гей, так ведь?

Дэйв улыбнулся.

— Ну, по-моему, все твои свидания закончились за долго до того, как мы познакомились, но да, я это понял.

— По эскотскому галстуку?

По твоей походке, подумал Дэйв. Даже с тростью. По тому, как ты проводишь рукой по остаткам волос, а потом смотришься в зеркало. По тому, как ты закатываешь глаза, глядя на женщин в телесериале «Настоящие домохозяйки». Даже по натюрмортам у тебя в комнате, которые отражают некую временную шкалу твоего увядания. Когда-то ты, наверное, был талантлив, но теперь у тебя трясутся руки. Ты прав: от жизни устаешь раньше, чем она закончится.

— Помимо всего прочего, — ответил Дэйв.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-то говорил, что слишком стар для американских военных авантюр? Во Вьетнаме? В Ираке? В Афганистане?

— Конечно. Хотя обычно все говорят, что слишком молоды.

— СПИД был настоящей войной. — Олли рассматривал свои заскорузлые руки, из которых утекал талант. — И для нее я был вовсе не стар, поскольку для войны на твоей родной земле нет стариков, верно?

— Полагаю, что так.

— Я родился в тысяча девятьсот тридцатом году. Когда СПИД был обнаружен и клинически описан в Соединенных Штатах, мне исполнилось пятьдесят два. Я жил в Нью-Йорке и работал свободным художником для нескольких рекламных агентств. Мы с друзьями по-прежнему иногда тусовались по клубам в Гринвич-Виллидж. Не в «Стоун-уолле» — мафиозном притоне, — а в других местах. Как-то вечером я стоял у заведения «Питер Пеппер» на Кристофер-стрит, на пару с другом раскуривая косячок, когда в клуб вошла компания молодых людей. Симпатичные ребята в обтягивающих бедра расклешенных брюках и рубашках, которые тогда носили все подряд, ну, с надставными плечиками и зауженной талией. В замшевых ботинках с наборными каблуками.

— Ребятишки-симпатяшки, — сострил Дэйв.

— Да, но не тот самый симпатяшка. И тут мой лучший друг — звали его Ной Фримонт, он умер в прошлом году, я ездил на похороны — повернулся ко мне и сказал: «Теперь они нас даже не замечают, да?» Я согласился. Тебя замечали, если в твоём кармане шуршали деньги, но мы были слишком... щепетильны в этом смысле, если можно так выразиться. Платить за это считалось унижительным, хотя кое-кто из нас иногда прибегал к такому способу. Однако в конце пятидесятых, когда я только приехал в Нью-Йорк...

Он пожал плечами и устремил взгляд куда-то вдаль.

— Когда ты только приехал в Нью-Йорк, — напомнил Дэйв.

— Я думаю, как это все сказать. В конце пятидесятых, когда женщины еще вздыхали по Року Хадсону и Валентино Либераче, когда об однополой любви не смели даже говорить в противоположность той, о которой кричали на каждом углу, мое половое влечение находилось на самом пике. В этом смысле — уверен, есть и другие — геи и натуралы одинаковы. Я где-то читал, что когда рядом присутствует притягательный объект, мужчины думают о сексе каждые двадцать секунд. Но когда мужчине около двадцати, он думает о сексе *постоянно*, вне зависимости от наличия притягательного объекта.

— Встает от дуновения ветерка, — согласился Дэйв.

Он вспомнил свою первую работу заправщиком на бензоколонке и симпатичную рыжеволосую девчонку. Он случайно заметил, как она вылезала с пассажирского сиденья пикапа своего дружка. Юбка задралась, и на секунду, самое большее — на две, мелькнули простые белые хлопковые трусики. Он беспрестанно проигрывал в памяти этот момент, когда мастурбировал, и хотя тогда ему было всего шестнадцать, воспоминания по сей день оставались свежими и яркими. Он сомневался, что это произошло бы, увидь он те трусики в пятьдесят. К тому времени он повидал горы женского белья.

— Некоторые журналисты-консерваторы с плохо скрываемым удовольствием называли СПИД чумой геев. Он и был чумой, однако к восьмьдесят шестому году гей-сообщество выработало довольно эффективные меры противостояния ей. Мы поняли два важнейших принципа: только безопасный секс и только индивидуальные иглы. Но молодые люди думают, что они бессмертны, и, как говорила моя бабуля после пары рюмок, у члена своя голова. Особенно когда обладатель этого члена пьян, обдолбан и во власти полового влечения.

Олли вздохнул и пожал плечами.

— Рисковали. Совершали ошибки. Даже после того, как стали известны пути передачи инфекции, умерли десятки тысяч геев. Люди начинают осознавать масштаб этой трагедии лишь теперь, когда большинству ясно, что геи не выбирают свою сексуальную ориентацию. Великие поэты, музыканты, математики, ученые — бог знает, сколько их погибло, прежде чем успели раскрыться их таланты. Они умирали в сточных канавах, в холодных квартирах, в больницах, в захудалых ночлежках — и все потому, что пошли на риск однажды вечером, когда музыка ревела на всю мощь, вино лилось рекой, а наркота лежала горками. По своему выбору? Многие утверждают, что да, но это чушь. Влечение слишком сильно. Слишком *всеобъемлюще*. Родись я на двадцать лет позже, наверное, пополнил бы число жертв. И мой друг Ной тоже. Однако он умер от инфаркта в своей постели, а я умру от... да от чего угодно. Потому что к пятидесяти годам реже поддаешься сексуальному искушению, и даже когда искушение сильно, верхняя голова иногда способна управлять нижней головкой, по крайней мере, настолько, чтобы озаботиться презервативом. Я не говорю, что мало кто из моих ровесников умер от СПИДа. Многие умерли — седина в бороду, бес в ребро, так ведь? Кое с кем я дружил. Но их было меньше, чем молодых, каждый вечер заполнявших клубы.

Наша компания — я, Ной, Генри Рид, Джон Рубин и Фрэнк Даймонд — иногда ходила в клубы просто посмотреть на брачные танцы молодняка. Мы не облизывались на них, а просто наблюдали. Мы не очень-то отличались от гетеросексуалов, мужчин средних лет, партнеров по гольфу, раз в неделю навещающихся в ресторан с топлес-официантками, чтобы поглазеть, как они раскачивают буферами. Подобное поведение хоть и можно назвать недостойным, но уж никак не противоестественным. Или ты не согласен?

Дэйв покачал головой.

— Однажды вечером мы вчетвером или впятером за-
вернули в танцевальный клуб под названием «Хайпокетс».
По-моему, мы почти решили, что на сегодня хватит, и тут
вошел этот парень. Совершенно один. Он был немного
похож на Дэвида Боуи. Высокий, в обтягивающих белых
велосипедках и синей футболке с обрезанными рукавами.
Длинные светлые волосы, уложенные в высокую причес-
ку типа «помпадур», выглядевшую забавно и в то же вре-
мя очень сексуально. Раскрасневшиеся щеки без какого-
либо намека на румяна, слегка усыпанные серебристыми
блестками. Чувственные губы, изогнутые, как лук Купи-
дона. Все присутствовавшие тут же впились в него взгля-
дами. Ной схватил меня за руку и сказал: «Это он. *Это*
и есть мистер Симпатяшка. Я бы дал тысячу долларов,
чтобы проводить его домой».

Я засмеялся и ответил, что за тысячу долларов его не
купишь. В его возрасте и с его внешностью он хотел лишь
одного — быть объектом восхищения и вожделения. А так-
же как можно чаще наслаждаться прекрасным сексом.
Когда тебе двадцать два — это очень часто.

Очень скоро он оказался в компании смазливых ре-
бят — хотя никто из них не мог сравниться с его вызываю-
ще-броской красотой, — хохочущих, пьющих и танцующих
что-то популярное. Никто из них не удостоил взглядом
группу мужчин среднего возраста, сидевших за столиком
вдали от танцпола и пивших вино. Мужчин, у которых еще
оставался в запасе пяток-десяток лет, прежде чем они оста-
вят попытки выглядеть моложе своего возраста. Зачем ему
смотреть на нас, когда столько приятных молодых людей
изо всех сил добиваются его внимания?

И тут Фрэнк Даймонд сказал: «Через год он умрет.
Посмотрим, каким он тогда станет красавчиком». Он не
просто произнес эти слова — он их выплюнул. Как будто
объявлял нечто вроде жуткого... не знаю... *утешительного*
приза.

Олли, переживший времена порицаний и презрения
и дотянувший до поры, когда однополые браки были ле-

гализованы в большинстве штатов, снова пожал костлявыми плечами. Словно говоря, что это дела давно минувших дней.

— Вот таков был наш мистер Симпатяшка, квинтэссенция всего прекрасного, желанного и недостижимого. Я больше его не видел, пока он не появился две недели назад. Ни в «Хайпокетс», ни в «Питере Пеппере», ни в «Толл гласс», ни в других клубах, куда я ходил... хотя с наступлением так называемой эпохи Рейгана я хаживал в подобные заведения все реже и реже. К концу восьмидесятых посещать гей-клубы стало слишком жутко. Вроде как сходить на бал-маскарад в рассказе Эдгара По «Маска Красной смерти». Ну, знаешь ли, как-то так: «Давай, давай, ребята! Отбросим прочь все то, что нам мешает, пропустим еще по бокальчику шампанского, и плевать, что вокруг люди мрут как мухи». Никакого удовольствия, разве что тебе двадцать два и ты все еще уверен в собственной неуязвимости.

— Наверное, это было нелегко.

Олли поднял свободную руку и снисходительно помахал.

— С одной стороны нелегко, с другой — нет. Это то, что лечащиеся алкоголики называют «жизнью по жизненным правилам».

Дэйв подумал было закончить на этом разговор, но решил, что не сможет. Подаренные часы внушали ему тревогу.

— Послушай дядюшку Дэйва, Олли. Всего одно предложение: *ты не видел этого парнишку*. Возможно, ты заметил кого-то немного на него похожего, но если твоему мистеру Симпатяшке тогда было двадцать два, то теперь ему за пятьдесят. При условии, что ему посчастливилось не подхватить СПИД. Просто твой мозг подшутил над тобой.

— Мой *престарелый* мозг, — с улыбкой ответил Олли. — Мой почти *слабоумный* мозг.

— Про слабоумие я не говорил. К тебе это не относится. Но вот престарелый — это да.

— Несомненно, но все же это был он. Именно он. В первый раз я увидел его на Мэриленд-авеню, у начала главной подъездной дорожки. Через несколько дней он сидел на ступеньках крыльца у главного входа и курил гвоздичную сигарету. Два дня назад он уселся на скамейку у приемного отделения. Все в той же синей футболке без рукавов и ослепительно белых велосипедках. При виде его все должны были останавливаться как вкопанные, но его никто не видел. Кроме меня. Так-то вот.

Мне нельзя ему потакать, подумал Дэйв. *Он заслуживает лучшей участи.*

— У тебя галлюцинации, дружище.

Олли ничуть не встревожился.

— А вот теперь он сидел в общем зале и смотрел телевизор вместе с остальными ранними пташками. Я помахал ему, и он помахал в ответ. — Лицо Олли озарилось такой улыбкой, будто он помолодел. — И подмигнул мне.

— Белые велосипедки? Футболка без рукавов? Симпатичный парень лет двадцати двух? Я, конечно, натурал, но такого бы я заметил.

— Он пришел за мной, и только я могу его видеть. Что и требовалось доказать. — Олли поднялся. — Не пора ли назад? Можно бы и кофейку выпить.

Они направились к внутреннему дворику, где поднялись по ступенькам с той же осторожностью, с какой спускались. Когда-то они жили в «эпоху Рейгана»; теперь наступила «эпоха хрупких костей».

Дойдя до мощеной площадки у входа в общий зал, они остановились, чтобы отдышаться. Немного придя в себя, Дэйв произнес:

— Итак, дорогие ученики, что мы сегодня узнали? Что олицетворение смерти — вовсе не скелет с косой на коне бледном, а смазливый мальчик из танцзала с блестками на щеках.

— Полагаю, что у каждого человека свой вестник, — мягко возразил Олли. — Судя по тому, что я читал, большинство людей видят у смертных врат свою мать.

— Олли, большинство людей не видят *никого*. А ты не на смерт...

— Однако моя мать скончалась вскоре после моего рождения, так что я бы ее даже не узнал.

Он было направился к двустворчатым дверям, но Дэйв взял его за руку.

— Я подержу часы у себя до Хеллоуина, идет? Четыре месяца. И стану благоговейно заводить их. Но если к тому времени ты еще не покинешь нас, то возьмешь их назад. Договорились?

Олли расплылся в широкой улыбке.

— Заметано. Пойдем-ка глянем, как там Ольга управляется с Эйфелевой башней.

Ольга вернулась за карточный стол и пристально смотрела на пазл. Вид у нее был недовольный.

— Я оставила тебе три последних кусочка, Дэйв. — Довольная или не очень, она хотя бы снова понимала, кто он на самом деле. — Но после этого остаются четыре дырки. Это очень печально после того, как мы трудились целую неделю.

— Бывают в жизни огорчения, Ольга, — сказал Дэйв, присаживаясь. Он расставил оставшиеся элементы по местам с таким удовольствием, что сразу вспомнил дождливые дни в летнем лагере. Где, как он теперь понимал, игровая комната была совсем как нынешний общий зал. Жизнь — короткая книжная полка с двумя подпорками по краям.

— Да, бывают, — согласилась она, рассматривая четыре проема. — Конечно же, бывают. Но это *слишком*, Боб. Просто *чересчур*.

— Ольга, я Дэйв.

Нахмурившись, она повернулась к нему.

— А я так и сказала.

Спорить бессмысленно и бессмысленно пытаться убедить ее в том, что девятьсот девяносто шесть из тысячи — прекрасный результат. *Ей сто лет без десяти, а она все еще уверена, что заслуживает совершенства*, подумал Дэйв. *Некоторые люди страдают удивительно стойкими иллюзиями.*

Он поднял взгляд и увидел, как Олли вышел из небольшой хозяйственной подсобки рядом с общим залом, неся в руках лист папиросной бумаги и ручку. Он добрался до стола и накрыл пазл бумагой.

— Так-так, что это ты делаешь? — спросила Ольга.

— Хотя бы раз в жизни прояви терпение, дорогая. Сама все увидишь.

Она выпятила нижнюю губу, как капризный ребенок.

— Нет уж. Пойду-ка я покурю. Если хочешь рассыпать эту чертову картину, давай. Убери ее обратно в коробку или сбрось на пол. Как знаешь. В таком виде она никуда не годится.

Она удалилась горделивой походкой, насколько позволял артрит. Олли со вздохом облегчения плюхнулся на ее место.

— Вот так гораздо лучше. Нагибаться теперь — сущее наказание.

Он вычислил два недостающих элемента, оказавшихся рядом, и сдвинул лист, чтобы отследить еще два.

Дэйв с интересом наблюдал за его действиями.

— А получится?

— О да, — ответил Олли. — В канцелярии есть несколько картонных коробок. Стяну-ка я одну. Потом немножко займусь вырезанием и рисованием. Только не дай Ольге устроить дебош и разобрать эту чертову композицию, пока я не вернусь.

— Если нужны фотографии, ну, сам знаешь, для со вмещения, то я принесу свой айфон.

— Мне он не нужен. — Олли с важным видом посту чал себя по лбу. — У меня тут встроенный фотик. Старый добрый «Кодак» вместо смартфона, но даже теперь он работает отменно.

III

Ольга все еще злилась, когда вернулась с разгрузочной площадки, и действительно хотела рассыпать не до конца собранный пазл, но Дэйву удалось отвлечь ее, помахав перед ней доской для криббиджа. Они сыграли три партии. Дэйв все три проиграл, причем последнюю продул всухую. Ольга не всегда отдавала себе отчет, кто он такой, и случались дни, когда ей казалось, что она снова живет в Атланте в пансионе своей тетушки. Но когда дело доходило до криббиджа, ошибок она не допускала.

К тому же ей по-настоящему везет, не без досады подумал Дэйв. Кому удастся закончить игру с двадцатью очками в «кормушке»?

Примерно в четверть двенадцатого («Фокс ньюс» уступил место Дрю Кейри, почти даром раздававшего призы в телешоу «Цена удачи») вернулся Олли Франклин и пробрался к доске для криббиджа. Он побрился, надел свежую рубашку с короткими рукавами и выглядел почти щеголевато.

— Послушай-ка, Ольга. У меня для тебя кое-что есть, подружка.

— Я тебе не подружка, — ответила Ольга. В ее глазах блеснула веселая искорка. — Если у тебя хоть когда-нибудь *была* подружка, я подамся в мусорщики.

— О, женщины, вот имя вам — неблагодарность, — беззлобно отозвался Олли. — Вытяни руку.

Когда она протянула раскрытую ладонь, он уронил в нее четыре только что сделанных элемента пазла.

Ольга с подозрением уставилась на них.

— Это что еще такое?

— Недостающие кусочки.

— Недостающие кусочки *чего*?

— Пазла, который вы собирали с Дэйвом. Помнишь?

Дэйв почти наяву слышал щелчки под облаком вьющихся седых волос: это ожили древние реле и заржавелые модули памяти.

— Конечно, помню. Но они ведь не подойдут.

— А ты попробуй, — подначил Олли.

Дэйв опередил ее и забрал кусочки. Ему они казались идеальными. На одном красовалось кружево балочных ферм, на двух, что располагались рядом, розовело облако. На четвертом виднелся лоб и лихо сдвинутый набок берет крохотного бонвивана, который мог прогуливаться по Вандомской площади. Просто поразительно, подумал Дэйв. Олли не меньше восьмидесяти пяти, но в мастерстве ему не откажешь. Он вернул кусочки Ольге, которая по очереди расставила их по местам. Все они отлично подошли.

— Вуаля, — произнес Дэйв и пожал Олли руку. — Финита. Превосходно.

Ольга так близко склонилась над пазлом, что почти касалась его носом.

— Вот этот кусочек с балками не совсем совпадает с теми, что вокруг него.

— Это довольно-таки неблагоприятно даже для тебя, Ольга, — заметил Дэйв.

Ольга тихонько фыркнула. За ее спиной Олли приподнял брови.

В ответ Дэйв тоже пошевелил бровями.

— Присядь к нам за обедом.

— Я, наверное, пропущу обед, — ответил Олли. — Наша прогулка и мой недавний художественный триумф утомили меня. — Он нагнулся над пазлом и вздохнул. — Нет, полностью не совпадают. Но почти.

— Почти не считается, *дружок*, — сказала Ольга.

Олли медленно направился к двери, ведущей в зимний сад, отбивая тростью свой обычный ритм — *раз-два-три*. На обед он не пришел, а когда не появился за ужином, дежурная сестра пошла к нему и нашла его лежащим на неразобранной кровати со скрещенными на груди руками. Судя по всему, он умер так же, как и жил: тихо и спокойно.

В тот вечер Дэйв повернул ручку двери номера своего покойного друга и обнаружил, что она не заперта. Он

присел на опустевшую кровать, держа на ладони раскрытые серебряные часы, чтобы видеть, как секундная стрелка кружится над цифрой 6. Оглядел вещи Олли — книги на полке, альбомы для рисования на столе, несколько рисунков на стенах — и спросил себя, кто же их заберет. Наверное, его непутевый братец. Дэйв попытался вспомнить его имя, и оно всплыло в памяти: Том. А племянницу зовут Марта.

Над кроватью висел рисунок углем, изображавший миловидного молодого человека с высоко зачесанными волосами и блестками на щеках. Его губы напоминали лук Купидона. На них играла улыбка, слабая, но манящая.

IV

Лето расцвело в полную силу, а затем начало угасать. По Мэриленд-авеню покатали школьные автобусы. Состояние Ольги Глуховой ухудшалось: она все чаще принимала Дэйва за своего покойного мужа. Она по-прежнему хорошо играла в криббидж, но начала забывать английский. Хотя старший сын и дочь Дэйва жили в пригороде неподалеку, именно Питер навещал его чаще всех, приезжая за шестьдесят миль с фермы в Хемингфорде и вывозя отца поужинать в городе.

Миновал Хеллоуин. Персонал пансионата украсил общий зал оранжевым и черным серпантинном. «Постояльцы» пансионата для престарелых «Озерный вид» отпраздновали День всех святых сидром, тыквенным пирогом и попкорном для тех избранных, чьи зубы могли с ним справиться. Многие явились на праздник в карнавальных костюмах, и это напомнило Дэйву Калхауну последний разговор со старым другом, который сказал, что в конце восьмидесятых походы в увеселительные гей-клубы стали напоминать посещение жуткого бала-маскарада из рассказа Эдгара По «Маска Красной смерти». Пансионат

тоже представлял собой нечто вроде клуба, и иногда там бывало весело, но существовал один недостаток: оттуда нельзя было уйти, если нет родственников, готовых принять тебя к себе. Питер с женой пошли бы на это, если бы Дэйв попросил, они бы выделили ему комнату, которую в свое время занимал их сын Джером, но теперь Питер и Алисия жили сами по себе, и Дэйв не хотел обременять их.

Однажды теплым, погожим днем в начале ноября он вышел в мощеный внутренний дворик и сел на скамейку. Залитые солнцем тропинки манили к себе, но Дэйв больше не рисковал штурмовать ступени. Если он упадет, спускаясь по ним, это кончится плохо. Вряд ли он сможет подняться без посторонней помощи, и это будет так унижительно.

Он заметил стоявшую у фонтана молодую женщину. Одета в платье ниже колен, украшенное рюшами у ворота, из тех, что теперь увидишь только в старых черно-белых фильмах. Ярко-рыжие волосы. Она улыбнулась ему. И помахала рукой.

Боже мой, вы только посмотрите, подумал Дэйв. Разве не тебя я видел почти сразу после окончания Второй мировой войны вылезавшей из никапа своего дружка на захолустной заправке в Омахе?

Словно прочитав его мысли, симпатичная рыжеволосая девчонка подмигнула ему, а потом чуть приподняла подол платья, продемонстрировав колени.

Привет, мисс Симпатяшка, подумал Дэйв. Однажды ты сделала кое-что получше. Он рассмеялся.

Она засмеялась в ответ. Он видел это, но не слышал ее смеха, хотя она стояла близко, а слух у него еще не утратил остроты. Потом она зашла за фонтан... и не вышла из-за него. И все же у Дэйва были причины верить, что она вернется. Ему приоткрылась жизненная сила, не больше и не меньше. Сильно бьющееся сердце красоты и желания. В следующий раз она подойдет ближе.

V

Питер приехал на следующей неделе, и они отправились поужинать в уютное заведение недалеко от пансионата. Дэйв ел с аппетитом и выпил два бокала вина. Они его весьма приободрили. Когда ужин закончился, он вынул из внутреннего кармана серебряные часы Олли, обмотал вокруг них массивную серебряную цепочку и пододвинул их сыну.

— Что это? — спросил Питер.

— Это подарок друга, — ответил Дэйв. — Он вручил их мне незадолго до того, как ушел из жизни. Я хочу, чтобы ты их взял.

Питер попытался отодвинуть их обратно.

— Я не могу их взять, папа. Слишком шикарно.

— Вообще-то ты сделаешь мне одолжение. Это все артрит. Мне очень тяжело их заводить, и скоро я вообще не смогу этого делать. Этой штуковине по меньшей мере сто двадцать лет, и часы, которые продержались столько времени, заслуживают того, чтобы идти как можно дольше. Так что прошу тебя, возьми их.

— Ну, если уж ты так повернул дело... — Питер взял часы и опустил их в карман. — Спасибо, пап. Это просто чудо.

За соседним столом — так близко, что Дэйв мог протянуть руку и дотронуться до нее — сидела рыженькая. Перед ней не стояло ни одной тарелки, но, казалось, никто этого не замечал. С такого расстояния Дэйв видел, что она не просто симпатичная — она красавица. Разумеется, куда красивее, чем та девушка с задравшейся юбкой, вылезавшая из пикапа своего дружка, но что с того? Подобные смены взглядов — обычное дело, как рождение и смерть. Задача памяти — не только возвращать прошлое, но и придавать ему блеск.

На этот раз рыженькая подняла юбку повыше, на секунду — может, даже на две — приоткрыв стройное белое бедро. После чего подмигнула.

Дэйв подмигнул в ответ.

Питер повернулся в ту сторону, куда глядел Дэйв, но увидел лишь пустой стол на четверых с табличкой «СТОЛ ЗАКАЗАН». Он снова посмотрел на отца и удивленно приподнял брови.

Дэйв улыбнулся.

— Просто что-то в глаз попало. Уже прошло. Попроси-ка счет, а? Я устал и готов ехать обратно.

С мыслями о Майкле Макдауэле

Томми

В народе говорят: «Если вы помните шестидесятые, значит, вас там не было». Полная хрень, и перед вами — лучшее тому доказательство. Конечно, звали его не Томми, да и умер, если честно, вовсе не он, но в остальном так все и было, в те времена, когда мы верили, что будем жить вечно и изменим мир.

В 1969-м помер мой кореш Томми.

Томми был хиппарем. Болел лейкемией.

Сейчас-то ее худо-бедно лечат...

После похорон — «поминальный прием»

в Ньюмен-центре.

Именно так — «приемом» — предки Томми его и назвали.

Фил, мой кореш другой, спросил: «Это чё им, мать ее,

свадьба?»

(Предки Томми милые были людишки — такие цивили.)

И мы пошли на прием...

Там был виноградный какой-то напиток и сэндвичи

на закуску.

— Чё за дерьмо? — удивился мой кореш Фил.

— «Зарекс»*, — сказал я. — Я его еще по СММ

хорошо запомнил.

— А это чё за херня? — любопытствовал Фил.

— Союз молодых методистов, — вздохнул я. —

Я его десять лет посещал. Однажды, прикинь, даже

Нарисовал им плакат Ноя с его ковчегом.

После сэндвичей с «Зарексом» предки Томми ушли домой,

Мне казалось, там они будут рыдать безутешно...

В те далекие дни я понятия не имел, что значит — терять

ребенка, —

* «Зарекс» — фруктовый сироп, используемый для приготовления прохладительных напитков.

Теперь, полагаю, мне это чувство яснее. Хоть мои все
живы (пока).

Когда предки Томми свалили, мы попилили в дом
номер 110 по Норт-мэйн.

Врубили стерео. Я надыбал какие-то записи
«Grateful Dead».

Грейтфулов я ненавидел люто — любил повторять:
мол, тогда благодарен буду

Джерри Гарсии, когда сам он покойничком станет*
(что впоследствии оказалось не так), —

Но Томми любил их.

(Ясен пень — еще он любил Кенни Роджерса.)

Мы курили траву. Курили «Уинстон» и «Пэлл-Мэлл».

Пили пиво

И вспоминали Томми.

Все было очень клево.

И когда явились члены «Общества Уайлда — Стайн» —
все восемь разом, —

Мы их впустили.

Томми болел лейкемией, Томми был гей —

Но убила его лейкемия

(Это случилось задолго до СПИДа).

Сошлись мы на том, что родаки поступили с ним честно —
Он сам написал, что хочет и как, и большинство желаний
предки исполнили:

Он, лежащий в последнем своем деревянном доме,
одет был в лучшие шмотки —

Линялые клеши и батиновую рубашу.

(Эту рубашу сшила Большая Мелисса.

Не помню, что с ней случилось потом —

Казалось, вот только сейчас она с нами была и вдруг
внезапно исчезла,

Как снег, растаявший в одночасье.

* Непереводимая игра слов, основанная на названии группы
«Grateful Dead» — «Благодарные покойнички».

На Мэйн-стрит в Ороно он блестел так влажно и остро,
что больно было глазам.

В ту зиму «Lemon Pipers» пели «Green Tambourine».)

Хайр Томми, шампунем благоухавший, стекал
по его плечам.

Блин, Томми — с чистыми волосами! Наверно, их
гробовщик вымыл и расчесал.

А может, тогда у них были в ходу косметички с особой
Хипповой специализацией.

Ну, по-любому, хайратник его не забыли тоже,
А Томми носил на хайратнике знак «пацифик», вышитый
белым шелком.

Уж и не знаю, Большая Мелисса тут постаралась
или другая герла.

Я столько уже позабыл о прошлом теперь, когда стар стал
и сед...

— Классно смотрелся чувак, — подытожил Фил.
Забирало его не по-детски.

Джери Гарсия пел «Truckin» — на редкость глупую песню.

— Томми, ублюдок! — Фил всхлипнул. — Все выпьем
за сукина сына!

Мы выпили дружно за сукина сына.

— А значка на нем не было, — вставил Индеец Сконтрас.
Индеец был членом «Общества Уайлда — Стайн».

Никакой не индеец, но гей.
Сейчас он — успешный агент страховой в Брюэре.

— Он мамаше своей говорил, чтоб его со значком
схоронили.

А она его лажанула, вот лицемерка.

— Значок был на месте, — заверил я. — Сам проверял,
мамаша его под жилет приколола.

Классный жилет был — кожаный, пуговицы серебряные.
Томми его нашел на хипповой ярмарке,

Я тогда был с ним тоже. Радуга, помню,

И из динамиков — «Let's Work Together», пели
«Canned Heat».

Значок, что мамаша Томми спрятала под жилеткой, гласил:
«Джентльмены и леди, Я — ПЕДИК».

— Не стоило прятать, — настаивал Сконтрас-Индеец, —
Томми гордился собой. Он открытый был гей. Честный.
И Индеец заплакал. Теперь он боится загородные дома,
И у него — три дочки.

Оказалось, в общем, что никакой он не гей — хотя, если
спросите честно,
Я вам скажу: страховым агентом работать — вот это
реальный изврат.

— Да, но она же все-таки мать, — парировал я. —
Когда он был мелкий,
Она ему ссадинки целовала... ну, типа того.

— И что? — удивился Индеец

И гордо прочь удалился.

— Гребаный Томми, скотина! — Фил банку пивную
воздел. — Ну, вздрогнем, народ!

За него, за сукина сына!

И снова мы выпили дружно за сукина сына.

Сорок лет прошло с той поры.

Мне теперь любопытно — а много ли хиппарей погибло
тогда, в те залитые солнцем годы?

Статистики утверждают: весьма изрядно. Всегда найдутся
статистики. Впрочем,

Я уж не говорю о проклятой, паскудной Войне. Но:
Автокатастрофы.

Передозняки.

Алкоголь.

Пьяные драки.

Самоубийства.

Болезни.

Ежели вкратце — причины вполне банальные.

Так скольких же схоронили в хипповых их шмотках? —

Шепчет мне в уши тьма шорохами ночными.

Статистики утверждают: весьма и весьма изрядно.

Хиппи-эпоха закончилась быстро, и ярмарки наши
сейчас —

На кладбищах, под землей.
Там парни по-прежнему носят линялые клеши,
Хоть и разъела плесень рубахи с принтом-психоделом.
Свалялись хайры в деревянных квартирках — зато их
никто не стриг.
Ножницы парикмахера их не коснулись ни разу
за сорок лет,
Седина их не серебрила.
Сколько хипов в могилах? Хайратников сколько,
Сколько значков «Хрен вам — не хотим во Вьетнам»?
Как насчет чувака, на чей гроб налепили стикер
в поддержку Маккарти*?
Как насчет герлы с серебряными звездочками на лбу?
(Теперь-то те звезды, верно, давно отвалились с иссохшей,
истлевшей кожи.)
Девчонки с завивкой «под Шер»
И парни их — с бакенбардами «как у Сонни».
Солдаты любви и мира, что пали — но не продались
И продавать страховки не стали.
Модники, что ушли раньше, чем вышли из моды.
Порой, ночами, я вспоминаю хипов, что спят под землей,
И это — мой собственный тост за Томми.

Посвящается Д. Ф.

* Имеется в виду Юджин Джозеф Маккарти — американский политический деятель, лидер леволиберального крыла Демократической партии, активный противник Вьетнамской войны, в 1968 г. пытавшийся добиться выдвижения кандидатом в президенты от Демократической партии и пользовавшийся огромной поддержкой среди молодежи.

Маленький зеленый божок агонии

В 1999 году, когда я прогуливался в окрестностях своего дома, меня сбил некий тип, управлявший микроавтобусом. Он ехал на скорости примерно сорок миль в час, и я чудом не погиб. Вероятно, в последний момент мне удался какой-то произвольный маневр, хотя я ничего не запомнил. Зато мне глубоко запало в память все, что было дальше. Инцидент, случившийся за две-три секунды рядом с сельской дорогой в штате Мэн, вылился в два или три года лечения и постепенной реабилитации. За долгие месяцы, пока я возвращал к жизни правую ногу, а потом заново учился ходить, у меня выдалось предостаточно времени для размышлений над тем, что некоторые философы называют «проблемой боли».

Рассказ именно об этом, хотя написал я его несколько лет спустя. Моя собственная острейшая боль притупилась тогда до постоянного, но уже не слишком сильного ноющего ощущения. Как и еще несколько рассказов в сборнике, «Маленький зеленый божок агонии» представляет собой поиск исцеления. Но, как и у абсолютно всех рассказов в этой книге, его главная цель — доставить удовольствие читателям. И пусть в основе всех историй лежит реальный жизненный опыт, следует помнить, что я не работаю в жанре исповедальной прозы.

-Э то был несчастный случай, — сказал Ньюсам. Кэтрин Макдональд, сидевшая рядом с постелью и прилаживавшая один из четырех приборчиков для электрической нейростимуляции к тощему бедру Ньюсама чуть ниже баскетбольных шорт, которые он теперь носил постоянно, даже не подняла головы. Она тщательно сохраняла нейтральное выражение лица. Ей была уготована роль предмета мебели в человеческом обличье в этой огромной спальне, где она теперь проводила большую часть своего рабочего времени, и ее такая роль вполне устраивала. Привлекать к себе внимание мистера Ньюсама не стоило, как знали все его подчиненные. Зато ходу ее мыслей ничто помешать не могло.

Теперь ты скажешь, что на самом деле инцидент произошел по твоей вине. Поскольку считаешь умение взять на себя ответственность признаком героизма.

— На самом деле, — продолжал Ньюсам, — инцидент произошел по моей вине. Не так туго, Кэт, пожалуйста.

Она могла бы возразить, как пыталась поначалу, что аппараты нейростимуляции теряют свою эффективность, если не прикреплять их прочно к местам расположения тех нервов, на которые они призваны оказывать успокаивающее воздействие, но Кэт все схватывала на лету. Она немного ослабила липучку, не переставая размышлять.

Пилот предупредил тебя, что в Омахе бушуют грозы.

— Пилот предупредил меня, что в том районе бушуют грозы, — говорил Ньюсам.

Двое мужчин внимали ему с огромным интересом. Дженсен, разумеется, слышал все это прежде, но как не проявить интерес, когда говорит шестой самый богатый человек не только в Америке — во всем мире. Трое из остальных пяти сверхбогачей имели смуглую кожу, носили бурнусы и разъезжали по своим пустынным странам на бронированных «мерседесах».

Но я сказал ему, что должен успеть на ту встречу.

— Но я сказал ему, что должен успеть на ту встречу.

Ее, однако, больше интересовал, с антропологической точки зрения, мужчина по фамилии Райдаут, сидевший рядом с личным секретарем Ньюсама. Он был высок, худощав, лет примерно шестидесяти, одет в простые серые брюки с белой рубашкой, застегнутой на все пуговицы вплоть до тонкой шеи, которая покраснела от излишне усердного бритья. Кэт предполагала, что ему хотелось явиться особенно чисто выбритым на аудиенцию с шестым самым богатым человеком в мире. Под креслом он пристроил единственную принесенную с собой вещь — длинный черный футляр для ланчей с изогнутой крышкой, под которой обычно размещался термос. В таких коробках приносили на работу обеды из дома простые труженики, а ведь он представился как священник. До сих пор мистер Райдаут не вымолвил ни слова, но Кэт не нужны были уши, чтобы понять, кто он на самом деле. От него так разило шарлатаном, что этот нематериальный запах перebивал даже крепкий аромат лосьона после бритья. За пятнадцать лет работы со страдавшими от болей пациентами она нередко встречала таких типов. Этот, по крайней мере, не был обвешан магическими кристаллами.

Теперь сообщки им о явившемся тебе откровении, подумала она, перетаскивая свой стул на противоположную от постели сторону. Вообще-то стул был снабжен колесиками, вот только Ньюсаму не нравился звук, когда она перекатывала его. Другому пациенту она бы заявила, что обязанность таскать стулья не прописана в ее контракте, но когда тебе платят пять штук в неделю за услуги сидел-

ки, лучше держать колкие замечания при себе. И лучше не сообщать такому пациенту, что по контракту ты не должна опорожнять и мыть подкладное судно. Хотя в последнее время ее молчаливое смирение начало истощаться. Она почти физически ощущала это. Так истончается ткань рубашки, которую слишком часто надевают и стирают.

Ньюсам говорил, обращаясь главным образом к типу, одетому словно фермер, отправившийся на прогулку в большой город.

— И вот когда я лежал под дождем на взлетно-посадочной полосе среди пылавших обломков самолета стоимостью четырнадцать миллионов долларов, почти без одежды (так бывает, если прокатиться по бетону пятьдесят или шестьдесят футов), на меня снизошло откровение.

Впрочем, сразу два откровения, подумала Кэт, пристегивая второй приборчик к другой безжизненно дряблой, испещренной шрамами ноге.

— Впрочем, сразу два откровения, — сказал Ньюсам. — Первое заключалось в том, насколько же хорошо быть живым, хотя я понял, что у меня весьма серьезные повреждения, еще до того, как боль, моя непрестанная спутница на протяжении последних двух лет, начала пробивать путь к сознанию сквозь шок. А смысл второго сводился к тому, до чего же часто люди, в том числе и прежний я, все употребляют слово «должен». В человеческом бытии есть место только для двух реальных долгов. Один из них — жизнь сама по себе, другой — свобода от боли. Вы придерживаетесь такой же точки зрения, преподобный Райдаут? — Но прежде чем Райдаут успел поддакнуть (а что еще он мог сделать?), Ньюсам воскликнул пронзительным, грубым стариковским голосом: — Не надо затягивать *так туго*, будь ты трижды неладна, Кэт! Сколько раз повторять?

— Извините, — пробормотала она и ослабила застёжку.

Мелисса, экономка, выглядевшая безукоризненно подтянуто в белой блузке и белых брюках с высокой та-

лией, внесла кофейный поднос. Дженсен взял с него чашку и два пакетика заменителя сахара. А вновь прибывший, этот второсортный святой отец, лишь помотал головой. Быть может, он принес с собой в термосе особый божественный кофе?

Кэт напиток даже не предложили. Если она пила кофе, то на кухне вместе с остальной прислугой. Или в летнем домике... Но только лето давно минуло. На дворе стоял ноябрь, порывы ветра обрушивали на окна струи дождя.

— Мне включить приборы, мистер Ньюсам, или пока уйти?

Уходить ей не хотелось. Она столько раз слышала эту историю — важная встреча в Омахе, крушение, Эндрю Ньюсама выбрасывает из горящего самолета, сломанные кости, раздробленный позвоночник, вывих берда, следующие двадцать четыре месяца невыносимых страданий, — что та до смерти ей наскучила. А вот Райдаут вызывал интерес. Другие шарлатаны тоже не заставят себя долго ждать, теперь, когда все признанные медициной средства исчерпались, но Райдаут был первым, и Кэт хотелось посмотреть, каким образом этот похожий на фермера мужчина заставит Энди Ньюсама расстаться с крупной суммой денег. Или попытается это сделать. Ньюсам никогда бы не сколотил столь баснословного состояния, будь он глупцом, но он изменился, и не имело значения, воображаемы его боли или реальны. По этому поводу у Кэт имелись кое-какие теории, но нынешняя работа стала самой выгодной в ее жизни. Самой благодарной — пусть только в денежном выражении. И если Ньюсаму хотелось продлить мучения, почему не дать ему такую возможность? Это его собственный выбор.

— Да, милая, подключи меня.

Он посмотрел на нее, приподняв брови. Когда-то эта игривость могла быть настоящей (Кэт догадывалась, что Мелисса способна многое рассказать на данную тему), но теперь его кустистые брови двигались лишь за счет мышечной памяти.

Кэт вставила провода в гнезда пульта управления и щелкнула тумблером. Правильно поставленные приборчики направили бы слабые электрические разряды в мышцы Ньюсама. Считалось, что такая терапия имеет несомненное позитивное воздействие... хотя никто в точности не знал, как это работает и не представляет ли собой еще одну разновидность плацебо. Однако сегодня вечером приборы ничем не смогут помочь Ньюсаму. Свободно болтаясь у него на конечностях, они превратились в дорогие жужжащие игрушки.

— Мне?..

— Нет, останься! — воскликнул он. — Время для терапии!

Мой раненный в бою господин отдал команду, и я могу лишь подчиниться.

Она наклонилась, чтобы вытащить из-под кровати ящик с медицинскими инструментами. В нем лежали предметы, которые многие ее пациенты называли не иначе как орудиями пыток. Дженсен и Райдаут не обращали на нее внимания. Они продолжали смотреть на Ньюсама, которому, может, и явилось (а может, и не явилось) откровение, изменившее его жизненные приоритеты, но который по-прежнему с удовольствием правил своим двором.

Он поведал им, как очнулся в клетке из металла и марли. Обе ноги и одна рука были подвешены к так называемым внешним фиксаторам, чтобы полностью обездвижить суставы, скрепленные «доброй сотней» стальных штифтов (на самом деле всего семнадцатью; Кэт видела рентгеновские снимки). Фиксаторы удерживали на месте поврежденные и раздробленные кости: бедренные, большие и малые берцовые, плечевые, лучевые, локтевые. Всю спину от бедер до основания шеи покрывал корсет в виде металлической кольчуги. Он рассказывал о бессонных ночах, казалось, длившихся не часами, а годами. Он говорил о безумных головных болях. Он в деталях описывал, как даже от легкого движения пальцами ноги боль пронзала все его

тело до самой нижней челюсти и какой мучительной агонией в ногах оборачивалась настоятельная просьба врачей иногда шевелить ими, несмотря на фиксаторы, чтобы конечности не утратили полностью своих функций. Он описывал пролежни и рассказывал, как подавлял рвавшиеся наружу крики злости и страдания, когда медсестры пытались перевернуть его на бок, чтобы обмыть.

— За два года мне сделали целую дюжину хирургических операций, — заявил он со своего рода мрачной гордостью.

В действительности операций было пять, знала Кэт, причем две из них — с целью снять внешние фиксаторы там, где кости успешно срослись. Разумеется, если считать такие мелочи, как сломанные пальцы, то хирурги работали над ним шесть раз, но она не стала бы называть хирургическое вмешательство, требующее местной анестезии, «операцией». Если на то пошло, тогда она сама перенесла дюжину таких «операций» — большинство из них в кресле дантиста, под тошнотворную попсу.

Теперь мы перейдем к лживым обещаниям, думала она, прикладывая подушечку с гелем к сгибу его правого колена и сцепляя руки под горячими дряблыми мышцами правого бедра. *Их очередь.*

— Врачи обещали, что боль притупится, — сказал Ньюсам, не сводя взгляда с Райдаута. — Мол, через шесть недель наркотики понадобятся мне только до и после сеансов физиотерапии в исполнении истинной Королевы Боли, которая перед вами. Утверждали, что к лету две тысячи десятого я снова начну ходить. *К прошлому лету.* — Он выдержал драматическую паузу. — Но, преподобный Райдаут, все эти обещания оказались лживыми. Мои колени по-прежнему не сгибаются, а боли в бедрах и спине просто неопишуемы. Эти доктора... А! О! Остановись, Кэт, *прекрати!*

А ведь она приподняла его правую ногу всего градусов на десять, может, чуть выше. Недостаточно даже для того, чтобы подложить подушку.

— Опустим ее! Опустим ее *сейчас же*, черт побери!

Кэт убрала руки с его ноги, и она вернулась в горизонтальное положение. Десять градусов. Возможно, двенадцать. А сколько шума! Иногда она задирала ее на пятнадцать, а левую ногу, находившуюся в чуть лучшем состоянии, выгибала до двадцати градусов, прежде чем он начинал вопить, как плаксивый ребенок, увидевший шприц в руке школьной медсестры. Якобы виновные в лживых обещаниях врачи никогда не внушали ему ложных надежд. Его предупреждали, что будет очень больно. Кэт стала молчаливым свидетелем нескольких таких консилиумов. Доктора не скрывали, что он сполна хлебнет боли, пока наиболее важные сухожилия, укоротившиеся при катастрофе и теперь намертво закрепленные фиксаторами, не вытянутся и не приобретут прежнюю эластичность. Он натерпится боли, прежде чем снова сможет сгибать колено на все девяносто градусов. То есть прежде чем сможет сесть в кресло или за руль автомобиля. То же самое касалось его спины и шеи. Путь к выздоровлению лежал через Страну Боли, только и всего.

Такими были истинные обещания, которых Эндрю Ньюсам предпочел не слышать. Он твердо верил, хотя никогда не заявлял об этом прямо, простым и понятным языком, что шестой богатейший человек в мире не обязан ни при каких обстоятельствах пересекать границу Страны Боли, а должен вечно пребывать на Солнечном Берегу Благополучного Выздоровления. Обвинения против докторов были неизбежны. И, конечно же, он клял свою судьбу. Подобное никак не могло случиться с такими людьми, как он.

Мелисса вернулась с подносом печенья. Ньюсам лишь раздраженно махнул на нее рукой, искривленной и израненной во время аварийной посадки.

— Никто сейчас не в настроении есть сладости, Лисса.

И это была еще одна черта, которую Кэт Макдональд подметила у «золотых мальчиков», сколотивших баснословные состояния: они безапелляционно выдавали свое

собственное мнение за точку зрения всех присутствовавших в комнате.

Мелисса выдала улыбку Моны Лизы, повернулась (почти танцуя) и вышла из спальни. Точнее, *выскользнула*. Ей наверняка было не меньше сорока пяти лет, но выглядела она моложе. Нет, никакой сексуальности — подобной вульгарности она никогда бы себе не позволила. В ней присутствовали красота и стиль подлинной Снежной королевы. Кэт она чем-то напоминала Ингрид Бергман. И пусть Мелисса источала леденящий холод, Кэт догадывалась: многие мужчины пытались вообразить, как будут выглядеть эти каштановые волосы без заколок. Как будет смотреться ее коралловая помада, если размажется по зубам и щеке? Кэт, считавшая себя невзрачной, мысленно повторяла по крайней мере раз в день, что нисколько не завидует женщине с таким ухоженным и привлекательным лицом. Или с такой тугой попкой в форме сердечка.

Кэт обошла постель с противоположной стороны и приготовилась приподнимать левую ногу Ньюсама, пока он не заорет, чтобы она остановилась, черт бы ее побрал, если не хочет убить его. *Будь ты любым другим пациентом, я бы сказала тебе правду в глаза, поделилась бы простыми реалиями этой жизни*, подумала она. *Я бы объяснила тебе, что не надо искать обходных путей, которых не существует. Даже для шестого из самых богатых людей на планете. И я бы помогла тебе, если бы ты мне позволил, но до тех пор, пока ты пытаешься выбраться из этой постели примитивным подкупом, изволь справляться сам.*

Она поместила подушечку под его левое колено. Ощупала обвисшую плоть, которой к этому времени уже следовало окрепнуть. Начала сгибать ногу. Дождалась визга и приказа остановиться. И, само собой, остановилась. Потому что пять тысяч долларов в неделю складывались в крутые двести пятьдесят тысяч за год. Неужели он не понимал, что, покупая ее послушание и покорность, сам уменьшал свои шансы на выздоровление? Как он мог не понимать этого?

Теперь расскажи им о светилах медицины. О Женеве, Лондоне, Мадриде, Мехико.

— Я побывал у докторов по всему миру, — сообщил он Райдауту.

Священник все еще не вымолвил ни слова, а просто сидел с покрасневшими складками излишне усердно выбритой кожи, свисавшими на плотно застегнутый воротник рубашки сельского проповедника. Он носил желтые рабочие ботинки. Каблук одного почти касался черной коробки для ланчей.

— Конечно, в моем состоянии было бы куда легче получать консультации посредством телеконференций, но в столь сложных случаях это не годится. А потому я летал к докторам лично, преодолевая невероятную боль, которую мне причиняли путешествия. Мы побывали повсюду, верно я говорю, Кэт?

— Да, повсюду, — ответила она, продолжая очень медленно сгибать его ногу, на которой он мог бы уже ходить, если бы не вел себя как ребенок. Как испорченный, избалованный ребенок. Да, на костылях, но ходить. А год спустя он забыл бы и о костылях. Но только и через год он по-прежнему будет лежать в суперсовременной больничной кровати стоимостью двести тысяч долларов со всеми новейшими техническими прибамбасами. И Кэт по-прежнему будет рядом. Получая огромные взятки. Сколько она сочтет достаточной суммой? Два миллиона? Так она думала теперь, хотя совсем недавно полагала, что и полумиллиона хватит с лихвой. Но с тех пор отодвинула финишную ленту подальше. Деньги портят человека.

— Мы показывались экспертам в Мехико, Женеве, Лондоне, Риме, Париже... И где еще, Кэт?

— В Вене, — подсказала она. — И, разумеется, в Сан-Франциско.

Ньюсам фыркнул.

— Врач там заявил, что я сам причиняю себе излишнюю боль. Конверсионное расстройство, так он это назвал. Обвинил меня в нежелании делать трудные упражнения для

реабилитации. Но он был пакистанцем и гомиком в придачу. Голубой паки. Как вам такое сочетание? — Он разразился коротким лающим смехом, затем посмотрел на Райдаута. — Я ведь не оскорбляю ваших чувств, святой отец?

Райдаут помотал головой из стороны в сторону, что означало отрицание. Он сделал это дважды. Очень медленно.

— Вот и хорошо. Прекрати, Кэт, с меня довольно!

— Еще немного, — взмолилась она.

— Я же сказал, прекрати. Больше мне не вытерпеть.

Она оставила в покое его левую ногу и начала манипуляции с левой рукой. Это он ей позволял. Ньюсам часто говорил, что у него были также сломаны обе руки, но врал. Левая рука пострадала лишь от растяжения. Кроме того, он любил распространяться о том, как ему повезло не оказаться прикованным к инвалидной коляске, однако его навороченная больничная кровать ясно указывала, что в ближайшем будущем он пользоваться своим везением не собирался. Эта уютная кроватка *отлично* заменяла ему инвалидное кресло. Лежа в ней, он облетел весь мир.

Невропатическая боль. Это величайшая загадка. Вероятно, неразрешимая. Болеутоляющие средства больше не помогают.

— Все сходятся на том, что я страдаю от невропатической боли.

И от трусости.

— Это величайшая загадка.

И прекрасный предлог ничего не делать.

— Вероятно, неразрешимая.

Особенно когда даже не пытаешься ее решить.

— Болеутоляющие средства больше не действуют, и врачи не в силах мне помочь. Вот почему я пригласил вас сюда, преподобный Райдаут. Ваши рекомендации по части... э-э-э... мастерства исцеления... Они весьма впечатляют.

Райдаут поднялся. До этого момента Кэт даже не предполагала, насколько он высок. А его тень на стене вознес-

лась еще выше. Почти к потолку. Глубоко посаженные глаза преподобного торжественно смотрели на Ньюсама. Он обладал определенным шармом, что правда, то правда. Кэт не удивилась. Ни один шарлатан в мире не мог обойтись без обаяния, но она не догадывалась, насколько оно сильно в этом человеке, пока он не навис над ними. Глядя на него, Дженсен даже вытянул шею. Краем глаза Кэт заметила легкое движение. В дверном проеме стояла Мелисса. Теперь все были в сборе, за исключением Тони, повара.

За окном взвыл ветер. Оконные стекла вздрогнули.

— Я не занимаюсь исцелением, — сказал Райдаут.

Он был родом из Арканзаса, насколько знала Кэт. По крайней мере, именно оттуда доставил его новый «Гольфстрим IV» Ньюсама. Но говорил преподобный без акцента. И без выражения.

— Не занимаетесь? — Ньюсам выглядел разочарованным. Недовольным. Быть может, даже слегка испуганным. — Но я провел целое расследование, и меня заверили, что во многих случаях...

— Я *изгоняю*.

Ньюсам приподнял кустистые брови:

— Простите, не понял.

Райдаут подошел ближе к кровати и встал перед ней, сложив руки с длинными пальцами внизу живота. Глубоко посаженные глаза с исключительной серьезностью смотрели на лежавшего в кровати мужчину.

— Я уничтожаю паразита, поселившегося в израненном теле и питающегося его болью, подобно тому, как истребитель насекомых уничтожает термитов, разъедающих деревянные стены дома.

Ну вот, подумала Кэт. Дальше можно не слушать. Но Ньюсам был заинтригован. Как мальчишка, наблюдающий за уличным наперсточником.

— В вас вселилась нечистая сила, сэр.

— Точно, — отозвался Ньюсам. — Именно это я и ощущаю. Особенно по ночам. Мои ночи... Они очень длинные.

— Конечно, одержим всякий страдающий от боли, будь то мужчина или женщина, но у некоторых особенно несчастных людей — а вы из их числа — проблема коренится глубже. Их одержимость — не кратковременное явление, а продолжительное состояние. И оно ухудшается. Врачи в это не верят, поскольку занимаются только наукой. Но *вы* верите, не правда ли? Верите, потому что страдания выпали именно на вашу долю.

— Бесспорно, — выдохнул Ньюсам.

Сидевшей на стуле Кэт стоило больших усилий не закатить глаза.

— У таких несчастных боль открывает путь демоническому божеству. Оно маленькое, но очень опасное. И питается особого рода болями, возникающими только у исключительных людей.

Гениально, подумала Кэт. *Ньюсаму это очень понравится.*

— Как только этот мерзкий божок проникает внутрь, боль становится подлинной агонией. Он будет пожирать вас изнутри, пока ничего не останется. А затем сам покинет ваше тело, сэр, чтобы переместиться в другое.

Кэт с удивлением услышала собственный голос:

— О каком боге идет речь? Разумеется, не о том, веру в которого вы проповедуете как священник. Тот Бог — воплощение любви и милосердия. По крайней мере, так меня учили.

Дженсен хмуро посмотрел на нее и укоризненно покачал головой. Он явно ожидал от босса взрыва негодования, но... уголки губ Ньюсама тронула едва заметная улыбка.

— Что вы ответите на это, преподобный?

— Отвечу, что божества многочисленны. И не имеет значения тот факт, что наш главный Бог, могущественный Вседержитель, царит над всеми ними, а в Судный день всех их уничтожит. Этим малым божествам люди поклонялись всегда и поклоняются до сих пор. Они обладают собственными силами, и Господь порой позволяет им пускать эти силы в ход.

Чтобы испытать нас, подумала Кэт.

— Чтобы испытать на прочность нашу духовную стойкость и истинную веру. — Тут Райдаут вновь посмотрел на Ньюсама и произнес удивившие Кэт слова: — Вы человек больших возможностей и слабой веры.

Хотя Ньюсам не привык выслушивать критические замечания, он вновь улыбнулся.

— Согласен, я не слишком силен в христианской вере, но мне ее заменяет вера в себя. Кроме того, я верю в силу денег. Сколько вы хотите?

Райдаут улыбнулся в ответ, продемонстрировав зубы, напоминавшие разрушенные могильные камни. Если он и посещал когда-то зубного врача, это было много лет назад. А еще он любил жевательный табак. У отца Кэт, умершего от рака ротовой полости, зубы были такого же оттенка.

— А сколько вы готовы заплатить, сэр, чтобы избавиться от боли?

— Десять миллионов долларов, — мгновенно ответил Ньюсам.

Кэт слышала, как тихо охнула Мелисса.

— Но я бы не стал тем, кто я есть, будучи наивным простаком. Если вы сделаете обещанное — изгоните, уничтожите, испепелите, как угодно, — то получите деньги. Причем наличными при условии, что останетесь здесь на ночь. Потерпите неудачу — вам не обломится ничего, за исключением первого и последнего в вашей жизни перелета на частном самолете. За него с вас не возьмут ни цента. Ведь это я вытащил вас к себе.

— Нет.

Райдаут произнес это слово тихо, стоя рядом с постелью так близко, что Кэт улавливала запах нафталина, в котором он хранил свои брюки (быть может, единственные, если только у него не имелось второй пары для богослужений). А еще от него пахло каким-то терпким мылом.

— Нет? — Ньюсам искренне удивился. — Вы мне отказываете? — Но потом он снова начал улыбаться. Только теперь это была та глумливая и достаточно неприятная

улыбочка, с какой он обычно разговаривал по телефону или заключал сделки. — Ах, я понял! Начались увертки. Вы меня разочаровали, преподобный Райдаут. А я-то надеялся, вы окажетесь на уровне. — Он повернулся к Кэт, и та отшатнулась. — Ты, конечно же, считаешь меня выжившим из ума. Но ведь я не показывал тебе результаты расследований, верно?

— Не показывали, — ответила она.

— Я не прибегаю ни к каким уверткам, — возразил Райдаут. — Но за последние пять лет я не исполнил ни одного обряда изгнания. Ваши информаторы сообщили вам об этом?

Ньюсам ничего не сказал, он лишь смотрел вверх на высокого худого человека и заметно нервничал.

— Потому что утратили свой дар? — вмешался Дженсен. — Тогда зачем согласились прилететь?

— Это божественный дар, сэр, а не мой личный, и я во все не утратил его. Но изгнание отнимает много энергии и сил. Пять лет назад со мной случился инфаркт вскоре после того, как я провел обряд изгнания с молодой девушкой, попавшей в страшную автомобильную аварию. Мы с той девушкой добились успеха, но кардиолог из Джонсборо сказал, что если я снова подвергну себя такой нагрузке, возможен новый приступ. Фатальный.

Ньюсам не без усилия поднял скрюченную руку, приложил ладонь ко рту и театральным шепотом произнес, обращаясь к Кэт и Мелиссе:

— По-моему, он хочет двадцать миллионов.

— На самом деле, сэр, мне нужны только семьсот пятьдесят тысяч.

Ньюсам лишь безмолвно вытаращился на него. Вопрос задала Мелисса:

— Но почему?

— Я — настоятель храма в Титусвилле. Церковь Святой Веры, так она называется. Вот только самой церкви больше нет. Прошлым летом в наших краях случилась засуха. Какие-то пьяные отдыхающие устроили пожар,

подпалив траву. От моей церкви остался бетонный фундамент да обугленные бревна. Мы с прихожанами теперь собираемся на молитвы в магазине при заброшенной заправочной станции на шоссе, ведущем в Джонсборо. Зимой там слишком холодно, а других помещений, достаточно просторных, чтобы вместить всех, не найти. Нас много, но мы бедны.

Кэт слушала с интересом. Для легенды, придуманной мошенником, эта была бесподобной. С ловушками в нужных местах, чтобы клиент проникся состраданием.

Дженсен, по-прежнему обладавший телом спортсмена и умом выпускника экономического факультета Гарварда, задал очевидный вопрос:

— А как же страховка?

Райдаут вновь помотал головой: налево-направо, налево-направо. Он так и стоял, возвышаясь над суперсовременной кроватью Ньюсама, словно провинциальный ангел-хранитель.

— Мы верим только в промысел Божий.

— Лучше было довериться «Оллстейт», — заметила Мелисса.

Ньюсам улыбался. По его напряженной позе Кэт догадывалась, что он испытывал изрядный дискомфорт (ему еще полчаса назад следовало принять таблетки), но он не обращал сейчас внимания на боль, поскольку был заинтригован. А она уже давно заметила, что *при желании* ее пациент мог игнорировать боль. Он умел усмирять болевые ощущения, если действительно хотел этого. Сил у него вполне хватало. Раньше ее это просто раздражало, но теперь, когда появился этот жалкий шарлатан из Арканзаса, она поняла, что по-настоящему взбешена его поведением. Он *понапрасну* растрачивал себя.

— Я справился у нашего местного застройщика. Он не входит в мою паству, но у него хорошая репутация, в прошлом он делал ремонт в церкви, и за приемлемую цену. Он оценил полное восстановление здания примерно в семьсот пятьдесят тысяч долларов.

Как же, подумала Кэт.

— У нас таких денег, разумеется, нет. Но не прошло и недели после беседы с мистером Кернаном, как пришло ваше письмо с вложенным диском. Который я просмотрел с огромным интересом.

Еще бы! подумала Кэт. Особенно ту часть, где доктор из Сан-Франциско утверждает, что болевые ощущения, вызванные травмами, можно в значительной степени облегчить при помощи физической терапии. Строгой физической терапии.

Конечно, на том же DVD десяток других врачей заявляли о своем бессилии помочь, но Кэт считала, что только у доктора Дилавара хватило смелости сказать правду. Она удивилась, когда Ньюсам разрешил отправить диск с той консультацией, но, видимо, после катастрофы шестой богатейший человек в мире растерял часть сообразительности.

— Вы готовы заплатить мне сумму, которой хватит на восстановление церкви, сэр?

Ньюсам испытующе смотрел на него. Под самой кромкой редющих волос миллиардера выступили крошечные капельки пота. Скоро Кэт заставит его выпить таблетки, независимо от того, попросит он их или нет. Эта боль была реальной, он не притворялся, он просто...

— А вы согласитесь не требовать с меня большего? Я имею в виду джентльменское соглашение. Нам нет нужды ничего подписывать.

— Да, соглашусь, — кивнул Райдаут без малейших колебаний.

— Хотя если вы сумеете одолеть боль — *изгнать* боль, — я вполне могу сделать некое пожертвование. *Весьма крупное* пожертвование. Насколько я помню, это называется подношением во имя любви к Господу.

— Это исключительно ваше личное дело, сэр. Не пора ли нам приступить?

— Самое время. Хотите, чтобы все ушли?

Райдаут еще раз помотал головой: налево-направо, налево-направо.

— Мне понадобится помощь.

Как любому фокуснику, подумала Кэт. Это обязательная часть шоу.

За окном ветер яростно взвыл, затих, разыгрался с прежней силой. Свет в доме на мгновение погас. Где-то на задворках моментально включился автономный генератор (тоже самой последней модели), потом выключился.

Райдаут сел на край кровати.

— Полагаю, мистер Дженсен вполне подойдет. Он выглядит сильным и ловким.

— Да, он и силен и проворен, — отозвался Ньюсам. — Играл в футбол в колледже. Был раннинбеком. И с тех пор не растерял былой формы.

— Ну.. Разве что самую малость, — скромно сказал Дженсен.

Райдаут склонился к Ньюсаму. Его глубоко посаженные темные глаза серьезно изучали покрытое шрамами лицо миллиардера.

— Ответьте мне на один вопрос, сэр. Какого цвета ваша боль?

— Зеленая, — сказал Ньюсам. Он завороченно смотрел на священника. — Моя боль зеленая.

Райдаут кивнул: вверх-вниз, вверх-вниз. Не отрывая взгляд от Ньюсама. Кэт пребывала в твердой уверенности, что он кивнул бы точно так же, если бы пациент описал свою боль как синюю или пурпурную, под цвет знамени-того Людоеда из фильма. И еще ей в голову пришла мысль, одновременно ужасная и смешная: *Все идет к тому, что мое терпение лопнет. Прямо здесь и сейчас. Это будет самый дорогой припадок в моей жизни, но... почему бы и нет?*

— И где она сосредоточена?

— Повсюду.

Это был почти стон. Мелисса сделала шаг вперед, с тревогой глядя на Дженсена. Кэт заметила, как он едва заметно покачал головой и жестом велел ей отойти.

— Да, она любит создавать такое впечатление, — сказал Райдаут, — но только это ложь. Закройте глаза, сэр, и сосредоточьтесь. Ищите боль. Не слушайте ее отвлекающих криков, это примитивное чревоуещание. Определите ее истинный источник. Вы способны на это. Вы *обязаны* это сделать, если мы хотим добиться успеха.

Ньюсам закрыл глаза. На протяжении девяноста секунд в комнате не раздавалось ни звука, только ветер и дождь стучали в окна, словно пригоршни мелкого гравия. Кэт носила старомодные часики, подаренные отцом много лет назад на окончание медицинского училища, и стоило ветру уняться, как в спальне воцарялась такая тишина, что она могла слышать их самодовольное тиканье. И кое-что еще. В отдаленном конце огромного дома пожилая Тоня Марсден тихонько напевала, приводя в порядок кухню в конце еще одного долгого дня. *Лягушонок жениться задумал и поехал к невесте своей, ух-ху.*

Наконец Ньюсам произнес:

— Она у меня в груди. В верхней части груди. Или в нижней части горла. Где-то под трахеей.

— Вы ее видите? Сосредоточьтесь!

Вертикальные морщины прорезали лоб Ньюсама. От этого шрамы на его коже, ободранной во время аварии, будто подрагивали.

— Я ее вижу. Она пульсирует в такт моему сердцебиению. — Его губы скривились от отвращения. — Она безобразна.

Райдаут склонился еще ближе.

— Это шар? Наверняка так и есть. Зеленый шар.

— Да. Да! Это маленький зеленый шар, который *дышит!*

Как тот теннисный мячик, который вы, несомненно, припрятали в рукаве или в своей черной коробке для ланчей, преподобный, подумала Кэт.

И словно она мысленно направляла его действия (а не просто догадывалась, что этот мелкий мошенник предпримет дальше), Райдаут сказал:

— Мистер Дженсен. Под креслом, в котором я сидел, стоит коробка для ланчей. Возьмите ее, сэр, раскройте и встаньте рядом со мной. Больше от вас пока ничего не требуется. Просто...

Кэт Макдональд не выдержала. В ее голове что-то щелкнуло. Так щелкал пальцами Роджер Миллер во вступлении к песне «King of the Road».

Она сама встала рядом с Райдаутом и плечом оттолкнула его. Это оказалось легко. Он был выше ростом, но она полжизни только и делала, что переворачивала и приподнимала пациентов, а потому обладала изрядной силой.

— Откройте глаза, Энди. Откройте немедленно. Посмотрите на меня.

Изумленный Ньюсам подчинился. Мелисса и Дженсен (уже державший в руках коробку) выглядели встревоженными. Один из основополагающих принципов их работы здесь — как и работы Кэт, до этого момента — заключался в том, что нельзя отдавать приказы боссу. Босс мог отдавать приказы тебе. А ты ни в коем случае не выводил его из себя.

Однако с нее было довольно. Через двадцать минут она, возможно, уже будет ползти сквозь проливной дождь к единственному во всей округе мотелю, но это не имело никакого значения. Ее терпение лопнуло.

— Это чушь, Энди, — произнесла Кэт. — Вы слышите? Чушь!

— Советую тебе сейчас же умолкнуть, — ответил Ньюсам и улыбнулся. В его арсенале имелось несколько улыбок, и эта была не из приятных. — То есть если ты дорожишь своей работой. В Вермонте хватает медсестер, занимающихся болектерапией.

И она бы, вероятно, умолкла, если бы не вмешался Райдаут.

— Позвольте ей высказаться, сэр.

Именно его мягкий, добродушный тон окончательно вывел Кэт из себя.

Она склонилась, заняв прежнюю позицию преподобного, и слова полились из нее потоком.

— Все последние шестнадцать месяцев с тех пор, как ваша респираторная система восстановилась в достаточной степени, чтобы начать разумную физиотерапию, я наблюдала, как вы лежите в своей треклятой роскошной кровати, занимаясь надругательством над собственным телом. Меня просто тошнит от этого. Неужели вы не понимаете, насколько вам повезло вообще остаться в живых, когда все остальные в том самолете погибли? Какое чудо, что вам не разорвало на части позвоночник, что кости черепа не вдавило глубоко в мозг и вы не сгорели заживо, *не запеклись*, как яблоко в духовке, с головы до ног? Вы ведь могли протянуть всего дня четыре или пару недель, испытывая адскую агонию. Но вам повезло. Вас аккуратненько выбросило из самолета. Вы не превратились в овощ. Вам не парализовало все четыре конечности, хотя вы ведете себя как полный паралитик. И не желаете трудиться. Вам подавай способ полегче. Вы хотите подкупом найти выход из положения. Если бы вы умерли и попали в преисподнюю, то первым делом попытались бы дать взятку Сатане.

Дженсен и Мелисса смотрели на нее с нескрываемым ужасом. Ньюсам от удивления открыл рот. Если с ним когда-либо и разговаривали подобным образом, с тех пор прошло много лет. Только Райдаут, казалось, чувствовал себя непринужденно. Теперь улыбался *он*. Как отец, глядя на капризного четырехлетнего ребенка. Его улыбка сводила Кэт с ума.

— А ведь вы могли бы уже ходить. Бог свидетель, я старалась заставить вас понять это, и видит Бог, я втолковывала вам раз за разом, какая работа требуется от вас, чтобы покинуть наконец эту кровать и встать на ноги. Доктору Дилавару из Сан-Франциско хватило мужества сказать вам правду — ему одному, — и в награду вы окрестили его педиком.

— Он и *был* педиком, — буркнул Ньюсам. Его покрытые шрамами пальцы сжались в кулаки.

— Да, вам больно. Разумеется, больно. Но с болью справляются. Я видела это своими глазами не однажды, а много раз. Вот только это не касается богача, пытающегося найти подмену простому, но трудному пути к выздоровлению, подмену утомительной работе над собой. Вы же сами отказываетесь лечиться. Такое я тоже видела и отлично знаю, к чему это ведет. Появляются мошенники и проходимцы, похожие на пиявок, норовящих присосаться к человеку со ссадиной на ноге, который по неосторожности зашел в стоячий пруд. Некоторые из этих обманщиков предлагают магические кремы. Другие — волшебные пилюли. Приходят целители, трубящие о том, что овладели божественным даром, как вот этот человек. И обычно пациенты действительно чувствуют некоторое облегчение. Что вполне объяснимо. Ведь боль наполовину является плодом их собственной фантазии. Ее вырабатывают ленивые умы в страхе перед той реальной болью, через которую лежит дорога к выздоровлению. — Она склонилась ближе и заговорила высоким дрожащим голоском: — Папочка, мне *бо-о-о-льно!* Вот только облегчение не продлится долго. Ведь мышцы не обрели тонуса, сухожилия по-прежнему не работают, а кости не окрепли для того, чтобы выдерживать вес тела. А когда вы позволите этому типу и скажете, что боль вернулась с прежней силой — если сможете дозвониться, — знаете, каков будет его ответ? Он обвинит вас в недостатке *веры*. И если бы вы включили мозги, как делали это, создавая предприятия и выгодно вкладывая капиталы, то знали бы, что никакого живого теннисного мячика в основании вашего горла нет и быть не может. Вы не в том возрасте, Энди, чтобы верить в гребаного Санта-Клауса.

Теперь в дверях появилась Тоня, она стояла рядом с Мелиссой, широко открыв глаза, из ее руки свисала кухонная тряпка.

— Ты уволена, — произнес Ньюсам почти добродушно.

— Разумеется, уволена, — кивнула Кэт. — Но должна сказать, что уже год не чувствовала себя так хорошо.

— Если вы ее уволите, я тоже уйду, — заявил Райдаут.

Ньюсам уставился на священника. Он недоуменно сдвинул брови. Его руки принялись массировать бедра, как и всегда, если он не успевал вовремя принять болеутоляющие таблетки.

— Она нуждается в наглядном уроке, да будет благословенно имя Господне. — Райдаут снова склонился над Ньюсамом, сцепив руки за спиной. Он напомнил Кэт картинку с персонажем Вашингтона Ирвинга, школьного учителя Икабода Крейна, которую она когда-то видела. — Она сказала свое слово. Не пора ли мне сказать мое?

Ньюсам потел все сильнее, но улыбка вернулась на его лицо.

— Нападите на нее. Рычите и рвите в клочья. С удовольствием на это посмотрю.

Кэт перевела взгляд на Райдаута. Глубоко сидевшие глаза преподобного вызывали тревогу, но она не отвернулась.

— Если на то пошло, я тоже, — произнесла она.

Все еще держа руки за спиной, с просвечивавшей сквозь редкую шевелюру розовой кожей, с серьезным выражением на продолговатом лице, Райдаут пристально взгляделся в нее. Потом спросил:

— Вы ведь никогда не страдали сами, верно?

Кэт почувствовала острое желание уклониться от ответа и посмотреть куда-нибудь в сторону, но подавила его.

— В одиннадцать лет я упала с дерева и сломала руку.

Райдаут округлил тонкие губы и присвистнул, издав немелодичный, невыразительный звук.

— Сломали *руку* в *одиннадцать* лет. О да, вы, вероятно, пережили невыразимые мучения.

Она покраснела. Почувствовала это и ощутила гнев, но остановить бросившийся в лицо жар не могла.

— Можете принижать меня сколько угодно. Но мое мнение основано на многолетнем опыте работы с пациентами, испытывавшими боли. И это *медицинская* точка зрения.

Сейчас он заявит, что изгонял демонов или этих своих маленьких зеленых божков с тех пор, когда я пешком под стол ходила.

Но он не заявил.

— Не сомневаюсь, — произнес он мягко. — Уверен, вы прекрасно справляетесь со своими обязанностями. И уверен, что вы действительно сталкивались с известным числом притворщиков и имитаторов. Вам известен такой тип людей. А мне известен ваш, мисс, поскольку я часто встречаю его представителей. Хотя редко таких хорошеньких. — Наконец-то в его голосе прорвался акцент: «ха-арошеньких». — Однако их объединяет снисходительное, почти презрительное отношение к боли, которой они никогда не чувствовали сами, к боли, которую они даже вообразить себе не могут. Они работают в больницах, ухаживают за пациентами, чьи страдания варьируют от легких болей до глубочайшей, всепоглощающей агонии. И через какое-то время им все начинает казаться либо слишком преувеличенным, либо попросту надуманным. Не так ли?

— Вовсе нет, — ответила Кэт. Что случилось с ее голосом? Почему он стал таким тихим и неуверенным?

— Нет? Разве когда вы сгибаете им ноги и они начинают кричать при пятнадцати — или даже десяти — градусах, у вас не зарождается подозрение, потом перерастающее в убежденность, что они просто плаксы? Отказываются переносить тяготы лечения? А может, стремятся вызвать у вас сострадание? Они бледнеют, стоит вам войти в их палату, и вы думаете: «Вот ведь! Придется снова иметь дело с этим ленивым размазней». И разве у вас — вас, которая однажды свалилась с дерева и сломала руку, Господи ты Боже — не развивается все более сильное отвращение к тем, кто просит снова уложить их в постель и дать повышенную дозу морфия?

— Это несправедливо, — сказала Кэт... точнее, прошептала.

— А ведь было время, когда вы только начинали работать и узнавали симптомы истинной боли с первого

взгляда, — продолжал Райдаут. — Было время, когда вы бы поверили в то, что я вам покажу через несколько минут, поскольку в глубине души понимали: здесь не обошлось без некой злонамеренной чужеродной силы. Вот почему я хочу, чтобы вы остались и мне удалось освежить вашу память... А заодно вернуть утраченное чувство соперничества.

— Некоторые из моих пациентов — действительно нытики, — заявила Кэт, с вызовом глядя на Ньюсама. — Наверное, это звучит жестоко, но иногда правда *бывает* жестокой. И мне встречались *настоящие* симулянты. Если вы этого не понимаете, то вы либо слепы, либо глупы. Хотя я так не думаю.

Преподобный наклонил голову, словно она сделала ему комплимент. Наверное, так оно и было.

— Разумеется, я это понимаю. Но вы в глубине души теперь считаете симулянтами *их всех*. Как солдат, слишком долго пробывший на поле боя, вы привыкли. Однако уверяю вас, в мистера Ньюсама внедрилось нечто. Он *заражен*. В нем засел демон, и демон этот настолько силен, что превратился в подобие божества. Мне хочется, чтобы вы увидели его, когда он выйдет наружу. Думаю, это существенно поправит ваше отношение к работе. И, без сомнения, изменит ваш взгляд на боль.

— А если я предпочту удалиться?

Райдаут улыбнулся.

— Никто не станет удерживать вас здесь насильно, мисс Медсестра. Как всем Божьим тварям, вам дана свобода выбора. Я не попрошу никого ограничить вашу свободу и не стану ограничивать ее сам. Однако я не считаю вас трусихой. Вы просто очерствели. Очерствели в боях.

— Вы мошенник, — сказала Кэт, до предела рассерженная, чуть не плача.

— Нет, — очень мягко возразил Райдаут. — Когда мы покинем эту комнату — с вами или без вас, — мистер Ньюсам будет избавлен от агонии, пожирающей его изнутри. Боль останется, но без агонии он сможет с ней

справиться. Возможно даже, с вашей помощью, мисс, после того как вы усвоите урок смирения. Вы все еще хотите уйти?

— Я останусь, — ответила она, а потом потребовала: — Дайте мне эту коробку для ланчей.

— Но как же... — начал было Дженсен.

— Передайте коробку, — уступил Райдаут. — Пусть проверит. Но больше ни слова. Я собираюсь это сделать, и самое время приступить.

Дженсен вручил ей длинную черную коробку. Кэт открыла ее. Там, куда жена рабочего упаковала бы для мужа сэндвичи и небольшой пластмассовый контейнер с фруктами, лежала пустая стеклянная бутылка с широким горлышком. К выгнутой крышке был пристегнут зажимом для термоса какой-то баллончик с аэрозолем. И все. Кэт обернулась к Райдауту. Тот кивнул. Она вынула баллончик и в замешательстве посмотрела на этикетку.

— Перечный газ?

— Да, обычный перечный газ, — подтвердил Райдаут. — Не знаю, продают ли его в Вермонте — я бы предположил, что нет, — но в моих краях он есть в любом хозяйственном магазине. — Преподобный посмотрел на Тоню. — А вы?..

— Тоня Марсден. Я готовлю еду для мистера Ньюсама.

— Очень приятно с вами познакомиться, мэм. Прежде чем я начну, мне нужно еще одно приспособление. У вас есть какая-нибудь дубинка? Например, бейсбольная бита?

Тоня помотала головой. Порыв ветра снова ударил в стену дома. Свет снова мигнул, и в пристройке на заднем дворе заурчал генератор.

— А как насчет метлы?

— Метла, конечно, найдется, сэр.

— Принесите ее, пожалуйста.

Тоня вышла. Воцарилась тишина, только на улице завывал ветер. Кэт пыталась придумать, что сказать, но ничего не приходило в голову. Крупные прозрачные капли пота ползли по впалым щекам Ньюсама, тоже изрезан-

ным шрамами. Он катился по бетону целую вечность, пока обломки «Гольфстрима» пылали под дождем.

Я никогда не утверждала, что он не испытывает боли. Я лишь говорила, что ему по силам справиться с ней, пожелай он проявить хотя бы половину упорства, с которым годами строил свою империю.

Но вдруг она ошибалась?

Пусть даже ошибалась, только это все равно не значит, что в нем засел какой-то живой теннисный мячик, сосущий его боль, как вампир сосет кровь.

Не существовало ни вампиров, ни божков боли... Но когда ветер с такой силой обрушивался на большой дом, что потрясал его до основания, подобные мысли уже не казались столь глупыми.

Тоня вернулась с метлой, выглядевшей так, словно ею за все время смели в совок лишь крохотную горстку пыли. Синтетическая щетина сверкала синевой. Четырехфутовая ручка была из окрашенного дерева. Женщина в нерешительности протянула метлу.

— Подойдет?

— Думаю, да, — ответил Райдаут, хотя Кэт послышалась неуверенность в его голосе. Быть может, не только у Ньюсама в последнее время помутилось в голове. — Лучше передайте ее нашей медсестре-скептику. Не хочу вас обидеть, миссис Марсден, но у молодежи реакция лучше.

Нисколько не обидевшись — скорее, испытав облегчение, — Тоня рассталась с метлой. Мелисса взяла ее и отдала Кэт.

— И что я должна делать? — поинтересовалась та. — Летать на ней?

Райдаут улыбнулся, вновь продемонстрировав темные пеньки зубов.

— Сами поймете, когда придет время. К вам же в комнату проникала когда-то летучая мышь или енот. Помните только: сначала щетина, потом палка.

— Чтобы прикончить, надо полагать? После чего вы сунете его в бутылку для сбора образцов.

— Как вам будет угодно.

— А потом поставите на полку рядом с остальными мертвыми божками?

Он не ответил.

— Пожалуйста, отдайте баллончик мистеру Дженсену.

Кэт подчинилась, а Мелисса спросила:

— В чем будет состоять моя роль?

— Наблюдайте. И молитесь, если умеете. И за меня, и за мистера Ньюсама. Молитесь, чтобы мое сердце выдержало.

Кэт, повидавшая немало фальшивых сердечных приступов, воздержалась от комментария. Она просто отошла от кровати, держа рукоятку метлы обеими руками. Поморщившись, Райдаут уселся рядом с Ньюсамом. Колени преподобного громко шелкнули, словно пистолетные выстрелы.

— Послушайте меня, мистер Дженсен.

— Да?

— Времени вам хватит — он будет оглушен, — но все равно придется действовать быстро. Как когда-то на футбольном поле. Понятно?

— Вы хотите, чтобы я угостил его «Мейсом»?

Райдаут опять сверкнул улыбкой, но Кэт подумала, что он выглядит по-настоящему больным.

— Это не «Мейс», он запрещен законом даже у меня дома, но идею вы поняли. А теперь мне нужно, чтобы все замолчали.

— Минуточку! — Кэт прислонила метлу к кровати и ощупала сначала левую руку Райдаута, потом правую. Но ощутила только простую хлопчатобумажную ткань и костлявую плоть под ней.

— Я ничего не прячу в рукавах, мисс Кэт. Уж поверьте.

— *Поторопитесь*, — взмолился Ньюсам. — Мне очень больно. То есть мне всегда больно, но треклятая буря делает еще хуже.

— Тсс, — шикнул на него Райдаут. — Замолчите все.

И они замолчали. Райдаут закрыл глаза. Его губы безмолвно шевелились. Часики Кэт отсчитали двадцать секунд, тридцать. У нее взмокли ладони. Она поочередно вытерла их о свитер и вновь ухватилась за метлу. *Мы похожи на группу людей, собравшихся у смертного одра.*

За окном ветер завывал в водосточных трубах.

Райдаут открыл глаза и склонился над Ньюсамом.

— Боже, зло извне поселилось в этом человеке, пожирая изнутри плоть и кости. Помоги же мне изгнать его подобно тому, как Сын Твой изгнал духа нечистого из одержимого в стране Гадаринской. Позволь мне говорить с маленьким зеленым божком агонии внутри Эндрю Ньюсама твоим повелевающим гласом.

Он склонился еще ниже. Потом обвил длинными, искривленными артритом пальцами одной руки основание шеи Ньюсама, словно собирался задушить его. И, склонившись еще ближе, запустил два пальца другой руки прямо в рот миллиардера. Согнув их, он оттянул нижнюю челюсть.

— Изыди! — произнес он.

Это была команда, но отданная мягким, шелковым, почти просящим голосом. По спине и рукам Кэт побежали мурашки.

— Изыди во имя Иисуса! Изыди, приказываю во имя памяти всех святых и великомучеников! Изыди по воле Господа, который позволил тебе войти, но ныне повелевает выйти. Явись на свет. Оставь свое ненасытное обжорство и изыди!

Ничего не происходило.

— Именем Иисуса, изыди! Изыди во имя памяти всех святых и великомучеников! — Его пальцы слегка сжались, и дыхание Ньюсама стало прерывистым и хриплым. — Нет, не уходи глубже. Тебе не спрятаться, маленький злодей! Явись на свет! Иисус велит тебе. Святые и великомученики велят тебе! Господь повелевает, чтобы ты перестал пожирать этого человека и покинул его.

Холодная рука ухватила Кэт за предплечье, и она чуть не вскрикнула. Это была Мелисса, с округлившимися глазами. Ее шепот казался скрежетом наждачной бумаги:

— *Смотрите.*

Выпуклость, напоминавшая зуб, появилась на горле Ньюсама прямо над расслабившимися пальцами Райдаута. Потом начала медленно перемещаться в сторону рта. Никогда в жизни Кэт не видела ничего подобного.

— Вот так, — почти пропел Райдаут. По его лицу струился пот; воротник рубашки намок и потемнел. — Выходи. Явись на свет Божий. Ты уже вдоволь наелся, маленькое порождение тьмы!

Ветер завизжал. Дождь вперемешку с мокрым снегом обстреливал окна. Свет мигал, стены дома стонали.

— Господь, впустивший тебя внутрь, велит тебе уйти. Иисус велит тебе уйти. Все святые и великомученики...

Он освободил рот Ньюсама, отдернув пальцы, словно прикоснулся к чему-то горячему. Но рот Ньюсама остался открытым. Более того, открывался все шире, сначала словно в зевке, потом в беззвучном вопле. Глаза Ньюсама закатились, а ноги задергались. Простыня над промежностью потемнела от мочи, как потемнел от пота воротник рубашки Райдаута.

— Остановитесь! — воскликнула Кэт, рванувшись вперед. — У него судороги. Необходимо это прекра...

Но Дженсен толкнул ее обратно. Она посмотрела на него и увидела, что обычно румяное лицо секретаря стало бледнее полотна.

Челюсть Ньюсама теперь почти касалась грудины. Вся нижняя часть его лица исказилась в неправдоподобно широком зевке. Кэт слышала, как скрипят височно-нижнечелюстные сухожилия, будто подколennые во время напряженной физиотерапии: такой звук издают ржавые дверные петли. Свет в комнате погас, зажегся, погас, снова зажегся.

— Изыди! — кричал Райдаут. — Изыди!

В темной впадине за зубами Ньюсама показалось нечто похожее на пузырь. Оно пульсировало.

Раздался оглушительный удар, и окно на противоположной стороне комнаты разбилось. Кофейные чашки попадали на пол и раскололись. Внезапно в спальне возникла ветка дерева. Свет погас. Включился генератор, не с урчанием, а с размеренным гулом. Когда свет снова зажегся, Райдаут лежал на кровати поверх Ньюсама, раскинув руки, уткнувшись лицом в мокрое пятно на простыне. Что-то сочило сквозь широко разинутый рот Ньюсама, и его зубы оставляли царапины на этом бесформенном существе, покрытом короткими зелеными шипами.

Вовсе не теннисный мяч, подумала Кэт. Скорее детский резиновый мячик «Куш».

При виде этого существа Тоня бросилась назад в прихожую, нагнув голову и обхватив пальцами затылок, зажимая предплечьями уши.

Зеленая тварь выпрыгнула на грудь Ньюсама.

— *Опрыскайте же его!* — крикнула Кэт Дженсену. — *Опрыскайте, пока он не сбежал!*

Да, именно так! А потом они сунут его в бутылку для образцов и закрутят пробку крепче. Как можно крепче!

Но глаза Дженсена выпучились и остекленели от ужаса. Он был похож на лунатика. Ветер гулял по комнате и трепал его волосы. Со стены сорвало картину. Дженсен выбросил вперед руку с газовым баллончиком и нажал пластмассовую кнопку. Раздалось шипение, и секретарь с воплем вскочил. Повернулся, очевидно, собираясь бежать вслед за Тоней, но споткнулся и упал на колени. Хотя Кэт была слишком потрясена, чтобы пошевелиться, ее сознание все еще работало. Она поняла, что произошло. Дженсен повернул баллончик не той стороной, и вместо того чтобы опрыснуть перечным газом тварь, которая медленно ползла по волосам лишившегося сознания Райдаута, прыснул на самого себя.

— *Не позволяйте ему добраться до меня!* — визжал Дженсен, вслепую отползая от кровати. — *Я ничего не вижу! Не позволяйте ему добраться до меня!*

Новый порыв ветра ворвался в спальню. Мертвые листья слетели с протянувшейся через окно ветки и закружились по комнате. Зеленая тварь спрыгнула на пол с морщинистой загорелой шеи Райдаута. Ощущая себя словно под водой, Кэт попыталась ударить по монстру щетиной метлы. Промажнулась. Существо исчезло под кроватью — не закатилось, а проскользнуло туда.

Дженсен полз, пока не уперся головой в стену рядом с дверью.

— *Где я? Ничего не вижу!*

Между тем Ньюсам сел в постели, озадаченно оглядываясь.

— Что происходит? Что здесь случилось?

Он сбросил с себя голову Райдаута. Священник безвольно повалился на пол.

Мелисса склонилась над ним.

— *Не делай этого!* — заорала Кэт, но слишком поздно.

Кэт не знала, в самом ли деле тварь представляла собой мелкого божка или же была странной разновидностью пиявки, но двигалась она очень быстро. Метнулась из-под кровати, прокатилась через плечо Райдаута, вскочила на ладонь Мелиссы и полезла выше. Мелисса пыталась стряхнуть монстра, но ничего не получалось. *У него какое-то клейкое вещество на этих мелких отростках*, сообщила работающая часть мозга Кэт гораздо большей его части, находившейся в отключке. *Как на лапках мухи.*

Мелисса видела, откуда вылезла тварь, а потому даже в панике сообразила зажать рот обеими ладонями. Тварь поднялась по ее шее, по щеке и пристроилась в левой глазнице. Ветер истерично визжал, и вместе с ним визжала Мелисса. Это был истошный крик женщины, охваченной болью, силу которой не смогли бы передать больничные графики с их шкалой от одного до десяти. Агония Мелиссы явно зашкаливала за сотню — нечто похожее

мог испытывать человек, которого варили заживо. Мелисса отшатнулась, сделала шаг назад, вцепившись в то, что уселось на глазу. Тварь пульсировала чаще, и Кэт отчетливо слышала негромкий сосущий звук: мерзость снова принялась за еду. *Прихлебывая.*

Ей все равно, кого жрать, подумала Кэт, внезапно осознав, что направляется к визжащей, дергающейся Мелиссе.

— *Не шевелись, Мелисса! НЕ ШЕВЕЛИСЬ!*

Но Мелисса не обращала на нее никакого внимания. Она продолжала пятиться, натолкнулась на проникшую в комнату ветку и грохнулась на пол. Кэт опустилась рядом с ней на колено и ударила Мелиссу в лицо ручкой метлы. В то место, где пристроилась на ужин тварь.

Что-то хлюпнуло, и неожиданно существо заскользило по щеке экономки, оставляя за собой влажный, слизистый след. Оно заторопилось по усыпанному жухлыми листьями полу, явно намереваясь укрыться под веткой, как прежде пряталось под кроватью. Кэт вскочила на ноги и наступила на него. Под подошвой крепкого рабочего башмака что-то чавкнуло, и зеленые клочья разлетелись в стороны, словно она раздавила воздушный шарик, наполненный соплями.

Потом Кэт снова опустилась на колени и обняла Мелиссу. Поначалу та сопротивлялась и задела кулаком ухо Кэт, но скоро обмякла, хрипло дыша.

— Оно ушло? Оно пропало, Кэт?

— Я чувствую себя намного лучше, — с удивлением произнес позади них Ньюсам, находившийся в каком-то совершенно ином мире.

— Да, его больше нет, — ответила Кэт.

Она всмотрелась в лицо Мелиссы. Глаз, на котором побывала тварь, налился кровью, но в остальном выглядел вполне нормально.

— Ты можешь видеть?

— Могу. Еще не четко, но постепенно проясняется. Кэт! Какая боль... Словно наступил конец света.

— Кто-нибудь, промойте мне глаза! — с негодованием завопил Дженсен.

— Сам промой, — весело посоветовал ему Ньюсам. — У тебя же остались две здоровые ноги, или я ошибаюсь? Я тоже с охотой начну умыться, как только Кэт научит меня ходить. И пусть кто-нибудь осмотрит Райдаута. Кажется, несчастный сукин сын мертв.

Мелисса продолжала пристально смотреть на Кэт. Один ее глаз был голубым, второй покраснел и слезился.

— Боль... Кэт, ты даже не представляешь себе, что такое настоящая боль.

— Вообще-то представляю. Теперь, — ответила Кэт.

Она оставила Мелиссу сидеть у ветки и подошла к Райдауту. Проверила пульс, но ничего не почувствовала, даже отрывистых ударов сердца, упорно цепляющегося за жизнь. Судя по всему, боль Райдаута закончилась.

В этот момент отключился генератор.

— Дьявол! — воскликнул Ньюсам, по-прежнему радостно. — Я заплатил семьдесят тысяч долларов за этот кусок японского дерьма.

— *Кто-нибудь, промойте мне глаза!* — завывал Дженсен. — *Кэт!*

Кэт уже открыла рот, чтобы ответить, но осеклась. В наступившей крошечной тьме что-то заползло ей на руку.

Посвящается Рассу Дорру

В этом автобусе — другой мир

Публичные выступления не относятся к числу моих любимых занятий. Стоя перед аудиторией, я неизменно ощущаю себя самозванцем. Причина не в том, что я по натуре отшельник и одиночка, хотя отчасти так и есть; например, я могу совершенно один прокатиться от Мэна до Флориды, при этом вполне комфортно себя чувствуя. И это не боязнь сцены, пусть я порой немного робею, когда появляюсь перед двумя-тремя тысячами зрителей. Ведь для большинства писателей подобная ситуация необычна. Мы гораздо больше привыкли к встречам в библиотеках с группами, насчитывающими десятка три почитателей. Ощущение, что ты не тот человек, попавший не в то место, возникает главным образом от понимания: на кого бы — или на что бы — ни пришла посмотреть вся эта публика, ожидаемого они не увидят. Я как писатель существую исключительно в одиночестве. А тип, появляющийся на людях и принимающийся рассказывать анекдоты и отвечать на вопросы, — лишь слабая замена истинному сочинителю.

Помню, в ноябре 2011 года меня везли на заключительное выступление в Париже в зале «Гран-Рекс», рассчитанном на 2800 мест. Я нервничал и чувствовал себя не в своей тарелке. Я сидел на заднем сиденье большого черного внедорожника. Улицы были узкими, а транспортный поток — слишком плотным. Я вез с собой обычную пачку листков — в папке у меня на коленях лежали несколько набросков к выступлению

и текст для чтения вслух. На светофоре мы встали рядом с рейсовым автобусом. Два автомобиля оказались прижаты друг к другу настолько тесно, что почти касались бортами. Я бросил взгляд в одно из окон автобуса и увидел женщину в деловом костюме, вероятно, ехавшую с работы домой. И на мгновение мне отчаянно захотелось сидеть с ней рядом и тоже возвращаться домой, чтобы легко поужинать, а затем провести пару часов в мягком удобном кресле, читая книгу при ярком свете, и не тащиться в битком набитый зал на встречу с поклонниками, чьим языком я не владел.

Должно быть, la femme почувствовала мой взгляд. Хотя, скорее, ей просто надоела газета, которую она читала. Как бы то ни было, она подняла голову и тоже посмотрела на меня, находившегося в считанных футах от нее. Наши взгляды встретились. И, как мне показалось, я прочитал в ее глазах томительное желание оказаться на моем месте в дорогом внедорожнике. Горячее стремление отправиться туда, где жизнь полна ярких огней, смеха и развлечений, а не в свою квартиру, где не ждет ничего, кроме тоскливого ужина из наспех разогретых замороженных продуктов, выпуска вечерних новостей и старого комедийного телесериала. Если бы нам удалось поменяться местами, каждый мог бы стать немного счастливее.

Потом она вновь уткнулась в газету, а я вернулся к листам из папки. Автобус поехал одним путем, а джип — другим. Однако на краткий миг мы оказались достаточно близки, чтобы заглянуть в жизни друг друга. Мне пришла в голову идея этого рассказа, и, вернувшись домой из продолжительного зарубежного турне, я написал его на одном дыхании.

Матушка Уилсона, никогда не входившая в круг богатых и счастливых людей, любила говаривать: «Если уж на тебя посыпались беды, то будут сыпаться до горячих слез».

Памятуя об этой, как и о других народных мудростях, усвоенных им на материнских коленях («Утром апельсин — золото, к ночи — свинец» — еще один ее перл), Уилсон всегда подстраховывался, считая необходимой предосторожностью иметь несколько часов в запасе перед особенно важными событиями. А в его взрослой жизни еще не выдавалось события более важного, чем путешествие в Нью-Йорк, где ему предстояло продемонстрировать портфолио и презентацию высшему руководству «Маркет форвард».

«МФ» считалась одной из крупнейших рекламных корпораций эпохи Интернета. А крошечная фирма Уилсона «Саутлэнд концептс», базировавшаяся в Бирмингеме, состояла из одного человека. Такие возможности, как эта, не подворачиваются дважды, что придавало особую важность подстраховке. Вот почему он прибыл в бирмингемский аэропорт Шаттлсуорт в четыре часа утра, чтобы попасть на прямой шестичасовой рейс. Самолет должен был приземлиться в Ла-Гардиа в двадцать минут десятого. Его встречу — точнее говоря, собеседование — назначили на половину третьего. Пять часов казались вполне достаточной подстраховкой от любых дорожных превратностей.

Поначалу все шло гладко. Сотрудник аэропорта при выходе на посадку проверил билет и разрешил Уилсону поместить объемистую папку с графическими материалами в отсек для ручной клади пассажиров первого класса, хотя Уилсон летел в экономическом. В подобных ситуациях хитрость состояла в том, чтобы попросить об одолжении как можно раньше, до того, как начнется спешка и сумятица. Нервные, взвинченные бортпроводники и слышать не хотят о том, насколько эта папка — быть может, твой билет в светлое будущее — важна для тебя.

Но ему все же пришлось сдать в багаж чемодан, потому что если он станет победителем в конкурсе за рекламный бюджет «Грин сенчури» (вероятность была высока — он обладал для этого всем необходимым), то придется провести в Нью-Йорке дней десять. Он не знал, как долго продлится процесс отсеивания конкурентов, но не желал отправлять одежду в прачечную при отеле, как и не собирался заказывать дорогостоящую еду в номер из гостиничного ресторана. Плата за такие дополнительные услуги высока во всех больших городах, тем более в Большом Яблоке.

Все продолжало идти как по маслу, пока лайнер, взлетевший точно по расписанию, не достиг воздушного пространства Нью-Йорка. Там он занял место в привычной воздушной пробке, наматывая круги в сером небе над местом посадки, которое пилоты столь метко окрестили Ла-Гадючником. В салоне звучали не слишком смешные шутки и откровенные жалобы, но Уилсон сохранял спокойствие. Его подстраховка полностью себя оправдывала; времени оставалось более чем достаточно.

Самолет приземлился в половине одиннадцатого, с опозданием, превысившим час. Уилсон направился к конвейерной ленте выдачи багажа, на которой его чемодан все не появлялся. И не появлялся. И не появлялся. Через некоторое время рядом с конвейером остались только он и бородатый старик в черном берете. А последними из вещей, еще никем не полученных и кружившихся на

ленте, были пара лыж и крупное растение с поникшими листьями в глиняном горшке, плохо перенесшее транспортировку.

— Это невозможно, — обратился Уилсон к старику. — Мы же летели прямым рейсом.

Пожилой мужчина пожал плечами:

— Должно быть, ошиблись еще в Бирмингеме. Наши с вами пожитки вполне могут сейчас со свистом мчаться куда-нибудь в Гонолулу. Я собираюсь обратиться в отдел розыска багажа. Не хотите пойти со мной?

И Уилсон пошел, в очередной раз вспоминая матушкины поговорки и вознося хвалу Господу, что хотя бы папка с материалами для презентации находилась при нем.

Он уже наполовину заполнил бланк, врученный ему клерком, когда откуда-то из-за спины раздался голос грузчика:

— Это, случайно, не принадлежит одному из вас, джентльмены?

Уилсон обернулся и увидел свой матерчатый клетчатый чемодан, выглядевший промокшим.

— Свалился с багажной тележки, — объяснил грузчик, сверив номера на квитанции Уилсона и на бирке, прикрепленной к чемодану. — Такое порой случается. Можете подать жалобу, если что-то сломалось.

— А где же мой? — спросил старик в берете.

— Пока ничем не могу помочь, — отозвался грузчик. — Но мы почти всегда рано или поздно находим потерявшиеся вещи.

— Ага, — хмыкнул старик, — вот только скорее поздно, чем рано.

Уилсон покинул здание аэропорта с мокрым чемоданом, папкой и небольшой дорожной сумкой в половине двенадцатого. За это время успели прибыть еще несколько самолетов, и на стоянке такси образовалась длинная очередь.

У меня все еще есть запас времени, утешал он себя. Трех часов хватит с лихвой. И я стою под навесом, не под

дождем. Ищи во всем положительную сторону и расслабься.

Медленно продвигаясь в очереди, он снова отрепетировал свое выступление, вызывая в памяти каждый из крупных плакатов, лежавших в папке, и не уставая мысленно повторять: надо выглядеть абсолютно спокойным, надо выкинуть из головы мысли о том, как круто может измениться к лучшему вся его жизнь, в ту же минуту, как он шагнет на порог дома 245 по Парк-авеню.

«Грин сенчури» была многонациональной нефтяной компанией, чье экологически безупречное название сослужило плохую службу, когда перевернулась одна из принадлежавших ей морских буровых установок в Мексиканском заливе, неподалеку от побережья штата Алабама. Разлив нефти был не столь катастрофическим, как в случае с платформой «Дипуотер хорайзон», но оказался достаточно обширным. И конечно, бог ты мой, злополучное название! Комики из вечерних телешоу не упустили случая вволю поиздеваться над ним. (Леттерман: «Отгадайте загадку: зеленое и черное, а воняет чем-то коричневым?») Первый отклик со стороны генерального директора, рассчитанный на жалость, — «Мы вынуждены добывать нефть там, где она залегает; кажется, люди должны бы это понимать» — нисколько не помог. Появившаяся в Интернете карикатура, на которой нефтяная вышка торчала из задницы директора, а ниже было приведено его высказывание, расплзлась по Сети, словно вирус.

И тогда группа по связям с общественностью из «Грин сенчури» обратилась к «Маркет форвард» (их давнему партнеру в рекламном бизнесе) с тем, что они считали блестящей идеей. Они хотели поручить кампанию по ликвидации последствий аварии небольшому агентству с юга, чтобы потом иметь возможность особо подчеркнуть: видите, мы не воспользовались услугами острозубых акул из Нью-Йорка, чтобы успокоить американский народ. Нас особо интересует мнение американцев, обитающих ниже той линии, которую острозубые акулы из Нью-Йорка во

время своих корпоративных вечеринок именуют не иначе как «линией Мэйсона — Идиота»*.

Очередь на такси продвинулась еще немного. Уилсон посмотрел на часы. Без пяти двенадцать.

Не повод для беспокойства, сказал он себе, начиная беспокоиться.

Ему удалось забраться в кабину такси фирмы «Джолли дингл» только в двадцать минут первого. Перспектива тащить с собой промокший тряпичный чемодан в один из чрезвычайно дорого обставленных кабинетов делового небоскреба на Манхэттене вызывала отвращение — до чего провинциально это будет выглядеть, — но он уже понимал, что от предварительной остановки в отеле, вероятно, придется отказаться.

Такси представляло собой ярко-желтый микроавтобус. За рулем сидел меланхолически настроенный сикх в огромном оранжевом тюрбане. Закатанные в пластик фотографии его жены и детей болтались под зеркалом заднего вида. Радио было настроено на 1010 Дабл-ю-ай-эн-эс, чьи ксилофонные позывные, от которых сводило челюсти, звучали в эфире каждые четыре минуты.

— Жуткий пробки сегодня, — сказал сикх, выруливая к выезду с территории аэропорта. Похоже, других английских слов он не знал. — Жуткий, жуткий пробки.

Пока они ползли в направлении Манхэттена, дождь усилился. Уилсон чувствовал, как его запас времени тает с каждой остановкой, за которой следовало мучительно короткое продвижение. Уилсону выделили на презентацию полчаса, всего лишь полчаса. Но предоставят ли ему эти полчаса, если он опоздает? Скажет ли кто-то: «Друзья! Из четырнадцати мелких рекламных агентств с юга, с которыми мы знакомимся сегодня — чтобы зажечь новую звезду на небосклоне нашего бизнеса и все такое, — лишь

* Аллюзия на линию Мэйсона — Диксона — границу, проведенную в 1763—1767 гг. Чарлзом Мэйсоном и Джереимей Диксоном для разрешения территориального спора между Пенсильванией и Мэрилендом.

одно имеет реальный опыт работы с компаниями, сталкивавшимися с серьезными экологическими проблемами, и это «Саутлэнд концептс». А потому не станем исключать мистера Джеймса Уилсона из числа претендентов только потому, что он немного задерживается».

Конечно, кто-то *может* сказать нечто подобное, подумал Уилсон, но... вряд ли. Их первоочередная задача — как можно скорее пресечь поток шуток вечерних острофолов. Вот почему столь важно умение подать себя. Но в наши дни подать себя умеет последний засранец (это уже было из сокровищницы мудростей отца Уилсона). А потому он должен прибыть вовремя.

Четверть второго. Если уж на тебя посыпались беды, то будут сыпаться, вспомнилось ему снова. Он гнал от себя эти мысли, но они невольно лезли в голову. До горючих слез.

Когда они подъезжали к туннелю Мидтаун, он наклонился вперед и попросил сикха назвать примерное время прибытия к пункту назначения.

Оранжевый тюрбан уныло качнулся из стороны в сторону.

— Никак не знать, сэр. Жуткий, жуткий пробка сегодня.

— Через полчаса доберемся?

После долгой паузы сикх ответил:

— Возможно.

Это тщательно подобранное успокоительное слово подсказало Уилсону, что дела его плохи.

Я могу оставить треклятый чемодан на приемной стойке «Маркет форвард», подумал он. Тогда мне хотя бы не придется тащить его в комнату для заседаний.

Он еще раз наклонился вперед.

— Забудьте об отеле. Отвезите меня по адресу двести сорок пять, Парк-авеню.

Туннель стал бы истинным кошмаром для человека, страдающего клаустрофобией. Чуть вперед — остановка, чуть вперед — остановка. Но и транспортный поток по ту

сторону, двигавшийся по Тридцать четвертой улице в направлении центра, оказался ничуть не лучше. Крыша микроавтобуса была достаточно высокой, чтобы Уилсон, приподнявшись, мог с тоской видеть все новые и новые препятствия у них на пути. И все же, когда они доплелись до Мэдисон, он позволил себе немного расслабиться. Он успеет в последний момент, появится гораздо позже, чем ему хотелось бы, но все же не будет вынужден звонить и униженно просить подождать, поскольку он застрял в пробке. Правильно он решил не ехать в гостиницу.

Но стоило ему похвалить себя, как впереди обнаружился прорыв магистрали водоснабжения, замаячили заградительные барьеры, и сикху пришлось искать объезд.

— Хуже, чем когда Обама прилетать, — сказал он, а радио пообещало, что если Уилсон подарит им двадцать две минуты, они подарят Уилсону весь мир. Ксилофон заклацал, словно расшатанные зубы.

Мне не нужен весь мир, подумал Уилсон. Мне всего лишь нужно оказаться на Парк-авеню, двести сорок пять, в четверть третьего. Самое позднее — в двадцать минут третьего.

Такси «Джолли дингл» снова выехало на Мэдисон. Промчалось почти без задержек до Тридцать шестой улицы, а потом опять встало. Уилсон представил футбольного комментатора, объясняющего болельщикам, что эта эффектная пробежка только выглядела впечатляюще, но никак не повлияет на результат матча. Скрипели щетки стеклоочистителя. По радио корреспондент рассказывал об электронных сигаретах. Следом пошла реклама снотворного.

Самое время принять успокоительное, подумал Уилсон. Если понадобится, отсюда я смогу дойти пешком. Всего-то одиннадцать кварталов. Вот только лил дождь, а ему придется тащить проклятый чемодан.

Автобус компании «Питер Пэн» поравнялся с такси и остановился, шумно зашипев пневматическими тормозами. Уилсон сидел достаточно высоко, чтобы иметь воз-

возможность заглянуть внутрь автобуса. В каких-нибудь пяти или шести футах от него расположилась миловидная женщина, читавшая журнал. Рядом с ней, у прохода, мужчина в черном плаще рылся в содержимом дипломата, балансировавшего у него на коленях.

Сикх посигналил, затем потряс руками, словно хотел сказать: *Вы только посмотрите, с чем мне приходится бороться в этом мире!*

Уилсон заметил, как симпатичная женщина коснулась кончиками пальцев уголков рта, видимо, проверяя на стойкость помаду. Ее сосед теперь копался в кармане крышки своего дипломата. Достал из него черный шарф, приложил к носу и понюхал.

Зачем ему это понадобилось? — удивился Уилсон. *Может, шарф пахнет духами или пудрой его жены?*

И впервые после посадки в самолет в аэропорту Бирмингема он напрочь забыл о «Грин сенчури», «Маркет форвард» и о возможном радикальном улучшении своего положения, если встреча, до которой оставалось менее получаса, пройдет успешно. На мгновение он оказался совершенно увлечен — даже зачарован — осторожными, деликатными движениями пальчиков женщины и прижатым к носу шарфом мужчины. Его осенило, что он заглянул в какой-то другой мир. Да. Автобус представлял собой часть другого мира. Этот мужчина и эта женщина тоже спешили на какие-то встречи, тоже возлагали на них надежды. Им тоже нужно было платить по счетам. У них были братья и сестры, и они помнили свои детские игрушки, которые никогда не забываются. Возможно, еще студенткой колледжа эта женщина сделала аборт. А мужчина вставил себе в пенис кольцо. У обоих могли жить домашние животные, и у этих животных были имена.

Перед мысленным взором Уилсона на мгновение возник образ — смутный, не до конца оформившийся, но невероятный в своей огромности, — вид на заводную вселенную, где каждое колесико, каждая шестеренка совершали свое таинственное вращение, имевшее кармический

смысл или не имевшее смысла вообще. Здесь находился мир такси «Джолли дингл», а всего в пяти футах существовал мир автобуса «Питер Пэн». И разделяли их только пять футов пространства и два слоя стекла. Уилсона несказанно поразил этот совершенно очевидный факт.

— Жуткий пробка, — повторил сикх. — Хуже, чем Обама, слово даю.

Мужчина отнял от носа черный шарф. Он держал его в одной руке, а другой полез в карман плаща. Женщина у окна продолжала листать журнал. Мужчина повернулся к ней. Уилсон видел, как начали шевелиться его губы. Женщина подняла голову, и ее глаза широко раскрылись в явном изумлении. Мужчина склонился ближе, словно собирался поделиться с ней секретом. Уилсон не понимал, что вещь, которую мужчина достал из кармана плаща, была ножом, пока он не перерезал им горло женщины.

Ее глаза округлились еще больше. Рот приоткрылся. Она потянулась к горлу. Той же рукой, в которой был нож, мужчина в плаще нежно, но решительно опустил ее руку. В тот же момент он прижал черный шарф к горлу женщины. А затем поцеловал ее в висок, глядя поверх ее волос. Он увидел Уилсона, и его губы разошлись в улыбке, достаточно широкой, чтобы продемонстрировать два ряда мелких, ровных зубов. Мужчина кивнул Уилсону, то ли желая тому приятного дня, то ли говоря: *теперь у нас есть общий секрет*. На окне рядом с головой женщины появилась капля крови. Набухла, потом соскользнула вниз по стеклу. Все еще прижимая шарф к горлу жертвы, Мужчина-в-Плаще засунул палец в безвольно приоткрывшийся рот женщины. Он продолжал улыбаться Уилсону.

— Наконец-то! — воскликнул сикх, и такси «Джолли дингл» тронулось.

— Вы видели? — спросил Уилсон. Голос его звучал совершенно невыразительно, даже не удивленно. — Того мужчину. Мужчину в автобусе. Что сидел рядом с женщиной.

— Что я видеть? — в свою очередь, спросил сикх. Светофор на углу переключился на желтый, но водитель так-си проскочил перекресток, перестроившись в другой ряд, игнорируя громкие сигналы. Автобус «Питер Пэн» остался далеко позади. А впереди сквозь пелену дождя замаячило здание Центрального вокзала Нью-Йорка, мрачное и похожее на тюрьму.

Только теперь, когда такси снова ехало без помех, Уилсон вспомнил о своем мобильном телефоне. Он достал его из кармана и принялся разглядывать. Отличайся он сообразительностью (это качество, по мнению матушки, целиком досталось его брату), мог бы успеть сделать фото Мужчины-в-Плаще. Теперь слишком поздно заниматься фотографией, но не поздно позвонить 911. Само собой, анонимности не получится: его имя и номер телефона высветятся на экране компьютера в диспетчерской, как только установится соединение. И ему перезвонят, поскольку захотят убедиться, что он не шутник, пожелавший скрасить скуку серого, дождливого дня в промозглом Нью-Йорке. Они потребуют информации, и ему придется ее дать. С него снимут показания в ближайшем полицейском участке. Причем заставят повторить свой рассказ несколько раз. И его презентация не вызовет у них никакого интереса.

А у презентации имелся звучный заголовок: «Дайте нам три года, и мы докажем свою правоту!». Уилсон подумал о том, как предполагал все преподнести. Он бы начал с того, что посоветовал бы собравшимся мастерам и труженикам пиара не избегать прямого упоминания о последствиях разлива нефти. От этого никуда не деться. Добровольцы все еще отмывали стиральным порошком перепачканных нефтью птиц вдоль побережья. Такой мусор под ковер не заметишь. Однако, продолжил бы он, в признании и искуплении вины нет ничего зазорного, а правда порой может выглядеть красиво. Люди сами захотят поверить вам, коллеги. В конце концов, они же понимают, что нуждаются в вас. Им не обойтись без топ-

лива, чтобы попасть из пункта А в пункт Б, и они не хотят чувствовать себя соучастниками в насилии над окружающей средой. Дойдя до этого места, он открыл бы папку и выставил бы на всеобщее обозрение свой первый плакат: фотографию мальчика и девочки, стоящих на безупречно чистом пляже спинами к камере и смотрящих на воду ярко-синего цвета. «ЭНЕРГИЯ И КРАСОТА МОГУТ СОСУЩЕСТВОВАТЬ, — гласил плакат. — ДАЙТЕ НАМ ТРИ ГОДА, И МЫ ДОКАЖЕМ СВОЮ ПРАВОТУ!»

А позвонить по 911 так просто, что с этим справится и ребенок. И справляется. Если кто-то чужой ломится в дом. Если младшая сестричка падает с лестницы. Если папа обижает маму.

Следом шла иллюстрация к телевизионному рекламному ролику, который следовало крутить во всех штатах, прилежавших к Мексиканскому заливу, с особым упором на выпуски местных новостей и круглосуточные кабельные каналы вроде «ФОКС» и Эм-эс-эн-би-си. Цейтраферная съемка демонстрирует, как черный, изгаженный нефтью берег моря снова становится чистым. «Мы отвечаем за свои ошибки, — говорит диктор (с легким южным акцентом). — Именно так мы ведем свой бизнес, именно так относимся к своим соседям. Дайте нам три года, и мы докажем свою правоту!»

Затем образцы рекламы в печатных изданиях. Рекламы по радио. И переход к фазе номер два...

— Сэр? Вы что-то сказать?

Я бы мог позвонить, думал Уилсон. Но этот тип, вероятно, соскочит с автобуса задолго до прибытия полиции. Вероятно? Наверняка! Без сомнения!

Он обернулся. Автобус значительно отстал от такси. Быть может, женщина успела поднять крик. Быть может, другие пассажиры уже навалились на убийцу и скрутили его, как пассажиры подземки набросились на того террориста с бомбой в обувной коробке, когда поняли, что у него на уме.

А потом ему вспомнилось, как улыбался мужчина в плаще. И как он сунул палец в безвольно открывшийся рот женщины.

Кстати, пришла вдруг в голову Уилсона неожиданная мысль. Если уж говорить о шутниках. Вполне могло оказаться, что ему все это просто померещилось. Что это был розыгрыш. Который те двое постоянно устраивали. Что-то в духе флешмоба.

И чем дольше он размышлял, тем правдоподобнее казалась эта мысль. Мужчины перерезали женщинам глотки в темных закоулках и в детективных телесериалах, но не в переполненных автобусах «Питер Пэн» среди бела дня. А что до самого Уилсона, то он выступал с планом превосходной кампании. Он был нужным человеком в нужном месте и в нужное время. И подобный шанс выпадал только раз в жизни. Такой поговорки у матушки не было, но факт оставался фактом.

— Сэр?

— Высадите меня у следующего светофора, — распорядился Уилсон. — Оттуда я дойду.

Посвящается Хешу Кестину

Некрологи

Ребенком я пересмотрел множество фильмов ужасов (вы, вероятно, догадывались об этом). Взять меня за живое не составляло труда, так что обычно я пугался до смерти. В зале темно, изображение гораздо больше тебя, звуки такие громкие, что страшно, даже когда зажмуришься. Телевидение, разумеется, уступало кино по степени воздействия. Ритм фильма рвали рекламные ролики, да и самые жуткие эпизоды вырезали, чтобы не создавать новые комплексы у юнцов, которые могли эти фильмы смотреть (со мной, увы, цензоры опоздали: я уже видел мертвую женщину, встающую из ванны в фильме «Дьяволицы»). Опять же, ты всегда мог укрыться на кухне, достать из холодильника банку шипучки «Хайрес» и возиться с ней до тех пор, пока страшная музыка не сменится криком какого-нибудь местного торгаша: «Автомобили! Автомобили! Автомобили! Никакой кредитной истории! Мы продаем ВСЕМ!»

Однако один фильм, который я видел по телевизору, сделал свое дело. По крайней мере, первый его час (из семидесяти семи минут). Финал загубил фильм, и я до сих пор мечтаю, чтобы кто-нибудь снял ремейк и довел замысел до логического конца. Название у этого фильма было лучше не придумашь: «Я хороню живого».

Я думал о нем, когда писал этот рассказ.

Выражайся ясно, излагай все четко и последовательно. Так звучало евангелие от Верна Хиггинса, возглавлявшего факультет журналистики в Университете Род-Айленда, который я окончил. Многое услышанное за годы учебы влетало в одно ухо и вылетало из другого, но только не этот постулат: профессор Хиггинс снова и снова вколачивал его в нас. Людям, говорил он, нужны ясность и выразительность слога, чтобы запустить процесс осознания.

Настоящая работа журналиста, учил он студентов, состоит в том, чтобы представлять людям факты, которые позволят им принимать решения и двигаться дальше. Поэтому никакой фантазии. Никакой слащавости или напыщенности. Начинайте с начала, аккуратно излагайте середину, чтобы одно событие логично вело к следующему, и заканчивайте концовкой. Которая в журналистике — это он особо подчеркивал — является концовкой *лишь на текущий момент*. И никогда не скатывайтесь к бессмысленному трепу на манер *как полагают некоторые... и по общему мнению...* Каждому факту — свой источник; это правило. И записывайте все простым английским языком, без прикрас и витиеватости. Место риторических пассажей — на странице мнений и комментариев.

Я сомневаюсь, что кто-нибудь поверит написанному ниже, и моя карьера в «Неоновом круге» имела мало общего с хорошей журналистикой, но здесь я постараюсь:

каждый подкрепленный фактами эпизод будет подводить к следующему. От начала через середину к концовке.

Во всяком случае, к концовке на текущий момент.

Хорошая журналистика всегда начинается с пяти слов, и в английском языке все они на букву W: кто, что, когда, где и — если удастся выяснить — почему. В моем случае «почему» — крепкий орешек.

А вот с «кто» проблем не возникает: ваш не слишком бесстрашный рассказчик Майкл Андерсон. Мне было двадцать семь, когда это случилось. Я окончил УРА с дипломом бакалавра гуманитарных наук в области журналистики. Два года после окончания учебы я жил с родителями в Бруклине и работал в одной из бесплатных газетенки, какие раздают в супермаркетах: переписывал новостные статьи, которыми разбавляли бескрайнее море рекламных объявлений и купонов. Разумеется, я рассылал резюме (одно название, а не резюме), но ни одна газета Нью-Йорка, Коннектикута или Нью-Джерси не проявила ко мне интереса. Ни родителей, ни меня это особо не удивляло, и не потому, что я плохо учился (на самом деле очень даже ничего) или качество моего портфолио оставляло желать лучшего (в основном статьи из студенческой газеты УРА «Хорошая пятицентовая сигара»*; некоторые даже были отмечены премиями). Просто газеты никого не нанимали. Совсем наоборот.

(Если бы профессор Хиггинс увидел все эти скобки, он бы меня убил.)

Родители убеждали меня — мягко, ненавязчиво — начать поиски работы в другой сфере. «Смежной, — дипломатично предлагал отец. — Скажем, в рекламе».

«Реклама — не новости, — отвечал я. — Реклама — антипод новостей». Но мысль его я понял: он представлял

* Название газеты — отрывок фразы («Что нужно этой стране — так это хорошая пятицентовая сигара») из речи, произнесенной в сенате Томасом Маршаллом (1854–1925), вице-президентом США в администрации Вудро Вильсона.

себе сорокалетнего меня, открывающего глубокой ночью родительский холодильник, чтобы чем-нибудь перекусить. Супероболтус.

С неохотой я принялся за составление списка рекламных агентств, которые могли бы взять молодого копирайтера, владеющего словом, но без опыта работы. А потом одним вечером — наутро я намеревался разослать резюме агентствам по списку — мне в голову пришла эта дурацкая идея. Иногда — часто — я лежу ночами без сна, гадая, как бы сложилась моя жизнь, если бы меня не осенило.

В те дни «Неоновый круг» входил в число моих любимых сайтов. Если вы — ценитель сарказма и злорадства, то наверняка его знаете: та же «Зона»*, только авторы на порядок лучше. Пишет по большей части про местных знаменитостей, с редкими вылазками в зловонные глубины политики Нью-Йорка и Нью-Джерси. Если бы мне пришлось охарактеризовать их взгляд на мир, я бы показал фотоснимок, который появился на сайте примерно через шесть месяцев после того, как меня взяли на работу. На снимке был Род Питерсон (в «Круге» его именовали не иначе как «Барри Манилоу своего поколения») у ночного клуба «Паша». Подруга Питерсона, согнувшись пополам, блевала в ливневую канаву. Сам же Питерсон с глуповатой ухмылкой шарил под юбкой девушки. Надпись под фотографией гласила: «РОД ПИТЕРСОН, БАРРИ МАНИЛОУ СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ, ИССЛЕДУЕТ НЬЮ-ЙОРКСКИЙ НИЖНИЙ ИСТ-САЙД».

«Круг» — в первую очередь интернет-журнал, и одного клика достаточно, чтобы попасть в любой из множества его разделов: «ЗВЕЗДНАЯ АЛЛЕЯ СТЫДА», «ГРЕХОВНЫЕ УТЕХИ», «ЛУЧШЕ БЫ Я ЭТОГО НЕ ВИДЕЛ», «ХУДШАЯ ТЕЛЕПЕРЕДАЧА НЕДЕЛИ», «КТО ПИШЕТ ЭТО ДЕРЬМО». И так далее, но смысл вы уловили. В тот вечер — на столе лежала стопка резюме, которые я собирался разослать по агентствам, где мне совершенно не хотелось работать —

* Имеется в виду TMZ.com (Thirty Mile Zone / Тридцатимильная зона) — популярный интернет-журнал.

я открыл главную страницу «Неонового круга», чтобы немного развеяться, и обнаружил, что популярный молодой актер Джек Бриггс покинул нас. На фотоснимке недельной давности, полностью соответствующем дурному вкусу «Круга», Бриггс, покачиваясь, выходил из модного кабака в центре города, а вот сама новостная заметка была непривычно четкой и резко контрастировала со стилистикой «Круга». Вот тут меня и озарило. Я быстро порывлся в Сети и тут же написал тошнотворный некролог.

Джека Бриггса, прославившегося отвратительной игрой в прошлогодних «Святых роллерах», где он изображал говорящий книжный шкаф, влюбленный в Дженнифер Лоренс, нашли мертвым в номере отеля в окружении некоторых из его любимых порошковых лакомств. Он присоединяется к «Клубу 27», чтобы составить компанию таким известным любителям запрещенных субстанций, как Роберт Джонсон, Джими Хендрикс, Дженис Джоуплин, Курт Кобейн и Эми Уайнхаус. Бриггс притащился на актерскую сцену в 2005-м, когда...

Короче, вы поняли. Инфантильно, пренебрежительно, непристойно до безобразия. Возможно, мне следовало сбросить законченный некролог в корзину, потому что жестокостью он даже превосходил привычный сарказм «Неонового круга». Но я просто развлекался (с тех пор у меня не раз возникал вопрос, у скольких людей карьера началась с развлечений), а потому отослал некролог.

Два дня спустя — Сеть ускоряет решительно все — я получил электронное письмо от некой Джеромы Уайтфилд. Они не только собирались опубликовать некролог, но и хотели обсудить дальнейшее сотрудничество по части таких вот мерзопакостей. Дама интересовалась, есть ли у меня возможность подъехать на ланч и все обсудить.

Как выяснилось, с галстуком и приталенным пиджаком я сильно перегнул палку. Редакцию «Круга» заполняли мужчины и женщины, напоминавшие мальчишек и девчонок в футболках с рок-концертов. Две женщины пришли на работу в шортах, один парень ходил в плот-

нищком комбинезоне, воткнув маркер в ирокез. Как выяснилось, он возглавлял спортивный отдел, когда-то опубликовавший запоминающуюся статью под заголовком: «ДЖИНТЫ* ОПЯТЬ ПРОСРАЛИ В КРАСНОЙ ЗОНЕ». Наверное, не стоило и удивляться. Это была (и есть) журналистика эпохи Интернета, и на каждого человека, сидевшего в тот день в редакции, приходилось пять или шесть внештатников, пишущих дома. За нищенские гонорары, о чем я мог бы и не упоминать.

Я слышал об удивительных временах, оставшихся в туманном, загадочном прошлом Нью-Йорка, когда издатель или редактор приглашал автора на ланч в такие места, как «Времена года», «Цирк» или «Русская чайная». Может, так оно и было, но в тот день я обедал в захламленном кабинете Джеромы Уайтфилд. А состоял мой ланч из сэндвича из ближайшей кулинарии и крем-сода «Доктор Браун». По меркам «Круга», Джерома была глубокой старухой (за сорок), и мне с самого начала не понравилась ее резкая настойчивость, но она хотела взять меня на работу, чтобы я каждую неделю писал страничку некрологов, а потому сразу стала для меня богиней. Она даже придумала название для моей рубрики: «О мертвых — дурное».

Справлюсь ли я с этим? Справлюсь.

Готов ли писать за жалкие гроши? Готов. Во всяком случае, поначалу.

Когда рубрика стала наиболее посещаемой в «Неоновом круге» и мое имя уже прочно с ней ассоциировалось, я попросил прибавки. Отчасти потому, что мне хотелось снять квартиру, чтобы жить отдельно от родителей, отчасти потому, что надоело получать гроши за страничку, написанную единолично и приносящую львиную долю дохода издания.

Первая попытка улучшить собственное благосостояние закончилась успешно, возможно, по причине того, что я блеял, а не требовал, да и притязания мои были смехо-

* «Джинты» — прозвище профессиональной футбольной команды «Нью-Йорк джайантс».

творно скромными. Четырьмя месяцами позже, когда поползли слухи, будто большая корпорация покупает наш журнал за весьма приличные деньги, я вновь посетил кабинет Джеромы и попросил большую прибавку, теперь уже без лишней робости.

— Извини, Майк, — ответила она. — Как поется в знаменитой песне Холла и Оутса, я не могу пойти на это, просто не могу. Возьми конфетку.

Почетное место на заваленном всякой всячиной столе Джеромы занимала стеклянная чаша, наполненная эвкалиптовыми леденцами с запахом ментола. Обертки пестрели поднимающими дух надписями. «Издай свой боевой клич», — призывала одна. Другая советовала (меня как филолога трясет от того, что сейчас придется написать): «*Преврати могу сделать в ужю сделал*».

— Нет, благодарю. Разреши, я сначала изложу свои аргументы.

Я изложил свои аргументы, то есть, можно сказать, попытался превратить *могу сделать* в *ужю сделано*. Я исходил из того, что авторское вознаграждение должно в большей степени соотноситься с доходом, который приносила страничка «О мертвых — дурное». Особенно потому, что «Неоновый круг» собирался купить один из крупных игроков.

Когда я закончил, она взяла леденец, развернула, сунула между губ цвета спелой сливы и ответила:

— Ладно! Отлично! Раз ты облегчил душу, можешь приступить к работе над Бугром Девоу. Лакомый кусочек.

Тут она не ошиблась. Бугра, солиста «Енотов», застрелила его подружка, когда он пытался влезть в окно спальни ее дома в Хэмптонсе, вероятно, шутки ради. Девушка приняла его за грабителя. Пикантности этой истории добавляло следующее обстоятельство: пистолет, которым воспользовалась девица, Бугор подарил ей на день рождения. В итоге он стал самым новым членом «Клуба 27» и теперь, наверное, сравнивал гитарные аккорды с Брайаном Джонсом.

— Значит, реагировать ты не собираешься, — насутился я. — Теперь понятно, как ты меня ценишь.

Она наклонилась вперед, улыбнулась, показав кончики мелких белых зубов. Я ощутил запах ментола. Или эвкалипта. Или и того и другого.

— Позволь мне говорить откровенно. Для парня, все еще живущего с родителями в Бруклине, у тебя удивительно высокое самомнение. Думаешь, больше никто не может ссать на могилы идиотов-говнюков, которые за праздновались до смерти? Подумай еще раз. У меня полдесятка внештатников, которые смогут это делать, и, возможно, их тексты будут смешнее.

— Так почему бы мне не уйти, чтобы ты могла это выяснить? — Я уже завелся.

Джерома широко улыбнулась и щелкнула леденцом по зубам.

— Скатертью дорога. Но учти, ты уйдешь, а страничка «О мертвых — дурное» останется. Это мое заглавие, и оно принадлежит «Кругу». Конечно, благодаря тебе страничка приобрела популярность, я не собираюсь этого отрицать. Так что выбор за тобой, малыш. Или ты возвращаешься к компьютеру и набиваешь некролог Бугра, или договариваешься о собеседовании с «Нью-Йорк пост». Может, они тебя возьмут. Будешь писать говняные короткие заметки без подписи на шестую страницу. Если тебя это устраивает, имеешь право.

— Я напишу некролог, но мы вернемся к этому разговору, Джерри.

— Не вернемся. И не называй меня Джерри. Ты знаешь, я этого терпеть не могу.

Я поднялся, чтобы уйти. Мое лицо пылало. Наверное, я напоминал знак «Стоп».

— Возьми леденец, — предложила она. — Черт, возьми два. Они очень успокаивают.

Я пренебрежительно глянул на стеклянную чашу и ушел, подавив (с трудом) инфантильное желание хлопнуть дверью.

* * *

Если вы представляете шумную новостную редакцию, какую можно увидеть на Си-эн-эн за спиной Вульфа Блитцера или в старом фильме о Вудворде и Бернстайне, разоблачающих Никсона, то напрасно. Как я уже говорил, большая часть сотрудников «Круга» работает дома. И наша новостная редакция (если вы хотите сделать «Кругу» незаслуженный комплимент, называя эти материалы новостями) размерами не превышает широкий трейлер. В это пространство втиснуто двадцать школьных парт, обращенных к ряду телевизионных экранов на стене. Звук на них выключен. На каждом столе — обшарпанный ноутбук с веселенькой наклейкой: «ПОЖАЛУЙСТА, УВАЖАЙТЕ ЭТИ МАШИНЫ».

В то утро редакция практически пустовала. Я сел в заднем ряду, рядом с красочным плакатом, изображавшим обед Дня благодарения, плавающий в унитазе. Надпись гласила: «ПОЖАЛУЙСТА, СРИ ТАМ, ГДЕ ЕШЬ». Я включил ноутбук, достал из портфеля распечатки, касавшиеся короткой и не слишком впечатляющей карьеры Бугра, и просматривал их, пока компьютер загружался. Открыл «Ворд», напечатал заголовок — «НЕКРОЛОГ БУГРА ДЕ-ВОУ» — и уставился на пустой экран. Мне платили за то, чтобы я смеялся над смертью на потребу двадцатилетним. Мои читатели нисколько не сомневались, что смерть их не коснется, но трудно писать что-то забавное, если ты зол как черт.

— Проблема с первым словом?

Ко мне подошла Кэти Каррэн, высокая стройная блондинка, к которой я испытывал нешуточную страсть, почти наверняка безответную. Ко мне она относилась по-доброму, разговаривала вежливо, смеялась над моими шутками. Обычно такое не свидетельствует о наличии страсти. Удивляло ли это меня? Разумеется, нет. Я в отличие от нее сексуальной привлекательностью не отличался. Если откровенно, я был типичным ботаном — над такими смеются подростки. Лишь на третьем месяце работы в «Кру-

ге» я избавился от неизменного атрибута ботана: очков, обмотанных изолентой.

— Есть немного, — ответил я. Чувствуя аромат ее духов. Что-то фруктовое. Свежие груши, наверное. Что-то свежее — точно.

Она села за соседний стол, длинноногая мечта в потертых джинсах.

— Когда такое случается со мной, я печатаю: *«Шустрый рыжий лис перепрыгнул через ленивого пса»*. Три раза, очень быстро. И креативные шлюзы разом открываются. — Она раскинула руки, показывая, как широко открываются эти шлюзы, и одновременно демонстрируя вид, от которого захватывало дух: груди, плотно обтянутые черным топилом.

— Не думаю, что в моем случае это сработает, — ответил я.

Кэти вела свою страничку, не такую популярную, как «О мертвых — дурное», но тоже посещаемую: в «Твиттере» у нее было полмиллиона подписчиков. (Из скромности умолчу, сколько их было у меня, но вы не ошибетесь, подумав о семизначном числе.) Называлась она «Бухаем с Кэти». Идея заключалась в том, чтобы встретиться со знаменитостями, о которых у нас еще не писали — соглашались даже некоторые из тех, о ком мы уже писали, хотя такое трудно себе представить, — и взять интервью, пока они набирались все сильнее и сильнее. Диву даешься, что слетало у них с языка, а Кэти все сохраняла в своем маленьком, аккуратном розовом айфоне.

Вроде бы и она должна была напиваться вместе с ними, но ей как-то удавалось оставлять на три четверти полным даже первый стакан, когда они перемещались из одного злачного места в другое. Знаменитости редко это замечали, потому что их больше занимали идеальный овал лица, копна пшеничных волос и широко раскрытые серые глаза, всегда говорившие одно и то же: «Боже, какой ты интересный». И они выстраивались в очередь на закланье, хотя Кэти загубила полдесятка карьер за то время, что

проработала в «Круге», к которому присоединилась за восемнадцать месяцев до моего появления. Самым знаменитым стало ее интервью с комиком, который проехался по Майклу Джексону: «Оно и к лучшему, что этот сладкожопый любитель белых помер».

— Как я понимаю, прибавки не будет? — Кэти мотнула головой в сторону кабинета Джеромы.

— Откуда ты знаешь, что я собирался просить прибавку? Я тебе говорил? — Завороженный этими роскошными глазами, я мог рассказать ей все.

— Нет, но все знали, что ты попросишь — и получишь отказ. Если бы она согласилась, к ней бы повалили все. Отказывая самому достойному, она затыкает рот остальным.

Самому достойному. До чего приятно такое слышать. Особенно от Кэти.

— Так ты собираешься остаться?

— На время, — произнес я, приподняв уголок рта. Это отлично получалось в старых фильмах у Богарта, но Кэти встала, смахивая несуществующую пылинку с чарующе плоского живота.

— Надо писать. Вик Олбини. Господи, он такого наговорил.

— Идол гейской тусовки.

— Экстренный выпуск новостей: не гейской. — Она загадочно улыбнулась и отбыла, оставив меня гадать, что бы это значило. Но хотел ли я знать?

Я просидел перед пустым монитором десять минут, начал печатать, понял, делаю что-то не то, все стер, просидел еще десять минут. Я чувствовал на себе взгляд Джеромы, знал, что она ухмыляется, пусть мысленно. Я не мог работать под ее взглядом, даже воображаемым. Решил пойти домой и там написать некролог Девоу. Вдруг меня осенит в подzemке: мне там всегда хорошо думалось. Я уже начал закрывать ноутбук, и тут меня действительно осенило, как в тот вечер, когда я увидел записку о Джеке Бриггсе, который присоединился к небесной тусовке зна-

менитостей. Я решил, что уйду, наплевав на последствия, но уйду с огоньком.

Файл с заголовком о Деву я сбросил в корзину и открыл новый, который озаглавил «НЕКРОЛОГ ДЖЕРОМЫ УАЙТФИЛД». Я написал его на одном дыхании. Две сотни брызжащих ядом слов излились из пальцев на экран.

Джерома Уайтфилд — Джерри для близких друзей (по слухам, была у нее парочка таковых в детском саду) умерла сегодня в... — я посмотрел на часы, — в десять сорок утра. Согласно свидетельству очевидцев, захлебнулась собственной желчью. Окончив Вассар с отличием, последние три года своей жизни Джерри ишачила на Третьей авеню, надзирая за двумя дюжинами галерных рабов, и все они превосходили ее талантом. У нее остались муж, известный среди сотрудников «Неонового круга» как Кастрированная Жаба, и ребенок, уродливый маленький говнюк, которого те же сотрудники с любовью называли Пол-Потом. Работавшие с Джерри сходятся в том, что природа не даровала ей даже крупинцы таланта, зато с лихвой отвалила деспотичности и безжалостности. Напоминающий ослиный рев голос Джерри вызывал у многих нарушения мозгового кровообращения, а об отсутствии у нее чувства юмора ходили легенды. Жаба и Пот высказали пожелание, чтобы те, кто знал Джерри, выразили радость по поводу ее кончины не цветами, а купив эвкалиптовые леденцы и отправив их голодающим детям в Африку. Церемония прощания пройдет в редакции «Неонового круга», где счастливые выжившие смогут поделиться греющими душу воспоминаниями и хором спеть: «Дин-дон, ура, Ведьма померла».

Моя идея заключалась в том, чтобы распечатать дюжину экземпляров, развесить их повсюду — включая туалеты и оба лифта, — а потом сказать прости-прощай редакции «Неонового круга» и Королеве леденцов от кашля. Наверное, я бы так и сделал, если бы не перечитал напи-

санное и не обнаружил: не смешно. Совсем не смешно. Творение ребенка, бьющегося в истерике. Мысль эта подвела меня к вопросу: а может, все остальные мои некрологи тоже были несмешными и глупыми?

Впервые (не хотите — не верьте, но клянусь, это правда) до меня дошло, что Бугор Девоу был *реальным человеком* и где-то могли плакать люди, потому что он ушел. То же самое, вероятно, относилось и к Джеку Бриггсу... и к Фрэнку Форду (я окрестил его известным лапальщиком из «Вечернего шоу»)... и к Тревору Уиллсу, звезде реалити-шоу, который покончил с собой после того, как его сфотографировали в постели с шурином. Этот фотоснимок «Круг» радостно разместил в Сети, добавив черную полосу, прикрывавшую причинное место шурина. (Детородный орган Уиллса в кадр не попал, и вы, полагаю, догадались, где он находился в тот момент.)

Понял я и то, что растрачиваю лучшие годы жизни на дурное дело. Постыдное. Это слово ни при каких обстоятельствах не пришло бы в голову Джероме Уайтфилд.

Вместо того чтобы распечатать файл, я закрыл его, сбросил в корзину, захлопнул ноутбук. Подумал о том, чтобы вернуться в кабинет Джеромы и сказать ей, что покончил с занятием, ничем не отличавшимся от размазывания говна по стене, но мой внутренний голос — всем известный коп-регулирующий — предложил подождать. Все хорошенько обдумать и обрести полную уверенность.

Двадцать четыре часа, объявил коп-регулирующий. Днем сходи в кино. Отложи решение до завтра. Если к утру ничего не изменится, ступай с Богом, сын мой.

— Так скоро? — спросила Кэти, оторвавшись от своего ноутбука, и впервые со дня моего появления в «Неоновом круге» взгляд широко раскрытых серых глаз не пригвоздил меня к месту. Я просто махнул ей рукой и вышел.

Я сидел на дневном показе «Доктора Стрейнджлава» в «Фильм-форуме», когда завибрировал мой мобильник.

Поскольку кинозал размером в гостиную пустовал, если не считать меня, двух задремавших пьяниц и парочки подростков, которые издавали сосущие звуки в последнем ряду, я рискнул взглянуть на экран и увидел, что пришла СМС от Кэти: **«Оторвись от того, чем занимаешься, и позвони мне НЕМЕДЛЕННО!»**

Я вышел в фойе без особого сожаления (хотя мне всегда нравилось смотреть, как Слим Пикенс, оседлав бомбу, летит к земле) и позвонил Кэти. Без преувеличения могу сказать, что первые два ее слова изменили мою жизнь.

— Джерома умерла.

— *Что?* — Я почти кричал.

Продававшая попкорн девушка вздрогнула и посмотрела на меня поверх журнала.

— Умерла, Майкл. *Умерла!* Подавилась этими чертовыми эвкалиптовыми леденцами, которые всегда сосала.

Умерла в десять сорок утра, написал я. *Захлебнулась собственной желчью.*

Конечно, всего лишь совпадение, но крайне зловещее. Бог превратил Джерому Уайтфилд из *могу сделать в ужю* *сделано*.

— Майк? Ты здесь?

— Да.

— Заместителя у нее не было. Ты это знаешь, да?

— Да, да. — Теперь я думал о том, как она предложила мне леденец, а своим щелкнула по зубам.

— Поэтому я взяла инициативу на себя и обзвонила всех, назначив общее совещание на завтра. В десять утра. Кто-то должен был это сделать. Ты придешь?

— Не знаю. Может, и нет. — Я уже направлялся к выходу на Хьюстон-стрит, но вспомнил, что оставил портфель в зале, и пошел обратно за ним. Свободной рукой я дергал себя за волосы. Продавщица попкорна смотрела на меня с нескрываемым подозрением. — Этим утром я практически решил, что уволюсь.

— Знаю. Прочла на твоем лице, когда ты уходил.

Мысль о Кэти, всматривающейся в мое лицо, при других обстоятельствах лишила бы меня дара речи, но не сейчас.

— Это случилось в редакции?

— Да. После двух часов. Нас было четверо, никто особо не работал, трепались, делились всякими историями и слухами. Сам знаешь, о чем я.

Я знал. Ради этой болтовни я и ездил в редакцию, вместо того чтобы работать дома, в Бруклине. Ну и ради возможности полюбоваться Кэти.

— Дверь в кабинет была закрыта, но жалюзи были подняты. — Обычное дело. Джероме нравилось наблюдать за своими подданными. Жалюзи она опускала, только если беседовала с — по ее мнению — важной особой. — Я ни о чем не подозревала, пока Мизинчик не сказал: «Что это с боссом? Дергается словно под “Gangnam Style”». Я посмотрела, и она дергалась взад-вперед на офисном кресле, схватившись за шею. Потом свалилась с кресла, и я видела только ее ноги, выбивавшие дробь на полу. Роберта спросила, что нам делать. Я ей даже не ответила.

Они ворвались в кабинет. Роберта Хилл и Чин Пак Су подняли Джерому, держа за подмышки. Кэти встала сзади и сделала прием Геймлиха. Мизинчик стоял в дверях и размахивал руками. Первое сильное нажатие на диафрагму результата не принесло. Кэти крикнула Мизинчику: «Зво-ни девять-один-один» — и предприняла вторую попытку. Эвкалиптовый леденец улетел в дальний конец комнаты. Джерома глубоко вдохнула и произнесла свои последние слова (на мой взгляд, абсолютно в ее духе): «Какого хрена?» Потом ее вновь затрясло, и она перестала дышать. Чин делал ей искусственное дыхание до приезда «скорой», но впустую.

— Я посмотрела на настенные часы, когда она перестала дышать, — продолжила Кэти. — Знаешь, это отвратительное ретро с синим псом Гекльберри на циферблате. Я подумала... Ну, не знаю, подумала, что кто-то может

здать мне вопрос о времени смерти, как в «Законе и порядке». Глупо, конечно, нашла о чем думать в такой ситуации. Они показывали без десяти три. Не прошло и часа, хотя кажется, что гораздо больше.

— То есть она могла подавиться леденцом от кашля в два сорок, — уточнил я. Не в *десять* сорок, а в *два* сорок. Я знал, что это всего лишь еще одно совпадение, как число букв в фамилиях Линкольн и Рузвельт. Каждые сутки часы двадцать четыре раза показывают сорок минут. Но мне это все равно не нравилось.

— Пожалуй, но какое это имеет значение? — В голос Кэти слышалось раздражение. — Так ты придешь завтра или нет? Пожалуйста, приходи, Майк. Ты мне нужен.

Я понадобился Кэти Каррэн! Круто!

— Ладно. Можешь кое-что для меня сделать?

— Наверное.

— Я забыл очистить корзину на том компьютере, что под плакатом с обедом на День благодарения. Сделаешь? — Даже тогда я не мог дать разумного объяснения этой просьбе. Мне просто хотелось окончательно убрать дурную шутку с некрологом.

— Ты псих, — ответила Кэти. — Но если поклянешься именем матери, что придешь завтра в десять, конечно. Послушай, Майк, это наш шанс. Мы можем стать владельцами золотой жилы вместо того, чтобы просто на ней работать.

— Я приду, — пообещал я.

Пришли почти все, за исключением нескольких штатников, затерявшихся в сельской глубинке Коннектикута и Нью-Джерси. Явился даже вечно чешущийся Ирвин Рамстайн, который вел шуточную колонку (я этих шуток не понимал, поэтому не спрашивайте) «Политически некорректные петушки». Кэти уверенно руководила собранием, говоря нам, что шоу продолжится.

— Именно этого хотела бы Джерома, — ввернул Мизинчик.

— Всем насрать на желания Джеромы, — осадила его Джорджина Буковски. — Я просто хочу и дальше получать деньги. А также, если есть такая возможность, участвовать в работе журнала.

Этот крик души подхватили еще несколько человек. *Работа, работа, журнал должен работать!* И какое-то время редакция напоминала тюремную столовую во время бунта из какого-то старого фильма. Кэти позволила всем выпустить пар, потом навела порядок.

— Почему она умерла от удушья? — спросил Чин. — Жвачка же вылетела.

— Не жвачка, — поправила его Роберта. — Один из вонючих леденцов от кашля, которые она постоянно сосала. С экстрактом говнолипта.

— Что бы это ни было, оно вылетело после того, как Кэти применила «объятие жизни». Мы все это видели.

— Я — нет, — возразил Мизинчик. — Я завис на телефоне. В режиме гребаного ожидания.

Кэти рассказала, что поговорила с одним из парамедиков — несомненно, пустила в ход большие серые глаза, чтобы развязать ему язык, — и тот объяснил, что удушье могло спровоцировать инфаркт. Пытаясь следовать установкам профессора Хиггинса и приводить все относящиеся к делу факты, забегу вперед: вскрытие показало, что так оно и произошло. Если бы в «Неоновом круге» Джерома удостоилась заголовка, которого заслуживала, он, возможно, выглядел бы так: «У ГЛАВНОГО БОССА ЛОПАЕТСЯ НАСОС».

Собрание получилось долгим и шумным. Демонстрируя таланты, которые позволили ей легко и непринужденно переобуться в «Джимми Чу» Джеромы, Кэти дала всем высказаться и сбросить напряжение (последнее преимущественно проявлялось взрывами дикого, истерического хохота), а потом предложила вернуться к работе, потому что время, прилив и Интернет никого не ждут. Ни женщину, ни, если на то пошло, мужчину. Она добавила, что до конца недели переговорит с основными

инвесторами «Круга», а потом пригласила меня в кабинет Джеромы.

— Примеряешь шторы*? — спросил я, когда дверь закрылась. — Или в данном конкретном случае — жалюзи?

Она взглянула на меня, как мне показалось, с обидой. А может, всего лишь с удивлением.

— Думаешь, мне нужна эта работа? Я выпускаю страшилку, Майк, так же как и ты.

— Однако у тебя получится. Я это знаю, и они тоже. — Я мотнул головой в сторону нашего подобия новостной редакции, где все уже либо рылись в Сети, либо печатали, либо висели на телефоне. — Что касается меня, то я всего лишь автор веселых некрологов. Или был таковым. Потому что решил уйти в отставку.

— Думаю, я понимаю, откуда такое желание. — Она достала сложенный листок из заднего кармана джинсов и развернула. Я прекрасно знал, что это. — Любопытство — часть моей работы, поэтому я заглянула в твою корзину, прежде чем очистить ее. И нашла это.

Я взял листок, сложил не глядя (я не хотел даже видеть напечатанный текст, не говоря о том, чтобы читать), сунул в карман.

— Корзина пуста?

— Да, и это единственная распечатка. — Она смахнула с лица волосы и посмотрела на меня. Возможно, я видел перед собой не тот лик, что тысячу судов отправил в дальний путь**, но пару десятков точно мог отправить, включая один-два эсминца. — Я знала, что ты спросишь.

* Американская идиома, отталкивающаяся от традиции: жена новоизбранного президента меняла шторы в Белом доме. Появилась идиома в 1940 г., когда Марта Тафт, супруга кандидата от республиканской партии, абсолютно уверенная в победе мужа, в одном из интервью рассказала об уже заказанных шторах. Но победил Рузвельт. «Примерять шторы» — делать необоснованные приготовления, преждевременно праздновать победу.

** Отсылка к пьесе «Доктор Фауст» английского поэта Кристофера Марло (1564–1593). Речь о Елене Прекрасной.

Проработав с тобой полтора года, я понимаю, что паранойя — твоя неотъемлемая часть.

— Спасибо.

— Без обид. В Нью-Йорке паранойя — один из навыков выживания. Но это не причина уходить с работы, которая в ближайшем будущем может стать намного более прибыльной. Я понимаю, от такого мурашки бегут по коже... но это всего лишь совпадение. Майк, мне нужно, чтобы ты остался в команде.

Уже не *нам*, а *мне*. Она сказала, что не примеряет штормы. Я придерживался иного мнения.

— Ты не понимаешь. Я не смогу больше этим заниматься, даже если бы захотел. Во всяком случае, смешно уже точно не будет. Будет... — я поискал и нашел слово из далекого отрочества, — кисло.

Кэти задумчиво хмурилась.

— Может, получится у Пенни.

Пенни Лэнгстон входила в число тех внештатников, что обитали в далекой сельской глубинке. На работу Джерома взяла ее по предложению Кэти. Вроде бы они знали друг друга по колледжу. Если и так, в остальном ничего общего у них не было. Пенни приходила в редакцию редко, всегда в старой бейсболке и со зловещей улыбкой, прилипшей к лицу. Фрэнк Джессап, спортивный журналист с ирокезом, говорил, что Пенни всегда выглядит так, будто она на самом финише забега к безумию.

— Но так смешно, как ты, она никогда не напишет, — продолжила Кэти. — Если ты не хочешь писать некрологи, чем бы хотел заняться? При условии, что останешься в «Круге», на что я очень надеюсь.

— Скажем, рецензиями? Думаю, они тоже могут быть смешными.

— Будешь размазывать по стенке? — с надеждой спросила она.

— Ну... да. Вероятно. В некоторых случаях. — В саркастических комментариях я поднаторел и полагал, что в этом смогу обойти Джо Куинэна по очкам, а то и устро-

ить ему нокаут. По крайней мере, я буду лить помои на живых людей, которые могут дать сдачи.

Она положила руки мне на плечи, привстала на цыпочки и поцеловала меня в уголок рта. Закрывая глаза, я и сегодня чувствую этот поцелуй. И еще вижу ее широко раскрытые серые глаза — море хмурым утром. Уверен, профессор Хиггинс печально покачал бы головой, прочитав эту фразу, но заштатных парней вроде меня редко целуют первоклассные девушки вроде нее.

— Подумай о том, чтобы вернуться к некрологам, хорошо? — Она все еще держала меня за плечи. Легкий аромат духов щекотал мне ноздри. Ее груди находись менее чем в дюйме от моей груди и, когда она глубоко вдохнула, коснулись меня. Это прикосновение я тоже чувствую до сих пор. — И дело не только в тебе или во мне. Следующие шесть недель станут критическими и для сайта, и для сотрудников. Подумаешь? Еще месяц некрологов очень бы нам помог. Пенни — или кто-то еще — получит шанс втянуться в работу под твоим руководством. И потом, может, никто из интересующих нас личностей не умрет.

Вот только они умирали постоянно, и мы оба это знали.

Вероятно, я сказал ей, что подумаю. Не помню. Но сам думал о другом: как вопьюсь в ее губы прямо в кабинете Джеромы, и плевать на тех, кто нас увидит. Конечно, я этого не сделал. Такие парни, как я, редко совершают подобные поступки в реальной жизни. Я что-то сказал, а потом, наверное, ушел, поскольку очень скоро обнаружил, что я уже на улице. Совершенно ошалелый.

Одно я помню точно: проходя мимо урны на углу Третьей и Пятидесятой, я порвал шуточный некролог, который больше не был шутовым, на мелкие клочки и выбросил.

В тот вечер я мило пообедал с родителями, прошел в свою комнату — ту самую, где дулся на жизнь, когда моя команда проигрывала матч малой лиги — и уселся за стол.

Мне казалось, что наилучший способ снять камень с души — написать еще один некролог на живого человека. Не зря же говорят, что нужно обязательно оседлать лошадь, которая только что тебя сбросила. Или подняться на вышку, если красивый прыжок закончился неуклюжим ударом о воду. Мне требовалось доказательство того, что я и так знал: мы живем в рациональном мире. Нельзя убить человека, воткнув иголку в куклу вуду. Нельзя убить человека, написав его имя на бумажке и спалив ее под «Отче наш» задом наперед. Нельзя убить человека шутливым некрологом.

Тем не менее я подстраховался, составив список заведомо плохих людей. В него вошли Фахим Дарзи, взорвавший автобус в Майами, и Кеннет Вандерли, электрик из Оклахомы, признанный виновным в четырех убийствах с изнасилованием. Вандерли поначалу казался мне наилучшим вариантом в списке из семи имен, и я уже собрался что-то такое про него написать, но вдруг подумал о Питере Стефано, полнейшей никчемности из всех когда-либо существовавших.

Стефано был музыкальным продюсером, который задушил свою подругу за отказ исполнить написанную им песню. Сейчас он отбывал срок в тюрьме усиленного режима, хотя следовало отправить его в Аравийскую пустыню, где он обедал бы тараканами, пил бы собственную мочу, а в предрассветные часы слушал бы на полной громкости записи «Anthrax» (разумеется, по моему мнению). Женщину, которую он убил, звали Энди Маккой, и это была одна из моих любимых певиц. Если бы я уже писал шутливые некрологи в те не столь далекие времена, когда ее убили, о ней бы точно писать не стал. Сама мысль о том, что этот удивительно чистый, высокий голос, сравнимый с голосом молодой Джоан Баэз, заставил умолкнуть навсегда какой-то деспотичный идиот, до сих пор приводила меня в ярость, хотя прошло пять лет. Бог дарует такие золотые голоса только избранным, а уязвленный Стефано в наркотическом угаре уничтожил голос Маккой.

Я открыл ноутбук, озаглавил файл «НЕКРОЛОГ ПИТЕРА СТЕФАНО» — и вновь слова полились без малейшей паузы, как вода из прорванной трубы.

Вчера утром властолюбивого и бесталанного музыкального продюсера Питера Стефано нашли мертвым в его камере тюрьмы усиленного режима, расположенной в городе Гованда, штат Нью-Йорк, и мы все кричим: «Ура!» Хотя официально о причине смерти не сообщалось, тюремный источник сказал следующее: «Похоже, прямая кишка лопнула, и говно растеклось по телу. Проще говоря, он умер от аллергической реакции на собственное ядовитое говно».

Хотя Стефано перекрыл кислород многим группам, певцам и певицам, особую известность ему принесли порушенные карьеры «Grenadiers», «Playful Mammals», Джо Дина (покончил с собой после того, как Стефано отказался продлить с ним контракт) и, разумеется, Энди Маккой. Не удовлетворившись тем, что на ее карьере поставлен крест, Стефано, закинувшись амфетаминами, задушил певицу шнуром от настольной лампы. Его пережили три ликующие бывшие жены, пять бывших деловых партнеров и две звукозаписывающие компании, которые он не успел обанкротить.

В той же манере я написал еще сотню слов, и, очевидно, это было не лучшее из моих творений. Меня это не волновало, потому что лучшее и не требовалось. И не только потому, что Питер Стефано был плохим человеком. Как писатель я считал, что все правильно, хотя текст был плохим, и в глубине души я это понимал. Может, это и уход от темы, но я думаю (нет, знаю), что здесь кроется ключевой момент всей этой истории. Писать трудно, так? По крайней мере, для меня. И я в курсе, что большинство работающих людей болтают о том, какая трудная у них работа, рубят ли они мясо или пекут хлеб, изготавливают ли подсвечники или пишут некрологи. Только иногда работа

вовсе *не* трудная. Иногда она легкая. Когда такое случается, кажется, будто ты стоишь на дорожке в боулинге и наблюдаешь, как катится брошенный тобой шар, точно зная, что он сшибет все кегли.

Убийство Стефано на экране компьютера было именно таким.

В ту ночь я спал как младенец. Возможно, отчасти потому, что выразил ярость и отвращение, которые вызвала у меня смерть этой бедной девушки, прискорбная утрата ее таланта. Но я ощущал то же самое и в то утро, когда писал некролог Джеромы Уайтфилд, а она всего лишь отказалась дать мне прибавку. Дело было в самом процессе написания. Я чувствовал власть, и это чувство мне нравилось.

Наутро моей первой интернет-остановкой за завтраком стал не «Неоновый круг», а «Хаффингтон пост». Как, собственно, и всегда. Я никогда не добирался до страничек со знаменитостями или полуобнаженными девицами (честно говоря, «Неоновый круг» справлялся с этими темами лучше), зато мне нравились новостные статьи «Хаффи»: краткие, точные, на злобу дня. В первой речь шла о каком-то разозлившем редактора высказывании губернатора из движения «Чаепитие». От второй моя чашка застыла у рта. У меня перехватило дыхание. Заголовок гласил: «ПИТЕР СТЕФАНО УБИТ В БИБЛИОТЕЧНОЙ ССОРЕ».

Я поставил чашку — так и не успев попробовать кофе — на стол, очень осторожно, чтобы не расплескать ни капли, и прочитал статью. Стефано и библиотекарь повздорили из-за музыки: из потолочных динамиков лилась песня Энди Маккой, и Стефано потребовал от библиотекаря прекратить его доставать и «выключить это говно». Библиотекарь отказался, заявив, что никого не достает, а диск поставил первый попавшийся. Разгорелась ссора, в ходе которой кто-то подошел к Стефано сзади и прикончил ударом заточки.

Насколько я понял из статьи, убили Стефано примерно в то же время, когда я закончил писать его некролог. Я посмотрел на кофе. Поднял чашку, сделал глоток. Холодный. Я метнулся к раковине, и меня вырвало. Потом я позвонил Кэти и сказал, что не приду на совещание, но хотел бы встретиться с ней позже.

— Ты же обещал прийти, — напомнила она. — Нарушаешь слово.

— На то есть причина. Давай встретимся во второй половине дня, выпьем кофе, и я тебе все расскажу.

— Это случилось снова, — сказала она после короткого молчания. Без вопросительной интонации.

Я ответил утвердительно. Рассказал о списке «парней, заслуживающих смерти», о том, как подумал о Стефано.

— И я написал его некролог, чтобы доказать, что не имею отношения к смерти Джеромы. Закончил примерно в то время, когда его зарезали в библиотеке. Если хочешь взглянуть, я принесу распечатку с временной меткой.

— Обойдусь без метки. Верю тебе на слово. Мы встретимся, но не в кофейне. Приходи ко мне. И принеси некролог.

— Если ты собираешься опубликовать его...

— Господи, нет, ты рехнулся? Просто хочу увидеть собственными глазами.

— Хорошо. — Не просто хорошо. *У нее.* — Но, Кэти?

— Что?

— Никому ни слова.

— Естественно. За кого ты меня принимаешь?

За женщину с прекрасными глазами, длинными ногами и идеальной грудью, подумал я, отключаясь. Мне следовало понимать, что я напрашиваюсь на неприятности, но соображал я туго. Все мои мысли занимал тот теплый поцелуй в уголок рта. Я жаждал еще одного, и не в уголок. Плюс всего остального.

Она жила в Уэст-Сайде, в уютной трехкомнатной квартире. Встретила меня в дверях, в шортах и очень тонком

топике, какие на работу не надевают. Обняла меня и сказала:

— Господи, Майк, ты ужасно выглядишь. Я так тебе сочувствую.

Я обнял ее. Она обняла меня. Я нашел ее губы, как пишут в любовных романах, и впился в них поцелуем. Через пять секунд — бесконечных и таких коротких — она отстранилась, посмотрела на меня своими большими серыми глазами.

— Нам надо о многом поговорить. — Тут она улыбнулась. — Но поговорим мы позже.

Последовало то, что редко достается таким ботанам, как я, а если достается, обычно тому есть скрытая причина. Но в такой момент ботаны вроде меня об этом не думают. Потому что в такой момент у нас, как и у всех прочих парней, отключается большая голова и включается маленькая головка.

Потом мы сидели в кровати.

Пили вино вместо кофе.

— Вот что я прочитала в газете в прошлом году, а может, годом раньше, — сказала она. — Какой-то парень в одном из больших равнинных штатов — Небраска, Айова, что-то такое — покупает после работы лотерейный билет, соскабливает защитную полоску и выигрывает сто тысяч долларов. Неделей позже он покупает билет лотереи «Пауэрболл» и выигрывает сто сорок миллионов.

— Это ты к чему? — Я понимал к чему, но меня это не волновало. Простыня соскользнула, открыв ее груди, упругие, идеальной формы, как я, собственно, и ожидал.

— Два раза может быть совпадением. Я хочу, чтобы ты сделал это снова.

— Вряд ли это разумно. — Мне самому эта отговорка показалась слабой. Рядом со мной сидела красивая девушка, но думал я совсем не о девушке. Я думал о том, что чувствуешь, когда шар для боулинга катится к кеглям и ты

точно знаешь, что через пару секунд все они разлетятся в разные стороны.

Она повернулась, пристально всмотрелась в меня.

— Если это правда, Майкл, это *круто*. Круче не бывает. Власть над жизнью и смертью.

— Если ты думаешь о том, как использовать это для сайта...

Она яростно затрясла головой:

— Никто не поверит. Даже если поверит, какая польза от этого «Кругу»? Что нам, проводить опрос? Просить людей посылать имена тех, кто заслуживает смерти?

Она ошибалась. Люди с удовольствием приняли бы участие в голосовании «Достоин смерти-2016». Мы бы легко заткнули за пояс «Американского идола».

Она обняла меня за шею.

— Кто был в твоём расстрельном списке, пока ты не вспомнил о Стефано?

Меня передернуло.

— Лучше бы ты так его не называла.

— Не важно, просто скажи мне.

Я начал перечислять имена, но когда дошел до Кеннета Вандерли, она меня остановила. Теперь ее глаза не просто напоминали хмурое небо — в них разыгралась буря.

— Он! Напиши *его* некролог! Я соберу информацию в «Гугле», чтобы все получилось по высшему разряду..

Я с неохотой высвободился из ее рук.

— К чему заморачиваться, Кэти? Он и так приговорен к смерти. Пусть о нем позаботится государство.

— Но они этого не сделают! — Она прыгнула с кровати и закружила по комнате. Зрелище завораживало, о чем я мог бы и не говорить. Эти длинные ноги, о-о-о! — Не сделают! Эти оклахомцы никого не казнили с тех пор, как облажались два года назад*! Кеннет Вандерли изнасиловал

* 30 апреля 2014 г. после введения смертельной инъекции 38-летний Клейтон Локетт умер не сразу, а спустя 20 минут. К смертной казни его приговорили за изнасилование и убийство 19-летней девушки в 1999 году.

и убил четырех девушек — *замучил* их до смерти, — и он будет жрать государственные харчи до седьмого десятка! А умрет во сне! — Она вернулась к кровати и упала на колени. — Сделай это для меня, Майк! *Пожалуйста!*

— Почему для тебя это так важно?

Ее лицо застыло. Кэти села на пятки, наклонила голову, укрывшись волосами. Просидела так секунд десять, а когда подняла голову, ее красота... нет, не исчезла, но померкла. *Покрылась шрамами.* И дело было не в текущих по щекам слезах, а в стыдливо опустившихся уголках рта.

— Потому что я знаю, каково это. Меня изнасиловали, когда я училась в колледже. Однажды ночью после вечеринки. Я бы попросила тебя написать *его* некролог, но не знаю, кто он. — Она со всхлипом вдохнула. — Он подошел сзади, и я все время лежала лицом в землю. Но Вандерли тоже подойдет. Очень даже подойдет.

Я бросил ей простыню.

— Включай компьютер.

Трусливый лысый насильник Кеннет Вандерли, у которого вставало, лишь когда его жертва лежала связанная, сэкономил налогоплательщикам приличные деньги, совершив самоубийство в своей камере в блоке смертников тюрьмы штата Оклахома. Этим утром, в предрассветные часы. Надзиратели нашли Вандерли (в онлайн-словаре его фотография иллюстрирует понятие «паршивый кусок дерьма») в самодельной петле, сделанной из его штанов. Начальник тюрьмы Джордж Стокетт тут же объявил о праздничном обеде в общей столовой завтра вечером с последующими танцами босиком. На вопрос, будут ли «самоубийственные штаны» помещены в рамку и выставлены в мемориальном музее тюрьмы, начальник тюрьмы Стокетт отвечать отказался, но подмигнул собравшимся на пресс-конференцию журналистам.

Вандерли, смертельная болезнь, замаскировавшаяся под младенца, появился на свет 27 октября 1972 года в Данбери, штат Коннектикут...

Еще одно говняное произведение Майкла Андерсона!

Не такое забавное и язвительное, как самые худшие из некрологов, появлявшихся на страничке «О мертвых — дурное» (если не верите, посмотрите сами), но это не имело значения. Вновь слова лились потоком, с тем же ощущением полностью контролируемой силы. В какой-то момент в глубинах моего разума мелькнула мысль, что это похоже на меткий бросок копья, а не шара в боулинге. Копья с идеально заточенным наконечником. Кэти тоже это чувствовала. Она сидела рядом со мной, и искры буквально сыпались с нее, как с наэлектризованной расчески.

Последующие строчки писать тяжело — они свидетельствуют о том, что в каждом из нас сидит маленький Кен Вандерли, — но есть лишь один способ сказать правду. Вот она: мы возбудились. Едва поставив последнюю точку, я грубо, не по-ботански обхватил Кэти и потащил в постель. Она скрестила лодыжки на моей пояснице, а руками обвила мою шею. Думаю, этот второй заход длился секунд пятьдесят, но кончили мы оба. Да еще как. Люди — далеко не ангелы.

Кен Вандерли был чудовищем. И это не только мое мнение: он сам так себя назвал, когда признался во всем, пытаясь избежать смертного приговора. Я мог бы воспользоваться этим для оправдания своего поступка — ладно, нашего, — если бы не одно «но».

Написание этого некролога понравилось мне даже больше, чем последовавший за ним секс.

Мне захотелось повторить.

Когда я проснулся следующим утром, Кэти сидела на диване с ноутбуком на коленях. Она задумчиво посмотрела на меня и хлопнула по дивану, предлагая присоединиться к ней. Я сел рядом и увидел на экране заголовок «Неонового круга»: «ЕЩЕ ОДИН УРОД ОТПРАВЛЯЕТСЯ К ПРАОТЦАМ: «КЕН-НАСИЛЬНИК» СОВЕРШАЕТ САМОУБИЙСТВО В СВОЕЙ КАМЕРЕ». Только он не повесился. Он каким-то образом пронес в камеру кусок мыла — и это за-

гадка, потому что заключенным дозволялось пользоваться только жидким мылом — и затолкал его себе в глотку.

— Боже, — вырвалось у меня. — Какая жуткая смерть.

— И поделом! — Кэти подняла руки, сжала пальцы в кулаки, потрясла ими у висков. — *Превосходно!*

Кое о чем мне ее спрашивать не хотелось. Первым в списке стоял вопрос, переспала ли она со мной исключительно для того, чтобы убедить расправиться с насильником и отомстить за себя. Но спросите себя (я спросил): а была бы от моих вопросов польза? Даже если бы она ответила абсолютно честно, я бы все равно мог ей не поверить. В такой ситуации отношения, может, и не отравлены полностью, но уж здоровыми их назвать точно нельзя.

— Я не собираюсь продолжать, — заявил я.

— Конечно, я понимаю. — (Она не понимала.)

— Поэтому не проси меня.

— Не буду. — (Она попросила.)

— И никому никогда об этом не говори.

— Я обещала, что не скажу. — (Уже сказала.)

Думаю, в глубине души я знал, что это бесполезный разговор, поэтому я кивнул и не стал продолжать.

— Майк, я не хочу тебя торопить, но у меня миллион дел, и...

— Не волнуйся, подруга, я уже ушел.

Если честно, мне *хотелось* уйти. Хотелось отшагать миль шестнадцать куда глаза глядят и подумать о том, как жить дальше.

Она перехватила меня у двери и крепко поцеловала.

— Не уходи злым.

— Я не злюсь. — Я не понимал, *как* вообще могу уйти.

— И даже не думай о том, чтобы бросить «Круг». Ты мне нужен. Я решила, что Пенни для странички «О мертвых — дурное» не годится, но тебе, конечно, надо переключиться на что-то еще. И я подумала, может... Джорджина?

— Может, — ответил я. По мне, Джорджина писала хуже всех в редакции, но меня это совершенно не волно-

вало. Я мечтал только об одном: никогда в жизни больше не видеть некрологов, не то что писать их.

— А ты... пиши рецензии, какие хочешь. Джеромы, которая могла бы тебя остановить, больше нет, верно?

— Верно.

Она потрянула меня.

— Не говори таким тоном, Майк. Прояви энтузиазм. В «Неоновом круге» принято держать хвост пистолетом. И скажи, что ты остаешься. — Она понизила голос. — Мы можем и дальше проводить наши совещания. *Личные.* — Она увидела, как мой взгляд скользнул в вырез ее халата, и довольно рассмеялась. Потом подтолкнула меня к двери. — Теперь иди. Выметайся отсюда.

Прошла неделя, а если ты работаешь для такого сайта, как «Неоновый круг», каждая неделя тянет на добрых три месяца. Знаменитости напиваются, отправляются в реабилитационные центры, выходят из них и тут же снова напиваются, их арестовывают, они вылезают из лимузинов без штанов, танцуют до утра и до упада, женятся и выходят замуж, разводятся, разбегаются на время. Одна знаменитость упала в бассейн и утонула. Джорджина написала удивительно несмешной некролог, и тут же на нас обрушилась лавина твитов и электронных писем: «*Где Майк?*» Еще недавно меня бы это обрадовало.

На квартиру Кэти я не заглядывал, поскольку она не располагала временем для плотских утех. Собственно, я и видел ее крайне редко. Она «проводила консультации», дважды в Нью-Йорке, один раз — в Чикаго. В ее отсутствие я почему-то оказался главным. Никто меня не назначал, я никого не агитировал и не избирался. Просто так вышло. Утешался я лишь одним: с возвращением Кэти все наладится.

Я не хотел даже заходить в кабинет Джеромы (мне казалось, что там витает ее призрак), но если не считать туалетной комнаты — одной на всех, — не было другого

места, где я мог бы поговорить с расстроенными сотрудниками в относительном уединении. Издание электронного журнала — все равно издание, а любая редакция — гнездо привычных комплексов и неврозов. Джерома могла предложить всем валить отсюда (эй, сначала возьми конфетку), а я — нет. Когда меня это начинало доставать, я напоминал себе, что скоро вернусь на привычное место у стены, где буду писать едкие рецензии. Вновь стану самым обычным обитателем дурдома.

Помнится, за всю неделю я принял только одно волевое решение: разобрался с креслом Джеромы. Я не мог опустить свой зад на то место, где находился ее собственный, когда роковой леденец от кашля перекрыл ей дыхательное горло. Я выкатил кресло в общий зал, а в кабинет закатил «свое» — из-под плаката с плавающим в унитазе обедом на День благодарения и надписью «ПОЖАЛУЙСТА, СРИ ТАМ, ГДЕ ЕШЬ». Конечно, мое кресло было не таким удобным, но по крайней мере я точно знал, что не делю его с призраком. А кроме того, все равно я практически ничего не писал.

Кэти впорхнула в редакцию в пятницу, ближе к вечеру, в мерцающем платье до колен, кардинальным образом отличавшемся от джинсов и облегающих топиков. Искусно завитые локоны свидетельствовали о визите в салон красоты. По мне, выглядела она... более красивой версией Джеромы. Вдруг вспомнился «Скотный двор» Оруэлла и то, как девиз «Четыре ноги хорошо, две — плохо» превратился в «Четыре ноги хорошо, две — лучше».

Кэти собрала сотрудников и объявила, что наш журнал купила чикагская корпорация «Пирамид-медиа» и все получают прибавку к жалованью, пусть и маленькую. Ее слова вызвали бурные аплодисменты. Когда они утихли, Кэти добавила, что отныне страничка «О мертвых — дурное» навсегда переходит к Джорджине Буковски, тогда как Майк Андерсон становится нашим новым культурным критиком.

— Это означает, — пояснила она, — что он раскинет крылья и, медленно паря над ландшафтом, будет срать где захочет.

Бурные аплодисменты повторились. Я встал и поклонился, пытаясь излучать сатанинскую радость. Думаю, получилось процентов на пятьдесят. Радости я после смерти Джеромы не испытывал ни разу, зато ощущал себя сатаной.

— А теперь — все за работу! Напишите какую-нибудь нетленку! — Блестящие губы разошлись в улыбке. — Майк, можно поговорить с тобой наедине?

Наедине подразумевало кабинет Джеромы (мы по-прежнему думали о нем именно так). Увидев мое кресло, Кэти нахмурилась.

— Откуда взялось это *уродство*?

— Мне не нравилось сидеть на кресле Джеромы. Притащу его назад, если хочешь.

— Хочу. Но сначала... — Она подошла ко мне вплотную, заметила, что жалюзи подняты и за нами пристально наблюдают, а потому просто положила руку мне на грудь. — Сможешь прийти ко мне сегодня?

— Конечно. — Хотя это предложение вовсе не казалось таким уж заманчивым. Поскольку маленькая головка была не у дел, сомнения относительно мотивов Кэти продолжали набирать силу. И должен признать, меня огорчило ее стремление вернуть в кабинет кресло Джеромы.

Понизив голос, хотя мы были одни, Кэти спросила:

— Полагаю, ты больше не писал... — Блестящие губы беззвучно произнесли: *некрологи*.

— Даже мысли не возникало.

Это была вопиющая ложь. Я просыпался с мыслью написать очередной некролог и с ней же засыпал. Этот поток слов, это невероятное чувство: шар для боулинга, сшибающий все кегли; патт, после которого мяч, проскользив двадцать футов по траве, скатывается в лунку; копье, вонзающееся в то самое место, куда ты его направил. В самое-самое яблочко.

— А что *еще* ты писал? Какие-нибудь рецензии? Как я понимаю, «Парамаунт» выпускает последний фильм Джека Бриггса, и я слышала, что он даже хуже «Святых роллеров». По-моему, руки должны чесаться.

— По сути, я ничего не писал. Сочинял за других. Или правил. Но редакторская работа — это не мое. Она для тебя, Кэти.

На этот раз она возражать не стала.

Позже в тот же день я поднял голову со своего последнего ряда (где пытался, без особого успеха, написать рецензию на чей-то альбом) и увидел ее в кабинете склонившейся над ноутбуком. Ее губы шевелились, и поначалу я подумал, что она говорит по телефону, однако телефона не наблюдалось, и у меня возникла мысль — нелепая, но навязчивая, — что где-то в ящике она нашла заначку эвкалиптовых леденцов и теперь сосет их.

В ее квартиру я прибыл незадолго до семи, нагруженный пакетами с китайской едой из «Веселой радости». В этот вечер шорты и тончайший топик уступили место пуловеру и мешковатым брюкам цвета хаки. И она была не одна. В углу дивана сидела (точнее, скрючилась) Пенни Лэнгстон. Без бейсболки, но с привычной странной улыбкой, говорившей: *Только прикоснись ко мне, и я тебя убью.*

Кэти поцеловала меня в щеку.

— Я пригласила Пенни составить нам компанию.

Объяснения не последовало, так что мне осталось лишь поздороваться:

— Привет, Пенс.

— Привет, Майк, — мышкой пискнула она, не встречаясь со мной взглядом, но предприняв определенные усилия, чтобы улыбка выглядела не столь жуткой.

Я посмотрел на Кэти, вопросительно приподняв брови.

— Я сказала, что никому не говорила о твоих способностях, — ответила Кэти. — Это... в каком-то смысле неправда.

— И я в каком-то смысле это знал. — Я поставил покрытые жирными пятнами белые пакеты на журнальный столик. Чувство голода испарилось, и я не ожидал, что следующие несколько минут принесут мне много «веселой радости». — Хочешь объяснить, что все это значит, прежде чем я обвиню тебя в нарушении обещания и уйду?

— Не делай этого. Пожалуйста. Просто выслушай. Пенни работает в «Неоновом круге», потому что я попросила Джерому взять ее. Мы с ней встретились, когда она жила в городе. Ходили в одну группу, так, Пенс?

— Да, — пропищала Пенни. Она смотрела на свои руки, которые были так крепко стиснуты на коленях, что побелели костяшки. — В группу Святого имени Марии.

— И что это такое? — Мог бы и не спрашивать. Иной раз действительно слышишь щелчок, когда элементы пазла складываются в единое целое.

— Группа поддержки для изнасилованных, — ответила Кэти. — Я своего насильника не видела, в отличие от Пенни. Правда, Пенс?

— Да. Я его видела, и часто. — Теперь она смотрела на меня, и ее голос становился все громче. В конце она почти кричала, а по ее щекам катились слезы. — Мой дядя. Мне было девять. Моей сестре — одиннадцать. Он насиловал и ее. Кэти говорит, ты можешь убивать людей некрологами. Я хочу, чтобы ты написал некролог для него.

Я не собираюсь приводить здесь историю, которую она рассказала мне, сидя на диване рядом с Кэти. Та держала ее за левую руку, а в правую вкладывала одну бумажную салфетку за другой. Если вы живете не в одном из семи уголков Соединенных Штатов, куда еще не проникли средства массовой информации, вам достаточно знать следующее: родители Пенни погибли в автомобильной аварии, ее с сестрой отправили к дяде Амосу и тете Клодии. Тетя Клодия не желала слушать ничего дурного о своем муже. Остальное домыслите сами.

Я хотел написать некролог. Потому что история была ужасной. Потому что таких, как дядя Амос, надо наказывать: они выбирают в жертвы самых слабых и беззащитных. И потому что Кэти хотела, чтобы я это сделал, будьте уверены. Но главной причиной стало трогательно красивое платье, которое надела Пенни. И туфли. И толика неумело наложенной косметики. Впервые за долгие годы, может, впервые с тех пор, как дядя Амос начал появляться в ее спальне, всегда говоря ей, что «это наш маленький секрет», Пенни предприняла попытку выглядеть нормальным человеческим существом. Это буквально разбило мне сердце. Изнасилование оставило шрамы на душе Кэти, но она оклемалась. Некоторым девушкам и женщинам такое по силам. Многим — нет.

— Ты клянешься Богом, что твой дядя действительно это делал? — спросил я, когда она закончила.

— Да. Снова, снова и снова. Когда мы достаточно повзрослели, чтобы забеременеть, он заставлял нас поворачиваться и... — Пенни не закончила. — Я уверена, он не ограничился Джесси и мной.

— И его так и не поймали.

Она отчаянно затрясла головой, слипшиеся кудряшки разлетелись во все стороны.

— Хорошо. — Я достал айпад. — Но ты должна рассказать мне о нем.

— Я сделала кое-что получше. — Она высвободила руку из пальцев Кэти, схватила самую уродливую сумку, что мне приходилось видеть вне витрины комиссионного магазина, и достала смятый лист бумаги, ставший от пота мягким и полупрозрачным. Она писала карандашом. Округлые каракули напоминали почерк ребенка. Заголовок гласил: «АМОС КАЛЛЕН ЛЭНГФОРД: НЕКРОЛОГ».

Это жалкий суррогат человека, насиловавший маленьких девочек всякий раз, когда ему представлялась такая возможность, умирал долго и болезненно от раковых опухолей в мягких тканях его тела. Последнюю не-

делю гной сочился из его глаз. Ему шел шестьдесят четвертый год, и перед смертью его крики оглашали дом. «Морфия, — молил он. — Еще морфия...»

Некролог был длинный. Почерком она напоминала ребенка, но словом владела блестяще, и это было намного лучше тех материалов, что она писала для «Неонового круга».

— Не знаю, получится ли. — Я попытался вернуть листок. — Думаю, я должен все написать сам.

— Попытка не пытка, правда? — заметила Кэти.

С этим я спорить не стал. В упор посмотрел на Пенни.

— Я никогда не видел этого человека, и ты хочешь, чтобы я его убил.

— Да, — ответила она, глядя мне прямо в глаза. — Именно этого я хочу.

— Ты уверена.

Она кивнула.

Я сел за маленький письменный стол Кэти, положил сочиненную Пенни смертельную диатрибу рядом с моим айпадом, открыл новый документ и начал переносить текст с бумаги на экран. И сразу понял, что все получится. Чувство власти усилилось. Ощущение *нацеленности*. После второго предложения я перестал смотреть на листок. Просто нажимал буквы и закончил следующим пассажем: *Желающим посетить похороны — не называть же их скорбящими, учитывая отвратительные пристрастия мистера Лэнгфорда — рекомендуется не приносить цветы, а плевать на гроб.*

Обе женщины смотрели на меня округлившимися, широко раскрытыми глазами.

— Сработает? — спросила Пенни и тут же ответила сама: — Да. Я это чувствовала.

— Думаю, уже сработало. — Я повернулся к Кэти. — Попроси об этом еще раз, Кэти, и у меня появится искушение написать *твой* некролог.

Она попыталась улыбнуться, но в ее глазах читался испуг. Я не собирался приводить угрозу в исполнение

(по крайней мере, мне так кажется), поэтому взял Кэти за руку. Она подпрыгнула, собралась вырвать руку, но передумала. Ее кожа была холодной и липкой.

— Я пошутил. Шутка плохая, но я серьезно. Это надо прекратить.

— Да. — Она шумно сглотнула. — Конечно.

— И никаких разговоров. *Ни с кем. Никогда.*

Они снова согласились. Я начал подниматься из-за стола, но Пенни прыгнула на меня. Я плюхнулся на стул, и мы едва не опрокинулись на пол. Объятие не было нежным, Пенни скорее напоминала тонущую женщину, мертвой хваткой вцепившуюся в своего будущего спасителя. Она вся взмокла от пота.

— Спасибо, — прохрипела она. — Спасибо тебе, Майк.

Я ушел, не сказав ей: «Всегда пожалуйста». Мне не терпелось выбраться из квартиры Кэти. Не знаю, съели они принесенную мной еду или нет, но сомневаюсь в этом. «Веселая радость», твою мать.

Я не спал в ту ночь, и не потому, что меня донимали мысли об Амосе Лэнгфорде. Дело было в другом.

Во-первых, извечная проблема зависимости. Я покидал квартиру Кэти с решимостью никогда больше не использовать эту ужасную силу, но это обещание я давал себе раньше, и у меня не было уверенности, что я смогу его сдержать: всякий раз, когда я писал «некролог на живого», желание написать еще один только усиливалось. Совсем как с героинном. Попробуй его раз или два — и еще сможешь остановиться. Но через некоторое время ты на него подсядешь. Возможно, я еще не подсел, но уже стоял на краю пропасти, и знал это. Так что Кэти я сказал правду, и только правду: это следовало прекратить, пока я еще мог поставить точку. Если еще не поздно.

Вторая проблема была не столь зловещей, но тоже неприятной. Когда я возвращался подземкой в Бруклин, мне вспомнился крайне уместный афоризм Бена Франклина: «Двое могут хранить секрет, если один из них мертв».

Но о случившемся знали уже трое, а поскольку я не собирался убивать Кэти или Пенни некрологами, это означало, что известный им секрет чреват для меня скверными последствиями.

Я не сомневался, что какое-то время они будут молчать, особенно Пенни, если утром ей позвонят по печальному поводу: дорогой старенький дядя Амос внезапно скончался. Но потом эта решимость ослабнет. Следовало принимать во внимание и другой фактор: обе не просто были журналистками, а работали в «Неоновом круге», и это означало, что их профессия — распространять «жареные» новости. Конечно, распространение «жареных» новостей — не такой сильный наркотик, как убийство людей посредством некрологов, но зависимость все равно возникает, о чем я хорошо знал. Рано или поздно, где-нибудь в баре, выпив на один стаканчик больше, чем следовало...

Хочешь услышать что-то действительно безумное? Но только дай слово никому и никогда не говорить.

Я представил себя сидящим в редакции под плакатом с унитазом, увлеченно набивающим очередную саркастическую рецензию. Фрэнк Джессап подходит, садится и спрашивает, не возникало ли у меня мысли написать некролог Башара аль-Асада, сирийского диктатора с крошечной головой, или — эй, еще лучше — этого корейского жиртреста, Ким Чен Ына. Впрочем, Джессап мог попросить отправить к праотцам и нового главного тренера «Нью-Йорк никс».

Я пытался убедить себя, что это нелепо, но не смог. За «Никс» наш спортивный обозреватель с ирокезом болел истово.

Имелся и еще более ужасный сценарий (я набрел на него где-то в три часа ночи). Допустим, слух о моем таланте достигнет уха какого-нибудь государственного служаки. Маловероятно, конечно, но разве я не читал об экспериментах с ЛСД и контролем сознания, которые проводило государство на ничего не подозревавших гражданах в пя-

тидесятых годах? Люди, способные на такое, способны на все. Вдруг парни из министерства национальной безопасности заявятся в «Круг» или сюда, в родительский дом в Бруклине, и я на реактивном самолете отправлюсь в путешествие в один конец, на какую-нибудь государственную базу, где меня поселят в отдельной квартире (роскошной, но с охраной под дверью) и дадут список главарей «Аль-Каиды» и ИГИЛ с приложенным досье на каждого, чтобы я мог написать исключительно точные некрологи? Я вывел из игры беспилотники с ракетами.

Безумие? Но в четыре утра все кажется возможным.

А около пяти, когда проблески дневного света начали прокрадываться в мою комнату, я вновь гадал, как вышло, что я открыл в себе этот нежеланный талант. Не упоминая о том, как долго я им обладал. Обнаружить его не было никакой возможности: некрологи на живых не пишут. Этого не делают даже в «Нью-Йорк таймс». Там просто собирают необходимую информацию, чтобы иметь ее под рукой, когда умрет та или иная знаменитость. Возможно, я обладал этой способностью с рождения, и если бы не та дурацкая шутка про Джерому, никогда бы об этом и не узнал. Я подумал о том, как вообще оказался в «Неоновом круге»: написав хамский некролог. На уже умершего человека, это правда, но некролог все равно остается некрологом. А таланту нужно одно, вы понимаете? Он хочет вырваться на волю. Хочет надеть фрак и отбить чечетку на сцене.

С этой мыслью я и уснул.

Мобильник разбудил меня без четверти двенадцать. Звонила Кэти, и она была расстроена.

— Приезжай в редакцию. Немедленно.

Я сел на кровати.

— А что такое?

— Объясню, когда приедешь, но одно скажу прямо сейчас. Ты должен остановиться.

— А то, — ответил я. — Вроде я это говорил тебе. И не раз.

Если она меня и слышала, то не отреагировала.

— *Никогда в жизни.* Даже если речь пойдет о Гитлере. Даже если твой отец приставит нож к горлу твоей матери, ты не должен этого делать.

Она отключилась прежде, чем я успел задать хоть один вопрос. Я удивился, почему мы не проводим столь экстренное совещание у нее в квартире, намного более уединенной, чем редакция «Неонового круга», где постоянно толклись люди, и придумал только один ответ: Кэти не хотела оставаться со мной наедине. Я стал опасным. Я сделал лишь то, о чем просила она и ее подруга, но это ничего не меняло.

Я был опасен.

Кэти встретила меня улыбкой и обняла на радость тех сотрудников, которые находились в редакции, потягивали «Ред булл» и молотили по клавишам ноутбуков, но сегодня жалюзи в ее кабинете были опущены, и улыбка исчезла, как только мы скрылись за ними.

— Я напугана до смерти, — призналась она. — То есть я боялась и раньше, но когда ты это *проделывал*...

— Было приятно. Да, я знаю.

— Но сейчас я напугана куда сильнее. Постоянно думаю о тренажерах с пружинами, которые сжимают, чтобы накачать мышцы рук.

— О чем ты говоришь?

Она мне не сказала. Тогда.

— Мне придется начать с середины, с ребенка Кена Вандерли, а потом двинуться в обе стороны...

— У Развратника Кена был ребенок?

— Да, сын. Не перебивай. Мне приходится начинать с середины, потому что первой я прочитала статью о нем. «Сообщение о смерти» в «Таймс». На этот раз они опередили новостные сайты. Кому-то из «Хаффи» или «Дейли бист» следовало обратить на это внимание, потому что случилось это не вчерашним вечером. Вероятно, семья решила огласить новости только после похорон.

— Кэти...

— Заткнись и слушай. — Она наклонилась вперед. — *Есть сопутствующие потери.* И ситуация ухудшается.

— Я не...

Она закрыла мне рот рукой:

— Тихо. Заткнись.

Я заткнулся. Она убрала руку.

— Все началось с Джеромы Уайтфилд. Насколько я могу сказать, воспользовавшись «Гуглом», она — единственная в мире. Точнее, единственная, кто покинул этот мир. Есть множество других Джером Уайтфилд, но, слава богу, она была твоей первой, и других Джером это не коснулось. По крайней мере, некоторых. Ближайших.

— Что не коснулось?

Она посмотрела на меня как на идиота.

— Сила. Твоей второй... — Она запнулась, думаю, потому, что хотела сказать «жертвой». — Твоим вторым объектом воздействия стал Питер Стефано. Не самое распространенное в мире имя, но и не уникальное. А теперь посмотри сюда.

Она взяла со стола несколько скрепленных листов бумаги. Отцепила первый и протянула мне. Три некролога, все из газет маленьких городов: в Пенсильвании, Огайо, северной части штата Нью-Йорк. В Пенсильвании Питер Стефано умер от инфаркта. В Огайо — упал с лестницы. В Вудстоке — скончался от инсульта. Все умерли в один день с безумным музыкальным продюсером.

Я тяжело сел в кресло.

— Этого не может быть.

— Может. Хорошие новости: я нашла в США два десятка *других* Питеров Стефано, и все они в добром здравии. Думаю, потому, что живут на большем расстоянии от тюрьмы в Гованде. Эпицентр находился там. Шрапнель разлеталась во все стороны.

Я ошалело смотрел на нее.

— Развратник Кен стал следующим. Еще одно необычное имя, слава богу. Вандерли полным-полно в Вискон-

сине и Миннесоте, но эти штаты, как я понимаю, слишком далеко. И только...

Она протянула мне второй лист. Сначала шла статья из «Нью-Йорк таймс» под заголовком «СМЕРТЬ СЫНА СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ». По словам его жены, Кен Вандерли-младший случайно застрелился, когда чистил пистолет, но в статье указывалось, что «несчастный случай» произошел менее чем через двенадцать часов после смерти его отца. Читателям предлагалось самим решить, не о самоубийстве ли речь.

— Не думаю, что это самоубийство, — добавила Кэти. Косметика не скрывала ее бледности. — И не думаю, что это несчастный случай. *Все дело в совпадении имен*, Майк. Ты понимаешь? И они даже не всегда полностью совпадают.

За статьей о сыне Развратника Кена следовал некролог (мне уже стало противно само это слово) еще одного Кеннета, Вандерлия, проживавшего в Парамусе, штат Нью-Джерси. Как и Питер Стефано из Вудстока (невинный человек, который за свою жизнь, наверное, убивал разве что время), Вандерлий умер от инсульта.

Дыхание у меня участилось, я вспотел. Яйца сжались до размера персиковых косточек. Я чувствовал, что сейчас грохнусь в обморок, к горлу подкатывала тошнота, но я сумел совладать с нервами. Потом, правда, блевал без остановки. Где-то неделю. Похудел на десять фунтов. (Встревоженной матери сказал, что это грипп.)

— А это лидер. — Кэти протянула мне третий лист. С семнадцатью Амосами Лэнгфордами. Большинство пришлось на штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут, но один умер в Балтиморе, один — в Виргинии, еще двое откинулись в Западной Виргинии. И трое — во Флориде.

— Нет, — прошептал я.

— Да, — сказала она. — Второй по списку, в Амитивилле, — плохой дядюшка Пенни. Благодарю бога, что Амос — достаточно редкое имя в наше время. Будь он Джеймсом или Уильямом, счет пошел бы на сотни. Может, не на тысячи, потому что дальше Среднего Запада это не

распространилось, но Флорида — в девяти сотнях миль. Сигнал АМ-диапазона столько не пролетит, во всяком случае, днем.

Листы выскользнули из моих пальцев и рассыпались по полу.

— Теперь ты понимаешь, почему я упомянула тренажеры с пружинами, которые используют для накачивания мышц рук? Поначалу ты можешь свести ручки один-два раза. Но если продолжать тренироваться, мышцы станут крепче. То же самое происходит и с тобой, Майк. Я в этом уверена. Всякий раз, когда ты пишешь некролог на живого человека, сила возрастает и действует на большем расстоянии.

— Это была твоя идея, — прошептал я. — Твоя чертова идея.

Но ее такая постановка вопроса не устроила.

— Я не предлагала тебе написать некролог Джеромы. Так что идея *твоя*!

— Это была прихоть, — запротестовал я. — Господи, шутка! Я не знал, что так выйдет!

Только, наверное, я лгал. Внезапно мне вспомнился мой первый оргазм, в ванне, в мыльной пене. Я не знал, что делаю, потянулся и схватил... но где-то внутри, глубоко, на уровне инстинктов, я *знал*. Было еще одно высказывание, но не Бена Франклина: «Когда ученик готов, приходит учитель». Иногда учитель кроется внутри нас.

— Идея с Вандерли принадлежала тебе, — напомнил я. — И с Амосом, Полуночным Злодеем. К тому времени ты знала, что может произойти.

Она села на край стола — теперь ее стола — и посмотрела мне в глаза, что, скорее всего, далось ей нелегко.

— Это правда. Но, Майк... Я не знала, что это будет *распространяться*.

— Я тоже.

— И это действительно наркотик. Я сидела рядом с тобой, когда ты это делал, и словно вдыхала кокаин.

— Я могу остановиться.

Надежда всегда умирает последней.

— Ты уверен?

— Скорее да, чем нет. А теперь вопрос к тебе. Сможешь ли ты держать язык за зубами? До конца жизни?

Из вежливости она обдумала вопрос. Потом кивнула.

— Я должна. В «Круге» у меня отличные перспективы, и я не хочу, чтобы все пошло псу под хвост.

Иными словами, она думала только о себе, а чего, собственно, я ожидал? Может, Кэти и не сосала эвкалиптовые леденцы Джеромы, но сидела в кресле Джеромы, за столом Джеромы. Плюс эта новая прическа *смотри-но-не-трогай*. Как сказали бы свиньи Оруэлла, синие джинсы — хорошо, новое платье — лучше.

— Что насчет Пенни?

Кэти промолчала.

— Потому что, по моему мнению... пожалуй, по *всеобщему* мнению... у нее не все дома.

Кэти сверкнула глазами.

— Ты удивлен? Если ты вдруг не заметил, такое детство оставляет психологическую травму на всю жизнь. *Кошмарное* детство.

— Могу себе представить, потому что сейчас живу в собственном кошмаре. Так что давай обойдемся без сочувствия группы поддержки. Я просто хочу знать, будет ли она держать язык за зубами? Скажем, до конца жизни. Будет?

Последовало долгое, долгое молчание.

— Теперь, когда он мертв, — наконец заговорила Кэти, — может, она перестанет ходить на эти собрания изнасилованных.

— А если не перестанет?

— Тогда, думаю, она может... в какой-то момент... сказать той, кому будет особенно плохо, что она знает парня, который может поквитаться с насильником. Не в этом месяце и не в этом году, но...

Кэти не закончила. Мы переглянулись. Я знал, что она без труда читает мои мысли: есть верный, гарантированный способ заставить Пенни держать рот на замке.

— Нет! — вырвалось у Кэти. — Даже не думай, и не потому, что она имеет право на жизнь и на все хорошее, что может ждать ее впереди. Умрет не только она.

Согласно ее исследованию, она была права. Пенни Лэнгстон — не самое распространенное имя, но население Штатов превышает триста миллионов человек, и для скольких Пенни или Пенелоп Лэнгстон в этой жуткой лотерее выпадет «выигрышный» билет, если я решу включить ноутбук или айпад и написать новый некролог? А ведь еще следовало учитывать «эффект созвучия». Живущая во мне сила вдарила как по Вандерли, так и по Вандерлию. И теперь могла прийти к выводу, что сойдут и Петулы Лэнгстон, и Пэтси Лэнгстон, и даже Петти Лэнгли.

Следовало помнить и о том, в каком положении находился я сам. Возможно, не хватало лишь одного некролога, чтобы подсесть на «иглу» этого ни с чем не сравнимого кайфа. Я боялся даже подумать, что заставила бы меня сделать эта сила, которая отключала, пусть на время, ужас и страх. Представил себя пишущим некролог на Джона Смита или Джил Джонс, и у меня скрутило яйца при мысли о массовых смертях, которые за этим последуют.

— Так что ты собираешься делать? — спросила Кэти.

— Что-нибудь придумаю, — ответил я.

И придумал.

Тем же вечером открыл дорожный атлас издательства «Рэнд Макнэлли» на большой карте Соединенных Штатов, зажмурился и ткнул пальцем. Поэтому теперь я живу в городе Ларами, штат Вайоминг, где работаю маляром. *По большей части* маляром. На самом деле работ у меня несколько, как и у многих людей, что живут в самом сердце Америки — которое я раньше с присущим ньюйоркцам пренебрежением называл «пролетной страной». Я также занят неполный рабочий день в ландшафтной компании: выкашиваю лужайки, сгребаю листья, сажаю кусты. Зимой расчищаю подъездные дорожки и прокладываю маршруты на лыжном курорте «Сноуи рэйндж». Я не богат, но

держусь на плаву. Если на то пошло, зарабатываю даже больше, чем в Нью-Йорке, и частенько случается, что за целый день никто не покажет мне палец.

Мои родители не понимают, зачем мне все это, и отец не скрывает своего разочарования; иногда он говорит, что я живу как Питер Пэн, и предрекает мне горькие сожаления, когда я перевалю за сорок и начну сесть. Моя мать тоже удивлена, но не столь критична. Ей никогда не нравился «Неоновый круг», она считала этот журнал склизкой помойкой, в которой я растрачивал свое «писательское дарование». Наверное, она права по обоим пунктам, но теперь мое писательское дарование уходит исключительно на составление списков покупок. Что касается седины, то первые серебряные нити я заметил еще до того, как уехал из Нью-Йорка, то есть прежде чем мне исполнилось тридцать.

Мне все еще снится писательство, и сны эти не из приятных. В одном я сижу за ноутбуком, хотя никакого ноутбука у меня больше нет. Пишу некролог и не могу остановиться. Во сне я и не хочу останавливаться, потому что чувствую себя всесильным. Я добираюсь до предложения: *Печальные новости: вчера умерли все люди по имени Джон...* — и просыпаюсь, иногда на полу, иногда скрючившись под одеялом, но всегда с криком. Пару раз я чудом не разбудил соседей.

Я не оставлял свое сердце в Сан-Франциско, но оставил ноутбук в милом старом Бруклине. Хотя расстаться с айпадом не смог (к слову о зависимостях). Я не отправляю с него электронные письма: если хочу с кем-то срочно связаться, звоню, а если спешки нет, использую древнее учреждение, известное как Почтовая служба Соединенных Штатов. Вы удивитесь, узнав, как легко вновь обрести привычку писать письма и почтовые открытки.

И все же айпад мне нравится. В нем много игр, плюс шум ветра, который помогает заснуть вечером, и будильник, который вырывает из сна утром. Да еще куча музыки,

несколько аудиокниг и множество фильмов. А когда даже этого не хватает, чтобы отвлечься, я брожу по Сети. Вот уж где нет счета возможностям занять себя, как вы, вероятно, и сами знаете, а в Ларами время течет медленно, если нет работы. Особенно зимой.

Иногда я захожу на сайт «Неоновый круг», памятью о былых временах. Из Кэти получился хороший редактор, куда лучше Джеромы. И теперь сайт борется за пятую строчку в списке наиболее посещаемых интернет-журналов. Иногда он обгоняет «Драдж рипот», но обычно отстает. Однако у них полно рекламы, так что все путем.

Преемница Джеромы по-прежнему ведет страничку «Бухаем с Кэти». Фрэнк Джессап все так же пишет о спорте, и одна его не слишком смешная статья об употреблении стероидов в Национальной футбольной лиге привлекла внимание всей страны, а он сам, с привычным ирокезом, дал интервью кабельному спортивному каналу И-эс-пи-эн. Джорджина Буковски написала полдесятка не смешных некрологов «О мертвых — дурное», а потом Кэти закрыла эту страничку и заменила «Ставками на смерть». Читатели получают призы, предсказывая, какие знаменитости умрут в ближайшие двенадцать месяцев. Главная там Пенни Лэнгстон, и каждую неделю ее новая улыбающаяся фотография появляется на месте головы пляшущего скелета. В «Круге» это самая популярная страница, и каждую неделю журнал публикует великое множество комментариев. Люди любят читать о смерти и любят о ней писать.

Уж я-то знаю.

Ладно, вот и вся история. Не жду, что вы поверите, да это и не обязательно. В конце концов, мы живем в Америке. Но я приложил все силы, чтобы высказаться ясно и четко. Как меня учили излагать истории на факультете журналистики: никакой фантазии, никакой слащавости или напыщенности. Я старался, чтобы история напоминала прямую как стрела дорогу, в которой начало ведет

к середине, а середина — к концовке. Традиционный подход, усмехнетесь вы? Зато все понятно. И если вы решите, что концовка слабовата, вспомните мнение профессора Хиггинса. Он говорил, что в журналистике концовка является концовкой лишь на текущий момент, а в реальной жизни жирная точка ставится только в некрологе.

Посвящается Стюарту О'Нэну

Пьяные фейерверки

Вот история-анекдот, слишком хорошая, чтобы не поделиться ею, и я многие годы рассказываю ее, появляясь на публике. Покупками у нас заведует моя жена (по ее словам, иначе в доме не нашлось бы и картофелины), но в самых крайних случаях она отправляет по магазинам меня. Так однажды я оказался в местном супермаркете, чтобы приобрести батарейки и сковороду с антипригарным покрытием. И когда я шел проходу с хозяйственными товарами, уже взяв самое необходимое (сдобные булочки с корицей и картофельные чипсы), в дальнем конце появилась женщина в коляске с электромотором. Типичная для Флориды «перелетная птица» лет восьмидесяти, с идеально уложенными волосами, загорелая до черноты. Она посмотрела на меня, отвернулась, посмотрела снова.

— Я вас знаю, — сказала она. — Вы Стивен Кинг. Пишете ужастики. Все правильно, некоторым они нравятся, но не мне. Я люблю истории, поднимающие дух, вроде «Побега из Шоушенка».

— Эту историю тоже написал я, — ответил я.

— Нет, не вы, — возразила она и продолжила свой путь.

Дело вот в чем: вы пишете ужастики и чем-то напоминаете девушку, живущую в трейлере на окраине города; вас знают. Меня это устраивает, потому что есть чем платить по счетам, и я по-прежнему получаю удовольствие от работы. Как говорится, можете называть меня кем угодно. Я не особо интересуюсь такими понятиями, как жанр. Да, я люблю

ужастики. Но я также люблю детективы, триллеры, морские приключения, реалистичные романы, поэзию... и это лишь малая часть списка. Еще я люблю читать и писать истории, которые кажутся мне забавными, и это никого не должно удивлять, потому что юмор и ужас — сиамские близнецы.

Недавно я слышал, как один мужчина рассказывал о состязании фейерверков на одном из озер штата Мэн, и его слова запали мне в память. И пожалуйста, не воспринимайте эту историю как «местный колорит». Этот литературный прием — не мое.

Показания мистера Олдена Маккосленда
Полицейское управление округа Касл
Показания записал начальник полиции Эндрю Клаттербак
в присутствии патрульной Арделл Бенуа, произведшей
арест
11:15—13:20.
5 июля 2015 г.

Да, можно сказать, что после смерти отца мы с мамой частенько выпивали и слонялись вокруг нашего загородного домика. Закон это не запрещает, правда? Если только ты не садишься за руль, а мы никогда не садились. Хотя могли позволить себе автомобиль, потому что уже стали, если так можно выразиться, богатыми бездельниками. Кто бы мог подумать, ведь отец всю жизнь проработал плотником. Называл себя «опытным плотником», а мама всегда добавляла: «На цент плотничаем, на доллар поддаем». Шутка у нее была такая.

Мама работала в «Цветах Ройса» на Касл-стрит, но полный рабочий день — только в ноябре и декабре. Она считалась большим специалистом по рождественским венкам, да и по похоронным тоже. Сама сделала венок для папы. С желтой лентой и надписью «КАК МЫ ЛЮБИЛИ ТЕБЯ». Есть в этом что-то библейское, правда? Люди плакали, когда видели венок, даже те, кому отец задолжал.

Закончив среднюю школу, я пошел работать в «Гараж Сонни»: балансировал колеса, менял масло, ремонтировал шины. В те далекие времена даже заправлял автомобили бензином, но, разумеется, теперь все это люди делают сами. Я также продавал травку, готов в этом признаться. Не занимался этим уже много лет, так что, думаю, вам не удастся меня в этом обвинить, но в восьмидесятых этот бизнес приносил неплохую прибыль, особенно в наших краях. И в кармане у меня всегда хватало монет, если я отправлялся куда-нибудь пятничным или субботним вечером. Женское общество мне нравилось, но я держался подальше от алтаря, во всяком случае, до сих пор. Если говорить о честолюбии, мечты у меня две: увидеть Большой каньон и до самой смерти оставаться холостяком. Так гораздо меньше проблем. Кроме того, мне надо было приглядывать за мамой. Сами знаете, лучшая подруга парня — его...*

Я доберусь до сути, Арделл, но если ты этого хочешь, придется позволить мне изложить все так, как я считаю нужным. Если кто и не должен мешать мне рассказывать, так это ты. Когда мы учились в школе, ты трещала без умолку. словно твой язык крепился посередине, а оба конца работали как заведенные. Миссис Фитч обычно так говорила. Помнишь ее? В четвертом классе. Та еще была штучка! Помнишь, как ты прилепила жвачку к мыску ее туфли? Ха-ха!

Так о чем я? Ах да, загородный домик, правильно? На озере Абенаки.

Ничего особенного, три комнаты, клочок пляжа и старый причал. Папа купил его в девяносто первом — думаю, тогда, — потому что получил хорошие деньги за какую-то работу. На первый взнос их не хватило, но я добавил выручку от моих травяных снадобий, и нужная сумма набралась. Домишко с самого начала был говняный, готов это

* «Лучшая подруга парня — его мать» — отсылка к фильму Альфреда Хичкока «Психо», снятому по одноименному роману Роберта Блоха.

признать. Мама называла его Комариной Дырой, и мы его так и не подновили, оно того не стоило, но папка регулярно выплачивал взносы по закладной. А если не мог, деньги вносили мы с мамой. Она бурчала из-за того, что приходилось отдавать вырученные за продажу цветов деньги, но не слишком: место ей понравилось с самого начала, несмотря на комаров, дырявую крышу и все такое. Мы сидели на причале за ланчем и наблюдали за проплывающим мимо миром. Даже тогда она не возражала против упаковки пива или бутылки кофейного бренди, хотя в те дни позволяла себе выпить только по выходным.

К концу столетия мы выплатили за домик все деньги, и почему нет? Он был на городской стороне озера, западной, и вы оба знаете, каково там: мелко, камыши и густой лес. Восточная сторона лучше, там стоят большие дома, принадлежащие «летним людям», и я представляю, как они смотрели на все это убожество на нашей стороне — хибары, лачуги, трейлеры — и говорили себе, что жить, как живут местные, даже без теннисного корта под боком, просто позор. Пусть болтают языками. Что до нас, то мы жили не хуже других. Папа ловил рыбу с причала, мама готовила добычу на дровяной плите, а после две тысячи первого года (или второго) мы провели в дом воду, и нам уже не приходилось глубокой ночью бежать в сортир во двор. Мы никому ни в чем не уступали.

Мы думали, что хорошо бы добыть еще немного денег на ремонт, раз уж домик стал нашим, но как-то не складывалось. Куда подевались деньги, так и осталось для меня тайной, потому что раньше любой желающий мог взять банковскую ссуду, если хотел что-то построить, а папка работал постоянно. Когда он умер от сердечного приступа — прямо на работе, в Харлоу, в две тысячи втором, — мы с мамой думали, что остались на мели. «Мы прорвемся, — сказала она, — и если он тратил деньги на шлюх, я не хочу об этом знать». Но добавила, что нам придется продать домик на Абенаки, если сумеем найти безумца, который его купит.

«Выставим его следующей весной, до того, как появятся мошки. Ты согласен, Олден?»

Я согласился и даже решил подновить дом. Успел залатать крышу и заменить прогнившие доски на причале, но тут мы получили первый подарок судьбы.

Маме позвонили из страховой компании в Портленде, и выяснилось, почему денег не прибавилось даже после того, как домик и прилегавшие к нему два акра земли стали полностью нашими. Отец тратил их не на проститутток, а на взносы по страховке. Может, у него было предчувствие. В мире каждый день случается что-то странное. Вроде дождя из жаб, или двухголового кота, которого я самолично видел на ярмарке округа Касл — потом мне снились кошмары, — или лох-несского чудовища. Как бы то ни было, семьдесят пять тысяч долларов неожиданно свалились на наш счет в «Ки-банке».

Но это был только подарок номер один. Через два года после того судьбоносного телефонного звонка, практически ровно через два года, судьба преподнесла нам подарок номер два. У мамы была привычка раз в неделю, после того как она отоваривалась в «Супермаркете Норми», покупать пятидолларовый лотерейный билет. Она покупала их из года в год и никогда не выигрывала больше двадцати долларов. В тот день две тысячи четвертого года в билете «Больших миллионов Мэна» двадцать семь цифр внизу совпали с двадцатью семью цифрами наверху, и, святой Иисус на велосипеде, мама увидела, что это совпадение стоит двести пятьдесят тысяч долларов. «Я думала, что надую в трусы», — высказалась она. Ее фотку поместили в витрине «Супермаркета». Возможно, вы помните, она провисела там два месяца.

Ровно четверть миллиона! После выплаты всех налогов осталось сто двадцать тысяч, но все-таки. Мы инвестировали их в «Санни ойл»*: мама сказала, что растительное масло отлично подходит для инвестиций, по крайней мере, пока не исчезнет. А уж мы-то точно исчезнем раньше его.

* Популярная в США марка подсолнечного масла.

С этим я не мог не согласиться, и все получилось в лучшем виде. Это были годы подъема на фондовой бирже, поэтому мы смогли бросить работу.

Именно тогда мы и начали крепко выпивать. Конечно, пили и в городском доме, но не слишком много. Вы же знаете, как соседи любят посплетничать. Так что мы взяли за спиртное, лишь обосновавшись в Комариной Дыре. Мама ушла из цветочного магазина в две тысячи девятом, а год спустя я сделал ручкой шинам и глушителям. После этого нам ни к чему стало жить в городе, во всяком случае, до наступления холодов: в домике на озере не было отопления. К две тысячи двенадцатому, когда возникли проблемы с италияшками на противоположном берегу, мы приезжали в мае, за неделю или две до Дня поминовения, и оставались где-то до Дня благодарения.

Мама поправилась — фунтов до ста пятидесяти, — я думаю, прежде всего благодаря кофейному бренди; не зря же его прозвали «толстая жопа в стакане». Но она утверждала, что никогда не тянула на Мисс Мэна, не то что на Мисс Америку. «Я из пухленьких девушек» — вот как она говорила. А док Стоун отвечал, во всяком случае, пока мама ходила к нему, что она станет девушкой в гробу, если не перестанет прикладываться к «Алленсу».

«Ты нарываешься на инфаркт, Холли, — сказал он ей. — Или на цирроз. У тебя уже диабет второго типа, неужели тебе этого мало? Рекомендаций у меня две. Первая — надо бросить пить. Вторая — обратиться к Анонимным алкоголикам».

«Уф! — воскликнула мама, вернувшись домой. — После такой вывочки мне надо выпить. Составишь компанию, Олден?»

Я ответил, что могу пропустить стаканчик, поэтому мы взяли раскладные стулья и поставили у края причала, как частенько делали, после чего надрались по-черному, созерцая заход солнца. Мы жили не хуже других и лучше многих. И потом, все мы от чего-то умрем, так ведь? Врачи склонны это забывать, но мама об этом помнила.

«Этот сукин сын, любитель здорового образа жизни, вероятно, прав, — сказала мама, когда мы, пошатываясь, возвращались в домик — часов в десять вечера, искусанные с ног до головы, несмотря на то что обмазались «ДЭТА». — Но я хотя бы буду знать, что жила, когда придет время уйти. И я не курю, а все знают, что это самая вредная привычка. Так что еще немного я протяну, но как насчет тебя, Олден? Что ты собираешься делать после того, как я умру, а деньги иссякнут?»

«Не знаю, — ответил я, — но я хотел бы увидеть Большой каньон».

Она засмеялась, ткнула меня локтем в ребра. «Вот это по-нашему. С таким отношением к жизни язву ты не проживешь. А теперь давай спать». Мы улеглись. Наутро проснулись часов в десять и с полудня лечили похмелье «Грязными хвостами». В отличие от дока я не слишком волновался из-за мамы. Мне казалось, что от жизни в свое удовольствие умереть нельзя. И так вышло, что она пережила дока Стоуна, которого однажды вечером убил пьяный водитель на Голубином мосту. Ирония судьбы, или трагедия, или просто жизнь. Я не философ, я только порадовался, что док был один, без семьи. Надеюсь, им выплатили страховку.

Ладно, это все предыстория. Теперь переходим к делу.

К Массимо. И к этой гребаной трубе, простите мой французский.

Я называю это гонкой вооружений Четвертого июля, и хотя началась она в две тысячи тринадцатом, все закончилось годом раньше. Коттедж Массимо стоял аккуратно напротив нашего, большущий, белый, с колоннами и лужайкой, сбегаящей к пляжу: чистый белый песок, не в пример нашей гальке. Комнат двенадцать, не меньше. Двадцать, если считать гостевой домик. Они называли свою усадьбу «Лагерь двенадцати сосен», по количеству деревьев, которые росли вокруг коттеджа и прятали его.

Лагерь! Святой Иисус, это был настоящий особняк. И да, с теннисным кортом. А также кортом для бадмин-

тона и площадкой для бросания колец на склоне. Хозяева приезжали в конце июня и оставались до Дня труда, а потом закрывали этот чертов дом. Такая огромная усадьба — и пустует десять месяцев из двенадцати. Я просто не мог в это поверить. А мама могла. Она говорила, что мы — богачи случайные, тогда как Массимо — настоящие.

«Только это грязные деньги, Олден, — добавляла она, — и речь не о четверти акра конопли. Все знают, что у Пола Массимо есть СВЯЗИ». Она всегда так произносила это слово: заглавными буквами.

Вроде бы источником денег служила компания «Массимо констракшн». Я отыскал ее в Сети, и на первый взгляд все было по закону, но они — итальянцы, а «Массимо констракшн» базировалась в Провиденсе, штат Род-Айленд. Вы копы, так что остальное додумаете сами. Как любила говорить мама, сложив два и два, пять не получишь.

Они использовали все комнаты большого белого дома, когда приезжали на лето, в этом я уверен. И в гостевом домике тоже. Мама обычно смотрела на них с нашего берега и поднимала за их здоровье стакан с «Сомбреро» или «Грязным хвостом», говоря при этом, что оптом Массимо дешевле.

Они знали, как хорошо провести время, отдаю им должное. Жарили мясо на свежем воздухе, играли в салки в воде, подростки гоняли на гидроциклах. Гидроциклов у них было не меньше пяти, все такой яркой раскраски, что глаза жгло, если долго на них смотреть. По вечерам Массимо играли в тачбол, и обычно съехавшихся в «Двенадцать сосен» хватало на две полные команды по одиннадцать человек в каждой. А когда сгустившаяся темнота уже не позволяла разглядеть мяч, они пели. И судя по манере их пения, всем этим крикам, зачастую на итальянском, предварительно они явно пропускали по стаканчику, а то и не по одному.

Один из них привозил с собой трубу и дул в нее, аккомпанируя всем песням. От этого дудения даже глаза

начинали слезиться. «Это вам не Диззи Гиллеспи, — говорила мама. — Кто-нибудь должен смазать эту трубу оливковым маслом и засунуть ему в зад. Пусть выпердывает “Боже, благослови Америку”».

Примерно в одиннадцать этот Массимо играл отбой, и вечер заканчивался. Не думаю, что соседи стали бы жаловаться, даже если бы пение и вой продолжались до трех утра. В большинстве своем люди на нашей стороне верили, что хозяин «Двенадцати сосен» — настоящий Тони Сопрано.

Перед Четвертым июля в том году — речь о две тысячи двенадцатом — я заготовил бенгальские огни, две или три коробки петард «Черный кот» и пару «вишневых бомбочек». Купил все это у Папаши Андерсона в его магазине «Веселая блоха», что на дороге в Оксфорд. Никакая это не тайна. Разве что для тупых, но я знаю, что к вам это не относится. Черт, всем известно, что в «Веселой блохе» продавались фейерверки. Но Папаша Андерсон продавал только всякую мелочевку, потому что тогда продажа фейерверков запрещалась законом.

В общем, все эти Массимо болтались на берегу, играли в футбол и теннис, дергали друг друга за трусы, маленькие детки плескались у берега, детки постарше ныряли с плота. Мы с мамой сидели на краю причала на раскладных стульях, всем довольные, наши патриотические припасы лежали рядом. Когда сгустились сумерки, я дал маме бенгальский огонь и зажег, а потом зажег свой от ее. Мы размахивали ими в темноте, и очень скоро малыши на том берегу заметили наши огни и загалдели, требуя свои. Двое подростков Массимо раздали бенгальские огни малышам, зажгли, и те принялись ими махать. Их огни были длиннее наших и горели дольше, а кроме того, их явно чем-то обработали, и они переливались разными цветами, тогда как наши были желтовато-белыми.

Тут этот итальяшка дунул в свою трубу — *вах-вах*, — как бы говоря: «Вот как должны выглядеть настоящие бенгальские огни».

«Ну и ладно, — сказала мама. — Пусть их бенгальские огни больше, но давай запустим несколько петард и посмотрим, как им это понравится».

Мы зажигали петарды одну за другой и подкидывали, а они ярко вспыхивали и горели, пока не падали в воду. Малышня в «Двенадцати соснах» все это просекла и подняла крик. Поэтому несколько мужчин Массимо ушли в дом и вернулись с большой картонной коробкой, наполненной петардами. И скоро подростки постарше принялись их запускать. Никак не меньше двух сотен, и они взрывались с грохотом пулеметных очередей, начисто заглушая наши петарды.

Вах-вах, вякнула труба, как бы говоря: «Пытайтесь дальше».

«Ладно, дорогуша. — Мама повернулась ко мне. — Дай мне одну из этих «вишенок», что ты припас».

«Дам, — ответил я, — но только будь осторожна, мама. Ты уже выпила, а мне не хочется, чтобы завтра утром ты недосчиталась пальцев».

«Дай мне одну и не умничай. Я не вчера родилась, и мне не нравится звук этой трубы. Готова спорить, у них такой нет, потому что Папаша не продает фейерверки приезжим. Смотрит на номерной знак и говорит, что товар закончился».

Я дал ей «вишневую бомбочку» и шелкнул зажигалкой. Фитиль вспыхнул, и мама высоко подбросила «вишенку». Та взорвалась с такой яркой вспышкой, что глазам стало больно, а грохот покатился по всему озеру. Я поджег другую и бросил ее, как Роджер Клеменс. *Бабах!*

«Вот, — удовлетворенно хмыкнула мама. — Теперь они знают, кто в доме хозяин».

Но тут Пол Массимо и два его старших сына вышли на самый край пристани. У одного из сыновей, крупного симпатичного парня в свитере для регби, на ремне висела эта чертова труба. В каком-то подобии кобуры. Они помахали нам, а потом Пол протянул что-то каждому из парней. После чего поджег фитили. Они подбросили эти

штуковины над озером и... Святой Боже! Нас буквально оглушило! Два взрыва, как от динамита, и ослепительные вспышки.

«Это не “вишневые бомбочки”, — сказал я. — Это “Эм-восемьдесят”».

«Где они их взяли? — спросила мама. — Папаша такие не продает».

Мы переглянулись, и можно было ничего не говорить: в Род-Айленде. В Род-Айленде, вероятно, можно достать что угодно. По крайней мере если твоя фамилия — Мас-симо.

Отец протянул сыновьям еще по одной и поджег их. Потом поджег свою. Три взрыва, достаточно громкие, чтобы распугать всю рыбу в Абенаки от южного конца до северного, в этом я не сомневался. Потом Пол помахал нам, а парень с трубой достал ее из кобуры, словно шестизарядный «кольт», и трижды протрубил: *Ва-а-а-ах... Ва-а-а-ах... Ва-а-а-ах.* Как бы говоря: «Весьма сожалеем, голозадые янки. Успеха вам в следующем году».

И мы ничего не могли с этим поделать. Да, у нас осталась еще одна коробка петард «Черный кот», но после этих «М-80» какой от них был прок? На другом берегу толпа итальяшек хлопала и радостно вопила, девушки в бикини плясали. И очень скоро они запели «Боже, благослови Америку».

Мама посмотрела на меня, я — на нее. Она покачала головой, и я покачал головой. Потом она сказала: «До следующего года».

«Да, — поддержал я ее. — До следующего года».

Она подняла стакан — помнится, в тот вечер мы пили «Ведерко удачи», — и я поднял свой. Мы выпили за победу в две тысячи тринадцатом. Так началась гонка вооружений Четвертого июля. Прежде всего, думаю, из-за этой гребаной трубы.

Простите мой французский.

В июне следующего года я пошел к Папаше Андерсону и объяснил ситуацию. Сказал ему, что необходимо

защитить честь всех, кто живет на западном берегу озера.

«Знаешь, Олден, — ответил он, — не знаю, как щепотка сгоревшего пороха связана с честью, но бизнес есть бизнес, и если ты вернешься через неделю, может, я что-то и подберу».

Я вернулся. Он пригласил меня в кабинет и поставил на стол коробку. На коробке были китайские иероглифы. «Такое я обычно не продаю, но мы с твоей мамой ходили в начальную школу, где она помогала мне с грамматикой и таблицей умножения. Я добыл тебе штуку, которая называется «Эм-сто двадцать», и по громкости она уступает только динамитным шашкам. И есть еще дюжина таких». Он достал цилиндр, насаженный на красную палку.

«Выглядит как бутылочная ракета, — отметил я, — только больше».

«Ага, считай это люксовой моделью. Называются они «Китайские пионы». Взлетают в два раза выше обычных фейерверков, а потом рассыпаются красными, пурпурными и желтыми звездами. Их ставят в бутылку из-под колы или пива, как обычную бутылочную ракету, но лучше отойти подальше, потому что, взлетая, они искрят. И держи под рукой полотенце, чтобы тушить кусты».

«Что ж, круто, — кивнул я. — После такого им будет не до трубы».

«Я продам тебе всю коробку за тридцать баксов, — продолжил Папаша. — Знаю, что дорого, но я добавил «Черных котов» и «рассыпушек». Можно приладить их к дощечкам и поджечь, а потом пустить по воде. Будет очень красиво».

«Можешь не продолжать. Попроси ты в два раза больше, я бы счел, что это дешево».

«Олден, — покачал головой Папаша, — никогда не говори так человеку моей профессии».

Я принес коробку в наш загородный домик, и мама так оживилась, что захотела опробовать и «М-120», и «Китайские пионы». Обычно я с ней не спорю — себе доро-

же, — но тут решительно воспротивился. «Если дать этим Массимо даже половину шанса увидеть, что у нас есть, они притащат что-нибудь получше».

Она обдумала мои слова и поцеловала меня в щеку со словами: «Знаешь, Олден, для парня, который с трудом окончил школу, ты отлично соображаешь».

И вот наступило знаменательное Четвертое июля две тысячи тринадцатого года. Весь клан Массимо — человек двадцать пять, а то и больше — как обычно собрался в «Двенадцати соснах», а мы с мамой уселись на раскладных стульях на краю причала. Коробка с боеприпасами стояла между нами, вместе с большим кувшином, наполненным «Отверткой».

Очень скоро Пол Массимо подошел к краю причала со своей коробкой, размерами побольше нашей, но меня это не волновало. Знаете, важен не размер собаки в драке, а размер драки в собаке. Его сопровождали два взрослых сына. Они помахали нам, мы — им. Сумерки сгустились, и мы с мамой начали с петард «Черный кот». Только зажигали их не по одной, а сразу пачкой. Маленькие дети на том берегу делали то же самое, а когда им это надоело, зажгли большие бенгальские огни и принялись ими размахивать. Сын с трубой пару раз дунул в нее, разогреваясь.

Малышня услышала его и высыпала на причал «Двенадцати сосен». Пол и двое старших сыновей раздали каждому по большому серому шару, в которых я узнал «М-80». Звук над озером разносится действительно хорошо, особенно когда нет ветра, и я услышал, как Пол предупреждал маленьких об осторожности и показывал, как бросать шары в озеро. Потом Массимо запалил фитили.

Трое бросили фейерверки высоко, по широкой дуге, как им и говорили, но младший пацан лет семи замахнулся, как Нолан-гребанный-Райан... и уронил «М-80» себе между ног. Шар запрыгал и оторвал бы малышу нос, если бы Пол рывком не оттащил паренька назад. Женщины закричали, но Массимо и его старшие корчились от хо-

хота. Очевидно, они выпили уже не один бокал. Скорее всего, вина, любимого напитка итальяшек.

«Ладно, — решила мама, — завязываем с этой ерундой. Давай покажем им, прежде чем этот высокий начнет дуть в свою чертову трубу».

Я достал пару «М-120», черных, совсем как бомбы в старых мультфильмах. Злодеи взрывали ими железнодорожные пути, и золотые рудники, и многое другое.

«Только осторожнее, мама, — предупредил я. — Если зазеваешься, лишишься не только пальцев».

«Обо мне не волнуйся, — ответила она. — Давай покажем этим макаронникам».

Я поджег фитили, мы бросили фейерверки, и... *БАБАХ!* Один за другим. Достаточно сильно, чтобы стекла задребезжали до самого Уотерфорда. Мистер Трубач застыл, так и не поднеся трубу к губам. Некоторые малыши заплакали. Все женщины выбежали на пляж, чтобы посмотреть, что происходит, не террористы ли это.

«Мы их сделали!» — воскликнула мама и отсалютовала стаканом мистеру Трубачу, который стоял, держа трубу в одной руке и засунув большой палец себе в зад. Не вправду, а в фигуральном смысле.

Пол Массимо и два его сына подошли к краю причала, сбились в кучку, словно бейсболисты, когда все базы заняты. Потом вместе направились к дому. Я подумал, что все закончилось, а мама в этом не сомневалась. Поэтому мы принялись зажигать наши «рассыпушки», чтобы отпраздновать победу. Я нарезал квадраты пенопласта из упаковки, которую нашел где-то в чулане, мы крепили к ним «рассыпушки» и спускали на воду. К тому времени сумерки обрели темно-лиловый цвет, как бывает перед наступлением полной темноты, невероятно красивый, в небе мерцала первая звезда, а скоро должны были выплыть остальные. Уже не день, еще не ночь, самое красивое время суток, вот что я думаю по этому поводу. И «рассыпушки» — они были просто прекрасны, плыли,

рассыпая зеленые и красные искры, таяли, как свечи, и их свет отражался от воды.

Вновь стало тихо, так тихо, что до нас долетал грохот шоу фейерверков, полыхавшего над Бриджтоном, да еще лягушки заквакали вдоль всего берега. Они подумали, что шум и свет отправились на покой. Но сильно в этом ошиблись, потому что Пол и его сыновья вернулись на причал и посмотрели на нас. Пол держал в руке что-то большое, размером с мяч для софтбола, и его взрослый сын — тот, что не трубил, а это, по моему мнению, однозначно указывало, кто из них умнее — зажег фитиль. Массимо не медлил, тут же швырнул этот шар высоко в воздух, и прежде чем я успел сказать маме, что надо заткнуть уши, он взорвался. Святой Иисус, вспышка растеклась по всему небу, а грохот был как от артиллерийского снаряда. Теперь на берег высыпали не только женщины и девушки Массимо, но буквально все, кто находился на озере. И хотя половина наверняка надула в штаны от этого гребаного грохота, они аплодировали! Можете себе представить?

Мы с мамой переглянулись, зная, что за этим последует, и, естественно, наши ожидания оправдались. Капитан Трубач поднял свою чертову трубу и дунул во всю силу легких: *Ва-а-а-а-ах!*

Массимо смеялись и аплодировали, вместе со всеми остальными на обоих берегах. Как же это было унижительно. Вы ведь понимаете, правда? Энди? Арделл? Заезжие итальяшки с Род-Айленда грохотнули громче нашего. Я ничего не имею против тарелки спагетти время от времени, но каждый день? Ну уж нет!

«Ладно. — Мама расправила плечи. — Громкостью они взяли, но у нас есть «Китайские пионы». Давай поглядим, как они им понравятся». Но по ее лицу я видел: она чувствовала, что они могут нас превзойти и в этом.

Я расставил на краю причала с десятков банок из-под пива и газировки, в каждую установил по «Пиону». Старшие Массимо наблюдали за нами с другого берега, потом

тот, что не играл на трубе, побежал в дом за свежей амуницией.

Тем временем я аккуратно подносил зажигалку к фитилям, и «Китайские пионы» один за другим взмывали в небо, как и полагалось. Они были очень красивыми, но быстро гасли. Всех цветов радуги, как и обещал Папаша. Слышались восторженные охи и ахи — даже со стороны Массимо, отдаю им должное, — а потом молодой парень вернулся еще с одной коробкой.

Как выяснилось, в ней были фейерверки, ничем не отличавшиеся от наших «Китайских пионов», только побольше. К каждому прилагалась картонная пусковая платформа. Мы это видели, потому что к тому времени на причале Массимо зажглись фонари, формой напоминавшие факелы, но электрические. Пол поджигал эти ракеты, и они поднимались высоко-высоко, прежде чем рассыпаться множеством искр, которые образовывали шар в два раза больше наших «пионов». Вниз искры сыпались с треском автоматных очередей. Аплодисменты стали громче, и, конечно, нам с мамой пришлось присоединиться, иначе все решили бы, что мы не умеем проигрывать. А труба дудела: *Ва-а-а-а-ах, ва-а-а-а-ах, ва-а-а-а-ах!*

Позже, когда мы выпустили все фейерверки, мама металась по кухне в ночной рубашке и шлепанцах, и у нее из ушей разве что пар не валил. «Где они это берут? — спросила она. Естественно, вопрос был ретротический, поэтому я даже не успел ответить. — У своих друзей-бандитов в Род-Айленде, вот где. Потому что у него есть СВЯЗИ. И он из тех людей, что должны выигрывать во всем. Это видно с первого взгляда!»

Совсем как ты, мама, подумал я, но промолчал. Иногда молчание — действительно золото, особенно если твоя мать основательно заправилась кофейным бренди и зла как черт.

«И я ненавижу эту долбаную трубу. Ненавижу!»

В этом я с ней был полностью согласен, о чем и не преминул сказать.

Она схватила меня за руку, выплеснув часть содержимого стакана мне на рубашку. «В следующем году! — воскликнула она. — В следующем году мы им покажем, кто в доме хозяин! Обещай мне, Олден, что в четырнадцатом мы заткнем эту трубу!»

Я пообещал постараться — это все, что я мог. За Полом Массимо стоял Род-Айленд, а на что приходилось рассчитывать мне? На Папашу Андерсона, владельца дешевого придорожного магазинчика.

Однако на следующий день я пошел к нему и рассказал, что случилось. Он слушал внимательно и из вежливости сдерживал смех, хотя пару раз губы у него дрогнули. Согласен, все это казалось забавным — по крайней мере, до вчерашнего вечера, — но какое тут веселье, когда тебе в затылок дышит Холли Маккосленд.

«Да, я вижу, как твоя мама злится, — кивнул Папаша. — Она всегда бесилась, если кто-то пытался сделать что-то лучше ее. Но ради бога, Олден, это всего лишь фейерверки. Она это поймет, когда протрезвеет».

«Я так не думаю, — ответил я, умолчав, что трезвой мама теперь не бывала никогда: пила, пока не засыпала, чтобы, проснувшись, опохмелиться, а потом снова пить до беспамятства. Да я и сам был не намного лучше. — Причина скорее не в фейерверках, а в трубе. Если бы она смогла заткнуть эту чертову трубу Четвертого июля, думаю, остальное ее бы устроило».

«Знаешь, я тебе помочь не смогу, — сказал Папаша. — Мощных фейерверков продается предостаточно, но я привозить их сюда не буду. Во-первых, не хочу потерять лицензию розничного торговца. Во-вторых, не хочу, чтобы кто-то получил травму. Запускать фейерверки пьяным — прямой путь к беде. Но если ты настроен решительно, езжай в Индиан-Айленд и поговори там с одним парнем. Здоровенным пенобскотом по имени Говард Гамаш. Самый большой чертов индеец в Мэне, если не во всем мире. На щеках у него вытатуированы перья, а ездит он на «харлее-дэвидсоне». И у него есть, так сказать, связи».

Есть связи! Именно такой нам и требовался. Я поблагодарил Папашу, записал в своей записной книжке имя «Говард Гамаш» и в апреле следующего года поехал в округ Пенобскот, положив пятьсот долларов в бардачок пикапа.

Я нашел мистера Гамаша в баре отеля «Харвест» в Олдтауне. Папаша не ошибся, назвав его здоровяком: рост шесть футов восемь дюймов, вес, как я прикинул, фунтов триста пятьдесят. Он выслушал мою скорбную песнь и после того, как я купил ему графин «Бада», который он опустошил менее чем за десять минут, сказал: «Что ж, мистер Маккосленд, давайте доедем до моего вигвама, а там обсудим все в деталях».

Ездил он на «харлее-софтейле», большом мотоцикле с мощным двигателем, но когда оседлал его, мотоцикл словно сжался, стал совсем маленьким, вроде тех, на которых клоуны кружат по цирковой арене. Ягодицы Гамаша свешивались буквально до кофров. Вигвам оказался уютным небольшим двухэтажным домиком, с бассейном во дворе для детишек, которых индеец настрогал немало.

Нет, Арделл, мотоцикл и бассейн *не* имеют значения для истории, но если ты хочешь ее услышать, придется подстраиваться под меня. Домик мне понравился. В подвале даже был домашний кинотеатр. Господи, мне захотелось жить в таком же.

Фейерверки хранились в гараже под брезентом, аккуратно уложенные в деревянные ящики, и от некоторых боеприпасов захватывало дух. «Если тебя с ними поймают, — предупредил он, — ты никогда не слышал о Говарде Гамаше. Это понятно?»

Я ответил, что само собой, и поскольку парень оказался мне достаточно честным — во всяком случае, нормальным, — я спросил, что можно купить на пятьсот долларов. В итоге я приобрел в основном батарейные фейерверки с несколькими ракетами и одним фитилем. Поджигаешь его и получаешь ракетный залп. Три «Огненных обезьяны», две «Декларации независимости», одну «Психоделию», которая разбрасывала снопы искр, напо-

минавшие цветы, и еще один, супер-пупер, до которого я доберусь чуть позже.

«Думаете, такими мне удастся заткнуть трубу этих итальяшек?» — спросил я Гамаша.

«Не сомневайся, — ответил индеец. — Только я предпочитаю, чтобы меня называли коренным американцем, а не краснокожим или Томагавком Томом, а потому терпеть не могу пренебрежительные прозвища вроде итальяшек, болотных жителей, тюрбанников* и латиносов. Все они — американцы, как ты и я, и не нужно смотреть на них свысока».

«Я вас понял, — кивнул я, — и учту это на будущее, но эти Массимо меня бесят, и если я вас обидел, считайте, что это тот самый случай, когда не стерпел бы и святой».

«Объяснение принимается, и мне понятно твое эмоциональное состояние. Но позволь дать совет, бледнолицый: по пути домой не превышай скорость, если не хочешь, чтобы тебя остановили со всем этим дерьмом в кузове».

Увидев мои приобретения, мама победно вскинула руки над головой, а потом налила нам по стакану «Ржавого колпака», чтобы это дело отметить. «После такого фейерверка они просрутся десятицентовиками! Может, даже серебряными долларами! Вот увидишь!»

Только получилось все не так. Догадываюсь, вы уже в курсе.

Пришло Четвертое июля прошлого года, и на озере Абенаки было полно людей. Прошел слух, что янки Мак-косленды будут бороться с итальяшками Массимо за победу в гонке вооружений. На нашей стороне собралось человек шестьсот. На их — не так много, но все равно предостаточно, гораздо больше, чем обычно. Небось все Массимо к востоку от Миссисипи съехались на шоу четырнадцатого года. На этот раз мы обошлись без такой мелочевки, как петарды или «вишневые бомбочки». Про-

* Болотные жители и тюрбанники — пренебрежительное прозвище соответственно ирландцев и мусульман.

сто дожидались глубоких сумерек, чтобы сразу предъявить козыри. Мы с мамой принесли коробки с фейерверками на край причала, и Массимо поступили так же. По восточному берегу рассыпались маленькие Массимо, размахивавшие бенгальскими огнями; они напоминали звезды, упавшие на землю. Иногда я думаю, что бенгальских огней вполне хватило бы, и сегодня сожалею, что мы не остановились на них.

Пол Массимо помахал нам, мы ответили тем же. Идиот с трубой выдул долгое *ва-а-а-а-ах!* Пол нацелил палец на меня, как бы говоря: начинай первым, любезный, — и я запустил «Огненную обезьяну». Она вспыхнула в небе под всеобщее *а-а-ах*. Потом один из сыновей Массимо запустил что-то похожее, только более яркое и горевшее чуть дольше. Толпа выдала *о-о-о-ох*, а потом загудела эта гребаная труба.

«Хрен с этой говнишкой-мартышкой, — фыркнула мама. — Запускай «Декларацию независимости». Им мало не покажется».

Я запустил, и фейерверк определенно стоил заплаченных за него денег, но эти чертовы Массимо и тут превзошли нас. Что бы мы ни запускали, они все равно брали верх, всякий раз их фейерверки были ярче и громче, а этот говнюк дул в трубу. Как же это бесило нас с мамой! Тут взбесился бы и папа римский. Зеваки в тот вечер получили потрясающее шоу фейерверков, вероятно, ничуть не хуже, чем в Портленде, и я уверен, что по домам они разошлись счастливыми, но на причале Комариной Дыры радость отсутствовала, это я могу вам сказать точно. Мама обычно становится веселее, когда выпьет, но не в тот вечер. Уже полностью стемнело, высыпали звезды, и ветерок тащил над озером пороховую дымку. У нас остался один, самый мощный фейерверк.

«Поджигай, — приказала мама, — и посмотрим, смогут ли они его перебить. Такое, конечно, возможно. Но если он еще раз дунет в свою долбаную трубу, у меня лопнет голова».

Наш последний фейерверк — тот самый супер-пу-пер — назывался «Дух ярости», и Говард Гамаш клялся, что это нечто. «Что-то фантастическое, — заверил он меня, — и абсолютно нелегальное. Запалив фитиль, сразу отходите, мистер Маккосленд. Будет настоящий фонтан».

Чертов фитиль был толщиной с запястье. Я поджег его и сразу отошел. Он догорел, несколько секунд ничего не происходило, и я уже подумал, что мне подсунули туфту.

«Вот задница, — изрекла мама, — теперь он точно дунет в свою поганую трубу».

Но прежде чем он успел дунуть, «Дух ярости» ожил. Сначала это был фонтан белых искр, потом он вырос, и искры окрасились в нежно-розовый цвет. «Дух» принялся выстреливать ракеты, взрывавшиеся яркими шарами. К тому времени высота фонтана на краю нашего причала достигла двенадцати футов, а искры стали ярко-красными. Все новые ракеты взлетали в небо и взрывались так громко, что создавалось ощущение, будто эскадрилья самолетов пробивает звуковой барьер прямо над нами. Мама зажала уши, но залилась смехом. Фонтан начал опадать, затем выплюнул последнюю порцию искр — как старик в публичном доме, сказала мама, — и в небе расцвел потрясающий красно-желтый цветок.

Повисла тишина — восхищенная, — а потом все зааплодировали как безумные. Некоторые зрители, приехавшие на кемперах, задудели клаксонами, но после всех этих взрывов получилось пискляво. Массимо тоже хлопали, показывая, что они истинные болельщики, и это произвело на меня впечатление: редкое качество для тех, кто привык всегда выигрывать. Трубоч даже не притронулся к своей чертовой трубе.

«Мы это сделали! — крикнула мама. — Олден, поцелуй свою мамулю!»

Я поцеловал, потом посмотрел на другой берег и увидел, что Пол Массимо стоит на краю причала, освещенный электрическими факелами. Он поднял палец, как бы го-

воря: «Жди и наблюдай». И у меня сразу засосало под ложечкой.

Сын без трубы — которого я зачислил в умные — поставил на доски пусковую площадку, медленно и благоговейно, как алтарный служка — чашу Святого причастия. А на пусковой площадке возвышалась самая большая гребаная ракета, какую я когда-либо видел, если не брать в расчет телерепортажи с мыса Канаверал. Пол опустился на колено и поднес зажигалку к фитилю. Как только полетели искры, схватил обоих сыновей, и они побежали к другому концу причала.

В отличие от «Духа ярости», паузы не было. Ракета взлетела, словно «Аполлон-19», поднимаясь на столбе синего огня, который стал пурпурным, потом красным. А секундой позже звезды затмила гигантская огненная птица, накрывшая озеро от берега до берега. Полыхая, она взорвалась. И будь я проклят, если из взрыва не вылетели маленькие птички и не устремились во все стороны.

Толпа обезумела. Взрослые сыновья Пола обнимали отца, колотили по спине и смеялись.

«Пошли в дом, Олден, — сказала мама, и такой печали в ее голосе я не слышал со дня смерти отца. — Мы проиграли».

«Сделаем их в следующем году», — пообещал я, хлопав ее по плечу.

«Нет, — покачала она головой, — эти Массимо всегда будут на шаг впереди. Потому что они — люди со СВЯ-ЗЯМИ. А мы — всего лишь бедняки, которым пару раз улыбнулась удача, и, я думаю, на большее рассчитывать нам не приходится».

Когда мы поднимались на крыльцо нашего маленького домика, от большого белого дома на другом берегу донесся трубный глас: *Va-a-a-a-ax!* Как же у меня разболелась голова.

Говард Гамаш сказал мне, что последний фейерверк назывался «Петух судьбы». Он видел этот фейерверк на ютьюбе, но люди на видео всегда говорили на китайском.

«Как Массимо провез этот фейерверк в страну — для меня загадка», — сказал Говард. Дело было месяцем позже, ближе к концу лета, когда я наконец набрался духу и поехал к двухэтажному вигваму в Индиан-Айленде, чтобы рассказать здоровяку о случившемся: как мы долго держались, но в итоге вновь потерпели жестокое поражение.

«Для меня это не загадка, — ответил я. — Вероятно, его прислали китайские друзья, вместе с очередной партией опиума. В качестве подарка. Мол, спасибо, что сотрудничаете с нами. У вас есть что-нибудь круче этого? У мамы жуткая депрессия, мистер Гамаш. Она не хочет участвовать в состязании в следующем году, но я подумал, если есть что-то такое... чего уже ничем не переплюнешь... я готов заплатить тысячу долларов. Ради того, чтобы в следующем году Четвертого июля увидеть улыбку мамы».

Говард сидел на заднем крыльце, его колени возвышались над ушами, как две горы, господи, не человек, а великан. Он думал, размышлял, прикидывал. Наконец сказал: «До меня доходили слухи».

«Какие слухи?»

«Есть нечто особенное под названием «Близкие контакты четвертой степени». Мне рассказывал парень, к которому я обычно обращаюсь за пиротехникой. Его настоящее имя — Сверкающая Тропа, но все зовут его Джонни Паркером. Он из племени кайюга, живет неподалеку от Олбани, штат Нью-Йорк. Я могу дать тебе его имейл, но он не ответит, пока не получит от меня письма, в котором я скажу, что с тобой можно иметь дело».

«Так вы мне его дадите?» — спросил я.

«Конечно, — ответил он, — но за это придется заплатить, бледнолицый. Пятьдесят баксов».

Деньги перешли из моей маленькой руки в его ручищу, он отправил электронное письмо Джонни «Сверкающей Тропе» Паркеру, и когда я, вернувшись на озеро, послал свое письмо, он сразу ответил. Но говорить о «БК-4» согласился только при личной встрече, заявив, что правительство, как известно, читает все имейлы коренных аме-

риканцев. С этим я спорить не стал: не сомневаюсь, что эти говнюки читают письма всех и каждого. Поэтому мы договорились о встрече, и в самом начале октября я на нее отправился.

Естественно, мама захотела узнать, по каким делам мне понадобилось ехать в северную часть штата Нью-Йорк, и я не стал что-то выдумывать, потому что она видела меня насквозь с тех времен, когда я ходил в коротких штанишках. Выслушав ответ, мама покачала головой. «Поезжай, если тебе того хочется. Но знаешь, они все равно придумают что-то получше, и в результате нам опять придется слушать, как этот итальянский козел дует в свою трубу».

«Возможно, — не стал спорить я, — но мистер Сверкающая Тропа говорит, что его фейерверк положит конец всем прочим фейерверкам».

И, как сами видите, это оказалась чистая правда.

Дорога была прекрасная, а мистер Джонни «Сверкающая Тропа» Паркер был отличным парнем. Его вигвам находился в Грин-Айленде, где дома почти не уступали размерами коттеджу Массимо. Жена Джонни приготовила потрясающую энчиладу. Я съел три штуки с острым зеленым соусом, и на обратном пути у меня прихватило живот, но к истории это прямого отношения не имеет. Я и так вижу, что Арделл теряет терпение. Могу только поблагодарить Господа за влажные салфетки.

«Бэ-ка-четыре» — это особый заказ, — объяснил Джонни. — Китайцы изготавливают только три или четыре штуки в год, во Внешней Монголии или в каком-то другом месте, где снег лежит девять месяцев в году, а младенцы растут вместе с волчатами. Подобные взрывчатые штуки обычно доставляют в Торонто. Полагаю, я могу заказать одну и лично привезти из Канады, хотя вам придется оплатить мне бензин и время. А если меня поймут, то, вероятно, дадут пожизненное в “Ливенворте” как террористу».

«Господи, я вовсе не хочу навлекать на вас такие неприятности», — встревожился я.

«Ладно, может, я чуть сгустил краски, — усмехнулся он, — но “Бэ-ка-четыре” — потрясающий фейерверк. Такого никогда не было. Я не смогу отдать вам деньги, если ваш дружан на той стороне озера его переплюнет, но готов отдать полученную в этой сделке прибыль. Вот как я уверен в “Бэ-ка-четыре”».

«А кроме того, — вставила Синди «Сверкающая Тропа» Паркер, — Джонни любит приключения. Возьмите еще энчиладу, мистер Маккосленд».

Я отказался, и, наверное, это меня спасло, иначе мои внутренности взорвались бы где-то в Вермонте. На какое-то время я и думать об этом забыл, но сразу после Нового года позвонил Джонни.

«Если вас все еще интересует та штукавина, о которой мы говорили прошлой осенью, она у меня есть, но цена — две тысячи долларов».

У меня перехватило дыхание.

«Дороговато».

«Не буду спорить, но взгляните на ситуацию вот с какой стороны: вы, белые, получили Манхэттен за двадцать четыре доллара, и с тех пор мы ищем способ отплатить вам за это. — Он рассмеялся, потом сказал: — А теперь серьезно. Если вы отказываетесь, ничего страшного. Может, я договорюсь с вашим дружаном с другого берега».

«Даже не вздумайте!» — ответил я.

Он снова рассмеялся. «Должен сказать, это нечто. За долгие годы я продал много фейерверков, но никогда не видел ничего подобного».

«Но что это? — спросил я. — На что похоже?»

«Это надо увидеть своими глазами, — ответил он. — Я не собираюсь отправлять вам фотографию через Интернет. А кроме того, на вид в этой штуке нет ничего особенного, пока не... запустишь ее. Если приедете, я покажу видео».

«Я приеду», — пообещал я и через три дня приехал, трезвый, чисто выбритый и причесанный.

А теперь слушайте меня, вы двое. Я не собираюсь оправдываться за то, что сделал... и маму, пожалуйста,

в это не втягивайте. Именно я купил эту хреновину, я привел ее в действие, но скажу вам вот что: «БК-4» на видео, показанном мне Джонни, и тот фейерверк, что я запустил прошлым вечером, — разные вещи. На видео он был гораздо меньше. Я даже отметил размер коробки, когда мы с Джонни грузили ее в кузов моего пикапа: «Наверное, упаковки они не пожалели».

«Конечно, — ответил Джонни, — они же не хотели, чтобы товар повредили при перевозке».

Он тоже ничего не знал. Синди «Сверкающая Тропа» Паркер спросила, не хочу ли я открыть коробку, чтобы убедиться, что все на месте, но крышку приколотили на совесть, а мне хотелось вернуться домой до наступления темноты, потому что зрение у меня уже не такое, как прежде. Однако я пришел сюда с тем, чтобы выговориться начистоту, а потому должен признаться, что солгал. Вечера я коротал с бутылкой и не хотел терять ни секунды. Вот это правда. Я знаю, что это плохо, и знаю, что с этим надо что-то делать. Наверное, если я получу срок, у меня появится шанс, правда?

Наутро мы с мамой вскрыли ящик и посмотрели на то, что я привез. Дело было в нашем городском доме, потому что стоял январь, холодный, как сиська ведьмы. Упаковки в ящике хватало, это точно — какие-то смятые китайские газеты, — но ее было гораздо меньше, чем я ожидал. Размером «БК-4» был не меньше семи футов и напоминал посылку, завернутую в коричневую бумагу, только промасленную и такую тяжелую, что она больше напоминала брезент. Снизу торчал фитиль.

«Думаешь, взлетит?» — спросила мама.

«Если и нет, то что такого?»

«Мы потеряем две тысячи баксов, — ответила мама, — но это будет не самое худшее. Самым худшим будет другое: если он поднимется на два-три фута, а потом рухнет в воду. После чего этот юный итальяшка, который похож на Бена Аффлекта, дунет в свою трубу».

Мы убрали фейерверк в гараж, где он и лежал до Дня поминовения, когда мы перевезли его на озеро. В тот год я фейерверки не покупал, ни у Папаши Андерсона, ни у Говарда Гамаша. Мы поставили все на одну лошадь. Или пан, то бишь «БК-4», или пропал.

Ладно, перехожу к прошлому вечеру. Четвертому июля две тысячи пятнадцатого года. Такого никогда не случилось на озере Абенаки — и, надеюсь, больше никогда не случится. Мы знали, что лето выдалось чертовски засушливым, разумеется, знали, но никаких мыслей по этому поводу у нас не было. Да и с чего? Мы ведь запускали фейерверки над водой, верно? Что могло быть безопаснее?

Все Массимо собрались и развлекались в свое удовольствие: под громкую музыку играли в свои игры, что-то готовили на пяти грилях, плавали около своего пляжа, ныряли с плота. На обоих берегах собрался народ. Я даже видел людей на болотистых оконечностях озера с севера и юга. Они пришли, чтобы поглядеть на гонку вооружений Четвертого июля. «Итальяшки» против «Янки».

Сгустились сумерки, и наконец в небе появилась первая звезда, после чего на ближнем к нам конце причала Массимо вспыхнули электрические факелы, словно две фары. В их свет вышел Пол Массимо, сопровождаемый двумя взрослыми сыновьями, и оделись они так, словно собрались на танцы в модный загородный клуб! Отец — во фраке, сыновья — в белых смокингах с красными цветками в петлицах, а у Бена Аффликта низко на бедре висела труба, точно револьвер.

Я огляделся и увидел, что народу еще прибавилось. На нашем берегу собралось не меньше тысячи. Они пришли в ожидании шоу, и эти Массимо оделись так, будто собирались это шоу им представить. Мама же сидела в обычном домашнем платье, а я — в старых джинсах и футболке с надписью «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В ТО МЕСТО, ОТКУДА ВОНЯЕТ, И ВСТРЕТИМСЯ В МИЛЛИНОКЕТЕ».

«Нет коробок, Олден, — заметила мама. — С чего бы?»

Я покачал головой, потому что не знал. Наш единственный фейерверк уже лежал на краю причала, прикрытый старым стеганым одеялом. Мы принесли его с самого утра.

Массимо протянул руку, как всегда вежливый, предлагая нам начать. Я покачал головой и тоже протянул руку, как бы отвечая: нет, на этот раз только после вас, монсье. Он пожал плечами и крутанул рукой в воздухе, как иной раз делает бейсбольный судья, фиксируя хоумран. А четыремью секундами позже ночь наполнилась снопами искр, и над озером начали взрываться фейерверки: вспыхивали звезды, распускались цветы, били фонтаны, всего не перечеистишь.

Мама ахнула.

«Грязная свинья! Он нанял команду пиротехников! *Профессионалов!*»

И да, именно это он и сделал. Потратил десять или пятнадцать тысяч баксов на двадцатиминутное небесное шоу, с «Двойным экскалибуром» и «Волчьей стаей» ближе к концу. Толпа бесновалась, все орали, визжали, жали на клаксоны. Бен Аффликт с такой силой дул в трубу, что оставалось только удивляться, как обошлось без кровоизлияния в мозг, но расслышать его было нельзя из-за грохота в небе, раскрашенном во все цвета радуги. Ну и светло было как днем. Клубы дыма поднимались над пусковыми установками, которые команда пиротехников разместила вдоль дальнего берега, но до нас ничего не долетало. Потому что ветер дул в сторону «Двенадцати сосен». Вы можете сказать, что мне следовало обратить на это внимание, но я не обратил. И мама не обратила. И остальные тоже. Мы были слишком потрясены. Видите ли, Массимо подавал нам четкий сигнал: «Все кончено. О следующем годе даже не задумывайтесь, голозадые янки».

Последовала пауза, и я уже подумал, что все закончилось, когда вспыхнул двойной гейзер искр, а в небе возник большой пылающий корабль. С парусами и все такое. Я слышал об этом фейерверке от Говарда Гамаша. Назы-

вался он «Прекрасная джонка». Это такая китайская лодка. Когда корабль догорел, а толпа на обоих берегах чуть успокоилась, Массимо отдал своим пиротехникам последнюю команду, и над озером вспыхнул американский флаг. Он пылал красно-бело-синим, а из динамиков гремела «Америка прекрасна».

Наконец флаг догорел, оставив только оранжевые искорки. Массимо по-прежнему стоял у края причала. Вновь протянул к нам руку, улыбаясь, как бы говоря: «Давайте, выстреливайте ваш куриный помет, Маккосленды, и закончим с этим. Раз и навсегда».

Я посмотрел на маму. Она — на меня. Затем она выплеснула в воду то, что оставалось в стакане (в тот вечер мы пили «Лунную тряску») и сказала: «Давай. Может, это детский лепет, но мы заплатили за эту хрень, так почему бы ее не запустить?»

Я помню, какая стояла тишина. Лягушки еще не возобновили свой концерт, бедные гагары улеглись спать, может, на эту ночь, а может — до конца лета. У кромки воды еще оставались люди, чтобы посмотреть, что есть у нас, но большинство уже направлялись в город, как болельщики, когда их команда проигрывает без всяких шансов переломить ход игры. Я видел цепочку огней, растянувшуюся по всей Лейк-роуд, которая вливается в шоссе 119, и Битч-роуд, что в конце концов выходит к Ти-Ар-90 и Черстерс-Милл.

Я подумал, что надо устроить шоу, раз уж мы решили не сдаваться без боя. Если запуск провалится, оставшиеся могут смеяться сколько влезет. Я даже был согласен услышать эту чертову трубу, зная, что в следующем году мне ее слушать не придется, потому что для меня состязания закончились. И на лице мамы отражались те же самые мысли. Даже ее груди «повесили голову», возможно, потому, что в тот вечер она не надела бюстгальтер. Сказала, что он сильно давит.

Я дернул стеганое одеяло, как заправский фокусник, и открыл для всеобщего обозрения квадратную хренови-

ну, вместе с тяжелой вошеной бумагой и коротким толстым фитилем. Хреновину, купленную за две тысячи долларов — вероятно, в два раза дешевле, чем Массимо обошлась «Прекрасная джонка».

Я указал на наш фейерверк, потом на небо. Трое разодетых Массимо на краю причала рассмеялись, а трубач проделал: *Ва-а-а-а-ах!*

Я запалил фитиль, и от него полетели искры. Я схватил маму и оттащил назад, на случай если эта хреновина взорвется на пусковой площадке. Торчащая часть фитиля догорела, и огонь исчез. Гребаная коробка продолжала стоять. Массимо с трубой уже поднес ее к губам, но прежде чем успел дунуть, огонь вырвался из-под коробки, и она начала подниматься, сначала медленно, потом все быстрее, по мере того как загоралось все больше ракет — думаю, это были ракеты.

Выше и выше. Десять футов, двадцать, сорок. Я различал квадратную тень, закрывавшую звезды. На высоте пятидесяти футов, когда все задрали головы, хреновина взорвалась, точно так же, как на видеоролике с ютьюба, который показывал мне Джонни «Сверкающая Тропа» Паркер. Мы с мамой радостно заорали. Все радостно заорали. Только на лицах Массимо отражалось недоумение и, возможно — мне с нашего берега было плохо видно, — легкое пренебрежение. Словно они думали: подумаешь, взорвавшаяся коробка.

Только «БК-4» показал еще не все, что хотел. Когда глаза попривыкли, люди ахнули от изумления. Бумага разворачивалась и горела всеми цветами, какие доводилось видеть человеку, а некоторых мы не видели никогда. Хреновина превращалась в чертову летающую тарелку. Она росла и росла, словно Господь Бог раскрывал небесный зонтик, а когда Он его раскрыл, во все стороны полетели разноцветные шары. Каждый, взрываясь, отправлял в свободный полет новые, отчего летающая тарелка словно плыла по радуге. Я знаю, вы двое смотрели видео, снятое на мобильник. Вероятно, все, у кого был телефон, снима-

ли эту красоту, и записи эти, без сомнения, станут уликами на суде, но говорю вам, в полной мере оценить зрелище могли только те, кому посчастливилось увидеть его собственными глазами.

Мама схватила меня за руку.

«Это прекрасно, но я не думала, что фейерверк будет таким большим. Твой индейский друг говорил про восемь футов, верно?»

Верно, однако хреновина уже расплзлась футов на *двадцать* и продолжала расширяться, когда выбросила дюжину маленьких парашютов, которые удерживали ее в воздухе, в то время как она все выстреливала яркие фонтаны искр и взрывающиеся огненные шары. Возможно, наш фейерверк уступал шоу Массимо в целом, но «Прекрасную джонку» точно переплюнул. И, разумеется, зрители видели его последним. А именно последнее запоминается лучше всего.

Мама заметила, как Массимо смотрят на небо. Они стояли с отвисшими челюстями, напоминавшими сорванные с петель двери, и выглядели полными идиотами. Тут мама пустилась в пляс. Бен Аффликт, похоже, напроць забыл про трубу, которую держал в руке.

«Мы их сделали! — крикнула мама, потрясая кулаками. — Наконец-то сделали, Олден! Посмотри на них! Они знают, что проиграли, а это стоит *каждого гребаного потраченного цента*».

Она хотела, чтобы я поплясал с ней, но я кое-что заметил, и мне это определенно не понравилось: ветер толкал летающую тарелку на восток, через озеро. К «Двенадцати соснам».

Пол Массимо тоже это заметил и ткнул в меня пальцем, словно говоря: «Ты эту хрень запустил, ты и сажай, пока она еще над водой».

Только я, разумеется, не мог ее посадить, а тем временем эта чертова махина все раздувалась, выстреливая ракеты, грохоча взрывами, выплевывая фонтаны искр. Потом —

я понятия не имел, что такое случится, потому что Джонни «Сверкающая Тропа» показывал мне немое видео — заиграла музыка. Пять нот, снова и снова: *ду-ди-ду-дам-ди*. Те самые, что издавал космический корабль в «Ближних контактах третьей степени». И под эти звуки, *тудли-дун* и *тудли-дин*, чертову летающую тарелку охватил огонь. Я не знаю, случайность ли это или так и планировалось с самого начала. Парашюты, удерживавшие ее в воздухе, тоже загорелись, и она начала падать. Сначала я думал, что она рухнет прежде, чем окажется над сушей, может, на плот Массимо, и это был бы не самый худший вариант. Да только налетел особо сильный порыв ветра, словно Матери-Природе надоели эти Массимо. А может, старушку достала гребаная труба.

Вы знаете, откуда взялось название их усадьбы, и сосны эти почти засохли. Две высились по бокам длинного переднего крыльца, и на них рухнул наш «БК-4». Деревья мгновенно вспыхнули и превратились в факелы вроде тех, что стояли на краю причала Массимо, только побольше. Сначала занялись иголки, потом ветки, потом стволы. Массимо разбегались в разные стороны, словно муравьи из потревоженного муравейника. Горящая ветка упала на крышу крыльца, и очень скоро та запылала. И все это время не смолкала музыка: *ду-ди-ду-дам-ди*.

Космический корабль развалился на две части. Одна упала на лужайку, не причинив особого вреда, зато вторая — на крышу особняка, выстреливая последние ракеты. Одна влетела в окно верхнего этажа и по пути подожгла занавески.

Мама повернулась ко мне и сказала: «Выглядит паршиво».

«Да, — согласился я. — Весьма паршиво».

«Наверное, тебе лучше вызвать пожарную машину, Олден, — предложила она. — Пожалуй, даже две или три, иначе лес на той стороне озера выгорит до границы округа Касл».

Я уже повернулся, чтобы бежать в дом за телефоном, когда она схватила меня за руку. И ее губы изгибались в улыбке.

«Прежде чем уйдешь, взгляни на это».

Она указала на другой берег. К тому времени пылал весь дом, и я без труда разглядел предмет, привлечший ее внимание. Причал уже полностью опустел, но одна вещь на нем осталась: чертова труба.

«Скажи им, что это моя идея, — попросила мама. — Я сяду в тюрьму, но мне плевать. Зато мы заткнули эту долбаную железяку».

Слушай, Арделл, могу я выпить воды? В горле сухо, как в пустыне Сахара.

Патрульная Бенуа принесла Олдену стакан воды. Она и Энди Клаттербак смотрели, как он пьет — долговязый мужчина с редкими седеющими волосами, в чиносах и полосатой футболке. Лицо Олдена осунулось от недосыпа и несварения желудка, вызванного шестидесятиградусной «Лунной тряской».

— По крайней мере, никто не пострадал, — заключил Олден. — Я рад. И мы не сожгли лес. Это тоже меня радует.

— Вам повезло, что ветер стих, — заметил Энди.

— И что пожарные из всех трех городов были наготове, — добавила Арделл. — Конечно, Четвертого июля для них это обычное дело, потому что какие-нибудь дураки обязательно запускают пьяные фейерверки.

— Виноват только я, — повторил Олден. — Я просто хочу, чтобы вы это поняли. Я купил эту чертову хреновину, я ее поджег. Мама не имеет к этому никакого отношения. — Он помолчал. — Я надеюсь, Массимо это тоже понимает и не тронет маму. Сами знаете, у него есть СВЯЗИ.

— Эта семья проводит лето на озере Абенаки уже лет двадцать, если не больше, — сказал Энди. — И насколько мне известно, Пол Массимо — законопослушный бизнесмен.

— Ага, — кивнул Олден. — Совсем как Аль Капоне.

Патрульный Эллис постучал в стекло комнаты для допросов, указал на Энди, поднес руку к уху, показывая, что тому звонят. Энди вздохнул и вышел.

Арделл Бенуа смотрела на Олдена.

— Мне случалось сталкиваться с различными причудами, особенно после того как я пошла в полицию, но эта бьет все рекорды.

— Знаю. — Олден понурился. — И не оправдываюсь. — Тут он просиял. — Но шоу получилось отличное. Люди никогда его не забудут.

Арделл пренебрежительно фыркнула. Где-то вдалеке взвыла сирена.

Наконец Энди вернулся и сел. Поначалу молчал, глядя в никуда.

— Насчет мамы? — спросил Олден.

— Нет, это *она* звонила. Хотела поговорить с тобой, а когда я сказал, что ты занят, попросила тебе кое-что передать. Она звонила из ресторана «Лакис», где только что отлично позавтракала. Ее пригласил ваш сосед с того берега. По словам твоей мамы, он был в том самом фраке.

— Он ей угрожал? — воскликнул Олден. — Этот сукин сын...

— Сядь, Олден. Расслабься.

Олден медленно опустился на стул, по-прежнему сжимая кулаки. Эти большие кулаки вполне могли причинить вред, если хорошенько разозлить их обладателя.

— Холли также просила передать, что Массимо не будет выдвигать никаких обвинений. Он сказал, что две семьи втянулись в глупое состязание, а потому виноваты обе стороны. Твоя мать говорит, что мистер Массимо готов забыть прошлое.

Кадык Олдена ходил вверх-вниз, напомнив Арделл игрушку из далекого детства, «обезьянку на палке».

Энди наклонился вперед. Он вымученно улыбался, как бывает, когда человек не хочет улыбаться, но ничего не может с собой поделать.

— Она также передает, что мистер Массимо сожалеет о случившемся с остальными вашими фейерверками.

— *С остальными?* Я же сказал вам, что в этом году мы не покупали ничего, кроме...

— Молчи, когда я говорю. Я не хочу забыть оставшуюся часть послания. — Олден замолчал. С улицы донесся вой второй сирены, потом третьей. — Которые лежали на кухне. *Тех* фейерверков. Твоя мама сказала, что не следовало класть их так близко к дровяной плите. Ты ведь помнишь, как их туда положил?

— Э...

— Я очень прошу тебя вспомнить, Олден, потому что у меня есть огромное желание опустить занавес этого говняного представления.

— Пожалуй... Вроде бы да, — ответил Олден.

— Я даже не буду спрашивать, почему тебе захотелось растопить плиту жаркой июльской ночью. Проработав тридцать лет в полиции, я знаю, что у пьяниц свои причуды. Ты согласен со мной?

— Ну... ага, — признал Олден. — Пьяницы непредсказуемы. И эта «Лунная тряска» бьет в голову.

— Вот почему ваш домик на озере Абенаки сейчас горит ярким пламенем.

— Святой Иисус на костылях.

— Не думаю, что следует винить в этом пожаре сына Божьего, Олден, на костылях или без оных. Дом застрахован?

— Господи, да, — кивнул Олден. — Страховка — хорошая идея. Я в этом убедился после смерти папы.

— Массимо тоже застрахован. Твоя мать просила передать тебе это. Она сказала, что за яичницей с беконом они вместе пришли к выводу, что так будет по-честному. Ты с этим согласен?

— Ну... его дом был куда больше нашего.

— Вероятно, он и застрахован совсем на другую сумму. — Энди встал. — Полагаю, какое-то слушание состоится, но сейчас ты свободен.

Олден поблагодарил копов и ушел, пока они не передумали.

Энди и Арделл некоторое время сидели в комнате для допросов, глядя друг на друга.

— А где была миссис Маккосленд, когда вспыхнул пожар? — спросила наконец Арделл.

— Здесь, в участке, пока Массимо не увел ее, чтобы угостить лобстером «Бенедикт» и картофелем по-домашнему в «Лакис», — ответил Энди. — Ждала, чтобы узнать, отправят ли ее мальчика в суд или в окружную тюрьму. Надеялась, что в суд, чтобы внести за него залог. Эллис говорит, что когда они уходили, Массимо обнимал ее за талию. Задача не из простых, учитывая ее нынешние габариты.

— И кто, как ты думаешь, поджег домик Маккослендов?

— Точно мы не узнаем, но я бы сказал, что парни Массимо, до рассвета. Положили оставшиеся фейерверки рядом с плитой или на нее, а потом набили плиту растопкой и подожгли. Если подумать, настоящая бомба с часовым механизмом.

— Черт, — выругался Арделл.

— В итоге мы имеем пьяниц с фейерверками, что плохо, и руку, которая моет другую руку, что хорошо.

Арделл обдумала его слова, потом сложила губы в трубочку и насвистела пять нот из «Ближних контактов третьей степени». Попыталась повторить, но начала смеяться.

— Неплохо, — кивнул Энди. — А на трубе сможешь?

С мыслями о Маршалле Додже

Летний гром

Для завершения сборника как нельзя лучше подходит рассказ о конце света. Я посвятил этой теме как минимум одну толстенную книгу, «Противостояние», но здесь фокус сжимается до булавоочной головки. О самом рассказе сказать особенно нечего, кроме того, что я все время держал в голове мой любимый «харлей-софтейл» 1986 года выпуска, который теперь стоит в гараже без дела и, возможно, там и останется: реакция уже не та, чтобы гонять на мотоцикле под шестьдесят пять миль в час. Это опасно и для меня, и для окружающих. Как я любил свой мотоцикл! Закончив «Бессонницу», я проехал на нем от Мэна до Калифорнии и на всю жизнь запомнил вечер где-то в Канзасе, когда на западе садилось солнце, а на востоке всходила луна, огромная оранжевая луна. Я остановился и просто смотрел, смотрел и думал, что это лучший закат в моей жизни. Возможно, так оно и было.

И кстати, «Летний гром» был написан в месте, очень похожем на то, где мы встречаем Робинсона, его соседа и бродячего пса по имени Гэндалф.

Пока с Гэндальфом все было нормально, Робинсону тоже было нормально. Нормально не в смысле «все хорошо», а в смысле «жить можно». Он до сих пор просыпался посреди ночи, и нередко в слезах, вырываясь из снов — таких ярких! — в которых Диана с Эллен были живы, но когда он брал Гэндальфа с одеяла в углу и укладывал к себе на кровать, обычно ему удавалось заснуть снова. Самому Гэндальфу было вообще все равно, где спать, и если Робинсон клал его рядом с собой, Гэндальф нисколько не противился. Ему было тепло, сухо и безопасно. Его спасли и приютили. И больше его ничто не волновало.

Теперь, когда рядом был кто-то — живая душа, нуждавшаяся в заботе, — стало как-то полегче. Робинсон съездил в универмаг в пяти милях от дома по шоссе номер 19 (Гэндальф сидел на переднем сиденье, уши торчком, глаза горят) и набрал упаковок собачьего корма. Магазин был заброшен и, конечно, разграблен, но никто не польстился на «Эуканубу». После шестого июня людям стало не до домашних питомцев. Так рассудил Робинсон.

Больше они никуда не выезжали. Оставались в доме у озера. Еды было много: и в кладовой рядом с кухней, и в погребе. Робинсон часто шутил насчет запасливости Дианы, мол, она прямо готовится к апокалипсису, но в конечном итоге шутки обернулись против него самого. Против них обоих на самом деле, потому что Диана уж точно не предполагала, что, когда грянет апокалипсис,

она окажется в Бостоне, куда она поехала вместе с дочерью узнавать насчет поступления в колледж Эмерсон. Запасов еды было столько, что ему одному хватит до конца жизни. Робинсон в этом не сомневался. Тимлин сказал, что все они обречены.

Если так, то обреченность была красивой. Погода стояла чудесная, солнечная и теплая. Раньше в летние месяцы озеро Покамтак гудело от рева моторных лодок и аквабайков (старожилы ворчали, что они губят рыбу), но этим летом на озере было тихо, если не принимать в расчет крики гагар... но и тех с каждым днем становилось все меньше и меньше, и их крики звучали все реже и реже. Сперва Робинсон думал, что это всего лишь игра его воображения, пораженного горем точно так же, как и все остальные детали его мыслительного аппарата, но Тимлин уверил его, что ему это не чудится. Все так и есть.

— Разве ты не заметил, что в лесу почти не осталось птиц? Гаички не щебечут по утрам, вороны не каркают в полдень. К сентябрю и гагар не останется. Вымрут, как те идиоты, которые все это сотворили. Рыбы продержатся чуть дольше, но в конечном итоге и они тоже погибнут. Как олени, кролики и бурундуки.

С этим, конечно же, не поспоришь. Робинсон видел у озера почти дюжину мертвых оленей и еще нескольких — у шоссе номер 19, когда они с Гэндальфом ездили в магазин, где раньше у входа висела реклама — ВЕРМОНТСКИЙ СЫР И СИРОП! ПОКУПАЕМ ЗДЕСЬ! — теперь же она валялась надписью вниз на пустующей автозаправке, где уже давно нет бензина. Но самый большой мор животных случился в лесу. Когда ветер дул с востока, в сторону озера, а не прочь от него, вонь стояла неимоверная. Теплая погода только усугубляла положение, и Робинсон однажды высказался в том смысле, что ядерной зимы что-то не видать.

— Еще придет, не беспокойся, — сказал Тимлин, сидя в своем кресле-качалке и глядя на пятнистый закат в кронах деревьев. — Земля еще поглощает удар. К тому же из последних известий мы знаем, что Южное полушарие —

не говоря уж о большей части Азии — затянута сплошной облачностью, и, возможно, уже навсегда. Наслаждайся безоблачным небом и солнцем, Питер. Радуйся, пока есть возможность.

Как будто его сейчас могло что-то радовать. Они с Дианой собирались поехать в Англию — их первый долгий совместный отпуск после свадебного путешествия, — когда Эллен поступит в университет.

Эллен, подумал он. Его дочь, которая только-только пришла в себя после разрыва с ее первым настоящим бойфрендом и снова начала улыбаться.

В это прекрасное постапокалиптическое лето Робинсон каждый день прикреплял поводок к ошейнику Гэндалфа (он понятия не имел, как звали пса до шестого июня; тот явился к нему в ошейнике, на котором висел только жетон о прививке, сделанной в штате Массачусетс), и они шли на прогулку: две мили до весьма недешевого пансионата, где сейчас остался один-единственный обитатель, Говард Тимлин.

Диана однажды назвала эту дорогу раем для ландшафтных фотографов. Большая ее часть проходила по обрывистому берегу озера, за которым, милях в сорока, виднелся Нью-Йорк. Там был один очень крутой поворот, рядом с которым даже поставили знак: **ВОДИТЕЛЬ, СЛЕДИ ЗА ДОРОГОЙ!** Разумеется, дети, приезжавшие сюда на лето, окрестили его Поворотом мертвеца.

«Лесные просторы» — до конца света это был частный и весьма недешевый пансионат — располагались примерно в миле от поворота. В главном здании, отделанном диким камнем, когда-то работал ресторан с потрясающим видом из окон, пятизвездочным шеф-поваром и «пивным буфетом», укомплектованным тысячей сортами пива. («Большинство из них пить невозможно, — сказал Тимлин. — Уж поверь мне на слово».) Вокруг главного корпуса, на отдельных лесистых участках, располагалось две дюжины живописных «коттеджей»; некоторыми из них

владели крупные корпорации — до того как шестое июня положило конец любым корпорациям. В начале лета большинство коттеджей пустовало, и в безумные дни, что последовали за шестым июня, те немногие отдыхающие, что успели приехать в «Лесные просторы», сбежали в Канаду, где, по слухам, не было радиации. (Тогда еще оставался бензин, и можно было сбежать.)

Владельцы «Лесных просторов», Джордж и Эллен Бенсон, остались. Остался и Тимлин, который был разведен и бездетен, то есть оплакивать ему было некого, и он хорошо понимал, что истории о Канаде — наверняка небывлицы. Потом, в начале июля, Бенсоны приняли снотворное и улеглись в постель под Бетховена, который звучал на проигрывателе, работавшем от батареек. Тимлин остался один.

— Все, что ты видишь, — мое, — сказал он Робинсону, сделав широкий жест рукой. — И когда-нибудь станет твоим, сынок.

Во время этих ежедневных прогулок в «Лесные просторы» Робинсону становилось чуть-чуть полегче, его горе и ощущение полной растерянности слегка унимались; яркий солнечный свет зачаровывал. Гэндальф обнюхивал каждый куст и пытался пометить их все. Он храбро лаял, когда из леса доносились какие-то звуки, правда, при этом старался держаться поближе к Робинсону. Поводок нужен был исключительно из-за мертвых белок и бурундуков. Гэндальф не пытался их метить, он пытался их съесть.

Дорога, ведущая к «Лесным просторам», была ответвлением проселочной дороги, где стоял дом Робинсона и где он теперь жил один. Когда-то дорогу к пансионату закрывали ворота, охраняющие проход от любопытствующих зевак и нищелюбцев вроде него самого, но сейчас ворота уже не запирались. Около полумили дорога вилась по лесу, где косою тусклый свет, проникавший сквозь кроны деревьев, казался почти таким же древним, как вековые сосны и ели, потом она огибала четыре теннисных корта и поле для гольфа и заворачи-

вала за конюшню, где лошади теперь лежали мертвыми в своих стойлах. Коттедж Тимлина располагался на дальней — по отношению к главному зданию — оконечности территории. Скромный домишко с четырьмя спальнями, четырьмя ванными, джакузи и собственной сауной.

— Зачем тебе четыре спальни, если ты живешь один? — однажды спросил Робинсон.

— Мне самому столько не надо, — ответил Тимлин. — И никогда не было надо. Но здесь все коттеджи на четыре спальни. Кроме «Наперстянки», «Тысячелистника» и «Лаванды». Там спален пять. А у «Лаванды» еще и дорожка для боулинга. Со всеми удобствами. Но когда я ездил сюда ребенком, с родителями, у нас туалет был на улице. Честное слово.

Когда приходили Робинсон с Гэндальфом, Тимлин обычно сидел в кресле-качалке на широкой открытой веранде своего коттеджа под названием «Вероника», читал книгу или слушал музыку на айпаде. Робинсон спускал Гэндальфа с поводка, и пес — обычная дворняга без каких-либо узнаваемых признаков породы, не считая явных ушей спаниеля — мчался вверх по ступенькам, чтобы получить причитающуюся ему порцию ласки. Погладив Гэндальфа, Тимлин легонько тянул его за серо-белую шерсть в разных местах и, убедившись, что шерсть сидит крепко и проплешин нет, всегда говорил одно и то же: «Замечательно».

В тот погожий денек в середине августа Гэндальф поднялся на веранду лишь на пару секунд, быстро обнюхал ноги Тимлина и тут же спустился с крыльца и побежал в лес. Тимлин поприветствовал Робинсона, подняв руку ладонью вперед, как индеец из старого фильма. Робинсон ответил тем же.

— Пиво будешь? — спросил Тимлин. — Холодное. Только что вытащил его из озера.

— Сегодня опять что-нибудь вроде «Старого пердуна» или «Зеленого змия»?

— Ни то ни другое. В чулане нашелся ящик «Будвайзера». Король всех пив, как ты, наверное, знаешь. Я его экспроприировал.

— В таком случае с удовольствием выпью.

Тимлин поднялся кряхтя и пошел в дом, с трудом переставляя ноги. Артрит совершил внезапное вероломное нападение на его бедра, объяснил он Робинсону, и, не останавливаясь на достигнутом, решил предъявить права и на лодыжки. Робинсон никогда не спрашивал, сколько Тимлину лет. С виду — лет семьдесят пять. Его худощавое тело давало все основания предположить, что старик в свое время следил за собой и занимался спортом, но сейчас он уже терял форму. Сам Робинсон был в прекрасной физической форме, никогда в жизни он не чувствовал себя лучше, и в этом-то и заключалась злая ирония судьбы, если учесть, что у него не осталось почти ничего, ради чего стоит жить. Тимлину он точно не нужен, хотя тот всегда принимает его радушно. В это странно прекрасное лето он нужен только Гэндальфу. И это нормально, потому что пока достаточно и Гэндальфа.

Просто парень и его пес*, подумал он.

Упомянутый пес явился из леса в середине июня, тощий и грязный, с репьями в шерсти и с глубокой царапиной на морде. Робинсон лежал в гостевой спальне (потому что не мог спать в постели, которую они делили с Дианой), страдая бессонницей из-за своего горя и глубокой депрессии, осознавая, что он медленно, но верно склоняется к тому, чтобы сдаться и покончить с этой жизнью. Еще пару недель назад он назвал бы подобный подход проявлением трусости, но с тех пор он узнал несколько неоспоримых фактов. Боль не проходит. Скорбь не проходит. К тому же жить ему в любом случае осталось недолго. Чтобы это понять, достаточно просто вдохнуть запах животных, разлагающихся в лесу.

* Отсылка к одноименной повести Харлана Эллисона, где речь тоже идет о постапокалиптическом мире.

* * *

Он услышал, как кто-то скребется в дверь, и сначала подумал, что это может быть человек. Или медведь, почувший запах еды, хранившейся в доме. Тогда генератор еще работал и горели садовые фонари, освещавшие двор, и когда Робинсон выглянул в окно, он увидел маленькую серую собачку. Она то скреблась в дверь, то пыталась улечься на крыльце. Когда Робинсон открыл дверь, собачка сперва отшатнулась, прижав уши к голове и поджав хвост.

— Давай заходи, — сказал Робинсон. — И быстрее, а то комаров напустишь.

Он налил в миску воды, и песик принялся жадно лаять. Потом Робинсон открыл банку консервированного рагу с солониной, и приبلуда съел все подчистую. После импровизированной трапезы Робинсон попытался его погладить, надеясь, что пес его не укусит. Пес его не укусил, а облизнул ему руку.

— Будешь Гэндальфом, — сказал Робинсон. — Гэндальфом Серым. — А потом разрыдался. Он пытался сказать себе, что смешон со своими слезами, но он не был смешным. В конце концов, пес — живая душа. Робинсон был уже не один в доме.

— Так что там с твоим мотоциклом? — спросил Тимлин.

Они открыли по второй банке пива. Когда Робинсон допьет эту банку, они с Гэндальфом начнут собираться домой. Путь был неблизкий, как-никак две мили. Робинсон хотел выйти пораньше; с наступлением сумерек начинали зверствовать комары.

Если Тимлин прав, подумал он, то взамен кротких землю унаследуют кровопийцы. При условии, что на земле вообще останется кровь для питья.

— Аккумулятор сдох, — сказал Робинсон. А потом: — Жена взяла с меня слово, что я продам мотоцикл, когда мне исполнится пятьдесят. Она говорила, что после пятидесяти реакция уже не та, чтобы гонять на мотоцикле.

— И когда тебе исполняется пятьдесят?

— На будущий год, — ответил Робинсон. И рассмеялся над этой нелепой мыслью.

— Утром у меня выпал зуб, — сказал Тимлин. — Может быть, в моем возрасте это нормально, но...

— А крови нет, когда ходишь в сортир?

Тимлин — почетный профессор, который вплоть до прошлого года вел семинары по американской истории в Принстонском университете — говорил ему, что это один из первых признаков прогрессирующего радиационного заражения, а уж он-то знал побольше, чем Робинсон. Робинсон же знал только то, что его жена с дочерью были в Бостоне, когда яростные мирные переговоры в Женеве докатились до ядерной вспышки пятого июня, и жена с дочерью все еще были в Бостоне на следующий день, когда мир покончил с собой. Почти все восточное побережье, от Хартфорда до Майами, выгорело дотла.

— Сошлюсь на пятую поправку и промолчу, — сказал Тимлин. — А вот и твой песик вернулся. Кстати, проверь ему лапы, а то он прихрамывает. Кажется, задняя левая.

Они не нашли ни одной занозы в лапах Гэнфальфа, но когда Тимлин легонько потянул его за шерсть на крестце, оттуда вырвался целый клоч. Гэнфальф, похоже, ничего и не почувствовал.

— Нехорошо, — сказал Тимлин.

— Может быть, это чесотка, — сказал Робинсон. — Или стресс. У собак так бывает: шерсть вылезает при стрессе.

— Может быть. — Тимлин смотрел на запад, на дальнюю сторону озера. — Сегодня будет красивый закат. Хотя, конечно, они теперь все красивые. Как в тысяча восемьсот восемьдесят третьем, когда извергся Кракатау. Только сейчас рвануло на десять тысяч Кракатау. — Он наклонился и погладил Гэнфальфа по голове.

— Индия и Пакистан, — сказал Робинсон.

Тимлин выпрямился.

— Ну да. А потом всем остальным тоже пришлось поучаствовать. Даже у чеченцев была парочка бомб, которые они привезли в Москву в багажниках пикапов. Как будто весь мир сознательно позабыл, у скольких стран — и группировок, черт, группировок! — были эти дуры.

— И на что эти дуры способны, — добавил Робинсон. Тимлин кивнул:

— И это тоже. Мы слишком сильно переживали за лимит государственного долга, а наши заокеанские друзья бросали все силы на то, чтобы запретить детские конкурсы красоты и поддержать евро.

— Ты уверен, что в Канаде тоже все заражено?

— Все дело в степени заражения, как мне кажется. В Вермонте почище, чем в окрестностях Нью-Йорка, а в Канаде, возможно, почище, чем в Вермонте. Но скоро дойдет и туда. Плюс к тому большинство из тех, кто сбежал в Канаду, они уже заражены. Заражены смертью, перифразируя Кьеркегора. Хочешь еще пива?

— Да нет, я, пожалуй, пойду. — Робинсон поднялся на ноги. — Айда, Гэндальф. Пора сжечь немного калорий.

— Завтра увидимся?

— Быть может, после обеда. Утром у меня дела.

— Что за дела, можно спросить?

— Надо съездить в Беннингтон, пока у меня в баке еще есть бензин.

Тимлин приподнял брови.

— Хочу посмотреть, нет ли там аккумуляторов для мотоциклов.

Гэндальф самостоятельно доковылял до Поворота мертвеца, хотя с каждой минутой его хромота усиливалась. Когда они добрались до поворота, пес просто уселся на землю, словно готовясь смотреть на кипящий закат, отражавшийся в озере. Закат был ярко-оранжевым, пронизанным артериями темно-красного цвета. Гэндальф скулил и лизал свою левую заднюю лапу. Робинсон сел рядом с ним, но когда первый отряд комаров вызвал

массированное подкрепление, он подхватил Гэндальфа на руки и пошел дальше. Когда они добрались до дома, руки у Робинсона дрожали, а плечи болели. Если бы Гэндальф весил фунтов на десять больше — или хотя бы на пять, — Робинсон вряд ли смог бы его дотащить. Голова тоже разболелась, то ли из-за жары, то ли из-за второй банки пива, то ли подействовали оба фактора.

Трехполосная дорога, спускавшаяся к его дому, тонула в сумраке, и сам дом был темным. Электрогенератор испустил дух еще несколько недель назад. Закат уже догорал, небо стало похоже на тусклый багровый синяк. Робинсон поднялся на крыльцо и положил Гэндальфа на пол, чтобы открыть дверь.

— Давай, малыш, заходи, — сказал он.

Гэндальф попробовал встать, но быстро сдался.

Когда Робинсон наклонился, чтобы снова подхватить его на руки, Гэндальф попробовал еще раз. Он даже сумел переступить через порог, но тут же свалился на бок, тяжело дыша. На стене над ними висело две дюжины фотографий людей, которых любил Робинсон, и все они были, наверное, уже мертвы. Он больше не мог даже набрать номера Дианы и Эллен, чтобы послушать запись их голосов на автоответчике. Его собственный телефон сдох вскоре после электрогенератора, но еще прежде вся мобильная связь отключилась.

Он достал из кладовки бутылку питьевой воды, наполнил миску Гэндальфа и насыпал ему сухого собачьего корма. Гэндальф немного попил, но есть не стал. Когда Робинсон присел на корточки, чтобы погладить пса, шерсть у него на животе вылезала клоками.

Боже, как быстро, подумал Робинсон. Еще утром с ним все было нормально.

Робинсон взял фонарик и пошел в пристройку за домом. На озере закричала гагара — одна-единственная. Мотоцикл был накрыт куском брезента. Робинсон сбросил брезент и провел лучом фонарика вдоль сверкающего

корпуса мотоцикла. «Фэт Боб» 2014 года выпуска, то есть ему уже несколько лет, но пробег был небольшим; те времена, когда Робинсон наезжал по четыре-пять тысяч миль с мая по октябрь, давно миновали. Но «Боб» все равно оставался мотоциклом мечты, пусть даже эти мечты в основном были о том, где он ездил на нем последние пару лет. Воздушное охлаждение. Четырехклапанный движок. Шесть скоростей. Объем почти 1700 кубических сантиметров. А какой звук! Такой звук бывает только у «харлеев». Как летний гром. Когда ты останавливался на светофоре рядом с каким-нибудь «шевроле», его водитель спешил запереть все двери.

Робинсон провел рукой по рулю и уселся в седло, поставив ноги на подножки. В последнее время Диана упорно настаивала, чтобы он продал мотоцикл, и каждый раз, когда он куда-нибудь выезжал, она вновь и вновь напоминала ему, что в Вермонте не зря есть закон о мотоциклетных шлемах, его придумали умные люди... в отличие от идиотов в Нью-Хэмпшире и Мэне, где такого закона нет. Сейчас он мог ездить без шлема, если ему так захочется. Уже не было ни пилящей его Дианы, ни полиции округа, которая вкатила бы ему штраф. Он может ездить на мотоцикле хоть голышом, если ему так захочется.

— Хотя надо будет следить, как бы чем не зацепиться, когда соберешься слезать, — сказал он вслух и рассмеялся. Он вернулся в дом, не накрыв «харлей» брезентом. Гэндальф лежал на подстилке из одеял, которую Робинсон для него соорудил, лежал, уткнувшись носом в переднюю лапу. Он так и не притронулся к корму.

— Ты бы поел, — сказал Робинсон. — Поешь, и тебе полегчает.

Наутро Робинсон обнаружил, что на одеялах под задними лапами Гэндальфа растеклось красное пятно, и хотя пес очень старался подняться, у него ничего не вышло. Когда он свалился во второй раз, Робинсон вынес его во двор. Сначала Гэндальф просто лежал на траве, а потом

все же сумел привстать, чтобы сделать свои дела. Из него хлынула струя жидкого кала пополам с кровью. Гэндальф отполз подальше, словно стыдясь этого безобразия, и скорбно устался на Робинсона.

В этот раз, когда Робинсон взял его на руки, Гэндальф взвизгнул от боли и оскалил зубы, но не укусил. Робинсон отнес его в дом и уложил на подстилку из одеял. Взглянув на свои ладони, он увидел, что они покрыты слоем собачьей шерсти. Он отряхнул их, и шерсть полетела, словно волокна молочая.

— С тобой все будет в порядке, — сказал он Гэндальфу. — Просто расстройство желудка. Наверняка ведь сожрал одного из этих чертовых бурундуков, пока я не видел. Давай лежи, отдыхай. Я уверен, что когда я вернусь, тебе полегчает.

Бензобак «силверато» был заполнен наполовину — более чем достаточно, чтобы съездить в Беннингтон и обратно, в общей сложности шестьдесят миль. Робинсон решил сначала зайти к Тимлину и спросить, не нужно ли ему чего.

Его последний сосед сидел у себя на веранде, в кресле-качалке. Он был бледен, и у него под глазами набухли багровые мешки. Робинсон рассказал Тимлину про Гэндальфа, и тот кивнул.

— Я почти всю ночь не спал, бегал в сортир. Видимо, мы с ним подхватили одну и ту же заразу. — Он улыбнулся, чтобы показать, что это была шутка... хотя совсем не смешная.

Нет, сказал он, в Беннингтоне ему ничего не нужно, но, может быть, Робинсон заглянет к нему на обратном пути.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал он. — Может, оно тебе пригодится.

Дорога до Беннингтона заняла больше времени, чем рассчитывал Робинсон, потому что шоссе было забито

брошенными машинами. На стоянку перед «Царством Харлей-Дэвидсон» он приехал ближе к полудню. Витрины были разбиты, все выставочные модели исчезли, но на складах мотоциклы остались. На них стояли противоугонные устройства с крепкими замками.

Робинсона это не огорчило; ему был нужен только аккумулятор. Он присмотрел подходящий «Фэт Боб», на пару лет поновее его собственного, но аккумулятор был с виду точно таким же. Он достал из багажника набор инструментов и проверил аккумулятор «Импульсом» (подарок от дочери на день рождения двухлетней давности). На тестере загорелся зеленый огонек. Робинсон снял аккумулятор, потом прошел в торговый зал и нашел несколько атласов автомобильных дорог. Выбрав самый подробный, он построил маршрут по проселкам и вернулся на озеро к трем часам дня.

По дороге он видел немало мертвых животных, включая огромного лося, лежавшего рядом с бетонными блоками, что служили ступеньками к чьему-то жилищу прицепа. На заросшей сорняками лужайке перед прицепом стояла табличка с надписью от руки. Всего три слова: СКОРО НА НЕБЕСА.

На крыльце «Вероники» было пусто, но когда Робинсон постучал в дверь, Тимлин крикнул, чтобы он заходил. Старик сидел в гостиной, обставленной в нарочито простецком стиле, и выглядел еще бледнее, чем утром. В одной руке он держал большую льняную салфетку. На ней краснели пятна крови. На журнальном столике перед Тимлином лежали три вещи: огромная книга «Красота Вермонта», шприц, наполненный желтой жидкостью, и револьвер.

— Хорошо, что ты заглянул, — сказал Тимлин. — Я не хотел уходить, не попрощавшись.

Первое, что пришло в голову Робинсону: «Не спеши уходить», — но он понимал всю абсурдность такого ответа, и ему удалось промолчать.

— У меня выпало полдюжины зубов, — сказал Тимлин, — но это не главное достижение. За последние двенадцать часов из меня вышли почти все кишки. Самое жуткое: это почти не больно. Когда я лет двадцать назад страдал геморроем, и то было хуже. Боль еще придет — я много читал, и знаю, как все происходит, — но я не собираюсь ее дожидаться. Ты нашел аккумулятор, который искал?

— Да. — Робинсон тяжело опустился в кресло. — Господи, Говард... Мне так жаль.

— А у тебя самого как самочувствие?

— Вроде нормально. — Хотя это была не совсем правда. У него на руках появилось несколько красных пятен, совсем не похожих на солнечные ожоги, и одно пятно — на груди, над правым соском. Они чесались. И еще... завтрак вроде не лез наружу, но желудок, похоже, был не особенно этому рад.

Тимлин наклонился вперед и постучал пальцем по шприцу.

— Демерол. Я собирался вколоть себе дозу и рассматривать фотографии видов Вермонта, пока не... пока не. Но потом передумал. Револьвер — самое то, я считаю. А ты бери шприц.

— Я еще не готов, — сказал Робинсон.

— Это не для тебя. Гэндальф заслуживает того, чтобы избавить его от страданий.

— Я думаю, может быть, он сожрал дохлого бурундука, — слабо возразил Робинсон.

— Мы оба знаем, что это такое. И даже если бы он сожрал бурундука, эта падаль настолько пропитана радиацией, что с тем же успехом он мог бы сожрать капсулу с кобальтом. Чудо, что он вообще продержался так долго. Будь благодарен за то время, что вы провели вместе. Такой вот маленький дар судьбы. Собственно, это и есть хорошая собака. Маленький дар судьбы.

Тимлин пристально посмотрел на Робинсона.

— Не плачь обо мне. Если будешь плакать, я тоже расплачусь, так что давай-ка без этой хрени. Настоящие мужики не ревут.

Робинсону удалось не расплакаться, хотя, если честно, сейчас он не чувствовал себя настоящим мужиком.

— В холодильнике есть еще упаковка «Будвайзера», — сказал Тимлин. — Не знаю, зачем я поставил его туда, но привычка — вторая натура. Принесешь нам по баночке? Лучше уж теплое пиво, чем вообще никакого; кажется, это сказал Вудро Уилсон. Выпьем за Гэндальфа. И за твой новый аккумулятор. А я пока схожу малость позаседаю. И хорошо, если малость.

Робинсон пошел за пивом. Когда он вернулся в гостиную, Тимлина там не было, и не было еще минут пять. Вернулся он медленно, держась за стену. Штаны он снял и обернул вокруг пояса банное полотенце. Старик опустился в кресло, вскрикнув от боли, но все же взял банку пива, которую ему протянул Робинсон. Они выпили за Гэндальфа. Пиво было теплым, да, но не таким уж и противным. Все-таки это король всех пив.

Тимлин взял револьвер.

— Это будет классическое викторианское самоубийство, — сказал он, вроде бы даже довольный такой перспективой. — Пистолет к виску. Свободной рукой прикрываешь глаза. Прощай, жестокий мир.

— Я сбегу с бродячим цирком, — сказал Робинсон первое, что пришло в голову.

Тимлин от души рассмеялся, показав десны с немногочисленными оставшимися зубами.

— Это было бы мило, но я сомневаюсь. Я тебе не рассказывал, как меня в юности сбил грузовик? Молоковоз, как их называют наши британские кузены.

Робинсон покачал головой.

— Дело было в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом, мы тогда жили в Мичигане. Мне было пятнадцать. И вот я иду по проселочной дороге, направляюсь к шоссе номер

двадцать два, где я надеялся поймать попутку до Траверс-Сити, приехать в город и пойти в кино на двойной сеанс. Я замечтался о том, как у меня будет девушка — такая вся стройная, длинноногая, с высокой грудью, — и сам не заметил, как вышел с обочины на проезжую часть. Молоковоз ехал с горки — водитель гнал как сумасшедший — и сбил меня, что называется, в лоб. Если бы цистерна была полная, я бы, наверное, так и остался лежать на той дороге, но она была пустая и не такая уж тяжелая, так что я выжил, и благополучно дожил до семидесяти пяти лет, и на собственном опыте испытал, что значит засрать весь унитаз, который давно не смывается.

Вряд ли на это существовал адекватный ответ, и Робинсон промолчал.

— Помню, как солнечный свет вспыхнул на лобовом стекле этого молоковоза, когда он проехал вершину холма, а потом... ничего. Думаю, что-то подобное произойдет, когда пуля войдет мне в мозг и отменит все мои мысли и воспоминания. — Он наставительно поднял палец. — Только на этот раз из ничего уже не будет чего-то. Просто яркая вспышка, как солнечный блик на стекле того молоковоза, и все. Мысль, одновременно манящая и до ужаса угнетающая.

— Может, пока повременишь, — сказал Робинсон. — Вдруг ты...

Тимлин вежливо ждал продолжения, приподняв брови. В одной руке — револьвер, в другой — банка с пивом.

— Черт, я не знаю, — сказал Робинсон. А потом, неожиданно для себя самого, выкрикнул в полный голос: — *Что они сделали?! Что они сделали, мудаки?!*

— А то ты не знаешь, что они сделали, — отозвался Тимлин, — и нам теперь с этим жить. Ты любишь этого пса, Питер. Это любовь-замещение — любовь-суррогат, — но мы берем то, что дают, и если у нас есть мозги, мы испытываем благодарность. Так что не сомневайся. Коли его в шею, и коли твердо. Если он будет дергаться, держи за ошейник.

Робинсон поставил банку на стол. Он больше не хотел пива.

— Он был совсем плох, когда я уходил. Может быть, он уже умер сам.

Но Гэндальф не умер.

Когда Робинсон вошел в спальню, пес приподнял голову и дважды ударил хвостом по промокшему одеялу. Робинсон сел рядом, погладил Гэндальфа по голове и подумал о превратностях любви — таких простых на самом деле, когда смотришь на них в упор. Гэндальф положил голову на колено Робинсона и посмотрел на него снизу вверх. Робинсон достал из кармана шприц и снял защитный колпачок с иглы.

— Хороший пес, — сказал он и схватил Гэндальфа за ошейник, как советовал Тимлин. Морально готовясь к тому, что надо сделать, он услышал грохот выстрела. На таком расстоянии звук был едва различимым, но в окружающей тишине это мог быть только выстрел, и ничто иное. Он прокатился над тихим озером, постепенно сходя на нет, попытался отразиться эхом — и не сумел. Гэндальф наострил уши, и в голову Робинсона вдруг пришла одна мысль, совершенно абсурдная, но утешительная. Возможно, Тимлин ошибался насчет *ничто*. Да, вполне может быть. В мире, в котором ты смотришь в небо и видишь звезды, наверное, нет ничего невозможного. Может быть, где-то там они встретятся и пойдут дальше вместе, просто старый учитель истории и его пес.

Гэндальф по-прежнему смотрел на Робинсона, когда тот ставил ему укол. Еще мгновение взгляд Гэндальфа оставался живым и осознанным, и в это бесконечное мгновение, до того как глаза пса потускнели, Робинсон успел сто раз пожалеть о содеянном. Он бы вернул все назад, если бы мог.

Он еще долго сидел на полу, надеясь, что последняя гагара крикнет на озере еще один раз, но все было тихо. Потом он поднялся, сходил в пристройку за домом, нашел

там лопату и вырыл яму в цветнике жены. Незачем было рыть глубоко; никто из лесных зверей не придет, чтобы выкопать Гэндальфа.

На следующее утро Робинсон проснулся с привкусом меди во рту. Когда он поднял голову, ему пришлось оттирать щеку, присохшую к наволочке. Ночью у него шла кровь, из носа и из десен.

День снова выдался теплым и ясным, и хотя лето еще не закончилось, первые краски осени уже начали потихоньку расцветивать листья деревьев. Робинсон выкатил мотоцикл из пристройки и заменил сдохший аккумулятор, работая медленно и обстоятельно в глухой тишине.

Закончив с аккумулятором, он повернул переключатель. Зажегся зеленый индикатор нейтралки, но сразу же замигал. Робинсон повернул переключатель обратно, подтянул клеммы и попробовал снова. На этот раз огонек горел ровно. Он завел двигатель, и грохот летнего грома разорвал тишину. Это казалось почти святотатством, но — как ни странно — в хорошем смысле. Робинсон вовсе не удивился, когда вдруг вспомнил о своей первой и единственной поездке на моторалли, проходившее в Стурджисе каждый август. Это было в 1998-м, за год до того, как он познакомился с Дианой. Робинсон вспомнил, как медленно ехал по Джанкшен-авеню на своей «Хонде GB500», еще один байкер в параде двух тысяч, и общий рев всех этих мотоциклов был таким громким, что казался почти материальным. Вечером в тот же день был большой костер, и бесконечный поток «Allman Brothers», «AC/DC» и «Metallica» лился из многочисленных Стоунхенджей, составленных из усилителей и колонок. Татуированные девчонки, голые по пояс, танцевали в отсветах пламени; бородатые дядьки пили пиво из причудливо раскрашенных шлемов; повсюду бегали дети в татуировках из переводных картинок и размахивали бенгальскими огнями. Это было ужасно и удивительно, мерзко и невероятно прекрасно, одновременно хорошо и плохо — в мире,

который стоял на месте и был идеально сфокусирован. А над головой — триллион звезд.

Робинсон оседлал «Фэт Боба» и крутанул ручку газа. Потом отпустил. Газанул и отпустил. Газанул и отпустил. В воздухе разлился густой запах бензиновых выхлопов. Мир был как корабль, идущий ко дну, но из него хотя бы прогнали тишину, пусть даже только на время. И это было хорошо. Это было отлично. В жопу тебя, тишина, подумал он. В жопу тебя и твою лошадку. Вот он, мой конь — конь из стали, — как тебе это нравится?

Он выжал сцепление и включил ногой первую передачу. Проехал по подъездной дорожке, свернул направо, лихо накренив мотоцикл, и переключился сперва на вторую, потом на третью скорость. Дорога была грязной, местами совершенно разбитой, но мотоцикл легко преодолевал колеи, и Робинсон только мягко подпрыгивал на сиденье. Из носа опять пошла кровь; кровь текла по щекам и улетала назад тягучими длинными каплями. Он миновал первый поворот, затем — второй, накренив мотоцикл еще сильнее, и, когда выехал на короткий прямой участок, переключился на четвертую скорость. «Фэт Боб» нетерпеливо рвался вперед. Слишком уж он застоялся в этой проклятой пристройке, собирая пыль. По правую руку Робинсон краем глаза видел озеро Покамтак: гладкое словно зеркало, солнце выбило на синей воде золотисто-желтую дорожку. Робинсон издал крик и погрозил кулаком небу — или, быть может, Вселенной, — а потом вернул руку на руль. Впереди показался знак «ВОДИТЕЛЬ, СЛЕДИ ЗА ДОРОГОЙ!», обозначающий Поворот мертвеца.

Робинсон направил мотоцикл прямо на знак и выжал газ до упора. Он еще успел врубить пятую скорость.

Посвящается Курту Саттеру и Ричарду Чизмару

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
Лавка дурных снов
Сборник

Ответственный редактор А. Батурина
Редакторы К. Егорова, С. Тихоненко
Компьютерная верстка: П. Рыдалин
Технический редактор Т. Полонская

Подписано в печать 10.03.2016. Формат 84x108 ¹/₃₂
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 30000 экз. Заказ № 2505.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21,
строение 3, комната 5

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

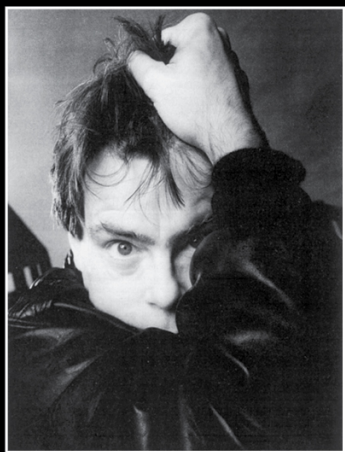
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великодушных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Автор многочисленных романов, Стивен Кинг всегда считался еще и блестящим мастером малой прозы, ведь именно эти произведения принесли ему престижную премию О. Генри.

Новый сборник рассказов Кинга «Лавка дурных снов» — книга уникальная. Мастер впервые предвзвешивает каждое произведение удивительно откровенной историей его создания, приоткрывая «дверь» в свою творческую мастерскую. Захватывающие и пугающие, будоражающие воображение и предостерегающие, эти рассказы — маленькие шедевры, которые мог написать только великий Стивен Кинг. «Я создал их специально для тебя, — обращается писатель к своему читателю. — Можешь смотреть, можешь трогать, но будь осторожен. У самых лучших есть зубы».

www.ast.ru

ISBN: 978-5-17-094184-1

9 785170 941841